ФЕВРАЛЬ. 1896.

Russkoe Bogatstvo

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 25 Января 1896 года.

Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
1.	**Въ мірѣ отверженныхъ.** *Л. Мельшина.* Продолженіе.	5— 31
2.	**Во тьмѣ ночной, въ глубокой тишинѣ.** Стихотвореніе *Allegro*	32
3.	**Борцы.** Романъ *К. С. Баранцевича.* Продолженіе.	33— 72
4.	**Наука-ли статистика?** *А. Фортунатова*	73— 83
5.	**Липушка.** Очеркъ. *В. И. Томашевской*	84— 94
6.	**Молитва.** Стихотвореніе. *П. Я.*	95— 96
7.	**Тэнъ.** *И. И. Иванова.* Продолженіе	97—137
8.	**Радости и горести знаменитой Молль Флендэрсъ.** Даніэля Дефо. Переводъ съ англійскаго. *П. Канчаловскаго.* Продолженіе.	138—178
9.	**Въ облачный день.** Эпизодъ изъ ненаписаннаго романа. *В. Г. Короленко.*	179—209
10.	**Тучки.** Стихотвореніе. *Л. Медвѣдева.*	210
11.	**И. И. Дитятинъ.** Характеристика. *А. Г. Горнфельда.*	1— 18
12	**Новыя книги:** К. М. Станюковичъ. Морскіе силуэты.—Н. А. Лейкинъ. Тщеславіе и жадность. Двѣ повѣсти.—Цвѣтокъ Олеандра. Разсказы К. М. Длусскаго.—Сочиненія Н. А. Добролюбова. Томъ первый.—А. А. Царевскій. С. Я. Надсонъ и его поэзія мысли и печали.—Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра.—Е. А. Бѣловъ. Русская исторія, до реформы Петра Великаго.—П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка.—Ч. Дарвинъ. Происхожденіе видовъ. Переводъ М. Филиппова.—Бинэ, В. Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. — Воображеніе и память. Ф. Кейра.— Новыя книги, поступившія въ редакцію.	18— 43

СТРАН.

13. Писатель-дилетантъ. *М. А. Протопопова* . . . . . 44— 62
14. Изъ Австріи. *Л. В. Василевскаго* . . . . . 62— 85
15. Изъ Германіи. *А. Коврова*. . . . . 86—106
16. Изъ Франціи. *Н. К.* . . . . . 107—132
17. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго*. . . . . 132—163
18. Дневникъ журналиста. *С. Н. Южакова*. . . . . 163—188
19. Сельско-хозяйственный кризисъ и продовольственная нужда въ Псковской губерніи. (Письмо изъ Пскова). *Псковича* . . . . . 188—197
20. Хроника внутренней жизни: I. Тридцатипятилѣтіе 19 февраля 1861 г. *Н. Ѳ. Анненскаго*. II. Метаморфоза «Гражданина».—Нѣкоторыя новыя теченія въ нашей прессѣ. *О. Б. А.* . . . . . 197—221
21. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство». 221
22. Объявленія.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

НАЗВАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.	Цѣна		Съ пересылкой.		Уступка подписч.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ. (*На простой бумагѣ*)	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (*На веленевой бумагѣ*)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. . . .	1	25	1	50	—	50
— Очерки и разсказы. Томъ II	1	—	1	25	—	25
— Гимназисты	1	25	1	50	—	25
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изданіе седьмое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе третье.	1	50	1	75	—	25
— Слѣпой музыкантъ. Изданіе пятое	—	60	—	75	—	10
Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты:* I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щедринъ	1	—	1	25	—	25
— Ш. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. I и II т. .	3	—	3	60	—	60
М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики.	2	20	2	50	—	50
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе разсказы. I и II т.	3	—	3	50	—	90
— Три конца	2	—	2	35	—	35
А. Шабельская. Наброски карандашомъ .	1	50	1	75	—	45
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. . .	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I.	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія .	1	50	1	75	—	35
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и Ученіе Будды.	2	—	2	30	—	50
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	35
Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ	6	80	8	50	1	70

С. Н. Кривенко. На распутьи	1	25	1	50	—	25
Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды	1	25	1	50	—	25
Ю. Безродная. Офорты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	45
Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ.	1	—	1	25	—	25
С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. . .	1	—	1	25	—	25
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ	2	—	2	30	—	30
Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ.	1	50	1	75	—	30
Н. Сѣверовъ. Разсказы, очерки и наброски.	1	50	1	75	—	45
К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ.	1	50	1	75	—	30
— Морскіе силуэты	1	—	1	20	—	20
Дж. Леббокъ. Какъ надо жить.	—	80	1	—	—	20
В. Сѣрошевскій. Якутскіе разсказы. . .	—	75	1	—	—	25
Р. Левенфельдъ Гр. Л. Н. Толстой. *(На простой бумагѣ)*	1	—	1	20	—	20
— *(На веленевой бумагѣ)*.	1	50	1	80	—	30
И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права.	2	50		90	—	40
Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I.	—	60	—	75	—	10
Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи	—	80	1	—	—	15
М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія.	—	75	—	90	—	15
В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства	1	25	1	50	—	25
О. Петерсонъ. Семейство Бронте.	1	—	1	20	—	20
Въ добрый часъ. Сборникъ. *(Въ обложкѣ)*	1	50	1	85	—	35
— *(Въ переплетѣ)*.	1	75	2	10	—	35
Н. В. Шелгуновъ. Очерки русской жизни.	2	—	2	40	—	40

Новыя книги:

Литературно-критическія характеристики

М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой. — Н. В. Шелгуновъ.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Т. Аксаковъ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успенскій.—Ѳ. М. Рѣшетниковъ.—Н. Н. Златовратскій.—Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

ГИМНАЗИСТЫ

Н. Гарина.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

Въ Петербургѣ—Контора журн. «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.
Въ Москвѣ — Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

Обращающіеся въ склады за пересылку не платятъ.

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ I. Жертва старой русской исторіи.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Суздальцы и суздальская критика.—Преступленіе и наказаніе. — Вольтеръ человѣкъ и Вольтеръ мыслитель.—Естественный рядъ вещей. *Цѣна 2 р.*

Томъ II. Литературныя замѣтки 1872 и 1873 гг.—Письмо къ графу Орлову-Давыдову.—Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго.—Графъ Бисмаркъ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. *Цѣна 2 р.*

Томъ III. *(Въ двухъ выпускахъ).* Записки профана. *Цѣна 3 р. 75 к.*

Томъ IV. Что такое прогрессъ? — Въ перемежку. *(Этого тома въ продажѣ больше нѣтъ).*

Томъ V. Теорія Дарвина и общественная наука.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники. *Цѣна 2 р.*

Томъ VI. Экспериментальный романъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа. *Цѣна 2 р.*

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ этихъ книгъ, пользуются уступкой 50%.

Складъ изданія: книжный магазинъ А. Я. Панафидина. — Москва, Фуркасовскій пер., д. 10.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Критическіе опыты:
- **Левъ Толстой.** Ц. 1 р.
- **Щедринъ.** Ц. 1 р.
- **Иванъ Грозный** въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р.

ПРОДАЮТСЯ: въ Конторѣ журнала **«Русское Богатство»**—Петербургъ, Бассейная ул., 10 и

въ Отдѣленіи конторы — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Литература и жизнь. Цѣна 1 р. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова—Петербургъ, Лештуковъ пер.

СОЧИНЕНІЯ

Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

Очерки и разсказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. съ перес. 75 к.

СКЛАДЫ:

Контора журнала «**Русское Богатство**»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «**Русское Богатство**»—Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «**Русскаго Богатства**» за пересылку не платятъ.

Кн. магаз. журнала «**Русская Мысль**» — Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей **В. П. Безобразова** и при ближайшемъ содѣйствіи профессоровъ **И. Е. Андреевскаго, М. И. Горчакова, А. Д. Градовскаго, Ѳ. Ѳ. Мартенса, В. И. Сергѣевича, Ю. Э. Янсона, Г. А. Леера, П. В. Калачова и Ѳ. Г. Тернера.**

ВОСЕМЬ томовъ. Цѣна **26** руб.

Подписчики „Русскаго Богатства“ платятъ **ЧЕТЫРЕ рубля**, съ **перес. 6 руб. 70 к.**

ПРОДАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—контора журнала «**Русское Богатство**»—Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—отдѣленіе конторы журнала «**Русское Богатство**»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

НОВАЯ КНИГА:

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

С. Н. Южакова.

Томъ II. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Обращающіеся въ контору журнала «**Русское Богатство**»—Петербургъ, Бассейная ул., 10 или въ Отдѣленіе конторы—Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина *за пересылку не платятъ.*

Складъ изданія: въ кн. магаз. М. М. Стасюлевича—Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

IV.

Въ новой камерѣ.—Невинные.—Андрюшка Поваръ.—Желѣзный Котъ.

Быть можетъ, не слѣдовало столько времени удерживать вниманіе читателя на только что разсказанной мною исторіи; ради большей выпуклости образа и силы впечатлѣнія, быть можетъ, я долженъ бы былъ выпустить нѣкоторые второстепенные штрихи и детали; но въ томъ-то и дѣло, что я пишу не художественное произведеніе, а правдивую исторію дѣйствительно пережитаго мною и, какъ живой человѣкъ, хотя и старающійся быть безпристрастнымъ, не въ силахъ заключиться въ узкія рамки художника. Многое еще такъ болѣзненно звучитъ въ моемъ сердцѣ; многія черты—мелкія на чужой взглядъ—для меня такъ еще живы, близки и дороги... Описывая Маразгали, мнѣ именно хотѣлось сохранить и запечатлѣть навсегда каждую мелочь, еще живущую въ моихъ воспоминаніяхъ о любимомъ человѣкѣ, и пускай простятъ мнѣ тѣ, которые станутъ читать эти записки единственно съ цѣлью получить эстетическое удовольствіе. Да не лучше-ли тогда и совсѣмъ не читать ихъ?..

Какъ бы то ни было, а мы должны вернуться назадъ, больше, чѣмъ на годъ времени, къ тому моменту, когда при новомъ размѣщеніи арестантовъ по камерамъ я попалъ въ № 1. Репрессіи, вызванныя инцидентомъ съ Шахъ-Ламасомъ, продолжались не дольше мѣсяца; затѣмъ снова начались мало по малу послабленія. Возвратили котлы, отсутствіе которыхъ такъ смущало Никифора, небрежнѣе стали опять замыкать камеры; появились неизвѣстно откуда карты; староста Юхоревъ съ другими Иванами сталъ умудряться раздобывать по временамъ даже и водку... Единственнымъ напоминаніемъ о погибшей человѣческой жизни остались кандалы у всѣхъ на ногахъ, да отобранныя у меня книги, которыхъ я не рѣшался снова просить у Лучезарова. Между тѣмъ, отсутствіе чтенія вслухъ было очень чувствительно въ долгіе зимніе вечера: незанятое ничѣмъ воображеніе арестантовъ естественно направлялось къ воспоминаніямъ о прошломъ, и мнѣ волей-неволей приходилось

быть слушателемъ самыхъ ужасныхъ, кровавыхъ и циничныхъ исторій. Благодаря-ли тяжелому внутреннему состоянію, покрывавшему для меня траурнымъ флеромъ весь Божій міръ и заставлявшему яснѣе видѣть въ людяхъ именно ихъ дурныя стороны, или благодаря чему другому, но только отъ этого времени сохранились у меня самыя мрачныя воспоминанія о своихъ невольныхъ сожителяхъ; самые страшные разсказы врѣзались въ мою память именно въ этотъ періодъ. Особенно одно обстоятельство пугало меня въ этихъ разсказахъ: замѣчавшееся у большинства довольство своимъ прошлымъ и своимъ преступленіемъ, чрезвычайно легкое отношеніе къ пролитой человѣческой крови, къ разбитой чужой жизни и сожалѣніе объ одномъ только, что не хватило ума получше скрыть слѣды преступленія, не «пофартило» ускользнуть отъ рукъ правосудія. Даже въ наименѣе испорченныхъ я постоянно замѣчалъ стремленіе, во что бы то ни стало, оправдать себя, выставить невинно пострадавшимъ. Я пришелъ даже къ заключенію, что раскаяніе въ томъ хорошемъ смыслѣ, въ какомъ понимается оно образованнымъ міромъ, чувство совершенно незнакомое простолюдинамъ-арестантамъ. Всякій зародышъ его уничтожается въ ихъ душѣ сознаніемъ, что они терпятъ наказаніе, что ихъ мучатъ и терзаютъ за совершенный грѣхъ. Въ началѣ знакомства почти каждый арестантъ, даже изъ самыхъ закоренѣлыхъ, старался для чего-то увѣрить меня, что онъ осужденъ безъ вины, по злобѣ оскорбленнаго имъ слѣдователя или кого-нибудь изъ свидѣтелей (чаще всего свидѣтельницъ). Я настолько привыкъ къ этимъ увѣреніямъ, что сталъ потомъ скептически относиться къ разсказамъ и тѣхъ, которые, быть можетъ, дѣйствительно попали въ каторгу за чужой грѣхъ. Мнѣ гораздо больше нравилось, когда арестанты прямо, не стѣсняясь, признавали себя разбойниками, подлецами и мошенниками. Впрочемъ, и такихъ можно было раздѣлить на нѣсколько своеобразныхъ категорій. Одни, самые закоренѣлые, какъ-бы кичились и хвастались подобными достоинствами: это—были дѣйствительно озлобленные до послѣдней степени, незаурядные въ своемъ родѣ люди, или же, наоборотъ, самыя дешевыя натуришки, крикуны и хвастуны, наглецы и подчасъ врали, неуважаемые своими же, на жизнь человѣка смотрѣвшіе, какъ на жизнь мухи, готовые за грошъ или за рюмку водки совершить звѣрское убійство и всякую другую пакость. Въ довершеніе всего этого—страшные трусы. Стараясь подражать большимъ злодѣямъ и пріобрѣсти славу такихъ же громилъ, они заходили безконечно дальше ихъ въ радикализмѣ взглядовъ на вещи: не только отрицали все святое на свѣтѣ, но и походя богохульствовали и кощунствовали; не просто убивали, а выпивали еще при этомъ стаканъ живой человѣческой крови; имъ нравилось на каждомъ шагу щегольнуть своей безпардонной и безповоротной отпѣтостью и развращенностью. Этотъ разрядъ арестантовъ, живые образцы которыхъ я

въ свое время представлю читателю *), самый антипатичный и вредный. Мелкія душонки и убогіе умишки, они не способны ни къ какимъ высшимъ движеніямъ души, которыя такъ часто бываютъ знакомы Семеновымъ. Само собой разумѣется, что и этотъ основной типъ въ свою очередь имѣетъ нѣсколько подраздѣленій, начиная съ самаго беззастѣнчиво-откровеннаго нахальства и цинизма и кончая отвратительной двуличностью и подлипальствомъ. Что касается тѣхъ, которые упорно объявляютъ себя безъ вины осужденными, то повторяю, что всегда слѣдуетъ относиться къ подобнымъ завѣреніемъ *cum magno grano salis*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сорокъ лѣтъ назадъ, во времена Достоевскаго, когда Россія была «глубоко-несчастной страной, подавленной, рабски-безсудной», въ каторгу долженъ былъ попадать огромный процентъ невинныхъ людей и еще больше осужденныхъ не въ мѣру строго. Самыя ужасныя преступленія могли совершаться въ то время людьми, вполнѣ нормальными и нравственно неиспорченными, выведенными лишь изъ границъ терпѣнія несправедливымъ и ненормальнымъ строемъ самой жизни. Поэтому Достоевскій имѣлъ больше права идеализировать обитателей своего Мертваго Дома, чѣмъ современный писатель, который задался бы цѣлью нарисовать картину современной русской каторги. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ томъ, что за сорокалѣтній періодъ русское законодательство и русскій судъ такъ же, какъ и самая жизнь и нравы, сдѣлали огромные шаги впередъ по пути гуманизма и справедливости. A priori можно поэтому думать, что въ современную каторгу попадаютъ гораздо болѣе по заслугамъ, чѣмъ въ былыя времена. И дѣйствительно, несмотря на то, что добрая половина видѣнныхъ мной арестантовъ утверждала, что пришла въ каторгу за чужой грѣхъ, и почти всѣ безъ исключенія жаловались на суровость осудившаго ихъ «шемякинскаго» суда,—при ближайшемъ ознакомленіи съ ихъ характеромъ, съ ихъ прошлымъ и тяготѣвшими надъ ними обвиненіями, мнѣ рѣдко приходилось отыскивать совершенно безъ вины осужденнаго человѣка. Въ большинствѣ случаевъ, если и можно было допустить ошибку или пристрастіе судей въ данномъ случаѣ, то самъ же арестантъ сознавался, подобно Гончарову, что, невинный въ этотъ разъ, раньше того онъ совершилъ множество преступленій, достойныхъ каторги, но оставшихся неизобличенными. И, сознаваясь въ этомъ, онъ тѣмъ не менѣе жаловался на судьбу, клялъ всѣ суды и законы на свѣтѣ и утверждалъ, что его несправедливо послали на каторгу...

Но существуютъ ли все-таки невинные,—жертвы несчастныхъ недоразумѣній или судебныхъ ошибокъ? Теоретически говоря, несом-

---

*) Въ первомъ томѣ записокъ, печатаемыхъ въ настоящее время, такого образца еще нѣтъ.

Прим. издат.

нѣнно существуютъ, хотя мнѣ лично и не удавалось встрѣчать такихъ, въ невинности которыхъ я съ увѣренностью могъ бы поручиться. Что, напримѣръ, могу я сказать объ отцеубійцѣ Дашкинѣ, неуклюжемъ дѣтинѣ огромнаго роста съ непріятно-животнымъ выраженіемъ краснаго лица и безсмысленно сонными глазами, о человѣкѣ, мыслительныя способности котораго имѣли самый первобытный характеръ? Онъ долженъ былъ отбыть въ каторгѣ, не снимая кандаловъ и не выходя въ вольную команду, ровно семнадцать лѣтъ, а по окончаніи этого срока, какъ всѣ отцеубійцы, отправиться въ Верхнеудинскій централъ на вѣчное одиночное заключеніе... Всякій другой арестантъ на его мѣстѣ, не имѣя впереди никакой надежды, только и думалъ бы о томъ, какъ бы «сорваться», бѣжать или, по крайней мѣрѣ, перебраться въ другую тюрьму, гдѣ существованіе нѣсколько вольготнѣе; наконецъ, оставаясь даже и въ Шелайской тюрьмѣ, былъ бы для начальства бѣльмомъ на глазу, велъ бы себя дерзко, лодырничалъ и ничего не боялся. Между тѣмъ Дашкинъ работалъ, какъ волъ, былъ тихъ и покоренъ, какъ ягненокъ. Свѣжему, совсѣмъ не знавшему его человѣку могло бы придти въ голову, что его грызетъ червякъ раскаянія, что онъ хочетъ заглушить муки совѣсти тяжестью взятаго на себя креста. Ничуть не бывало! Этому животному съ человѣческимъ образомъ и подобіемъ такія тонкости были недоступны и непонятны. Кромѣ того, онъ категорически утверждалъ, что не убивалъ отца, или что, по крайней мѣрѣ, не помнитъ этого, такъ какъ въ моментъ убійства былъ безчувственно пьянъ.

— Ничего не могу сказать, самъ не знаю, говорилъ онъ растерянно: убилъ, али не убилъ, ничего не помню. Только вѣрнѣе, что не я убилъ, а зять, потому не за что мнѣ было убивать отца.

По словамъ Дашкина, онъ и на слѣдствіи сначала не сознавался; но потомъ, будто бы, зять, котораго самого онъ не подозрѣвалъ въ то время въ убійствѣ, убѣдилъ его сознаться, говоря, что судъ отнесется къ нему въ такомъ случаѣ мягче. Дурковатый Дашкинъ повѣрилъ этому и попалъ въ тюрьму на всю жизнь. Возможно, конечно, что осужденіе Дашкина и въ самомъ дѣлѣ было ужасной, истинно-трагической ошибкой; но возможно и то, что Дашкинъ вралъ, зная, какъ враждебно относится арестантская масса къ отцеубійцамъ.

Гораздо чаще встрѣчались случаи, когда человѣкъ осужденъ былъ только съ формальной точки зрѣнія законно и справедливо, но за то безчеловѣчно-жестоко по существу. Наиболѣе яркимъ примѣромъ такого рода было дѣло Маразгали, о которомъ я только что разсказывалъ. Наше уложеніе о наказаніяхъ вообще черезчуръ сурово относится къ побѣгамъ, и только въ послѣднее время сама администрація начала обращать вниманіе на ужасный фактъ, что въ каторгѣ *до сихъ поръ* находятся люди, осужденные совершенно

безвинно *) *еще во времена крѣпостного права* и на малые сроки, но потомъ, благодаря частымъ побѣгамъ, безъ совершенія при этомъ преступленій, заслужившіе себѣ вѣчную и даже болѣе, чѣмъ вѣчную каторгу...

Но что было дѣлать закону съ такимъ, напр., человѣкомъ, какъ нѣкій Шемелинъ, осужденный на двадцать лѣтъ за убійство роднаго брата, дѣйствительно имъ совершенное. Законъ и даже народный обычай съ справедливой суровостью караетъ подобныя преступленія. Худшіе изъ арестантовъ нерѣдко кричали на него и въ шутку, и серьезно:

— Ты хуже любого изъ насъ! Ты роднаго брата убилъ! Ты Каинъ... Ты вѣшалицу заслужилъ!

И старикъ, видимо недовольный такими окриками и въ душѣ считавшій себя безконечно выше и лучше развращенной до мозга костей шпанки, терпѣливо выслушивалъ ихъ и молчалъ. Между тѣмъ, разбирая дѣло по существу, нельзя было строго винить Шемелина. Русскій мужикъ изъ самой глухой и забытой Богомъ мѣстности, выросшій, какъ пень въ лѣсу, среди такихъ же какъ самъ темныхъ и первобытно-простыхъ умовъ, набожный, трудолюбивый, запуганный, богатый терпѣніемъ и выносливостью, наконецъ, по своему глубоко-честный, онъ былъ обиженъ старшимъ братомъ, который оттягалъ у него клочокъ земли и ни за что не хотѣлъ вернуть. Споръ изъ-за межи длился цѣлыхъ семь лѣтъ, то затихая, то вновь вспыхивая, какъ потухающій костеръ, въ который упадетъ новая щепка, и постоянно поддерживая въ братьяхъ вражду. Старшій былъ, повидимому, смѣлѣе и нахальнѣе. Фактически завладѣвъ землей, онъ еще дозволялъ себѣ при всемъ народѣ издѣваться, «галиться» надъ младшимъ. Шемелинъ самъ говорилъ, что нѣсколько разъ приходило ему въ голову убить врага, но Богъ каждый разъ отводилъ отъ грѣха его руку. Но, наконецъ, и его терпѣніе лопнуло; и когда въ одинъ изъ воскресныхъ дней братъ, нарядившись въ праздничную одежду, шелъ мимо его дома въ церковь, онъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья и убилъ наповалъ. Шемелинъ никогда не защищалъ своего поступка, никогда не говорилъ, что такъ и въ другой разъ поступилъ бы; но онъ не сознавалъ, съ другой стороны, и всей моральной тяжести этого преступленія и глядѣлъ на него не какъ на грѣхъ, который нужно искупить муками каторги, а какъ на несчастье, которое нужно какъ-нибудь избыть. Молчаливый и уклонявшійся большей частью отъ всякихъ споровъ и пререканій съ товарищами-арестантами, въ душѣ онъ все-таки считалъ себя хорошимъ человѣкомъ, имѣлъ своего рода гордость честности. Любилъ онъ, напримѣръ, разсказывать, какъ въ дорогѣ на одномъ изъ этаповъ вернулъ торговкѣ лишній двугривенный, который та дала ему сдачи, и какъ вся кобылка подняла его за

*) Съ современной точки зрѣнія. Прим. авт.

это на смѣхъ. Этотъ первобытный умъ ярче всего обрисовался мнѣ въ одной бесѣдѣ, происходившей въ камерѣ по поводу прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Среди каторжныхъ были доки, для которыхъ теорія и практика государственныхъ финансовъ были сущими пустяками. Одинъ изъ нихъ, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ правительство, сыпалъ фактами и цыфрами. Остальные внимательно слушали его и поддакивали. Наконецъ, молчаливый Шемелинъ не выдержалъ и пѣвуче протянулъ:—Ну, это ты вре—ешь.

— Что вру?.

— Да что эстолько берутъ съ насъ. У меня, къ примѣру, и въ жисть столько денегъ не было, сколько ты въ одинъ годъ начелъ.

— Какъ! А ситецъ на рубаху себѣ или на сарафанъ бабѣ ты покупалъ?

— Мы не покупали ситчевъ... Мы сами ткали, что было нужно. Это теперь только мода пошла и у насъ по деревнямъ наряжатча.

— Хорошо. Ну, а спички ты покупалъ?

— И спички мы сами дѣлали... Въ мое время крестьяны все сами для своего обихода дѣлали.

— О чертова голова! да табакъ-то курилъ ты? Чай, сахаръ имѣлъ?

— Табаку не курилъ я, Богъ миловалъ; а чай, сахаръ... да я до каторги слыхалъ только про ихъ, а не зналъ съ чѣмъ и ѣдятъ!

— Вотъ трататонъ проклятый! Вотъ поди, поговори съ нимъ образованный человѣкъ, полюбуйся на дичь эту сосновую! Да водку-то ты пилъ? Платилъ за водку?

— Мы не платили и за водку... Мы сами сидѣли...

Послѣ этого заявленія, ораторъ отошелъ отъ Шемелина прочь, съ сердцемъ плюнувъ и безнадежно махнувъ рукой; а Шемелинъ тоже замолчалъ, въ блаженномъ сознаніи своей неодолимой правоты и превосходства, предъ которыми безсильны всѣ козни враговъ. И, въ самомъ дѣлѣ, можно было умилиться передъ этой трогательной простотою физическихъ потребностей и умственныхъ интересовъ, не очень далекихъ отъ тѣхъ интересовъ и потребностей, какими живетъ трава въ полѣ, птица въ небѣ, дерево въ лѣсу. Не этой-ли психической несложности обязанъ онъ былъ и своей дѣтской чистотой и неиспорченностью, устоявшими даже въ каторгѣ, подъ вліяніемъ сотенъ развращающихъ примѣровъ и фактовъ, подъ давленіемъ самой назойливой пропаганды всяческой подлости и мошенничества? Впрочемъ, и Шемелинъ уже сдѣлалъ имъ кой-какія уступки. Такъ, узнавъ, что всѣ лишнія казенныя вещи у арестантовъ отбираются, и скопивъ въ то же время за дорогу путемъ старческой бережливости и аккуратности нѣсколько паръ варежекъ, онучекъ и другихъ тряпокъ, онъ зашилъ ихъ передъ прибытіемъ въ каторгу въ подстилку, надѣясь, что тамъ ихъ не найдутъ. Но въ Шелайской тюрьмѣ не только нашли ихъ, но и самую подстилку вмѣстѣ съ сбереженіями отобрали и предали сожженію. Старикъ очень былъ огорченъ этимъ и нерѣдко жаловался мнѣ, что дорогой онъ могъ

бы продать ихъ за хорошую цѣну, да «вотъ, такъ дурь какая-то вошла въ голову непремѣнно въ каторгу пронести!»—Но какъ невинна и проста была эта неудавшаяся хитрость въ сравненіи съ продѣлками и аферами настоящихъ каторжныхъ «артистовъ»!

Шемелинъ былъ честный изъ честныхъ въ Шелайской тюрьмѣ, честный настолько, что всѣ товарищи глумились надъ нимъ и сами признавали уродомъ въ своей семьѣ. Онъ и дѣйствительно былъ рѣдкимъ исключеніемъ. Что же могла дать такому человѣку каторга? Неужели что нибудь полезное, душеспасительное? И не лучше-ли было бы, не справедливѣе-ли даже—отпустить такого человѣка на волю, ограничивъ его наказаніе удаленіемъ съ родины? Я думаю, лучше, но законъ не можетъ, къ сожалѣнію, руководиться соображеніями иной справедливости, кромѣ чисто-формальной и внѣшней, и потому Шемелинъ, осужденный на двадцать лѣтъ каторжныхъ работъ, долженъ былъ провести изъ нихъ семь лѣтъ въ тюрьмѣ (четыре года въ ножныхъ кандалахъ и всѣ семь съ бритой головой) и еще одиннадцать въ вольной командѣ, гдѣ нужно исполнять тѣ же каторжныя работы и подчиняться тому же безсудному режиму. Жизнь человѣка была разбита окончательно и безнадежно.

Я не разъ упоминалъ уже, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ арестанты напоминали мнѣ настоящихъ дѣтей: та-же впечатлительность и неумѣнье скрыть душевныя движенія, та же неустойчивость воли, быстрые переходы отъ одной мысли къ другой, часто совсѣмъ противуположной первой, и—что еще хуже—необдуманность самихъ поступковъ, черезчуръ скорый переходъ отъ словъ къ дѣлу. Эта-то неустойчивость воли и служитъ, мнѣ кажется, главной причиной большинства преступленій. У многихъ арестантовъ, особенно не такъ испорченныхъ и болѣе близкихъ къ природѣ, это чисто-внѣшнее сходство съ дѣтьми простирается и глубже: легкомысліе тѣхъ и другихъ имѣетъ и одинаковыя причины — неумѣнье логически мыслить, неспособность глубоко воспринимать впечатлѣнія жизни. Но я далекъ отъ того, чтобы проводить полную параллель между арестантами и дѣтьми, даже и дурно направленными, даже страшно испорченными. Много встрѣчается въ мірѣ отверженныхъ субъектовъ съ дѣйствительно преступными наклонностями; еще больше такихъ, которые, будучи не менѣе нормальны и здравы, чѣмъ тысячи такихъ же людей, преспокойно живущихъ на волѣ съ репутаціей безукоризненной честности, присоединили только къ природной простотѣ и несложности своей психики легкомысліе и испорченность ссыльныхъ нравовъ, привычку къ виду крови и всяческаго насилія. Нужно, впрочемъ, вспомнить, что и дѣти бываютъ также страшно жестоки и равнодушны къ чужому страданію; еще дѣдушка Крыловъ выразился о нихъ, что «сей возрастъ жалости не знаетъ». Я самъ помню изъ временъ своего ранняго дѣтства, что я бывалъ подчасъ страшно жестокъ съ птичками, насѣкомыми и другими беззащитными существами, и съ любопытствомъ при-

сутствовалъ иногда при сценахъ возмутительнаго насилія (конечно въ томъ случаѣ, если онѣ самому мнѣ ничѣмъ не грозили); тогда какъ двадцать лѣтъ спустя, ставъ взрослымъ и образованнымъ человѣкомъ, я не могъ спокойно выносить вида крови, даже слышать о какой нибудь страшной ранѣ безъ невольнаго содраганія и ощущенія чисто-физической боли. Такъ велика разница между психикой ребенка и взрослаго интеллигента. Многіе изъ арестантовъ сходны въ томъ отношеніи съ дѣтьми, что такъ же, какъ они, отличаются неумѣньемъ представить себѣ помощью воображенія и почувствовать, какъ свои, чужую боль и страданіе. Но у болѣе развитыхъ и испорченныхъ, по собственному опыту прекрасно знающихъ, что такое побои и вообще физическія мученія, причина жестокости, конечно, совсѣмъ иная: къ отсутствію фантазіи и природному легкомыслію у нихъ прибавляется еще особаго рода сладострастіе и цинизмъ жестокости. Бываютъ субъекты, проявляющіе къ своимъ жертвамъ какую-то утонченную, несомнѣнно болѣзненную свирѣпость...

До каторги я, напримѣръ, никогда бы и никому не повѣрилъ, что въ Россіи и по сію пору существуютъ еще людоѣды; а теперь мнѣ доподлинно извѣстно, что въ Алгачинскомъ рудникѣ сидѣло нѣсколько русскихъ и татаръ, осужденныхъ за торговлю втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ человѣческимъ мясомъ! На Сахалинѣ есть множество убійцъ, ѣвшихъ мясо умерщвленныхъ ими враговъ. Даже въ Шелайской тюрьмѣ былъ одинъ бродяга, который утверждалъ, что онъ самъ отвѣдывалъ пирожки съ начинкой изъ людского мяса и нашелъ ихъ очень вкусными... Будь даже этотъ разсказъ лживъ, онъ все-таки довольно характеренъ. Другой арестантъ вполнѣ хладнокровно разсказывалъ уже вполнѣ правдоподобную, хотя и не менѣе возмутительную исторію. Онъ бродяжилъ съ товарищемъ-киргизомъ. По дорогѣ встрѣтили они молодую женщину и, прежде чѣмъ убить и ограбить («необходимость вынудила»), киргизъ отрѣзалъ несчастной правую грудь и выпилъ изъ нея чашку живой крови.

— Какъ же вы позволили ему сдѣлать такую гнусность? спросилъ я разсказчика.

— А какое я имѣлъ полное право запретить? былъ невозмутимый отвѣтъ: онъ мнѣ товарищъ былъ.

— Да вѣдь это чортъ знаетъ что! Нужно было силой помѣшать.

— Ха! силой... А почему ему меня не осилить?

— За что же вы убили эту женщину?

— Такъ пришлось. Мы три дня голодомъ шли, а у нея были деньги. Самимъ было погибать, что-ли? Туть я, братцы, въ первый разъ увидалъ, какъ человѣческую кровь пьютъ. Раньше я думалъ, что это звѣри только лѣсные дѣлаютъ; ну, а тутъ увидалъ, что и нашъ братъ тоже...

— Еще какъ дѣлаютъ-то! подтвердилъ одинъ изъ слушателей.

Никогда я не видалъ и не слыхалъ того, что приходилось ви-

дать Достоевскому: чтобы разсказъ о какомъ-нибудь убійствѣ или истязаніи со всѣми ихъ гнуснѣйшими подробностями заставилъ кого-нибудь изъ слушателей содрогнуться, или вскрикнуть, высказать злодѣю прямое неодобреніе. Напротивъ, публика была, видимо, всегда на сторонѣ палача, а не жертвы, и для перваго изъ нихъ всегда отыскивалось въ ея глазахъ какое-нибудь оправданіе. За то приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ самаго веселаго, дружнаго раскатистаго смѣха всей камеры при такихъ разсказахъ, отъ которыхъ у меня волосы на головѣ становились дыбомъ и морозъ пробѣгалъ по кожѣ... Однажды маленькій и тихій обыкновенно арестантикъ, Андрюшка Поваръ по прозванію, повѣствовалъ въ моемъ присутствіи о томъ, какъ онъ убилъ свою любовницу. Исторія эта нѣкоторыми внѣшними чертами сильно мнѣ напомнила исторію Парамона, но по существу между ними не было никакого сходства.

Жилъ Андрюшка съ своей Ульяной три года, причемъ, по собственнымъ его словамъ, безпробудно пьянствовалъ. Наконецъ, Ульяна изъ за чего-то поссорилась съ нимъ и, забравъ свою «лопоть» (одежу), ушла отъ Андрюшки къ другому мужику. Самой любовницы Андрюшка не жалѣлъ, но «лопоть» считалъ своею, и потому нѣсколько дней спустя явился къ бывшей сожительницѣ требовать назадъ принадлежавшія ему вещи. Послѣдовалъ грубый отказъ.

— Раньше я ничего такого на умѣ не держалъ, разсказывалъ Андрюшка: но тутъ меня забрало! Какъ, думаю! За мои же деньги смѣетъ стерьва такъ надо мной галиться? Оглядываюсь. Въ углу на лавкѣ мужикъ сидитъ, ея новый любовникъ, а на столѣ большой ножъ лежитъ. Схватываю я ножъ: «А! ты такъ? говорю. Такъ вотъ же тебѣ, тваринѣ!» и всаживаю ей ножикъ въ самое пузо... Она и шары выпучила... Гляжу: руки растопырила и валится, валится на меня... Вотъ этакъ... Ха-ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо-хо-хо!.. грянула въ отвѣтъ вся камера при видѣ Андрюшки, изображающаго, какъ валилась на него убитая, распявливъ руки и вытаращивъ глаза.

— Куды налазишь, падло?—говорю ей. Толкъ ее отъ себя рукой... Она—брыкъ ногами и грянулась навзничь. Ха-ха-ха-ха-ха.

— Хо-хо-хо-хо-хо!

Дрожа всѣмъ тѣломъ, съ ужасомъ смотрѣлъ я на этихъ людей, недоумѣвая, какъ могутъ они хохотать надъ подобными вещами. Ясно помню, какъ мнѣ показалось въ ту минуту, что я нахожусь въ домѣ сумасшедшихъ, и я невольно подумалъ объ одной криминальной теоріи, сильно возмущавшей когда-то тѣмъ, что она признаетъ всѣхъ преступниковъ людьми съ ненормальными умственными способностями.

— Тутъ любовникъ ея вскочитъ съ лавки! Схватилъ откуда-то топоръ да какъ швырнетъ его въ меня! Такъ мимо уха и просвистѣлъ топоръ, въ дверь на полчетверти вонзился. Опомнился я и

къ нему тоже съ ножикомъ кинулся. «А! и ты жить не хочешь? Иди за ней!» Полысь и его въ брюхо... Онъ тоже шары выпучилъ и хлопъ на землю. Ха-ха-ха-ха-ха!

— Что же вы смѣетесь, Андрей?—не вытерпѣлъ я, все еще весь дрожа и ужасаясь: развѣ такъ легко и пріятно людей убивать?

Камера притихла на минуту.

— А чего же тутъ труднаго?—спросилъ въ свою очередь Андрюшка, удивленно на меня взглянувъ:—я и самъ сначала думалъ: «не приведи, молъ, Богъ, убить человѣка». А на дѣлѣ увидалъ, что все едино—что барана, что человѣка зарѣзать! Тотъ же паръ. Ткнешь ножикомъ въ брюхо и не слышишь даже: такъ во что-то мягкое, ровно въ мякину, ножикъ ползетъ.

Въ камерѣ опять засмѣялись, но неизвѣстно на этотъ разъ—надъ чѣмъ: дивясь-ли глупости Андрюшкиныхъ рѣчей, или же сочувствуя имъ. Мнѣ почудилось въ немъ немножко того, немножко другого.

— Теперь я, какъ изъ каторги выду, продолжалъ расходившійся Андрюшка: каждый день стану по одному ихъ рѣзать.

— Кого это ихъ?

— Да кого придется. Кто заслужитъ. Черна овца, бѣла овца—духъ одинъ. Попъ-ли, попиха-ли, пономарь-ли—одно сословіе. А пуще всего бабъ стану рѣзать, потому въ ихъ я наиболѣе скусу нашелъ. Ха-ха-ха-ха-ха!

— Ну, а что же потомъ было, Андрей, послѣ совершенія убійства?

— Что было? То, что я дуракомъ самъ себя набитымъ выказалъ. Могъ бы убѣчь очень легко, а я пошелъ и заявилъ сельскому старостѣ: такъ и такъ, молъ, убилъ двухъ чертей, принимайте. Ну, и скрутили мнѣ руки. Дѣло рано утромъ было. А къ ночи столько всякаго начальства наѣхало, что цѣлый бы день вѣшать—не перевѣшать. А въ ледникъ идти, гдѣ мертвяки лежатъ, боятся! Никто лѣзть не хочетъ... Иди, говорятъ, ты, Андрей, вытащи ихъ сюда. Мнѣ чего! я полѣзъ. Гляжу: лежатъ, не шевелятся. Беру одну за волосья, другого за ногу и выволакиваю обоихъ на свѣтъ Божій: любуйся, честная компанія! Всѣ такъ и шарахнулись прочь... «Это твои, эти самые?»—спрашиваетъ меня засѣдатель.—Мои, говорю, ваше благородіе. Не сумлѣвайтесь, отдѣлка самая чистая... Ха-ха-ха-ха-ха! Потомъ въ тифу я шесть недѣль пролежалъ: все лѣзли ко мнѣ, проклятые...

— Кто?

— Мертвяки эти... Такъ и налазятъ, такъ и налазятъ! Я все ножомъ ихъ въ брюхо ныряль: прочь окаянные, отвяжитесь!

Андрюшка Поваръ пошелъ за свое убійство въ работу на одиннадцать лѣтъ. Сколько разъ ни разсказывалъ онъ товарищамъ свою исторію (а я слышалъ ее отъ него, по крайней мѣрѣ, три раза),

каждый разъ имъ овладѣвала почему-то неудержимая веселость, и часто онъ готовъ былъ надорвать, что называется, живстики отъ смѣха. А между тѣмъ, въ обычной жизни онъ былъ далеко не изъ худшихъ арестантовъ, тихій и работящій, не потерявшій окончательно совѣсти и не наплевавшій на честность. Впрочемъ, онъ производилъ впечатлѣніе придурковатаго парня. Обыкновенно смирный и незамѣтный, онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и чувствителенъ къ насмѣшкамъ. Любилъ, кромѣ того, прилгнуть и прихвастнусь въ разсказахъ о своей прошлой жизни: такъ, если онъ пьянствовалъ, такъ непремѣнно круглый годъ безъ просыпу; если убивалъ на охотѣ сохатаго, такъ прямо съ домъ величиною; если видѣлъ страшную змѣю, такъ съ крыльями. Кобылка относилась поэтому къ нему свысока и разсказамъ его не слишкомъ довѣряли.

Помню не мало и другихъ разсказовъ, на меня наводившихъ трепетъ, а на сожителей моихъ самую, повидимому, беззавѣтную веселость. Однажды зашелъ разговоръ о мертвецахъ и связанныхъ съ ними повѣрьяхъ. Нѣкто Сокольцевъ, одинъ изъ самыхъ бывалыхъ въ Шелайской тюрьмѣ арестантовъ, началъ съ сравнительно невинной исторіи.

— Дѣло было на Ленѣ. Я еще по первому разу въ Сибири былъ. Приспичило мнѣ съ товарищемъ—до зарѣзу деньжснками или припасами разжиться. Вотъ приходимъ мы ночью въ большое село, видимъ на краю—нежилая избушка, а заперта на замокъ. Ну, думаемъ, видно клѣть, тутъ пожива предстоитъ. Снимаемъ замокъ, заходимъ. Въ сѣнцахъ ничего нѣтъ. «Постой, говорю я товарищу, на стремѣ, а я пойду, въ той половинѣ пошарю». Захожу туда, чиркаю спичку. Глядь: туши бараньи лежатъ... Вотъ радость-то! Только хотѣлъ было одну за морду сцапать—ахъ, чортъ возьми: мертвецъ!... Штукъ ихъ десять лежитъ. Скоропостижные, значитъ, убитые и прочіе доктора дожидаются. Дѣло зимой. Ага! думаю: сострою-жъ я надъ тобой штуку, испытанье сдѣлаю... Выхожу къ товарищу въ сѣнцы. «Ну, братъ, говорю, въ шляпѣ дѣло. Десять баранъихъ тушъ нашелъ. Иди, тащи одну али двѣ. Да ступай безъ огня, а то какъ бы не увидали».—«Нѣтъ, говоритъ, безъ огня еще лобъ расшибешь, давай хоть пару спичекъ».—На, говорю. — Вотъ онъ и пошелъ, а я замѣсто его на стремѣ сталъ. Какъ онъ вдругъ выскочитъ оттедова, ровно сумасшедшій... Куды? куды? кричу ему. Онъ ни слова въ отвѣтъ, мимо меня стрѣлой да въ двери!.. На другой только день къ полудню я его встрѣтилъ. Остался я одинъ, обшарилъ всѣ углы, поснималъ съ покойниковъ рубахи и ушелъ.

— Что-жъ, такъ и не узнали?

— Нѣтъ, узнали. Глупъ еще былъ—уличили. Ну, а впрочемъ, ничего особеннаго не было. Подержали съ мѣсяцъ въ каталашкѣ и отпустили на всѣ четыре стороны. Ну, всыпали, конечно, штукъ тридцать.

— А я такъ вотъ не таковъ: я боюсь мертвяковъ! сказалъ Во-

дянинъ, онъ же Желѣзный Котъ, извѣстный тюремный ріомачъ и острякъ.—Право же, боюсь, хоть и самъ я лапчатый гусь. Самъ себѣ дивлюсь: какъ я своего татарина убивалъ и хоронилъ!

— А ты развѣ за татарина? спросилъ кто-то.

— О! я, братъ, за большого барина, отвѣчалъ кузнецъ: у меня тоже не было въ грязь лицомъ ударено. Чисто было дѣльце обдѣлано. Кабы не баба проклятая, никто-бы никогда и не дознался.

— Какая баба?

— Да своя же жаба.

— Жена? Вотъ сволочь! чего-жъ это она?

— Такъ, братецъ, подвела, что по гробъ жизни попомню. Она то и заслала меня въ здѣшнюю каменоломню.

— Разскажи-ка путемъ, Желѣзный котъ.

— Идетъ. Ходилъ по нашему мѣсту мелочникъ - татаринъ. По двѣ сотенныхъ носилъ иногда съ собой да товару настолько же. Вотъ я разъ и говорю бабѣ: «Смотри, заведи съ нимъ торгъ покрупняе, мнѣ это будетъ половчае». Зову татарика къ себѣ на дворъ: иди-ка, миляга, сдѣлаю у тебя кой-какой заборъ. Выходитъ моя баба, обступаетъ его середь двора и ну цѣлую кучу товара изъ короба выволакивать. Я начинаю покрякивать: «Куда ты эстолько накупить хочешь? У меня мелкихъ нѣтъ, онъ размѣнять не сможетъ». Будто это меня тревожитъ. «Э! смѣется мой татаринъ: моя хоть сто цѣлковыхъ тебѣ размѣняетъ». Ага! думаю: коли такъ, хорошо. Заплачу тебѣ ужо. Приношу изъ кузницы балодку фунтиковъ въ десять, становлюсь позади. Баба еще пуще стала торговаться и спорить. Теперь, вижу, въ самый разъ дѣльце спроводить. Хвать его балодкой по головѣ! Онъ и сковырнулся на бокъ секунды въ двѣ. Тутъ я ему веревку на шею и утащилъ въ конюшню. Потомъ вмѣстѣ съ бабой мы пескомъ всѣ слѣды закрыли и затоптали; товары въ коробъ поклали и спрятали. Рѣшили: какъ наступитъ ночь, татарина въ болото уволочь и въ прудъ спустить. Вотъ наступилъ вечеръ. Гляжу, а мѣсяцъ во всѣ лопатки свѣтитъ. Нельзя нести мертвяка—замѣтятъ. Ложусь опять спать. Просыпаюсь — еще того свѣтлѣе на дворѣ. Вотъ наказалъ Богъ! Плюнулъ со злости, еще разъ легъ, уснулъ. Наконецъ, просыпаюсь—темно. Ну, такъ бы давно. «Возьмемъ, говорю, хозяйка, носилки, понесемъ». А она, стерьва, упираться вздумала: «какъ я ребенка оставлю? Онъ еще тутъ завеньгаетъ, шуму надѣлаетъ, народъ услышитъ, придетъ. Неси одинъ». Разсердился я, плюнулъ ей въ косу: ладно, одинъ понесу! Пошелъ въ конюшню. А раньше я шибко мертвяковъ боялся. Но тутъ крѣплюсь. Иду, за его берусь. Подтянулъ ему веревкой ноги къ спинѣ и посадилъ въ тачку... вотъ такъ.

Желѣзный Котъ сталъ на колѣни, показывая, какъ мертвецъ сидѣлъ у него въ тачкѣ.

— Вывезъ за ворота, повезъ въ болото. Трудно было болотомъ

ѣхать. Чуть гдѣ кочка, тачка моя кувыркъ на бокъ вмѣстѣ съ мертвякомъ! Вотъ этакъ.

Желѣзный Котъ самъ повалился на бокъ.

— А гдѣ поболѣ толчокъ, тамъ мой мертвякъ и вовсе изъ тачки скокъ. Что тутъ дѣлать? Поднимаю тачку, опять его туды кладу.

Разсказчикъ при этомъ опять подымается на колѣни, вся камера заливается смѣхомъ, глядя на это живое представленіе.

— Ну, и Желѣзный-же Котъ! прямо два съ боку... Это не котъ, а объяденье.

— Ѣду, братцы мои, далѣ. Сдѣлаешь шага три-ли, два-ли— кувыркъ опять мой татаринъ!

Желѣзный Котъ опять ложится на бокъ, приводя зрителей въ неистовое веселье.

— И долго такъ я бился, покамѣсть черезъ болото къ пруду его не перевезъ. Ну, думаю, теперь слава Богу! Спущу туды—и назадъ въ путь дорогу. Бросаю въ прудъ. А заводъ-то ночью не работалъ *), воды въ прудѣ оказалось мало, двѣ четверти всего до дна. Не тонетъ мой татаринъ да и на! Я его на одинъ бокъ, на другой — торчитъ, ничего не подѣлать. Пришлось снова вытащить. въ тачку мокраго посадить, опять тащить. Привезъ наконецъ къ золотомойной ямѣ. Яма будетъ съ нашу камеру, на днѣ вода. Мнѣ бы его вверзить туда, да бока то у ямы неровные. Мертвякъ мой покатился, да и зацѣпился гдѣ-то въ боку. Не захотѣлось мнѣ туда лѣзть. Осерчалъ я, плюнулъ, махнулъ рукой и пошелъ домой. На утро пошелъ къ Агапову, фартовцу одному, и сговорился съ имъ объ товарѣ, куда принесть и что. На грѣхъ подслушай насъ его баба. Какъ попался татаринъ мой въ ямѣ на глаза, у Агапова въ числѣ прочихъ сдѣлали обыскъ и нашли ситцу полштуки. Его сейчасъ же, голубчика, въ руки. Цопъ въ тюрьму, во кромѣшную во тьму. Баба его испужайся и покажи на меня, что вотъ-молъ слышала разговоръ мужа съ кузнецомъ объ товарѣ. Меня, молодчика, тоже и забрали. Приходитъ моя баба ко мнѣ на свиданье, разсказываетъ, кого да кого еще забираютъ. Клюкина, молъ, тоже заарестовали, нашли аршинъ ситцу, и свидѣтели показываютъ, что татаринъ къ нему въ тотъ день заходилъ, а онъ, дуракъ, отпирается. Я думаю себѣ: намъ въ пользу этотъ аршинъ. Ты ему, баба, еще подкинь. А тутъ еще и другое славное дѣло наклевывалось у насъ съ Агаповымъ. Солдатъ одинъ высидочный соглашался въ сухарники идти, снять на себя убійство. Ужъ сговорились, какъ и что: 75 рублей денегъ, сапоги, шаровары плисовыя, двѣ рубахи шелковыхъ, красную и синюю. Не будь моя баба разиней—оказался бы я на волѣ. Жду ее на другое свиданіе. День проходитъ и два, и три, и недѣля цѣлая. Нейдетъ баба. Вызываетъ

*) Дѣйствіе происходитъ въ Пермской губерніи.

Прим. автора.

меня слѣдователь: «Твоя, говоритъ, жена созналась». Читаетъ мнѣ ея показаніе: все, какъ было, въ самую точку обсказано. У бабы, извѣстное дѣло, рта не замазано.

— Вотъ стерва! Что-жъ это ей въ башку взбрело? Надоумилъ, знать, кто?

— Вѣстимо, надоумили. Послѣ-то сама ревма ревѣла, въ ногахъ у меня валялась. Думала, вишь ты, мнѣ лучше будетъ, коли сознаюсь во всемъ! Что тутъ дѣлать? Поругалъ ее, поругалъ, въ зубы малость посовалъ, душу облегчилъ, да и простилъ. Пусть, говорю, дѣти не пропадаютъ, на меня жалобы послѣ не имѣютъ, я тебя отъ грѣха отстороню, все возьму на себя. И точно: такое показаніе далъ, что судъ ее вполнѣ оправдалъ, мнѣ одному двадцать лѣтъ накачалъ. Только баба-то шельмой оказалась. Я расчитывалъ она по гробъ жизни мнѣ обязанной послѣ этого будетъ, въ каторгу за мной пойдетъ. Пока тянулись судъ да дѣло, она и точно на шеѣ у меня висѣла, посулами да обѣщаньями тѣшила меня; а какъ вынулъ ее изъ огня, она не пришла и проститься. Посиживай теперь, милъ дружокъ, засадила я тебя въ хорошій мѣшокъ!

— Ха-ха-ха-ха-ха!

— А что, Миколаичъ, обратился внезапно ко мнѣ Желѣзный Котъ: могу-ль я ее, гадину, силой къ себѣ привести?

— Какъ это силой? удивился я.

— А такъ. Нѣтъ-ли закону такого, чтобы мужъ и въ каторгѣ могъ жену къ себѣ по этапу вытребовать?

— Нѣтъ, нѣтъ такого закона. Да если она не хорошо съ вами поступила, зачѣмъ она вамъ? И жалѣть ее нечего.

— Да мнѣ чего вѣдь жалко? Приди она сюды — прошлась бы по ей моя палка! Такъ бы славно прошлась, что попомнила бы напередъ, каковъ я есть Желѣзный Котъ. Нельзя-ли какъ, Миколаичъ, письмецо такое ей сварганить, притвориться, будто скучаю я по ей шибко, чтобы обманомъ вызвать?

— Такихъ писемъ я, Водянинъ, не пишу, и съ такими просьбами вы ко мнѣ не обращайтесь.

— Ха! да почему-жъ? Что тутъ такого?

— То, что я былъ бы участникомъ обмана.

— Да обманъ-то не ко злу вѣдь былъ бы? Не на смерть же я ее убилъ бы? Такъ поучилъ бы только легонько, для памяти. А потомъ опять стали бы жить да поживать. Мнѣ дѣтей пуще всего жалко. Теперь бы старшаго къ ремеслу пора пріучать. И самъ бы я въ вольную команду ранѣ вышелъ, человѣкомъ опять сталъ бы. Цѣль бы у меня была. А теперь я что? Пропащая душа — одно слово. Выду я на волю, — либо бродяжить пойду, либо въ новую втюрюсь бѣду. А безъ бабы какъ сюда дѣтишекъ достанешь?

Впослѣдствіи я убѣдился, что Водянинъ былъ отчасти правъ. Будь у него какая-нибудь цѣль въ жизни, онъ еще могъ бы стать на честную дорогу. Въ характерѣ его были нѣкоторыя очень хо-

рошія черты. На слово, данное имъ товарищу, можно было смѣло положиться; лицемѣрія въ немъ совсѣмъ не было; дѣтей своихъ онъ очень любилъ, иногда со слезами вспоминалъ о нихъ и, не желая писать женѣ, освѣдомлялся о нихъ черезъ тестя и посылалъ имъ гостинцы. Отсутствіе жадности также пріятно бросалось въ немъ въ глаза. Заработывая въ качествѣ кузнеца порядочныя для арестанта деньги, онъ дѣлилъ ихъ пополамъ съ молотобойцемъ Ефимовымъ, что вовсе не полагалось по правиламъ мастеровыхъ.

V.

Ефимовъ.—Сокольцевъ.

Заговоривъ о Желѣзномъ Котѣ, обрисую уже вкратцѣ и его молотобойца Ефимова. Это былъ совсѣмъ другого рода типъ. Водянинъ сошелся съ нимъ, какъ съ землякомъ, сблизило ихъ также и мастерство. Какъ-то случайно надзиратели назначили ихъ вмѣстѣ въ кузницу и потомъ, по привычкѣ, не разрознивали втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Страннымъ даже показалось бы всѣмъ, еслибы Водянина и Ефимова назначили въ разныя мѣста. Даже во время новыхъ размѣщеній по камерамъ ихъ всегда помѣщали вмѣстѣ. Вмѣстѣ обѣдали они изъ одного бака, вмѣстѣ пили чай, по-ровну дѣлили всѣ заработанныя деньги. Однимъ словомъ, можно было подумать, что они друзья закадычные. А между тѣмъ, на дѣлѣ было совсѣмъ другое. Ефимовъ, несмотря на все свое самолюбіе, дѣйствительно велъ себя съ Водянинымъ осторожно, ни въ чемъ ему не перечилъ и во всемъ уступалъ; простой разсчетъ заставлялъ его дѣлать это. Желѣзный Котъ удѣлялъ ему половину всего заработка, тогда какъ обыкновенно кузнецы даютъ своимъ молотобойцамъ лишь ничтожную часть, и онъ могъ сыскать себѣ десятокъ другихъ такихъ же молотобойцевъ, отнюдь не хуже.

За то Водянинъ, человѣкъ вообще очень покладистый и мягкій, не сѣснялся высказывать Ефимову въ глаза такую горькую правду, которой тотъ, съ его самолюбіемъ, ни отъ кого другого не сталъ бы спокойно выслушивать. Я уже сказалъ, что это была натура совсѣмъ особаго рода. Родомъ онъ также былъ пермякъ и, хотя изъ мѣстности болѣе глухой, не заводской, а земледѣльческой, но тоже достаточно уже развращенной. Въ работу пришелъ за убійство двухъ проѣзжихъ торговцевъ. По словамъ Ефимова, идея убійства явилась у него совершенно внезапно, благодаря глухому лѣсу, въ которомъ онъ встрѣтилъ свои жертвы. При своемъ гигантскомъ ростѣ и силѣ онъ живо съ ними управился и всѣ слѣды скрылъ самымъ тщательнымъ образомъ. Подозрѣніе никогда бы не пало на него, и погибъ онъ только благодаря чисто сумасшедшей случайности—*ложному* оговору и *ложной* уликѣ. Одна женщина, встрѣтившая купцовъ въ день убійства, показала, что встрѣтила

также и Ефимова, выходившаго изъ того же лѣсу; а между тѣмъ, въ дѣйствительности, она видѣла совсѣмъ другого человѣка, только похожаго на него ростомъ. Кромѣ того, при обыскѣ нашли у Ефимова рубашку со свѣжимъ пятномъ крови, которая на самомъ дѣлѣ была не человѣческая, а телячья кровь. Еще нѣсколько другихъ такихъ же мнимыхъ уликъ сложились вмѣстѣ такимъ роковымъ образомъ, что Ефимовъ, до конца не сознававшійся въ убійствѣ, осужденъ былъ на пятнадцать лѣтъ каторги. Это обстоятельство сильно его поразило. Онъ много разъ говорилъ мнѣ, что хорошо испыталъ, какъ невыгодно быть мошенникомъ, и что впредь станетъ жить только честнымъ трудомъ.

— Вѣдь вотъ всѣ, кажется, слѣды укрылъ, чисто всѣ обдѣлалъ, ни одной справедливой улики не нашлось, а въ каторгу попалъ! И сколько я ни наблюдалъ, рѣдко-рѣдко какое убивство не открытымъ оставалось.

— А раньше вы, Ефимовъ, занимались какими-нибудь мошенничествами?

— Ни Боже мой! И вся семья у насъ честная!

— Чего-жъ ты, Ераха, врешь? обрывалъ его Чирокъ; а зачѣмъ же братъ у тебя по Якутскому трахту сосланъ?

— Ага! поймалъ тебя Чирокъ на крючокъ, гоготала радостно вся камера, почему-то крайне недоброжелательно относившаяся къ Ефимову.

— Братъ мой совсѣмъ по другому дѣлу сосланъ, смущенно отвѣчалъ Ефимовъ: не по мошенницкому.

— По святому, небойсь? ядовито продолжалъ приставать Чирокъ.

Ефимовъ молчалъ; всѣ ехидно почему-то улыбались и переглядывались между собою. Мнѣ становилось яснымъ, что только мы съ Чиркомъ не понимали, въ чемъ дѣло.

— Да они скопцы! — не выдержалъ, наконецъ, Желѣзный Котъ, давно уже сердито ерзавшій на своихъ нарахъ.—У нихъ вся деревня скопческая.... И братъ его за это же по Якутскому пошелъ... Одинъ Ераша какимъ-то чудомъ не оскопился...

— Тьфу! тьфу!—отплевывался Чирокъ,—вотъ ненавижу этихъ людей... Самые супротивные люди! Чтобъ свое тѣло я сталъ рѣзать, себя увѣчить? Да лучше-жъ совсѣмъ помереть. Изъ чего-жъ тогда и жить, коли это... отрѣзать? Я почти старичонко ужъ, а и то въ надежѣ еще живу, что на волю выду, опять человѣкомъ стану.

— Ты судишь, Чирокъ, какъ всѣ мірскіе люди судятъ,—робко вступался за скопцовъ красный, какъ ракъ, Ефимовъ; а они люди особаго сорту... Они о небѣ тоже думаютъ, потому въ Писаніи сказано...

— Поскудники вы окаянные!—перебивалъ его Чирокъ, поддерживаемый общимъ одобреніемъ,—о небѣ вы думаете? Гадовъ такихъ, какъ ваши скопцы, и свѣтъ не создавалъ. Самый двулич-

ный народъ. И жадности въ ихъ сколько, жадности этой сколько сидитъ! О небѣ они думаютъ... Тьфу! ты то почему жъ уцѣлѣлъ?

— Такъ, какъ-то не пришлось. Рано женился. Вѣдь не неволятъ, по доброму тоже изволенью печать принимаютъ. Было и у меня, конечно, желаніе, только бѣсъ пересилилъ, міръ плѣнилъ.

— Вотъ дуракъ! Бѣсъ, говоритъ, пересилилъ. Да гдѣ-жъ и бѣсовъ-то искать, какъ не въ вашей сектѣ? Знаю я ее хорошо. Что у васъ тамъ дѣлается, какъ на богомолье тайное сходитесь!..

— Ничего дурного не дѣлается, это все поклепы одни. Слыхалъ я.

— Ты, вѣстимо, своихъ застаивать будешь. Да меня, брать, не проведешь! Я тоже изъ тѣхъ вѣдь мѣстовъ. Самое поганое племя—скопцы.

— Что вѣрно, то вѣрно,—опять не выдерживалъ Желѣзный Котъ: и что скопленые у нихъ, что не скопленые—одна порода тавреная! Жадные, лицемѣрные! Посмотрите хоть на Еграфа. Вѣдь другого такого жида съ огнемъ сыскать трудно. Надъ каждой копѣйкой трясется, ровно осиновый листъ, на деньгахъ ровно песъ цѣпной при амбарѣ сидитъ!

При послѣднихъ словахъ Ефимовъ, видимо страшно оскорбившись, но не желая заводить ссоры съ Желѣзнымъ Котомъ, съ сердцемъ махнулъ рукой и, весь пылая, какъ огонь, выбѣжалъ изъ камеры. А за глаза его еще сильнѣе начали ругать и костить на всѣ корки.

Дѣйствительно, Ефимовъ былъ страшно скупъ. Въ дорогѣ онъ держалъ майданъ; теперь, будучи немного грамотнымъ, онъ велъ счетъ издержанныхъ вмѣстѣ съ Желѣзнымъ Котомъ денегъ и цѣпко хватался за каждый грошъ. Если случалось ему потихоньку отъ начальства купить молока или мяса, то онъ никогда не приглашалъ къ своей трапезѣ никого изъ товарищей и этой скупостью своей, видимо, стѣснялъ кузнеца, который имѣлъ болѣе открытый нравъ и щедрое сердце. Мнѣ кажется, только слабость характера мѣшала послѣднему порвать съ Ефимовымъ всякія отношенія; онъ страшно не любилъ его и часто, не выгерпѣвъ, высказывалъ въ глаза рѣзкія обличенія.—Жена Ефимова рѣшила пріѣхать къ нему на каторгу и, уже отправившись въ дорогу, выслала мужу на храненіе нѣсколько десятковъ рублей, вырученныхъ отъ продажи имущества. Я посовѣтовалъ Евграфу послать ей заказныя письма въ Красноярскъ, Нижнеудинскъ и Иркутскъ, чтобы, проходя черезъ эти города труднымъ этапнымъ путемъ, безпомощная женщина могла найти поддержку хоть въ утѣшеніяхъ мужа. Ефимовъ задумался.

— Конечно, не мѣшало-бы послать,—согласился онъ, наконецъ: только можно, я думаю, и простенькія...

— Вѣстимо, лучше простенькія,—поддакнулъ Желѣзный Котъ такъ, что я и не примѣтилъ сначала тонкаго яда въ его словахъ:—

три заказныхъ письма—вѣдь это лишнихъ 21 копѣйка... На 21 копѣйку можно семью въ теченіе двухъ дней прокормить!

По наивности, я сталъ даже спорить съ Желѣзнымъ Котомъ, доказывая ему, что нечего быть столь разсчетливымъ, когда дѣло идетъ о спокойствіи одинокой женщины съ тремя маленькими дѣтьми на рукахъ, ѣдущей въ невѣдомый край и на невѣдомую жизнь.

— А все-же лучше простенькія-то, Миколаичъ,—возразилъ серьезно Желѣзной Котъ: простенькія, по моему, куда лучше!

И вдругъ разразился громкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ, который поддержала и вся камера, опять страшно переконфузивъ Ефимова.

Ефимовъ держался всегда солидно и дѣловито; онъ считалъ себя неиспорченнымъ, честнымъ человѣкомъ, гораздо выше и лучше всѣхъ другихъ арестантовъ. Онъ страшно всегда обижался, когда ему напоминали, что и самъ онъ двѣ души на тотъ свѣтъ отправилъ. Свое убійство онъ считалъ почему-то неважнымъ проступкомъ, чѣмъ-то вродѣ несчастнаго эксперимента, который со всякимъ можетъ случиться, и убѣжденно завѣрялъ, что въ другой разъ не наживетъ себѣ каторги. Я тоже склоненъ думать, что въ другой разъ Ефимовъ семь разъ отмѣритъ, прежде чѣмъ рѣшится отрѣзать кому-нибудь голову. «Выгоды» не нашелъ онъ въ этомъ ремеслѣ... Однако я никогда не поручился-бы, что мой Еграфъ устоитъ противъ соблазна преступленія, если будетъ имѣть полную гарантію того, что оно пройдетъ вполнѣ безнаказанно и принесетъ очень большой барышъ.

Изъ новыхъ моихъ сожителей былъ одинъ арестантъ, давно уже обращавшій на себя мое вниманіе. Фамилія его была Сокольцевъ. Прежде всего онъ бросался въ глаза самой внѣшностью: плотный, небольшого роста брюнетъ лѣтъ сорока, онъ отличался красотою, совершенно чуждой типу русскаго крестьянина. Въ тонкихъ чертахъ лица, правильномъ, почти изящномъ очеркѣ чувственныхъ губъ, тонкости блѣдно-матовой кожи, бархатистомъ выраженіи большихъ черныхъ глазъ, мраморной шеѣ и во всѣхъ движеніяхъ было что-то истинно-аристократическое, что создается только десятками холеныхъ, не занимающихся физическимъ трудомъ поколѣній. А между тѣмъ, Сокольцевъ былъ простой неграмотный крестьянинъ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній, рано свихнувшійся съ пути и попавшій въ Сибирь. Впрочемъ, по его словамъ, онъ былъ изъ дворовыхъ одного богатаго графа, и это обстоятельство невольно наводило на мысль объ истинномъ его происхожденіи... Среди обитателей тюрьмы Сокольцевъ пользовался репутаціей одного изъ самыхъ умныхъ арестантовъ, отнюдь не «дешевыхъ» и видавшихъ на своемъ вѣку виды. Каторжный срокъ его былъ сорокъ четыре года, и дѣло, которымъ онъ заработалъ свою каторгу, было одно изъ самыхъ ужасныхъ, о какихъ когда-либо мнѣ приходилось слы-

хивать. Глядя на это красивое и умное лицо, слыша этотъ мягкій голосъ, говорящій всегда такъ осторожно и тихо, я съ трудомъ иногда вѣрилъ, что передо мной стоитъ тотъ самый Сокольцевъ, который могъ съ спокойнымъ духомъ продѣлывать подобныя вещи; а между тѣмъ, страшные разбойничьи подвиги его были истинной, невымышленной исторіей.

Сокольцевъ жилъ на поселеніи въ Иркутской губерніи въ качествѣ работника у одного зажиточнаго «челдона». Послѣдній занимался скупкой золота у «хищниковъ» и пріисковыхъ рабочихъ. Дознавшись однажды, что въ домѣ у хозяина скопилось около $1^1/_2$ пуда золота, Сокольцевъ подговорилъ одного товарища-поселенца и, впустивъ его ночью въ домъ, придушилъ общими силами хозяина, его жену и пятерыхъ малютокъ. Потомъ, забравъ золото и наличныя деньги, которыхъ также было не мало, спряталъ ихъ въ лѣсу въ заранѣе приготовленномъ мѣстѣ. Товарищъ послѣ этого ушелъ къ себѣ, а Сокольцевъ, вернувшись въ домъ, заперъ его изнутри, запалилъ со всѣхъ концовъ и, вылѣзши въ окно, улегся въ сѣняхъ, притворяясь спящимъ. Когда сбѣжался народъ, пожаръ разлился уже такой волною, что не только не было никакой возможности потушить его, но даже и войти въ комнату. Кое-какъ удалось проникнуть лишь въ сѣни, тоже объятыя пламенемъ и наполненныя дымомъ, и вытащить оттуда лежавшаго безъ чувствъ и сильно опаленнаго уже Сокольцева. Звѣрски совершенное преступленіе такъ ловко было обставлено, что ни тѣни подозрѣнія не могло упасть на работника, который самъ казался пострадавшей жертвой. Трупы убитыхъ сгорѣли къ тому же до тла. Предполагали чью-то злодѣйскую руку, но искали ея совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. На бѣду Сокольцева, товарищъ его былъ гораздо неосторожнѣе и далъ какому-то другому поселенцу размѣнять сторублевую бумажку. Послѣдняго почему-то заподозрили и арестовали, и онъ указалъ на того, кто далъ ему деньги. У того нашлись нѣкоторыя вещи убитыхъ. Звено по звену, показаніе за показаніемъ, и судебный слѣдователь докопался до самого Сокольцева. И онъ и товарищъ были осуждены въ каторжныя работы безъ срока; только золота не могли сыскать. Оно такъ и осталось закопаннымъ гдѣ-то въ лѣсу, поддерживая въ осужденныхъ бодрость и мечту о побѣгѣ. Товарищъ Сокольцева попалъ, впрочемъ, на Сахалинъ, откуда не такъ-то скоро «срываются», а Сокольцеву дѣйствительно удалось въ дорогѣ нанять сухарника, шедшаго на поселеніе, придти вмѣсто него въ назначенную волость и немедленно отправиться оттуда на розыски сокровища. «Но кобылка нетерпѣлива», разсказывалъ про себя самъ Сокольцевъ: «ей всегда хочется сразу двухъ или даже трехъ зайцевъ поймать». Раньше онъ сжегъ домъ, въ которомъ жилъ погубившій его поселенецъ; потомъ, желая разжиться деньгами для «перваго обзаведенья», запутался въ какой-то грабежъ съ убійствомъ и былъ снова арестованъ. Въ Иркутской тюрьмѣ его, ко-

нечно, уличили, и онъ подъ прежнимъ своимъ именемъ опять отправился въ каторгу, на этотъ разъ уже на сорокъ четыре года. Вотъ главное дѣло, которое привело Сокольцева въ Шелайскій рудникъ и сомнѣваться въ истинности котораго было невозможно. Но если вѣрить разсказамъ арестантовъ о Сокольцевѣ и ему самому, то это была лишь ничтожная частица его похожденій въ Россіи и Сибири: ему было уже за сорокъ лѣтъ, и въ волосахъ кое-гдѣ серебрилась сѣдина. Къ сожалѣнію, трудно было рѣшить, гдѣ правда, гдѣ выдумка въ разсказахъ о себѣ самого Сокольцева, гдѣ серьезная рѣчь, а гдѣ тонкая насмѣшка надъ слушателями. Странный это былъ человѣкъ. Онъ отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ арестантамъ, которые въ своей же средѣ слывутъ «боталами» и «заливалами», и тѣмъ не менѣе всѣ отлично понимали, что ни одному его разсказу нельзя съ полнымъ спокойствіемъ вѣрить. Чрезвычайно умный, Сокольцевъ, казалось, наслаждался своимъ умомъ и превосходствомъ надъ окружавшей его шпанкой; ему, повидимому, ужасно нравилось сегодня защищать передъ ней одно, завтра съ не меньшимъ успѣхомъ доказывать совсѣмъ другое, противоположное тому положеніе. Это былъ своего рода тюремный софистъ и Мефистофель. Казалось, онъ игралъ своими собесѣдниками, какъ кошка съ мышью, и часто, начавъ, повидимому, вполнѣ серьезный разговоръ, шедшій въ унисонъ съ общими мнѣніями, незамѣтно ни для кого доводилъ его до такихъ явныхъ абсурдовъ и шутовскихъ несообразностей, что собесѣдники только рты разѣвали и, глядя на него, какъ бараны, не знали, смѣяться-ли имъ или сердиться... Такъ онъ пресерьезно разсказывалъ однажды, какъ во время жатвы за какое-то оскорбленіе на него напали тридцать двѣ бабы и сначала здорово было побили его, но какъ потомъ онъ извернулся и, схвативъ лежавшій по близости колъ, десять изъ нихъ убилъ до смерти, десяти другимъ выкололъ глаза, еще нѣсколькихъ изувѣчилъ другимъ образомъ, и только очень немногимъ удалось спастись живыми и невредимыми. Разсказывалъ онъ эту исторію съ такими реальными подробностями, съ такимъ живымъ и вмѣстѣ страшнымъ юморомъ, что положительно трудно было сказать (особенно при первомъ впечатлѣніи), все ли была въ ней выдумка, или-же таилось и зерно правды. Когда надъ Сокольцевымъ начинали смѣяться и говорить, что онъ опять «заливаетъ», онъ ничуть не обижался и самъ начиналъ лукаво посмѣиваться—неизвѣстно, впрочемъ, надъ кѣмъ, надъ собой или надъ слушателями. Внутренняя-ли сила, чуявшаяся въ этомъ человѣкѣ, громкая-ли слава, или что другое, но, несмотря на свое несомнѣнное «заливанье» и «ботанье», Сокольцевъ, повторяю, считался однимъ изъ серьезнѣйшихъ арестантовъ, такихъ, которые при случаѣ ни передъ чѣмъ не остановятся и ни о чемъ не задумаются...

Разъ я самъ слышалъ разсказъ Сокольцева о томъ, какъ, ходя по бродяжеству, голодный, какъ собака, и безъ гроша денегъ, онъ

придушилъ встрѣченную имъ старушку-богомолку и нашелъ у нея сорокъ копѣекъ.

— Ну, ты, должно быть, и теперь, какъ собака, жрать хочешь, коли такія пули отливаешь,—замѣтилъ на это одинъ изъ его пріятелей, тоже серьезный арестантъ: надо, видно, чаемъ тебя напоить, меньше врать будешь.

Сокольцевъ засмѣялся въ отвѣтъ своимъ обычнымъ бархатнымъ смѣхомъ, и я такъ и остался въ недоумѣніи, точно-ли онъ убилъ богомолку, или сейчасъ только придумалъ это ради краснаго словца. За то не разъ слыхалъ я отъ него и другое. Онъ искренно, повидимому, негодовалъ на тѣхъ арестантовъ, которые за копѣйку готовы совершить самое ужасное преступленіе, цѣлую семью вырѣзать.

— Я варваръ, — говорилъ онъ бывало въ такихъ случаяхъ: — такой варваръ, какихъ, можетъ быть, и свѣтъ мало видывалъ; а только я соглашусь лучше съ голоду помереть, чѣмъ убить человѣка за одежу или за пять рублей денегъ. Другое дѣло изъ мести или за большой капиталъ, который сразу дастъ тебѣ случай кадило раздуть, на дорогу стать.

Такой именно репутаціей и пользовался онъ среди товарищей, несмотря на всѣ свои «заливанья» и выдумки о прошлой своей жизни. Послушать Сокольцева всегда бывало любопытно; но отталкивала меня отъ слушанья одна его черта: онъ былъ страшный, утонченный циникъ, и распущенный языкъ его не имѣлъ соперниковъ себѣ во всей тюрьмѣ. Ему и въ этомъ отношеніи нравилось доходить до Геркулесовыхъ столбовъ, и часто, начавъ что-нибудь разсказывать вполнѣ разумно и благородно, онъ переходилъ неожиданно къ такимъ пошлостямъ и мерзостямъ, что отпугивалъ половину даже своихъ неразборчивыхъ и охочихъ до всякаго цинизма слушателей.

Для каждаго было ясно, что такой человѣкъ не имѣетъ въ виду спокойно отсиживать въ Шелайской тюрьмѣ свой безконечный срокъ и что въ умѣ его бродитъ постоянная забота о побѣгѣ или, по крайней мѣрѣ, о переводѣ въ другую, болѣе вольготную тюрьму. Однажды я спросилъ Сокольцева, полагается-ли ему вольная команда и когда именно указана она въ его «квиткѣ» (такъ зовется билетъ, выдаваемый каждому арестанту, съ расчисленіемъ его срока). Сокольцевъ засмѣялся и отвѣчалъ, что онъ немедленно же уничтожилъ квитокъ, какъ только получилъ его, не полюбопытствовавъ даже узнать, что въ немъ написано.

— Почему такъ?

— А на что мнѣ вольная команда?

— Какъ на что? Оттуда уйти можно, а изъ тюрьмы вѣдь не такъ-то легко. И знаете что? Если вашъ срокъ считается со дня перваго судебнаго приговора, а приговору этому прошло уже, какъ вы говорите, двѣнадцать лѣтъ, то не такъ ужъ и далеко теперь срокъ вашего выхода въ вольную команду.

— Нѣтъ, ни къ чему она мнѣ,—отвѣчалъ, немного подумавъ, Сокольцевъ: по моему разумѣнью, изъ тюрьмы уйти духовому человѣку даже много легче. Тутъ ужъ на себя одного надѣешься, ухо востро держишь. А тому, который легкаго обороту себѣ ищетъ, вольной команды ждетъ, цѣна грошъ. Ничего такой человѣкъ не стоитъ.

Отвѣтъ былъ красивъ и замысловатъ, но, должно быть, не такъ-то легко было подтвердить его фактами. Изъ вольной команды тои-дѣло убѣгали арестанты, человѣкъ по десяти каждое лѣто (даже при Шелайской немногочисленности команды), а изъ тюрьмы не было при мнѣ ни одной серьезной попытки къ побѣгу. Охрана тюрьмы, дѣйствительно, была обставлена прекрасно, и большинство серьезныхъ арестантовъ съ безнадежно-огромными сроками на плечахъ мечтало больше о предварительномъ переводѣ въ другія тюрьмы, чѣмъ о побѣгѣ изъ Шелайскаго рудника. Ниже я посвящу этому предмету особую главу, теперь же скажу только о Сокольцевѣ, что при всемъ его умѣ и скрытности наружу выплыло одно дѣльце, показавшее всѣмъ, что и онъ мечталъ о томъ же. Сокольцевъ былъ прекрасный столяръ и мебельщикъ и постоянно работалъ въ мастерской, находившейся за тюремной оградой; кромѣ него работали тамъ еще слесарь Заботинъ изъ вольной команды и находившійся въ тюрьмѣ же бондарь Калинчукъ. Явившись однажды въ мастерскую, Сокольцевъ обнаружилъ всѣ признаки большого волненія.

— Ты не знаешь, куда подѣвались мои пилки?—обратился онъ шопотомъ къ молодому бондарю.

— Какія пилки?—спросилъ тотъ удивленно.

— Мои... секретныя пилки... Значитъ, все открыто. Какая-нибудь сука донесла.

— Я и не зналъ даже. Откуда мнѣ было знать?

— Объ тебѣ я и не говорю ничего. Тутъ одинъ только человѣкъ могъ. Одинъ онъ и зналъ, кромѣ меня. Какъ вѣдь хорошо запрятаны были. Непремѣнно донесъ!

— Кто же это? Неужто Заботинъ?

Сокольцевъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Что ты? Такой человѣкъ? Да вѣдь онъ твой товарищъ, другъ закадычный?

— Вотъ тебѣ и товарищъ. Нынче ни на кого, братъ, нельзя положиться. Если хочешь знать, такъ я давно уже подозрѣніе имѣлъ, что онъ—сука.

— Вотъ подлецъ! Вотъ мерзавецъ!—негодовалъ Калинчукъ, и скоро вся тюрьма знала, что у Сокольцева найдены въ мастерской пилки, и что доносъ сдѣланъ Заботинымъ. Пилки, дѣйствительно, оказались въ рукахъ начальства. Въ тюрьмѣ произведенъ былъ вскорѣ обыскъ, и въ подстилкѣ Сокольцева также оказались зашитыми двѣ маленькія пилки. Надзиратели, какъ только вошли въ камеру, такъ и бросились тотчасъ же къ его подстилкѣ. Доносъ

не подлежалъ сомнѣнію. Заботина костили и такъ и этакъ; клялись и божились, что если только случится ему когда-нибудь вернуться въ тюрьму, поломаютъ ему ребра. Сокольцевъ ничего не говорилъ, но и онъ былъ, казалось, озлобленъ. Ждали, что Шестиглазый подвергнетъ его суровой карѣ; но онъ ограничился почему-то тѣмъ, что во время обыска провѣрилъ прочность тюремныхъ рѣшетокъ и усилилъ ночные дозоры подъ окнами. Прошло послѣ этого случая полгода, и Заботина точно посадили въ тюрьму за какія-то художества. Всѣ съ любопытствомъ наблюдали, какъ встрѣтитъ его Сокольцевъ, имѣвшій больше всѣхъ право мстить ему. Но каково же было общее изумленіе, когда увидали, что онъ не только простилъ Заботину, но и снова съ нимъ подружился, сталъ вмѣстѣ пить и ѣсть. Для всѣхъ, даже самыхъ непроницательныхъ, стало тогда ясно, что если доносъ и былъ сдѣланъ, то по просьбѣ самого же Сокольцева, который хотѣлъ запугать Шестиглазаго и побудить его выпроводить себя въ другую тюрьму; но хитрость не удалась, и его оставили въ Шелайскомъ рудникѣ, окруживъ только болѣе зоркимъ присмотромъ. Молодой и горячій Калинчукъ страшно и открыто негодовалъ на Сокольцева за столь нахальный обманъ; что касается остальной шпанки, то выкинь подобную штуку другой, менѣе знаменитый и уважаемый арестантъ, на него бы всѣ ужасно озлились. Но Сокольцевъ былъ Сокольцевъ, и никто даже словомъ не смѣлъ его попрекнуть. Всѣ постарались поскорѣе выбросить изъ головы эту исторію, а въ глазахъ многихъ Сокольцевъ, благодаря ей, даже еще больше возвысился. Мнѣ лично она показала только лишній разъ, что человѣкъ этотъ для своего спасенія или выгоды не побрезгуетъ никакими средствами, не пощадитъ ни друга, ни недруга.

VI.

Демоны зла и разрушенія.

Въ знакомствахъ съ прошлымъ арестантовъ, съ ихъ, повидимому, простой и въ то же время загадочной психологіей проходила моя жизнь въ новой камерѣ, тянулись длинные вечера безъ книгъ и чтенія вслухъ, вносившаго такое осмысленное и пріятное оживленіе. По временамъ разсказы надоѣдали, и сожители мои придумывали какую нибудь игру, въ которой можно было поразмять кости и вдоволь пошумѣть. Одной изъ любимыхъ игръ въ этомъ родѣ были «жмурки», игра, впрочемъ, совсѣмъ непохожая на ту невинную забаву, которою мы такъ наслаждались въ дѣтствѣ. Завязавъ туго-на-туго глаза несчастному, на котораго падалъ жребій, арестанты вооружались полотенцами и, подкрадываясь со всѣхъ сторонъ, немилосердно хлестали его по спинѣ и по чему попало (за исключеніемъ, впрочемъ, лица), до тѣхъ поръ, пока ему

не удавалось поймать кого-нибудь изъ палачей и поставить на свое мѣсто. Въ концѣ игры у всѣхъ почти оказывались багровые рубцы и кровавые подтеки по всѣму тѣлу, не говоря уже о ломотѣ костей и разодранныхъ рубахахъ; но все это ничуть не уменьшало общаго пристрастія къ жмуркамъ. «Онѣ кровь разбиваютъ, говорили арестанты,—что твоя баня!» Гораздо большимъ препятствіемъ являлись окрики надзирателей, почти немедленно прибѣгавшихъ на страшный шумъ, поднимаемый игрою, и начинавшихъ стращать шалуновъ карцеромъ и докладами начальнику. Тогда шумъ понемногу угомонялся, и жмурки замѣнялись какой нибудь другой, менѣе обращающей на себя вниманіе забавой. Такъ, являлись ловкіе акробаты, выдѣлывавшіе такіе фокусы, что всѣ только рты разѣвали и тщетно старались продѣлать то же самое. Маразгали ложился, напримѣръ, на полъ лицомъ вверхъ, а на полу, за своей головой, клалъ ложку или двугривенный, если таковой у кого-нибудь отыскивался. Затѣмъ, выгибая постепенно спину, но не касаясь пола руками, онъ ухитрялся взять въ ротъ лежавшій на полу предметъ и, быстро поднявшись, съ торжествомъ вскрикивалъ:

— Вотъ какъ!.. Пущай теперь другой!

Но изъ другихъ, къ общему удивленію, одинъ только Чирокъ, несмотря на свою кажущуюся нескладность и неуклюжесть, могъ сдѣлать приблизительно то же самое, что дѣлалъ легкій и граціозный Маразгали. Тотъ же Маразгали легко перепрыгивалъ безъ разбѣга съ однѣхъ наръ на другія, на разстояніе трехъ съ половиной аршинъ. Никто не могъ сдѣлать этого безъ разбѣга. Чирокъ взялся, правда, но, не долетѣвъ до другихъ наръ, едва не разбилъ себѣ носа. Легко было и затылокъ сломать, и насилу удалось мнѣ уговорить публику бросить опасные эксперименты, но скоро затѣвали другое.

— Давайте, братцы, Чирку банки ставить,—предлагалъ вдругъ Желѣзный Котъ.

— Бестыжіе твои шары, за что?—вскидывался Чирокъ, на котораго, какъ на бѣднаго Макара, обыкновенно всѣ шишки сыпались.

— Да такъ; ни съ того, ни съ сего.

— Дѣло!—поддерживала Желѣзнаго Кота камера.

— Нѣтъ,—вмѣшивался Сокольцевъ: зачѣмъ же ни съ того, ни съ сего. Мы вину подыщемъ, по всей правдѣ поступимъ, по закону. Можно судить его.

— Судить! судить!—галдѣли всѣ.

— Да ошалѣли вы, што-ль, братцы? Я и такъ осужденъ, Богомъ и людьми наказанъ. За что меня, старичонку этакого, мучить?

— Молчать. Предсѣдатель лишаетъ тебя слова. Подсудимый! ты обвиняешься въ томъ, что утаилъ отъ Николаича еще одну душу.

Я спѣшилъ отказаться съ своей стороны отъ всякой претензіи на бѣднаго Чирка, хорошо зная, что за мерзость арестантскія «банки».

— Что изъ того, камера не прощаетъ!—кричалъ Желѣзный Котъ и уже суетился вмѣстѣ съ Никифоромъ подлѣ Чирка.

— Стойте, черти! какую такую я душу скрылъ?

— А тетку-то... Тетку-то, про которую мнѣ ночью сказывалъ?

— Котикъ родной! да развѣ можно этакъ товарищецкіе секлеты выдавать?

— Ага! «секлеты...» Новая вина! Миколаичъ, слышите, какъ опять выговариваетъ: секлеты?

— Банки! Банки! Пять банокъ поставить!

— Я не ученикъ... Караулъ!

— Заткните ему глотку скорѣе. Микишка, руки держи. Маразгали, рубашку вытягивай. Голову держите, кусается дьяволъ!

— Давай, давай,—съ радостью кидался было Маразгали помогать дикой забавѣ, но я останавливалъ его.

— Не ходи, Маразгали. Это мерзость.

— Ничаво, Николяичикъ,—просительно говорилъ онъ, жалобно на меня оглядываясь: пять банка можно... нѣтъ худа банка...

— Худо, Маразгали, очень худо, не надо.

И Маразгали, слушаясь меня, печально отходилъ прочь. Но, улегшись рядомъ со мной на нары, онъ не могъ утерпѣть, чтобы отъ всей души не смѣяться громкимъ ребяческимъ смѣхомъ и хоть мысленно не участвовать въ страшной вознѣ, происходившей на противоположныхъ нарахъ, откуда слышались звуки лопавшихся банокъ и заглушенные крики злополучнаго Чирка.

Банки состояли въ томъ, что палачъ оттягивалъ одной рукой кожу на обнаженномъ животѣ наказываемаго и быстрымъ ударомъ по ней другой руки приводилъ въ прежнее положеніе, «отрубалъ банки». При самыхъ легкихъ ударахъ кожа багровѣла отъ нѣсколькихъ банокъ, а въ случаѣ серьезнаго наказанія послѣ двухъ банокъ могла уже брызнуть кровь.

— Разъ! два! три!—отсчитывалъ Желѣзный Котъ свои удары по брюху Чирка:—четыре! пять! шесть!

— Стойте, окаянные, лишку дали! Пять присудили, а онъ шесть отсѣкъ.

— За это и Коту надо банки. Это несправедливо,—подтверждалъ Сокольцевъ.

— Нѣтъ, не банки, а ложки!—вскрикивалъ озлившійся Чирокъ.

— Ложки, такъ ложки. Одну слѣдуетъ отпустить.

— Не одну, а тоже шесть, какъ и мнѣ!

— Вишь ты, хитрый какой,—протестовалъ Желѣзный Котъ: тебѣ пять по закону дано было, по суду. Липпюю одну я тебѣ отрубилъ; вотъ и получай свою, коли камера присуждаетъ. Я противъ обчества нейду.

И Желѣзный Котъ покорно улегся на нары и самъ заворотилъ себѣ рубаху. Чирокъ засуетился, забѣгалъ по камерѣ, отыскивая ложку. Лицо его сіяло, какъ хорошо намасленный блинъ: такъ живо

предвкушалъ онъ упоеніе местью. Наконецъ, онъ выбралъ самую увѣсистую деревянную ложку. Подойдя затѣмъ къ голому животу кузнеца, онъ плюнулъ на него, растеръ плевокъ рукою и съ крикомъ:—Поддаржись, о-жгу!.. изъ всей силы ударилъ по тѣлу донцемъ ложки. Желѣзный Котъ охнулъ отъ жестокой боли и вскочилъ на ноги: животъ съ одного удара посинѣлъ и вздулся... Всѣ захохотали. Подошедшій къ форточкѣ надзиратель опять прикрикнулъ:

— Въ карецъ, что-ль, захотѣли? Ей-Богу, доложу начальнику. Завтра же всѣхъ васъ разселитъ по другимъ нумерамъ. Ни одного нумера такого шалопутнаго нѣтъ.

Послѣ этого всѣ притихли и начали по-немногу укладываться спать. Заводятся тихіе разговоры. Толстякъ Ногайцевъ заявляетъ:

— Ну, и налопался жъ я сегодня. Солонины, пожалуй, фунта три сожралъ, огурцовъ соленыхъ полбоченка опросталъ.

— Гдѣ?—удивленно спрашиваютъ его.

— Въ штольнѣ на откаткѣ былъ. А Монаховъ тамъ цѣлую кладовую устроилъ. Оно хорошо тамъ—холодокъ, погребъ настоящій... Вотъ я и залѣзъ туды. Теперь ажно все нутро воротитъ.

— Ну, это вотъ не хорошо,—назидательно замѣчаетъ ему Сокольцевъ.—Потому я такъ понимаю: ежели ты человѣкъ услужливый и потрудишься для него, тогда другое дѣло. А то онъ тебѣ ничѣмъ не обязанъ. Изъ-за васъ, вотъ, чертей, и довѣрія никакого нѣтъ къ нашему брату.

— Вѣстимо, изъ-за ихъ, сволочей!—слышатся и другіе голоса.

— Да не замѣтитъ вѣдь, оправдывается Ногайцевъ. Такъ съѣдено, что ничего нельзя замѣтить... Не зря же!

— Ну, коли не замѣтитъ, тогда хорошо, подтверждаетъ Ефимовъ.

Кто-нибудь начинаетъ разсказывать о своей прошлой жизни, о своихъ преступленіяхъ, о другихъ тюрьмахъ, въ которыхъ приходилось ему сидѣть. Заводится споръ. Мысли такъ и перескакиваютъ у спорщиковъ съ одного предмета на другой, такъ что нерѣдко они сами тотчасъ же забываютъ, съ чего начали разговоръ. Только что живописавъ, какъ голова скатилась у человѣка съ плечъ, промолвивъ: «Гриша! что ты сдѣлалъ?», разсказчикъ вспоминаетъ уже о томъ, какая въ Тарской тюрьмѣ каша великолѣпная.

Мало-мальски отвлеченныхъ разговоровъ съ этими людьми положительно невозможно вести. Какой-нибудь мелкій, ничтожный фактъ, приведенный вами или однимъ изъ вашихъ собесѣдниковъ въ видѣ примѣра, увлечетъ ихъ далеко въ сторону; предметъ бесѣды забывается, и на первый планъ выступаетъ реальная дѣйствительность съ ея конкретными деталями и интересами. Такъ однажды зашла рѣчь о томъ, кого чаще убиваютъ въ тюрьмахъ: надзирателей, или своего же брата-арестанта? Споръ на минуту сильно обострился; но вдругъ одинъ изъ главныхъ участниковъ его,

услышавъ разсказъ объ одномъ убійствѣ въ Томской тюрьмѣ, сдѣлалъ поправку въ томъ смыслѣ, что расположеніе камеръ тамъ не совсѣмъ такое, какъ говоритъ его противникъ. Послѣдній сталъ возражать, и основной вопросъ былъ настолько всѣми забытъ и покинутъ, что бесѣда стала для меня не интересной, и я поспѣшилъ заснуть. Въ другой разъ зашелъ споръ о томъ, другъ-ли человѣку собака или нѣтъ. Большинство стояло за то, что другъ. Тогда одинъ изъ арестантовъ началъ почему-то повѣствовать о своемъ дѣлѣ, о томъ, какъ онъ забрался съ товарищемъ въ одинъ домъ, какъ пытали старика-хозяина со старухой, требуя у нихъ денегъ и разодравъ старику ротъ, а старуху посадивъ на колъ; дальше о томъ, какъ въ первый разъ сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ и знакомился съ арестантскими обычаями, какъ жилъ потомъ въ Сибири... Разсказъ этотъ длился около часу, такъ что всѣ забыли уже о собакѣ, и многіе давно спали. Я одинъ недоумѣвалъ и, наконецъ, спросилъ:

— При чемъ же тутъ собака-то?

— Какая собака?

— Да вѣдь мы начали съ того, другъ она или врагъ человѣку?

— Такъ вотъ объ этомъ же самомъ и говорилъ я.

— То есть какъ объ этомъ?

— Да такъ. Я забылъ только сказать, что собака залаяла и выдала насъ... Какой же она другъ человѣку? Кабы она была другъ, она бы меня не погубила. А то убили мы съ товарищемъ старика и старуху, она возьми и залай! Наша же собака. Насъ и поймали. Какой же она другъ? Она первый, значитъ, врагъ.

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Во тьмѣ ночной, въ глубокой тишинѣ
Сіяетъ мнѣ порой мечта воображенья
И на яву тогда я брежу, какъ во снѣ,
Меня томитъ то радость, то сомнѣнье...

Но длится ночь, разсвѣтъ еще далекъ,
А яркая мечта блѣднѣетъ, догораетъ,
И предразсвѣтный, вдругъ поднявшись, вѣтерокъ
Полночные туманы разгоняетъ.

И такъ мнѣ жаль погибшую мечту,
Не увидавшую всей радости разсвѣта,
Какъ дерево грозой разбитое въ цвѣту,
Какъ въ юности умершаго поэта...

Allegro.

БОРЦЫ.

Романъ.

VIII.

Часовъ около шести майскаго погожаго дня Обводный каналъ представлялъ картину, полную жизни и кипучей дѣятельности. Чуткій художникъ-жанристъ могъ бы обрѣсти здѣсь благодарную тему для выдающагося произведенія. Освѣщенный яркими лучами солнца, запруженный барками, медленно подвигавшимися вверхъ и внизъ, каналъ былъ переполненъ народомъ, усѣявшимъ оба его довольно крутые берега. Здѣсь, перепачканные въ углѣ, черные какъ негры, съ разстегнутыми воротами рубахъ, люди везли огромныя, нагруженныя до верху тачки; тамъ другая кучка людей бичевою тащила подъ мостъ тяжелую, неуклюжую барку; на третьей баркѣ, сѣвши съ обнаженными головами въ кружокъ и запуская ложки въ огромную чашку съ мутной бурдой, полдничала утомленная группа прикончившихъ работу судовщиковъ—плитниковъ; на кормѣ четвертой, совершенно пустой, причаленной къ берегу барки, лежа на спинѣ и подставивъ ярко-рыжую бороду подъ лучи солнца, отдыхалъ караульный мужикъ. На берегу было еще больше оживленія. Рабочіе сгружали съ барокъ уголь, плиту, кирпичъ, ломовые съ грохотомъ подъѣзжали на своихъ телѣгахъ и увозили грузъ, тутъ же шмыгали грязные, босоногіе ребятишки; прислонившись къ клѣткѣ кирпича, молотками и гвоздями наскоро орудовалъ «холодный сапожникъ», починяя опорки взлохмаченному, потерявшему человѣческій обликъ субъекту, который сидѣлъ тутъ же, босой, въ одной изорванной рубахѣ и задумчиво ковырялъ между пальцами грязныхъ ногъ.

А мимо, по обоимъ берегамъ, по мосту, въ конкахъ и на извозчикахъ, подъ звонки, грохотъ экипажей и неясный гулъ голосовъ, все дальше и дальше неслась волна человѣческихъ жизней и, казалось, не будетъ конца этой волнѣ. Какой нибудь отсталый отъ этой волны, загулявшій рабочій, съ гармоніей

въ нетвердыхъ рукахъ свернетъ подъ откосъ, выберетъ мѣстечко «на травкѣ» и успокоится, а вмѣсто него, глядь, по волѣ стихійной волны являются два, три, десятки такихъ же рабочихъ и всѣ идутъ да идутъ впередъ.

Та же стихійная сила захватила въ свою власть и еще одного человѣка, повидимому очень мало имѣвшаго общаго со всѣмъ этимъ людомъ. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, высокій, прямой, видимо старавшійся придать своей фигурѣ благородный оттѣнокъ. Тщательно подстриженная бородка клинушкомъ и пенснэ на горбатомъ, немного красномъ въ кончикѣ, носу могли бы вполнѣ характеризовать джентльмена, если бы не порыжѣлая, значительно пострадавшая отъ лѣтъ и разныхъ случайностей шляпа-либералка, сильно вытертый, весь въ пятнахъ, сюртукъ и короткіе «съ бахромой» панталоны. Впрочемъ, если не считать ярко начищенныхъ и очень мало ношенныхъ башмаковъ-скороходовъ, на старикѣ была одна выигрышная вещь, которой онъ, видимо, придавалъ большое значеніе. Это былъ бѣлый, пикейный жилетъ, порядкомъ облохматившійся и нѣсколько пожелтѣлый, но чистый и съ прекрасными перламутровыми пуговицами, который старикъ не только не прикрывалъ сюртукомъ, но даже нарочно старался обнаружить, безпрестанно раздвигая борты сюртука.

Въ правой рукѣ старика была камышевая трость съ никелированнымъ набалдашникомъ и онъ помахивалъ ею довольно безпечно; лѣвая, позволявшая видѣть крахмальную манжету сорочки, была затянута въ лайковую перчатку совершенно неопредѣленнаго цвѣта.

Безъ особенныхъ приключеній, если не считать того, что на мосту старикъ разразился ругательствами противъ субъекта, осмѣлившагося предложить ему надмогильный вѣнокъ, и дальше замахнулся тростью на гурьбу ребятишекъ, едва не сбившихъ его съ ногъ,—джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ добрался до дома, гдѣ помѣщался трактиръ «Маренго».

Онъ остановился передъ трактиромъ повидимому безъ особеннаго желанія войти въ него, посмотрѣлъ на окна, на двери, медленно повернулъ за уголъ, и, увидя прибитую къ забору, дощечку съ надписью: «вхотъ всатъ трактира», самымъ непостижимымъ для посторонняго глаза образомъ исчезъ.

Онъ очутился въ небольшомъ, огороженномъ заборомъ пространствѣ съ торчавшими изъ земли нѣсколькими голыми деревцами, съ нѣсколькими столиками, въ компаніи съ десяткомъ дешевыхъ стульевъ окружившими бывшую посерединѣ цистерну, на сухомъ днѣ которой покоилась цѣлая куча сухихъ, прошлогднихъ листьевъ.

Старикъ осмотрѣлся. Въ садикѣ никого не было, только

на верхушкѣ забора сидѣла общипанная ворона и меланхолично смотрѣла внизъ, на старика.

— Чортъ возьми, есть тутъ кто нибудь?—разразился старикъ, садясь на стулъ и принимаясь стучать тростью по столу,— эй, человѣкъ!

Откуда то сбоку изъ за голыхъ сучьевъ какого то кустарника выскочилъ знакомый уже отчасти читателю Сенька и предсталъ передъ джентльменомъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Я звалъ человѣка!—воззрился на него старикъ,—а ты что такое?

— Я-съ человѣкъ!—плутовато улыбнулся Сенька.

— Ты полъ-человѣка, или даже четверть человѣка, вотъ что ты такое, шельма!—наставительно замѣтилъ старикъ,— впрочемъ я тебя знаю, ты былъ...

— Такъ точно-съ!

— Молчи и слушай! Ты былъ у меня, и тебѣ можно довѣриться! Пойди и пригласи сюда...

— Никиту Иваныча-съ?

— Ахъ ты, каналья!—потянулся къ его уху старикъ,— зачѣмъ перебиваешь? Зачѣмъ торопишь? Хочешь показать свою догадливость? Ну, да, конечно, его! До всѣхъ васъ мнѣ дѣла нѣтъ. Да принеси мнѣ бутылку пива!

— Сей минуту-съ!

Сенька исчезъ тамъ-же, откуда появился, затѣмъ снова вынырнулъ, на этотъ разъ съ подносомъ, на которомъ стояли: бутылка пива, стаканъ и крохотное блюдечко съ двумя баранками, и, поставивъ подносъ на столъ, снова изчезъ.

Старикъ осмотрѣлъ стаканъ на свѣтъ, даже понюхалъ его, и только тогда налилъ пиво. Пѣна въ стаканѣ все убывала да убывала, газъ улетучивался, а старикъ, какъ сѣлъ въ задумчивой позѣ, подперевъ голову рукой, такъ и оставался сидѣть. Богъ вѣсть, о чемъ онъ думалъ. Можетъ быть о протекшей молодости, о лучшихъ временахъ, когда вмѣсто пива «Старой Баваріи» ручьями лилось шампанское, и не голыя деревья дрянного, трактирнаго садика съ ветхимъ заборомъ и общипанной вороной на немъ окружали старика, а веселое общество друзей—собутыльниковъ и красивыхъ женщинъ.

Никита Ивапычъ долженъ былъ весьма основательно крякнуть, чтобы вывести старика изъ состоянія глубокой задумчивости.

— А, это ты, Никита? поднялъ голову старикъ;—ну, какъ поживаешь?

— Благодарю покорно, ваше сіятельство!—съ чувствомъ глубокаго уваженія и не безъ сознанія собственнаго достоинства отвѣчалъ Никита.

Отставивъ одну ногу и едва касаясь концами пальцевъ

правой руки спинки пустого стула, онъ стоялъ передъ старикомъ въ полномъ блескѣ своего лакейскаго званія: во фракѣ бѣлоснѣжной манишкѣ, бѣломъ галстухѣ, съ брюшкомъ затянутымъ въ черный жилетъ съ широкимъ вырѣзомъ, съ напомаженными, оттопырившимися остатками волосъ на затылкѣ.

— Радъ, что вижу тебя въ добромъ здоровьѣ, сказалъ графъ,—э... э... посмотри-ка, что это такое?

Графъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ общипанная ворона, вдобавокъ еще оказавшаяся хромою, слетѣла съ забора, проковыляла по дорожкѣ до столика, затѣмъ вскочила на него и уже намѣревалась сунуть клювъ въ стаканъ съ пивомъ.

— Ручная!—съ снисходительной улыбкой на обрюзгломъ лицѣ пояснилъ Никита Иванычъ, взялъ ворону попросту за шею и отбросилъ въ сторону,—Васька, пошла на свое мѣсто! Я тебя!

— Васька?—усмѣхнулся старикъ,—даже имя дали?

— Какъ-же-съ! Нельзя!—любовно глядя на ковылявшую ворону отвѣчалъ Никита Иванычъ, — Василисой Ермолаевной величаемъ,—кухонный мужикъ Ермолай птенчикомъ изъ гнѣзда досталъ.

— Отчего она такая щипаная?

— Съ кошками все дерется! Страхъ какъ не любитъ ихнюю сестру!

— Вотъ какъ? Ну, Никита Иванычъ, во первыхъ, позволь тебя поблагодарить!—съ чувствомъ началъ старикъ,—я собственно за этимъ пришелъ и позвалъ тебя! Спасибо, большое спасибо тебѣ!

За что, ваше сіятельство?

Никита Иванычъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло и крайне удивленъ. Графъ тоже не захотѣлъ назвать вещи своими именами.

— Я знаю за что и ты тоже знаешь! — отвѣчалъ онъ, прихлебывая пиво,—какъ ты ни старался скрыть, какъ ни делекатно поступилъ въ извѣстномъ вопросѣ,—понимаешь?—старикъ подмигнулъ, — но... однимъ словомъ, я знаю... И вотъ причина моего визита!

— Покорнѣйше благодарю за посѣщеніе, ваше сіятельство!—съ поклономъ отвѣчалъ Никита Иванычъ.

— За мною, Никита Иванычъ, не пропадетъ! Знай это! Процессъ затѣянъ, и у меня есть нѣкоторыя данныя предполагать, что дѣло кончится въ мою пользу!

— Далъ бы Богъ, ваше сіятельство!

— Богъ дастъ!—увѣренно отвѣчалъ старикъ,—я давно къ тебѣ собирался, но мѣшали разныя домашнія неустройства! Да! Теперь, когда Маланья Осиповна, по моему настоянію, рѣшилась, наконецъ, разстаться съ своимъ кабріолетомъ, я

скомбинировалъ нѣкоторую сумму, которая дала мнѣ возможность выйти на воздухъ...

Старикъ откинулся на спинку стула и глубоко вздохнулъ, какъ будто воздухъ, бывшій въ саду, оказался именно тѣмъ какого ему не доставало

— Позвольте, ваше сіятельство, какой же это кабріолетъ? Тотъ, который стоялъ на дворѣ, въ углу?—спросилъ Никита Иванычъ.

— Онъ самый!—небрежно отвѣтилъ графъ,—паршивый, изломанный кабріолетишка, за который при всѣхъ моихъ усиліяхъ едва согласились дать двѣнадцать рублей!

— Ай-ай-ай!—покачалъ головой Никита Иванычъ,—а дилижансы, ваше сіятельство?

— Дилижансы!—съ раздраженіемъ воскликнулъ старикъ,—вотъ то-то и оно, что всѣ меня спрашиваютъ объ этихъ проклятыхъ дилижансахъ!

— За дилижансы много больше дадутъ!

— Я думаю!—фыркнулъ графъ,—въ нихъ одного желѣза... рессоры цѣлы... обивка... Ну, а поговори-ка съ дурой бабой! Послушалъ бы, какъ она за эти дурацкіе дилижансы стоитъ!

— Не рѣшаются продать

— И слышать не хочетъ! Знаешь, что я тебѣ скажу, Никита Иванычъ, русская женщина, т. е. вотъ этакая, простая, вродѣ Маланьи,—вѣдь она, кстати, и неграмотная,—удивительная женщина, т. е. просто таки непостижимая! Какъ ты думаешь, отчего она не хочетъ разстаться съ этимъ хламомъ? Ну?

— Жалѣютъ-съ!

— Что жалѣетъ? Хламъ?

— Такъ-съ... вообще!

— Вотъ это вѣрно! Ты угадалъ! Въ этомъ старьѣ она видитъ память... по комъ бы ты думалъ? Ты думаешь по человѣкѣ, который ее любилъ, или уважалъ, или относился къ ней по-человѣчески? Ни, ни! Этотъ бегемотъ, ея мужъ, всю жизнь издѣвался надъ нею, помыкалъ какъ самой послѣдней тварью, обобралъ въ самомъ началѣ, а подъ конецъ просто-таки истязалъ, всенародно, публично, на весь околотокъ истязалъ. Удивляюсь еще, какъ она цѣла осталась, какъ у ней ребра не переломлены! И вотъ, послѣ такой-то прелести, эта самая женщина не рѣшается разстаться съ вещами, которыя ей напоминаютъ ея прошлую жизнь! Я говорилъ съ ней, и очень много по этому поводу... Ну, что она мнѣ отвѣчаетъ? «Да какъ же такъ то... Жили себѣ полнымъ домомъ... заведеніе было какъ слѣдуетъ.. шестьдесятъ лошадушекъ... коровки были... все, какъ слѣдуетъ... какъ же я память то продамъ!» *Память продамъ*! А? Понимаешь ты тутъ что нибудь?

Никита Иванычъ счелъ наиболѣе удобнымъ отмолчаться и даже на дипломатическомъ лицѣ своемъ изобразилъ выраженіе полнѣйшаго нейтралитета.

— Что касается до меня,—продолжалъ старикъ, наливая изъ второй, неизвѣстно какъ и когда появившейся бутылки,—то я рѣшительно таки ничего не понимаю! Отраженіе ли это застарѣлаго рабства, привязанность ли кошки къ своему углу и окружающимъ предметамъ, или... проявленіе высокаго чувства христіанскаго всепрощенія и забвенія, то высокое, самоотверженіе, отреченіе отъ самой себя, которое всегда характеризовало русскую женщину! И я всегда кончалъ тѣмъ, что соглашался съ послѣднимъ. Пусть будетъ послѣднее! Никита Иванычъ, выпьемъ за русскую женщину! Ты долженъ выпить! Эй, мальчикъ, стаканъ! Стаканъ, живо!

Вынырнувшій изъ своего убѣжища, плутоватый Сенька въ одну минуту предоставилъ стаканъ, графъ немного дрожавшей рукой налилъ все еще продолжавшему стоять Никитѣ Иванычу и себѣ, они чокнулись и выпили залпомъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ Никита Иванычъ,—становится сыро. Я попросилъ бы васъ въ залу!

— Ты думаешь?

— Вечера холодные!

— Да... какъ будто посвѣжѣло!.. Гм! Ну, а тамъ, въ залѣ какъ у тебя?..

— Не извольте безпокоиться! — понялъ Никита Иванычъ,—тамъ у насъ публика чистая! Да сегодня и быть не кому!

— Въ самомъ дѣлѣ? Что-жъ, зайти развѣ не надолго?

— Пожалуйте, ваше сіятельство, будьте покойны.

По лицу графа промелькнула благодарная улыбка. «Какой ты умный и хорошій человѣкъ, Никита Иванычъ», означала эта улыбка.

— Ну, что же, веди меня!

Старикъ поднялся со стула и медленно подошелъ къ цистернѣ. Никита Иванычъ почтительно стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Вонъ у тебя какія тутъ штуки!—улыбнулся графъ,—и что-же,—фонтанъ?

— Былъ, ваше сіятельство!

— Можно возобновить?

— Можно, ваше сіятельство! Со временемъ будетъ!

— Хорошо... хорошо... И садикъ очень милъ, очень! Когда все распустится... будетъ очень хорошо... Столики... очень, очень мило! Куда же нужно идти? А! лѣстница въ русскомъ вкусѣ... и коврики... хорошо, хорошо!

Въ просторной, свѣтлой залѣ, куда Никита Иванычъ привелъ графа, было все чисто, прилично, даже съ претензіей на

нѣкоторую трактирную роскошь. За двумя, тремя столиками сидѣли посѣтители—люди купеческаго вида въ длинныхъ сюртукахъ и сапогахъ бураками; за однимъ сидѣла компанія мясниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ даже при передникѣ. Старикъ снисходительнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ и поморщился только на двухъ, сидѣвшихъ неподалеку отъ мясниковъ, порядочно выпившихъ юныхъ субъектовъ, по виду смахивавшихъ не то на конторщиковъ изъ мелкихъ, не то на трактирныхъ слугъ.

Извѣстіе о томъ, что «Маренго» посѣтилъ графъ, мигомъ облетѣло всѣхъ служащихъ и первому сообщилось буфетчику, чахлому, рыжему мужчинѣ въ веснушкахъ, который и не замедлилъ явиться въ залу. Но старикъ даже не взглянулъ въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ; опираясь на трость, онъ ходилъ по залѣ, присматривался къ развѣшаннымъ по стѣнамъ олеографіямъ и время отъ времени говорилъ сопровождавшему его Никитѣ Иванычу:

— Недурно...—очень недурно!.. Это преміи, да? Ну, конечно! А куда дѣвалась гравюра: «Свадебный пиръ»? Ее бы я тебѣ посовѣтовалъ повѣсить. . и вообще гравюры... приличнѣе... понимаешь?

— Понимаю, ваше сіятельство! «Пиръ» на квартирѣ у хозяина.

— А, на квартирѣ! Такъ! Ну, куда же ты меня посадишь?

— Пожалуйте сюда, ваше сіятельство! Вамъ тутъ будетъ спокойнѣе!

Графъ сѣлъ за столъ и поставилъ трость къ трюмо, обладавшему замѣчательнымъ свойствомъ непомѣрно раздувать лица смотрѣвшихся въ него.

— Ну, теперь что же мы съ тобой придумаемъ?—спросилъ графъ у почтительно стоявшаго сзади Никиты Иваныча.

— Ваше сіятельство желаете что нибудь скушать?

По лицу Никиты Иваныча пробѣжала тѣнь и оно приняло растерянный видъ.

— Да, я думаю!

— Извольте карточку, ваше сіятельство.

Старикъ взялъ карточку и началъ просматривать. Названія кушаній были все такія, какія бываютъ въ лучшихъ ресторанахъ; были и «филе миньонъ» и «судакъ орли» и «почка брошетъ», но цѣны были такъ изумительно низки, такъ приноровлены къ платежнымъ силамъ мѣстнаго потребителя, что графъ только улыбнулся, захлопнулъ карточку. отдалъ ее Никитѣ Иванычу и сказалъ:

— Ты мнѣ вообще посовѣтуй!.. Такъ лучше!

— Это все можно сдѣлать, ваше сіятельство! У насъ по-

варъ хорошій!—не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ сказалъ Никита Иванычъ.

— Рыба есть?

— Рыбы не могу предложить!—шепнулъ Никита Иванычъ и покраснѣлъ до самой лысины.

— Ну, да это я такъ! Я, собственно, не люблю рыбы!—замѣтилъ графъ и тоже слегка покраснѣлъ,—а вотъ что!—уже значительно повеселѣвшимъ тономъ прибавилъ онъ,—помнишь, какъ я это любилъ,—сдѣлай ты мнѣ...

Старикъ поднялъ смѣющееся лицо и въ упоръ смотрѣлъ на Никиту Иваныча; обрюзгшее лицо Никиты Иваныча тоже было необыкновенно весело.

— Сдѣлай... ты... мнѣ...

Старикъ медлилъ и наслаждался. Лицо его почти помолодѣло. При каждомъ его словѣ, Никита Иванычъ, желая показать, что уже заранѣе знаетъ, что любитъ графъ, утвердительно качалъ головой.

— Сдѣлай... ты мнѣ... Послушай, Никита Иванычъ, готовъ держать какое угодно пари, что ты даже не воображаешь, что я хочу заказать!

Но Никита Иванычъ только лукаво улыбался; «знаемъ, дескать, знаемъ, что ты любишь! Вкусы то твои еще не забыли! Нечего тамъ!»

— У тебя, понимаешь ли, и въ головѣ этого нѣтъ!—продолжалъ наслаждаться графъ,—эхъ, какъ мнѣ хочется подержать пари!

— Проиграете, ваше сіятельство!

— Будто? Ну... (Лицо графа вдругъ приняло серьезное, сосредоточенное выраженіе, лицо Никиты Иваныча сдѣлалось совсѣмъ строгимъ)—сдѣлай... ты... мнѣ...

Старикъ внимательно посмотрѣлъ въ глаза Никиты Иваныча; обыкновенно вялые, мутные, напоминавшіе глаза варенаго судака, они горѣли теперь огнемъ какого то непонятнаго вдохновенія.

— Сдѣлай ты мнѣ... ма,..

— Макароны по итальянски!—съ какимъ то дикимъ энтузіазмомъ воскликнулъ Никита Иванычъ.

— Угадалъ, молодецъ, угадалъ! — похвалилъ графъ,—но только я ставлю непремѣннымъ условіемъ, чтобы это было сдѣлано... понимаешь?

— Помилуйте, ваше сіятельство.

— Ну, однимъ словомъ, масло должно быть непремѣнно сливочное, сыръ старый... пармезану, конечно, у васъ нѣтъ...

Никита Иванычъ конфузливо опустилъ лысую голову.

— Да, да! Это ничего, можно обойтись! И чтобы все это отдѣльно, знаешь?

— Помилуйте, ваше сіятельство, мнѣ то не знать!—нѣсколько обиженнымъ тономъ отозвался Никита Иванычъ.

— Ну, конечно! Неужели я сколько нибудь сомнѣвался въ этомъ! Дай же ты мнѣ, старику, поболтать! Итакъ, отлично: макароны по-итальянски, а покуда дай мнѣ добрую рюмку водки и бутербродъ...

— Съ ветчиной, прикажете?

— Все равно! Хоть съ ветчиной.

Никита Иванычъ быстро повернулся и полетѣлъ на всѣхъ парахъ въ буфетную.

Черезъ минуту передъ графомъ стояла рюмка водки, лежали: бутербродъ съ ветчиной, ножичекъ, чистая салфетка, но старикъ и на этотъ разъ, также какъ въ саду, медлилъ приступать, и на этотъ разъ впалъ въ непонятную задумчивость.

Шумъ за тѣмъ столикомъ, гдѣ сидѣли юные субъекты, привлекъ его вниманіе; онъ повернулся и сталъ смотрѣть на нихъ. Оба были совершенно пьяны, ерзали на стульяхъ и качали изъ стороны въ сторону головами.

— Ты... жжи...вотное земно... водное!—говорилъ одинъ, въ свѣтло сѣромъ пиджакѣ и голубомъ галстухѣ, тыкая пріятеля пальцемъ въ жилетъ,—у т...те-бя брюшко зеленое, съ ччерными к...крапинками, а ножки... к...коротенькіе!

— А т... ты перепелъ!..

— Перепилъ! Точно!

— Не перепилъ, а перепелъ... птица... пон...ни...маешь!

— Хо-хо-хо!

Никита Иванычъ въ металлической посудѣ подавалъ графу макароны; на отдѣльномъ подносѣ стояли масло и сыръ. Съ салфеткою подъ горломъ, графъ методично взялъ масло, опустилъ въ горячія макароны, тщательно перемѣшалъ, потомъ также методично взялъ натертый сыръ, посыпалъ сверху, перемѣшалъ и предоставилъ Никитѣ Иванычу поставить макароны на столъ. Никита Иванычъ усиленно слѣдилъ, какъ графъ началъ кушать макароны; шумъ за сосѣднимъ столикомъ видимо безпокоилъ его, онъ приподнималъ брови, блѣднѣлъ, бросалъ на юнцовъ сердитые взгляды.

Вдругъ одинъ изъ нихъ, — тотъ, который былъ въ сѣромъ пиджакѣ, потянувшись чокнуться съ пріятелемъ, уронилъ на полъ стаканъ съ пивомъ.

— Бей мельче, чортъ!—воскликнулъ другой и началъ каблукомъ растаптывать разбитый стаканъ.

— Господа, не извольте безобразничать!—воскликнулъ подбѣжавшій лакей,—не хорошо-съ, нельзя такъ!

— А ты кто такой?—во все горло воскликнулъ сѣрый пиджакъ.

— Сами видите, кто я.

— Ты лакей! Мразь! Какъ ты смѣешь дѣлать мнѣ замѣчанія! Я тебя знать не хочу! Брысь!

— Посѣтителямъ непріятно-съ!

— Кому непріятно? Ну? Кому? Если кому непріятно, пусть буфетчикъ скажетъ! А тебя я знать не хочу! Всякій лакеишка станетъ мнѣ замѣчанія дѣлать! Ничтожество! Дрянь!

На шумъ въ залу явился буфетчикъ и подошелъ къ юнцамъ.

— Господа, нельзя ли потише!—сказалъ онъ.

— Вы буфетчикъ?—воззрился на него сѣрый пиджакъ.

— Да, я буфетчикъ!

— Ну, вотъ это я понимаю! Я понимаю, съ кѣмъ говорю! А то подходитъ какой-то лакеишка... дрянь... ничтожество... и смѣетъ еще тутъ говорить... Болванъ этакой!

Впродолженіе этой сцены Никита Иванычъ стоялъ у стула графа и не проронилъ ни слова, не издалъ ни одного звука; казалось, все его вниманіе было сосредоточено на графѣ, но руки его дрожали, лицо все болѣе и болѣе багровѣло, и раза два онъ бросилъ на юнцовъ такіе яростные взгляды, что казалось, если бы это было въ его власти, онъ уничтожилъ бы ихъ моментально. Графъ тоже былъ въ сильнѣйшей степени возбужденъ; рука, державшая вилку, дрожала такъ сильно, что поддѣваемыя ею макароны раза два упали на салфетку, и вдругъ, не докончивъ блюда, старикъ всталъ, взялъ свою трость и, опираясь на нее, подошелъ къ юнцамъ.

Одинъ какой то неуловимый знакъ Никиты Иваныча, и четыре находившіеся въ залѣ лакея подбѣжали и остановились позади графа.

— Послушайте,—сказалъ старикъ, глядя въ упоръ на субъекта въ сѣромъ пиджакѣ, — сейчасъ, при мнѣ, вы оскорбили человѣка, назвавъ его болваномъ! Въ моей власти пригласить полицію и составить протоколъ. Но я не желаю причинять хлопотъ хозяину этого заведенія и требую, слышите вы, требую, чтобы вы извинились передъ этимъ человѣкомъ, или сію же минуту уходите вонъ!

Видъ этого высокаго, опирающагося на трость и мечущаго изъ подъ густыхъ бровей сердитые взгляды старика былъ такъ внушителенъ, что оба юнца оторопѣли. Однако, сѣрый пиджакъ скоро пришелъ въ себя, откинулся на спинку стула и, задравъ голову кверху, спросилъ:

— А вы что за приказчикъ?

— Вонъ! внѣ себя крикнулъ старикъ, схватилъ юнца за борты пиджака, приподнялъ его со стула и отшвырнулъ на середину залы.

— Вотъ такъ баринъ! Браво!—крикнули мясники.

Оба юнца были уже дверей: сѣрому пиджаку одинъ изъ лакеевъ подавалъ котелокъ, другой юнецъ расплачивался.

Графъ сидѣлъ за своимъ столомъ; подлѣ стоялъ буфетчикъ и извинялся.

— Я долженъ просить у васъ извиненія!—отвѣчалъ старикъ,—я тоже нарушилъ тишину, но я не могъ выносить такого хамства. Это было свыше моихъ силъ! Никита Иванычъ, дай мнѣ, пожалуйста, лимонаду и рюмку коньяку! Спасибо! Да вотъ что еще: подойди къ этимъ господамъ и попроси у нихъ извиненія отъ меня...

Никита Иванычъ въ точности исполнилъ приказаніе графа. Переданныя имъ слова были приняты мясниками съ большимъ энтузіазмомъ.

— Помилуйте-съ, за что-съ!—послышались голоса,—вы поступили вполнѣ, можно сказать, великолѣпно-съ!

Одинъ здоровенный мужчина среднихъ лѣтъ счелъ даже необходимымъ лично явиться къ графу.

— Позвольте, господинъ, пожать вашу руку... (Графъ позволилъ). Потому какъ мы сами жили въ услуженіи, должны понимать: маленькаго человѣка всякій обидѣть можетъ! А особливо слугу! Потому онъ слуга, онъ долженъ молчать! Ежели онъ что скажетъ, ему отъ буфетчика напрѣтъ! Мы это очень хорошо понимаемъ! Осмѣлюсь, господинъ, попросить васъ въ нашу компанію?

Но графу было давно уже не по себѣ. Послѣ сильнаго возбужденія наступила реакція, выразившаяся въ значительномъ упадкѣ силъ. Онъ былъ разстроенъ, смущенъ и бросалъ на Никиту Иваныча безпомощные взгляды.

— Благодарю васъ и прошу извиненія, что не могу исполнить вашей просьбы: мнѣ сейчасъ нужно по дѣлу!—отвѣчалъ онъ,—я очень, очень тороплюсь! Извините! Никита Иванычъ, пожалуйста, счетъ! Да не забудь тѣ двѣ бутылки, что въ саду.

— На одну минуточку!—настаивалъ мясникъ,—потому, какъ мы видимъ, что вы благородный господинъ, намъ очень лестно, чтобы вы рюмочку мадеры откушали!

— Нѣтъ, пожалуйста, не просите, я не могу!—наотрѣзъ отказался графъ,— а, вотъ и счетъ? Прекрасно! Получи, Никита Иванычъ, и пожалуйста проводи меня,—я не знаю, какъ у васъ тутъ!

IX.

Предшествуемый Никитой Иванычемъ, тяжело опираясь на трость, графъ сходилъ по ступенькамъ лѣстницы въ садикъ. Никита Иванычъ предупреждалъ:

— Осторожнѣе, ваше сіятельство... тутъ уголкомъ ступенька. А вотъ теперь послѣдняя...

— Однако, какъ темно!—сказалъ графъ, очутившись въ саду и смотря на небо,—должно быть тучи?

— Да, тучи порядочныя!

— Пожалуй, дождь пойдетъ?

— Позвольте, ваше сіятельство я вамъ зонтикъ принесу!—вызвался Никита Иванычъ.

— Нѣтъ, не нужно! Всегда терпѣть не могъ зонтиковъ!—отвѣчалъ графъ, направляясь къ калиткѣ, противъ которой, съ улицы, свѣтилъ фонарь.

— Знаю, что не любите, да вѣдь измочитъ!

— Не сахарный, не растаю!

Никита Иванычъ пришелъ въ восторгъ отъ этого замѣчанія и разрѣшился дробненькимъ смѣшкомъ.

— Ну, прощай, Никита Иванычъ, ступай къ своимъ дѣламъ!—сказалъ графъ, берясь за скобу калитки,—пожалуйста, заходи! Буду очень радъ! Да, что я хотѣлъ!.. Видишь ли, мнѣ не слѣдуетъ пить коньякъ... кружится немного голова, и забывать сталъ... Да, видишь ли, я велъ себя очень безтактно

— Помилуйте, ваше сіятельство!..

— Нечего, нечего! Ты мнѣ не говори! Очень, очень безтактно я себя велъ.. грубо, и вообще... такъ не слѣдуетъ вести себя порядочному человѣку, понимаешь,—«порядочному человѣку»...

— Понимаю, ваше сіятельство!

— И пожалуйста, ты не вздумай мнѣ подражать!—съ тихимъ смѣшкомъ закончилъ графъ, выходя на улицу.

Но вдругъ онъ отшатнулся. Какая то огромная, темная фигура навалилась на него, обдавъ испареніями водки. Въ одинъ моментъ Никита Иванычъ очутился между графомъ и фигурой, повернулъ ее къ фонарю, заглянулъ въ лицо и, всплеснувъ руками, воскликнулъ:

— Капитонъ!

— Никита... Иванычъ... бла... а... дѣтель!—промычалъ вдребезги пьяный Капитонъ, облапливая фонарь.

— Хорошъ, нечего сказать! качалъ головой Никита Иванычъ,—ваше сіятельство, вѣдь это тотъ мужикъ, котораго я къ вамъ посылалъ.

— Какой мужикъ?

— Землякъ... въ кучера просился!

— А-а! Однако, онъ такъ пьянъ, что на ногахъ не стоитъ!

— Непьющій, ваше сіятельство! Хорошій мужикъ!

— Ко... неш... но, хорошій!—невнятно пробормоталъ Капитонъ, припавъ головой къ фонарю и представляя видъ прислушивающагося человѣка.

— Не знаю, что съ нимъ сталось!—удивлялся Никита Иванычъ,—совсѣмъ непьющій мужикъ!

— Ты его, все-таки, побереги! А я пойду! Прощай Никита Иванычъ!—сказалъ графъ.

— Прощайте, ваше сіятельство! Будьте здоровы!

— Ваше... сіясь!..—возопилъ Капитонъ, отрываясь отъ фонаря и устремляясь за графомъ, — ваше сіясь... явите... Б...божескую...

— Куда ты, лѣшій!—дернулся за нимъ Никита Иванычъ, схватилъ за полу кафтана и оттащилъ къ фонарю.

— Никита Иванычъ... благодѣтель! — взвылъ Капитонъ, поднимая на Разсудова голову. Все лицо его, съ падавшими на лобъ прядями волосъ, было въ крови. На правой скулѣ, подъ глазомъ, была залитая кровью и грязью порядочная ранка.

— На кого ты похожъ! Ай-яй-яй! — качалъ головою Никита Иванычъ.

— Благодѣтель... родной...

Капитонъ бухнулся Разсудову въ ноги.

— Ахъ ты скотина, скотина! Что я съ тобою буду дѣлать!—приговаривалъ Никита Иванычъ, стоя надъ Капитономъ и чувствуя сквозь тонкіе сапоги, какъ тотъ обдаетъ горячимъ дыханіемъ его ноги.

— Съ кѣмъ это вы, Никита Иванычъ? — спросилъ подошедшій дворникъ.

— Да, вотъ, видишь, пьяный!

— Въ участокъ отправить?

Дворникъ оглянулся, ища извозчика.

— Жаль въ участокъ! Землякъ онъ мнѣ! Не можешь ли, Кузьма, гдѣ нибудь его тутъ на дворѣ пристроить?

— Гдѣ же его, Никита Иванычъ, пристроить? Въ сарай, нешто?

— Въ какой сарай?

— А въ дровяной! Я тамъ нынче спалъ, да холодно что-то показалось!

— Ну, такъ хоть въ сарай! — обрадовался Никита Иванычъ.—Эй, Капитонъ, вставай! Капитонъ!

— Не встанетъ онъ теперь!—тономъ свѣдущаго человѣка замѣтилъ дворникъ,—теперь ужъ ау! Спать будетъ! Да вы его не трогайте, Никита Иванычъ, замараетесь! Вонъ онъ, словно барана зарѣзалъ,—весь въ крови! Дойдите до кухни, да пришлите Финогена, онъ мужикъ здоровый, вдвоемъ мы его какъ нибудь до сарая доволочемъ.

Никита Иванычъ такъ и сдѣлалъ: прислалъ изъ кухни Финогена, а на подмогу ему командировалъ одного трактирнаго прихлебателя, злѣйшаго пьяницу, къ счастію не успѣвшаго еще напиться и поэтому находившагося въ состояніи человѣка, готоваго вырвать чорту зубъ, если въ перспективѣ улы-

бается выпивка. Трое дюжихъ молодцовъ едва-едва могли приволочить тѣло Капитона въ сарай и бросить его на кучу рогожъ. Затѣмъ двери сарая были заперты на замокъ, ключъ отданъ Никитѣ Иванычу и тайна того, какъ, гдѣ, по какому поводу напился Капитонъ, куда дѣвались мѣшокъ и пара валенковъ,—осталась неразрѣшенной до утра.

Утромъ Никита Иванычъ два раза подходилъ къ сараю и прислушивался. Все было тихо; Капитонъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ существованія.

— Ужъ не померъ ли?—мелькало въ головѣ Никиты Иваныча, — какъ это его угораздило разбиться! Вотъ тебѣ и непьющій! Ну, проснись только, я его проберу!

Послѣ обѣда Никита Иванычъ подошелъ къ сараю еще разъ и прислушался. За дверью слышались движеніе и легкіе стоны.

— Что я буду съ этой свиньей разговаривать! — рѣшилъ Никита Иванычъ, увѣрившись, что землякъ живъ, и внезапно преисполнившись къ нему ненавистью,—открою сарай, и чортъ съ нимъ, пускай дѣвается куда знаетъ.

Никита Иванычъ отомкнулъ замокъ и ушелъ, унеся его съ собою. Капитонъ сидѣлъ на кучкѣ рогожъ, не рѣшаясь показаться на свѣтъ Божій. Видъ у него былъ самый плачевный: лицо и руки въ крови, пополамъ съ грязью, кафтанъ изорванъ и тоже весь въ грязи. Правая скула болѣла. Къ тому же сильная жажда мучила Капитона.

Онъ сидѣлъ, обхвативъ руками оба колѣна и спрятавъ между ними голову. Съ усиліями онъ старался припомнить, что произошло вчера...

... Онъ получилъ разсчетъ... такъ... помнится восемь рублей съ четвертакомъ.

Капитонъ сунулъ руку за пазуху и не нашелъ кошеля, сталъ соваться по карманамъ, снялъ сапоги, заглянулъ въ голенищи, началъ шарить въ рогожахъ,—нѣтъ нигдѣ.

— Обокрали! —словно ударило его чѣмъ въ голову, внутри сдѣлалось вдругъ горячо, горячо и онъ сразу протрезвѣлъ, — послѣдніе пары алкоголя испарились моментально.

И тогда совершенно ясно и детально припомнилось ему начало его постыдныхъ приключеній вчерашняго дня.

Онъ получилъ разсчетъ и пошелъ на Обводный каналъ съ благимъ намѣреніемъ побывать у Никиты Иваныча. Въ душѣ его кипѣла обида, ему было очень скверно, и, чтобы ободриться, онъ зашелъ въ кабакъ. Тамъ онъ встрѣтился съ какимъ-то человѣкомъ, у котораго на одномъ глазу было бѣльмо. Этотъ человѣкъ разговорился съ Капитономъ, сочувственно отнесся къ его бѣдѣ и обѣщалъ посодѣйствовать ему въ смыслѣ поступленія на другую конку, которая помѣщалась на Лиговкѣ.

Это было послѣ перваго стаканчика, поднесеннаго Капитономъ незнакомцу, который, впрочемъ, назвалъ себя Павломъ, просто Павломъ, больше ничего. Послѣ третьяго стаканчика, когда Капитонъ, разсказомъ о несправедливости нѣмца-начальника, поднялъ цѣлую бурю негодованія въ душѣ Павла съ бѣльмомъ, послѣдній предложилъ ему переночевать у себя въ Боровой, съ тѣмъ, чтобы утромъ рано идти наниматься на Лиговку. Онъ братски предлагалъ ему то немногое, чѣмъ обладалъ самъ: койку въ углу и половину соленой осетрины, торчавшей изъ кармана его растерзаннаго пиджака.

Умиленный добрымъ товарищескимъ отношеніемъ къ нему Павла съ бѣльмомъ, Капитонъ предложилъ выпить еще по стаканчику, причемъ, отчетливо помнится ему, кричалъ:

— Ты думаешь, у меня денегъ нѣтъ? Нѣтъ? А я тебѣ вотъ что скажу: для хорошаго человѣка, который, значитъ, отъ всей души, у насъ найдется! Найдется, говорю, денегъ-то! Вотъ онѣ!

И опять-таки помнится Капитону, какъ онъ вынималъ изъза пазухи кошель; сперва стучалъ имъ объ стойку, потомъ раскрывалъ и показывалъ скомканныя бумажки. И всѣ, начиная съ Павла и кончая сидѣльцемъ, съ блаженнымъ выраженіемъ на лицахъ заглядывали въ кошелекъ.

Выйдя изъ кабака, Павелъ съ бѣльмомъ почувствовалъ жажду, которую легко можно было удовлетворить пивомъ, въ чемъ онъ, со свойственной ему откровенностью, сознался Капитону. Капитонъ, который почему-то уже не пряталъ больше кошелька за пазуху, а держалъ его зажатымъ въ кулакѣ, молча повернулъ въ портерную. Тутъ произошла трогательная сцена: Капитонъ вошелъ въ портерную, распорядился насчетъ пары пива, а Павелъ съ бѣльмомъ остался на улицѣ. Наливъ два стакана, Капитонъ ждалъ; Павелъ не появлялся. Тогда Капитонъ вышелъ на улицу и увидѣлъ пріятеля сиротски приткнувшимся къ стѣнѣ дома. Изъ короткаго объясненія выяснилось, что Павелъ съ бѣльмомъ, не имѣя денегъ и не будучи приглашеннымъ, не рѣшался идти пить пиво. Такая изумительная деликатность привела Капитона въ восторгъ, хотя онъ не удержался тутъ же высказать пріятелю свое мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ весьма недалекомъ, даже просто глупомъ.

Введенный съ тріумфомъ въ портерную, Павелъ съ бѣльмомъ пожелалъ показать Капитону, что онъ вовсе не такъ глупъ, какъ тотъ думаетъ, и, въ антрактѣ между глотками пива, прочелъ ему кое-что изъ засаленной, сильно истрепанной газеты. Такія слова, какъ: «оппозиція», «сессія» и «режимъ» настолько одуряющимъ образомъ подѣйствовали на туманную голову Капитона, что онъ тутъ же и потерялъ нить дальнѣйшихъ событій.

И даже теперь, сидя въ сараѣ удрученный и трезвый, съ головою, опущенной на колѣни, Капитонъ, какъ ни усиливался, не могъ связать въ одно стройное и послѣдовательное тѣ калейдоскопическіе обрывки не то событій и поступковъ, не то собственныхъ мыслей, которые смутно припоминались ему.

Помнится, они закусывали кусочками углицкой колбасы, которая была такъ солона, что не смотря на страшное количество поглощеннаго пива, — градусъ жажды былъ тотъ же. Все хотѣлось пить. Столикъ былъ заставленъ бутылками, Капитонъ раза три пробовалъ ихъ сосчитать и путался между цифрами 13 и 18. Капитону нравилась обстановка портерной, располагавшая къ задушевной бесѣдѣ. И онъ говорилъ, говорилъ. Онъ посвятилъ Павла съ бѣльмомъ во всю свою несложную біографію (которою, однако, тотъ ни на минуту не заинтересовался, ведя мимическія объясненія съ дѣвицей въ желтомъ платьѣ и съ подвязанной щекой), онъ разсказалъ, и очень патетически, о своей любви къ лошадямъ, о Никитѣ Иванычѣ, о графѣ, и не помнитъ, какъ очутился на улицѣ. Впрочемъ, кажется, портерную запирали, доказательствомъ чему могъ служить мелькнувшій какъ въ туманѣ, несшій въ объятіяхъ огромный ставень,—мальчикъ. Затѣмъ Капитонъ и Павелъ съ бѣльмомъ, кажется, очутились на бульварѣ; Павелъ указывалъ на какія-то ворота съ краснымъ фонаремъ и утверждалъ, что это и есть самая «конка», арена будущей дѣятельности Капитона, а этотъ смотрѣлъ на блестѣвшую, при фонаряхъ, поверхность скамеекъ и думалъ, что идетъ дождь, хотя дождя не было. И вдругъ, словно кто ударилъ Капитона подъ колѣнки, земля подъ нимъ заколебалась, и онъ почувствовалъ острую боль въ правой скулѣ.

— Ишь вѣдь ты... ишь какой! слышался ему голосъ Павла съ бѣльмомъ и онъ чувствовалъ, какъ кто то силится вытащить его изъ за невысокой загородки... Шумятъ деревья... вотъ стволъ одного дерева... Липкая отъ крови рука Капитона обхватываетъ стволъ и Капитонъ поднимается. Кто то поддерживаетъ его съ другой стороны. По щекѣ сочится что то теплое, а потомъ это теплое становится холоднымъ и липкимъ.

— Ишь вѣдь ты какъ!... Негодится, братъ...—слышится чей то голосъ. Моментальная мысль: «не онъ ли это меня?» и тотчасъ же горделивая увѣренность: «ну гдѣ ему, такому лядащему!»

Все деревья, деревья, а тамъ дальше яркій, бѣлый свѣтъ... Грохочутъ дрожки, гдѣ то ходятъ люди, что то говорятъ.

— Ишь нарѣзался!

Это какая то женщина, которую онъ нечаянно толкнулъ. Бѣлый свѣтъ исчезаетъ, вмѣсто него мигаютъ красныя точки фонарей. «Ну, назадъ, такъ назадъ!»

— Эй пріятель, гляди, свалишься!

— Пойдемъ! Спать хочу!—говоритъ Капитонъ, въ увѣренности, что слышитъ голосъ Павла съ бѣльмомъ.

— А гдѣ живешь?

Голосъ не тотъ! Капитонъ раскрываетъ глаза: передъ нимъ дѣтина съ него ростомъ.

— Ты что? Грабить?—спрашиваетъ Капитонъ, и тутъ только вспоминаетъ кошель и мѣшокъ съ валенками.

Молчаніе.

— Гдѣ кошель? Под—давай... кош... шель!..

Дѣтина удаляется.

— Кар... раулъ!—кричитъ Капитонъ и бѣжитъ за дѣтиной.

И вдругъ никого. Капитонъ видитъ себя лежащимъ на дорожкѣ бульвара.

— Спотыкнулся!—утѣшаетъ онъ себя, встаетъ и медленно тащится впередъ.

— Очистили! бормочетъ онъ,—какъ есть все! И кошель, и котомку... славно... вотъ такъ чуд... десно...

Каменный мостъ. Внизу чернѣется вода. По мосту идутъ люди, ѣдутъ дрожки. Капитону кажется, что онъ очень долго стоитъ на мосту, онъ трогается и, увидя блеснувшій при фонарѣ значекъ городового, подходитъ.

— Ограбили, другъ! говоритъ онъ,—сейчасъ... вонъ... тамъ ограбили...

— Ступай, ступай! Кто тебя ограбитъ!—сердитымъ басомъ отвѣчаетъ городовой и поворачиваетъ спину.

— Ограбили, другъ! Кошель... котомку... все!

— Ты самъ другого ограбишь! Ступай, пока что! Ну! Чего сталъ!

— Э-эхъ!—произноситъ Капитонъ и отходитъ.

Теперь у него есть цѣль,—трактиръ «Маренго»...

... Дверь сарая скрипнула, и показался Кузьма. Онъ стоялъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Капитона. Тотъ поднялъ голову и опять опустилъ въ колѣни.

— Что, проснулся?—спросилъ Кузьма.

Капитонъ молчалъ.

— Ловко тебя разукрасили! Ха! Или самъ?

Капитонъ все молчалъ.

— Изъ сарая то уходить нужно! Не вѣкъ тутъ вѣковать!—нѣсколько обиженнымъ тономъ началъ Кузьма и выплюнулъ скорлупу подсолнечныхъ сѣмячекъ.

Капитонъ молча поднялъ голову и посмотрѣлъ на него такъ жалко, приниженно, какъ побитая собака. Дворникъ, въ сущности добрый малый,—сразу смягчился. Власть была показана, понята,—чего же болѣе.

— Надо какъ никакъ произойти! Вотъ что, другъ!—наставительнымъ тономъ сказалъ Кузьма,—нельзя такъ!

— Знаю, голубчикъ! чуть слышно прошепталъ Капитонъ,—да куда я пойду... этакой то!.. Мнѣ бы хоть умыться!

— Вонъ, ступай къ баку!—указалъ Кузьма и, довольный сознаніемъ своего достоинства, пошелъ на кухню трактира.

Капитонъ основательнымъ образомъ умылся, напился холодной воды, привелъ свой костюмъ въ нѣкоторый порядокъ и пошелъ къ воротамъ. Тутъ онъ принялся обсуждать свое положеніе, но голова его, больная съ похмѣлья, работала вяло. Да и что можно было придумать человѣку, лишенному всего, даже бѣлья и платья, и оставшагося въ томъ, въ чемъ былъ, вдобавокъ еще безъ гроша.

— Никита Иванычъ приказываетъ тебѣ къ нему придти!—объявилъ очутившійся подъ воротами Сенька.—иди поскорѣича.

Капитонъ струсилъ до того, что поблѣднѣлъ. Что Никита Иванычъ задастъ изрядную головомойку, это бы ничего, это было бы даже пріятно,—потому не балуйся, не малодушествуй, а за баловство да глупость всякую кару пріять можно,—но могло быть и хуже! Никита Иванычъ могъ ровно таки ничего не сказать, а приказать по-добру, по-здорову убираться, а куда уберешься, если за ночлегъ не изъ чего заплатить.

Послѣдняго больше всего боялся Капитонъ, а когда дошелъ до дверей комнаты Никиты Иваныча, то почувствовалъ, что у него какъ будто ноги приросли къ полу.

Никита Иванычъ самъ открылъ дверь въ корридоръ, сказалъ Капитону: «войди» и сѣлъ на кровать. Лицо у Никиты Иваныча было сердитое, но не особенно злое, словомъ, такое, какое бываетъ у отца, собирающагося сдѣлать выговоръ сыну.

Капитонъ переступилъ порогъ и остановился у притолки, опустивъ руки по швамъ.

— Ты это что выдумалъ, а?—грозно прикрикнулъ на него Никита Иванычъ,—безъ году недѣля въ Петербургѣ живешь,—пьянство затѣялъ!

— Простите, Никита Иванычъ!—пролепеталъ Капитонъ и вдругъ, во всю длину своего тѣла, бухнулся на полъ.

Никита Иванычъ былъ пораженъ и даже, какъ будто, нѣсколько испуганъ.

— Ахъ ты, скотина, скотина! Деревенскій обломъ! заговорилъ онъ значительно смягчившимся тономъ, глядя на распростертые по полу лохматые волосы Капитона и укоризненно покачивая головою,—мерзавецъ ты, прохвостъ, и больше ничего! Обрадовался, дуракъ, виницу, давай жрать! За это самое тебя, должно, и съ мѣста прогнали?

— Никита Иванычъ... благодѣтель... сейчасъ умереть, не употреблялъ, не пилъ, значитъ, ни-ни!.. А это съ горя!

— Съ какого такого горя?

Безсвязно и многорѣчиво Капитонъ объяснилъ причину своего увольненія со станціи, вынудивъ Никиту Иваныча широко раскрыть глаза отъ изумленія.

— Такъ ты не хотѣлъ быть портнымъ? Изъ за этого самаго? Ахъ ты дубина ты, дубина стоеросовая! Господи! Въ жизнь свою не видалъ такого дурака! Да, ты впрямъ дуракъ! Зачѣмъ ты, дуракъ, въ Петербургъ пріѣхалъ? Зачѣмъ, скажи?

Но Капитонъ ничего не могъ сказать; онъ стоялъ, по прежнему, у двери и безпрестанно проводилъ рукавомъ кафтана то подъ носомъ, то по глазамъ.

Надававъ ему еще добрыхъ десятка два разныхъ, болѣе или менѣе оскорбительныхъ эпитетовъ, Никита Иванычъ потребовалъ отъ Капитона подробнѣйшаго отчета въ его поведеніи съ момента полученія имъ разсчета.

Во все время, пока Капитонъ, по прежнему безсвязно, посвящалъ Никиту Иваныча въ исторію своихъ постыдныхъ похожденій, послѣдній не перебивалъ его ни однимъ словомъ и только качалъ головою.

— Такъ, такъ!—заключилъ онъ со вздохомъ,—значитъ, ограбили?

— Надо быть, что ограбили!—сказалъ Капитонъ, поникая.

— И мѣшокъ съ валенками, и деньги—все до чиста!

— Выходитъ что такъ, Никита Иванычъ!

— Славно! Молодцы ребята! Такъ васъ, дураковъ-мужиковъ, и учатъ! Городовому заявлялъ?

— Такъ точно, Никита Иванычъ... помнится говорилъ!

— Ну, что же онъ?

— Не повѣрилъ! «Ступай!»—говоритъ, «проходи».

— Кто такому повѣритъ—съ невыразимымъ презрѣніемъ воскликнулъ Никита Иванычъ,—ну и пьянъ же ты былъ, т. е. ужъ я и сказать не могу! У тебя и теперь еще не все выдуло! Рыло то,—посмотрѣть страшно! Ступай на свое мѣсто, и выспись хорошенько! Тамъ посмотримъ.

Аудіенція у Никиты Иваныча закончилась совсѣмъ благополучно. Несмотря на то, что Капитонъ былъ изруганъ какъ нельзя быть хуже, онъ вышелъ отъ Разсудова въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, и, что самое главное, въ увѣренности, что не будетъ оставленъ на произволъ судьбы.

— Теперь ужъ... того... теперь ужъ онъ меня куда ни на есть предоставитъ! разсуждалъ съ собою Капитонъ, пробираясь къ сараю,—это ужъ какъ пить дать! Золотой человѣкъ Никита Иванычъ, и ужъ доберъ... Господи! Поискать такого человѣка! За него вѣкъ Богу молиться, вотъ оно что!

Въ результатѣ чистосердечной исповѣди Капитона передъ Никитою Иванычемъ было то, что сарай, со всѣми находив-

шимися въ немъ рогожами, превратился въ постоянное мѣстожительство Капитона; продовольствовался онъ кухонными остатками, и только относительно сапогъ, требовавшихъ основательнаго ремонта, Никита Иванычъ порекомендовалъ земляку позаботиться самому. Впрочемъ, этотъ вопросъ устранился само собой: когда сапоги достигли такой степени ветхости, что не только надѣть, но и смотрѣть на нихъ нельзя было безъ чувства жалости къ человѣку, который ихъ долженъ былъ носить,—тотъ же Кузьма «въ счетъ будущихъ благъ» принесъ Капитону пару довольно приличныхъ опорокъ.

Затѣмъ Никита Иванычъ принялся хлопотать о мѣстѣ земляку. Для начала онъ попробовалъ пустить свой старый испытанный фортель съ посѣтителями «Маренго»,—т. е. разжалобить ихъ безпомощнымъ положеніемъ «человѣка безъ мѣста», но очень скоро долженъ былъ убѣдиться, что при данныхъ обстоятельствахъ фортель этотъ не примѣнимъ: среда гостей «Маренго» была черезъ чуръ груба и толстокожа. На этихъ людей въ поддевкахъ, фартукахъ и высокихъ сапогахъ не дѣйствовало ничто.

— Вотъ возьми дубину, и бей его по башкѣ,—не прошибешь, ей Богу не прошибешь! Кобылка — народъ! жаловался Никита Иванычъ Порфирію Ильичу, пріятелю и коллегѣ, маленькому, щупленькому старичку съ сѣдыми бачками, забѣгавшему къ нему иногда изъ увеселительнаго сада «Огненная земля», гдѣ этотъ старичокъ, въ качествѣ офиціанта, состоялъ при «отдѣльныхъ кабинетахъ».

— Вѣрю, вѣрю, Никита Иванычъ! соглашался старичокъ, моргая слезящимися глазками,—и захотѣли вы отъ этой публики! Посмотрѣли бы у насъ... Господи, Твоя воля! Зайдите какъ нибудь,—право прелюбопытно!

Никита Иванычъ зашелъ и вернулся крайне довольный своимъ визитомъ на территорію «Огненной земли». Не то, чтобы ему понравился садъ, обстановка, ежеминутно чередующіяся «представленія»,—нѣтъ, ничего подобнаго Никита Иванычъ даже не замѣтилъ, просидѣвъ съ пріятелемъ часа полтора на скамейкѣ въ одномъ изъ темныхъ уголковъ,—но за то Никитѣ Иванычу удалось, наконецъ, пристроить Капитона на этой самой «Огненной землѣ» въ качествѣ «мужика». Правда, Никита Иванычъ самъ находился въ полнѣйшей неизвѣстности относительно обязанностей, исполнявшихся мужикомъ, правда, и старичокъ съ бачками нисколько, въ этомъ отношеніи, не разъяснилъ недоумѣнія пріятеля, сказавши, что исполнять «мужику» придется, вообще, что велятъ, но при этомъ Никита Иванычъ узналъ цифру вознагражденія—семь рублей въ мѣсяцъ, и этого для него было достаточно! Судьба Капитона была рѣшена! На слѣдующее же утро Капитонъ долженъ былъ от-

правиться въ «Огненную землю» исполнять обязанность «мужика»...

X.

За девять мѣсяцевъ до возникновенія на ней досчатаго храма Мельпомены, обширнаго буфетнаго помѣщенія, пивного павильона, уединенныхъ отдѣльныхъ кабинетовъ, двухъ балаганчиковъ, кіосковъ для безпроигрышной лотереи, для продажи квасу, молока, булокъ, горячихъ сосисекъ и папиросъ, — «Огненная земля» представляла собою огородъ. На тучныхъ грядахъ пріятно услаждали взглядъ: капуста, рѣдька, морковь и величественный укропъ. Скромныя поселянки въ ярко-желтыхъ сарафанахъ и красныхъ платочкахъ, обрамлявшихъ толстыя, пылавшія здоровьемъ лица, въ потѣ лица и до боли въ спинѣ трудились надъ матерью-землею. Затѣмъ всѣ тучные дары были своевременно сняты, и по законамъ природы земля должна была отдохнуть, прикрытая пушистымъ снѣгомъ, обласканная метелями, убаюканная долгимъ пѣньемъ зимняго вѣтра. Такъ бы оно и должно было быть, еслибы не возникъ внезапно надъ нею злой духъ современной предпріимчивости. Этотъ духъ, реально облеченный въ плоть и кровь юрковатаго купчика съ «бородкой-нижегородкой» и шельмовскими, весело бѣгавшими глазками, воспылалъ къ ней чувствомъ нѣжной привязанности и, совершенно также, какъ купилъ себѣ жену, — пріобрѣлъ въ свою неотъемлемую собственность и землю, а, пріобрѣтя, началъ надъ нею «орудовать».

Съ цѣлью скрыть отъ людскихъ глазъ свои преступные надъ землею замыслы, онъ выстроилъ вокругъ высокій заборъ и, уже за заборомъ, началъ приводить ихъ въ исполненіе. Десятки людей съ лопатами начали рыть канавы во всѣхъ направленіяхъ, другіе десятки людей на тачкахъ свозить въ указанныя мѣста вырытую землю, третьи—сажать деревца и устраивать клумбы, четвертые—тесать бревна, складывать ихъ въ вѣнцы, подводить подъ крышу и проч. и проч. Съ утра до вечера въ предѣлахъ «Огненной земли» кипѣла неустанная дѣятельность: громыхали сваливаемыя съ подводъ бревна, стучали топоры, визжала пила, гремѣло кровельное желѣзо, и всѣ эти разнообразные звуки сдабривались отборною руганью трудившагося надъ созиданіемъ «заведенія» мужичка. Злой духъ,— носившій въ міру кличку Спиридона Поликарповича Поросенкова,—каждодневно присутствовалъ на работахъ, самъ поторапливая рабочихъ.

Ошеломленный необычайнымъ оживленіемъ и несмолкаемой грохотней обыватель мирныхъ окрестностей преисполнился вдругъ духомъ пытливости и началъ, въ изрядномъ количествѣ,

собираться вокругъ забора, стараясь хоть мелькомъ, хоть въ щелочку, хоть разъ взглянуть на таинственныя сооруженія но разставленные въ разныхъ мѣстахъ мужички съ длинными палочками честью предлагали любопытнымъ проходить мимо, угрожая въ противномъ случаѣ испробовать на ихъ спинахъ крѣпость и гибкость знаковъ своего достоинства.

Но случалось, что къ новымъ тесовымъ воротамъ нарождавшагося заведенія подходили и даже подъѣзжали джентльменскаго вида цилиндры и котелки, и тогда ихъ встрѣчалъ самъ Спиридонъ Поликарповичъ Поросенковъ.

Освѣтивъ еще издали свое круглое, розовое лицо сладчайшей улыбкой, Спиридонъ Поликарповичъ подходилъ къ «интеллигентнымъ» гостямъ, снималъ шляпу, и сладчайшемъ, тоненькимъ голоскомъ спрашивалъ:

— Обозрѣть-съ желаете?

— Э... да... мы собственно... Мимо ѣхали... Завернули!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ-съ! Съ величайшимъ-съ! Прошу пожаловать! Потрудитесь сюда-съ! У меня еще антре-съ неготово... да это что,—минутное дѣло-съ!

Спиридонъ Поликарповичъ, поскрипывая новыми сапогами, молодцоватой походкой шелъ впередъ, ведя своихъ гостей черезъ рытвины, канавы, кучи мусора, щебня, заставляя лазать черезъ бревна, перескакивать черезъ клумбы, подниматься по лѣсенкамъ безъ перилъ, словомъ ведя, въ нѣкоторомъ родѣ, скачку съ препятствіями, самъ ни на секунду не теряя веселаго, даже нѣсколько возбужденнаго расположенія духа.

— Вотъ тутъ-съ у меня будетъ садъ,—изволите видѣть, деревца сажаютъ-съ! объяснялъ онъ,— тутъ главная аллея,— пошире сдѣлаемъ, арочку перекинемъ; изъ цвѣтныхъ стеколъ фонарь соорудимъ-съ, чтобы, значитъ, разноцвѣтныя такія полосы шли-съ, фонарики повѣсимъ, флачки-съ, шарики стеклянные,—все-такое! Вотъ тутъ-съ... ужъ извините пожалуйста, будьте любезны черезъ канавку перескочить, была дощечка, да, шутъ ихъ дери, унесли надо быть... тутъ изволите видѣть-съ, пивное зало, гости пивомъ будутъ баловаться и музыку слушать-съ. По стѣнамъ хочу, для украшенія, портреты повѣсить-съ...

— Какіе портреты? изумлялись «обозрѣватели».

— Писателей-съ хочу повѣсить! Грибоѣдова, Сумарокова, господина Пушкина-съ...

— Помилуйте, зачѣмъ же писателей?

— А это, изволите видѣть-съ, откровенно говоря, одинъ репортеръ меня подбилъ. Репортеръ тутъ ко мнѣ одинъ ходитъ по фамиліи Ватрушкинъ... «Повѣсь», говоритъ, — «писателей, такихъ, которые пьесы сочиняли, потому, говоритъ, у тебя театръ, такъ, значитъ, для соотвѣтствія. Къ театру подхо-

дить!» Ну, акромѣ того, зало-то, изволите видѣть, пустое, такъ оно вродѣ какъ бы украшеніе. Портреты совсѣмъ дешевенькіе-съ, плевое дѣло стоютъ.

Очень довольный собою и идеей, преподанной ему репортеромъ, Спиридонъ Поликарповичъ велъ обозрѣвателей дальше, показывалъ еще два павильона «для пива», кіоски «безпроигрышной лотереи», кваса, булокъ и папиросъ, балаганчики, назначеніе которыхъ было неизвѣстно самому Спиридону Поликарповичу, карусели съ кучей сложенныхъ подлѣ деревянныхъ лошадокъ и подводилъ къ своей «гордости», огромному досчатому балагану съ мѣстами для зрителей на воздухѣ, долженствовавшему изображать театръ.

— Какой театрище то загнулъ изволите видѣть-съ! любовался самъ Спиридонъ Поликарповичъ,—госпожѣ Неметти не уступитъ! Будьте любезны, попрошу васъ на сцену-съ! Обширность то, обширность то какая изволите видѣть? Что у меня этого лѣса пошло—ума помраченіе! Уборныя потрудитесь посмотрѣть-съ! Гдѣ у меня ключи-то... на ключѣ держу-съ, потому—нельзя! Мужичье то мое живымъ манеромъ изгадитъ!

Спиридонъ Поликарповичъ отмыкалъ тонкую досчатую дверь и показывалъ уборныя, оклеенныя дешевыми обоями, съ кривыми зеркалами, парою дрянныхъ стульевъ и туалетнымъ столикомъ изъ сѣрой, пахнувшей смолою, сосны.

— Не дешево, не дешево-съ все это стоитъ! покачивалъ головою Спиридонъ Поликарповичъ,—да ужъ-съ, правду сказать-съ, ничего не жалѣю, хочу, чтобы все на отличку-съ! Хочу удовольствіе публикѣ предоставить-съ! Такъ и генералу доложилъ, когда они изволили меня спрашивать-съ, какая, собственно, цѣль... «Хочу», говорю, «удовольствіе публикѣ предоставить-съ, ваше превосходительство!» Одобрили! «Это» говорятъ, «слѣдуетъ, потому народу дѣваться некуда, особливо въ праздники, и онъ идетъ въ трактиры и кабаки, такъ пусть лучше въ театръ»... Такъ вотъ-съ!

Заключивъ такимъ образомъ свою тираду, Спиридонъ Поликарповичъ смотрѣлъ на обозрѣвателей съ усиленно-вызывающимъ видомъ человѣка, вдосталь потрудившагося на пользу ближняго, и съ честью проводивъ до воротъ гостей, съ новой, неистощимой энергіей принимался распоряжаться и орудовать.

Заведеніе «Огненная земля» представляло еще собою нѣкоторое подобіе хаоса, еще не успѣли достаточно просохнуть доски театральныхъ подмостковъ, какъ уже ихъ начали попирать ноги репетировавшихъ «артистовъ». Эти ноги, мужскія и женскія, далеко не всегда были облечены въ приличную, цѣльную обувь, почти никогда не держались твердо и прямо, и всегда нѣсколько вавилонили, но смѣлости и развязности въ нихъ, во всякомъ случаѣ, было болѣе, чѣмъ въ ихъ обла-

дателяхъ. Робкіе, простуженные, полуголодные артисты умѣли только утрированно бѣгать по сценѣ и выкидывать антрша, совершенно не понимая, что и какъ нужно говорить и куда дѣвать мѣшавшія имъ руки. Поэтому, къ великому изумленію и негодованію режиссера,—юркаго господина семитическаго типа,—сплошь и рядомъ обнаруживалось, что артистъ, долженствовавшій изображать трагическое лицо, — возбуждалъ гомерическій смѣхъ, а комики заставляли слезы навертываться на глаза. Въ особенности не давались труппѣ такъ называемыя «салонныя» пьесы.—Жену доктора, избалованную, взбалмошную женщину, ожидающую ночью возвращенія мужа, режиссеръ посадитъ на стулъ, придастъ ей небрежно-мечтательную позу и крикнетъ: «давай»! Занавѣсъ поднялся, режиссеръ смотритъ,—и волосы у него становятся дыбомъ: на кончикѣ стула сидитъ растерявшаяся артистка въ приниженной позѣ швеи, явившейся примѣрить платье, и сдавленнымъ отъ страха голосомъ говоритъ: «что же это не идетъ Сергѣй! Какъ скучно, какъ несносно ждать! Всего двѣ недѣли, какъ мы обвѣнчались, и онъ уже позволяетъ себѣ оставлять меня одну! О, мужчины! Какъ ни клялся мнѣ»... и т. д. Является мужъ—въ смокингѣ и со шляпой, которую артистъ забываетъ положить на каминную доску. Онъ долженъ изобразить немного выпившаго человѣка, но артистъ начинаетъ качаться, икать, писать «мыслете» и, въ то же время думая, что онъ дѣлаетъ это незамѣтно, трусливо обдергивать панталоны... «Ты не спишь, мой другъ»! говоритъ онъ, стоя у суфлерской будки и простирая къ зрителямъ руки,—какъ это мило! Такъ должна поступать каждая жена! (*Внушительный жестъ въ публику*). А я засидѣлся въ клубѣ. (*Кладетъ оба большіе пальца въ жилетные карманы и вздергиваетъ голову кверху*)... Игралъ въ шахматы. (*Жестъ похожій на тотъ, съ какимъ человѣкъ беретъ рюмку водки*). и т. д. Режиссеръ побился, побился съ труппой и объявилъ распорядителю, что или нужно распустить всѣхъ и набрать другихъ, или отказаться отъ постановки салонныхъ пьесъ. Остановились на послѣднемъ, перестали упражняться въ салонныхъ пьесахъ и начали репетировать «шутки», «фарсы» и «водевили» «по проще».

Въ то время, когда такъ туго подвигалось впередъ серьезное драматическое искусство,—остальная часть садовыхъ развлеченій шла какъ по маслу. Десятокъ дѣвицъ съ подозрительными голосами изображали поперемѣнно то просто «хоръ русскихъ пѣвицъ», то малороссійскій, то цыганскій хоры. Для этого не требовалось ничего, кромѣ трехъ перемѣнъ платья: русскій хоръ появлялся въ скромныхъ, черныхъ платьяхъ,—малороссійскій въ бѣлыхъ рубахахъ, вышитыхъ юбкахъ, цыганскій—съ прибавкой на плечи ярко-красныхъ и желтыхъ хламидъ. Въ боль-

шинствѣ, дѣвицы эти были некрасивы и какого то унылаго, голоднаго вида, что не мѣшала имъ, однако, считать себя заправскими артистками.

Къ вокальной части увеселеній относился также хоръ, называвшійся «русская деревня». Это была затѣя самого Спиридона Поликарповича, большого любителя пѣнія съ аккомпаниментомъ гармоники. Безобразнѣе этой «деревни» нельзя было ничего представить. Человѣкъ пятнадцать мужчинъ, женщинъ, мальчишекъ и дѣвчонокъ гурьбой выкатывали на сцену съ гармониками и, подъ ихъ ужасную музыку, принимались ревѣть и визжать такія пѣсни, какъ «Дунай» и «Хороша наша деревня». Во главѣ хора становился запѣвала,—пропащій, вѣчно полупьяный, безголосый человѣкъ, разнообразившій «Дунай» вставкою куплетовъ про тещу, городскую думу, про женъ модницъ и проч., а въ сторонкѣ на обрубокъ дерева садился оборванный, вымазанный въ сажу человѣкъ съ наметельникомъ, изображавшимъ пародію на віолончель, принимался кнутовищемъ водить по наметельнику, падать, трястись всѣмъ тѣломъ—словомъ долженъ былъ изображать комическій элементъ въ хорѣ. Кончалось все это тѣмъ, что изъ хора являлся плясунъ или плясунья, хоръ подплясывалъ плясунамъ, человѣкъ съ наметельникомъ падалъ, кувыркался, и всѣ разбѣгались.

Поросенковъ возлагалъ большія надежды на «русскую деревню», къ остальнымъ «артистамъ» относился равнодушно и даже удивился, зачѣмъ распорядителю увеселительной части понадобилось пригласить «лирическую» пѣвицу Миртову. Правда, лирическая пѣвица съ «Цѣпями» и «Парой гнѣдыхъ» была здѣсь не на мѣстѣ и заранѣе можно было предсказать, что успѣха она не будетъ имѣть вовсе. Сомнителенъ былъ также успѣхъ «семейства акробатовъ Шфенигъ». Все семейство состояло изъ отца, стараго акробата прежнихъ временъ, подвизавшагося нѣкогда въ циркѣ и въ такихъ заведеніяхъ какъ Аркадія, но вышедшаго изъ моды со своими примитивными штуками, и двухъ его сыновей, мальчиковъ 12, 14 лѣтъ. Съ упорствомъ нѣмца этотъ голодный человѣкъ ходилъ къ распорядителю до тѣхъ поръ, пока тотъ, наконецъ, сжалился и нанялъ его за ничтожную плату.

Заручившись такими силами, Спиридонъ Поликарповичъ рѣшилъ, что пора, наконецъ, «удовольствіе публикѣ предоставить». Въ «молочный» кіоскъ засѣли двѣ бабы и разложили на выручку булки, яйца и папиросы, въ квасной поселился молодецъ въ красной кумачевой рубахѣ, въ одинъ балаганчикъ перебрались лилипуты, въ другомъ—обтрепанный субъектъ рискнулъ показывать публикѣ какой-то необыкновенный букетъ, въ «стрѣльбѣ въ цѣль» сѣла дѣвица съ подведенными глазами, на карусель были привинчены лежавшія въ кучѣ лошадки, а

новый силомѣръ попробовалъ самъ Спиридонъ Поликарповичъ, единымъ духомъ выбилъ двѣнадцать пудовъ и нашелъ, что «машинка» будетъ приносить ему хорошій доходъ.

Утромъ въ день «открытія» всѣ углы прилежавшихъ къ Обводному каналу улицъ пестрѣли громадными афишами, возвѣщавшими публикѣ о радостномъ событіи. Сочинявшій афишу знакомый репортеръ не поскупился краснорѣчіемъ, насовавъ въ афишу такихъ словъ, какъ: грандіозное представленіе, небывалая новость, успѣхъ, извѣстность, фуроръ и проч. Афиша сулила чудеса, превративъ скромныхъ, никому невѣдомыхъ тружениковъ балагана въ «господъ и госпожъ извѣстностей». Даже о бѣдномъ Пфенигѣ, родившемся въ подвалѣ честнаго нѣмецкаго сапожника съ Казначейской, было сказано, какъ о пріѣхавшемъ изъ Дармштадта извѣстномъ въ Германіи акробатѣ. Покуда «почтеннѣйшая публика» читала на углахъ и любовалась разноцвѣтной, похожей на сторублевую бумажку афишей, въ стѣнахъ заведенія по принятому обычаю совершался молебенъ. Спиридонъ Поликарповичъ въ новомъ сюртукѣ и высокихъ, лакированныхъ сапогахъ стоялъ впереди и усердно крестился, быстрымъ движеніемъ головы отбрасывая лѣзшія на глаза пряди волосъ; подлѣ, въ шелковомъ платьѣ и атласномъ повойникѣ, сложивъ руки на животѣ, стояла его дражайшая половина, рядомъ представители мѣстнаго участка, а немного отступя приглашенные на торжество гости.

По окончаніи молебна гостямъ предложена была закуска, сервированная въ украшенномъ гирляндами зелени «пивномъ залѣ». Со стѣнъ залы на пировавшихъ гостей смотрѣли строгія лица Сумарокова, Грибоѣдова, Островскаго и «господина» Пушкина, но такъ какъ гости не были вовсе знакомы съ этими господами, то выраженіе строгихъ лицъ нисколько не портило ихъ аппетита. Уже въ половинѣ закуски, походившей скорѣе на обѣдъ, явилось нѣсколько конкурентовъ, желавшихъ блеснуть застольнымъ краснорѣчіемъ, и въ числѣ ихъ первый— «знакомый репортеръ»—толстенькій, лысый человѣкъ съ коротенькими ножками. На разныхъ концахъ стола вдругъ заговорило нѣсколько человѣкъ, но репортеръ,—къ изумленію всѣхъ оказавшійся обладателемъ громоваго баса,—рявкнулъ такъ сильно, что сразу оставилъ своихъ конкуррентовъ за флагомъ, и тѣ замолкли.

— Позвольте,—крикнулъ онъ, держа высоко бокалъ съ шампанскимъ,—позвольте, многоуважаемый Спиридонъ Поликарповичъ, сказать вамъ отъ себя и отъ лица газеты, въ которой я имѣю честь сотрудничать, нѣсколько словъ!

— Гов-во-рри!—крикнулъ съ конца стола «гость», успѣвшій придти въ состояніе одного изъ такихъ веселыхъ людей, для которыхъ предусмотрительный Спиридонъ Поликарповичъ устро-

илъ въ глухомъ углу сада особыя ворота, выходившія прямо въ нѣдра какого-то темнаго переулка.

— Спиридонъ Поликарповичъ!—вдохновенно продолжалъ репортеръ, все еще держа бокалъ,—чутьемъ истинно русскаго человѣка вы угадали потребность той части публики, которая, по недостаточности средствъ, не можетъ посѣщать ни дорого стоющіе театры, ни вообще какія либо увеселенія. На эту духовную потребность народа не разъ настойчиво указывала наша газета, въ ней она видѣла орудіе борьбы съ пьянствомъ и разгуломъ простого, рабочаго человѣка. Вы ничего этого не знали, но чутье подсказало вамъ, что надо для того, чтобы вырвать проклятую чарку изъ рукъ простого человѣка. Надо было дать ему разумныя развлеченія, и вы ихъ дали, много дали, больше даже, чѣмъ слѣдуетъ! Помните, какъ вы сомнѣвались, робѣли? Помните, какъ вы говорили мнѣ: да пойдетъ ли, да что изъ этого выйдетъ, да какъ, да что? И что я вамъ отвѣчалъ? Не робѣйте, не сомнѣвайтесь, отвѣчалъ я вамъ! Я тебѣ говорилъ: не робѣй, Спиридонъ, наша возьметъ! И наша взяла!

Ораторъ сдѣлалъ передышку, обвелъ глазами стѣны пивного зала и, вдохновившись смотрѣвшими на него портретами писателей, воскликнулъ:

— Одинъ изъ тѣхъ великихъ, портрета котораго, къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ, но, вѣроятно, будетъ, сказалъ знаменательныя слова:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте... Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...»

— Спасибо же тебѣ, Спиридонъ! Спасибо отъ меня, насъ, здѣсь сидящихъ и трапезующихъ, спасибо отъ русскаго народа! Пью за твое здоровье, за здоровье супруги твоей Матрены Созонтовны, пью за процвѣтаніе «Огненной земли»! Ур-р-ра!

Репортеръ допилъ изъ бокала и съ размаха хлопнулъ его объ полъ. Матрена Созонтовна привскочила съ крикомъ, ей показалось, что начинается обычный пьяный дебошъ. Но Спиридонъ Поликарповичъ улыбался весь красный, сіяющій, улыбались гости, и Матрена Созонтовна успокоилась.

Спиридонъ Поликарповичъ почувствовалъ, что ему слѣдуетъ что нибудь отвѣтить, и почувствовавъ это, вдругъ крайне смутился. Онъ былъ не рѣчистъ и придумывалъ, что бы ему сказать такое, чтобы сказанное было умно, благородно и кстати, страшно мучился, до того, что вспотѣлъ, и на его лоснившемся лбу жилы надулись въ формѣ буквы *у*.

Всѣ ждали, поглядывая на Спиридона Поликарповича; были даже такіе, какъ напримѣръ младшій помощникъ пристава, которые насмѣшливо улыбались. Медлить было нельзя. Поросенковъ всталъ, кашлянулъ въ рукавъ и робко началъ:

— Спасибо, Хрисанфъ Терентьевичъ, спасибо и вамъ, гости дорогіе... не погнушались моими хлѣбомъ и солью! И напредки завсегда милости просимъ... радъ буду вотъ какъ, отъ души! На большіе доходы не разсчитываю, особливо вначалѣ, гдѣ ужъ тамъ, расходовъ не окупишь, а только это мнѣ все равно-съ! Вѣрно говорю, вотъ какъ передъ Богомъ говорю: все равно-съ! Потому такое мое желаніе было, чтобы публикѣ удовольствіе предоставить! Больше ничего-съ! Я такъ и генералу сказалъ-съ, и они очень одобрили! Вотъ что-съ!

Поросенковъ сѣлъ красный и взволнованный. Хрисанфъ Терентьевичъ пошелъ къ нему съ распростертыми объятіями, за репортеромъ потянулись гости. Началось всеобщее лобзаніе. Кто то, въ порывѣ благодарности, чмокнулъ мокрыми усами Матрену Созонтовну и та долго вытирала рукавомъ губы.

— Спиридонъ Поликарповичъ, васъ рабочіе желаютъ поздравить!—сказалъ появившійся приказчикъ при постройкѣ, встревоженный, помятый, съ оторванной пуговицей на сюртукѣ и въ съѣхавшемъ на сторону галстухѣ,—хотѣли сюда идти, да я удержалъ, сказалъ: сами придете!

Поросенковъ недоумѣлыми, посоловѣлыми глазами окинулъ гостей.

— Идти, что ли, господа?—спросилъ онъ.

— Конечно, идите!—посовѣтовалъ помощникъ пристава,—вѣдь ихъ у васъ батенька полтораста человѣкъ! А что это ты какой измятый?—обратился онъ къ приказчику.

— Качали-съ! — скромно улыбнулся тотъ,—народъ вовсе изступленный!

— Вотъ, вотъ!—воскликнулъ Поросенковъ,—и меня значитъ тоже!

— Ну, что же, пусть покачаютъ!—сказалъ помощникъ пристава,—такой народъ, что станешь дѣлать!—и прибавилъ, покосившись въ сторону репортера,—сѣйте разумное, доброе... а покуда взойдетъ, васъ, вотъ, покачаютъ! Кхм!

— Помилуйте, какъ же это!—растерялся Поросенковъ,—вѣдь скоро впускъ публики-съ!

— Ну, что жъ, покачаютъ и разойдутся! У меня разойдутся! — многозначительно прибавилъ помощникъ и покрутилъ усъ.

— Поѣмши... э-эхъ!—жалобно прошепталъ Поросенковъ, всталъ и пошелъ за приказчикомъ.

Гости, изъ любопытства, отправились слѣдомъ.

Весь танцовальный павильонъ,—собственно сарай безъ боковыхъ стѣнъ,—былъ занятъ подъ угощенье рабочихъ. Въ одномъ углу горкой, одна на другой, лежали пивныя бочки, въ другомъ—бочки съ квасомъ и громадныя ковриги хлѣба. Середина павильона была занята длинными досками на коз-

лахъ,—эти доски замѣняли столы и были залиты и перепачканы остатками напитковъ и снѣди. Даже на полу стояли лужи. Въ воздухѣ пахло щами, водкой и человѣческимъ потомъ. Рабочіе, изъ которыхъ многіе были такъ пьяны, что едва держались на ногахъ, сбились въ кучу, галдѣли, смѣялись и что то готовились предпринять.

Появленіе Спиридона Поликарповича было встрѣчено оглушительнымъ ура. Поросенковъ замахалъ руками, затѣмъ что то сказалъ, но толпа окружила его. Онъ увидѣлъ вокругъ себя лѣзшія на него раскраснѣвшіяся лица съ пьяными, вытаращенными глазами, съ бородами и безъ бородъ, слышалъ галдежъ сотни здоровыхъ глотокъ и совершенно растерялся.

— Братцы, братцы... постойте... что вамъ?—лепеталъ онъ, отпихивая отъ себя самыхъ назойливыхъ.

— Нѣтъ, ты постой!—кричалъ какой то мужикъ, напирая на Поросенкова и протягивая огромную заскорузлую руку къ лацкану его сюртука.—какъ ты есть хозяинъ... и угостилъ значитъ, насъ, добродѣтель намъ оказалъ, мы тебя почествовать хотимъ...

— Поблагодарить, значитъ!—крикнули ближайшіе.

— Благодарить, благодарить!—заревѣла толпа, надвигаясь.

— Чего же вы хотите? Постойте, братцы, такъ нельзя! Гдѣ десятникъ?

— Я десятникъ! Что п..при-кажете, Сп-пиридонъ Ликарпычъ?—вызвался еле державшійся на ногахъ человѣкъ въ пиджакѣ поверхъ ситцевой рубахи и высокихъ сапогахъ.

— Да ты пьянъ?

— Такъ точно-съ... хоз...зяинъ... за ваше здоровье!

— Хо, хо, хо!—разразилась толпа.

— Хозяину нашему, Спиридону Поликарповичу, многая лѣта, у-рра!—крикнулъ кто то сзади.

— Ур..ра!

— Качать, братцы, качать!—крикнулъ тотъ же голосъ.

— Качать! Ура!

И не успѣлъ опомниться Поросенковъ, какъ очутился во власти толпы, начавшей его подбрасывать.

— Братцы, довольно!. Спа-сиб-бо! Будетъ, будетъ! Поѣмши... братцы!. Будетъ!—кричалъ Поросенковъ, но на послѣднемъ словѣ больно прикусилъ языкъ и замолчалъ, только все охалъ.

А толпа вошла во вкусъ. Со смѣхомъ, съ криками «ура» она подбрасывала Поросенкова къ самымъ брусьямъ, поддерживавшимъ крышу павильона,—Спиридонъ Поликарповичъ влеталъ сперва въ стоячемъ положеніи, но такъ какъ такое положеніе угрожало ушибами головы о бревна, то онъ свернулся въ комокъ и въ такомъ уже видѣ отдалъ себя на произволъ толпы.

Наконецъ, качавшіе утомились, Поросенкова поставили на полъ. Все плясало и кружилось у него въ глазахъ, онъ закачался, поблѣднѣлъ, ухватился за колонку и съ нимъ произошла маленькая непріятность.

— Гово-рилъ вамъ, черти, что... поѣмши!—бормоталъ онъ, вытирая усы.

Въ саду уже начали зажигать иллюминацію. Рабочіе, однако, не думали расходиться; они разбрелись по всему саду, нѣкоторые упражнялись на силомѣрѣ, другіе пытались кататься на каруселя, а иные, постарше, — полегли на траву отдохнуть.

Ретивый помощникъ пристава приказалъ городовымъ очистить садъ, и рабочихъ начали выталкивать въ ворота, предназначенныя для удаленія скандалистовъ и буяновъ. Танцовальный павильонъ былъ очищенъ, бочки изъ подъ пива загнаны въ укромный уголокъ, въ саду вспыхнуло электричество, заиграла музыка, и у кассы, гдѣ сидѣли двѣ, окончившія гимназію съ дипломомъ на званіе домашней учительницы, —миловидныя барышни въ новомодныхъ шляпахъ, начался впускъ публики.

Такъ свершилось открытіе увеселительнаго лѣтняго заведенія «Огненная земля»...

XI.

Обязанности, исполнявшіяся Капитономъ въ качествѣ «мужика» «Огненной земли»—были весьма разнообразны и велики. Въ сущности бѣдный мужикъ не зналъ ни минуты отдыха. Онъ вставалъ на разсвѣтѣ и, съ метлою и лопатою, долженъ былъ убирать въ тачку весь тотъ невообразимый мусоръ, который накоплялся въ саду съ вечера. Начиная съ папиросныхъ коробокъ и кончая изорванною до тла дамской перчаткой,— тутъ было все, за исключеніемъ сколько нибудь стоющихъ, цѣнныхъ вещей. Такихъ вещей большинство посѣтителей «Огненной земли» не имѣли, а если и имѣли, то не теряли. Убравши павильоны, пивную залу, кабинеты и садъ, Капитонъ шелъ въ буфетъ и поступалъ въ распоряженіе буфетчика или на сцену, гдѣ увеличивалъ собою жидкій комплектъ театральныхъ плотниковъ. Затѣмъ въ вѣдѣніи Капитона оказалось освѣщеніе всей «Огненной земли», и мало того, что онъ долженъ былъ позаботиться, чтобы были керосинъ и масло, но и разлить эти продукты въ лампы, лампочки, шкалики и тому подобные сосуды. Послѣ такой операціи начинался цѣлый рядъ мытарствъ: то хозяинъ посылалъ Капитона куда нибудь по дѣлу, то буфетчикъ заставлялъ его перемывать посуду, то распорядитель заставлялъ его принимать закупленный уголь,—словомъ всѣ, кому не было лѣнь,—помыкали Капитономъ. Начинались

увеселенія, и Капитонъ долженъ былъ присутствовать, на всякій случай, за кулисами театра или въ саду. На сценѣ его очень часто выпускали въ качествѣ статиста въ «руской деревнѣ»,—благо костюмъ у него былъ вполнѣ подходящій,—въ саду распорядитель пользовался его необыкновенной физической силой для укрощенія строптивыхъ гостей. Силу свою Капитонъ обнаружилъ совершенно случайно, когда, по приказанію распорядителя, взялъ двухъ бушевавшихъ субъектовъ за воротники пальто, легко поднялъ на воздухъ, и, черезъ таинственный ходъ, вынесъ, не спѣша, въ темный переулокъ. Съ тѣхъ поръ такого рода щекотливыя порученія Капитону приходилось исполнять чуть не каждый день. Администрація видимо начала цѣнить разнообразныя способности Капитона, но ему отъ этого не было легче: по прежнему онъ получалъ семь рублей жалованья, не имѣлъ что надѣть, ходилъ въ опоркахъ и питался разной дрянью. Впрочемъ, принадлежа къ породѣ выносливыхъ и молчаливыхъ людей, Капитонъ и не подумалъ бы позаботиться объ улучшеніи своей судьбы, если бы не одно, внезапно приключившееся съ нимъ обстоятельство.

Онъ и самъ хорошенько не зналъ, что это было за обстоятельство. Стояли чудные, теплые, іюньскіе вечера. Капитонъ слонялся по саду, вмѣшиваясь въ толпу зрителей, слушая военный оркестръ, смотря на танцующихъ, наблюдая за порядкомъ; за сценой, изъ-за боковой кулисы, онъ смотрѣлъ на дѣвицъ «русскаго хора» и изъ всего хора ему все болѣе и болѣе запоминалось миловидное личико одной скромной блондинки.

Такъ было одинъ вечеръ, другой, третій... Миловидное личико блондинки всюду мелькало передъ нимъ. Звуки музыки поднимали въ немъ какое-то необъяснимое, сладкое чувство, мимолетные отрывки ласкательныхъ словъ и нѣжныхъ признаній, которыя онъ улавливалъ въ толпѣ, заставляли усиленно биться его сердце. По ночамъ ему плохо спалось на кухнѣ, гдѣ у него была комнатка съ койкой; онъ вставалъ, забиралъ свой кафтанъ, уходилъ въ садъ и, разостлавши кафтанъ на траву, съ тяжелыми вздохами ложился кверху лицомъ. И, все-таки, ему не спалось. Онъ лежалъ, смотря по-долгу на безъ-звѣздное, свѣтлое небо, выкуривая трубку за трубкой и прислушиваясь къ тишинѣ. Занималась зоря, косые лучи солнца озаряли карнизы и стѣны сосѣднихъ съ заведеніемъ домовъ, воробьи начинали свою перекличку, Капитонъ вставалъ и шелъ въ сарай за метлой и лопатой.

Раза два онъ пробовалъ напиться, думая такимъ образомъ стряхнуть съ себя угнетавшее его настроеніе, но выходило еще хуже; пьяный онъ уже совсѣмъ не могъ совладать съ собою, по часамъ просиживалъ на скамейкѣ подлѣ бесѣдки, гдѣ игралъ оркестръ, что-то такое бормоталъ, размахивалъ руками, потомъ

шелъ на сцену, за кулисы, и, стоя на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанный, не сводилъ глазъ съ миловиднаго личика дѣвицы.

Дѣвица, которую звали Сашей, — ни о чемъ не догадывалась, а еслибы и догадалась, то, конечно, не обратила бы на Капитона никакого вниманія. Слава Богу, у нея были кавалеры почище какого нибудь мужика! У нея были кавалеры еще тогда, когда она пятнадцатилѣтней дѣвочкой поступила на пуговичную фабрику на Пескахъ. Былъ у ней обожатель съ ихъ фабрики, былъ и другой, наборщикъ, которому она отдавала явное предпочтеніе за его образованность и полированное обращеніе. Изъ-за нея чуть-чуть не произошло убійства: пуговичникъ и наборщикъ встрѣтились на Лиговскомъ бульварѣ, поругались, и первый пырнулъ второго какимъ-то острымъ орудіемъ своего ремесла. Окровавленнаго наборщика отправили въ больницу, гдѣ онъ вылежалъ шесть мѣсяцевъ, а пуговичника посадили и будутъ судить. Конечно, Сашенька съ обоими перестала поддерживать знакомство, но въ «Огненной землѣ», куда она ходила частенько въ качествѣ посѣтительницы, у нея сразу завелось нѣсколько подобныхъ знакомствъ. Относительная близость ея къ оффиціанту Кострюкину принесла ей громадную пользу: по ходатайству Кострюкина она поступила въ хоръ, сдѣлалась «артисткой», къ чему она давно имѣла склонность. А теперь ей, пожалуй, и на Кострюкина наплевать. Нечего ему носъ-то задирать, она ему его еще утретъ! Теперь стоитъ ей въ саду показаться,—на перебой къ столикамъ приглашаютъ, да не кто нибудь, не какіе нибудь фабричные да лакеи, а купцы! Только и слышишь: «Сашенька, пожалуйте къ намъ, Сашенька, будьте добры»! Да, какъ же, держи карманъ шире! Такъ и пошла Сашенька! У нея ужъ есть обожатель, хозяинъ мелочной лавочки отъ Пяти угловъ, мѣсяцъ только просилъ обождать, устроится съ мамашей и возьметъ на содержаніе. Тогда и съ хоромъ можно распроститься,—Богъ съ нимъ! Тоже, не Богъ вѣсть какая корысть!

Вотъ какія мысли гнѣздились въ миловидной и вмѣстѣ практической головкѣ Сашеньки, когда она, стоя въ ряду дѣвицъ, тоненькимъ и довольно фальшивымъ голоскомъ выводила:

„Въ походъ ужъ затрубили...
„Гусары на коняхъ...
„Знамена распустили...
„Трарахъ, тарахъ, тахъ, тахъ!

а Капитонъ стоялъ за кулисами и, одурѣлыми отъ любовнаго жара глазами, съ восторгомъ смотрѣлъ на ея смѣющееся, миловидное личико.

Капитонъ задумался. Онъ лишился сна и аппетита все изъ за одной этой думы, а когда она достаточно переварилась въ его головѣ, то онъ пришелъ къ заключенію, что ему надо

покончить. Покончить—значило: или проситься въ услужающіе и, такимъ образомъ, по примѣру Кострюкина, приблизиться, по своему положенію, къ Сашенькѣ, или, если это не выгоритъ,—уходить совсѣмъ изъ «Огненной земли». Другого исхода не было, а этотъ напоминалъ нѣсколько его исторію съ начальникомъ станціи Эдуардомъ Карловичемъ.

Въ душѣ Капитонъ надѣялся на успѣхъ; это уже не былъ тотъ, прежній Капитонъ. Жизнь въ «Огненной землѣ», ежедневное шатанье въ толпѣ подвыпившихъ, разнузданныхъ гостей, примѣры свободнаго обращенія на сценѣ, почти повальное пьянство и разгильдяйство между челядью заведенія—уже успѣли наложить свой отпечатокъ на Капитона и въ извѣстной степени тоже развратить его.

Поэтому, онъ самъ, въ душѣ, удивился тому свободному, нѣсколько наглому тону, въ какомъ повелъ бесѣду съ распорядителемъ, доказывая ему, что настоящая его служба тяжела и что онъ нисколько не хуже другихъ съумѣетъ распорядиться съ посудой и посѣтителями.

Или тонъ его былъ ужъ очень рѣшительный (распорядитель, да и всѣ въ «Огненной землѣ» знали изумительную силу Капитона и уважали ее), или благообразная наружность претендента въ официанты произвела на распорядителя благопріятное впечатлѣніе — сказать трудно, только Капитонъ въ тотъ же день былъ поставленъ къ столику «на испытаніе». Испытаніе сошло благополучно, Капитона снабдили пиджакомъ, панталонами на выпускъ, дали передникъ и значокъ № 27; на кухнѣ нашелся искусный брадобрѣй въ лицѣ повареика, учившагося прежде парикмахерскому ремеслу и Капитонъ безъ сожалѣнія разстался съ своей взлохмоченной бородищей, пріобрѣтя, взамѣнъ ея, весьма симпатичную бородку «клинышкомъ».

Въ такомъ улучшенномъ видѣ Капитонъ самъ себя почти не узналъ. Онъ смотрѣлъ въ осколокъ тусклаго, захватаннаго липкими пальцами зеркала и удивлялся, откуда у него могло явиться такое благородное, красивое лицо? И какъ это ему раньше не пришло въ голову разстаться съ подлой, мужицкой бородищей. Она то, по всей вѣроятности, и мѣшала успѣхамъ его въ жизни, она да кафтанъ съ русской рубахой. Русскую рубаху, положимъ, можно носить под-низомъ,—вѣдь ходитъ же такъ Никита Иванычъ, — а ужъ онъ ли не одѣтъ какъ слѣдуетъ,—а манишку пріобрѣсти все-таки необходимо.

Капитонъ отпросился до вечера «по дѣламъ», сходилъ въ суровскую лавку, купилъ на послѣднія, изъ зажитыхъ, коленкоровую манишку и не могъ удержаться отъ искушенія, въ обновленномъ видѣ, показаться Никитѣ Иванычу.

Сверхъ всякаго ожиданія Никита Иванычъ не обратилъ

на него особеннаго вниманія; такъ, взглянулъ искоса и пробурчалъ:

— Ну, что же! Слава Богу! Не станешь пьянствовать, все будетъ хорошо!

Никита Иванычъ былъ не въ духѣ, уже давно, съ самаго открытія «Огненной земли», отбившей отъ «Маренго» значительное число посѣтителей. Какъ старый служащій, онъ радѣлъ своему хозяину и близко принималъ къ сердцу интересы его кармана; кромѣ того онъ ненавидѣлъ новшества, и въ особенности въ духѣ «Огненной земли», которую, въ пылу благороднаго негодованія, называлъ кабакомъ.

Капитонъ покраснѣлъ, вспомнивъ свое унизительное положеніе въ «Маренго».

— Зачѣмъ же пьянствовать, Никита Иванычъ!—сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? А кто васъ знаетъ, зачѣмъ вы пьянствуете! Не далѣе вчерашняго утра пришлось прогнать одного! Это ты что, манишку купилъ?

— Манишку, Никита Иванычъ, потому нельзя при нашемъ дѣлѣ!

Никита Иванычъ тонко и ядовито усмѣхнулся.

— Сколько далъ?

— Сорокъ копѣекъ, Никита Иванычъ!

— Ну и дуракъ! Пришелъ бы ко мнѣ, я бы тебѣ старенькихъ парочку далъ. Онѣ хоть и ношеныя, да полотняныя, а эти бумажныя!

Капитонъ насупился: и что это онъ все:—дуракъ, да дуракъ! думалось ему, — былъ дуракомъ, когда у тебя въ сараѣ пьянымъ залялся, а теперь, братъ, я самъ съ усамъ. И что это право! Кажись—бороду сбрилъ — красивѣе сталъ, лицо такое бѣлое сдѣлалось,—а у него все: дуракъ! Это онъ отъ зависти, старый чортъ! Вонъ у нихъ какъ есть пустехонько, а къ намъ народъ валомъ валитъ.

И чтобы поддразнить старика, онъ сказалъ:

— Публики много къ намъ въ садъ ходитъ, Никита Иванычъ!

Опять тонкая, язвительная усмѣшка перекосила губы Разсудова.

— Публики! Ха! Нашелъ публику! Шваль фабричная къ вамъ, точно, ходитъ, а не публика. Нѣтъ, любезный, шалишь!

— Народу много бываетъ! понизилъ тонъ Полоротовъ.

— Такъ и дыши! Тогда понимать будемъ! Народъ, — не публика! Народъ бываетъ разный! Тутъ и мастеровой, и солдатъ, и дворникъ, и баба въ сарафанѣ, а мы бабу на чистую половину не пустимъ, потому у насъ публика,—понялъ?

Капитонъ прикусилъ языкъ. «А ну его къ чорту! рѣшилъ онъ,—не стану я къ нему больше ходить! Чего онъ чванится?

Сколько лѣтъ лопатками стѣны вытираетъ! Право, старый песъ!»

И онъ ушелъ, не забывши однако прихватить подаренныя ему Никитою Иванычемъ старыя манишки.

Вечеромъ, къ началу «представленія», Капитонъ въ новой, сильно топорщившейся на груди манишкѣ, въ пиджакѣ и картузѣ, съ салфеткою подъ мышкой, стоялъ на своемъ мѣстѣ, у крайняго столика въ бесѣдкѣ, находившейся съ лѣвой стороны театра.

Посѣтителей было мало. Всѣ уже насмотрѣлись на повторявшіяся изо дня въ день представленія. Публикѣ успѣли порядкомъ надоѣсть и семейство акробатовъ и хоры трехъ національностей, даже дебютъ двухъ куплетистовъ, Занозина и Погремушкина, прошли безъ особеннаго успѣха. Куплетисты пѣли довольно скучные и малопонятные большинству куплеты. Успѣхомъ пользовались: «русская деревня» и безпроигрышная лотерея. У кіоска послѣдней всегда стояла толпа, безпрестанно выдѣлявшая желавшихъ «попытать счастья». Собственно «пытать» счастья было нечего, оно было къ услугамъ каждаго, взявшаго билетъ въ 25 коп., но всегда являлось такимъ мизернымъ, въ видѣ выигрыша какой нибудь ложечки, пепельницы, крошечной стекляночки духовъ, что «пытавшій» тотчасъ же преисполнялся страстнымъ вожделѣніемъ выиграть что нибудь еще,—вродѣ соблазнительно висѣвшей на виду лампы, и принимался вынимать билетики изъ колеса до тѣхъ поръ, пока въ карманѣ не оказывалось ни гроша денегъ.

Какая то баба, выигравшая небольшой самоваръ и таскавшая его на животѣ весь вечеръ, возбудила страшную сенсацію въ публикѣ: ее разыскивали, собирались вокругъ толпой, по долгу разсматривали самоваръ, а нѣкоторые щелкали даже по немъ пальцемъ, прислушиваясь къ звуку металла.

На сценѣ пѣлъ русскій хоръ. Капитонъ не сводилъ съ него глазъ, т. е. собственно съ Сашеньки, миловидное, свѣжее лицо которой, дѣйствительно, выдѣлялось изъ хора. Любуясь Сашенькой, Капитонъ совершенно забылъ свои обязанности слуги. Какому то молодцу въ картузѣ вздумалось сѣсть къ его столу и потребовать портера. Нехотя Капитонъ побѣжалъ за портеромъ, принесъ и забылъ откупорить.

— Ты это что же? Своего дѣла не знаешь! крикнулъ ему молодецъ,—что ты сюда воронъ считать поставленъ, али вродѣ какъ бы статуй?

— Чего-съ? отозвался Капитонъ, весь ушедшій въ созерцаніе Сашеньки.

— Или, можетъ, у васъ гости сами пальцами пробки пропихиваютъ! глумился гость.

— Извините, пожалуйста! спохватился Капитонъ, откупорилъ бутылку и чуть не облилъ молодца.

Затѣмъ ужъ онъ больше не обращалъ на него вниманія до того, что едва не забылъ получить деньги.

Русскій хоръ кончилъ пѣть. Капитонъ боролся съ искушеніемъ броситься къ театру, на встрѣчу Сашеньки, и только смутная надежда, что, авось, дѣвушка пройдетъ мимо, удержала его отъ такого поступка.

Онъ присматривался въ полутьму, господствовавшую, несмотря на электричество, въ этой части сада и въ каждой, проходившей мимо павильона женщинѣ готовъ былъ признать Сашеньку.

Но вотъ и она! Это ужъ навѣрное она! Сашенька въ сѣрой накидкѣ и черной вязаной косынкѣ проходила мимо подъ руку съ подругой изъ хора.

— Александра Васильевна! шепнулъ Капитонъ, перегнувшись черезъ перила павильона, и самъ испугался своей смѣлости.

— Что это? Кто тамъ! воскликнула Сашенька, подняла глаза, и увидала фигуру Капитона,—это вы меня звали?

— Я-съ... простите! прошепталъ Капитонъ.

Онъ стоялъ въ свѣту горѣвшей въ павильонѣ лампы, Сашенька осмотрѣла его и ей понравился этотъ высокій, статный мужчина.

— Почему вы меня позвали? Я васъ не знаю!—сказала она.

Голосъ ея показался Капитону небесной музыкой.

— Запамятовать изволили, Александра Васильевна! Капитономъ меня звать!

— Какой Капитонъ?—наморщила брови Сашенька.

— Капитонъ... плотникъ!—напомнила подруга и разсмѣялась.

— Ахъ, вы Капитонъ! — съ удивленіемъ протянула Сашенька,—васъ и узнать нельзя, какъ вы перемѣнились!

— Лучше или хуже сталъ, Александра Васильевна?

Голосъ Капитона дрожалъ и обрывался.

— Конечно, лучше,—сказала Сашенька, шепнула что-то подругѣ и обѣ начали хихикать. «Вотъ такъ плотникъ!» донеслось до Капитона.

— Осмѣлюсь попросить васъ присѣсть къ столику! — сказалъ тотъ и опять удивился своей храбрости.

— А что мы будемъ дѣлать?—спросила подруга.

— Пивка парочку... или портеру!

— Ай, ай, что вы!—воскликнула Сашенька,—намъ нельзя! Развѣ не знаете? Достанемъ кавалера, тогда придемъ...

— На васъ хорошенько посмотрѣть!—добавила подруга и обѣ снова стали перешептываться и хихикать.

Въ эту минуту военный оркестръ, перекочевавшій изъ театра въ бесѣдку около танцовальнаго павильона, заигралъ польку.

— Я васъ ищу по всему саду!—воскликнулъ подлетѣвшій къ пѣвицамъ военный писарь, изогнулъ локоть, разставилъ ноги въ синихъ панталонахъ и прибавилъ: allons!

Въ ту же минуту какъ изъ земли выросъ другой писарь и, обратившись къ подругѣ Сашеньки, продѣлалъ то же самое.

И всѣ четверо скрылись по направленію къ танцовальному павильону. Капитонъ машинально обмахнулъ столикъ салфеткой, шумно вздохнулъ и, скрестивъ руки, прислонился къ колонкѣ. Между тѣмъ писарь, подхватившій Сашеньку подъ руку, расталкивая публику локтями, стремился къ павильону, гдѣ, черезъ ряды зрителей, видно было, какъ въ разныхъ направленіяхъ подскакивали головы танцовавшихъ.

— Эхъ, досада, опоздали!—воскликнулъ писарь, когда музыка смолкла, — ну, все равно, отжаримъ кадриль! Гдѣ мое визави? Эй, Ручкинъ!

— Здѣсь! — отозвался сбоку голосъ товарища, увлекшаго подругу Сашеньки.

Музыка заиграла ритурнель. Оба писаря съ своими дамами стали въ позицію. Сашенькинъ кавалеръ смотрѣлъ возбужденно. Это былъ молодой человѣкъ съ маленькими, закрученными кверху усиками, которые онъ безпрестанно облизывалъ.

— Вамъ начинать, — шепнулъ онъ Сашенькѣ, протянулъ обѣ руки, подвинулъ свою даму впередъ, а самъ отступилъ назадъ, приподнялъ оба плеча и горделивымъ взглядомъ окинулъ танцовавшихъ.

— Отчего вы не пришли туда... на скамейку? — шепнулъ онъ, дѣлая шэнъ, скосилъ на Сашеньку глаза и покрутилъ усъ.

— Очень просто! Встрѣтилась съ однимъ знакомымъ человѣкомъ...

— Allons! шепнулъ писарь, подхвативши Сашеньку за талію, слегка приподнялъ и ринулся навстрѣчу визави,—безъ передачи! крикнулъ онъ Ручкину,—я не признаю передачи дамъ!

— Какой вы ужасный! кокетливо шепнула Сашенька.

— Я васъ ждалъ и отмщу вамъ за это! шепнулъ писарь и, когда ему нужно было оставить свою даму у визави, крѣпко схватилъ Сашеньку за руку, стремительно повлекъ ее и почти бросилъ Ручкину. А самъ остановился посреди, сложилъ руки на груди, приподнялъ плечи и смотрѣлъ на Сашеньку, стараясь придать своему взгляду демоническое выраженіе.

— Я хочу пить! сказала Сашенька по окончаніи кадрили, беря кавалера подъ руку.

— Съ удовольствіемъ! Что угодно? Пива?

— Нѣтъ! Чего бы?.. Я не знаю! Портеру!

— Авекъ плезиръ!

И онъ повелъ ее къ павильону, противоположному тому, гдѣ служилъ Капитонъ.

— Нѣтъ, тамъ далеко! Я хочу послушать «русскую деревню». Пойдемте сюда.

И она повела его къ столику Капитона.

— Двѣ полбутылки портеру! крикнулъ Капитону писарь, отвалился на спинку стула, вытянулъ ноги и принялся ловить языкомъ усы,—постой! Не хотите ли что нибудь скушать?

— Да! Раковъ! отвѣчала Сашенька.

— Принеси раковъ! приказалъ писарь.

— Сколько? спросилъ Капитонъ.

Онъ смотрѣлъ на Сашеньку, какъ зачарованный. Только одну ее онъ и видѣлъ. Весь садъ, съ его электричествомъ, съ его стекляными фонариками, гирляндами, опоясывавшими аллеи, музыка, движеніе и говоръ толпы, все это казалось ему отодвинувшимся отъ него куда то далеко-далеко, а на первомъ планѣ, вотъ тутъ, передъ нимъ, въ черномъ платкѣ, кокетливо сдвинутомъ на затылокъ, въ распахнутой, сѣрой тальмѣ, обнаруживавшей стройную, затянутую въ черное платье талію,—съ улыбкой на хорошенькомъ личикѣ, съ блестящими, смѣющимися глазами,—сидѣла одна Сашенька.

— Что же ты раковъ? прикрикнулъ писарь на Капитона, подавшаго портеръ и остановившагося въ созерцательной позѣ.

— Извините!

Капитонъ принесъ раковъ. Сашенька кокетливо взяла одного за клешню и принялась разгрызать чешую, какъ бы ненарокомъ поглядывая на Капитона.

Она уже давно догадалась о впечатлѣніи, какое произвела на Капитона, давно подмѣтила его страстные взгляды и ей хотѣлось еще сильнѣе разжечь страсть этого краснаго дикаря. Такъ поступала Сашенька со всѣми. И дѣлалось это такъ, просто для забавы. Въ этой дѣвушкѣ-женщинѣ ничего не было хищнаго, этого свойства нельзя было подмѣтить ни въ глазахъ, ни въ улыбкѣ, ни въ рѣчахъ и движеніяхъ,—наоборотъ, Сашенька подкупала всѣхъ своимъ простенькимъ, полудѣтскимъ личикомъ, пустенькой болтовней и милой наивностью въ обращеніи, но подъ этой симпатичной внѣшностью таилась холодная, развратная натура.

На сценѣ ломалась «русская деревня». Гармоники визжали сегодня какъ то особенно неистово; запѣвало, стоя лицомъ къ публикѣ, пѣлъ сатирическіе куплеты про гласныхъ думы, Троицкій мостъ и т. п., очевидно заимствуя матеріалъ изъ листковъ мелкой прессы; хоръ дико оралъ послѣ каждаго куплета: «ахъ, Дунай мой, Дунай»,—а вымазанный сажей субъектъ, на обязанности котораго было смѣшить, во что бы то ни стало, публику,—водилъ по наметельнику палкой, корчилъ рожи,

шевелилъ плечами, чихалъ, падалъ съ обрубка, на которомъ сидѣлъ, и даже ползалъ на четверенькахъ.

Публика гоготала; по временамъ слышались одобрительныя восклицанія отдѣльныхъ лицъ. Писарь и Сашенька тоже смѣялись; одинъ Капитонъ, прислонившись къ колонкѣ, стоялъ неподвижно, какъ изваяніе, и не спускалъ съ Сашеньки глазъ.

— Слушайте, я хочу чего нибудь сладкаго! обратилась Сашенька къ своему кавалеру.

— Чего прикажете? Конфетъ?

— Конфетъ? Да! Нѣтъ, лучше шоколаду! Пойдите, купите мнѣ шоколаду! Только хорошаго,—смотрите!

Писарь ушелъ. Тогда Сашенька подняла глаза на Капитона и спросила:

— Слушайте... какъ васъ...

— Капитонъ! отозвался тотъ, приближаясь.

— Слушайте, Капитонъ, отчего вы на меня все смотрите?

Капитонъ хотѣлъ что то сказать, но не нашелся и только махнулъ рукой.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Что на мнѣ, узоры, что ли, какіе?

— Эхъ! махнулъ рукою Капитонъ,—сказать то я не могу, Александра Васильевна.

— Отчего? Скажите! Кого вы боитесь?

— Никого я не боюсь, а только самому страшно вымолвить! Присушили вы меня, Александра Васильевна!

— Что? Что такое? При-су-шила? Ха, ха, ха! Вотъ такъ словечко выкопалъ! Какъ это, чѣмъ это я васъ присушила? А?

— Вамъ смѣшно, Александра Васильевна, а мнѣ хоть плачь!

— Ну и заплачьте! Ха, ха! Вотъ потѣха, посмотрѣть, какъ этакой мужчина станетъ плакать! Я плаксъ не люблю! Я люблю веселыхъ! И еще знаете какихъ? Которые чѣмъ нибудь отъ другихъ отличаются!

— Какъ же это-съ? удивился Капитонъ.

— Не понимаете? Ну, напримѣръ, военныхъ... Они одеждой отличаются... или... (Она взглянула на сцену, гдѣ въ это время шли акробатическія упражненія) вотъ Пфенигъ... если бы онъ не былъ старъ,—я бы его полюбила!

— Александра Васильевна!.. съ страстнымъ шопотомъ подвинулся къ ней Капитонъ,—для васъ все...

Но у Сашеньки, которая, разговаривая, не забывала посматривать въ глубину сада, гдѣ скрылся ее кавалеръ, сдѣлалось вдругъ строгое лицо.

— Тс! шепнула она,—идетъ! Увидимся еще!

Осчастливленный этимъ «увидимся еще», Капитонъ отпрянулъ отъ столика и прислонился къ колонкѣ.

— Ну, что, принесли? встрѣтила Сашенька писаря,—у, какая маленькая!

— Едва досталъ! Побольше нѣтъ вовсе, а эта одна осталась! отвѣчалъ писарь, раскрывая коробку и ставя ея на столъ,—кушайте на здоровье.

Двумя пальцами Сашенька взяла плиточку шоколада и опустила ее въ ротъ.

Откинувшись на спинку стула и облизывая усики, писарь смотрѣлъ на молодую дѣвушку плотояднымъ взглядомъ. Капитонъ точно приросъ къ колоннѣ. Его лицо съ полузакрытыми глазами было спокойно, безстрастно, и только мускулы щекъ нервно подергивались. О, что бы онъ сдѣлалъ изъ этого писаря!

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Баранцевичъ.

Наука-ли статистика? *).

Ежедневно, въ продолженіе цѣлой жизни, человѣкъ пріобрѣтаетъ знанія. Громадная масса знаній, пріобрѣтаемыхъ отдѣльными людьми, теряется вмѣстѣ съ жизнью этихъ людей. Но нѣкоторой, сравнительно ничтожной, хотя съ теченіемъ времени возрастающей по размѣрамъ долѣ человѣческихъ знаній удается переживать отдѣльныя существованія, а иногда и укрѣпиться на многіе вѣка въ формѣ такъ называемыхъ научныхъ знаній. Не легко провести границу между такъ называемымъ обыденнымъ знаніемъ и знаніемъ научнымъ. Одинъ изъ существенныхъ признаковъ научнаго знанія это его систематичность или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ систематичности. Оно старается быть упорядоченнымъ, координированнымъ, между тѣмъ какъ знаніе обыденное или лишено всякой системы, или систематизировано совершенно индивидуально, сообразно духовному складу своего носителя. Научныя знанія не могутъ оставаться въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ фактовъ; въ такой формѣ они не способны къ прочному консервированію. Они прежде всего требуютъ классификаціи, разноса по логическимъ группамъ, и только послѣ такого разноса могутъ удовлетворять тѣмъ задачамъ, которыя ставитъ себѣ наука, понимаемая какъ въ смыслѣ совокупности человѣческихъ понятій о всемъ существующемъ и мыслимомъ, такъ и въ смыслѣ отдѣльной отрасли человѣческихъ понятій, относящихся къ предметамъ или явленіямъ извѣстнаго рода. Устроивъ классификацію предметовъ или явленій, упорядочивъ хоть сколько нибудь свою описательную часть, наука начинаетъ подмѣчать правильности и законосообразности въ изучаемыхъ ею фактахъ, пробуетъ по мѣрѣ возможности установить хотя бы эмпирически законы этихъ фактовъ и стремится доискаться въ нихъ причинной зависимости, удовлетворяя старинному изреченію, гласящему: «verum scire est per causas scire» (истинное знаніе есть знаніе причинъ). Только отмѣтивъ причины, наука можетъ обратиться къ своей конечной задачѣ—къ предугадыванію явленій, къ ихъ предсказанію. На этомъ

*) Вступительная лекція въ курсъ общей статистики, читанная въ Ново-Александрійскомъ институтѣ 15 сентября 1895 года.

кончается непосредственная роль научной мысли, и человѣкъ, не удовлетворяющійся работою только познавательной способности (а таковъ, конечно, каждый нормальный человѣкъ), вступаетъ въ область искусства и въ этой уже области усвоиваетъ тѣ навыки, которые требуются для приложенія научныхъ знаній къ жизненнымъ потребностямъ. Обыденныя знанія, пріобрѣтаемыя ежедневнымъ житейскимъ опытомъ, имѣютъ несомнѣнно громадное значеніе въ подготовкѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, но эта школа всегда требуетъ гораздо большаго количества времени, чѣмъ школа научныхъ координированныхъ знаній. Рѣшившись запастись научною подготовкою общаго характера или какого нибудь спеціальнаго направленія, человѣкъ съ естественнымъ недовѣріемъ встрѣчаетъ каждую отдѣльно отмежованную группу знаній и прилагаетъ къ ней вопросъ: принадлежитъ ли на самомъ дѣлѣ эта группа знаній къ наукѣ? Не навалены ли здѣсь въ дѣйствительности какіе-то обрывки обыденныхъ знаній, нѣтъ-ли тутъ какого нибудь маскарада? Такими вопросами каждый изъ насъ встрѣчаетъ, конечно, и статистику, разъ онъ видитъ, что она включена въ предметы преподаванія научной школы промышленной, юридической или медицинской.

Наука-ли статистика?—вотъ вопросъ, краткому обсужденію котораго умѣстно посвятить нѣсколько минутъ дорогого времени, отведеннаго для нашихъ совмѣстныхъ занятій по предмету общей статистики. Мы, конечно, не надѣемся дать удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса; это было бы едва ли выполнимо въ настоящій моментъ, когда мы еще не приступили къ ознакомленію съ нашимъ предметомъ. Отвѣтъ получится у каждаго изъ васъ лишь послѣ соприкосновенія съ предметомъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени. Напомню, однако, что и тогда отвѣтъ можетъ получиться неокончательный, и заранѣе прошу принять во вниманіе, что въ отрицательной или неопредѣленной формѣ отвѣта можетъ быть виноватъ тотъ, кому достается трудная, хотя и весьма почетная обязанность быть руководителемъ вашихъ самостоятельныхъ занятій въ области статистической науки. По моему крайнему убѣжденію, полученіе отвѣта значительно ускорится, если вы не будете откладывать вашей активной работы и не станете ограничиваться на долгое время работою пассивною, т. е. изученіемъ какихъ бы то ни было курсовъ, учебниковъ, руководствъ. Все это—полезное подспорье къ активной работѣ изслѣдованія, но никакъ не можетъ замѣнить ее. Статистика есть часть обществовѣдѣнія, обществовѣдѣніе въ свою очередь часть ученій о человѣкѣ, и потому прежде, чѣмъ подвергаться спеціальному экзамену въ собственной своей научности, статистика наряду съ другими соціологическими и антропологическими (въ широкомъ смыслѣ слова) дисциплинами должна выдержать испытаніе въ научности дисциплинъ этого порядка. При отмѣткѣ законности существованія такъ

называемыхъ «нравственныхъ» наукъ (ноологическихъ, какъ ихъ иначе именуютъ) позволяемъ себѣ прибѣгнуть къ руководительству того осторожнаго англичанина, книга котораго по логикѣ является несомнѣнно однимъ изъ полезнѣйшихъ пособій научнаго мышленія во всей литературѣ XIX столѣтія. Вотъ что говоритъ по этому поводу Джонъ Стюартъ Милль *): «Обыкновенно думаютъ или по крайней мѣрѣ подразумѣваютъ въ обыкновенныхъ выраженіяхъ, что мысли, чувства и дѣйствія чувствующихъ существъ не составляютъ предмета науки въ томъ же самомъ строгомъ смыслѣ, въ которомъ это имѣетъ мѣсто относительно предметовъ внѣшней природы. Такое мнѣніе, намъ кажется, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое смѣшеніе идей. Быть предметомъ науки способны сами по себѣ всякіе факты, слѣдующіе одинъ за другимъ по нѣкоторымъ постояннымъ законамъ, хотя бы эти законы не были открыты и даже не могли быть открыты нашими существующими средствами... Наука о человѣческой природѣ очень далека отъ степени точности, достигнутой нынѣ въ астрономіи; но нѣтъ причины, почему бы не признать ее наукой наравнѣ съ астрономіею, когда вычисленія послѣдней одолѣвали только главныя явленія, а не пертурбаціи... Дѣйствія людей суть не только результатъ ихъ настоящихъ обстоятельствъ, а совокупный результатъ этихъ обстоятельствъ и характеровъ недѣлимыхъ: вліянія же, опредѣляющія человѣческій характеръ, до того многочисленны и разнообразны, что въ своей совокупности они никогда не бываютъ совершенно сходны въ какихъ нибудь двухъ случаяхъ... Но такъ какъ многія изъ этихъ явленій опредѣляются въ несравненно большей степени общими причинами, чѣмъ всѣми частными, взятыми вмѣстѣ; такъ какъ они зависятъ наиболѣе отъ такихъ обстоятельствъ и качествъ, которыя общи всему человѣчеству или, по крайней мѣрѣ, большимъ массамъ и только въ малой степени отъ особенностей организаціи или особой исторіи недѣлимыхъ, то, очевидно, въ отношеніи ко всѣмъ такимъ явленіямъ возможно дѣлать предсказанія... И каждый разъ, когда достаточно знать, какъ будетъ мыслить, чувствовать или дѣйствовать большинство человѣческаго племени или какой нибудь націи или какого нибудь класса людей, эти предложенія получаютъ силу всеобщихъ предложеній. Для цѣлей политической и соціальной науки этого достаточно».

Предметъ статистики—человѣческая общественная жизнь; право на научность, поскольку оно зависитъ отъ содержанія предмета, завоевывается статистикою совмѣстно съ другими отраслями обществовѣдѣнія. Тотъ, кто допускаетъ научность въ изслѣдованіяхъ человѣческаго черепа и не считаетъ научнымъ изученіе духовной жизни человѣка, вычеркиваетъ изъ научныхъ кадровъ наряду съ большею частью статистики большую часть психологіи, исторіи, всѣ

*) Система логики. Томъ II, книга VI, гл. III.

дисциплины, относящіяся къ изученію права. Но и тотъ, кто допускаетъ въ святилище науки психическую жизнь отдѣльнаго человѣка и человѣческихъ обществъ, нерѣдко отрицаетъ научность статистики на основаніи употребляемаго ею метода. Статистика пользуется методомъ наблюдательнымъ и за это терпитъ всевозможныя нападки (особенно часто отъ своей сестры умозрительной экономіи). Оставимъ въ сторонѣ тѣ нападки, которыя относятся вовсе не къ статистикѣ, а къ статистическому матеріалу, который самъ по себѣ не представляетъ науки. Статистику нерѣдко и до сихъ поръ еще причисляютъ къ наукамъ «описательнымъ», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ описательныхъ наукъ нѣтъ и быть не можетъ. Въ медицинскомъ образованіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ держится терминъ «описательная анатомія», подлежащій исключенію изъ научной терминологіи. Тотъ, кто ограничиваетъ анатомію описаніемъ различныхъ частей человѣческаго тѣла, не касается еще анатоміи, какъ науки: между тѣмъ, для анатоміи человѣческаго тѣла (помимо анатоміи сравнительной) возможна замѣчательная глубина научной разработки, что блестяще доказывается у насъ въ Россіи выдающимися трудами петербургскаго профессора П. Ф. Лесгафта и учениковъ его школы. Абсолютныя статистическія цифры, хотя и не заключаютъ въ себѣ словеснаго описанія, являются количественнымъ описаніемъ отдѣльныхъ человѣческихъ группъ; въ просторѣчіи этимъ количественнымъ описаніямъ или, правильнѣе, количественнымъ справкамъ нерѣдко присвоивается названіе статистики, и конечно нетрудно на голову разбить научность статистики, разъ подъ именемъ ея разумѣется только матеріалъ. Сторонники исключительнаго примѣненія умозрительнаго, абстрактно-геометрическаго метода въ обществовѣдѣніи нападаютъ на примѣненіе наблюденія къ изслѣдованію общественной жизни. Крайняя сложность явленій общественной жизни заставляетъ въ самомъ дѣлѣ осторожно относиться къ употребленію наблюдательнаго метода. Приходится признать, что обобщеніе наблюденій, относящихся къ человѣческой жизни, возможно лишь въ формѣ такъ называемыхъ эмпирическихъ законовъ, т. е. такихъ, которые не внушаютъ намъ полнаго убѣжденія въ своей справедливости внѣ предѣловъ данныхъ наблюденій. Эта ограниченность приложенія эмпирическихъ законовъ не можетъ удовлетворить присущаго многимъ человѣческимъ умамъ стремленія къ абсолютному, къ безграничному, къ отыскиванію непреложныхъ, повсюду и всегда примѣнимыхъ законовъ. И вотъ человѣкъ предпочитаетъ довѣриться нѣсколькимъ аксіомамъ, которыя онъ считаетъ незыблемыми, и изъ нихъ дедуцировать законы общественной жизни. Если впослѣдствіи онъ находитъ нужнымъ провѣрить результаты наблюденіями надъ современною или прошедшею дѣйствительностью и не отказывается воспользоваться тѣми случаями, гдѣ умозрѣніе и наблюденіе расходятся, онъ въ сущности признаетъ примѣнимость наблюдательнаго метода. Дѣло только въ очереди, съ

чего начинать. И наблюлатель обязанъ провѣрить свои наблюдательные выводы умозрѣніями. Но если изслѣдователь довольствуется только своею отвлеченною работою, или, что по нашему мнѣнію хуже, соглашается пользоваться наблюдательными результатами лишь тогда, когда ими подтверждаются ранѣе сдѣланные апріорные выводы, и рѣшительно отвергаетъ эти наблюдательные результаты, если они противорѣчатъ апріорнымъ—въ этихъ случаяхъ становится крайне затруднительною, если не совсѣмъ невозможною совмѣстная работа мысли подобнаго изслѣдователя и лицъ, признающихъ статистику отраслью научныхъ знаній. Недовѣріе къ статистическому наблюденію зависитъ иногда отъ незнакомства съ тѣмъ, что такое статистическое наблюденіе. Если бы оно было однопредметнымъ, оно въ самомъ дѣлѣ не могло бы быть примѣнено къ научному изученію человѣческой дѣятельности. Но статистическое наблюденіе вовсе не однопредметно, это наблюденіе массовое. Изслѣдованіе массъ сближаетъ статистику, отрасль обществовѣдѣнія, съ тѣми отдѣлами естествознанія, гдѣ, какъ въ метеорологіи, нельзя довольствоваться отдѣльными единичными наблюденіями. Факты общественной человѣческой жизни зависятъ отъ цѣлаго ряда причинъ болѣе или менѣе важныхъ. Чтобы обнаружить дѣйствіе болѣе общихъ, такъ называемыхъ постоянныхъ причинъ, необходимо брать эти факты въ однородныхъ массахъ. Понятіе о массѣ составляетъ неизбѣжную принадлежность понятія о статистическомъ методѣ, но въ то же время можно сказать, что понятіе о массѣ отражается и на содержаніи статистики. Тамъ, гдѣ недостаетъ массовыхъ наблюденій, не можетъ быть до поры до времени и научнаго статистическаго изслѣдованія. Этимъ значительно съуживается современная область наблюдательнаго обществовѣдѣнія. Далеко не всѣ вопросы, занимающіе собою умозрѣніе, доступны для изслѣдованія наблюдательнымъ путемъ. Изъ необходимости производить наблюденія надъ массами проистекаетъ для статистики необходимость пользоваться спеціальнымъ языкомъ для выраженія своихъ наблюденій. Это языкъ количественный или, въ своемъ именномъ обозначеніи, языкъ цифръ. Для опредѣленнаго сужденія о массѣ предметы и явленія, составляющіе эту массу, должны быть сосчитаны. Элементарность конкретной операціи сосчитыванія маляетъ научное достоинство статистики въ глазахъ нѣкоторыхъ любителей показной внѣшности, придающихъ значеніе болѣе или менѣе сложнымъ наблюдательнымъ орудіямъ. Наука, научное наблюденіе... и вдругъ какой-то простой перечетъ людей, количесъ земли, хозяйственныхъ единицъ, скота, продуктовъ и т. п. Человѣкъ, съ почтеніемъ дающій дорогу химическимъ вѣсамъ или спектрометру, съ недовѣріемъ посматриваетъ на эту незатѣйливую операцію простого пересчитыванія. Такое недовѣріе напоминаетъ нѣкоторыхъ паціентовъ, которые уважаютъ постукиванье съ помощью молоточка и плессиметра и рѣшительно не соглашаются

признавать постукиванья пальцемъ по пальцу (между тѣмъ, діагносты, хорошо владѣющіе пальцами, часто не промѣняютъ своихъ пальцевъ при перкуссіи ни на какіе молотки). Сосчитываніе относится преимущественно къ полученію самаго статистическаго матеріала. Для того, чтобы дать пищу научному размышленію, матеріалъ этотъ нерѣдко долженъ быть подвергнутъ еще другимъ счетнымъ операціямъ вычислительнаго характера. Такая необходимость вычисленій для иныхъ представляется прямо скучною. Мы встрѣчали экономистовъ, которые отдавали предпочтеніе примѣненію умозрительнаго метода, между прочимъ, на основаніи опасенія утомительной, скучной работы надъ цифрами, притомъ такой работы, относительно которой заранѣе неизвѣстно, вознаградитъ-ли она изслѣдователя надлежащими выводами. Смѣемъ думать, что въ корнѣ такого опасенія лежитъ отсутствіе личнаго знакомства съ тѣми высокими наслажденіями, которыя можетъ доставлять умственная работа и въ области статистики, разъ она предпринимается съ чисто научнымъ мотивомъ, т. е. во имя стремленія къ истинѣ.

Многочисленную группу отрицателей статистики составляютъ тѣ лица, которыя теоретически допускаютъ примѣнимость наблюдательнаго метода къ изслѣдованію общественной жизни, понимаютъ, что этотъ методъ долженъ быть примѣненъ здѣсь въ количественной формѣ, но не находятъ возможнымъ пользоваться современными наблюденіями, ссылаясь на неточность и неполноту этихъ наблюденій. Изъ этой группы вербуются многіе будущіе друзья статистики: друзьями они становятся тогда, когда успѣваютъ достаточно ознакомиться съ пріемами критики статистическихъ матеріаловъ. Недовѣрчивое отношеніе къ статистической цифрѣ, происхожденіе которой неясно тому, кому эту цифру предлагаютъ, во всякомъ случаѣ лучшій залогъ будущихъ научныхъ работъ, чѣмъ безусловное поклоненіе цифрѣ только потому, что она цифра. Когда человѣкъ привыкаетъ развинчивать громадныя цифры по ихъ составнымъ элементамъ, оцѣнивать прочность каждаго изъ этихъ элементовъ, достаточность числа этихъ элементовъ для поддержки надежной суммы, онъ привыкаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнивать достоинства и недостатки человѣческой умственной работы въ области количественныхъ наблюденій. Онъ не можетъ забыть того, что нѣтъ наблюденій безъ погрѣшностей, что и астрономическія наблюденія не безошибочны и что въ наукѣ страшна не ошибка, а неумѣнье опредѣлить размѣры ошибки. Критика статистическихъ матеріаловъ обнаруживаетъ еще одну особенность статистическихъ наблюденій: это не только количественныя массовыя наблюденія, но въ громадномъ большинствѣ методическія или систематическія наблюденія, совершаемыя по заранѣе обдуманному плану, именуемому программою наблюденій при помощи заранѣе обдуманныхъ пріемовъ. Тѣ наблюденія, которыми каждый изъ насъ обогащаетъ свою ежедневно накопляющуюся житейскую опытность, хотя бы они и относились къ массамъ явленій,

въ громадномъ большинствѣ суть наблюденія случайныя, не систематическія. Конечно, достоинство статистическихъ матеріаловъ, какъ научныхъ матеріаловъ, въ значительной мѣрѣ обусловливается достоинствомъ тѣхъ плановъ, составленіе которыхъ должно было предшествовать устройству и регистраціи наблюденій.

Чтобы покончить съ нападками на статистику, какъ науку, намъ предстоитъ еще бросить бѣглый взглядъ на исторію статистическихъ знаній и борьбу противъ нихъ, и на современное положеніе статистическихъ изслѣдованій въ нашемъ отечествѣ.

Зачатки статистики въ теперешнемъ смыслѣ этого слова принадлежатъ XVII столѣтію. Конрингъ въ Германіи, Граунтъ и Петти въ Англіи положили начало двумъ направленіямъ, которыя не вполнѣ точно, но по своимъ характернымъ чертамъ могутъ быть названы описательнымъ и изслѣдовательнымъ направленіемъ статистики. Описательное направленіе, нашедшее себѣ въ Германіи XVIII вѣка крупнѣйшаго представителя въ лицѣ Ахенваля, привлекло къ себѣ больше силъ, но встрѣтило, какъ и слѣдовало ожидать, и больше возраженій. Конрингъ и Ахенваль объектами статистики считали государственныя достопримѣчательности; и занимались они преимущественно ихъ описаніемъ, хотя Ахенваль и упоминалъ, что слѣдуетъ заниматься изученіемъ причинъ государственныхъ достопримѣчательностей. Понятіе достопримѣчательности не можетъ считаться опредѣленнымъ, и потому содержаніе статистики всецѣло отдавалось на произвольный выборъ ея дѣятелей. Конечною цѣлью статистики Ахенваль считалъ достиженіе государственной мудрости; привязываніе научной работы къ такой утилитарной цѣли составляло несомнѣнно слабое мѣсто статистики Ахенвалевской школы. Современникъ Ахенваля Зюссмильхъ былъ родоначальникомъ изслѣдовательнаго направленія въ Германіи. Его работы вызвали упрекъ въ фатализмѣ, такъ какъ онъ въ анализѣ статистическихъ цифръ искалъ лишь подтвержденія предустановленнаго уже божественнаго порядка. Французскіе математики конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія много содѣйствовали приложенію теоріи вѣроятностей къ научной обработкѣ статистическихъ матеріаловъ. Статистиковъ, пользовавшихся услугами математики, обвиняли и обвиняютъ въ желаніи придать научную внѣшность ненаучнымъ трудамъ и въ пренебреженіи реальными общественными явленіями изъ за увлеченія общими формулами. Въ первой четверти XIX вѣка въ Германіи преподавалъ и писалъ ожесточеннѣйшій изъ всѣхъ ученыхъ враговъ статистики Людеръ. Людеръ самъ былъ сначала преподавателемъ и приверженцемъ статистики, а потомъ обрушился на нее въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ и называлъ ее смѣсью ложнаго и безполезнаго. Людеръ уподоблялъ статистику астрологіи, упрекалъ статистиковъ въ избыткѣ вниманія къ матеріальнымъ факторамъ и въ пренебреженіи моральными силами въ государственной жизни. Многія замѣчанія Людера, относящіяся къ критикѣ современныхъ ему статистическихъ

матеріаловъ, не потеряли своего значенія до сего времени. Людеръ былъ послѣднимъ изъ крупныхъ обвинителей статистики. Его критика предшествовала появленію работъ Кетле, котораго приходится до сихъ поръ называть крупнѣйшимъ представителемъ статистической науки за все время ея существованія. О положительныхъ заслугахъ Кетле въ дѣлѣ научной обработки статистическихъ данныхъ намъ придется еще неоднократно бесѣдовать. Отмѣтимъ только, что ему принадлежитъ надлежащее выясненіе понятія о законѣ общественной жизни и замѣчательная классификація причинъ общественныхъ явленій. Здѣсь же мы упомянемъ о томъ, что и работы Кетле не обошлись безъ довольно рѣзкихъ нападокъ. Въ ученіи Кетле усмотрѣли своего рода натуралистическій фатализмъ, отрицаніе свободной воли человѣка, хотя Кетле собственно не отрицаетъ существованія свободной воли, а разсматриваетъ ее лишь какъ случайную (а не постоянную) причину человѣческихъ дѣйствій. Недоумѣніемъ былъ встрѣченъ, да и до сихъ поръ недоумѣніемъ сопровождается въ статистическихъ трактатахъ «средній человѣкъ», изученіе котораго Кетле ставилъ главною задачею для статистики. Кетле считалъ «средняго человѣка» дѣйствительно существующимъ типомъ, къ поддержанію котораго направлено все дѣйствіе постоянныхъ причинъ и безъ котораго нарушается самая возможность научнаго изслѣдованія данныхъ, относящихся къ человѣку. И такъ, движеніе статистической науки въ лицѣ ея главныхъ западноевропейскихъ представителей сопровождалось значительнымъ треніемъ въ формѣ нападокъ критики, и почти всегда критика обрушивалась не только на опредѣленную школу, но кстати и на самую законность существованія статистики, какъ науки.

У насъ въ Россіи не было еще такихъ крупныхъ изслѣдователей, которые создавали бы цѣлую школу статистики, но и въ общихъ теченіяхъ русской мысли за XIX столѣтіе можно подмѣтить своего рода приливъ и отливъ по отношенію къ тому значенію, которое придается статистическимъ изслѣдованіямъ. Начало столѣтія, ознаменовавшееся открытіемъ нѣсколькихъ университетовъ, отличалось и нѣкоторымъ вниманіемъ къ разработкѣ статистики, хотя уровень разработки не шелъ дальше Ахенваля и его ближайшихъ продолжателей Шлецера и Нимана. Да половины столѣтія вниманіе русскаго общества къ теоретической статистикѣ было въ сущности крайне слабо, и только въ 1846 г. появилось въ Кіевѣ совершенно одиноко стоящее въ нашей литературѣ сочиненіе Журавскаго «Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній въ Россіи»; здѣсь авторъ обнаружилъ замѣчательную глубину мысли по отношенію ко многимъ существеннымъ вопросамъ статистической методологіи. Для начала 50-хъ годовъ, памятники нѣкотораго движенія въ области теоретической мысли по вопросамъ, касающимся статистики, сохранились въ отчетахъ о засѣданіяхъ статистическаго отдѣленія географическаго общества. Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ

годовъ отличались небывалымъ до того времени разцвѣтомъ и блескомъ русской литературы; но всѣ выдающіеся публицисты этой эпохи, задѣвая въ своихъ произведеніяхъ вопросы весьма многихъ научныхъ дисциплинъ, почти не касались статистики. Напомнимъ, напримѣръ, что споръ о достоинствахъ и недостаткахъ общиннаго землевладѣнія велся тогда почти исключительно на основаніи умозрительныхъ соображеній, при весьма скудныхъ справкахъ съ русскою дѣйствительностью. Молодежь конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ, повидимому, читавшая нѣсколько больше, чѣмъ читаетъ современная молодежь, почти не имѣла въ рукахъ книгъ по статистикѣ *). Разработка идеаловъ общественнаго строя привлекала къ себѣ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ знакомство съ существующею общественною жизнью. Половина семидесятыхъ годовъ обнаруживаетъ рѣшительный поворотъ интересовъ въ пользу статистики. Къ этому времени поспѣли накопиться кое-какіе матеріалы по изученію Россіи, сведенные въ замѣчательномъ «Военно-статистическомъ сборникѣ» и быстро подхваченные популяризующею литературою. Затѣмъ появилась книга кн. Васильчикова, обратившая вниманіе на статистическую разработку аграрнаго вопроса, и немного спустя Янсонъ приступилъ къ первому опыту такой разработки (въ своемъ этюдѣ о надѣлахъ и платежахъ). Почти одновременно (въ 1876) опубликованъ и первый русскій курсъ статистики, соотвѣтствовавшій ея положенію за границей, принадлежавшій недавно скончавшемуся профессору Бунге. Съ половины семидесятыхъ годовъ обнаруживается настойчивое желаніе знакомиться съ дѣйствительною жизнью русскаго народа, и въ сферѣ собиранія статистическихъ матеріаловъ это желаніе находитъ себѣ главное выраженіе въ работахъ земскихъ статистиковъ, по хозяйственной и по санитарной статистикѣ, работахъ, которыя до самаго послѣдняго времени пользовались теплымъ сочувствіемъ русской интеллигенціи. Интересно, что стремленіе къ изученію дѣйствительности очень часто находило себѣ исходный пунктъ во внимательномъ чтеніи того самаго Маркса, во имя котораго намъ въ послѣднее время предлагаютъ сосредоточиться на умозрительномъ обществовѣдѣніи. Въ восьмидесятыхъ годахъ по теоріи статистики появляются переводные и оригинальные труды Майра, профессоровъ Янсона, Чупрова и другихъ. По разнымъ угламъ Россіи идетъ невидная для поверхностнаго наблюденія, но упорная, съ неподдѣльнымъ интересомъ исполняемая работа мысли по приложенію статистическаго метода къ рѣшенію разныхъ вопросовъ обществовѣдѣнія; многое изъ этой работы попадаетъ въ литературу и сопровождается замѣчаніями за и противъ умѣстности статистическаго метода (значительно чаще за, чѣмъ противъ). Въ самое послѣднее время, особенно въ 1894—1895 годахъ, замѣчаются рѣзкіе признаки отлива русскихъ публи-

*) Рѣдкимъ исключеніемъ были переводы Кетле и Моро де-Жонеса.

цистовъ отъ статистическаго мышленія. Появляются трактаты, приглашающіе возвратиться къ дедуктивнымъ выводамъ изъ совершенно безспорныхъ, общечеловѣческимъ опытомъ установленныхъ посылокъ, вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ какими то статистическими цифрами. Эти новые доктринеры, какъ сами они себя называютъ, по временамъ какъ будто и снисходятъ къ изученію хозяйственной дѣйствительности, но чуть только результаты такого изученія не согласуются съ ихъ блестящими геометрическими построеніями, они обрушиваются на самый статистическій методъ и заходятъ часто очень далеко. Они находятъ, напримѣръ, возможнымъ утверждать, что законъ большихъ чиселъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе индивидуальности, что онъ прямо предполагаетъ ея игнорированіе *); между тѣмъ, какъ выдающіеся западно-европейскіе сторонники того-же дедуктивнаго метода въ хозяйственной наукѣ, какъ разъ наоборотъ и съ гораздо большимъ основаніемъ, видятъ задачу статистики въ изображеніи индивидуальной сущности и индивидуальной связи явленій **). Поворотъ молодой русской интеллигенціи противъ наблюдательнаго метода въ обществовѣдѣніи, пока еще слабо проявляющійся въ печати, дающій себя знать преимущественно въ личныхъ спорахъ, имѣетъ, конечно, для себя множество причинъ. Одна изъ причинъ рѣзко бросается въ глаза: колоссальному накопленію матеріаловъ вовсе не соотвѣтствуютъ совершенно ничтожные размѣры научной разработки этихъ матеріаловъ. У многихъ мысль испытываетъ какое-то оглушеніе, когда знакомится съ этими горами количественныхъ наблюденій, ожидающими толкователей. На очереди стоитъ настоятельная потребность группировки и классификаціи многочисленныхъ знаній, почерпнутыхъ наблюдателями при регистраціи народной жизни. Успѣшная группировка возможна, конечно, только тогда, когда человѣкъ заинтересованъ результатами своей работы, а интересъ къ статистикѣ пріобрѣтается преимущественно на почвѣ самостоятельныхъ статистическихъ изслѣдованій. Кому же заниматься этими изслѣдованіями? Конечно, прежде всего тѣмъ, кого жизнь ставитъ въ ежедневное соприкосновеніе съ наукою, питомцамъ научныхъ школъ. Статистика, оффиціально приписанная сейчасъ къ юридическимъ факультетамъ (прежде она была приписана къ историко-филологическимъ), появилась въ школахъ медицинскихъ и промышленныхъ, изъ числа послѣднихъ между прочимъ въ агрономическихъ. Кое-что изъ статистическихъ знаній довольно давно проникло и въ нашу среднюю общеобразовательную школу, вынесено оттуда каждымъ изъ насъ здѣсь присутствующихъ, но, къ сожалѣнію, обыкновенно въ формѣ скудныхъ отрывковъ, совершенно не сопровождающихся представленіемъ о генезисѣ знаній и въ этомъ отношеніи рѣзко отличающихся отъ той

*) Струве, «Критич. замѣтки къ вопросу объ экон. разв. Россіи, стр. 35—36.
**) Менгеръ, стр. 243.

сравнительно стройной системы знаній, которую дала намъ средняя школа по математикѣ. Окружающая жизнь, ежедневное чтеніе, конечно, ставили и ставятъ каждаго изъ насъ въ новое соприкосновеніе со статистическими знаніями. Но всего этого мало для полученія яснаго представленія о характерѣ статистическаго изслѣдованія. Такое представленіе вмѣстѣ съ настоящимъ интересомъ получается только на основаніи собственной самостоятельной работы.

Къ этой то работѣ я имѣю честь убѣдительнѣйше приглашать каждаго изъ здѣсь присутствующихъ, и въ помощь этой работѣ назначается начинаемый сегодня курсъ лекцій. Шаблонной работы тутъ быть не можетъ. Всякому придется подходить къ морю статистическихъ знаній съ собственнымъ стаканомъ. Мотивы, привлекающіе или могущіе привлекать агронома къ занятіямъ статистикою, чрезвычайно разнообразны. Одного болѣе привлекаетъ разработка чисто теоретическихъ вопросовъ, другой прежде всего интересуется хозяйственными нуждами своего родного уголка и справедливо ищетъ въ статистикѣ пособія къ пониманію этихъ хозяйственныхъ нуждъ. И тотъ и другой найдутъ достаточную пищу мысли въ анализѣ массовыхъ наблюденій надъ общественной жизнью. И предубѣжденный непріятель статистики, можетъ быть, не пожалѣетъ современемъ о нѣсколькихъ часахъ, затраченныхъ на ознакомленіе съ нею въ формѣ самостоятельной работы, даже въ томъ случаѣ, если эта работа только укрѣпитъ его въ отрицательномъ отношеніи къ научности статистическихъ знаній; въ послѣднемъ случаѣ работа его будетъ очень полезна и для лицъ, не перестающихъ признавать научность статистики, согласно старой справедливой поговоркѣ: «изъ столкновенія мнѣній возникаетъ истина». Годы исключительнаго сосредоточенія вашего на культивированіи познавательной способности скоро протекутъ. Но повѣрьте, что и тогда, когда настанетъ время культивированія различныхъ практическихъ навыковъ—будутъ ли это навыки профессіональнаго научнаго изслѣдователя, преподавателя, администратора, надѣющагося когда нибудь сдѣлаться министромъ, управляющаго, лѣсничаго или самостоятельнаго землевладѣльца-хозяина, и тогда встрѣтится много случаевъ, чтобы вспомнить о вопросахъ, волновавшихъ мысль во время студенчества, и въ числѣ этихъ вопросовъ, можетъ быть, предстанетъ, конечно, уже въ совершенно новомъ освѣщеніи, поставленный нами сегодня вопросъ: «наука-ли статистика»?

А. Фортунатовъ.

ЛИПУШКА.

Очеркъ.

Его всѣ называли Липушка. Мало кто зналъ его фамилію, имя и отчество, такъ какъ еще лѣтъ двадцать тому назадъ кто-то окрестилъ его этимъ прозвищемъ, которое такъ съ тѣхъ поръ и осталось за нимъ. Когда-то давно онъ служилъ чиновникомъ въ консисторіи по наградному столу. Тогда его звали Филиппомъ Сергѣевичемъ Долорозовымъ, онъ имѣлъ свой столъ и писца, и батюшки городскіе, а въ особенности сельскіе, умиленно подходили къ нему и, неловкими движеніями распахивая полы рясъ и подрясниковъ, украдкой доставали изъ своихъ бумажниковъ или замшевыхъ кошельковъ зелененькія, синенькія и красненькія ассигнаціи, которыя таинственно передавались ему и быстро исчезали въ ящикѣ его стола. О! тогда онъ былъ въ своемъ родѣ персона, всѣ заискивали въ немъ и осаждали его разными приглашеніями на именинные пироги, свадебные пиры и обѣды. Старосты церквей, пожелавшіе потрудиться во славу Божію, не забывая однако и мірскихъ выгодъ, тоже льнули къ Филиппу Сергѣичу. Поэтому знакомство у него было обширное и, благодаря его умѣнью ориентироваться во всякаго рода дѣлахъ, и самое избранное въ своемъ родѣ; въ кругъ его входили настоятели приходскихъ церквей, протоіереи, дослужившіеся до Анны на шею, ректора семинарій и профессора академіи; изъ купцовъ же признавались достойными его посѣщеній только такіе, которые были зачислены въ первую гильдію. Приглашенія болѣе мелкаго купечества и духовенства не вносились имъ въ записную книжку и оставлялись безъ вниманія. У него была особенная записная книжечка, въ которой, на ряду съ обозначеніемъ высокоторжественныхъ дней, прекраснымъ ровнымъ почеркомъ были записаны подъ всякимъ числомъ дни именинъ и тому подобныхъ празднествъ тѣхъ лицъ, которыя по своимъ заслугамъ и положенію были достойны этой чести. Нужно замѣтить, что у Филиппа Сергѣича была страсть къ отчетности; помимо веденія своихъ дѣлъ въ консисторіи, онъ дома въ свободное время

занимался съ любовью и необыкновенною тщательностью и аккуратностью составленіемъ списковъ священниковъ съ подраздѣленіемъ ихъ по рубрикамъ соотвѣтственно полученію ими наградъ. За нѣсколько лѣтъ впередъ онъ разсчитывалъ, что такой-то отецъ Іоаннъ Тихомандрицкій долженъ получить наперсный крестъ тогда, а отецъ протоіерей Непомучинскій орденъ 4 степени тогда-то. Иногда онъ въ своей маленькой чистенькой комнатѣ подолгу ходилъ между письменнымъ, краснаго дерева на шкапикахъ столомъ, съ одной стороны, и узенькимъ платянымъ шкапомъ съ другой, обсуждая какой нибудь занимавшій его въ этомъ направленіи вопросъ. Время свое онъ проводилъ утромъ въ консисторіи, по окончаніи же службы отправлялся къ кому нибудь изъ внесенныхъ въ списокъ лицъ, гдѣ и оставался на цѣлый вечеръ. Знакомство все больше и больше разросталось, и рѣдко выпадалъ такой день, чтобы въ его книжечкѣ не значилось какого нибудь празднества...

Въ дни великаго поста, когда приглашенія дѣлались рѣже, онъ приходилъ обѣдать домой, довольствуясь однимъ постнымъ блюдомъ,—щами со снятками или вареной треской съ картофелемъ, — которое стряпала ему сама хозяйка, успѣвшая за время его долговременнаго проживанія у нея на квартирѣ изучить всѣ его вкусы и привычки, и относившаяся къ нему съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ.

Наружность его внушала къ себѣ уваженіе и была величественна. Онъ былъ высокаго роста, держался прямо и строго, одѣвался всегда во все черное, тщательно брился. Его большой лобъ, немного нахмуренныя, придававшія суровый видъ его лицу брови, правильный носъ съ горбикомъ, тонкія губы и округленный подбородокъ съ ямочкой посерединѣ, все это носило на себѣ какъ бы отпечатокъ аристократическаго происхожденія, хотя отцомъ его былъ заштатный діаконъ, спившійся съ кругу, выгнанный со службы и умершій отъ удара задолго до окончанія Филиппомъ Сергѣичемъ семинаріи.

Филиппъ Сергѣичъ былъ очень строгъ и требователенъ у себя дома, не переносилъ пылинки на столѣ, клочка бумажки на полу, любилъ порядокъ и аккуратность во всемъ, носилъ платье и бѣлье подолгу и волновался изъ за какого нибудь не поддающагося чисткѣ пятнышка на сюртукѣ. Къ хозяйкѣ онъ былъ строгъ и не снисходилъ до фамиліарности, несмотря на ея полную преданность, заботливость и то участіе, которое она оказывала ему въ трудныя минуты его жизни. На службѣ онъ былъ суровъ и непроницаемъ, но зато какъ онъ измѣнялся, когда появлялся въ обществѣ на большомъ празднествѣ! Онъ входилъ съ пріятною улыбкою, съ мягкими манерами, раскланивался то снисходительно, то заискивающе направо и налѣво, смотря по положенію тѣхъ лицъ, къ кото-

рымъ относились его поклоны; умѣлъ предложить такой тостъ послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ бокаловъ шампанскаго, когда всѣ уже были навеселѣ, что батюшки брались за бока, а матушки смѣялись до слезъ. Къ себѣ онъ не приглашалъ никогда, по его разсчетамъ это ему было не по карману. Дома принять было негдѣ, а на обѣдъ въ кухмистерской слишкомъ много пришлось бы положить ассигнацій, которыя онъ бережно сохранялъ и которыя по мѣрѣ накопленія ихъ въ достаточномъ количествѣ замѣнялись банковыми билетами...

Но это было очень давно, а въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, его звали Липушка, онъ былъ старъ и хотя старался сохранить еще свою прежнюю осанку, но это стоило ему большихъ усилій. Носъ его пріобрѣталъ багровый оттѣнокъ, на лбу пересѣкались въ разныхъ направленіяхъ морщины, глаза слезились, а вѣки какъ то вспухли надъ сильно выпученными глазами.

Мѣсто въ консисторіи Липушка потерялъ давно и давно вышелъ въ отставку, проживая съ величайшей экономіей на проценты съ прикопленныхъ имъ нѣсколькихъ тысячъ рублей. Но по старой привычкѣ онъ продолжалъ бывать на всякихъ обѣдахъ съ оффиціантами у лицъ, удостоившихся чести быть внесенными въ его книжечку, которую онъ велъ также аккуратно, какъ и прежде. Свое свободное время онъ посвящалъ чтенію указовъ Св. Сунода и занимался веденіемъ отчетности въ нѣсколькихъ пронумерованныхъ книгахъ, въ которыя имъ вносились различныя замѣтки относительно награжденій, назначеній и повышеній духовныхъ лицъ. Все, повидимому, въ его жизни продолжало идти по разъ заведенному имъ самимъ порядку, но какъ сильно измѣнились люди въ своихъ къ нему отношеніяхъ... Теперь, когда онъ входилъ въ залъ съ разставленными въ формѣ покоя столами, никто не выбѣгалъ къ нему на встрѣчу, какъ прежде, никто не подхватывалъ его подъ руку и не велъ знакомить къ хозяйкѣ; никто не вертѣлся около него, настойчиво предлагая выпить и закусить; никто уже со вниманіемъ не вытягивался въ его сторону, когда онъ начиналъ говорить, и не подмигивалъ сосѣдямъ съ пріятной улыбкой, ожидая отъ него остроумнаго словечка... Нѣтъ, теперь уже было совсѣмъ не то... Правда, онъ входилъ также развязно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства, какъ и прежде, такъ что всѣ видѣвшіе его въ первый разъ принимали его за сановника и, нагибаясь къ своимъ сосѣдямъ, спрашивали: „кто это?“ Но вопрошаемые дѣлали незначительный жестъ рукой и отвѣчали: „какъ, вы не знаете? Это Липушка, онъ ходитъ безъ приглашенія вездѣ, гдѣ бываютъ обѣды, на свадьбы, похороны, именины... У него даже въ карманѣ припасено два галстуха черный и бѣлый, такъ какъ часто слу-

чается, что онъ торопится съ похоронъ прямо, не заходя домой, на свадьбу". Тѣ, кто подобрѣе, заканчивали это объясненіе словомъ „чудакъ", и переходили къ другимъ темамъ; другіе же, болѣе желчные и сердитые, дополняли эту характеристику словомъ „нахалъ". Иногда до него долетали эти названія, но онъ невозмутимо продолжалъ обходить всѣхъ гостей поочереди, подавая каждому руку, любезно расшаркиваясь и присматривая однимъ глазкомъ мѣстечко поудобнѣе, поближе къ избраннымъ гостямъ, съ которыхъ начинали обносить кушанья.

Онъ не смущался, когда съ теченіемъ времени его стали вначалѣ деликатно, а потомъ и безъ стѣсненій выпроваживать съ этихъ облюбованныхъ имъ заранѣе мѣстъ въ болѣе далекіе концы стола, гдѣ сидѣли діакона, причетники, дальніе бѣдные родственники, куда доходили всѣ блюда застывшими и съ преобладаніемъ несъѣдобныхъ кусковъ, и гдѣ передъ приборами гостей ставилось не вино, а пиво и медъ. И хотя Липушка и былъ лакомка, но переносилъ это, какъ и многое другое, съ полнымъ хладнокровіемъ, заставлявшимъ однихъ еще болѣе удивляться его чудачеству, а другихъ нахальству. Теперь уже никто не прислушивался къ его остротамъ, и когда онъ, подбодренный выпитой рюмкой вина и стаканомъ пива, вставалъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье тѣхъ, „кои намъ пріятны суть", очевидно намекая въ этомъ случаѣ на дамъ и обращаясь къ нимъ съ многозначительной улыбкой, то не говоря уже про гостей, сидѣвшихъ на парадномъ концѣ стола, но даже и сосѣди не удостоивали его своимъ вниманіемъ и замалчивали его возгласъ. Развѣ какой нибудь басистый діаконъ съ копной волосъ на головѣ отзовется мимоходомъ: „выдохся, братецъ, старо", и отвернется продолжать начатый разговоръ съ сосѣдомъ.

Въ послѣднее время бывали и такіе случаи, что Липушку не принимали. Но если это и случалось, то только у очень богатыхъ купцовъ, набравшихся европейскаго лоска и манеръ, у купцовъ, заводившихъ всѣ порядки въ домѣ на англійскій ладъ и принимавшихъ у себя избранное общество, среди котораго уже слишкомъ рѣзкимъ пятномъ выдѣлялся бы Липушка. Въ духовные же дома онъ продолжалъ быть вхожимъ по прежнему; съ нимъ не стѣснялись, но его выносили, а это было все, что ему нужно...

Возвратившись домой съ какого нибудь пиршества, онъ могъ достать съ пріятнымъ чувствомъ исполненнаго долга свою шагреневую записную книжечку и поставить звѣздочку, обозначавшую, что онъ не пропустилъ даннаго, отмѣченнаго въ ней, празднества; число такихъ звѣздочекъ съ каждымъ годомъ все прибавлялось и прибавлялось, пока смерть винов-

ника этихъ торжествъ не прекращала ихъ ряда и не завертала его крестикомъ, обозначавшимъ присутствіе Липушки на поминкахъ.

И чѣмъ ниже опускался онъ во мнѣніи посѣщаемыхъ имъ лицъ, чѣмъ менѣе стѣснялись они выказывать ему свое пренебреженіе, тѣмъ щепетильнѣе становился онъ въ отбываніи своей какъ бы повинности, и неуклонно, не взирая на свое уже пошатнувшееся здоровье, продолжалъ расхаживать въ своей, подбитой ватой, шинели изъ одного конца города въ другой, не обращая вниманія на погоду и разстоянія.

---

24 ноября такой день, когда у всякаго, если поискать и подумать, найдется не одна знакомая именинница, а у Липушки ихъ было столько, что и не перечесть. Вотъ почему онъ, сидя за стаканомъ чая, принесеннымъ ему хозяйкой вмѣстѣ съ горячимъ трехкопѣечнымъ калачомъ, такъ задумался, что чай и калачъ уже успѣли простыть, а онъ все продолжалъ почесывать себѣ затылокъ и вертѣться нетерпѣливо на стулѣ. Наконецъ онъ громко высказалъ свое недоумѣніе: „Къ протопопицѣ Катеринѣ Ивановнѣ нельзя не пойти, двадцать лѣтъ бываю у нихъ въ домѣ въ этотъ день, и къ Катеринѣ Павловнѣ тоже, а еще къ Катеринѣ Михайловнѣ... ничего не подѣлаешь... у всѣхъ нужно быть...“

Самымъ непріятнымъ обстоятельствомъ было то, что онъ долженъ былъ быть сегодня на похоронахъ купца Синегривова и такимъ образомъ все утро, втеченіи котораго онъ успѣвалъ справиться со своими визитами, для него пропадало... А похоронъ онъ не могъ пропустить... купцы они богатые... за расходами не постоятъ... все будетъ первый сортъ... И онъ одушевлялся, представляя себѣ всѣ подробности торжественныхъ похоронъ, и торопливо допивалъ свой стаканъ чая... Утреннее недомоганіе и головную боль какъ рукой сняло... Липушка всталъ, потянулся, подошелъ къ зеркалу, завязалъ аккуратно черный галстухъ (бѣлый, тщательно выглаженный и вчетверо сложенный, онъ положилъ въ карманъ), смахнулъ соринки съ фрака и, вспомнивъ о четырехрублевой свѣжей икрѣ, которая будетъ стоять на столѣ цѣлыми боченками, окончательно просвѣтлѣлъ, быстро накинулъ свою ватную шинель, повязалъ шею шарфомъ и, надѣвъ на голову цилиндръ, торопливыми шагами вышелъ изъ дому...

На дворѣ была слякоть; послѣ сильныхъ морозовъ, въ нѣсколько дней затянувшихъ Неву льдомъ, вдругъ сразу потеплѣло, снѣгъ сталъ таять и обратился въ массу желтобураго цвѣта, комки которой разлетались изъ-подъ колесъ эки-

пажей въ разныя стороны. Сверху падалъ не то дождь, не то снѣгъ, дулъ пронзительный сѣверовосточный вѣтеръ. Начинало опять холодить и къ вечеру можно было ожидать мороза.

Липушка нѣсколько умѣрилъ скорость своего первоначальнаго шага, ноги его скользили по льду начинавшихъ уже подмерзать тротуаровъ, и вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо; все это, вмѣстѣ взятое, заставляло его пробираться впередъ съ нѣкоторыми усиліями. Несмотря однако на всѣ препятствія, онъ поспѣлъ къ выносу во время и постарался занять мѣсто по возможности ближе къ вдовѣ, безпомощно склонившейся на плечо своего сына, и къ остальнымъ довольно равнодушнымъ по виду родственникамъ, толпившимся у самого гроба. Всѣ они шли съ обнаженными головами, и Липушка тоже изъ уваженія къ праху покойнаго приподнялъ цилиндръ. Вѣтеръ ледяной струей прошелся по его почти уже совсѣмъ лысой головѣ и Липушка почувствовалъ довольно острую боль въ вискахъ. Но онъ продолжалъ держать цилиндръ въ рукѣ на отлетъ, считая теперь въ особенности неловкимъ надѣть его на голову, такъ какъ служилась литія у ближней церкви, въ которой покойникъ былъ старостой. Послѣ литіи большая часть родственниковъ и провожающихъ покойника разсѣлась по своимъ и наемнымъ каретамъ; за гробомъ продолжала идти только вдова покойнаго съ сыномъ, нѣсколько старушекъ дальнихъ родственницъ, когда то облагодѣтельствованныхъ покойнымъ, и Липушка, выступавшій съ нѣкоторою гордостью, видя себя въ числѣ такихъ близкихъ къ покойному лицъ.

Вѣтеръ начиналъ задувать сильнѣе, крутя въ воздухѣ мелкія порошинки снѣга; Липушкѣ приходилось одной рукой придерживать цилиндръ, а другой запахивать полы шинели, длинный обледѣнѣвшій подолъ которой колотилъ его по ногамъ и затруднялъ движенія. Къ счастью, идти оставалось уже недолго; кладбищенская церковь и ворота, ведущія на кладбище, виднѣлись въ концѣ улицы. Липушка вблизи цѣли пріободрился и прибавилъ шагу; у него начинало покалывать въ боку, но онъ приписалъ это усталости и направился вмѣстѣ со всѣми остальными въ церковь.

Служба тянулась очень долго, со вдовой три раза дѣлалась истерика, родственники прощались съ покойникомъ чуть не цѣлый часъ, всхлипывая и причитая надъ его безжизненнымъ тѣломъ или просто кладя земные поклоны у подножія катафалка.

Липушка тоже по порядку занялъ мѣсто въ числѣ прощавшихся и совершилъ эту церемонію по всѣмъ правиламъ: положилъ сначала три земныхъ поклона, потомъ поднялся по ступенькамъ катафалка къ гробу, приложился къ вѣнчику и, сойдя внизъ, снова творя земной поклонъ, склонился на землю.

Но когда онъ сталъ подниматься на ноги, то вдругъ почувствовалъ такую сильную острую боль въ боку, что едва удержался отъ крика... Отъ спертаго ли и пропитаннаго запахомъ ладона воздуха, или отчего другого, но у него начинала кружиться голова и онъ вопреки своему обыкновенію не принялъ участія въ выносѣ гроба изъ церкви.

Около могилы похоронная церемонія шла своимъ чередомъ; пропѣли „со святыми упокой“ и „вѣчную память“, дрогнулъ гробъ надъ протянутыми поверхъ могилы кусками полотна и сталъ криво, какъ бы кобенясь, опускаться въ могилу... Раздались рыданія на разные голоса и причитанія, тихія и визгливыя, застучали комки земли о крышку гроба... и всѣ направились въ кладбищенскую кухмистерскую помянуть покойника.

Липушка шелъ сначала вмѣстѣ со всей толпой, но продолжавшіяся колотья въ боку и сильная слабость, отъ которой походка его начинала дѣлаться неувѣренной, заставили его отстать, такъ что онъ пришелъ къ распахнутымъ настежъ дверямъ кухмистерской послѣднимъ.

Стоявшій у входной двери лакей въ потертомъ фракѣ курилъ папиросу и время отъ времени перекидывался короткими фразами съ кучерами каретъ, сошедшими съ козелъ экипажей, чтобы немного поразмяться. Замѣтивъ подходящаго Липушку, лакей осклабился, но не двинулся съ мѣста, чтобы его пропустить.

— Сѣли за столъ? — обратился къ нему Липушка и, не получая отвѣта, такъ какъ лакей въ это время пренебрежительно сплюнулъ и отбросилъ окурокъ папиросы на улицу, раздраженно произнесъ: „вотъ ужъ подлинно хамъ“, и толкнулъ его, чтобы пройти впередъ.

— Пожалуйте билетикъ,—съ усмѣшкой и опять заслоняя ему входъ, проговорилъ лакей.

— Какой билетъ?.. Кажется, не впервые меня видишь... Могъ бы примѣтить...

— Не приказано-съ пускать безъ билетовъ,—отвѣчалъ лакей.—Мало ли васъ тутъ толкается...

— Ахъ ты каналья эдакой,—раздражался Липушка,—какъ ты смѣешь благородному гостю такіе отвѣты давать... Пошелъ сейчасъ же, негодяй, отнеси мою карточку Ивану Ивановичу Синегривову...

Внушительный ли господскій тонъ Липушки или общее настроеніе присутствовавшей публики, при послѣднихъ словахъ Липушки принявшей сосредоточенный видъ, подѣйствовали такъ на лакея, но онъ взялъ карточку и побѣжалъ съ ней наверхъ по лѣстницѣ, ведущей въ кухмистерскіе покои.

За нимъ, держась одною рукою за деревянныя перила,

сталъ медленно подниматься наверхъ и Липушка. Пройдя нѣсколько ступенекъ, онъ запутался въ полахъ своей шинели и, совершивъ пару колебательныхъ движеній взадъ и впередъ для приведенія въ равновѣсіе своего корпуса, подобралъ полы своею свободною рукою и принялъ, на сколько ему позволяли силы, свою обычную, горделивую осанку. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ лакея, стремительно несшагося внизъ, какъ-то особенно, не то скользя, не то прыгая по ступенькамъ, съ лицомъ озареннымъ глупою, самодовольною улыбкою.

— На поминовеніе души усопшаго раба Ѳеодора, пожалуйте,—съ ехидною усмѣшкою проговорилъ лакей, протягивая Липушкѣ руку съ зеленой бумажкой.—И маршируя назадъ,—прибавилъ онъ.

— Что-о-о?—глухо отозвался Липушка и лицо его сдѣлалось почти багровымъ, а глаза какъ-то испуганно замигали.—Деньги... мнѣ... И, порывистымъ жестомъ отстранивъ руку лакея, онъ выпрямился и произнесъ:—никогда... денегъ... никогда...

— Такъ приказано-съ... Отчего же-съ не изволите получить... Въ закусочной пропустили бы рюмашечку... блинковъ бы покушали... помянули...

Но Липушка, нахлобучивъ цилиндръ, уже спускался съ лѣстницы, ничего не видя и не слыша. Оскорбленіе было слишкомъ неожиданнымъ и выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Всѣ прежнія мелкія непріятности и щелчки самолюбію никогда не заставляли его задумываться надъ тою унизительною ролью, которую онъ игралъ, появляясь безъ приглашенія въ качествѣ гостя на всякаго рода печальныхъ и радостныхъ сборищахъ. Эти оскорбленія усиливались постепенно и незамѣтно, не изглаживая изъ памяти Липушки того почета, которымъ онъ былъ когда-то окруженъ, а строгость и неуклонность соблюденія этихъ посѣщеній Липушкою въ опредѣленные дни придавала имъ въ его глазахъ даже характеръ какой-то миссіи, которая, за неимѣніемъ другихъ обязанностей, наполняла ему всю жизнь. И вдругъ три рубля на поминъ души, высланные ему черезъ лакея, какъ какой-то богадѣленкѣ!.. Онъ быстро шелъ впередъ, забывъ и свое недомоганіе, и боль въ груди... «Невѣжи, нахалы, мужики», бормоталъ онъ, шагая по мокрому снѣгу въ распахнутой шинели и не обращая вниманія на вѣтеръ, дувшій ему прямо въ грудь; ему было жарко, лицо его горѣло и подергивалось время отъ времени нервною дрожью. И вдругъ на поворотѣ какой-то улицы силы его внезапно оставили, и онъ долженъ былъ прислониться къ фонарному столбу, чтобы не упасть. Пролепетавъ коснѣющимъ языкомъ свой адресъ тутъ же стоящему

извощику и усѣвшись съ его помощью въ сани, онъ лишился чувствъ.

Красные, желтые круги заходили у него передъ глазами, зелененькія, красненькія и синенькія ассигнаціи, казалось, такъ и рѣяли въ воздухѣ. Ему представилось, что онъ носится въ какомъ-то пространствѣ, наполненномъ кредитками, которыя душатъ его, надвигаясь со всѣхъ сторонъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вырваться, уйти на просторъ... но напрасно. Мощная рука городового, крѣпко охвативъ его, держала на саняхъ въ установленной правилами благочинія позѣ.

Филиппъ Сергѣевичъ былъ желѣзнаго здоровья человѣкъ, «ни одна болѣзнь его не брала», какъ онъ самъ говорилъ. Бывало прежде и продрогнетъ онъ до костей во время своихъ хожденій по городу, и промочитъ его дождемъ такъ, что нитки сухой не останется, и все ему нипочемъ. Напьется липоваго цвѣта или малинки, а то и въ баньку отправится... прямо на полокъ, выпарится и все какъ рукой сниметъ: «Я съ собой шутить не позволю», смѣялся онъ, «живой въ руки болѣзни не дамся». Но долго подстерегавшая его болѣзнь тоже была себѣ на умѣ. Она давно ждала удобнаго момента, чтобы впиться своими цѣпкими когтями въ ускользавшую отъ нея жертву, и когда ей это наконецъ удалось, то она крѣпко держала ее въ своихъ тискахъ, пока наконецъ не пришла смерть и не отняла отъ нея добычи.

Филиппъ Сергѣичъ, какъ человѣкъ богобоязненный и аккуратный, давно уже сдѣлалъ всѣ распоряженія на случай своей смерти. Все было точно обозначено, распредѣлено, указано... Въ послѣднее время онъ, какъ человѣкъ старый, часто думалъ о неизбѣжномъ для всякаго человѣка концѣ земного существованія, и думалъ не со страхомъ и трепетомъ, а напротивъ какъ бы съ нѣкоторымъ чувствомъ пріятнаго ожиданія, вродѣ того, какое испытываетъ заботливый хозяинъ передъ днемъ своихъ именинъ или другимъ тому подобнымъ празднествомъ.

Въ концѣ шагреневой книжечки была отдѣльная рубрика съ заголовкомъ: «Мои похороны». На нѣсколькихъ страничкахъ кряду повторялось это заглавіе и на каждой изъ нихъ былъ сдѣланъ приблизительный разсчетъ похоронъ въ пятьсотъ, тысячу и даже двѣ тысячи рублей. На этихъ послѣднихъ должно быть и остановился Филиппъ Сергѣичъ, такъ какъ сбоку листка стояла надпись: «внести въ завѣщаніе».

Перечитывая, въ минуты хорошаго расположенія духа, мелко на мелко исписанныя странички, Филиппъ Сергѣичъ улыбался, что-то соображалъ, перечеркивалъ и по нѣскольку разъ исправлялъ написанное. Иногда это его не удовлетво-

ряло, тогда онъ призывалъ свою хозяйку, угощалъ ее чаемъ и начиналъ разговоръ издалека. «Богатыя были сегодня похороны, ничего не скажу, но знаете это все не то-съ.... Кортежъ не умѣютъ устроить... Нѣтъ-съ, вотъ если по милости Божіей вамъ доведется дожить до моихъ похоронъ, вы увидите-съ.. У меня все разсчитано-съ... Полный блескъ и помпа... Да вотъ я вамъ сейчасъ прочту...» И онъ доставалъ свою шагреневую книжечку и довольный тѣмъ, что нашелъ, наконецъ, себѣ слушателя, звонкимъ, мѣрнымъ, однообразнымъ тономъ переименовывалъ по порядку всѣ статьи похоронныхъ расходовъ, начиная отъ колесницы и кончая подаяніемъ нищимъ. Дойдя до цифры даннаго расхода, онъ громко ее выкрикивалъ, останавливался и однимъ глазомъ взглядывалъ на хозяйку, чтобы судить о силѣ произведеннаго имъ впечатлѣнія. И по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ о томъ гробѣ, гдѣ будетъ лежать его бездыханное, натерпѣвшееся всякаго горя тѣло, по мѣрѣ того, какъ онъ упивался описаніемъ измышленныхъ имъ въ часы досуга разныхъ деталей похоронной церемоніи, онъ все больше и больше входилъ въ экстазъ и довольная улыбка озаряла его старческое лицо. «Нѣтъ съ, вы послушайте, это еще все цвѣточки, а вотъ похороннымъ-то обѣдомъ я васъ всѣхъ удивлю»...

И тутъ онъ, захлебываясь и причмокивая, приступалъ къ описанію всѣхъ яствъ, долженствовавшихъ явиться на его похоронномъ обѣдѣ, которымъ онъ, Липушка, хотѣлъ послѣ своей смерти щегольнуть передъ всѣми своими знакомыми и отплатить имъ за ихъ хлѣбъ-соль, бывшую для него въ послѣднее время не особенно сладкой.

Пышно развѣвались перья бѣлой, сверкавшей на солнцѣ золотомъ своихъ украшеній, похоронной колесницы. Тяжелый парчевой покровъ съ золотыми кистями красивыми складками ниспадалъ съ дорогого металлическаго гроба. Торжественно выступало передъ гробомъ духовенство въ новыхъ ризахъ и звонко раздавались въ морозномъ воздухѣ и неслись къ престолу Всевышняго похоронныя пѣснопѣнія трехъ хоровъ пѣвчихъ. Длиннымъ цугомъ тянулись пустыя кареты и одиноко плелась, въ старомъ салопишкѣ, стараясь держаться поближе къ гробу, хозяйка Филиппа Сергѣича. Она боязливо оглядывалась по сторонамъ, ожидая тото момента, когда ей придется уступить свое мѣсто тѣмъ «великимъ міра сего», которые должны были почтить своимъ присутствіемъ похороны ея жильца... Но величественный кортежъ подвигался все дальше и дальше, поражая своимъ великолѣпіемъ уличную толпу, а за гробомъ не появлялось никого, и кареты продолжали ѣхать пустыми... Да и кому могло придти въ голову, что напечатан-

ное большимъ крупнымъ шрифтомъ на первой страницѣ газеты объявленіе о смерти и похоронахъ Филиппа Сергѣича Долорозова обозначало прекращеніе бреннаго существованія Липушки...

Счастливъ онъ былъ, что спалъ крѣпкимъ сномъ въ своей могилѣ и не видѣлъ, что богатый, съ изысканными яствами столъ, за которымъ должны были помянуть его всѣ, включенные имъ въ патреневую книжечку и потому считаемые имъ своими знакомыми, такъ и остался пустымъ. Чтобы не пропалъ даромъ обѣдъ, пригласили на поминки пѣвчихъ, хозяина кухмистерской съ семьей и даже никому неизвѣстныхъ старушекъ-богадѣленокъ, откуда-то вдругъ появившихся у могилы. Всѣ ѣли и пили съ большимъ аппетитомъ, похваливали кушанья, подливали другъ другу вина, и когда въ концѣ обѣда діаконъ провозгласилъ своимъ густымъ басомъ вѣчную память рабу Божію Филиппу, то его зычный голосъ совершенно затерялся въ громкомъ говорѣ случайно собравшихся лицъ, для которыхъ это имя было пустымъ звукомъ...

В. Томашевская.

Молитва.

Какъ тяжкій сонъ, минула ночь разлуки.
Еще темно, но вижу солнце я...
Грозой вдали смолкаютъ въ сердцѣ муки,
Немного дней—и ты моя, моя!
Со мной на вѣкъ!.. Бѣгите жъ, тѣни ночи,
Что медлите? Ужъ робко занялась
Вдали заря... Пора! Откройте очи,
Несчастные,—награды близокъ часъ.

— Душа моя! Чего же не уходятъ
Видѣнья тьмы? Чего грозятся мнѣ
И тайный страхъ на робкій умъ наводятъ,
И будятъ змѣй въ сердечной глубинѣ?
Чу, голосъ злой:
«Не вѣрь, не вѣрь, безумный,
Что сжалилась судьба и надъ тобой,
Что зло и мракъ промчались бурей шумной,
И начатъ вновь пиръ жизни молодой!
Что сгибло разъ—тому ужъ нѣтъ возврата,
Не вѣрь, чтобъ дважды молодость цвѣла:
Цвѣты съ могилъ—нарядный блескъ заката,
Не принесетъ онъ свѣта и тепла.
Не вѣрь! Твой день лишь новыхъ бѣдъ начало,
Разувѣреній, мукъ, утратъ, обидъ...
Кого весна не розами вѣнчала—
Тому зима улыбокъ не даритъ».

— О демоны, о коршуны сомнѣнья!
Не милости прошу я у судьбы,
Не вѣчности безъ чернаго мгновенья—

Лишь отдыха, минуты безъ борьбы.
О, неужель предвѣчными судьбами
Мы, мы одни обречены скорбямъ?
О, неужель изсохшими устами
Нельзя коснуться чаши счастья намъ?
Немногаго вѣдь я прошу отъ счастья,
Немногаго... Не сладостныхъ отравъ
И жгучихъ нѣгъ,—лишь встрѣтить взоръ участья,
Къ родной груди прижаться, зарыдавъ!
Вотъ все, вотъ все, о чемъ мечтаю снова,
О нѣжности, лишь нѣжности молю...
За звукъ одинъ, за тѣнь одну былого
Всю кровь отдамъ, всю жизнь отдамъ мою!

П. Я.

ТЭНЪ.

VII.

Въ юношескомъ сочиненіи Тэна о французскихъ философахъ XIX вѣка есть одна страница, повидимому, прямо внушенная сильнымъ личнымъ чувствомъ автора: до такой степени она лирически-искренна и какъ нельзя болѣе оправдывается положеніемъ самого автора среди современныхъ философскихъ системъ.

Рѣчь идетъ по поводу Кузэна:

«Для людей съ воображеніемъ въ двадцать лѣтъ, философія является всемогущей повелительницей. При выходѣ изъ класса риторики мышленіе представляется особеннымъ наслажденіемъ. До сихъ поръ вы только составляли фразы; вамъ кажется, что впервые вы создаете идею; вы обозрѣваете міръ, добираетесь до начала вещей и открываете механизмъ духа. Вамъ кажется, что у васъ сразу выросли крылья; на этихъ новыхъ крыльяхъ вы устремляетесь черезъ исторію и природу, касаетесь всего, ни въ чемъ не сомнѣваетесь и вѣрите въ свои силы; васъ не тревожитъ рефлексія, вы не опечалены опытомъ; всецѣло, всѣмъ сердцемъ и всѣми силами вы уноситесь и стремитесь къ завоеванію истины. Какой соблазнъ! Прибавьте къ нему слѣдующее, еще большее. Кузэну предстояло уничтожить господствующую философію; философствовать—значило бороться. Существовала ли когда нибудь лучшая приманка? Какое удовольствіе сильнѣе испытываемаго въ борьбѣ? Бороться—значитъ чувствовать свою силу, воодушевляться сопротивленіемъ, наслаждаться опасностью и кружиться въ бурномъ потокѣ противоположныхъ ощущеній. Бороться въ философіи—это, говоря словами юноши,—возлагать вѣнецъ побѣды на главу истины».

Эти весьма живыя строки лирическаго характера напоминаютъ обычный тонъ авторскихъ исповѣдей, и Тэнъ подтверждаетъ наше впечатлѣніе каждой главой своей книги. Всюду онъ является самоувѣреннымъ, юношески-отважнымъ «сокрушителемъ препятствій», т. е. философовъ старшаго поколѣнія. И сокрушаются эти злополучные обломки устарѣвшей мысли самыми легкими, будто шаловливыми средствами. Авторъ бьетъ на-повалъ эклектиковъ и мета-

физиковъ—острымъ словцомъ, живописной картиной, игрой молодой фантазіи.

Мы уже знаемъ, какъ возникла философія Ройэ-Коллара: не случись у букиниста на Сенской набережной завалящей брошюры цѣною въ тридцать су,—и профессорской дѣятельности учителя Кузэна не существовало бы. Конечно, Ройэ-Колларъ не звѣзда первой величины,—собственно въ философскомъ мышленіи,—но въ началѣ XIX вѣка мало было людей, съ большей строгостью смотрѣвшихъ на свои личныя, литературныя и общественныя обязанности. Этотъ взглядъ былъ унаслѣдованъ будущимъ философомъ и политическимъ дѣятелемъ отъ родной семьи, свято хранившей въ лицѣ матери лучшіе завѣты янсенизма—глубокое сознаніе долга и личнаго достоинства,—главное—полное соотвѣтствіе убѣжденій и поступковъ.

Въ эпоху революціи Ройэ-Колларъ принадлежалъ къ партіи конституціонной свободы, терроръ и анархія привели его, какъ и большинство современниковъ, къ вѣрѣ въ монархію и сильную власть, какъ единственные пути — возстановить порядокъ. Но эта вѣра не допустила его примириться съ деспотизмомъ Наполеона, съ гоненіемъ на всѣ права человѣческія и гражданскія. Колларъ предпочелъ деревенское уединеніе какой бы то ни было дѣятельности и только въ самомъ концѣ имперіи друзьямъ удалось убѣдить его принять каѳедру философіи въ Сорбоннѣ.

Онъ оказался необыкновенно блестящимъ и увлекательнымъ лекторомъ. Неумолимо послѣдовательный въ идеяхъ, готовый скорѣе пожертвовать фактами, чѣмъ теоріей, онъ стяжалъ себѣ и своимъ политическимъ послѣдователямъ наименованіе *доктринеровъ*. И, конечно, доктринерство Коллара, какъ и всякая другая прямолинейная борьба съ логикой дѣйствительности во имя логики отвлеченнаго разума, имѣло не мало недостатковъ. Но въ *доктрину* Коллара входили благороднѣйшія идеи, завѣщанныя XVIII вѣкомъ: всеобщая свобода религіозная и гражданская, всенародное просвѣщеніе и всеобщее равенство предъ закономъ. Въ результатѣ,—при реставраціи, во время дикаго разгула рекціонныхъ страстей католическаго происхожденія и стараго дворянства эмиграціи,—Колларъ явился достойнѣйшимъ рыцаремъ свободы и справедливости. И ни единаго пятна не легло на его имя въ эту эпоху всевозможныхъ измѣнъ, компромиссовъ, всяческаго малодушія. Колларъ гордо отвергъ дворянскую грамоту и пенсію, предложенныя ему правительствомъ,—и предпочелъ снова замкнуться въ своей семьѣ, когда представился вопросъ объ уступкахъ и сдѣлкахъ. Незадолго до іюльской революціи онъ былъ избранъ представителемъ въ парламентъ отъ семи департаментовъ. И избиратели имѣли всѣ основанія: Колларъ, едва-ли не единственный изъ оффиціальныхъ политическихъ дѣятелей первой половины XIX вѣка, понялъ грозную силу новаго времени—демократію, призналъ ея ростъ и законныя

домогательства на гражданскія блага. Это, поистинѣ, великая заслуга со стороны человѣка, пережившаго ужасы революціи и бѣлаго террора. Вспомнимъ, что даровитѣйшій политическій питомецъ Коллара—Гизо—далеко не обнаружилъ проницательности и благородства своего учителя, и даже въ концѣ вѣка во Франціи нашлись историки, способные закрыть глаза на вопіющіе уроки исторіи. Къ числу ихъ принадлежитъ, какъ увидимъ, и самъ насмѣшливый критикъ Ройэ-Коллара.

Мы сочли нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ одной изъ жертвъ побѣдоносной ироніи Тэна во имя простого чувства справедливости. Прочитавши юмористическій разсказъ объ утренней прогулкѣ только-что испеченнаго и безпомощнаго профессора Сорбонны вдоль береговъ Сены,—можно составить очень забавное и, можетъ быть, пріятное впечатлѣніе, но совершенно ложное. Ройэ-Колларъ, несомнѣнно, многимъ позаимствовался изъ философіи Рида, но только потому, что идеи шотландскаго мыслителя вполнѣ отвѣчали его міросозерцанію и цѣлямъ—подорвать кредитъ матерьялизма XVIII вѣка. Не книжка въ 30 су создала Ройэ-Коллара—философа, а всѣ тѣ же силы, которыя Тэнъ не хочетъ ни понять, ни даже признать: стремленіе пореволюціонныхъ поколѣній во что бы то ни стало создать положительныя основы философской мысли и практической дѣятельности и, слѣдовательно, борьба съ чисто критической философіей предыдущей эпохи. «Метафизика» Коллара по нравственному и общественному смыслу столь же мало смѣшна, какъ и гамлетизмъ Жуффруа, Литтре или эклектизмъ Кузэна.

Но у Тэна «при выходѣ изъ класса реторики»—«выросли крылья», ему предстоитъ «уничтожить господствующую философію», и онъ уничтожаетъ ее такъ, что даже его искренній поклонникъ—Моно—считаетъ возможнымъ оцѣнить его подвигъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*французскіе философы* представляютъ въ жизни Тэна его безумства молодости. Это была его манера *jeter sa gourme*», т. е. проявить свой юношескій темпераментъ».

Никто, конечно, ничего не будетъ имѣть противъ темперамента и даже противъ безумствъ—*les folies*,—но тогда и мотивы и послѣдствія безумствъ и темперамента должны быть не болѣе какъ естественной попыткой увлекающагося зеленаго возраста—сыграть роль «рыцаря на часъ». Совершенно иначе стоитъ вопросъ у Тэна. И мы этого должны были ожидать.

У нашего философа не было молодости въ обычномъ смыслѣ слова, т. е. гдѣ умѣстны—*les folies* и *la gourme*. Ничего романтическаго, лирически-мечтательнаго, идеально-стремительнаго. Холодная аналитическая мысль и невозмутимая солидность поведенія. Только неудержимая отвага и неукротимый задоръ обличалъ на первый взглядъ натуру юноши. Но на самомъ дѣлѣ,—это свойства вообще тэновской натуры, независимо отъ какого бы то ни было

возраста и съ теченіемъ времени они достигнутъ даже еще болѣе высокихъ степеней, чѣмъ въ эпоху *французскихъ философовъ*.

И такъ,—вопросъ не въ юношескомъ темпераментѣ, насколько дѣло идетъ о мотивахъ, и не въ *безумствахъ*, если судить о результатахъ.

Незадолго до появленія статей о новой французской философіи Тэнъ нажилъ не мало личныхъ счетовъ съ ея представителями. Именно лѣтомъ 1852 года Сорбонна отвергла его диссертацію объ ощущеніяхъ—за матерьялистическія тенденціи и за противорѣчія воззрѣніямъ Рида. Годомъ раньше онъ потерпѣлъ неудачу на окончательномъ испытаніи по философіи, послѣ лекціи о богословскомъ трактатѣ Боссюэ былъ признанъ неспособнымъ преподавать философію. Предсѣдателемъ комиссіи былъ Кузэнъ и общественное мнѣніе ему приписывало пораженіе Тэна. У молодого ученаго оказались несостоятельными и идеи, и сухая, утомительная манера излагать ихъ. Въ особенности сомнительнымъ признали отношеніе Тэна къ первенствующему философу классической эпохи, Боссюэ...

Съ тѣмъ же самымъ Боссюэ произошло столкновеніе и по поводу *Тита Ливія* въ 1853 году. Въ этомъ разсужденіи Тэнъ обозвалъ историческія труды Боссюэ—дѣтскими—*pour un enfant*, чѣмъ и возмутилъ Академію. Авторъ для полученія искомой преміи долженъ былъ вычеркнуть преступное выраженіе.

И такъ, втеченіи трехъ лѣтъ Тэнъ послѣдовательно вступалъ въ разногласія съ Ридомъ, Кузэномъ, философіей XVII го вѣка, съ эклектиками и спиритуалистами. Разногласія сопровождались крайне тяжелыми испытаніями для юноши тэновскаго самолюбія и характера. Онъ на каждомъ шагу мнилъ открывать «новыя вещи», самоувѣренность его выростала по часамъ съ самаго ранняго школьнаго возраста, а здѣсь ему столь же энергически отказывали въ преміяхъ, въ оффиціозныхъ признаніяхъ и произносили публичные выговоры во имя метафизики и эклектизма. Легко представить, съ какимъ настроеніемъ Тэнъ выслушивалъ эти выговоры и исправлялъ свои работы ради угожденія господствующей школѣ. Извѣстное чувство должно было сказаться рѣзко и категорически, сообразно съ нравомъ молодого ученаго. Предисловіе къ *Титу Ливію*, повергшее Академію въ жестокое раскаяніе—по поводу неосторожнаго присужденія преміи покоренному, но не покорившемуся автору,—совпало со статьями о философахъ и имѣло одинъ и тотъ же смыслъ: Тэнъ отводилъ душу и производилъ разсчеты со своими менторами.

Отсюда смѣхотворная роль ученика Рида, Ройэ-Коллара, фантастическая біографія и характеристика Кузэна, какъ правовѣрнаго проповѣдника и философа XVII-го вѣка, картинное описаніе метафизики, въ видѣ «задняго погреба». Но, что для насъ особенно поучительно,—отсюда—рѣзкая характеристика общества старой монархической Франціи.

Характеристика вызвана идиллическими восторгами Кузэна предъ аристократіей XVII-го вѣка. Мы должны запомнить нѣкоторыя, особенно краснорѣчивыя выраженія Тэна: они пригодятся намъ при оцѣнкѣ позднѣйшихъ политическихъ взглядовъ историка, идеала самой зрѣлой эпохи его дѣятельности.

«Когда законъ освящаетъ въ обществѣ неравенство званій»,—говоритъ противникъ Кузэна,—«никто въ немъ не безопасенъ отъ обиды: вельможа, оскорбленный королемъ, наноситъ оскорбленіе дворянину, въ свою очередь обижающему народъ. Человѣческое достоинство унижается на всѣхъ ступеняхъ, и общественная жизнь становится ничѣмъ инымъ, какъ обмѣномъ обидъ... Я предпочитаю быть мѣщаниномъ въ обществѣ мѣщанъ, чѣмъ вельможей въ обществѣ вельможъ... Нашъ вѣкъ, быть можетъ, безнравственъ; повѣримъ Кузэну, такъ какъ онъ это утверждаетъ; возможно, что мы не обладаемъ величіемъ и доблестью героевъ Фронды; но у насъ, по крайней мѣрѣ, есть понятіе объ отечествѣ. Ни одинъ классъ людей не смотритъ теперь на государство, какъ на свое достояніе, а торжество разума и прогрессъ справедливости сказывается въ томъ, что государство возвращено своему законному владѣльцу—націи» [1]).

Такъ судитъ историкъ о положеніи вещей въ первые годы второй имперіи. Ему впослѣдствіи придется высказаться о политическихъ и общественныхъ порядкахъ при демократической республикѣ: для насъ будетъ существеннымъ интересомъ—сопоставить тѣ и другія сужденія.

Еще поучительнѣе другіе упреки Тэна по адресу Кузэна.

Философъ начала XIX-го вѣка всѣ усилія направлялъ на *практическія* цѣли философіи—нравственныя и общественныя. Такъ дѣйствовалъ Ройэ Колларъ, и—естественно—его ученикъ, Кузэнъ, открыто обращался къ молодежи, призывая ее къ возвышенному положительному міросозерцанію, къ борьбѣ противъ отрицательнаго вольтерьянства. «Мы укажемъ вамъ причину нашихъ бѣдствій»,—говорилъ профессоръ,—«и средство противъ нихъ».

Тэнъ безпощадно издѣвается надъ претензіями Кузэна, унижающаго, въ глазахъ «химика и натуралиста», научное достоинство философіи: она изъ науки превращается «въ педагогическую и правительственную мѣру»... [2]).

Тэнъ не можетъ допустить подобной мысли.

Столь же несостоятеленъ, по мнѣнію Тэна, и самый методъ Кузэна доказывать свои положенія. Сначала Кузэнъ теоретически опредѣляетъ извѣстный предметъ, а потомъ собираетъ факты, показанія свидѣтелей, вообще цитаты для подтвержденія своего опредѣленія.

---

[1]) *Les philos.* Paris 1857. pp. 108—109, Русск. изд., стр. 73—5.
[2]) *Ib.* р. изд., стр. 92.

Напримѣръ, вопросъ идетъ о красотѣ г-жи Лонгвилль, излюбленной героини Кузэна, какъ историка XVII-го вѣка. Писатель-рыцарь устанавливаетъ сначала a priori «признаки истинной красоты», а потомъ—переходитъ къ доказательствамъ a posteriori, т. е. допрашиваетъ современниковъ, дѣлаетъ точныя ссылки на страницы, пользуется показаніями людей различныхъ профессій и положеній, мужчинъ и женщинъ, вообще «высыпаетъ намъ на голову цѣлую библіотеку»...

Тэнъ не можетъ признать такую работу *исторіей:* это «труженическое произведеніе антикварія, издателя древнихъ рукописей». Въ Кузэнѣ нѣтъ ни историка, ни живописца, а только *ораторъ*, декламаторъ, то же самое, по толкованію Тэна, что торговецъ драгоцѣнностями, выхваляющій свой товаръ. Вмѣсто исторіи ораторъ составитъ или панегирикъ или прочтетъ нравственное поученіе, вмѣсто картинъ и отличительныхъ признаковъ эпохи—насочинитъ разсужденій, доказательствъ и общихъ мѣстъ [1]).

Слѣдовательно, Кузэнъ въ философіи—моралистъ и политикъ, въ исторіи—ораторъ или «юристъ» и собиратель цитатъ. И то, и другое, по убѣжденію Тэна, уничтожаетъ философію и исторію, какъ науки.

Наконецъ, отзывъ Тэна о третьемъ, самомъ любопытномъ философѣ, о Жуффруа. Мы видѣли, Тэнъ не понялъ настоящаго внутренняго смысла философскихъ стремленій этого мыслителя, какъ не понялъ вообще психологіи людей начала XIX-го вѣка. Но изображеніе метода Жуффруа въ книгѣ Тэна въ высшей степени интересно и опять должно твердо остаться въ нашей памяти. Мы и на этотъ разъ принуждены будемъ сопоставить *критику* Тэна съ его собственнымъ философскимъ *творчествомъ*.

Жуффруа по натурѣ склоненъ къ уединенной, внутренней жизни. Въ этой склонности ничего нѣтъ оригинальнаго и обладать ею могутъ люди самого разнообразнаго нравственнаго и философскаго направленія. Мы знаемъ, послѣ революціонныхъ бурь и цезарской эпопеи она неизбѣжно должна была овладѣть самыми серьезными и вдумчивыми свидѣтелями безпримѣрно-стремительныхъ и грозныхъ историческихъ событій. И рядомъ съ человѣкомъ аскетически-суровой мысли въ родѣ Жуффруа—въ созерцаніе и гамлетовскій анализъ погрузился такой, напримѣръ, эпикуреецъ и скептикъ, какъ Бейль-Стендаль. Общее между ними одно—пессимистическій взглядъ на человѣческую природу и дѣятельность. Но пессимизмъ можетъ принимать совершенно противоположныя формы. Еще съ древности извѣстны два философа, одинаково безнадежно взиравшихъ на суету житейскую,—но одинъ оплакивалъ ее, а другой хохоталъ надъ ней. Эти два типа—Демокритъ и Гераклитъ—безпрестанно возникаютъ во всѣ эпохи культурной исторіи, и Жуффруа

[1]) *Ib.* р. изд.. стр. 77, 69, 82.

принадлежалъ къ породѣ Гераклитовъ, печальниковъ о судьбахъ бѣднаго человѣчества, а его современникъ Бейль, столь же одинокій и философствующій,—изображалъ изъ себя олимпійски-счастливаго зрителя забавнаго спектакля.

Тэнъ, слѣдовательно, неправъ, приписывая безусловно «уединенной и внутренней жизни»—унылое расположеніе духа. Одиночество, напротивъ, весьма часто поддерживаетъ самое идиллическое и жизнерадостное представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Наоборотъ, основательное знакомство съ этимъ міромъ, безпрестанныя столкновенія личныхъ стремленій и усилій со стихійными силами общества,—можетъ довести впечатлительнаго человѣка до отчаянія. Доказательствъ можно привести сколько угодно. Тэнъ говоритъ, напримѣръ, о Гамлетѣ. Авторъ упустилъ изъ виду, что именно въ одиночествѣ, въ ученомъ и философскомъ отшельничествѣ развился Гамлетъ-идеалистъ, и нѣсколько мѣсяцевъ жизни съ датскими придворными превратили его въ мрачнаго и унылаго философа.

Психологія «уединенной и внутренней жизни»—не въ извѣстномъ душевномъ настроеніи, а въ *пріемахъ мысли* отщепенца человѣческаго общества, въ слѣпомъ преслѣдованіи теоріи и надменномъ презрѣніи къ фактамъ. Человѣкъ съ поэтическимъ строемъ натуры превращается въ мечтателя, въ родѣ того же Гамлета—всемірнаго преобразователя, а съ разсудочными наклонностями—въ доктринера, въ неистощимаго производителя общихъ идей, рѣшительныхъ умозаключеній, преднамѣренныхъ системъ, въ родѣ Жуффруа, какъ его изображаетъ Тэнъ.

Онъ очень картинно описываетъ работу теоретическаго, необыкновенно упорнаго и властнаго ума. Создается идеально сплоченная цѣпь изъ «классификацій и опредѣленій», она заключаетъ идеи философа въ безвыходный фатальный кругъ, не оставляетъ доступа ни противорѣчивымъ фактамъ, ни ограничительнымъ соображеніямъ. «Вы находите философа столь же ревностнымъ въ промахахъ, какъ и въ успѣхахъ. Ошибаясь, онъ не заслуживаетъ упрековъ; онъ приложилъ всѣ свои силы; погубили же его обстоятельства или какая нибудь неодолимая философская иллюзія».

Намъ не надо вдаваться въ подробности этого умственнаго процесса: достаточно представить его общій характеръ. Онъ удачно схваченъ Тэномъ и мы знаемъ почему. Тэнъ въ сущности описываетъ вкусы своего личнаго ума, изображаетъ все тотъ же *esprit de système*; онъ основной признакъ французскаго *esprit classique* и онъ же естественный порокъ тэновскаго мышленія, указанный еще профессорами Нормальной школы. Для насъ важно, что Тэнъ подвергъ осужденію этотъ «духъ» у своихъ предшественниковъ и произнесъ одинаково суровые приговоры надъ философами скороспѣлыми героями класса реторики, надъ историческимъ методомъ юристовъ и антикваріевъ, надъ фанатической систематизаціей фи-

лософовъ-отшельниковъ и, наконецъ, бросилъ слѣдующій убійственный камень въ философовъ всезнаекъ и шарлатановъ:

«Есть философы, которые думаютъ, что уронятъ себя въ общественномъ мнѣніи, если признаются въ томъ, что въ ихъ познаніяхъ существуютъ пробѣлы, и что поле ихъ знанія ограничено; они бы стыдились покориться сомнѣнію или стать втупикъ передъ опроверженіемъ; они наслаждаются возбуждаемымъ ими восхищеніемъ, какъ какая нибудь кокетка, чтобы сохранить его всецѣло, они измышляютъ ложныя объясненія такъ же, какъ она покупаетъ фальшивые зубы»... [1]).

И такъ, молодой философъ побѣдоносно покончилъ съ своими предшественниками, старшими современниками и учителями. На каждой страницѣ предъ нами тріумфаторъ, часто даже считающій своихъ противниковъ не достойными серьезнаго опроверженія: достаточно иронiи, живописнаго сравненія и мѣткаго односложнаго, но сильнаго опредѣленія: «Кузэнъ—ораторъ, Ройэ-Колларъ—диктаторъ, Жуффруа—человѣкъ, живущій внутренней жизнью»... По мѣрѣ появленія столь грозныхъ и самоувѣренныхъ статей, любопытство читателей росло въ сильнѣйшей степени. И вполнѣ естественно. Кто такъ безпощаденъ къ другимъ, тотъ налагаетъ на себя безусловное нравственное обязательство—предъявить на судъ читателей исключительно оригинальное и сильное созданіе *своего* ума и таланта. Тэнъ выступилъ на встрѣчу этимъ ожиданіямъ двумя главами подъ заглавіемъ *De la méthode*. Онѣ по объему составляютъ едва седьмую часть книги, но тѣмъ глубже и богаче долженъ быть ихъ смыслъ!

VIII.

Уже одно выраженіе—*методъ* — при обычномъ порядкѣ вещей можетъ повергнуть читателя въ нѣкоторый испугъ. Вѣдь вопросъ идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объ открытіи философскаго пути къ истинѣ, о вѣрнѣйшемъ способѣ составить научное міросозерцаніе, въ результатѣ опредѣлить идеи личной и общественной нравственности. Предпріятіе—необыкновенно отвѣтственное и трудное.

Но Тэнъ недаромъ оружіемъ иронiи развѣнчивалъ самыя, повидимому, недоступныя глубины философіи. Онъ и теперь ведетъ насъ къ рѣшительному откровенію великихъ тайнъ играя, смѣясь и разсыпая остроты. Это, конечно, смѣхъ не легкомысленнаго rieur'a, а солиднаго ученаго, объятаго невольнымъ радостнымъ чувствомъ при созерцаніи своихъ побѣдъ и завоеваній.

Предъ вами скорѣе драматическая пьеса, чѣмъ философское разсужденіе. Герои два философа—Пьеръ и Поль, художественно изображенные авторомъ, со всѣми ихъ личными чертами и даже

[1]) *Ib.*, стр. 134.

съ ихъ квартирами и образомъ жизни. Очевидно, предъ остроумнымъ авторомъ была «натура»; по крайней мѣрѣ, *Поль* несомнѣнно списанъ съ Вашеро, профессора Нормальной школы. Каждому изъ собесѣдниковъ поручена особая роль, точнѣе — каждый завѣдуетъ одной долей истины: *Пьеръ* спеціалистъ по *анализу*, а *Поль*—«довершитъ остальное», т. е. окончательно подниметъ покрывало Изиды.

Оба философа принимаются за дѣло по просьбѣ своего юнаго друга, автора книги, и нельзя сказать, чтобы, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ не сознавалъ оригинальности положенія. Пьеръ, приступая къ своему уроку въ общей работѣ, говоритъ юному слушателю:

«Вы думаете, мое дорогое дитя, что методъ можно описать случайно, въ концѣ книги, и въ одной главѣ, или же вечеромъ въ промежуткѣ между стаканомъ сахарной воды и чашкой чаю? Вы очень скоры въ этомъ дѣлѣ; въ случаѣ надобности, вы могли бы дать отвѣтъ тѣмъ добрымъ людямъ, которые останавливаютъ человѣка на тротуарѣ, прося его объяснить имъ въ точности, что онъ думаетъ о Богѣ, о мірѣ, о душѣ и о прочемъ».

Пьеръ, повидимому, разсуждаетъ основательно,—но быстро налетѣвшее сомнѣніе еще быстрѣе слетаетъ съ этого шестидесятилѣтняго героя.

«А впрочемъ, приходите сегодня вечеромъ. Поль тамъ будетъ. Мы побесѣдуемъ, и если будетъ сказано что нибудь полезное, вы воспользуетесь имъ, какъ захотите».

И вечеромъ, за чаемъ,—происходитъ бесѣда. Этотъ стаканъ чаю долженствуетъ въ исторіи европейской философіи сыграть такую же роль, какую, по увѣренію драматурга Скриба, стаканъ воды сыгралъ въ исторіи Англіи и Европы.

Пьеръ съ первыхъ же словъ впадаетъ въ тонъ тѣхъ самыхъ философовъ, для которыхъ не существуетъ ни тайнъ, ни затрудненій, ни колебаній. Его оружіе—*анализъ*—производитъ совершенныя чудеса: будто предъ взмахомъ рыцарскаго меча въ заколдованномъ лѣсу, исчезаютъ во мгновеніе ока всѣ страшные призраки и очищаютъ витязю путь ясный, свободный и торжественный.

«Анализировать»,—говоритъ Пьеръ, «значитъ истолковывать»,—и истолкованіе имѣетъ «два шага»: первый — *истолкованіе точное* (la traduction exacte), второй — *полное* (la traduction complète), первое — сводитъ къ *фактамъ* общія выраженія, истолковываетъ *слова*, второе—истолковываетъ *факты*, открываетъ неизвѣстное при посредствѣ извѣстныхъ. Оба шага одновременно и чрезвычайно просты, и несказанно важны.

У насъ въ обиходѣ постоянно употребляются выраженія вродѣ—жизнь, природа, назначеніе, отправленіе. Все это—слова отвлеченныя и туманныя. Ихъ слѣдуетъ изгнать изъ обращенія, *перевести ихъ на факты*.

Напримѣръ, что такое *пищевареніе*,—по мнѣнію Тэна, столь же отвлеченный и таинственный терминъ? Это значитъ: «желудокъ превращаетъ пищу въ кашицу». *Точное истолкованіе* совершилось, у насъ вмѣсто *слова*—имѣется *фактъ*.

Дальше слѣдуетъ *полное истолкованіе*. Превращеніе пищи въ кашицу—сжатый фактъ (le fait reserré), онъ «развернется передъ вами какъ вѣеръ», т. е. превратится въ длинный списокъ менѣе сложныхъ фактовъ. Посредствомъ ножей и скальпелей мы прослѣдимъ шагъ за шагомъ весь процессъ пищеваренія, видоизмѣненія желудка, свойства желудочнаго сока, химическій составъ кашицы:—въ результатѣ, говоритъ философъ, будетъ рѣшена алгебраическая задача: въ такомъ уравненіи посредствомъ извѣстныхъ количествъ опредѣлятся неизвѣстныя.

Вотъ и весь основной секретъ перваго философа—Пьера: мы должны производить умственныя операціи не съ общими идеями и отвлеченными выраженіями, а съ *фактами*. *Фактъ*—альфа и омега истинно-научнаго изслѣдованія въ области внѣшняго и нравственнаго міра, и сначала общія слова должны быть переведены на факты, а потомъ умножены факты, т. е. сложные факты разложены на простѣйшіе. Конечная цѣль *анализа* въ двухъ его истолкованіяхъ—рядъ фактическихъ данныхъ.

Но вѣдь подобная тайна извѣстна міру по крайней мѣрѣ со временъ Бэкона. Ни одинъ ученый новаго времени никогда не сомнѣвался, что основа нашихъ знаній — наблюденные и удостовѣренные факты. Въ чемъ же собственно «оригинальность» Тэна?

Философъ обнаруживаетъ ее съ первыхъ же словъ Пьера, — раньше чѣмъ анализировать пищевареніе по двумъ ступенямъ «истолкованія». Внѣ фактовъ и кромѣ фактовъ нѣтъ рѣшительно ничего ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Существуютъ только *факты* и *отношенія* — безусловно *необходимыя*. Мыслители, даже признававшіе все значеніе анализа и наблюденія, всетаки, не могли отдѣлаться отъ идеи чего то таинственнаго, какой-то неразгаданной силы, творящей жизнь. Тэнъ поканчиваетъ съ этимъ вопросомъ въ двухъ словахъ.

«Разсмотрите зубы, языкъ, слюнныя железки, всѣ части рта и ихъ назначеніе. Если какой нибудь изъ нихъ не достаетъ, животное не можетъ жевать. Итакъ, для того чтобы животное жевало, *нужно*, чтобы органы были такими, каковы они въ дѣйствительности.

«Вы замѣтите то же самое, разсматривая акты глотанія и пищеваренія. Для того, чтобы они совершались, *нужно*, чтобы органы были такими, каковы они въ дѣйствительности. Но если жеваніе, пищевареніе и глотаніе отсутствуютъ, то животное не можетъ болѣе питаться. Такимъ образомъ, для того, чтобы питаніе совершалось, *нужно*, чтобы животное могло жевать, глотать и переваривать пищу. То же замѣчаніе вы сдѣлаете и относительно всѣхъ

отправленій тѣла. Въ результатѣ, вы найдете, что если дыханіе, питаніе или кровообращеніе отсутствуютъ, то разрушеніе и обновленіе, которыя составляютъ жизнь, прекращаются. Слѣдовательно, для продолженія жизни *нужно,* чтобы всѣ эти дѣйствія могли совершаться. *Нужно, нужно!* Не замѣтили-ли вы этого постоянно повторяющагося слова? *Нужно,* чтобы эти дѣйствія совершались, *необходимость требуетъ,* чтобы эти дѣйствія совершались; эти дѣйствія *должны* совершаться. Все это толкованія одного и того же; мы приближаемся къ искомому значенію.

«Жизнь—цѣль, дѣйствія — средства. Жизнь дѣлаетъ необходимыми эти дѣйствія, какъ какое-нибудь опредѣленіе дѣлаетъ необходимыми выводы изъ него. Эта необходимость, или сила влечетъ за собой, вызываетъ, порождаетъ дѣйствія такъ же, какъ опредѣленіе влечетъ за собой, вызываетъ и порождаетъ выводы. Что же такое она? Отношеніе. Отношеніе между жизнью и дѣйствіями, между опредѣленіемъ и выводами».

Мы нарочно привели собственныя слова Тэна: именно здѣсь они превосходно характеризуютъ его пріемы разсужденія. Невольно бросается въ глаза до утомительности однообразное повтореніе и перефразированье однихъ и тѣхъ же положеній. Страницу тэновскихъ доказательствъ можно свести безъ всякаго ущерба для ясности и основательности къ двумъ строкамъ. Сейчасъ мы прочли одно изъ самыхъ существенныхъ мѣстъ въ разсужденіи о методѣ. Вамъ трудно даже представить, до какой степени оно важно. Пусть объяснитъ самъ авторъ:

«Факты, отношенія и больше ничего. Мы освободили нашъ умъ отъ метафизическаго существа. Это хорошее и не пустяшное дѣло. Цѣлые вѣка прошли въ разсужденіяхъ о жизненной силѣ, и до сихъ поръ въ Монпелье ученые тратятъ во славу ея половину своего времени и всѣ свои умственныя силы».

«C'est une bonne oeuvre, et ce n'est pas une petite oeuvre!»— Это сравнительно скромная оцѣнка только что совершеннаго подвига. Дальше мы встрѣтимъ гораздо болѣе энергическія. Но въ чемъ собственно подвиги до сихъ поръ?

Цѣлыя столѣтія ученые и философы толковали о жизненной силѣ, толкуютъ даже и въ настоящее время и можно, конечно, ихъ только признавать безплодными и безцѣльными, но вопросъ—*какъ* исцѣлить людей отъ этихъ толковъ? Тэнъ воображаетъ, что онъ исправилъ заблужденія вѣковъ, указавъ на необходимыя отношенія между фактами, связалъ жизнь, какъ цѣль, съ органическими отправленіями, какъ средствами. Но кто же этого не зналъ не только изъ философовъ XIX вѣка, а вообще какой бы то ни было эпохи европейской науки? У профессора изъ Монпелье по прежнему остается вполнѣ основательный поводъ спросить: а что же именно дѣлаетъ необходимыми извѣстныя отношенія? Почему съ данными отправленіями связана жизнь? Отвѣтить этому профессору, что человѣкъ не мо-

жетъ жить безъ пищи и пищеваренія, — значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ разсказать ему классическій анекдотъ о цыганѣ и лошади. А что же другое дѣлаетъ Тэнъ, высказывая такія глубокомысленныя идеи: «Если жеваніе, пищевареніе и глотаніе отсутствуютъ, то животное не можетъ болѣе питаться». Точь въ точь съ такимъ же глубокомысліемъ у Гоголя шляхтичъ объясняетъ своей коханкѣ смертную казнь: «А вотъ тотъ, душечка, что вы видите держитъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ будетъ еще живъ, а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будетъ головы».

Тэнъ другого мнѣнія о своей философіи. «Я не вижу болѣе ни жидкости, ни монады, ни тайны», гордо заявляетъ онъ. Жидкость или монаду, дѣйствительно, можно и признать и отвергнуть, — но *тайна* останется во всякомъ случаѣ. Терминъ *необходимость* рѣшительно ничего не объясняетъ: онъ только констатируетъ извѣстный порядокъ явленій, ихъ связь, послѣдовательность, т. е. *внѣшнюю сторону,* — внутренній смыслъ по прежнему пребываетъ непостижимымъ. Другой вопросъ, слѣдуетъ ли вообще доискиваться этого смысла, — но философъ искренно долженъ сознаться, что онъ и послѣ какого угодно списка фактовъ всетаки «видитъ тайну». Такъ поступали добросовѣстнѣйшіе и серьезнѣйшіе современники Тэна,—въ родѣ Милля въ Англіи и Литтре во Франціи. Ниже мы встрѣтимся съ ихъ идеями въ связи съ тэновской философіей. Теперь намъ достаточно указать на способъ Тэна рѣшать вопросы «цѣлыхъ вѣковъ».

Обратите вниманіе—сравненіе самого автора менѣе всего оправдываетъ его побѣдоносность. Тэнъ необходимость явленій сравниваетъ съ необходимостью выводовъ изъ какого нибудь опредѣленія. Но вѣдь связь выводовъ и опредѣленій — предметъ логики, т. е. науки, изучающей *формы* человѣческаго мышленія, а само мышленіе составляетъ область другой, еще болѣе трудной и обширной науки — психологіи. Эта наука должна объяснить основы вообще мысли и, слѣдовательно, факты логической послѣдовательности идей. Очевидно,—если принять сравненіе Тэна, — за фактами придется признать нѣчто другое, опущенное въ разсужденіи философа, потому что факты, по представленію самого Тэна, соотвѣтствуютъ *формамъ* и *проявленіямъ*, и находятся въ такомъ же отношеніи къ «тайнѣ», въ какомъ идеи къ разуму. Мы отнюдь не желаемъ вдаваться въ отвлеченныя тонкости и нисколько не расположены разсуждать о монадахъ и субстанціяхъ: мы только хотимъ указать, что знаніе нашего философа далеко не всеобъемлюще и не даетъ окончательныхъ отвѣтовъ на всѣ запросы человѣческаго ума. Если авторъ

хочетъ свою философію представить въ такомъ видѣ, — это характеризуетъ только его личное настроеніе, а не силу его мысли.

Но остается еще одинъ вопросъ: можетъ быть *авторское чувство* вызвало у нашего философа такое выспреннее настроеніе? Извѣстно вѣдь, до какой степени восторгъ туманитъ головы всѣхъ изобрѣтателей и открывателей всевозможныхъ новинокъ и секретовъ.

Не надо подробнаго знакомства съ исторіей философіи, чтобы въ ученіи Тэна о фактахъ распознать самые подлинные отголоски чужой философской мысли. Мы пока ограничимся указаніемъ, которое было сдѣлано Миллемъ по поводу Конта [1]).

Глава французскаго позитивизма призналъ знаніе послѣдовательности и сосуществованія явленій единственно доступнымъ для насъ. Мы можемъ знать только *законы* явленій, а не *причины* и не *сущность* ихъ. Контъ не претендовалъ на оригинальность этой идеи, но его заслуга состояла уже въ сдержанности, въ научномъ достоинствѣ мысли. При извѣстномъ позитивистскомъ азартѣ ничего не стоило сдѣлать лишній шагъ и *факты слить съ причинами*, точнѣе устранить самое *понятіе причины*, какъ нѣчто отдѣльное отъ фактовъ и, слѣдовательно, недопустимое въ строго-философской мысли. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ Юмомъ и, несомнѣнно,— рѣшительность и прямолинейность философа XVIII-го вѣка вполнѣ отвѣчали духу его эпохи, менѣе всего научному и осмотрительному. Контъ — авторъ *позитивной философіи*, еще не дожившій до священнодѣйствій и пророчествъ,— не могъ повторить увлеченія своего предшественника. Тэнъ, съ самаго начала рѣшившій уничтожить всѣ тайны и дать самые простые отвѣты на всѣ самые сложные вопросы, безотчетно погрузился въ идеи менѣе всего *научнаго* періода философской мысли, даже устремился дальше. Юмъ не рѣшался въ основу выводовъ своей философіи положить идею *необходимой связи* между *фактами—причинами*, вообще идею неотразимой причинности, не находя ея въ указаніяхъ опытнаго изслѣдованія. Ниже мы увидимъ, какимъ способомъ Тэнъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, столь существеннымъ для скептика XVIII-го вѣка при всей отвагѣ его принциповъ. Эта траги-комическая встрѣча философа, воображающаго себя положительнѣйшимъ истолкователемъ внѣшняго и внутренняго міра, съ энтузіастами XVIII-го вѣка — повторится еще не разъ и послужитъ лучшей критикой на претензіи нашего автора.

И такъ,—сведеніе физической жизни къ фактамъ и фактовъ къ причинамъ ни по своей убѣдительности, ни по оригинальности не оправдываетъ крайне рѣшительнаго и необыкновенно притязательнаго тона автора. Но это только часть его открытія, и притомъ—для его послѣдующей дѣятельности — второстепенная. Тэнъ занимался естественными науками лишь мимоходомъ,—физіологіей

---

[1]) Милль. *О. Контъ и позитивизмъ*, русск. изд. стр. 9.

для того, чтобы описать процессъ пищеваренія съ блескомъ спеціальныхъ терминовъ въ философскомъ сочиненіи и тѣмъ придать ему высшую научность и положительность, — психіатріей затѣмъ, чтобы съ медицинской точки зрѣнія истолковывать историческіе характеры и событія и тѣмъ подчеркнуть реальность и «естественность» извѣстныхъ нравственныхъ и политическихъ воззрѣній. Очевидно,—центръ тяжести долженъ лежать для философа не въ физическомъ мірѣ, а въ духовномъ, и его методъ долженъ имѣть въ виду преимущественно эту область. Такъ философъ и поступаетъ. Физіологическія разсужденія у него только вступленія, — онъ ежеминутно стремится къ психологіи и исторіи, и переходъ тѣмъ легче, что оба міра въ глазахъ Тэна — тождественны по законамъ и причинамъ явленій и по изслѣдованію этихъ явленій.

IX.

«Тотъ же анализъ и такимъ же точно путемъ порождаетъ моральныя науки», — говоритъ Тэнъ и приводитъ рядъ примѣровъ для *точнаго* и *полнаго* истолкованія въ области психологіи и исторіи.

Обыкновенно говорятъ: «назначеніе Рима было завоевать вселенную», «Франція обладаетъ монархическимъ духомъ». Тэнъ иронически замѣчаетъ: можетъ быть; это пророчества,—ихъ слѣдуетъ замѣнить точными фактами,—и философъ перечисляетъ рядъ данныхъ изъ исторіи Рима и Франціи и въ заключеніе восклицаетъ: «C'est quelque chose!» — «Это что-нибудь значитъ!» Обычное восторженное восклицаніе при видѣ совершеннаго подвига немедленно толкаетъ героя на дальнѣйшія открытія: «вы подвигаетесь», обращается онъ къ читателю, «отъ одного уравненія съ достовѣрностью почти математической къ другому».

Это *почти* дѣлаетъ честь авторской скромности, но, къ сожалѣнію, оно должно исчезнуть безслѣдно въ постепенно разгорающемся азартѣ завоевателя невѣдомыхъ истинъ. Немного спустя вы слышите такое заявленіе: «Мы пересоздали наши понятія и исправили нашъ умъ». — Но и этого мало: позже вы узнаете, что «въ вашей пригоршнѣ заключено двѣнадцать столѣтій и половина античнаго міра». Но и здѣсь не кончаются благодѣянія философа: зданіе должно увѣнчаться ни болѣе ни менѣе какъ тѣмъ, что вы «обнимите необъятное». Мы отнюдь не шутимъ. Тэнъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ удовлетвориться меньшимъ: мы это услышимъ отъ него самого съ совершенной точностью.

Цѣль, какъ видите, необычайно грандіозная, — но можетъ быть она трудно достижима, путь къ ней тернистъ и тягостенъ, какъ вообще всѣ дороги къ высокимъ цѣлямъ?

Отнюдь нѣтъ — самый простой и легкій. На простотѣ стоитъ нашъ философъ, потому что все великое просто: это извѣстно со временъ перваго и самого подлиннаго Колумба.

Рѣшено, — анализъ одинаково примѣнимъ къ области физической и нравственной. Правда, вы можете многое возразить по поводу историческихъ примѣровъ Тэна,—хотя бы первый изъ нихъ—Римъ, завоевавшій вселенную. Тэнъ, въ опроверженіе отвлеченной идеи «назначеніе Рима», разсуждаетъ:

«Для меня ваше выраженіе означаетъ, что римляне завоевали бассейнъ Средиземнаго моря и нѣсколько сѣверо-западныхъ странъ, и что это было необходимо. Это было необходимо, потому что въ продолженіи семи вѣковъ они обладали прекрасной арміей и очень искусными политиками, и что ихъ противники были менѣе храбры, или менѣе дисциплинированы, или менѣе искусны». Подобное разсужденіе не даетъ въ сущности никакого опредѣленнаго вывода: римляне завоевали міръ, потому что имѣли прекрасную армію,— думаетъ Тэнъ. Но, можетъ быть, вѣрнѣе будетъ сказать наоборотъ: римляне обладали прекрасной арміей, потому что хотѣли завоевать міръ? Какой фактъ здѣсь причина и какой слѣдствіе, — изъ тэновскаго разсужденія не ясно. И это повторяется безпрестанно. Напримѣръ, возьмемъ сопоставленіе между жизнью и отправленіями. Тэнъ думаетъ, — *жизнь—цѣль*, а *отправленія—средства* [1]). Но прежде всего это *не научно* въ тэновскомъ смыслѣ слова; разъ берется понятіе *цѣль*, этимъ самымъ предполагается *сознательно* дѣйствующая сила, но такая сила неумѣстна тамъ, гдѣ весь процессъ подчиняется законамъ *необходимости*. Спиноза это понималъ вполнѣ и совершенно послѣдовательно устранилъ изъ своей фаталистической философіи идеи цѣлесообразности и сознательности [2]). Тэнъ, усвоивая идею Спинозы о необходимости, сохраняетъ одновременно представленіе о цѣли, т. е. нарушаетъ и логическій принципъ и спутываетъ свое собственное разсужденіе. Жизнь, по теоріи необходимости, должна представляться не *цѣлью*, а *слѣдствіемъ*, она обусловливается отправленіями, а не обусловливаетъ ихъ. Иначе предъ нами съ самаго начала будетъ призракъ чего то таинственнаго, сознательно-творящаго, а это именно и составляетъ предметъ нападокъ Тэна.

Впослѣдствіи такую же смуту логическаго процесса мы встрѣтимъ и въ самыхъ зрѣлыхъ сочиненіяхъ Тэна, — въ исторіи. Онъ заявитъ намъ,—съ одной стороны—революціонная анархія произведена энтузіастами и якобинцами (на его языкѣ эти два понятія тождественны), съ другой стороны — анархія создала энтузіастовъ. Историкъ желаетъ во что бы то ни стало устранить причины *общаго* политическаго и нравственнаго характера, вызвавшія революціонныя крайности, свести весь вопросъ къ личнымъ преступленіямъ и умопомѣшательствамъ. Зачѣмъ это нужно Тэну и какъ онъ этого достигаетъ, мы разберемъ впослѣдствіи. Пока мы указываемъ на

---

[1]) *Les philos.* р. изд. стр. 194.

[2]) Ср. у Фишера. *Исторія новой философіи.* Спб. 1862, I, 240.

вѣчный *circulus vitiosus*, въ которомъ задыхается мысль нашего философа. Предъ нимъ «ряды фактовъ», какъ онъ любитъ выражаться, и факты сами по себѣ можетъ быть и цѣнные и даже вполнѣ достовѣрные. Бѣда только въ томъ, что факты не всегда могутъ представить очевидную іерархическую послѣдовательность въ силу физической необходимости, — требуется для сопоставленія и соподчиненія ихъ вмѣшательство сознательной мысли изслѣдователя. И вотъ здѣсь то обнаруживастся вся призрачность «математической достовѣрности» и алгебраическихъ уравненій Тэна. Мы указали примѣры, гдѣ причина и слѣдствіе опредѣлены совершенно произвольно и даже въ противорѣчіе собственнымъ принципамъ философа. Такихъ примѣровъ мы встрѣтимъ еще множество, но и они поблѣднѣютъ предъ основнымъ *произволомъ* философа, — когда онъ вздумаетъ длинный рядъ многообразныхъ слѣдствій, по «методу алгебраистовъ», подчинить одной аксіомѣ. Въ такихъ случаяхъ знакомыя намъ восклицанія «il faut! il faut!» — изъ области логической и естественной необходимости перейдутъ на неограниченное поприще личной фантазіи и личнаго каприза. Игра приметъ самыя неожиданныя и причудливыя формы, конечно, тамъ, гдѣ труднѣе всего анализировать и истолковывать факты, т. е. въ исторіи, литературѣ и нравственности.

А, между тѣмъ,—философъ рѣзко и настойчиво подчеркиваетъ *одинаковую роль* анализа въ физическихъ и моральныхъ наукахъ. Примѣромъ для *точнаго истолкованія* ему послужила римская исторія, для *полнаго*—онъ беретъ романъ Рабле и заключаетъ: «сочиненія можно анализировать такъ же, какъ и пищевареніе».

Это положеніе можно понимать весьма различно: въ формѣ аналогіи, сравненія, наконецъ полнаго отождествленія двухъ предметовъ. Тэнъ понимаетъ его въ послѣднемъ смыслѣ. Для него пріемы и результаты анализа *Пантагрюэля* и пищеваренія совпадаютъ по всѣмъ пунктамъ, т. е. «совокупность 20 тысячъ фразъ» равносильна «превращенію пищи»: это факты внѣшніе и очевидные; дальнѣйшее—философія Рабле и данныя химическаго анализа сока—ферментъ, пепсинъ, кислота. Слѣдовательно, идеи, характеръ, міросозерцаніе писателя—факты, столь же опредѣленные и на основаніи книги столь же *неотразимо* выясняемые и *непоколебимо* устанавливаемые, какъ и химическіе элементы.

Можете вы согласиться съ подобнымъ заключеніемъ? О пепсинѣ не можетъ быть двухъ различныхъ сужденій: изслѣдователь всецѣло находится во власти опытныхъ указаній, точныхъ математическихъ законовъ природы, та или другая химическая реакція *необходимо* выражается одною для всѣхъ обязательной формулой. Мыслимо-ли то же самое сказать о результатахъ анализа надъ *Пантагрюэлемъ?* Тэнъ ставитъ рядъ вопросовъ: «Какова философія Рабле?.. Въ чемъ состоитъ его комизмъ? Какое участіе принимаетъ въ немъ философія, благоразуміе и темпераментъ?.. Почему гадости и глупости

занимаютъ въ ней столько мѣста? Какія личныя способности и какіе общественные нравы породили этого гиганта веселой шутки, этого опьяненнаго метафизика, этотъ безпутный и возвышенный умъ, этотъ удивительный волшебный фонарь»?.. Тэнъ долго продолжаетъ съ такимъ же краснорѣчіемъ,—и торжественно возвращается къ «пищеваренію».

Но есть-ли во всѣхъ этихъ фразахъ хотя бы одно понятіе, настолько точное и опредѣленное, чтобы его можно было выразить «знакомъ» уравненія? Извѣстно, сколько усилій потратилъ когда-то Платонъ на опредѣленіе такихъ нравственныхъ терминовъ, какъ—*мудрость, благоразуміе, мужество* и въ результатѣ—*ни для одного* изъ нихъ не далъ прочнаго опредѣленія. Всякій діалогъ кончается обыкновенно разгромомъ всѣхъ опредѣленій и формулъ: остается одинъ лишь умъ Сократа, чреватый все новыми силлогизмами и софизмами. Не таже-ли судьба постигла бы и нашего отважнаго философа, считающаго *философію, благоразуміе, темпераментъ, комизмъ, гадости, глупости*—чѣмъ-то *математически* опредѣленнымъ? Да вѣдь не найдется двухъ человѣкъ, единогласныхъ на счетъ хотя бы понятій *гадости* и *глупости*. И въ то время, когда *всѣ* въ мірѣ химики совершенно одно и то же стали разумѣть подъ словомъ *альбуминъ*, лишь только было открыто самое вещество,—въ области философіи, литературной критики и исторіи, по увѣренію самого Тэна, *никто* не зналъ даже настоящаго метода изслѣдованія—до появленія его, тэновскихъ произведеній,—*никто* не понималъ психологіи поэта и писателя, не подозрѣвалъ всепоглощающаго значенія *трехъ моментовъ* и *faculté maîtresse*. Даже больше, мы вскорѣ увидимъ, какъ самъ Тэнъ обращается съ своими открытіями и на счетъ *faculté maîtresse*, хотя бы, напримѣръ *ораторской*,—онъ окажется въ столь же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ былъ и платоновскій Сократъ. Античный философъ по разнымъ поводамъ давалъ разныя опредѣленія одного и того же нравственнаго понятія: Тэнъ также поступитъ съ *ораторскимъ талантомъ*—по поводу Тита Ливія, Кузэна, Маколея,—и лучше всѣхъ своихъ критиковъ докажетъ, до такой степени произвольны и фантастичны элементы нравственнаго анализа.

Но *теоретически*—онъ тріумфаторъ и, отождествивши *Пантагрюэля* съ содержимомъ желудка, устремляется дальше. Будто всякое столь побѣдоносно взятое препятствіе окрыляетъ смѣлость философа и онъ съ каждымъ словомъ все глубже погружается въ моральную алгебру.

Въ физическихъ наукахъ, «чтобы увеличить число наблюдаемыхъ фактовъ», надо или «преобразовать орудія наблюденія» или «видоизмѣнить наблюдаемый предметъ». *То же самое* и въ нравственности. Ртутному термометру соотвѣтствуетъ нравственный—«душа историка» и эта душа *то же самое*, что для химика «лакмусова» бумага, опредѣляющая составъ растворовъ... Все это отнюдь

не метафоры для Тэна а факты самые научные и несомнѣнные. Всѣмъ, даже первобытнымъ поэтамъ извѣстно свойство человѣческой души отзываться на внѣшній міръ разнообразными ощущеніями: съ незапамятныхъ временъ чувствительную и глубокую душу сравнивали съ музыкальнымъ инструментомъ, вѣчно готовымъ послать отвѣтный звукъ на голосъ внѣшняго міра. Извѣстно также и громадное значеніе всесторонняго развитія человѣка для этой отзывчивости. Но для Тэна истины въ старой формѣ мало: онъ доведетъ ее до послѣднихъ предѣловъ логики и совершенно серьезно *впечатлѣнія*, *настроенія* и всегда относительныя личныя *воззрѣнія* сопоставитъ съ показаніями физическаго инструмента. Вездѣ,—что̀ метафора и аналогія для другихъ—для Тэна—тождество и совпаденіе. При такихъ пріемахъ мысли можно довольствоваться самыми отдаленными, чисто-оптическими признаками сходства и дѣлать какіе угодно выводы. И Тэнъ вполнѣ послѣдовательно пишетъ слѣдующее заключеніе послѣ своихъ разсужденій объ анализѣ:

«Чтобы производить открытія, психологія должна, подобно другимъ наукамъ, замѣнить способъ наблюденія или видоизмѣнить наблюдаемый предметъ. Она замѣняетъ этотъ способъ, когда вмѣсто непосредственнаго наблюденія примѣняетъ изученіе знаковъ, предшествующихъ воспріятію или слѣдующихъ за нимъ и служащихъ указательными реактивами. Она видоизмѣняетъ этотъ предметъ, хотя и косвенно, когда въ Сальпетріерѣ наблюдаетъ искаженныя умопомѣшательствомъ понятія и чувства».

Трудно представить болѣе краснорѣчивый примѣръ для мефистофелевскаго совѣта на счетъ «великолѣпнѣйшаго набора громкихъ словъ», гдѣ недостаетъ идей. Что Тэнъ разумѣетъ подъ «изученіемъ знаковъ», будто замѣняющихъ для психолога телескопы, микроскопы и всѣ средства «измѣнить способъ наблюденія»? Объясненіе секрета необходимо, такъ какъ въ естествознаніи многіе инструменты создали новыя науки; на это указываетъ самъ Тэнъ,—и ограничивается однимъ изъ самыхъ туманныхъ изреченій, какое сдѣлало бы честь любому метафизику. Очевидно,—автору во что бы то ни стало нужно было довести до конца отождествленіе нравственнаго анализа съ физическимъ,—и онъ въ рубрикѣ инструментовъ поставилъ нѣсколько смущенныхъ невнятныхъ словъ, а въ рубрику химическихъ реакцій — наблюденія надъ сумасшедшими. О химикахъ говорится: «они видоизмѣняютъ предметъ посредствомъ разрѣзовъ, вымочекъ, инъекцій, химическихъ операцій», — т. е. *производятъ* всевозможные *эксперименты* и *комбинаціи* съ *опредѣленными* химическими элементами. Можно ли всѣ эти процессы сопоставлять съ *наблюденіями* надъ *проявленіемъ* часто совершенно наукѣ *невѣдомыхъ* и *непонятныхъ патологическихъ* процессовъ человѣческаго мозга? Рѣшительно ни одно данное второй категоріи не совпадаетъ съ данными первой: пассивное наблюденіе и активный опытъ, химическіе элементы и «понятія» и «чувства», вполнѣ

доступная и изслѣдуемая среда физическихъ явленій и темная внутренняя область больной души. Но для Тэна не существуетъ никакихъ подробностей, разъ можно уловить хотя бы намекъ на общее сходство,—и онъ не только психіатрическую больницу вообразитъ буквально опытной психологической лабораторіей, но и ея данныя цѣликомъ усвоитъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ и революціонную Францію безповоротно отождествитъ съ алкоголикомъ въ припадкѣ бѣлой горячки.

Таковы плоды математическаго ума. Онъ таитъ въ себѣ природный фанатизмъ къ системамъ и формуламъ. У Тэна этотъ умъ соединяется съ безпримѣрной самоувѣренностью и неукротимой жаждой торжественныхъ открытій и побѣдоносныхъ эффектныхъ выводовъ. Мы до сихъ поръ не встрѣтили ни одной оговорки, ни единаго сомнѣнія, ни малѣйшаго слѣда колебаній и затрудненій. Философу въ это время было 27—28 лѣтъ,—и онъ съ первыхъ-же шаговъ стяжалъ столь лестное право разъ навсегда установить свою систему и до конца оставаться ей вѣрнымъ во всѣхъ подробностяхъ. Да, критики сколько угодно могли убѣждать, опровергать, поднимать на смѣхъ юнаго героя: онъ остался непоколебимъ. Уступка академіи ради преміи больше не повторится и Тэнъ будетъ прислушиваться къ чужимъ замѣчаніямъ, по возможности, совершенствоваться лишь въ одномъ отношеніи—*въ стилѣ* [1]). Во всѣхъ другихъ онъ останется вѣренъ своимъ воззрѣніямъ, усвоеннымъ въ стѣнахъ Нормальной школы, если не колледжа.

Мы познакомились только съ ученіемъ Пьера. Слѣдуетъ очередь Поля. Онъ на десять лѣтъ моложе своего пріятеля,—и на его долю выпадаетъ еще болѣе стремительное и смѣлое завоеваніе философской истины. Оно увѣнчиваетъ зданіе тэновскаго метода.

X.

Милль въ книгѣ о Контѣ и позитивизмѣ энергически протестуетъ противъ «уклоненій» французскаго философа отъ принциповъ положительнаго научнаго метода. Эти уклоненія допускались Контомъ во имя совершенно не позитивныхъ соображеній, во имя «существенныхъ наклонностей нашего ума», во имя нашего «инстинктивнаго предрасположенія» къ порядку, гармоніи, системѣ. Насъ удовлетворяетъ даже «фиктивное понятіе», если оно помогаетъ систематизировать явленіе. Контъ требуетъ придерживаться такихъ понятій въ ущербъ фактическимъ подробностямъ и мело-

[1]) Sainte-Beuve *N. Lundis*, VIII, 78. Авторъ съ обычной тонкостью салоннаго критика указываетъ на уступки Тэна чужимъ замѣчаніямъ: «il est docile aux critiques, à celles du moins qui concernent la forme et qui n'atteignent pas trop le fond et l'essence de sa pensée». Мы увидимъ, — послѣднее ограниченіе совершенно излишне.

чамъ изслѣдованія. Другими словами, философъ готовъ пожертвовать дѣйствительностью ради обобщенія [1]). Литтре въ критикѣ на книгу Милля присоединился къ этимъ упрекамъ по адресу своего учителя и заявилъ, что Контъ «считалъ полезнѣе приспособляться къ извѣстнымъ наклонностямъ ума, удовлетворять его эстетическія потребности, чѣмъ строго преслѣдовать соотвѣтствіе между идеей и фактомъ». Оба ученика Конта признавали подобныя «приспособленія»—не въ духѣ положительной философіи [2]). Они считали обязательнымъ дѣломъ философа — собирать факты и изучать ихъ взаимную зависимость безъ всякихъ соображеній о стройной систематизаціи и широкихъ обобщеніяхъ.

Такъ рѣшался вопросъ вѣрнѣйшими представителями позитивизма во Франціи и въ Англіи.

Тэну неизбѣжно пришлось коснуться того же вопроса немедленно послѣ разсужденій объ анализѣ,—и онъ разрѣшилъ его по обыкновенію просто и безповоротно нѣсколькими сравненіями и вопросительными знаками. Поль согласился съ философіей Пьера на счетъ тождественности анализовъ—физическаго и нравственнаго,—но призналъ ее только началомъ.

«Были бы вы удовлетворены,—сказалъ онъ:—если бы вамъ доставили цѣлый возъ анатомическихъ атласовъ и точный списокъ всѣхъ физіологическихъ процессовъ? Будете ли вы думать, что ознакомились съ живымъ тѣломъ? Не представляетъ ли это тѣло такъ же, какъ и ваши описанія, собранныхъ частей? Не чувствуете ли вы, что въ этой организованной группѣ имѣется какая то организующая причина? Достаточно ли для того, чтобы составить армію, до безконечности увеличить число солдатъ? Не нужно ли назначить имъ еще офицеровъ и генерала? А для этого должны ли мы, подобно многимъ философамъ, искать такого начальника въ области невидимаго и таинственнаго? Развѣ невозможно, чтобы онъ былъ такой же человѣкъ, какъ и остальные? Какой опытъ отрицаетъ, что причиной фактовъ можетъ служить фактъ?»

Трудно съ болѣе граціозной и наивной легкостью одержать однимъ взмахомъ столько побѣдъ надъ какими угодно препятствіями. На основаніи того, что армія не бываетъ безъ генерала,—мы мгновенно должны убѣдиться въ способности философа открыть причину всѣхъ причинъ. Авторъ взываетъ къ нашему чувству и вмѣсто всякихъ положительныхъ и логическихъ доводовъ—пользуется скоропалительнымъ доказательствомъ отъ противнаго: *какой опытъ отрицаетъ, что причиной фактовъ можетъ служить фактъ?* конечно,—никакой, потому что *генералъ* такой же *человѣкъ*, какъ и

---

[1]) Милль стр. 57, русск. изд.

[2]) E. Littré. *La philosophie positive. Revue des deux Mondes.* 1866, 15 août, p. 861.

солдатъ,—слѣдовательно и *причина* такой же *фактъ*, какъ и другіе *факты*.

Мы не представляемъ ни одного философа, даже сколько-нибудь серьезнаго писателя-публициста, который бы рѣшился выступить съ подобными доказательствами *основныхъ положеній* своей мысли. Самъ Платонъ, вѣчно боровшійся между лирическими видѣніями и діалектикой, — только въ самыхъ трудныхъ вопросахъ позволялъ себѣ отдѣлываться отъ слушателей поэтическими сравненіями, напримѣръ, опредѣленіемъ *высшаго блага*, какъ *солнца* въ нравственномъ мірѣ. Но вѣдь Платонъ и не претендовалъ на позитивизмъ и ученость,—а теперь предъ нами философъ XIX-го вѣка, современникъ основателя позитивизма, высоко цѣнящій философію Милля и преспокойно создающій одну аксіому за другой путемъ воображенія и творчества. Эти силы помогли Тэну съ двухъ словъ разрѣшить вопросъ о причинности и обобщеніи,—онѣ не оставятъ его до конца и мы сейчасъ услышимъ настоящую поэму. Мы говоримъ отнюдь не въ переносномъ смыслѣ, а *буквально:* пусть судятъ сами читатели.

И такъ,—рѣшено: причина — фактъ,—нужно только его отыскать. Процессъ поисковъ слѣдующій.

Предъ нами множество фактовъ, постараемся изъ нихъ составить группы, потомъ изъ каждой группы выдѣлимъ одинъ фактъ—причину всѣхъ другихъ. Это первый моментъ процесса. Второй—*провѣрка* (vérification): предположивъ извѣстный фактъ причиной фактовъ, нами взятыхъ въ группу, — мы *провѣряемъ* наше предположеніе на другихъ фактахъ; если гипотеза оправдывается, мы нашли дѣйствительную причину цѣлаго ряда фактовъ. Мы ее формулируемъ и переходимъ къ другимъ группамъ. Получаемъ рядъ формулъ и соединяемъ ихъ въ группы, ища и для нихъ общей объединяющей формулы. Мы приходимъ такимъ путемъ «къ единственному факту, являющемуся всеобщей причиной».

И такъ, *абстракція* — нахожденіе въ группѣ фактовъ общаго факта, *гипотеза*—предположительное признаніе этого факта причиной другихъ и *провѣрка* — окончательное установленіе факта—причины, составленіе формулы для цѣлой группы. Таковы верстовые столбы на пути къ истинѣ.

Какъ видите,—и здѣсь путь совершенно прямой, ясный и общедоступный. Все затрудненіе заключается лишь въ самомъ простомъ вопросѣ: по какимъ основаніямъ и руководящимъ соображеніямъ нашъ изслѣдователь составляетъ группы фактовъ? Послѣ блестящихъ поисковъ за «всеобщей причиной», Тэнъ вдругъ вводитъ понятіе «естественная группа фактовъ» (un groupe naturel de faits), къ которой, оказывается, только и примѣнимъ описанный методъ.

Но что такое *естественная* группа? Тэнъ даже не подозрѣваетъ этого вопроса, а между тѣмъ отъ него зависитъ все его сооруженіе. Въ мірѣ физическомъ легко представить естественныя группы

фактовъ, связанныхъ «іерархіей необходимостей» (hiérarchie de necessités), хотя и здѣсь часто необыкновенно трудно отыскать прямую непосредственную причину явленія. Но Тэнъ утверждаетъ, что его методъ «относится столько же къ нравственному міру, сколько и къ физическому», и авторъ немедленно переходитъ къ *историческому* примѣру, къ римской политикѣ и цивилизаціи. Здѣсь ему открываются также *естественныя* группы фактовъ и онъ моментально отыскиваетъ «всеобщую причину». Какую же? По достоинству этой причины можно судить о достовѣрности группъ и формулъ Тэна. Оказывается, — все дѣло въ «первоначальномъ устройствѣ мозга римлянъ» и въ «необходимости думать о своей выгодѣ и дѣйствовать сообща».

Но разберите эту вновь открытую истину и спросите у себя, увеличилось ли ваше *дѣйствительное* знаніе предмета на самую ничтожную величину послѣ тэновскихъ, на видъ необыкновенно научныхъ разсужденій? Римляне — эгоисты-политики, практики въ религіи и въ искусствѣ, потому что таково устройство ихъ мозга. Но давать подобные отвѣты, значитъ повторять безсмертный монологъ мольеровскаго баккалавра:

Mihi a docto doctore
Demandatur causam et rationem quare
Opium facit dormire.
A quoi respondeo,
Quia est in eo
Virtus dormitiva,
Cujus est natura
Sensus assupire.

А соображеніе на счетъ «необходимости думать о своей выгодѣ и дѣйствовать сообща» не имѣетъ значенія даже забавной комедіи, а просто банальная фраза, примѣнимая одинаково рѣшительно ко всѣмъ народамъ, вырабатывавшимъ государственныя учрежденія: всѣ они, конечно, думаютъ о своей выгодѣ и не могутъ дѣйствовать не сообща: иначе ихъ гражданскій строй и національная свобода исчезнутъ съ лица земли.

Слѣдовательно, *естественныя группы фактовъ*, отысканныя Тэномъ въ римской исторіи, не дали никакого плодотворнаго и поучительнаго результата, потому что сами эти группы составлены не по методу естественно-научнаго изслѣдованія, а дедуктивно, приспособлены къ идеѣ, заранѣе данной и принятой за аксіому. Вся повѣрка заключалась въ *подборѣ* фактовъ для требуемой формулы и *естественной* группой оказывались та, которая *соотвѣтствовала* цѣлямъ философа. Очевидно, факты нравственной категоріи совершенно не равносильны по опредѣленности фактамъ физической: они требуютъ истолкованія по существу—раньше чѣмъ попасть въ [illegible] другую группу. Вотъ эта то стадія—истолкованіе—*inter-*

prétation—и совершенно мѣняетъ всю картину группировки фактовъ въ нравственной и исторической области. Здѣсь *фактъ всегда* сложнаго состава—явленіе плюсъ личность истолкователя, или, какъ выражается Тэнъ, термометръ, душа историка. Показанія этого термометра отнюдь не представляютъ чего-либо устойчиваго, механически-дѣйствующаго, пассивно-точнаго. Напротивъ,—нравственные термометры до безконечности разнообразны и всегда *воздѣйствуютъ* на факты, т. е. сообщаютъ имъ не только извѣстную окраску, но даже содержаніе. Историкъ часто не видитъ не только того, чего *не можетъ* видѣть, но и чего *не хочетъ*. И именно послѣдній недостатокъ достигаетъ подавляющихъ размѣровъ, когда изслѣдователь заранѣе вооружится системой и страстію во что бы то ни стало открыть «всеобщую причину». Тогда провѣрка гипотезъ окажется совершенно призрачной и группа фактовъ можетъ выйти въ полномъ смыслѣ *противо-естественной*. Единственная возможность достигнуть истины на почвѣ нравственныхъ изслѣдованій—свобода отъ всякой систематизаціи и пріемъ, противоположный тэновскому: терпѣливое и тщательнѣйшее разложеніе всегда необычайно сложныхъ историческихъ и душевныхъ явленій и до послѣдней степени осторожное обобщеніе. А между тѣмъ,—для Тэна—обобщеніе—цѣль, заранѣе поставленная изслѣдователемъ и неразрывно связанная чуть-ли не съ его достоинствомъ ученаго и мыслителя.

Мы выше указали на грѣхъ Конта предъ основами позитивизма—ради наклонностей человѣческаго ума къ системамъ, и тотъ же самый грѣхъ повторилъ Тэнъ. Въ вопросѣ объ интерпретаціи фактовъ Тэнъ оказался послѣдователемъ Конта *не-позитивиста*, а *метафизика*. Самая форма идей обоихъ философовъ совпала, хотя Тэнъ и слышать не хочетъ о Контѣ. Въ сочиненіи *Объ англійскомъ позитивизмѣ* онъ писалъ:

«Не смотря на узость нашего опыта, метафизика—я разумѣю изысканіе первыхъ причинъ—возможна при условіи, чтобы изслѣдователь оставался на большой высотѣ взгляда и отнюдь не спускался въ подробности, чтобы разсматривалъ только самые простые элементы бытія и наиболѣе общія направленія жизни природы» [1]).

Контъ въ свою очередь раньше Тэна говорилъ слѣдующее: «Не слѣдуетъ опасаться, достигнувъ положительнаго воззрѣнія, подниматься на высшую ступень возможнаго обобщенія, чтобы быть въ состояніи понять и истолковать факты».

И на основаніи этого соображенія Контъ находилъ возможнымъ деспотически вмѣшиваться даже въ естественно-научныя изслѣдованія, возставать противъ «слишкомъ мелкихъ изслѣдованій», вредныхъ для широкихъ обобщеній, изъ астрономіи изгонялъ изученіе звѣздъ

---

[1]) «Les tendances les plus générales de la nature». *Le positivisme anglais* Paris 1864 p. 145.

какъ совершенно безполезное для насъ—обитателей солнечной системы [1]).

О научности выводовъ при такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи и одинъ изъ критиковъ контовской философіи вполнѣ основательно замѣтилъ: «Дѣло не въ фактахъ, вся сущность въ ихъ толкованіи, а оно именно и не *позитивно*». Любопытно, что въ примѣръ критикъ взялъ именно нашего историка: «Въ *Происхожденіи современной Франціи* Тэна—только факты и все таки эта исторія столь же систематична, какъ и исторія Луи-Блана. Слѣдовательно это въ результатѣ философія, а не позитивизмъ» [2]).

Это не значитъ, будто истолкованіе фактовъ—нѣчто незаконное и недопустимое,—нѣтъ. Оно только въ области нравственныхъ знаній отнюдь не объективно-научно и рѣшительно не можетъ быть сопоставляемо съ констатированіемъ фактовъ въ области физическихъ наукъ. Система въ исторіи всегда—плодъ личнаго разума и личнаго міросозерцанія, потому что даже простѣйшіе историческіе факты извѣстны намъ лишь сквозь призму пониманія, впечатлительности и частныхъ интересовъ историковъ. Сравните исторію реформаціи у Ранке и у Янсена и вы поймете, какая пропасть лежитъ между анализомъ явленій природы и человѣческой жизни. А между тѣмъ, вся сущность метода Тэна основана на параллелизмѣ и даже отождествленіи анализовъ—физическаго и нравственнаго. Онъ вполнѣ убѣжденъ, что его путемъ можно отыскать первопричину историческаго развитія какого угодно народа и формулировать ее съ алгебраической точностью; вѣдь «человѣкъ—ходячая теорема» (l'homme est un théorème qui marche).

«Забудьте огромную груду безсчисленныхъ подробностей, совѣтуетъ философъ. Обладая формулой, вы обладаете и всѣмъ остальнымъ. Она заключается въ полустрочкѣ; въ вашей пригоршнѣ заключено двѣнадцать столѣтій и половина античнаго міра».

Фраза, достойная Наполеона философіи! И какого Наполеона! У Бонапарта сорокъ вѣковъ смотрѣли съ пирамидъ на десятки тысячъ французскихъ солдатъ, а здѣсь одинъ отважный юноша за чашкой чаю завоевалъ полъ-міра и положилъ въ карманъ двѣнадцать столѣтій. Если открытіями онъ напомнилъ намъ мольеровскаго педанта, то по манерѣ производить ихъ—онъ единственный въ философіи соперникъ капитана Матамора, истреблявшаго, какъ извѣстно, тысячи враговъ однимъ взмахомъ меча. И послушайте дальше: какая перспектива!

«Представьте себѣ, — то же дѣйствіе произведено надъ всѣми народами, надъ всею исторіей, надъ психологіей, надъ всѣми нравственными науками, надъ зоологіей, физикой, химіей и астроно-

---

[1]) E. Litrté. *La philosophie positive.* Ib. p. 861.

[2]) Paul Janet. *les origines de la pilos. d'Auguste Comte. Revue des deux Mondes*, août 1887, p. 624.

міей. Въ тотъ же мигъ (à l'instant) вселенная, какою, она намъ представляется, исчезаетъ. Факты обобщились, формулы замѣнили ихъ, міръ упростился и наука закончилась (la Science s'est faite). Осталось только пять или шесть общихъ положеній. Кромѣ опредѣленій человѣка, животнаго, растенія, химическаго тѣла, физическихъ законовъ и астрономическаго тѣла—нѣтъ больше ничего»...

Но для Тэна много и этого: даже «пять или шесть» (какова точность!) опредѣленій — уже «груда подробностей»: онъ сведетъ ихъ къ одному *факту*. Это будетъ и «высшій законъ», и первопричина: для Тэна всѣ эти понятія совершенно совпадаютъ, и,— наконецъ, книга заключается слѣдующей рѣчью:

«На самой вершинѣ вещей, на самой высотѣ свѣтоноснаго и недоступнаго эфира звучитъ вѣчная аксіома и длящіеся отголоски этой творческой формулы создаютъ своими безчисленными колебаніями всю необъятность вселенной.... Безразличность, неподвижность, вѣчность, всемогущество, создательница—ни одно изъ этихъ названій не исчерпываетъ ея, и когда открывается ея свѣтлый и величавый обликъ, нѣтъ человѣческаго ума, который бы не преклонился передъ нею, пораженный восторгомъ и ужасомъ. Въ тотъ же мигъ этотъ умъ вновь поднимается: онъ забываетъ свою смертность и свое ничтожество; онъ наслаждается по сочувствію безконечностью, о которой мыслитъ, и принимаетъ участіе въ ея величіи».

Мы, очевидно, совершенно вышли изъ области науки и философіи и очутились въ царствѣ видѣній и сильныхъ ощущеній. «Вершина вещей», «свѣтоносный эфиръ», «восторгъ», «ужасъ»— все это чистѣйшій лиризмъ, стихотвореніе въ прозѣ, если угодно,— религіозный гимнъ и жесточайшее заушеніе точнаго знанія и здравой логики. И мы должны были ожидать подобныхъ чудесъ: все время насъ вели фантастическими путями и даже въ то время, когда насъ оглушали самыми, повидимому, положительными терминами, въ родѣ—«ферментъ», «пепсинъ», «кислота», «пищеводъ», «мускулистый желудокъ», «протеинъ», «внѣшній кислородъ», — мы были на противоположномъ полюсѣ отъ науки. Шумиха физіологическихъ словъ и фактовъ играла у нашего философа ту самую роль, какую у Жюля Верна математическія выкладки, и мы съ Тэномъ совершили такое же путешествіе подъ водой или къ сѣверному полюсу, какое ежедневно совершаютъ дѣти въ компаніи съ остроумнымъ романистомъ. Мы прочли сказку, приготовленную подъ соусомъ научныхъ фактовъ и выводовъ, сказка до такой степени откровенна и наивна, что эпизоды ея обставлены часто даже менѣе искусными мистификаціями, чѣмъ приключенія капитана Немо. Французовъ искони обуревала страсть пользоваться наукой для свободной игры воображенія и на *точныхъ* данныхъ строить рискованнѣйшія догадки и въ полномъ смыслѣ волшебные замки. Эти постройки могутъ выходить очень изящными, увлекательными и

поэтическими, — напримѣръ, — таковы новѣйшія фантазіи Фламмаріона. Но только ихъ и слѣдуетъ принимать за то, что онѣ есть. Никому, конечно, и на умъ не придетъ придираться къ подробностямъ устройства Наутилуса и къ точностямъ въ топографіи и пейзажѣ планеты Марса. Такъ по всей справедливости долженъ бы и Тэнъ смотрѣть на свою поэму о методѣ, и разъ онъ закончилъ ее лирическимъ изліяніемъ по адресу «вѣчной аксіомы», — этимъ самымъ онъ опредѣлилъ характеръ и значеніе всѣхъ другихъ своихъ соображеній и истинъ. По роковой иронической игрѣ судьбы онъ прошелъ отъ начала до конца путь Конта—*не позитивиста*, Конта-метафизика и первосвященника, путь сплошныхъ измѣнъ позитивизму и наукѣ. Мы видѣли совпаденія отдѣльныхъ идей Тэна съ идеями Конта въ періодѣ упадка философской мысли основателя позитивизма, теперь предъ нами и контовскій вѣнецъ всего зданія,—вновь открытая *религія* съ ея обычными спутниками — «восторгомъ» и «ужасомъ».

Да, Тэнъ именно такъ и смотритъ на свое дѣло. Онъ — пророкъ, на всегда освобождающій человѣчество и отъ мистическихъ мечтаній, и отъ безплоднаго скептицизма. Мы отнюдь не преувеличиваемъ. Вотъ собственныя слова Тэна изъ книги *Объ англійскомъ позитивизмѣ*.

Онъ недоволенъ Миллемъ. Тотъ раздѣляетъ міръ на двѣ области: одну—доступную человѣческому знанію и другую навсегда для него закрытую.

«Вычеркивая изъ науки познаніе первыхъ причинъ, т. е. божескихъ вещей, вы приводите человѣка къ тому, чтобы сдѣлаться скептикомъ, позитивистомъ, утилитаристомъ—если у него сухой умъ, или же мистикомъ, экзальтированнымъ, методистомъ,—если у него живое воображеніе. Люди съ горячею головою, или съ пасмурной совѣстью могутъ помѣщать всѣ свои грезы въ эту громадную неизвѣстную пустоту, которую вы располагаете за предѣлами нашего небольшого міра, а людямъ съ холоднымъ разсудкомъ, въ безнадежности достигнуть чего-либо въ этомъ *ничто*, остается ограничиться изысканіемъ практическихъ рецептовъ, которые могли бы улучшить наше положеніе» [1]).

Тэнъ, можно заключить,—не хочетъ ни грезъ, ни практическихъ рецептовъ. Мы только что видѣли, какую перспективу онъ рисуетъ для своей метафизики и на какихъ основаніяхъ строитъ ее. Мы не знаемъ, что можно еще называть грезами послѣ «вѣчной аксіомы», звучащей «на высотѣ свѣтоноснаго и недоступнаго эфира» и послѣ даже первой исходной точки разсужденій философа — отождествленія анализа физическаго и нравственнаго міра. А что касается рецептовъ, — они увѣнчаютъ всю философскую и научную дѣятель-

[1]) *Стюартъ Миллъ и Тэнъ. Англійскій позитивизмъ. Этюдъ о Стюартѣ Миллѣ.* Спб. 1866, стр. 276—7.

ность Тэна: онъ это самъ заявитъ совершенно опредѣленно, — и даже раньше своихъ послѣднихъ сочиненій, *одновременно* съ выходкой противъ чужихъ рецептовъ.

Въ предисловіи къ *Критическимъ и историческимъ опытамъ* онъ еще разъ объяснитъ свой методъ, снова забросаетъ читателя естественными терминами, напримѣръ, «психологическій анализъ— родъ химіи», въ другой разъ повторитъ сравненіе группъ и формулъ съ фонтаномъ, бьющимъ струей по уступамъ, возобновитъ параллель между изслѣдованіями натуралистовъ и историковъ, при чемъ безразлично станетъ употреблять выраженія — *de même, pareillement*, par une méthode *semblable*, par des observations et un raisonnement *analogues*, т. е. свалены въ одну кучу и *тождество*, и *аналогію*, и *сходство*. При такомъ обращеніи съ *критикой* фактовъ, Тэну ничего не стоитъ отождествить и результаты критики: успѣхи физическихъ наукъ дали людямъ возможность «предвидѣть и до извѣстной степени видоизмѣнять (modifier) явленія природы»,— слѣдовательно «аналогичное открытіе въ нравственныхъ наукахъ должно дать людямъ средство предвидѣть и видоизмѣнять до извѣстной степени явленія исторіи» [1]).

Эта идея очень старая, ее Тэнъ *буквально* заимствовалъ изъ философіи Сенъ-Симона. Здѣсь ученый въ общемъ опредѣлялся такъ: un homme qui prévoit [2]). Опредѣленіе перешло въ позитивизмъ и легло въ основу позитивной политики Конта. Философъ вполнѣ сознавалъ значеніе такой роли ученаго: онъ счелъ нужнымъ оправдывать *субъективный методъ*, вторгавшійся въ науку именно благодаря практическимъ цѣлямъ историковъ. Политика должна быть основана на исторіи—такова задача Конта,—и задача совершенно законная и естественная, но отнюдь не позитивная и не научная. Это— задача Кондорсе, т. е. принадлежитъ къ области философіи извѣстныхъ общественныхъ взглядовъ и нравственныхъ принциповъ, а не къ области точной науки. Литтре блистательно показалъ, какъ измѣняется качество выводовъ въ зависимости отъ наукъ. «Чѣмъ наука іерархически выше, тѣмъ возможность дѣлать выводы меньше». Въ математикѣ она необыкновенно легка, въ физикѣ уже больше затрудненій, еще больше ихъ въ химіи, въ біологіи, а въ соціологіи—«la faculté de déduire» достигаетъ minimum'a [3]), но это не все. Въ исторіи выводы весьма часто дѣлаются не изъ положенія, добытаго наведеніемъ, а изъ *субъективнаго* воззрѣнія, даже предубѣжденія. Историческія идеи Тэна какъ нельзя лучше подтвердятъ справедливость соображеній Литтре и въ особенности докажутъ полнѣйшій личный произволъ историческихъ обобщеній и, слѣдовательно, предвидѣній и предписаній.

---

[1]) *Essais de critique et d'histoire*. Paris. 1882. Préface. XXIV.

[2]) *Lettres d'un Habitant de Genève à ses contemporains*. Deuxieme lettre. St Simon. *Oeuvres choisies*. Bruxelles. 1859. I, 24.

[3]) E. Litré. *Auguste Conte et la phil. positive*, pp. 530—534.

Впрочемъ самъ Тэнъ описываетъ процессъ психологическихъ изслѣдованій до такой степени поверхностно и легкомысленно, что у читателя невольно исчезаетъ всякое довѣріе къ изслѣдователю.

Онъ рекомендуетъ читать какого либо ученаго, поэта, романиста съ перомъ въ рукѣ, составивъ три рубрики для анализа произведенія: личности или характеры, дѣйствіе или интрига, стиль или манера писать. Въ каждую изъ этихъ рубрикъ постепенно нужно вносить замѣтки «краткія и энергичныя»—о «выдающихся частностяхъ, преобладающихъ чертахъ, качествахъ, свойственныхъ автору». Въ результатѣ—увѣряетъ Тэнъ—читатель «увидитъ на концѣ своего пера невольную фразу, особенно энергичную и значительную (singulièrement forte et significative), которая резюмируетъ всю его работу», т. е. «раскроетъ извѣстное *психологическое состояніе* автора — господствующее и устойчивое». Дальше читатель долженъ заключить въ «краткія фразы» біографію автора, его поведеніе съ людьми, его философію, его эстетику, получится «семь или восемь формулъ», зависимыхъ другъ отъ друга, т. е. система и «зрѣлище изумительныхъ необходимостей, связывающихъ безчисленныя характерныя запутанныя нити каждаго человѣческаго существа» [1]).

На языкѣ Тэна это именуется «химіей»... Требуется, очевидно, обладать исключительнымъ авторскимъ ослѣпленіемъ и фанатически-прямолинейнымъ умомъ, чтобы описанному процессу придавать какое бы то ни было обще-обязательное значеніе. Но именно такіе процессы и лежатъ въ основѣ всѣхъ литературныхъ сужденій Тэна, именно такимъ путемъ онъ станетъ открывать «всеобщую причину» въ личности и дѣятельности писателей, ихъ *faculté maîtresse*, и производить ее въ «генералы» всей арміи фактовъ. Очевидно,—качество психологіи и критики вполнѣ будетъ соотвѣтствовать пріему изслѣдованія. Раньше чѣмъ оцѣнить эту работу по образцамъ, мы должны рѣшить вопросъ о первоисточникѣ основного открытія Тэна, его метода.

Мы все время слышали необычайно самоувѣренную и независимую рѣчь. Правда, Тэнъ изрѣдка рѣшается упомянуть то или другое имя,—но все это будто лирическія отступленія: никогда авторъ ни на кого не ссылается *въ подтвержденіе* своихъ идей, у него нѣтъ предшественниковъ, а есть только философы, сдѣлавшіе самое большее—половину дѣла. Англичане разработывали опытъ, нѣмцы занимались метафизикой, отвлеченіями,—ясно и то и другое заблужденіе. Явился Тэнъ и сразу картина измѣнилась: «Наше дѣло умѣрить, исправить, дополнить оба ума, согласовать ихъ въ одномъ, выразить доступною всѣмъ рѣчью и сдѣлать изъ нихъ такимъ образомъ одинъ всеобщій умъ» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Тэнъ прямо говоритъ о себѣ, что онъ «от-

---

[1]) *Essais.* Ib. pp. X—XI.

[2]) Заключеніе книги объ *Англійскомъ позитивизмѣ.*

крываетъ кратчайшій и надежнѣйшій путь» къ совершенствованію исторической науки: эта наука достигнетъ результатовъ естествознанія, т. е. будетъ опредѣлять необходимыя условія для извѣстныхъ общественныхъ и культурныхъ явленій. Перспектива необычайно величественная и Тэнъ будто принижаетъ работу отдѣльнаго человѣка на этомъ поприщѣ. Но, при всѣхъ оговоркахъ, онъ присваиваетъ себѣ *открытіе пути* и великимъ удовольствіемъ своимъ считаетъ мысль о работѣ преемниковъ [1]). Слѣдовательно,—предъ нами одинъ изъ умовъ, дѣлающихъ эпохи, «человѣкъ, который мыслитъ»: такъ выражается Тэнъ объ избранныхъ геніяхъ въ родѣ Бэкона, Юма, Декарта, Кондильяка, Конта, Гегеля. Такіе люди, по его мнѣнію, появляюсся только разъ въ столѣтіе или даже въ два, а все остальное время сцена остается пустою [2]).

Читая Тэна, мы невольно припоминаемъ эту романтическую картину исторіи философіи. Потому что Тэнъ не знаетъ *предшественниковъ*, а только *преемниковъ*. Онъ восторженно отзывается о Гегелѣ: «это Спиноза съ прибавленіемъ Аристотеля»,—но «томъ Вольтера на томѣ Кондильяка — на уголкѣ стола» — какъ живописно и довольно туманно оговаривается Тэнъ — разрушаютъ, повидимому, иллюзію: «вершина знанія» и послѣ Гегеля остается недостижимой, а исторія философіи Гегеля, напримѣръ, «гипотетична и не довольно точна» [3]). И вообще мы не знаемъ, чѣмъ собственно Гегелю обязанъ Тэнъ,—не знаемъ отъ самаго Тэна. У нѣмцевъ онъ беретъ всего только «идею о причинѣ» и отвергаетъ ихъ системы [4]). Милль — умъ столь же мощный, какъ и Гегель [5]), но противъ него именно и направлены метафизическія изысканія Тэна, именно Милль съ своимъ позитивистскимъ разграниченіемъ—доступнаго изслѣдованію отъ невѣдомаго—вызываетъ горячій отпоръ Тэна.

Очевидно,—Тэнъ ни одного изъ «мыслящихъ людей» не можетъ признать своимъ предшественникомъ, онъ судитъ обо всѣхъ, какъ о дѣятеляхъ in partibus философіи, имъ удавалось только нападать на половинчатыя истины,—всю истину суждено было увидѣть одному Тэну. Поэтому, его сужденія о Гегелѣ, Спинозѣ, Кондильякѣ, Миллѣ—замѣчанія, брошенныя мимоходомъ и не связанныя съ логическимъ развитіемъ его идей.

Таковъ результатъ, если положиться только на заявленія самого Тэна. Намъ уже представился не одинъ случай, когда по поводу идей Тэна мы имѣли право вспомнить кое-кого изъ философовъ—пренебреженныхъ и забытыхъ. Напримѣръ,—мы могли отмѣтить контовскія идеи на счетъ обобщенія, могли бы также спросить у Тэна, почему онъ—за устраненіе изъ науки первыхъ причинъ, за

---

[1]) *Essais de critique, Préface*, заключеніе.
[2]) *Le positivisme anglais.* Préface.
[3]) *Les phil. fr.* русск. изд. 85. Monod. *O. c.* p. 85 rem.
[4]) *Le positivisme anglais*, p. 111.
[5]) *Id.* Préface.

признаніе «пучины невѣдѣнія», великаго океана неизвѣстнаго,—предпочитаетъ поражать Милля, а не французскихъ позитивистовъ,—въ родѣ Литтре? Въ тотъ самый годъ, когда Тэнъ издалъ книгу объ *Англійскомъ позитивизмѣ*,—вышло *второе* изданіе превосходнаго труда Литтре *Огюстъ Контъ и позитивная философія* и здѣсь съ идеальной точностью были разъяснены основы чистаго, научнаго позитивизма въ отличіе отъ позднѣйшихъ увлеченій Конта метафизическаго характера. Для Тэна, слѣдовательно, естественнѣе всего было обратиться съ защитой познанія первыхъ причинъ къ французскому ученику Конта, во всякомъ случаѣ не проходить его молчаніемъ. Два года спустя Литтре въ критикѣ на книгу Милля о Контѣ опровергалъ его англійскую точку зрѣнія, на которую указываетъ и Тэнъ. Милль усиливался примирить позитивизмъ вообще съ идеей первопричины, хотя бы даже религіознаго характера, т. е. съ *опредѣленіемъ* непознаваемаго. Литтре указалъ на непослѣдовательность англійскаго философа и подтвердилъ, что настоящій позитивизмъ совершенно не вдается въ разсужденія о первыхъ причинахъ, оставляетъ вопросъ открытымъ: «не утверждаетъ и не отрицаетъ» [1]).

Намъ теперь ясно положеніе Тэна. Онъ преднамѣренно миновалъ французскій позитивизмъ, хотя въ книгѣ объ Англіи ему пришлось указать, правда, очень кратко и мимолетно, на сильное вліяніе Конта среди соотечественниковъ Милля [2]). Онъ пренебрегъ въ высшей степени важнымъ и въ его же цѣляхъ интереснымъ фактомъ,—расколомъ во французскомъ позитивизмѣ—между Контомъ и его учениками. Съ однимъ Тэномъ въ рукахъ никакъ нельзя подозрѣвать, что во Франціи происходило необыкновенно быстрое и поучительное развитіе новой мысли—*одновременно* съ открытіями Тэна, и что это развитіе успѣло предвосхитить весьма многія «истины» нашего философа. Мы видѣли совпаденія методологическихъ идей Тэна съ мыслями Конта,—дальше мы встрѣтимъ еще болѣе поразительное единодушіе обоихъ мыслителей въ области исторіи и опять ни единаго намека не услышимъ отъ Тэна на счетъ предшественника.

А между тѣмъ,—у Тэна есть предшественники даже болѣе любопытные, чѣмъ Контъ,—настоящіе учителя и вдохновители. Всѣ лирическія замѣчанія Тэна о Гегелѣ, Спинозѣ, Миллѣ—въ сущности ни къ чему не ведущія «комплиментарныя движенія». О самыхъ главныхъ «мыслящихъ людяхъ»,—главныхъ для Тэна, мы именно и не слышимъ восторговъ. А они были бы очень умѣстны, потому что каждымъ шагомъ Тэнъ обязанъ произведеніямъ этихъ писате-

[1]) *La phil. positive. Revue des deux Mondes,* 15 août 1866, pp. 862—3.

[2]) *Notes sur l'Angleterre.* Paris 1872, p. 239. Эти *Notes*, изданныя впервые въ 1872 году, были составлены въ 1861 и 1862 годахъ, какъ объ этомъ заявляетъ самъ Тэнъ въ предисловіи.

лей, хотя одинъ изъ нихъ даже ни разу не упоминается Тэномъ въ сочиненіи о методѣ.

XII.

Выше мы замѣтили сродство нѣкоторыхъ воззрѣній Тэна съ самыми отважными мечтами людей XVIII-го вѣка,—а теперь основной источникъ всего философскаго метода Тэна мы должны указать—сначала въ разсужденіяхъ Кондильяка.

Возьмемъ прежде всего *Трактатъ о системахъ*. Первыя строки гласятъ: «Система ничто иное, какъ расположеніе различныхъ частей искусства или науки въ такомъ порядкѣ, что онѣ взаимно зависятъ другъ отъ друга и послѣднія объясняются посредствомъ первыхъ. Тѣ, которыя служатъ основаніемъ для другихъ,—называются началами (principes), и система тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ начала по количеству ограниченнѣе; слѣдуетъ даже стремиться свести ихъ къ одному».

Дальше:

«Абстрактныя обозначенія безусловно необходимы, чтобы привести въ порядокъ наши знанія, потому что абстракціи каждой идеѣ отводятъ ея подраздѣленія» (classe).

«Удостовѣренные факты—собственно единственныя начала (principes) наукъ. Какъ можно было вообразить какія-то другія?».

Еще дальше авторъ продолжаетъ настаивать на классификаціи фактовъ, и въ результатѣ мы получаемъ «очень сокращенный способъ—дать отчетъ о нашихъ знаніяхъ»: стóитъ только—обозрѣть «наиболѣе общія подраздѣленія».

Таково содержаніе первой главы Трактата: оно до послѣдней черты предвосхищаетъ идеи Тэна о научномъ *фактѣ*, соединеніи фактовъ въ *группы* при помощи абстракцій, объ отысканіи—*общей причины—факта* для каждой группы. Идеи обоихъ философовъ—тождественны, нѣсколько лишь измѣнена форма: вмѣсто *notions abstraites, — abstraction*, вмѣсто *principe — fait général*, вмѣсто *classe—groupe* и въ результатѣ—«un seul principe» Кондильяка—двойникъ «le fait primitif et unique» Тэна.

Во второй главѣ у Кондильяка описывается методъ философскаго изслѣдованія.

«Первой цѣлью философа должно быть точное опредѣленіе идей (déterminer exactement ses idées)» Позже авторъ «опредѣленіе».—называетъ анализомъ [1]). Это Тэновскій—*traduction exacte*. Второй анализъ у Тэна—*traduction complète*, истолкованіе и умноженіе фактовъ. У Кондильяка нѣтъ этого термина, но онъ по существу не представляетъ ничего новаго: разъ факты признаны единственной основой знанія,—умноженіе ихъ столь же логически необходимо,

[1]) *Traité des sistèmes*. Chap. II, XVIII.

какъ и точное фактическое опредѣленіе идей и отвлеченныхъ выраженій. Мы сейчасъ увидимъ эту связь у другого писателя XVIII-го вѣка, единомышленника Кондильяка.

Въ сочиненіи—*О происхожденіи человѣческихъ познаній*—Кондильякъ даетъ другія любопытныя подробности относительно «порядка въ поискахъ за истиной». Онъ убѣжденъ, что методъ изслѣдованія одинаковъ для всѣхъ наукъ и уже сдѣланныя открытія всегда ведутъ къ новымъ. Для примѣра онъ беретъ математику, у Тэна это будетъ называться «подражаніемъ алгебраистамъ», составленіемъ уравненій и истолкованіемъ неизвѣстныхъ количествъ посредствомъ извѣстныхъ [1]). У Кондильяка рисуется увлекательная лѣстница истинъ: изслѣдователь восходитъ «нечувствительно» отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ, и всѣ истины столь неразрывно связаны другъ съ другомъ, что ни одной изъ нихъ нельзя постигнуть безъ предшествующей истины. Таковъ путь математическаго изслѣдованія. Во всѣхъ другихъ наукахъ — то же самое: нужно «простыя идеи соединять въ различныя группы» (collections) и обозначать эти группы «знаками».

Мы видимъ,—путь тэновскаго анализа и идея абстракціи даны писателемъ XVIII-го вѣка. Разница между философами такая же, какая вообще существуетъ между первоучителемъ и популяризаторомъ: у Тэна изложеніе стройнѣе, доступнѣе, термины проще и устойчивѣе, — но *сущность* ученія о методѣ лишена всякой оригинальности.

Дидро, совершенно пренебрегаемый Тэномъ—изобрѣтателемъ метода,—въ дѣйствительности былъ ему очень полезенъ разсужденіемъ *Объ истолкованіи природы*.

Дидро, подобно Кондильяку, настаиваетъ на исключительномъ значеніи *фактовъ* для философіи и сѣтуетъ на философовъ, не столько собирающихъ факты, сколько желающихъ «сопоставлять и связывать» факты, т. е. составлять системы [2]). Дибро очень подробно описываетъ опытное изслѣдованіе: оно должно быть направлено на *умноженіе* фактовъ, только такимъ путемъ можно открыть причину извѣстнаго ряда явленій. Достоинство опыта опредѣляется у Дидро тѣмъ самымъ способомъ, какой Тэнъ называетъ—vérification—повѣркой, т. е. беретъ уже полученное заключеніе за исходный моментъ для новаго опыта и если результатъ тотъ же самый, что и раньше,—заключеніе вѣрно. Въ результатѣ, явленія должно связать одно съ другимъ такъ, что—даны два—всѣ остальныя неизбѣжно вытекаютъ изъ нихъ. Это значитъ—образовать естественную группу фактовъ. Дидро склоненъ до послѣдней степени сократить эти группы и основныя явленія природы—тяготѣнія, магне-

---

[1]) Condillac. *Essais sur l'origine des connaissances humaines. O. Compl.* Paris, 1832, I, 363—4. Тэнъ. *Les ph. fr.* Русск. изд. стр. 198.

De l'interpretation de la nature. Oeuvres. Paris. 1821, II, 154—5.

тизмъ, электричество признать «различными проявленіями одной и той же силы». Дальше мы читаемъ совершенно тэновское разсужденіе о «звучащей вѣчной аксіомѣ», съ одной лишь разницей,—у Дидро нѣтъ лиризма, ясновидѣній и сильныхъ ощущеній, рѣчь несравненно спокойнѣе и проще.

«Существуетъ, можетъ быть, центральное явленіе, которое могло бы бросить свѣтъ не только на тѣ явленія, которыя уже извѣстны, но и на тѣ, которыя предстоитъ открыть будущему. Это центральное явленіе объединило бы ихъ и образовало бы систему» [1]).

Эта надежда поддерживается у Дидро все тою же наукой—математикой: для философовъ XVIII-го вѣка она своего рода муза всѣхъ человѣческихъ знаній и ея блестящіе, логически-послѣдовательные успѣхи постоянно переносятъ мысль просвѣтителей на грядущій прогрессъ естествознанія и даже исторіи.

Нашъ выводъ не подлежитъ сомнѣнію: всѣ основныя идеи Тэна относительно научнаго изслѣдованія даны философіей XVIII-го вѣка. Мы могли бы привести гораздо больше подробностей, напримѣръ, разсужденіе Дидро о разложеніи сложныхъ фактовъ на простые, о «восполненіи нашихъ чувствъ» инструментами, и всѣ эти подробности неизмѣнно переносили бы насъ къ открытіямъ Тэна. Но для насъ достаточно принциповъ. Кондильякъ заявлялъ: «мнѣ кажется,—въ метафизикѣ и въ нравственныхъ наукахъ можно разсуждать съ такой же точностью, какъ и въ геометріи, составлять правильныя идеи подобно геометрамъ, опредѣлять, подобно имъ, смыслъ выраженій точно и непоколебимо; наконецъ можетъ быть даже лучше ихъ установить методъ достаточно простой и легкій для достиженія очевидныхъ истинъ» [2]). И эта популярнѣйшая мечта XVIII-го вѣка легла въ основу всѣхъ предпріятій Тэна—въ области философіи, критики и исторіи. «Способъ алгебраистовъ» и «математическая точность» были перенесены Тэномъ, безъ всякой личной критики, безъ всякихъ сомнѣній, прямо изъ трактатовъ Кондильяка, Дидро, Кондорсе въ мнимую положительную науку новаго времени.

Но это еще не было бы особеннымъ грѣхомъ: немедленно по выходѣ изъ колледжа трудно изобрѣсти собственную философію, несравненно легче раскритиковать чужія системы. Если бы весь трудъ Тэна ограничился извѣстной намъ критикой эклектизма и повтореніемъ идей XVIII-го вѣка, авторъ остался бы простымъ компиляторомъ и запальчивымъ, хотя и менѣе всего основательнымъ и вдумчивымъ полемистомъ. Но онъ пошелъ дальше, превзошелъ XVIII-й вѣкъ *не научностью*, а *метафизикой*, опрометчивостью выводовъ и обобщеній.

Сочиненія Кондильяка и Дидро, при всемъ ихъ положительномъ значеніи для тэновскихъ открытій, еще любопытнѣе—въ смыслѣ

---

[1]) *Ib.* p. 191.

[2]) *Condillac. Essai sur l'origine des connaissances humaines.* Introduction

критики противъ того же Тэна. Оба философа, предвосхитивъ принципы новаго метода, предвосхитили также и оцѣнку всѣхъ увлеченій Тэна на старомъ чужомъ пути.

Эти увлеченія мы знаемъ: они бросаются въ глаза самому поверхностному читателю, превосходно опредѣляются кратко и ясно двумя французскими словами l'esprit de système. Опредѣленіе было высказано по поводу первыхъ же произведеній Тэна, а впослѣдствіи съ удивительнымъ самоотверженіемъ подтверждено имъ самимъ.

Въ статьѣ о Просперѣ Мериме Тэнъ писалъ:

«Человѣкъ создаетъ все, на что онъ способенъ, только при одномъ условіи, если онъ усвоитъ какую либо форму въ искусствѣ, методъ въ наукѣ, короче—какую либо общую идею и признаетъ ее настолько совершенной, что предпочтетъ всему, даже самому себѣ и будетъ обожать ее, какъ богиню, считая себя счастливымъ служить ей» [1]).

Немного раньше Тэнъ очень картинно опредѣлялъ значеніе идеи въ жизни и личности человѣка. «Идея въ человѣкѣ похожа на желѣзный прутъ, который скульпторы вставляютъ въ статуи: идея пригвождаетъ человѣка къ одному опредѣленному положенію и поддерживаетъ его». Великій человѣкъ, по опредѣленію Тэна, обладаетъ способностью «поглощать» другихъ, потому что онъ самъ «поглощенъ», подразумѣвается извѣстной мыслью, теоріей, системой [2]).

Эти выраженія *absorbant* и *absorbé* были въ ходу въ Нормальной школѣ и здѣсь попеременно какая нибудь будущая знаменитость играла роль «всасывателя» своихъ товарищей, т. е. господина надъ ихъ уваженіемъ и вниманіемъ. Во времена Тэна такимъ героемъ былъ сначала Абу, потомъ его мѣсто занялъ самъ Тэнъ [3]). Несомнѣнно,—много лѣтъ спустя онъ припомнилъ школьную аттестацію и примѣнилъ ее къ характеристикѣ великихъ людей. Это подтверждается сообщеніемъ его товарищей, будто мнѣнія Грэндоржа съ его взглядомъ на «великихъ людей» начали возникать еще въ стѣнахъ Нормальной школы [4]). Нѣсколько странно подобное совпаденіе фактовъ, но оно въ характерѣ Тэна. И для насъ любопытна въ сущности не смѣлость писателя—столь откровенно намекать на личныя черты геніальности, а самое понятіе Тэна о геніи и о величіи. Припомнимъ — главнѣйшій истолкователь метода—философъ Поль, тоже *absorbé*: его глаза «обыкновенно видятъ не то, на что смотрятъ», «ни предметы, ни идеи его не трогаютъ, разъ онъ не находитъ въ нихъ общаго взгляда» (une vue d'ensemble) [5]).

Болѣе краснорѣчивыя заявленія трудно и представить,—и въ

---

[1]) Ст. *Prosper Merimée. Essais de critique.* Paris. 1882, p. 448

[2]) *Graindorge*. p. 68.

[3]) Monod. *O. C.* p. 61.

[4]) *Taine intime*, par H. Castets. *Revue Encyclopédique*, 1 avril. 1893.

[5]) *Les phil. fr.* p. 336; русск. изд. стр. 204—5.

каждомъ изъ нихъ сквозитъ личное чувство автора. Тэнъ, несомнѣнно, точно былъ опредѣленъ своими товарищами. Онъ *absorbé* и притомъ *общими взглядами*, т. е. системами, поглощенъ до полной слѣпоты относительно частныхъ фактовъ и идей, подрывающихъ систему.

Съ этимъ основнымъ свойствомъ Тэна пришлось бороться нѣкоторымъ его критикамъ, но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не воспользовался превосходными замѣчаніями учителей Тэна на счетъ именно *esprit de système*. Люди XVIII-го вѣка, при всей своей способности увлекаться безграничными перспективами научныхъ успѣховъ и разумнаго прогресса, были одарены исключительной наклонностью къ критикѣ. Именно эта наклонность и произвела главную работу просвѣтительной мысли,—логикой, насмѣшкой, отчасти научными доводами подорвала вѣковое вліяніе старыхъ преданій и разсчистила путь для новой созидательной работы. Рядомъ съ самыми выспренними надеждами на будущее человѣчества у людей дореволюціонной эпохи мы неизмѣнно встрѣчаемъ ничѣмъ неистребимый скептическій духъ, и онъ оберегаетъ старыхъ мечтателей отъ всякаго рода фанатизма и ослѣпленія въ пользу какихъ бы то ни было идей.

Кондильякъ и Дидро въ этомъ отношеніи—типичныя явленія.

Мы видѣли, — они оба толкуютъ о самыхъ широкихъ обобщеніяхъ и о примѣненіи математическаго метода во всѣхъ наукахъ, но здѣсь же каждый изъ нихъ необыкновенно энергично возстаетъ противъ «маніи системъ», противъ «слѣпого упрямства въ принципахъ», противъ «методистовъ» [1]). Мы приведемъ нѣкоторыя разсужденія обоихъ философовъ: они весьма пригодятся намъ для оцѣнки системы Тэна въ практическомъ примѣненіи, они даже невольно припомнятся намъ при самыхъ существенныхъ критическихъ и историческихъ взглядахъ нашего автора.

Кондильякъ очень подробно доказываетъ, какъ опасно составлять системы во всѣхъ наукахъ, кромѣ математики. Разсужденія его здѣсь до такой степени полны и точны, что впослѣдствіи даже Литтре пришлось повторить только ихъ сущность. Кондильякъ пишетъ пространную главу *о гипотезахъ*,—и сравните ее съ соотвѣтствующимъ разсужденіемъ Тэна о томъ же предметѣ. Для новѣйшаго философа процессъ повѣрки (vérification) не представляетъ никакихъ затрудненій, онъ даже не говоритъ, *какъ* слѣдуетъ производить эту повѣрку и при какихъ условіяхъ она можетъ быть признана удовлетворительной.

Кондильякъ называетъ два условія: во-первыхъ, слѣдуетъ «исчерпать всѣ предположенія, возможныя относительно даннаго вопроса»,

---

[1]) «La manie des systèmes» — Condillac. *Traité des systèmes*, chap. II «L'entêtement des principes», «les méthodistes»,—Diderot. *De l'interpretation de la nature*, chap. XLVIII.

во-вторыхъ, «имѣть средство, подтверждающее нашъ выводъ или опровергающее его». Это вполнѣ возможно въ ариѳметикѣ и гипотезы другихъ наукъ «безусловно необходимо» должны удовлетворять точности и полнотѣ ариѳметическихъ доказательствъ.

Когда же это возможно?

Отвѣтъ Кондильяка поражаетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ методѣ Тэна. «Наука, въ которой пользуются гипотезами (suppositions), не боясь ошибки, или по крайней мѣрѣ съ увѣренностью опредѣлить ее, должна служить образцомъ для всѣхъ другихъ, стремящихся употреблять тотъ же методъ. Слѣдовательно, должно желать, чтобы во всѣхъ наукахъ, какъ и въ ариѳметикѣ, было возможно исчерпать всѣ предположенія и составить правила, какъ открыть самое достовѣрное изъ нихъ. Но для обладанія этими правилами, слѣдуетъ, чтобы и другія науки давали намъ идеи, столь же чистыя и полныя, чтобы можно было путемъ анализа восходить къ первичнымъ элементамъ предметовъ, о которыхъ эти науки трактуютъ, и прослѣдить постепенное развитіе каждаго изъ предметовъ. Науки далеко не представляютъ всѣхъ этихъ выгодъ, но, по мѣрѣ ихъ развитія, можно будетъ и гораздо шире пользоваться гипотезами».

Дальше Кондильякъ объясняетъ, какъ затруднительны гипотезы даже въ астрономіи и физикѣ. Здѣсь каждое новое наблюденіе, каждый новый матерьялъ только доказываетъ, сколько еще не достаетъ данныхъ для «общей системы» (un système général). Кондильякъ не вѣритъ, чтобы когда-либо въ области даже физическихъ явленій были достигнуты удовлетворительныя объясненія причинной связи. Всегда останется «безчисленное множество вещей», не доступныхъ нашему наблюденію и изученію и, слѣдовательно, всякая система строится непремѣнно на неполномъ фактическомъ основаніи и недостающіе факты восполняются воображеніемъ философа. Ежеминутно, подобная система можетъ быть опровергнута новымъ фактомъ. Напримѣръ, въ химіи, изслѣдователь не можетъ ни объ одномъ элементѣ утверждать, что онъ—элементъ простой и однородный, слѣдовательно его анализъ не можетъ идти рядомъ съ ариѳметическимъ анализомъ простѣйшихъ величинъ.

Въ области физіологіи Кондильякъ будто предвосхищаетъ стремительное краснорѣчіе Тэна на счетъ пищеваренія, ножей, скальпелей, фистулъ, губокъ и трубочекъ и прочихъ «строго-научныхъ» словъ и орудій. Кондильякъ указываетъ, что большая часть нашихъ наблюденій надъ человѣческимъ организмомъ по необходимости производится въ то время, когда «смерть скрываетъ всю игру» живыхъ частей, и потомъ игра—результатъ необыкновенно тонкой и запутанной ткани нервовъ. Все это превращаетъ процессъ органической жизни человѣка, по мнѣнію автора, въ неразрѣшимую загадку.

Вспомнимъ, что Тэнъ знаетъ необыкновенную сложность про-

цесса: «число мозговыхъ клѣтокъ», говоритъ онъ, «до тысячи двухсотъ милліоновъ, а число соединяющихъ ихъ волоконъ до четырехъ милліардовъ», и правильное отправленіе этой машины,—мы видѣли, — Тэнъ считаетъ «въ высшей степени изумительнымъ», «чудомъ»... Какъ-же послѣ этого можно заключить въ математическую формулу не только самый процессъ, но и его результаты?

Философъ XVIII-го вѣка считаетъ это дѣломъ фантастическимъ, философъ XIX-го вѣка—признаетъ человѣка «духовнымъ автоматомъ», откроетъ у каждаго писателя или политическаго дѣятеля «всеобщую психологическую причину», такъ называемую *faculté maîtresse* и подчинитъ ей съ математической послѣдовательностью всѣ факты душевной и практической жизни какой угодно личности. Сравнивая человѣческую душу съ часами,—философъ, «довольно вѣрное» показаніе стрѣлки считаетъ исключительнымъ событіемъ [1]); это въ одномъ сочиненіи, а въ цѣломъ рядѣ другихъ весь механизмъ будетъ сведенъ къ одному колесу и уравновѣшенъ безусловно и неизмѣнно точнымъ маятникомъ.

Насколько-же старый философъ-«метафизикъ» превосходитъ послѣдовательностью и научностью положительнаго ученаго нашего времени!

Кондильякъ идетъ дальше. Онъ даетъ психологію систематиковъ и мѣтко оцѣниваетъ гибельное вліяніе системъ на развитіе науки.

«Мы рождаемся среди лабиринта» фактовъ, тысяча путей готовы привести насъ къ заблужденію, выходъ найти необычайно трудно,—и вотъ множество философовъ прибѣгаютъ къ обобщеніямъ и воображаютъ, что они вышли изъ рокового лабиринта. Ничего «смѣшнѣе» Кондильякъ и представить не можетъ. Онъ указываетъ нѣкоторыя любопытнѣйшіе для насъ пріемы систематиковъ. Философы выбираютъ, напримѣръ, два факта, на самомъ дѣлѣ не имѣющіе между собой никакого сходства, но по внѣшности связанные другъ съ другомъ механически. Этотъ пріемъ употребляется когда философъ хочетъ убѣдить насъ въ какой-либо практической истинѣ.

Для облегченія задачи систематикъ беретъ исходнымъ принципомъ какой-либо общій неоспоримый фактъ и подбираетъ разныя подробности, согласныя съ нимъ [2]).

У Кондильяка свои примѣры, но мы можемъ черпать ихъ въ изобиліи изъ книгъ Тэна. На первый разъ достаточно двухъ-трехъ изъ историческихъ изслѣдованій нашего автора.

Всякаго, читавшаго ихъ, несомнѣнно долженъ былъ заинтересовать крайне оригинальный способъ излагать историческія событія.

---

[1]) *Происх. общ. строя современ. Франціи. Старый порядокъ.* Русск. изд., стр. 318—9.

[2]) *Ib*, chap. II.

Возьмемъ первыхъ два тома о революціи. Одна глава начинается такъ:

«Какъ-бы ни было дурно правительство, есть нѣчто худшее,—уничтоженіе правительства. Потому что только благодаря правительству стремленія людей образуютъ концертъ, а не безпорядокъ. Оно является въ обществѣ тѣмъ-же самымъ, чѣмъ мозгъ въ живомъ организмѣ». И такъ далѣе,—идутъ доказательства безусловной пользы вообще правительства.

Другая глава открывается слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Если въ мірѣ существуетъ какое-либо трудное дѣло, это несомнѣнно—конституеія, въ особенности конституція полная. Замѣнить старыя основы, на которыхъ жила великая нація другими основами, цѣлесообразными и прочными, приспособить форму съ сотней тысячъ подраздѣленій къ жизни двадцати шести милліоновъ людей, устроить форму столь гармонично, подогнать ее такъ хорошо, такъ кстати, въ точномъ соотвѣтствіи съ нуждами и способностями этихъ милліоновъ, чтобы они сами вошли въ нее и стали-бы жить въ ней вполнѣ свободно, чтобы каждое ихъ произвольное дѣйствіе выполнялось съ легкостью старой привычки,—такое предпріятіе чудовищно и, конечно, выше человѣческаго ума».

Третья глава повѣствуетъ:

«Въ разложившемся обществѣ (dans cette société dissoute), гдѣ народныя страсти единственная дѣйствительная сила, государство принадлежитъ той партіи, которая сумѣетъ льстить имъ съ цѣлью пользоваться ими. Слѣдовательно, рядомъ съ законнымъ правительствомъ, которое не можетъ ни укротить эти страсти, ни удовлетворить, образуется правительство незаконное, которое узаконяетъ ихъ, возбуждаетъ и руководитъ ими».

Наконецъ, еще одинъ примѣръ:

«Самое худшее въ анархіи не столько отсутствіе правительства, сколько возникновеніе новыхъ правительствъ худшаго сорта. Во всякомъ государствѣ, которое разложилось, образуются шайки завоевателей и властителей» [1])...

Мы могли-бы долго продолжать въ томъ-же духѣ, но достаточно и указанныхъ примѣровъ. Все это—вступленія, стоящія во главѣ различныхъ эпохъ революціоннаго движенія.—по разсказу Тэна,—во главѣ идей и результатовъ революціи, характеристикъ ея дѣятелеи и законодательства. Вы видите одну общую черту: историкъ дѣлаетъ первый выходъ непремѣнно во всеоружіи какого нибудь труизма, даже не научной истины, а именно банальнаго, избитаго житейскаго положенія. Конечно, анархія хуже правительства, конституцію составить очень трудно: все это вполнѣ понятно самому нехитрому уму, но въ рукахъ систематика подобныя аксіомы—

---

[1]) *Les origines. La Révolution* tome I, livre I, chap. I; livre II, chap. I; eme II, livre I, chap. I, chap. IX.

самый дипломатическій и ловкій оборотъ: дальше на васъ дождемъ посыплются цитаты, факты, имена,—и всѣ они будутъ подтверждать неоспоримый эпиграфъ. Выходитъ,—весь разсказъ историка столь же достовѣренъ, какъ и его исходныя обобщенія,—и главное—столь-же простъ, точенъ и убѣдителенъ. По этому плану составлена вся исторія революціи у Тэна, и настоящая научная цѣнность плана, конечно, не укрылась отъ безпристрастныхъ критиковъ: мы это увидимъ ниже. Теперь намъ нужно отмѣтить только, съ какой проницательностью Кондильякъ изобразилъ излюбленный пріемъ систематиковъ.

Что касается до сопоставленія и механическаго объясненія разнородныхъ по существу явленій, мы встрѣтимъ изумительно-краснорѣчивые примѣры въ самыхъ важныхъ идеяхъ Тэна—на счетъ причинъ революціоннаго движенія во Франціи 1789 года, въ характеристикахъ виднѣйшихъ дѣятелей революціи, особенно якобинцевъ. Пока достаточно припомнить уже извѣстное намъ отождествленіе событій революціи съ припадками бѣлой горячки и о безсмертномъ въ своемъ родѣ сопоставленіи именъ Бриссо, Кондорсе и Марата. Всѣ трое—одного типа, *якобинцы* [1])... Грибоѣдовскій Фамусовъ, къ сожалѣнію, не дожилъ до счастья услышать близкія себѣ мысли изъ устъ ученаго историка. За то Кондильякъ признанъ истиннымъ достояніемъ комедіи путь, какимъ возникаютъ подобныя мысли, и описалъ, какъ систематики «затыкаютъ уши» предъ непріятными для нихъ фактами:

«Изъ глубины кабинета философъ пытается двигать міромъ, располагаетъ все по собственному усмотрѣнію, ничто не противится ему. Его воображеніе видитъ лишь, что ему нравится, и ничего больше». Въ результатѣ—системы не только не освѣщаютъ истинъ, а дѣлаются источниками новыхъ заблужденій.

Мы еще встрѣтимся съ Кондильякомъ по поводу политическихъ идеаловъ Тэна и здѣсь также увидимъ рѣдкую ясность и положительность мысли философа XVIII-го вѣка сравнительно съ мечтами и проектами новѣйшаго историка.

Другой предшественникъ Тэна въ вопросахъ метода—Дидро—преподалъ съ своей стороны не мало полезныхъ, хотя и безуспѣшныхъ уроковъ.

Онъ указалъ, какъ упорное пристрастіе къ системѣ отражается на изслѣдованіи. Факты, противорѣчащіе системѣ, принимаются съ крайне суровымъ недовѣріемъ, къ фактамъ, согласнымъ съ системой—ученый «снисходителенъ» и свободно подчасъ заставляетъ природу лгать, вмѣсто того, чтобы исправлять свои взгляды согласно съ указаніями опыта, онъ готовъ передѣлать все существующее сообразно съ личнымъ вкусомъ.

Дидро приводитъ крайне интересный примѣръ, съ перваго

---

[1]) *La Revolution.* II, 20—1.

слова напоминающій основное воззрѣніе Тэна на человѣка и его природу.

«Среди всѣхъ философовъ, ярость (передѣлывать дѣйствительность) съ особенной силой господствуетъ надъ методистами. Лишь только методистъ помѣстилъ въ своей системѣ человѣка во главѣ четвероногихъ, онъ видитъ въ немъ исключительно животное на четырехъ ногахъ,—и съ этой точки зрѣнія судитъ о всѣхъ способностяхъ и дѣйствіяхъ людей, измышляетъ выгодные для себя термины для какихъ угодно фактовъ, разумъ обзываетъ инстинктомъ, даръ рѣчи считаетъ не существеннымъ признакомъ» [1]).

Именно такъ будетъ поступать Тэнъ, взявши основной идеей исторіи революціи—сопоставленіе человѣка съ хищнымъ плотоядным животнымъ [2]). Все великое движеніе, крайне разностороннее, глубокое и богатое всевозможными результатами, будетъ сведено къ разгулу инстинктовъ и низшихъ страстей. Вообще, всю цѣну идей Кондильяка и Дидро мы поймемъ лишь при знакомствѣ съ практическими приложеніям Тэновскаго метода.

Въ заключеніе укажемъ на разсужденія Кондильяка, не имѣющія для насъ существеннаго значенія, но не лишенныя интереса рядомъ съ философіей Тэна. Кондильякъ подвергъ безпощадной критикѣ *Этику* Спинозы. Тонъ критики очень рѣзкій, потому что положительный философъ XVIII-го вѣка поражалъ въ лицѣ Спинозы «схоластику» и «метафизическій жаргонъ». Но сущность нѣкоторыхъ замѣчаній Кондильяка удержались навсегда въ критикѣ философіи Спинозы [3]). Слѣдовательно, Тэнъ могъ научиться у своего предшественника и болѣе научному и болѣе логическому отношенію къ творцу философскаго детерминизма, чѣмъ мимолетныя хвалебныя замѣчанія и безапелляціонныя ссылки. Тэнъ идею Спинозы о человѣкѣ, какъ одномъ изъ модусовъ субстанціи, т. е. лично-безвольномъ фатальномъ проявленіи міровой естественной силы, поставилъ текстомъ къ одному изъ раннихъ своихъ произведеній и остался вѣренъ этой идеѣ всю жизнь. У Кондильяка онъ могъ-бы прочесть тѣ самыя возраженія на идею Спинозы о познающемъ модусѣ и безсознательной субстанціи, какія—по существу—въ наше время повторилъ Куно Фишеръ. Но Тэну необхо-

---

[1]) Diderot. *O. C'* p. 195—6.

[2]) *L'ancien régime*, р. изд., стр. 320.

[3]) Condillac. *Traité des Systêmes* chap. X. Куно Фишеръ. *Исторія новой философіи*. Спб. 1862, I, 499—500. Сущность критики заключается въ очень простомъ указаніи. Спиноза началъ свою философію съ *понятія* о субстанціи, а сама субстанція, по его ученію, лишена познавательной способности, она—естественная сила, дѣйствующая по законамъ детерминизма. Откуда-же могло взяться *понятіе* субстанціи, внѣ которой ничего не существуетъ. Очевидно, изъ человѣческаго разума. Но человѣкъ—лишь одинъ изъ модусовъ: выходитъ конечный и ограниченный модусъ возвысился до абсолютнаго познанія міровой сущности, что противорѣчитъ и представленію Спинозы, и вообще природѣ человѣческаго ума.

димъ былъ авторитетъ для «точнаго метода» въ критикѣ, для пре вращенія человѣка въ «машину съ предопредѣленными движеніями», для выраженія «таланта» — «формулой» [1]),—и онъ не сообразилъ основного противорѣчія въ философіи своего учителя, хотя, помимо Кондильяка, могъ-бы узнать его и отъ нѣмецкаго профессора.

Этими краткими, но вполнѣ опредѣленными заявленіями со ссылкой на Спинозу, началась дѣятельность Тэна въ области литературной критики и практическое осуществленіе принциповъ его философскаго метода.

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) *Essai sur Tite Live.* Paris 1856. *Préface.*

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

знаменитой Молль Флендэрсъ,

которая родилась въ Ньюгетѣ и въ теченіи своей шестидесятилѣтней разнообразной жизни, не считая дѣтскаго возраста, была двѣнадцать лѣтъ проституткой, пять разъ замужемъ (причемъ одинъ разъ за своимъ братомъ), двѣнадцать лѣтъ воровкой, восемь лѣтъ, какъ преступница, въ ссылкѣ въ Виргиніи и, наконецъ, разбогатѣвъ, стала жить честно и умерла въ покаяніи; записано по ея мемуарамъ

Даніэлемъ Де-Фо.

Переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго.

НАПИСАНО ВЪ 1683 ГОДУ.

VII.

Мой новый поклонникъ.—Я опять выхожу замужъ и уѣзжаю въ Виргинію.

Возвращаюсь къ себѣ. Мое положеніе было не особенно пріятно. Условія, въ которыя я была поставлена, побуждали меня найти себѣ хорошаго мужа, во что бы то ни стало; но я скоро убѣдилась, что это было не такъ легко сдѣлать; всѣ узнали, что у вдовы нѣтъ состоянія, и узнавъ, начали говорить обо мнѣ все дурное, несмотря на то, что я была прекрасно воспитана, хорошо сложена, умна, пріятна въ обществѣ, словомъ была одарена всѣми хорошими качествами, но все это не имѣло никакого значенія безъ билоновъ. Говоря прямо, всюду ходила молва, что у вдовы нѣтъ денегъ.

Итакъ, я рѣшила, что мнѣ необходимо измѣнить свое положеніе и отправиться въ совершенно другое мѣсто, а при случаѣ перемѣнить даже свою настоящую фамилію.

Я передала эти соображенія своей подругѣ, женѣ капитана, которая была ко мнѣ очень привязана и которая, когда случались у нея деньги, дѣлала мнѣ такіе подарки, что они окупали вполнѣ мое содержаніе, такъ что до сихъ поръ я не тратила своихъ денегъ. Первое, что она предложила мнѣ сдѣлать, это назваться ея кузиной и отправиться, по ея указанію, къ ея родственникамъ въ деревню, куда она привезетъ своего мужа сдѣлать мнѣ визитъ; затѣмъ она устроитъ такъ, что тамъ

она и мужъ пригласятъ «свою милую кузину» переѣхать къ нимъ въ городъ; они жили въ другомъ городѣ, не тамъ, гдѣ я. Кромѣ того, она сказала мужу, что у меня есть состояніе въ 1,500 фунтовъ и что я расчитываю получить еще больше.

Я не принимала ни въ чемъ участія и только выжидала событій. Скоро между сосѣдями распространился слухъ, что у капитана живетъ молодая вдова, имѣющая 1,500 фунтовъ, а можетъ быть и больше, и что объ этомъ говорилъ самъ капитанъ; если кто-нибудь и спрашивалъ обо мнѣ капитана, то онъ по совѣсти могъ утверждать это, такъ какъ вполнѣ довѣрялъ словамъ своей жены. Благодаря слухамъ о моемъ состояніи, у меня скоро явилась толпа обожателей; такимъ образомъ, я начала тонкую игру, и мнѣ оставалось теперь выбрать между ними человѣка, отвѣчающаго моимъ намѣреніямъ, то есть человѣка, который былъ бы склоненъ вѣрить этимъ слухамъ, не спѣша заранѣе провѣрять ихъ въ подробности, такъ какъ моя жизнь не допускала точнаго изслѣдованія.

Мнѣ не трудно было найти такого человѣка, принимая во вниманіе характеръ его ухаживаній за мной; я позволила ему увѣрять, что онъ любитъ меня больше всего на свѣтѣ, и что если я соглашусь отдать ему свою руку, то онъ будетъ счастливъ, не требуя отъ меня больше ничего; но я понимала, что всѣ эти увѣренія основывались на предположеніи, что я богата, хотя я не обмолвилась объ этомъ ни однимъ словомъ.

Мнѣ слѣдовало глубже испытать его чувства, въ этомъ было мое спасеніе, потому что, если бы онъ отказался отъ меня, то я осталась бы обманутой, такъ же, какъ онъ, взявъ меня замужъ; и если я не сомнѣвалась въ его состояніи, то я должна была выяснить ему свое истинное положеніе дѣлъ; въ виду этого, я прежде всего притворилась, что не вѣрю искренности его чувствъ и сказала, что, быть можетъ, онъ ухаживаетъ только за моими деньгами, но онъ не далъ мнѣ кончить фразы и сталъ горячо увѣрять въ противномъ; однако я дѣлала видъ, что продолжаю сомнѣваться въ его увѣреніяхъ.

Однажды утромъ онъ снялъ съ своего пальца брильянтовый перстень и написалъ на оконномъ стеклѣ моей комнаты слѣдующія слова:

Васъ я люблю, васъ и одну только васъ.

Я попросила у него перстень и написала въ отвѣтъ:

Другимъ говорили вы это не разъ.

Онъ взялъ назадъ перстень и снова написалъ:

Приданное будетъ одна добродѣтель.

Я опять взяла у него перстень и написала внизу:

Но деньги въ любви все же лучшій свидѣтель.

Онъ покраснѣлъ, какъ огонь, видно было, что я задѣла его за живое, онъ далъ слово побѣдить меня и написалъ:

Долой ваши деньги, люблю только васъ.

Я рискнула, какъ вы увидите дальше, и смѣло написала слѣдующій стихъ:

Я бѣдна, еще повторяю вамъ разъ.

Это была для меня печальная истина; я не умѣю сказать, повѣрилъ ли онъ ей или нѣтъ; хотя мнѣ казалось, что онъ не вѣритъ. Какъ бы то ни было, но онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и началъ горячо и страстно цѣловать, держа въ своихъ объятіяхъ; затѣмъ онъ попросилъ перо и чернилъ, говоря, что у него не достаетъ терпѣнія усердно выписывать слова на стеклѣ, причемъ, доставъ изъ кармана листокъ бумаги, онъ написалъ:

Пусть вы бѣдны, но все-таки будьте моей.

Я взяла перо и сразу отвѣтила:

А втайнѣ онъ думалъ—не вѣрю я ей.

Онъ сказалъ, что я написала жестокія и несправедливыя слова, что я заставляю его изобличать меня во лжи, а это невѣжливо; и такъ какъ я невольно увлекла его въ поэтическія шалости, то онъ умоляетъ больше не прерывать его; затѣмъ, взявъ перо, онъ написалъ:

Въ любви лишь у насъ пусть идетъ состязаніе.

Я подписала внизу:

Любовь это лучшее сердца желаніе.

Онъ понялъ эту фразу, какъ выраженіе моихъ чувствъ и сложилъ оружіе, то есть бросилъ перо; я говорю, онъ понялъ мои слова, какъ выраженіе моей любви, и дѣйствительно я готова была любить его, и онъ видѣлъ, что я хотѣла продолжать съ нимъ игру въ любовь; онъ былъ человѣкъ съ такимъ прекраснымъ и веселымъ характеромъ, какихъ потомъ я не встрѣчала; мнѣ часто приходило въ голову, что я поступала вдвойнѣ преступно, обманывая человѣка, который, повидимому, такъ искренно любилъ меня, но печальная необходимость устроиться заставляла меня невольно дѣйствовать такимъ образомъ; дѣйствительно, его спокойная любовь ко мнѣ и мягкость его характера вполнѣ убѣждали меня, что онъ легче перенесетъ разочарованіе, когда узнаетъ истину, чѣмъ какой-нибудь горячій человѣкъ со всѣми пылкими страстями, составляющими иногда несчастье для женщины. Кромѣ того, хотя я часто шутила съ нимъ (какъ думалъ онъ) насчетъ моей бѣдности, однако же, узнавъ, что это правда, онъ лишилъ себя права упрекать меня, такъ какъ, шутя или серьезно, но онъ говорилъ мнѣ, что беретъ меня, нисколько не думая о при-

данномъ; съ своей стороны, такъ или иначе, но я показала ему, что я очень бѣдна; словомъ я заперла его со всѣхъ сторонъ, и если потомъ онъ могъ сказать, что его обманули, то во всякомъ случаѣ не могъ обвинить въ этомъ меня.

Однажды я взяла на себя смѣлость сказать ему, что я вѣрю въ искренность его любви, такъ какъ онъ хочетъ на мнѣ жениться, не заботясь о моемъ состояніи, что я отплачиваю ему тѣмъ же и не безпокоюсь о его средствахъ больше, чѣмъ слѣдуетъ; но я надѣюсь, что онъ позволитъ мнѣ предложить нѣсколько вопросовъ, на которые можетъ, по своему усмотрѣнію, отвѣтить или нѣтъ; прежде всего меня интересуетъ знать, какъ и гдѣ мы будемъ жить, потому что я слыхала, будто у него есть большая плантація въ Виргиніи, хотя меня нисколько не тревожитъ то, что если это такъ, то мнѣ придется отправиться въ ссылку.

Онъ охотно разсказалъ мнѣ всѣ свои дѣла и откровенно объяснилъ всѣ условія своей жизни. Изъ его разсказа я узнала, что онъ можетъ занять хорошее положеніе въ свѣтѣ, но что большая часть его состоянія заключается въ трехъ плантаціяхъ въ Виргиніи, которыя приносятъ ему 300 фунтовъ въ годъ, и если бы онъ эксплоатировалъ ихъ самъ, то могъ бы получать въ четыре раза больше. «Хорошо, сказала я себѣ, ты можешь хоть сейчасъ везти меня, куда угодно, но теперь еще рано говорить тебѣ объ этомъ».

Я острила на счетъ Виргиніи, но, убѣдившись, что онъ готовъ исполнить всѣ мои желанія, я перемѣнила тонъ; я сказала ему, что у меня есть сильныя причины не хотѣть жить тамъ, потому что, если его плантаціи дѣйствительно стоятъ столько, сколько онъ говоритъ, то у меня нѣтъ состоянія, которое могло бы соотвѣтствовать доходамъ джентльмена въ 1200 фунтовъ въ годъ.

Онъ отвѣчалъ, что онъ никогда не спрашивалъ меня о моемъ состояніи, что для него оно не имѣетъ никакого значенія, въ чемъ онъ заранѣе далъ мнѣ слово, которое и сдержитъ всегда, что во всякомъ случаѣ онъ никогда не попроситъ меня ѣхать съ нимъ въ Виргинію и не поѣдетъ самъ, если только я добровольно не рѣшусь на это.

Короче сказать, мы обвѣнчались и, что касается меня, я была очень довольна своимъ замужествомъ; мой мужъ былъ человѣкъ съ такимъ прекраснымъ характеромъ, какого только можно желать, хотя его положеніе и не было такъ блестяще, какъ я предполагала; съ своей стороны, и онъ, женясь на мнѣ, не могъ его такъ улучшить, какъ надѣялся.

Когда мы обвѣнчались, я была вынуждена отдать ему свое небольшое состояніе и показать, что у меня больше ничего

нѣтъ; мнѣ необходимо было это сдѣлать, и потому, выбравъ удобный случай, я прямо сказала ему:

— Другъ мой, вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы женаты, и я думаю пора вамъ узнать, имѣетъ ли ваша жена что нибудь, или нѣтъ?

— Эта пора настанетъ тогда, когда вамъ будетъ угодно, сердце мое, сказалъ онъ; мое желаніе удовлетворено, я имѣю жену, которую люблю, и кажется не часто тревожилъ васъ тѣмъ вопросомъ, который вы теперь поднимаете.

— Ваша правда, — отвѣчала я, — но я нахожусь въ большомъ затрудненіи и не знаю, какъ изъ него выйти.

— Въ какомъ затрудненіи? — спросилъ онъ.

— Слушайте, вотъ въ чемъ дѣло: какъ это ни тягостно для меня и для васъ, но я должна сказать, что до меня дошли слухи, будто капитанъ Х... (мужъ моей подруги) говорилъ вамъ, что я гораздо богаче, чѣмъ на самомъ дѣлѣ... увѣряю васъ, что если онъ и говорилъ это, то не по моей просьбѣ.

— Чѣмъ меньше у васъ денегъ, моя милая, тѣмъ хуже для насъ обоихъ, сказалъ онъ, но я надѣюсь, что вы не станете тревожиться мыслью, будто я могу измѣниться къ вамъ, потому что у васъ нѣтъ приданаго; нѣтъ, такъ и нѣтъ, только скажите мнѣ это откровенно: быть можетъ я поговорю съ капитаномъ, быть можетъ я скажу ему, что онъ обманулъ, но я никогда не стану обвинять васъ, такъ какъ изъ вашихъ разговоровъ я могъ вывести одно заключеніе, что вы женщина бѣдная.

— И такъ, мой другъ, сказала я, я счастлива тѣмъ, что не была причастна къ этому обману до нашей свадьбы; а если теперь я и обману васъ, то отъ этого не станетъ хуже; правда, я бѣдна, но не такъ ужъ бѣдна, чтобы не имѣть ничего.

Затѣмъ я вынула нѣсколько банковыхъ билетовъ и дала ему около 160 фунтовъ.

— Вотъ вамъ кое-что, мой другъ, но можетъ статься, это не все, что я имѣю.

Мои прежніе разговоры по этому поводу привели его къ мысли, что у меня ничего нѣтъ, поэтому та незначительная сама по себѣ сумма, которую я передала ему теперь, пріобрѣла двойную цѣнность въ его глазахъ. Онъ признался, что, судя по моимъ словамъ, онъ не разсчитывалъ на такія деньги и не сомнѣвался въ томъ, что все мое состояніе заключается въ нѣсколькихъ хорошихъ платьяхъ, золотыхъ часахъ и одномъ или двухъ брильянтовыхъ кольцахъ.

Я предоставила ему тѣшиться 160 фунтами впродолженіи трехъ дней, затѣмъ, выйдя однажды изъ дома какъ бы по дѣлу, я скоро возвратилась и принесла ему 100 фунтовъ золотомъ, говоря: «вотъ вамъ еще мое приданное». Вообще я

отдала ему въ концѣ этой недѣли 180 фунтовъ деньгами и на 60 фунтовъ полотна; причемъ объявила, что все это я вынуждена была взять за долгъ въ 600 фунтовъ, за которые при разверсткѣ я могла получить не болѣе шести шиллинговъ за фунтъ.

— Теперь мой другъ, я съ грустью должна признаться, что отдала вамъ все свое состояніе.

Я прибавила, что если бы меня не обманулъ тотъ, кто взялъ у меня 600 фунтовъ, то я могла бы принести ему въ приданное 1,000 фунтовъ; я говорила это искренно, дѣйствительно, я отдала бы ему все, что имѣла.

Онъ очень обрадовался полученнымъ деньгамъ и былъ очарованъ моимъ способомъ дѣйствій; такъ или иначе, но раньше его тревожила мысль, что у меня ровно ничего нѣтъ. Такимъ образомъ, благодаря этому обману, я безъ денегъ устроила свою судьбу, поймавъ мужа на такую приманку, которая слишкомъ опасна для всякой женщины; дѣйствуя такимъ образомъ, я подвергала себя страшной случайности быть открытой и потерять всякое уваженіе въ его глазахъ.

Отдавая справедливость моему мужу, я должна сказать, что это былъ человѣкъ безконечно добрый и не глупый. Видя, что его доходы не соотвѣтствуютъ тому образу жизни, который онъ намѣтилъ, если бы я принесла ожидаемое имъ приданное, я однажды утромъ сказала ему, что, по моему мнѣнію, его плантаціи приносятъ мало дохода, благодаря тому, что онъ не самъ ведетъ хозяйство, что я очень хорошо вижу его желаніе ѣхать туда и глубоко чувствую его разочарованіе своей женитьбой; поэтому я не могу ничего лучшаго придумать, какъ объявить свое искреннее желаніе ѣхать съ нимъ въ Виргинію.

Онъ наговорилъ мнѣ тысячу самыхъ милыхъ любезностей по поводу моего предложенія. Онъ сказалъ, что хотя онъ дѣйствительно разочаровался въ надеждахъ на мое состояніе, но не во мнѣ, какъ въ лучшей женѣ, какую только онъ желалъ, и что онъ не находитъ словъ выразить свою благодарность за мое великодушное предложеніе.

Короче сказать, мы рѣшили ѣхать. Онъ разсказалъ мнѣ, что у него тамъ есть хорошій домъ, прекрасно убранный, въ которомъ живутъ его мать и сестра, единственные его родственники, и что, по нашемъ пріѣздѣ, онѣ переберутся въ другой домъ, находящійся въ пожизненномъ владѣніи его матери; послѣ ея смерти онъ перейдетъ къ нему, такъ что впослѣдствіи я буду тамъ полной хозяйкой.

Мы сѣли на корабль, взявъ съ собою много хорошей мебели для нашего дома, бѣлья и другихъ хозяйственныхъ вещей, а также разнаго товара для продажи, и отправились.

Здѣсь не мѣсто давать полный отчетъ о нашемъ путеше-

ствіи, которое было продолжительно и исполнено большихъ опасностей; ни я, ни мой мужъ не вели морского журнала и потому я могу сказать только, что послѣ страшнаго переѣзда, сопровождавшагося двумя ужасными бурями и еще болѣе ужаснымъ нападеніемъ пирата, который отнялъ у насъ почти всѣ товары и едва не взялъ въ рабство моего мужа, возвративъ его только, благодаря моимъ мольбамъ, — послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій, говорю я, мы прибыли въ рѣку Іоркъ, въ Виргиніи, и отправились на его плантаціи, гдѣ насъ съ любовью встрѣтили его мать и сестра.

Мы поселились всѣ вмѣстѣ: по моей просьбѣ, моя свекровь осталась въ томъ же домѣ; она была слишкомъ хорошей матерью и не могла быть намъ въ тягость; мужъ мой нисколько не измѣнился, и я чувствовала себя счастливѣйшей женщиной въ свѣтѣ, когда одно странное и непредвидѣнное обстоятельство мигомъ разрушило мое счастье и сдѣлало мое положеніе самымъ невозможнымъ.

VIII.

Исторія моей свекрови.—Я узнаю въ ней свою мать, а въ мужѣ своего брата.—Мое отчаяніе по этому поводу.

Моя свекровь была необыкновенно веселая и добрая старуха; я говорю старуха, потому что ея сыну было больше тридцати лѣтъ; эта пріятная и общительная женщина часто меня занимала интересными разсказами о странѣ, гдѣ мы жили и объ ея обитателяхъ.

Между прочимъ, она разсказывала мнѣ, что большая часть живущихъ въ этой колоніи поселенцевъ были англичане, прибывшіе сюда при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, и что здѣсь все населеніе дѣлится вообще на два класса: одинъ состоитъ изъ людей, которыхъ привезли корабли для продажи въ услуженіе, другой составляютъ каторжно-ссыльные, обвиненные судомъ въ преступленіяхъ, за которыя полагается смертная казнь.

— Когда прибываютъ тѣ и другіе,—продолжала она,—мы не дѣлаемъ между ними различія: ихъ покупаютъ плантаторы и они всѣ мѣстѣ работаютъ на поляхъ до окончанія срока; послѣ этого имъ даютъ возможность поселиться самимъ и заняться обработкой и расчисткой земли, на которой они разводятъ табакъ и зерновые хлѣба для собственнаго пользованія; купцы довѣряютъ имъ въ кредитъ орудія, за которыя они уплачиваютъ послѣ жатвы. Вотъ какимъ образомъ, дитя мое, многіе изъ Ньюгетскихъ висѣльниковъ сдѣлались здѣсь значи-

тельными людьми; изъ нихъ у насъ есть мировые судьи, чиновники и члены магистрата, хотя они носятъ на рукахъ выжженое желѣзомъ каторжное клеймо.

Разсказывая такимъ образомъ, она добродушно и съ полнымъ ко мнѣ довѣріемъ говорила о себѣ, о своей жизни, объяснивъ, что она сама принадлежала къ послѣднему классу и давно, давно прибыла сюда, какъ осужденная за преступленіе.

— А вотъ и клеймо, дитя мое,—сказала она, показывая мнѣ красивую бѣлую руку, на ладони которой остались знаки, выжженные раскаленнымъ желѣзомъ, какъ это обыкновенно бываетъ у всѣхъ каторжниковъ.

Этотъ разсказъ сильно взволновалъ меня, но моя мать, улыбаясь, сказала:

— Не надо этому удивляться, точно какой-то необыкновенной вещи; у насъ люди съ большимъ положеніемъ носятъ подобныя клейма и не стыдятся ихъ показывать; вотъ, напримѣръ, маіоръ Х... былъ когда-то знаменитымъ карманщикомъ, судья Ва...ъ, былъ тоже извѣстенъ, какъ ловкій воръ, обкрадывавшій лавки, у обоихъ на рукахъ клейма, и я могла бы назвать тебѣ многихъ другихъ порядочныхъ людей съ такими же клеймами.

Мы часто вели подобнаго рода разговоры, и она всегда подтверждала многочисленными примѣрами свои разсказы. Спустя нѣкоторое время, однажды, когда она разсказывала приключенія одной особы, высланной сюда назадъ тому нѣсколько недѣль, на меня нашло какое-то задушевное настроеніе, и я просила ее разсказать мнѣ свою исторію, что она и сдѣлала, передавъ просто и откровенно слѣдующее. Еще молодой дѣвушкой она попала въ очень дурную компанію въ Лондонѣ, благодаря тому, что ея мать часто посылала ее относить кушанье одной своей родственницѣ, бывшей въ заключеніи въ Ньюгетской тюрьмѣ; несчастная голодала тамъ, потомъ она была приговорена къ смертной казни, но, благодаря беременности, эта казнь была отсрочена и она погибла въ тюрьмѣ.

Здѣсь моя свекровь перечислила длинный рядъ тѣхъ ужасовъ, которые совершаются обыкновенно въ этомъ страшномъ мѣстѣ.

— Да, дитя мое,—говорила моя свекровь,—быть можетъ, тебѣ мало извѣстно все это, а можетъ быть ты даже и не слыхала ничего подобнаго; но будь увѣрена, мы всѣ здѣсь знаемъ, что одна Ньюгетская тюрьма порождаетъ столько воровъ и несчастныхъ, сколько не въ состояніи породить самыя преступныя ассоціаціи и клубы въ Англіи; это проклятое мѣсто на половину снабжаетъ поселенцами нашу колонію.

Затѣмъ она продолжала разсказывать свою исторію такъ пространно и съ такими подробностями, что я начинала при-

ходить въ смущеніе; но когда она дошла до одной частности, заставившей ее сказать свое имя, я чуть было не упала въ обморокъ; замѣтивъ мое разстройство, она спросила, хорошо ли я себя чувствую и что меня такъ встревожило. Я объяснила ей, что ея грустная исторія на меня сильно подѣйствовала, и я прошу ее не продолжать больше.

— Но, милая моя,—очень нѣжно сказала она,—ты напрасно тревожишься, все это случилось такъ давно, что не причиняетъ мнѣ ни малѣйшаго безпокойства; теперь я вспоминаю свою исторію даже съ чувствомъ нѣкотораго довольства, потому что она привела меня сюда.

Потомъ она продолжала разсказывать, какъ здѣсь она попала въ одну хорошую семью, какъ, благодаря своему прекрасному поведенію, послѣ смерти хозяйки, ея хозяинъ женился на ней; отъ него у нея были сынъ, мой мужъ, и дочь; какъ, благодаря ея стараніямъ и хорошему управленію, послѣ смерти мужа, она улучшила свои плантаціи и привела ихъ въ такое состояніе, въ какомъ онѣ не были никогда при мужѣ, такъ какъ большую часть земли она культивировала уже будучи вдовой, которою осталась шестнадцать лѣтъ тому назадъ.

Я не особенно внимательно слушала эту часть ея исторіи, такъ какъ мнѣ необходимо было остаться одной, чтобы свободно предаться раздиравшимъ мою душу тревогамъ; пусть судятъ, въ какомъ ужасномъ положеніи находился мой мозгъ при мысли, что эта женщина была не менѣе, какъ моя родная мать, и что я имѣла двухъ дѣтей и была беременна третьимъ отъ своего собственнаго брата.

Теперь я была самая несчастная женщина на свѣтѣ. Ахъ! все шло хорошо, пока я не знала этой исторіи, я могла спокойно жить съ моимъ мужемъ. Ахъ! еслибы я никогда не узнала ее!

У меня лежала теперь такая тяжесть на сердцѣ, что я была постоянно на-сторожѣ; я не видѣла пользы открывать мою тайну, но и скрывать ее было почти невозможно; да, я не была увѣрена, что во снѣ не выдамъ своей тайны мужу и если я открою ее, то меньшее, чего я могла ожидать, это потерять мужа, такъ какъ онъ былъ слишкомъ чистъ и честенъ, чтобы продолжать быть имъ, зная, что я его сестра; такимъ образомъ я находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Предоставляю судить всѣмъ, каково было это положеніе: я была далеко отъ моей родины, у меня не было возможности возвратиться туда; здѣсь я жила очень хорошо, но въ невыносимыхъ условіяхъ; еслибы я открылась матери, мнѣ было бы трудно убѣдить ее въ подробностяхъ и я не имѣла средствъ съ точности доказать свое предположеніе; съ другой стороны,

если бы она стала меня допрашивать, или если бы у нея явилось сомнѣніе въ истинѣ моихъ словъ, то я погибла бы, такъ какъ малѣйшее ея внушеніе моему мужу немедленно отдали бы его отъ меня и я потеряла бы его и мать, приведя въ недоумѣніе обоихъ.

Тѣмъ не менѣе, истина для меня была очевидна, и для меня было ясно, что подъ видомъ честной женщины я живу въ кровосмѣшеніи и распутствѣ, и если бы даже я относилась не особенно чувствительно къ этому преступленію, то все же въ немъ было что то такое оскорбляющее природу, что отталкивало меня отъ мужа. Несмотря на это, послѣ долгаго и серьезнаго размышленія, я признала необходимымъ скрыть мою тайну отъ мужа и матери, не сдѣлавъ ни малѣйшаго намека; такимъ образомъ я прожила подъ страшнымъ душевнымъ гнетомъ еще три года.

Втеченіи этого времени моей матери доставляло большое удовольствіе разсказывать мнѣ исторіи о своихъ прошлыхъ приключеніяхъ, которыя мнѣ не особенно нравились, потому что, хотя она передавала факты не ясно, но сопоставляя ихъ съ тѣмъ, что я знала прежде, мнѣ не трудно было придти къ заключенію, что въ молодости она была проституткой и воровкой; но, по прибытіи сюда, она искренно раскаялась въ этихъ преступленіяхъ и стала женщиной набожной, честной и строгой.

Итакъ я оставляю ея жизнь, какова бы она ни была, и обращаюсь къ своей, которая была для меня вполнѣ невыносима: какъ я уже сказала, я чувствовала себя самой распутной женщиной въ свѣтѣ; такимъ образомъ я не могла разсчитывать ни на что хорошее; въ самомъ дѣлѣ, несмотря на мое внѣшнее благополучіе, у меня былъ въ виду одинъ только исходъ: нищета и разореніе.

Дѣйствительно, прошло не много времени, какъ дѣла наши измѣнились къ худшему, и что всего было хуже, мужъ мой сталъ капризенъ, ревнивъ и непріятенъ, а я на столько же стала нетерпѣлива съ нимъ, на сколько онъ былъ несправедливъ и неразсудителенъ въ своемъ обращеніи со мной. Наши отношенія такъ обострились и мы зашли такъ далеко, что я наконецъ потребовала отъ него исполненія его обѣщанія, которое онъ далъ мнѣ въ то время, когда я согласилась оставить для него Англію, и которое заключалось въ томъ, что если мнѣ не понравится жизнь здѣсь, то я возвращусь на родину, объявивъ ему объ этомъ за годъ впередъ, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ устроить свои дѣла.

Я говорю, что я потребовала отъ него исполненія этого обѣщанія и, надо признаться, потребовала не въ особенно любезной формѣ, какъ легко себѣ это представить; я объяснила

ему, что онъ очень дурно обходится со мной, а у меня нѣтъ здѣсь друзей, которые могли бы справедливо разсудить насъ, что онъ ревнуетъ меня безъ всякаго повода и что нашъ отъѣздъ въ Англію измѣнитъ эти отношенія.

Я такъ рѣшительно настаивала на своемъ требованіи, что ему оставалось или сдержать свое слово или отказаться отъ него; и не смотря на то, что онъ пустилъ въ дѣло всю свою хитрость, призвавъ на помощь мать и другихъ наперсниковъ съ цѣлью убѣдить меня измѣнить свое рѣшеніе, но всѣ ихъ попытки были напрасны, такъ какъ сущность рѣшенія лежала въ моемъ сердцѣ, а послѣднее стало совершенно чуждымъ моему мужу. Я находила тысячи предлоговъ избѣгать его ласкъ, боясь болѣе всего беременности, которая навѣрное могла помѣшать моему отъѣзду или по крайней мѣрѣ замедлить его.

Наконецъ моя настойчивость вывела его изъ себя и онъ принялъ быстрое и роковое рѣшеніе: онъ объявилъ, что вообще мы не можемъ ѣхать въ Англію, что хотя онъ и далъ мнѣ обѣщаніе, но что при настоящихъ условіяхъ было бы безразсудно исполнить его, это значило разстроить всѣ наши дѣла, разорить семью и довести ее почти до гибели; такимъ образомъ я не должна больше требовать отъ него исполненія этого обѣщанія, такъ какъ ни одна женщина въ мірѣ, принимающая сколько нибудь близко къ сердцу интересы своей семьи и мужа, не станетъ этого требовать.

Говорятъ, что если женщина вобьетъ себѣ что нибудь въ голову, то ее трудно заставить измѣнить свое рѣшеніе; дѣйствительно я не переставала изыскивать средства сдѣлать возможнымъ мой отъѣздъ и, наконецъ, предложила мужу отпустить меня одну. Это предложеніе возмутило его до послѣдней степени; онъ объявилъ мнѣ, что въ его глазахъ я не только жестокая женщина, но и самая извращенная и безчувственная мать, что онъ не понимаетъ, какъ я могу безъ ужаса допустить мысль бросить дѣтей и никогда не увидѣть ихъ больше. Все это было бы вѣрно, если бы теперь я не сгорала единственнымъ желаніемъ не видѣть больше никогда ни мужа, ни дѣтей; что касается упрека въ моей извращенности, то мнѣ было бы не трудно снять съ себя этотъ упрекъ, мнѣ, которая слишкомъ глубоко чувствовала свой позоръ и сознавала, что едва ли на свѣтѣ существовала болѣе извращенная любовная связь, чѣмъ моя съ нимъ.

Такъ или иначе, но не было никакой возможности привести къ соглашенію моего мужа. Онъ очень дурно относился къ моему поведенію и дѣйствительно имѣлъ на это основанія. Я наотрѣзъ отказалась жить съ нимъ и пользовалась всякимъ случаемъ увеличить, такъ сказать, брешь въ нашихъ отношеніяхъ, такъ что однажды онъ объявилъ мнѣ, что ему остается

одно: признать меня съумашедшей и посадить въ домъ умалишенныхъ. Это привело меня къ рѣшенію во что бы ни стало раскрыть мою тайну, но какъ это сдѣлать и кому первому передать ее, оставалось для меня неразрѣшимымъ вопросомъ до тѣхъ поръ, пока между мной и мужемъ не случилось новой ссоры. Началось съ того, что онъ заговорилъ со мной о невозможности моего отъѣзда въ Англію. Я защищала свое рѣшеніе и, какъ всегда бываетъ въ семейныхъ ссорахъ, когда одно жесткое слово ведетъ за собой другое, мы разгорячились; онъ сказалъ мнѣ, что я веду себя съ нимъ не какъ съ мужемъ, и говорю о дѣтяхъ не какъ мать, и потому онъ не можетъ относиться ко мнѣ какъ къ женѣ; онъ испробовалъ все, онъ былъ со мной нѣженъ и добръ, онъ велъ себя какъ достойный мужъ и христіанинъ; онъ думалъ измѣнить мой характеръ, но я обращаюсь съ нимъ какъ съ собакой, какъ съ самымъ презрѣннымъ и совершенно постороннимъ человѣкомъ, и хотя всякое насиліе возбуждаетъ въ немъ глубокое отвращеніе, тѣмъ не менѣе онъ поставленъ въ необходимость прибѣгнуть теперь къ такимъ мѣрамъ, которыя заставятъ меня вернуться къ своимъ обязанностямъ.

Эти слова взбунтовали во мнѣ кровь; я никогда не приходила въ такое раздраженіе и сказала ему, что какія бы мѣры онъ ни принялъ, будетъ ли это насиліе или любовь, я презираю все, я рѣшила во что бы то ни стало уѣхать въ Англію; что же касается моихъ отношеній къ нему и дѣтямъ, то въ основѣ ихъ лежитъ быть можетъ обстоятельство, котораго онъ еще не знаетъ; однако же, пользуясь случаемъ, я замѣчу только одно: что онъ не имѣетъ права быть моимъ законнымъ мужемъ, также какъ наши дѣти не могутъ считаться законными дѣтьми, вотъ почему я не въ силахъ заботиться о нихъ больше, чѣмъ я забочусь.

Надо признаться, взглянувъ на него, я пожалѣла о томъ, что сказала; онъ совершенно измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ, какъ смерть, и не могъ выговорить слова, какъ будто пораженный молніей. Я думала, что онъ упадетъ въ обморокъ. Съ нимъ сдѣлался приливъ, онъ дрожалъ, капли пота катились по его лицу, а между тѣмъ лицо было холодно какъ ледъ, словомъ онъ пришелъ въ такое состояніе, что необходима была серьезная помощь; когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя, у него началась тошнота, мы уложили его въ постель, на другой день утромъ у него появилась жестокая лихорадка.

Онъ медленно поправлялся, и, когда ему стало лучше, то разъ онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что послѣднія мои слова нанесли ему смертельную рану и что онъ хочетъ предложить мнѣ только одинъ вопросъ. Я прервала его, говоря, что меня глубоко огорчаетъ моя горячность, которая заставила

меня зайти такъ далеко; я вижу какъ ужасно подѣйствовали на него мои слова, но теперь умоляю его не требовать ихъ объясненія. Я увѣрена, что это объясненіе только ухудшитъ его положеніе.

Но теперь дѣла зашли такъ далеко, что дальше нельзя было скрывать тайну, и мой мужъ самъ доставилъ мнѣ случай снять съ себя это страшное бремя; три или четыре недѣли онъ неотступно просилъ меня сказать ему только одно, хотѣла ли я своими словами разсердить его, или они дѣйствительно имѣютъ какое нибудь основаніе. Я была непреклонна и отказывалась отъ всякихъ объясненій, до тѣхъ поръ пока онъ не согласится отпустить меня въ Англію; на это онъ отвѣтилъ, что, пока онъ живъ, онъ не согласится отпустить меня. Тогда я сказала, что если такъ, то я должна объявить ему, что отъ меня вполнѣ зависитъ не только получить, когда захочу, его согласіе, но даже устроить такъ, что онъ самъ станетъ умолять меня уѣхать; послѣднія слова въ конецъ разожгли его любопытство.

Послѣ этого онъ разсказалъ всю исторію матери и заставилъ ее вывѣдать у меня истину, причемъ, надо отдать ей справедливость, она пустила въ ходъ всю свою изобрѣтательность, чтобы достигнуть цѣли; но я сразу остановила ее, говоря, что вся тайна заключается въ ней самой и что мое уваженіе къ ней заставляетъ меня скрывать эту тайну, вообще же я объявила, что больше ничего не могу сказать и умоляю ее не настаивать.

Эти слова привели ее въ крайнее изумленіе, она не знала что говорить и думать; затѣмъ, не обращая вниманія на зародившееся въ ней подозрѣніе и дѣлая видъ, что принимаетъ мои слова за извѣстную тактику, она снова начала говорить со мной по поводу своего сына, изыскивая средства помирить меня съ нимъ. Наконецъ я сдѣлала видъ, что уступаю ей и сказала: «хорошо; извольте, я открою вамъ тайну великой важности, если только вы дадите мнѣ торжественное обѣщаніе, что безъ моего согласія вы никогда не разскажете ее своему сыну».

Невозможно описать ея изумленіе при моихъ словахъ; она, если бы могла, охотно не повѣрила этой исторіи, понимая, какой переворотъ угрожаетъ семьѣ; но всѣ подробности такъ согласовались съ тѣми событіями, которыя она передавала мнѣ сама и которыя теперь она охотно готова была отрицать, что ей не оставалось ничего другого дѣлать, какъ молча броситься ко мнѣ на шею и начать нѣжно цѣловать меня. Долго она не могла выговорить слова, наконецъ бѣдная старуха жалобно закричала:

— Несчастное дитя мое! Какой рокъ принесъ тебя сюда и

бросилъ въ объятія моего сына! Ужасная дочь! мы погибли! ты жена своего родного брата и имѣла отъ него трехъ дѣтей, дѣтей отъ одной плоти и крови! мой сынъ и моя дочь жили какъ мужъ и жена! Какое безуміе! Какая несчастная семья! Что намъ дѣлать? Что говорить? Ахъ, Боже мой, что намъ дѣлать?

Немного успокоясь, мы стали говорить о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать, прежде чѣмъ сообщить эту тайну моему мужу. Но къ чему могли привести всѣ наши совѣщанія? Мы были не въ силахъ найти выходъ изъ нашего мучительнаго положенія, мы не знали какъ передать всю трагедію моему мужу, мы не знали какъ она подѣйствуетъ на него, что онъ предприметъ: узнавъ эту роковую тайну, онъ могъ, не владѣя собой, объявить ее всѣмъ, что неизбѣжно погубило бы нашу семью; или онъ могъ, пользуясь защитой закона, который въ этомъ случаѣ былъ на его сторонѣ, и презирая меня, потребовать развода; тогда все мое ничтожное приданное было бы поглощено процессомъ и я стала бы нищей, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я увидѣла бы его въ объятіяхъ другой женщины, въ то время какъ сама должна была довольствоваться жалкимъ существованіемъ. Всѣ эти соображенія близко принимались къ сердцу моей матерью, но мы не знали, что дѣлать. Спустя нѣкоторое время, мы рѣшились прибѣгнуть къ самымъ осторожнымъ мѣрамъ, но къ несчастью наши рѣшенія были совершенно различны; по мнѣнію моей матери, мнѣ слѣдовало глубоко похоронить мою тайну и продолжать жить со своимъ мужемъ, до тѣхъ поръ, пока какой нибудь удобный случай дастъ возможность спокойно разсказать ему все; въ то же время она употребитъ всѣ свои силы примирить мужа со мной и возстановить согласіе нашего домашняго очага; такимъ образомъ, эта тайна останется и умретъ вмѣстѣ съ нами. Но если она выступитъ на свѣтъ Божій, дитя мое, сказала мать въ заключеніе, тогда мы обѣ погибли.

Желая побудить меня согласиться на это, она обѣщала устроить меня, она обѣщала оставить мнѣ послѣ своей смерти, независимо отъ состоянія мужа, все, что только будетъ возможно; такимъ образомъ, если когда-нибудь и откроется наша тайна, то я буду матеріально обезпечена.

Хотя ея предложеніе указывало мнѣ ясно на нѣжность и доброту моей матери, но оно совершенно не согласовалось ни съ моими мыслями, ни съ моими чувствами, и потому я сказала, что, послѣ долгаго и спокойнаго размышленія, я пришла къ слѣдующему рѣшенію, которое, надѣюсь, не покажется ей крайностью и успокоитъ ее: я просила ее употребить все свое вліяніе на сына, съ цѣлью убѣдить его отпустить меня въ Англію, снабдивъ достаточной суммой денегъ, въ товарахъ

или въ банковыхъ билетахъ; затѣмъ, когда я уѣду, она можетъ уговорить его, спустя нѣкоторое время, вызвать снова меня къ себѣ.

Мы долго не сходились съ матерью въ нашихъ мнѣніяхъ по этому поводу, мы не могли примирить ихъ; мы много спорили, но эти споры не приводили ни къ какимъ соглашеніямъ.

Я не могла побѣдить свое отвращеніе къ сожительству съ братомъ, она настаивала на невозможности уговорить его согласиться на мой отъѣздъ въ Англію; мы продолжали жить въ такомъ нерѣшительномъ положеніи; хотя наши споры не доводили насъ до крайностей, но мы были не въ силахъ придти къ такому рѣшенію, которое могло бы уничтожить эту ужасную пропасть.

IX.

Я открываюсь своему мужу. — Я уѣзжаю въ Англію. — Мое пребываніе въ Батѣ.—Новая встрѣча.

Наконецъ, я рѣшилась на самый отчаянный выходъ изъ этого страшнаго положенія и объявила матери, что сама разскажу все мужу. При одной мысли объ этомъ моя мать пришла въ ужасъ; но я просила ее успокоиться и сказала, что сдѣлаю это исподоволь, спокойно, тихо и такъ ловко, какъ только могу; я выберу самую благопріятную минуту и не сомнѣваюсь, что если съумѣю притвориться любящей его больше, чѣмъ я могу теперь его любить, то я успѣю въ своемъ намѣреніи и мы мирно разстанемся, потому что я все-таки люблю своего мужа, какъ брата.

Въ продолженіи всего этого времени онъ осаждалъ свою мать, онъ настаивалъ объяснить ему, если возможно, что означаетъ моя страшная фраза, какъ онъ назвалъ ее, будто онъ не законный мой мужъ и мои дѣти—не законныя его дѣти. Мать совѣтовала ему терпѣливо выжидать событій, говоря, что она еще ничего не могла узнать отъ меня. Она видитъ только, что я сильно взволнована, что меня мучитъ какая то тайна, которую, тѣмъ не менѣе, она надѣется скоро узнать; до тѣхъ же поръ она проситъ его обходиться со мной какъ можно лучше и постараться пріобрѣсти мое расположеніе, такъ какъ я страшно напугана его угрозой запереть меня въ домъ умалишенныхъ; въ заключеніе она сказала: никогда не слѣдуетъ доводить женщину до отчаянія, какіе бы ни были для этого поводы.

Я скоро почувствовала вліяніе этихъ переговоровъ: поведеніе моего мужа вдругъ измѣнилось, онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ; нельзя было быть любезнѣе и предупре-

дительнѣе его; я какъ могла отвѣчала ему тѣмъ же, но дѣлала это, принуждая себя. Однажды вечеромъ, мы, бесѣдуя, сидѣли вдвоемъ въ небольшой бесѣдкѣ, у входа въ садъ; онъ былъ въ веселомъ и пріятномъ настроеніи духа и говорилъ мнѣ много нѣжностей, наша дружба и надежда, что наши прежнія ссоры и непріятности не повторятся болѣе, приводили его въ восторгъ.

Я глубоко вздохнула и сказала, что нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы болѣе рада нашему доброму согласію и болѣе бы огорчалась, если бы оно было нарушено, но я съ глубокой горечью въ сердцѣ должна сказать ему, что въ нашихъ отношеніяхъ существуетъ одно такое обстоятельство, которое я не знаю какъ объяснить ему и которое дѣлаетъ меня самой несчастной женщиной въ мірѣ.

Онъ просилъ объясниться яснѣе, но я отвѣчала, что не знаю, какъ приступить къ этому объясненію; я убѣждена въ томъ, что пока тайна принадлежитъ мнѣ одной, я одна и буду несчастна; и потому лучше всего не открывать ему этой тайны, что и было единственной причиной моего молчанія, такъ какъ я знаю, что рано или поздно, но моя роковая тайна приведетъ меня къ гибели во всякомъ случаѣ.

Тогда онъ сталъ увѣрять меня, что съ этой минуты онъ оставитъ меня въ покоѣ, онъ будетъ вѣрить мнѣ во всемъ и проситъ только объ одномъ: убѣдить его, что, какова ни была моя тайна, наша взаимная любовь не измѣнится никогда и останется вѣчной.

Это для меня было самое худшее, что онъ могъ сказать, и потому я прямо сказала ему, что я не могу быть счастлива даже въ томъ случаѣ, если онъ перестанетъ настаивать на томъ, чтобы я открыла ему эту тайну, хотя съ другой стороны я не знаю, какъ мнѣ разсказать ее.

— Но, посмотримъ, мой другъ,—продолжала я,—согласитесь ли вы на тѣ условія, которыя я предложу вамъ прежде, чѣмъ открыть эту тайну?

— Я соглашусь на всѣ условія въ мірѣ,—отвѣчалъ онъ,—какихъ только можетъ потребовать ваше благоразуміе.

— Хорошо,—сказала я,—въ такомъ случаѣ дадите ли вы мнѣ письменное обѣщаніе, что если вы убѣдитесь въ томъ, что я не умышленно создала нѣкоторыя несчастныя для насъ обстоятельства, то вы не станете меня осуждать, оскорблять, не станете дурно относиться ко мнѣ и не сдѣлаете меня жертвой того, что случилось не по моей волѣ.

— Это самое благоразумное требованіе,—сказалъ онъ,—я не могу осуждать васъ за чужую ошибку, дайте мнѣ перо и чернила.—Я принесла бумагу, перо и чернила. Онъ написалъ свое обязательство въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ я передала его, и подписался.

— Теперь, другъ мой,—сказала я,—я не потребую отъ васъ больше никакихъ письменныхъ обязательствъ; но такъ какъ вы услышите самую неожиданную, самую поразительную семейную тайну, то я умоляю васъ, обѣщайте мнѣ, что вы примете ее спокойно, съ полнымъ присутствіемъ духа, свойственнымъ каждому благоразумному мужчинѣ.

— Я даю вамъ слово,—сказалъ онъ,—но ради Бога, перестаньте наконецъ пугать меня всѣми этими приготовленіями.

— Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло: я уже вамъ говорила когда то въ раздраженіи, что передъ закономъ я не могу считаться вашей женой, а наши дѣти законными дѣтьми, теперь я должна спокойно и съ любовью, но съ страшной тоской въ сердцѣ объявить вамъ, что я ваша родная сестра, вы мой братъ, мы дѣти одной матери, которая живетъ съ нами въ одномъ домѣ и которая до того глубоко убѣждена въ истинѣ моихъ словъ, что не можетъ отрицать ихъ.

Я видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ и какъ страшно измѣнилось выраженіе его глазъ, и потому прибавила:

— Вспомните о вашемъ обѣщаніи и сохраните присутствіе духа; мнѣ кажется, я достаточно приготовила васъ для этого.

Однако, я позвала слугу и приказала подать рюмку рому, такъ какъ я видѣла, что мужъ теряетъ сознаніе.

Когда онъ пришелъ немного въ себя, я сказала:

— Эта исторія, какъ легко себѣ представить, требуетъ долгаго объясненія; поэтому запаситесь терпѣніемъ, соберитесь съ мыслями, чтобы выслушать ее до конца, я же постараюсь быть краткой, на сколько это возможно.

Затѣмъ я разсказала ему все, что считала необходимымъ для выясненія самого факта, сообщивъ, какимъ образомъ его мать навела меня на это открытіе.

— Теперь вы видите, мой другъ, что я имѣла основаніе требовать отъ васъ нѣкоторыхъ условій, прежде чѣмъ открыть эту тайну, и что я не была и не могла быть причиной нашего несчастія, такъ какъ до сихъ поръ сама ничего не знала объ этомъ.

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ,—сказалъ онъ,—во всякомъ случаѣ это страшная для меня неожиданность, но у меня есть средство положить конецъ всѣмъ нашимъ несчастіямъ, не заставляя васъ уѣхать въ Англію.

— Это было бы такъ же странно, какъ и все остальное,—сказала я.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вижу, что я одинъ стою всѣмъ на дорогѣ,— произнося эти слова, онъ имѣлъ видъ человѣка, близкаго къ помѣшательству, но тогда его слова не испугали меня: я была убѣждена, что человѣкъ, желающій лишить себя жизни, не станетъ говорить объ этомъ.

Хотя это несчастье не въ конецъ поразило его, но я замѣчала, что онъ сталъ задумчивъ, грустенъ, какъ человѣкъ, у котораго отчасти помутился разсудокъ. Своими разговорами я старалась привести его въ сознаніе, я сообщала ему свои планы относительно устройства нашей жизни въ будущемъ; иногда онъ чувствовалъ себя лучше и бодро отвѣчалъ мнѣ, но несчастье слишкомъ угнетало его мысли и онъ дошелъ до того, что два раза покушался на свою жизнь; однажды онъ едва не задушилъ себя, но его спасла мать: она вошла въ комнату и при помощи негра слуги перерѣзала веревку, на которой онъ висѣлъ.

Наконецъ, благодаря моей неутомимой настойчивости, мой мужъ, котораго здоровье, повидимому, сильно ослабѣло, уступилъ моему желанію. Судьба толкала меня дальше, она открывала передъ мною новый путь; благодаря стараніямъ моей матери, я получила отъ мужа богатый грузъ товаровъ, съ которымъ и должна была отправиться въ Англію.

Разставаясь съ братомъ (теперь ужъ я не буду больше называть его своимъ мужемъ), мы рѣшили, что по прибытіи моемъ въ Англію онъ получитъ подложное письмо о моей смерти, и такимъ образомъ у него явится возможность снова жениться, когда захочетъ; онъ обѣщалъ вести со мной переписку, какъ съ сестрой, обѣщалъ помогать мнѣ и поддерживать меня всю жизнь, оставивъ послѣ своей смерти состояніе матери, которая могла бы содержать меня, какъ его сестру. До извѣстной степени онъ остался вѣренъ своему слову, но наша жизнь сложилась такъ странно, что я всегда чувствовала ложь въ нашихъ отношеніяхъ, какъ это вы скоро увидите.

Я отправилась въ августѣ мѣсяцѣ, проживъ въ Виргиніи восемь лѣтъ; теперь меня ожидала новая арена такихъ несчастій, которыя едва ли переживала другая женщина.

Наше путешествіе шло довольно хорошо въ продолженіи тридцати двухъ дней, пока мы достигли береговъ Англіи, но здѣсь мы выдержали двѣ или три бури, изъ которыхъ одна прибила насъ къ берегамъ Ирландіи, и мы остановились въ Кинселѣ. Тутъ мы пробыли тринадцать дней и, сдѣлавъ необходимыя поправки, снова отправились въ путь; насъ опять встрѣтила дурная погода, вѣтеръ сломалъ гротъ мачту-корабля, и мы зашли въ портъ Мильфордъ въ Корнвалисѣ; здѣсь, хотя мы были еще далеко отъ мѣста нашего назначенія, но, ставъ на почву роднаго острова, я рѣшила, не подвергая себя больше страшнымъ случайностямъ моря, отправиться сухимъ путемъ въ Лондонъ и, забравъ съ собою свой багажъ и деньги вмѣстѣ съ банковыми билетами и товарными документами, я оставила корабль и на немъ свой товаръ, который онъ долженъ былъ доставить въ Бристоль, гдѣ находился главный агентъ моего брата.

Спустя три недѣли, я пріѣхала въ Лондонъ, здѣсь скоро я узнала печальную новость: нашъ корабль прибылъ въ Бристоль, выдержавъ сильную бурю, причемъ большая часть его груза была испорчена.

Теперь передо мной открывалась жизнь, повидимому, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ; я уѣхала, простившись на вѣки съ своими родными; правда, я привезла съ собой много цѣнныхъ товаровъ, такъ что они могли составить хорошее приданое, если бы были доставлены въ цѣлости, но они были такъ испорчены, что, продавъ всѣ, я могла выручить за нихъ не болѣе двухъ или трехъ сотъ фунтовъ; это было все, и я не имѣла никакихъ надеждъ въ будущемъ. Я осталась одна, безъ друзей и знакомыхъ, потому что мнѣ было опасно возобновлять старыя связи; моя же ловкая подруга, помогавшая мнѣ когда то поймать мужа, давно умерла вмѣстѣ съ своимъ супругомъ.

Хлопоты по полученію товаровъ скоро заставили меня уѣхать въ Бристоль. Занявшись тамъ своими торговыми дѣлами, я нашла возможнымъ для развлеченія проѣхать въ Батъ (морскія купанья); я была еще далеко не стара, веселаго характера и, какъ всегда, немного эксцентрична; чувствуя себя совершенно свободной и какъ бы женщиной съ состояніемъ, я надѣялась встрѣтить на своемъ жизненномъ пути какой-нибудь новый случай, который улучшитъ мое положеніе, какъ это было когда-то.

Батъ—мѣсто волокитъ и любезниковъ, мѣсто очень дорогое для жизни и изобилующее всякаго рода приманками; надо сказать правду, я отправилась туда съ единственной цѣлью поймать все, что представится; но я должна отдать себѣ справедливость: у меня не было въ этомъ отношеніи никакихъ безчестныхъ намѣреній, и я еще не руководилась ими, какъ вынуждена была дѣлать это потомъ.

Тамъ я осталась на весь поздній сезонъ, я пріобрѣла нѣкоторыя несчастныя знакомства, которыя скорѣе толкали меня на безумства, чѣмъ удерживали отъ нихъ. Я жила въ удовольствіи, въ хорошемъ обществѣ, то есть среди веселыхъ и изящныхъ людей; но скоро я съ горечью увидала, что такой образъ жизни разоритъ меня, такъ какъ, не имѣя постояннаго дохода, а тратя капиталъ, я быстрыми шагами шла къ нищетѣ; это навело меня на многія печальныя мысли. Тѣмъ не менѣе я стряхнула ихъ съ себя, обольщаясь надеждой, что какой-нибудь счастливый случай выведетъ меня изъ затрудненій.

Но для этого я жила не тамъ, гдѣ мнѣ слѣдовало; я не поселилась въ Редрифѣ, гдѣ могла бы устроиться хорошо, и гдѣ какой-нибудь честный морской капитанъ могъ предложить мнѣ свою руку; въ Батѣ мужчины ищутъ только любовницъ,

а не женъ, и потому здѣсь женщина можетъ разсчитывать только на однѣ преступныя связи.

Начало сезона я провела въ этомъ отношеніи удачно, потому что познакомилась съ однимъ джентльменомъ, который пріѣхалъ сюда для развлеченій. Я не согласилась на его пагубныя предложенія, однако въ этотъ же сезонъ я свела знакомство съ одной женщиной, которая хотя и не содержала дурного дома, тѣмъ не менѣе по своему направленію готова была на это. Во всякомъ случаѣ я вела себя съ такимъ достоинствомъ, что на моемъ имени не лежало ни малѣйшаго грязнаго пятна, никто не могъ осудить меня въ какой-нибудь связи и, повидимому, ни у кого не было даже въ мысляхъ сдѣлать мнѣ дурное предложеніе.

Я провела много грустныхъ дней въ Батѣ послѣ того, какъ все общество разъѣхалось; я часто ѣздила по своимъ дѣламъ въ Бристоль, гдѣ получала деньги, и потому мнѣ казалось удобнымъ основаться въ Батѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь у меня завязались хорошія отношенія съ хозяйкою, у которой я жила лѣтомъ и у которой устроилась на зиму такъ дешево, какъ не могла бы нигдѣ устроиться. Здѣсь я прожила зиму такъ же скучно, какъ весело лѣтомъ; сойдясь ближе съ хозяйкой дома, я не постѣснялась подѣлиться съ ней тѣмъ, что тяжело лежало у меня на сердцѣ, особенно своимъ бѣдственнымъ положеніемъ; я говорила ей, что у меня въ Виргиніи есть мать и братъ, которые живутъ въ довольствѣ, и такъ какъ я дѣйствительно написала матери письмо, въ которомъ объяснила, сколько я потеряла на товарѣ, то и сообщила моей хозяйкѣ, что ожидаю отъ матери новой присылки товаровъ,—но такъ какъ корабли, отправляющіеся изъ Бристоля въ Виргинію, возвращаются раньше тѣхъ, которые выходятъ туда изъ Лондона, а мой братъ имѣетъ главнаго агента въ Бристолѣ, то я нашла лучшимъ ожидать товаровъ здѣсь, чѣмъ переѣзжать въ Лондонъ.

Моя новая подруга отнеслась сочувственно къ моему положенію и брала съ меня такъ мало за мое содержаніе въ теченіе зимы, что я была увѣрена, что не доставляю ей никакой выгоды, особенно если принять во вниманіе, что я ничего не платила ей за квартиру.

При наступленіи весенняго сезона, она продолжала быть такъ же любезна со мной, какъ всегда, а я продолжала жить у нея извѣстное время, пока не представилась необходимость поступить иначе; она разсчитывала отдать квартиру на лѣто тому, кто останавливался у нея, и особенно тому джентльмену, который ухаживалъ за мной въ прошломъ сезонѣ; дѣйствительно, онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ другимъ джентльменомъ и двумя лакеями и поселился у нея; я подозрѣвала, что его пригласила моя хозяйка, но она отрицала это.

Прибывшій джентльменъ продолжалъ обращать на меня свое вниманіе и оказывать мнѣ большое уваженіе; я должна признаться, онъ былъ настоящій джентльменъ и мнѣ было такъ же пріятно его общество, какъ мое ему; онъ былъ такого высокаго мнѣнія о моей добродѣтели, что, какъ часто говорилъ самъ, не смѣлъ и думать предложить мнѣ что либо такое, что я могла отвергнуть съ презрѣніемъ и тѣмъ оттолкнуть его отъ себя; скоро я ему сообщила, что я вдова и прибыла съ послѣднимъ кораблемъ изъ Виргиніи въ Бристоль, что я ожидаю въ Батѣ слѣдующей флотиліи изъ Виргиніи, на которой прибудутъ мои товары; отъ него же я узнала, что онъ женатъ, но его жена больна разстройствомъ мозга, и что онъ помѣстилъ ее у своихъ родныхъ, чтобы избѣжать нареканій въ дурномъ леченіи, а самъ пріѣхалъ въ Батъ, желая хотя немного развлечься и забыться отъ домашняго горя.

Моя хозяйка при всякомъ случаѣ поощряла наше сближеніе. Она описывала его мнѣ въ самыхъ лучшихъ краскахъ, какъ человѣка честнаго, добродѣтельнаго и съ большимъ состояніемъ; у меня были основанія этому вѣрить, такъ какъ мы жили съ нимъ въ одномъ этажѣ и онъ часто входилъ въ мою компату, даже въ то время, когда я лежала еще въ постели. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не позволялъ себѣ ничего больше, кромѣ поцѣлуя, онъ никогда ни о чемъ не просилъ меня. Такія отношенія продолжались довольно долго, какъ вы увидите дальше.

Я часто говорила съ моей хозяйкой объ его скромности; съ своей стороны она увѣряла меня, что это ее нисколько не удивляетъ; тѣмъ не менѣе она повторяла мнѣ нѣсколько разъ, что, по ея мнѣнію, я должна ожидать отъ него подарковъ, въ благодарность за мое благосклонное отношеніе къ нему и за то, что я постоянно отдаю ему свое время; дѣйствительно, онъ преслѣдовалъ меня по пятамъ. Я отвѣчала, что я не дала ему ни малѣйшаго повода думать, будто я нуждаюсь въ его помощи; но она обѣщала мнѣ позаботиться объ этомъ и повела дѣло такъ ловко, что въ первый же разъ, какъ мы остались съ нимъ вдвоемъ, онъ началъ разспрашивать меня о моемъ положеніи, о томъ, чѣмъ я живу съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала въ Англію, и есть ли у меня ея деньги.

Я очень смѣло отвѣчала ему, что я привезла съ собой много табаку, который, хотя и испортился во время кораблекрушенія, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ пропалъ; купецъ, которому я дала табакъ на коммиссію, очень честно разсчитывается со мной, и я не испытываю никакой нужды, надѣясь при извѣстной бережливости прожить до прибытія новаго груза; разумѣется, теперь я должна сократить свои расходы; въ прошломъ сезонѣ я держала служанку, занимала двѣ комнаты, теперь дѣлаю все

сама и имѣю одну комнату. «Тѣмъ не менѣе, я такъ же довольна, какъ прежде, добавила я, и въ вашемъ обществѣ я живу очень весело, какъ не жила никогда раньше, чѣмъ и обязана вамъ». Такимъ образомъ на этотъ разъ я отклонила его предложеніе.

Но прошло немного времени, какъ онъ снова началъ разговоръ на ту же тему, говоря, что ему кажется, будто я не хочу повѣрить ему свое дѣйствительное положеніе дѣлъ, и это очень огорчаетъ его, такъ какъ онъ спрашиваетъ меня не изъ пустого любопытства, а изъ желанія помочь мнѣ, если представится случай. Я не хочу или не рѣшаюсь сознаться въ томъ, что мнѣ нужна его помощь, и потому онъ проситъ по крайней мѣрѣ обѣщать ему—откровенно сказать, когда я буду въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и такъ же дружески воспользоваться его услугами, какъ онъ предлагаетъ ихъ.

Я сказала все, что могла бы сказать въ этомъ случаѣ глубоко обязанная женщина, съ цѣлью дать ему понять, какъ сильно я чувствую его великодушіе; дѣйствительно, съ этихъ поръ я не была съ нимъ такъ сдержанна, какъ прежде, хотя мы оба не переступали границъ самой строгой добродѣтели; тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что я не стѣснялась съ нимъ, я не дошла до такой близости, чтобы сказать ему, что нуждаюсь въ деньгахъ, хотя въ глубинѣ души я радовалась его предложенію.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль; я не просила у него денегъ; моя хозяйка, хитрое созданье, часто побуждавшая меня обратиться къ нему за помощью, видя, что я молчу, сама взялась за это дѣло. Однажды, когда мы были всѣ вмѣстѣ, она разсказала мнѣ слѣдующую грубую басню собственнаго изобрѣтенія.

— Охъ, моя вдовушка, сегодня я приношу вамъ дурныя новости.

— Что такое,—спросила я,—ужь не взяты ли французами Виргинскіе корабли?

Я особенно боялась этого.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она,—но человѣкъ, котораго вы посылали вчера въ Бристоль за деньгами, вернулся съ отвѣтомъ, что онъ ничего не привезъ.

Мнѣ очень не понравился ея планъ; мнѣ казалось, что не было никакой надобности въ такомъ очевидномъ вымогательствѣ, и я была убѣждена, что не потеряю ничего, если покажу, что не желаю вести подобной игры; поэтому я рѣзко прервала хозяйку слѣдующими словами:

— Я не могу представить, зачѣмъ онъ вамъ это сказалъ; увѣряю васъ, я получила отъ него всѣ деньги, за которыми посылала; вотъ они, прибавила я, вынимая кошелекъ, въ ко-

зоромъ лежало около двѣнадцати гиней. Я намѣрена вамъ сейчасъ же отдать изъ нихъ большую часть.

Ему не понравилась эта продѣлка хозяйки, такъ же, какъ и мнѣ: онъ видѣлъ, что она слишкомъ много позволяетъ себѣ, но, услыхавъ мой отвѣтъ, онъ тотчасъ успокоился. На другой день утромъ мы снова говорили съ нимъ по этому воводу, и тутъ я убѣдилась, что поступила вчера вполнѣ благоразумно. Улыбаясь, онъ, между прочимъ, замѣтилъ: «я вполнѣ увѣренъ, что вы не окажетесь безъ денегъ, не сказавши мнѣ объ этомъ, какъ обѣщали». Я отвѣчала, что мнѣ очень досадно, зачѣмъ хозяйка такъ откровенно говорила наканунѣ о такихъ вещахъ, въ которыя она не должна вмѣшиваться. Я предполагаю, сказала я, что она хотѣла получить около восьми гиней, которыя я была должна ей и которыя отдала вчера вечеромъ.

Мои послѣднія слова ему особенно понравились, и мы перемѣнили разговоръ; на слѣдующій день утромъ, услыхавъ, что я уже встала съ постели, онъ окликнулъ меня, — я отвѣтила. Онъ попросилъ меня войти въ его комнату; войдя, а застала его въ постели; онъ просилъ меня сѣсть возлѣ него на кровать, говоря, что онъ хочетъ кое что сообщить мнѣ. Послѣ нѣжныхъ любезностей, онъ спросилъ, желаю ли я честно и искренно отвѣтить ему на одинъ вопросъ. Обративъ его вниманіе на слово «искренно» и на то, что я всегда была съ нимъ откровенна, я обѣщала исполнить его желаніе. «И такъ, сказалъ онъ, я хочу, чтобы вы мнѣ показали вашъ кошелекъ». Я тотчасъ вынула кошелекъ съ тремя съ половиной гинеями и отдала ему:

— Это всѣ ваши деньги? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, смѣясь, отвѣчала я, — у меня ихъ гораздо больше.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — тогда вы обѣщайте мнѣ пойти въ вашу комнату и принести все, что у васъ есть до послѣдняго фартинга. Я согласилась, пошла къ себѣ и принесла маленькую шкатулку съ семью гинеями и мелкимъ серебромъ и высыпала ихъ къ нему на кровать, говоря, что это все мое состояніе до послѣдняго шиллинга; онъ взглянулъ на деньги, перемѣшалъ ихъ, не считая, и бросилъ въ шкатулку. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана ключъ и попросилъ меня открыть маленькую орѣховую шкатулку, стоявшую на его столѣ, вынуть оттуда ящикъ и принести къ нему; въ этомъ ящикѣ лежало множество золотыхъ монетъ; я полагаю, около двухъ сотъ гиней, а можетъ быть и больше. Онъ взялъ ящикъ и, держа меня за руку, хотѣлъ опустить ее туда, чтобы заставить захватить горсть золота; я сопротивлялась, но онъ крѣпко сжалъ мою руку въ своей, ввелъ ее въ ящикъ и насыпалъ мнѣ въ горсть столько золотыхъ монетъ, сколько ихъ помѣстилось въ моей ладони.

Потомъ онъ заставилъ меня высыпать деньги къ себѣ на

колѣни и, взявъ мою маленькую шкатулку, перемѣшалъ въ ней мои деньги со своими, говоря, чтобы я отнесла ихъ къ себѣ въ комнату.

Я особенно подробно передаю эту исторію, желая обрисовать его характеръ и тонъ нашихъ отношеній. Скоро послѣ этого онъ сталъ замѣчать, что у меня мало платьевъ, кружевъ, головныхъ уборовъ; словомъ, онъ заставилъ меня покупать самые лучшіе наряды, къ которымъ я питала большую склонность, хотя и не показывала этого; для меня ничего не было лучшаго въ свѣтѣ, какъ хорошее платье, но я объявила ему, что мнѣ необходимо беречь его деньги, такъ какъ иначе я не смогу никогда отдать ихъ. Тогда въ нѣсколькихъ словахъ онъ далъ мнѣ понять, что, питая ко мнѣ искреннее уваженіе и зная мое положеніе, онъ не предлагалъ мнѣ денегъ въ займы, а отдалъ ихъ, какъ вполнѣ заслуженныя, за то, что я отдала ему все свое время. Затѣмъ, вскорѣ онъ принудилъ меня взять служанку и жить своимъ хозяйствомъ, а когда уѣхалъ его товарищъ, онъ просилъ меня вести и его хозяйство, на чемъ настаивала даже наша хозяйка дома.

Такимъ образомъ мы прожили около трехъ мѣсяцевъ; общество въ Батѣ стало разъѣзжаться, онъ началъ поговаривать тоже объ отъѣздѣ и высказывать сильное желаніе увезти меня въ Лондонъ; это предложеніе очень смутило меня, я не знала, какъ онъ будетъ относиться ко мнѣ у себя и какое я займу положеніе въ его домѣ; пока мы вели споры по этому поводу, онъ сильно заболѣлъ и отправился въ Сомерсетъ; тамъ болѣзнь его усилилась до того, что онъ не могъ уѣхать и прислалъ своего слугу въ Батъ, прося меня нанять карету и пріѣхать къ нему. Еще до отъѣзда онъ поручилъ мнѣ свои деньги и другія цѣнности и я не знала, что съ ними дѣлать; наконецъ, я какъ могла лучше спрятала все, заперла на замокъ квартиру и уѣхала къ нему; здѣсь я нашла его такимъ слабымъ, что убѣдила позволить перенести себя на рукахъ въ креслѣ въ Батъ, гдѣ можно было найти большія удобства и лучшую медицинскую помощь.

Онъ согласился перебраться въ Батъ. Насколько помню, разстояніе между Батомъ и Сомерсетомъ составляетъ около пятнадцати лье; здѣсь онъ продолжалъ болѣть сильной лихорадкой втеченіи пяти недѣль. Во все это время я не переставала ухаживать за нимъ съ заботливой нѣжностью жены; дѣйствительно, если бы на самомъ дѣлѣ я была таковою, то не могла бы дѣлать больше; я сидѣла около него такъ долго и такъ часто, что, наконецъ, онъ сказалъ, что откажется отъ моихъ услугъ, если я не соглашусь приказать принести себѣ постель въ его комнату и спать на ней возлѣ него.

Правда, я глубоко сочувствовала его положенію, съ другой

стороны я боялась потерять въ немъ такого друга, какимъ онъ могъ быть для меня; я сидѣла возлѣ него и плакала по цѣлымъ часамъ; наконецъ ему стало лучше, и онъ началъ подавать нѣкоторую надежду на выздоровленіе.

Если бы между нами произошло что нибудь другое, чѣмъ то, о чемъ я разсказываю, я бы не стѣснялась сказать это, въ чемъ легко можетъ убѣдиться читатель изъ всего предыдущаго разсказа; но я утверждаю, что во все это время мы не сказали ни одного дурного слова и не совершили ни одного дурного поступка, несмотря на то, что мы входили другъ къ другу въ комнату, когда онъ или я были въ постели и когда я ухаживала за нимъ во время его болѣзни днемъ и ночью. Ахъ! если бы такія же отношенія продолжались у насъ до конца.

X.

Я дѣлаюсь любовницей моего новаго знакомаго.—Я переѣзжаю въ Лондонъ.—Мой любовникъ оставляетъ меня.

Спустя нѣкоторое время силы его возстановились, и онъ сталъ быстро поправляться; я хотѣла унести свою постель, но онъ не позволялъ этого сдѣлать, пока не оправится совсѣмъ и не будетъ нуждаться ни въ чьей помощи.

При всякомъ удобномъ случаѣ онъ выражалъ мнѣ чувства своей нѣжности и, когда совсѣмъ выздоровѣлъ, то подарилъ мнѣ пятьдесятъ гиней, въ благодарность за мои заботы о немъ и за то, что, говоря его словами, я спасла ему жизнь, рискуя своей.

Теперь онъ нѣсколько разъ объяснялся мнѣ въ своей искренней и вѣчной привязанности, сохраняя полное уваженіе къ моей добродѣтели; я высказывала ему свое удовольствіе по этому поводу и, наконецъ, онъ сталъ увѣрять меня, что охранялъ-бы меня отъ себя, какъ отъ всякаго, кто рѣшился бы посягнуть на мою добродѣтель. Я объяснила, что вѣрю ему, но онъ, не довольствуясь этимъ, сказалъ, что будетъ ожидать случая доказать на дѣлѣ свои слова.

Долгое время спустя, мнѣ представилась надобность поѣхать по своимъ дѣламъ въ Бристоль; онъ нанялъ карету и захотѣлъ ѣхать со мной; теперь наши отношенія становились болѣе и болѣе близкими. Изъ Бристоля онъ повезъ меня въ Глэчестеръ, желая подышать хорошимъ воздухомъ; здѣсь случайно мы нашли въ гостинницѣ только одну комнату съ двумя постелями. Хозяинъ дома, показывая эту комнату, очень откровенно сказалъ:

— Сэръ, не мое дѣло спрашивать, супруга ли ваша эта

дама, или нѣтъ; во всякомъ случаѣ вы можете честно и благородно проспать оба на этихъ постеляхъ, какъ бы вы были въ двухъ разныхъ комнатахъ.

Съ этими словами онъ задернулъ занавѣсъ, дѣйствительно раздѣлявшій обѣ кровати.

Когда мы стали ложиться спать, мой другъ упорно вышелъ изъ комнаты, пока я раздѣлась и легла, затѣмъ онъ вошелъ и, тоже раздѣвшись, легъ въ постель; такимъ образомъ, мы долго разговаривали.

Наконецъ, повторивъ свои слова, что онъ никогда не причинитъ мнѣ никакого оскорбленія, онъ вскочилъ съ своей кровати, говоря:

— Теперь, моя дорогая, вы увидите, какъ я справедливъ и какъ умѣю держать свое слово.

Съ этими словами онъ подошелъ ко мнѣ.

Я оказывала ему нѣкоторое сопротивленіе, но, надо признаться, очень слабое, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ не давалъ никакихъ обѣщаній, такъ что послѣ недолгой борьбы я позволила ему лечь къ себѣ на постель; когда онъ легъ, то обвилъ меня руками и такимъ образомъ я проспала около него всю ночь; онъ не сдѣлалъ мнѣ ничего дурного, онъ только цѣловалъ меня, держа въ своихъ объятіяхъ; рано утромъ онъ всталъ, одѣлся и оставилъ меня такою же невинною по отношенію къ себѣ, какою я была прежде.

Я согласна, что это былъ очень благородный поступокъ съ его стороны, какого я не встрѣчала раньше, тѣмъ не менѣе онъ привелъ меня въ крайнее изумленіе. Я не скажу, чтобы я была такъ особенно очарована этимъ, какъ онъ думалъ,— нѣтъ, я была болѣе порочна, чѣмъ онъ.

Такимъ образомъ мы прожили около двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ три раза ѣздилъ въ Лондонъ и разъ прожилъ тамъ четыре мѣсяца; надо отдать ему справедливость, во все это время онъ давалъ мнѣ деньги, на которыя я могла прекрасно содержать себя.

Еслибы мы могли всегда продолжать такую жизнь, то имѣли бы полное основаніе гордиться ею, но я должна отдать ему справедливость и сказать, что не онъ первый нарушилъ чистоту нашихъ отношеній. Случилось это однажды ночью, когда мы были оба веселые, разгоряченные виномъ, котораго выпили немного болѣе обыкновеннаго, впрочемъ не столько, чтобы оно могло заставить насъ забыться; тѣмъ не менѣе я первая сказала ему съ ужасомъ и стыдомъ (я повторяю эти слова), что нахожу въ своемъ сердцѣ желаніе снять съ него его обѣщаніе, хотя бы только на одну эту ночь.

Онъ поймалъ меня на словѣ, и я не могла больше сопротивляться; говоря правду, я и не думала объ этомъ.

Такимъ образомъ сломилось кормило нашей добродѣтели, я перемѣнила имя друга на ужасное имя *непотребной женщины*. Утромъ намъ обоимъ стало совѣстно; мы каялись; я плакала отъ всего сердца, а онъ былъ печаленъ; ничего другого мы не могли сдѣлать; путь былъ очищенъ, преграды, поставленныя совѣстью и добродѣтелью, разрушены, теперь намъ приходилось бороться уже съ меньшими препятствіями.

Въ концѣ той же недѣли между нами произошелъ мрачный разговоръ, я краснѣла и постоянно спрашивала: «Что, если я теперь беременна? Что я стану дѣлать?» Онъ ободрялъ меня, говоря, что, пока я буду ему вѣрна, онъ не измѣнитъ мнѣ, и такъ какъ мы дошли до того, чего дѣйствительно онъ не ожидалъ никогда, то онъ беретъ на себя заботы о ребенкѣ, если только я стану беременной. Это успокоило насъ обоихъ: я увѣряла его, что скорѣе соглашусь остаться безъ акушерки, чѣмъ признать его отцомъ моего ребенка, онъ же успокоивалъ меня, говоря, что я не буду имѣть ни въ чемъ недостатка во время моей беременности. Эти взаимныя увѣренія такъ сблизили насъ, что мы повторяли наше преступленіе, когда хотѣли, пока, наконецъ, не случилось того, чего я боялась, то есть пока я не забеременѣла.

Когда я убѣдилась сама въ этомъ и убѣдила его, мы стали придумывать, какъ поступить намъ въ нашемъ новомъ положеніи; я предложила ему повѣрить тайну моей хозяйкѣ, онъ согласился, и я разсказала ей все. Хозяйка оказалась женщиной опытной въ подобнаго рода дѣлахъ, она объявила, что давно предвидѣла, чѣмъ кончится наша исторія, весело пошутила и взяла на себя всѣ заботы, обязавшись доставить акушерку, кормилицу и скрыть все отъ любопытныхъ взоровъ, сохранивъ такимъ образомъ наше имя незапятнаннымъ, что дѣйствительно она очень ловко и сдѣлала.

Когда наступило время родовъ, она попросила его уѣхать въ Лондонъ или сдѣлать видъ, что онъ уѣхалъ; послѣ его отъѣзда она увѣдомила полицію, что у нея живетъ дама, которая скоро должна родить, что она очень хорошо знаетъ ея мужа Вальтера Кливъ, этого достойнаго джентльмена, за котораго она можетъ вполнѣ поручиться. Такимъ образомъ я была обезпечена со стороны полиціи, и на меня смотрѣли, какъ на леди Кливъ; но все это стоило очень дорого, о чемъ я часто напоминала ему, однако онъ просилъ меня не безпокоиться о деньгахъ.

Такъ какъ онъ давалъ мнѣ много денегъ на экстренные расходы во время родовъ, то у меня было все лучшее и все необходимое, хотя я не тратила лишняго, и, зная жизнь, а также понимая, что такое мое положеніе не можетъ долго продолжаться, я откладывала себѣ столько, сколько могла.

Такимъ образомъ, когда я встала, у меня составилось вмѣстѣ съ прежними его подарками около двухсотъ гиней.

Я родила прекраснаго мальчика; дѣйствительно это было очаровательное дитя; когда мой любовникъ узналъ о родахъ, онъ написалъ мнѣ нѣжное и любезное письмо, говоря, что, по его мнѣнію, мнѣ слѣдуетъ лучше всего пріѣхать въ Лондонъ; лишь только я встану и поправлюсь, онъ наймetъ мнѣ квартиру въ Гаммеръ-смитѣ, что будетъ имѣть видъ, будто я только переѣхала изъ Лондона; а между тѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени я возвращусь съ нимъ въ Батъ.

Мнѣ очень понравилось это предложеніе, я наняла карету, взяла съ собой ребенка, кормилицу, горничную и поѣхала въ Лондонъ.

Онъ встрѣтилъ меня въ Ридингѣ въ собственной каретѣ, куда я сѣла, оставя горничную и кормилицу съ ребенкомъ въ наемной каретѣ, и отправилась съ нимъ на свою новую квартиру въ Гаммеръ-смитѣ, отъ которой пришла въ восторгъ, такъ она была хороша.

Теперь я дѣйствительно достигла того, что можно назвать полнымъ благополучіемъ, и я ничего другого не желала, какъ быть его женой, но это желаніе никогда не могло исполниться; вотъ почему при всякомъ удобномъ случаѣ я старалась сохранять все, что могла, зная очень хорошо, что такія положенія не могутъ продолжаться всегда, что мужчины, имѣющіе на содержаніи любовницъ, часто мѣняютъ ихъ или потому, что тѣ надоѣдаютъ имъ, или по ревности, или по другой какой причинѣ; часто сами женщины не умѣютъ сохранить любовника, не умѣютъ быть благоразумными, не умѣютъ заставить уважать себя, быть вѣрной и доводятъ мужчину до того, что онъ наконецъ бросаетъ ее.

Но я могла быть спокойна въ этомъ отношеніи; я не имѣла никакой наклонности измѣнять, у меня не было никакихъ знакомствъ, кромѣ жены нѣкоего пастора, занимавшей квартиру на одной лѣстницѣ со мной; такъ что, въ отсутствіи моего любовника, я никуда не выходила, и каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, онъ всегда заставалъ меня дома.

Ни онъ, ни я никогда не думали, что намъ придется такимъ образомъ устроить нашу жизнь. Часто онъ говорилъ мнѣ, что со времени перваго знакомства со мной и до той ночи, когда мы нарушили наше слово, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія дойти до того, что случилось; онъ всегда чувствовалъ ко мнѣ искреннюю привязанность, но никогда не думалъ сойтись со мной; я увѣряла его, что я не подозрѣвала его въ этомъ намѣреніи и что, если это желаніе и пришло мнѣ въ голову первой, то вѣдь за то я не такъ легко уступила и позво-

лила тѣ вольности, которыя довели насъ до крайности, бывшей для меня полной неожиданностью.

Однако же онъ былъ такъ справедливъ, что никогда не упрекалъ меня и не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія, напротивъ онъ всегда увѣрялъ меня, что ему и теперь такъ же пріятно мое общество, какъ въ первое время нашего сближенія.

Съ другой стороны, на самой вершинѣ благополучія, меня не переставали мучить тайныя угрызенія совѣсти за ту жизнь, которую я вела; мнѣ иногда рисовалась перспектива бѣдности и нищеты, и я приходила въ ужасъ и со страхомъ смотрѣла на свое будущее; часто я принимала рѣшеніе все оставить, думала, сдѣлавъ достаточное сбереженіе, уйти, но подобныя мысли не имѣли никакого значенія; онѣ разсѣивались при его приходѣ, такъ какъ въ его прекрасномъ и веселомъ обществѣ невозможно было грустить; я бывала въ мрачномъ настроеніи духа только въ его отсутствіи.

Такимъ образомъ я прожила счастливой и несчастливой въ одно и то же время шесть лѣтъ, въ продолженіи которыхъ я родила трехъ дѣтей, изъ нихъ остался живъ только первый сынъ. Два раза я переѣзжала на другую квартиру, но послѣдній годъ я пробыла въ Гаммеръ-смитѣ. Здѣсь, однажды утромъ, я была поражена его нѣжнымъ письмомъ, въ которомъ онъ извѣщалъ, что заболѣлъ и боится новаго приступа его прежней болѣзни; что родные его жены поселились въ его домѣ, и потому мнѣ будетъ неудобно пріѣхать къ нему, хотя онъ имѣлъ сильное желаніе, чтобы я ухаживала и смотрѣла за нимъ такъ, какъ когда то прежде.

Это письмо меня крайне обезпокоило, я горѣла нетерпѣніемъ узнать, что происходитъ съ нимъ; я прождала пятнадцать дней, не имѣя отъ него извѣстій, это поразило меня и я дѣйствительно страшно мучилась; слѣдующіе пятнадцать дней я была какъ сумасшедшая. Главное мое затрудненіе заключалось въ томъ, что я точно не знала, гдѣ онъ; сначала я поняла, что онъ живетъ въ квартирѣ матери своей жены, но, пріѣхавъ въ Лондонъ, гдѣ я имѣла его адресъ для писемъ, я узнала, что онъ живетъ на Блумсбери, куда переѣхалъ со всей семьей, т. е. съ своей женой и ея матерью, хотя прежде его жена не соглашалась жить съ нимъ подъ одной крышей.

Скоро я узнала, что онъ находится при смерти, но и я была не въ лучшемъ положеніи. Однажды ночью, я одѣлась служанкой, надѣла чепчикъ и соломенную шляпу и пошла къ нему въ домъ, говоря, что меня прислала одна дама, сосѣдка по его прежней квартирѣ, узнать вообще о его здоровьѣ и какъ онъ провелъ эту ночь. Такимъ образомъ я нашла случай, котораго искала; я разговорилась съ одной ихъ служанкой и

узнала всѣ подробности его болѣзни; оказалось, что у него кашель и лихорадка; кромѣ того она же сообщила мнѣ, что его жена поправляется и доктора полагаютъ, что къ ней вернется разсудокъ, но тѣ же доктора мало надѣются на его выздоровленіе и даже думаютъ, что онъ умретъ сегодня утромъ.

Все это были для меня самыя ужасныя извѣстія. Я начинала понимать, что насталъ конецъ моему благополучію, я не имѣла ничего въ виду и не знала, чѣмъ буду поддерживать свое существованіе.

Особенно меня тяготило то обстоятельство, что у меня былъ сынъ, милое и доброе дитя; ему наступилъ седьмой годъ и я не знала, что съ нимъ дѣлать. Съ такими мыслями я вошла къ себѣ вечеромъ, я спрашивала себя, чѣмъ я буду жить и какимъ образомъ я устроюсь теперь.

Не трудно представить, что съ этого времени я не имѣла покоя; не смѣя рисковать сама, я отправляла разныхъ посыльныхъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ узнавать о его здоровьи; спустя пятнадцать дней, явилась слабая надежда на его выздоровленіе; я перестала отправлять посыльныхъ и черезъ нѣкоторое время получила извѣстіе отъ его сосѣдей, что онъ встаетъ въ своей комнатѣ, а потомъ, что онъ можетъ уже выходить.

Тогда я не сомнѣвалась, что скоро получу отъ него самого извѣстіе и начала успокаиваться, думая, что онъ выздоровѣлъ; я ждала недѣлю, другую, но, къ моему величайшему изумленію, прошло около двухъ мѣсяцевъ, и я узнала только, что онъ отправился въ деревню пользоваться чистымъ воздухомъ послѣ болѣзни; прошло еще два мѣсяца, я опять узнала, что онъ вернулся въ городъ, домой, но отъ него не получала ничего.

Я писала ему много писемъ, адресуя ихъ, какъ обыкновенно, и оказалось потомъ, что онъ получилъ изъ нихъ только два или три, остальныя пропали. Наконецъ я написала ему такое убѣдительное письмо, какъ никогда прежде, говоря, что буду вынуждена придти къ нему сама, такъ какъ нахожусь въ самомъ отчаянномъ положеніи, что мнѣ нечѣмъ платить за квартиру и содержать себя и ребенка, что я лишена средствъ, а между тѣмъ онъ далъ мнѣ торжественное обѣщаніе заботиться обо мнѣ и не оставлять меня; я сдѣлала копію этого письма и, узнавъ, что оно пролежало мѣсяцъ у него въ домѣ, прежде чѣмъ его доставили къ нему, я нашла случай вручить ему копію въ одной кофейной, куда онъ постоянно ходилъ.

Это письмо вызвало у него отвѣтъ, изъ котораго я увидала, что я покинута; изъ него же я узнала, что нѣсколько раньше онъ послалъ мнѣ письмо съ просьбой переѣхать въ Батъ, но я сейчасъ вернусь къ содержанію этого письма.

Вѣрно правду говорятъ, что постель больного иногда за-

ставляетъ его смотрѣть иными глазами, чѣмъ прежде, на свои близкія связи; мой любовникъ былъ при смерти, онъ стоялъ на краю вѣчности и вѣроятно у него явился справедливый укоръ совѣсти при мысли о своей прошлой жизни, исполненной легкомысленныхъ увлеченій и преступныхъ связей; тутъ связь со мной представлялась ему самой ужасной, и дѣйствительно она была ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ прелюбодѣяніямъ, которое, по всей справедливости, теперь возбуждало въ немъ ужасъ. Нравственное чувство не позволяло ему продолжать эту связь, и вотъ какъ онъ поступилъ. Изъ моего послѣдняго письма онъ увидѣлъ, что я не переѣхала въ Батъ и не получила его перваго письма, поэтому онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

«Мадамъ!

«Меня удивляетъ, что мое письмо, помѣченное 8 числомъ прошлаго мѣсяца, не попало къ вамъ въ руки; даю слово, что оно было передано въ вашей квартирѣ вашей горничной.

«Безполезно говорить вамъ, въ какомъ положеніи я находился нѣсколько времени тому назадъ и какъ, стоя на краю могилы, я возвращенъ къ жизни, благодаря неожиданной милости неба, которую я не заслужилъ; вы не станете удивляться, что въ этомъ положеніи наша несчастная связь лежала не малой тяжестью на моей совѣсти; мнѣ нѣтъ надобности больше распространяться; поступки, въ которыхъ покаялся, надо измѣнить.

«Я бы желалъ, чтобы вы подумали о вашемъ возвращеніи въ Батъ; въ этомъ письмѣ вы найдете билетъ на 50 фунтовъ; вы разсчитаетесь за квартиру и заплатите расходы по вашему путешествію. Надѣюсь, для васъ не будетъ неожиданностью, если я прибавлю, что въ силу только этой причины, а не какого нибудь оскорбительнаго повода съ вашей стороны, *я не могу больше съ вами видѣться*; я принимаю на себя заботы о ребенкѣ, останется ли онъ здѣсь, или увезете вы его съ собой. Я вамъ совѣтую проникнуться тѣми же мыслями и пусть онѣ послужатъ вамъ на пользу».

Это письмо поразило меня, какъ тысячи ранъ, хотя я не была ослѣплена своимъ преступленіемъ; размышляя, я видѣла, что я съ меньшимъ грѣхомъ могла продолжать свое сожительство съ братомъ; оно не было преступленіемъ, пока наше родство намъ было неизвѣстно.

Но мнѣ ни разу не пришло въ голову, что все это время я была замужней женщиной, женой М... торговца полотнами, который хотя и былъ поставленъ въ необходимость оставить меня, однако не могъ уничтожить нашего брачнаго контракта и дать мнѣ законную свободу для новаго замужества; такимъ образомъ во все это время я была не болѣе и не менѣе, какъ

проститутка, непотребная женщина. Я упрекала себя въ томъ, что я завлекла въ западню этого джентльмена и была первой виновницей нашей связи; теперь, благодаря убѣжденіямъ своего разсудка, онъ извлекъ себя изъ той пропасти, въ которой я осталась, какъ бы покинутая милостью неба, чтобы продолжать мой страшный путь порока и несчастій.

Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ я прожила около мѣсяца, не желая возвращаться въ Батъ. Я не хотѣла жить съ той женщиной изъ страха, что она опять натолкнетъ меня на какое нибудь дурное дѣло; кромѣ того мнѣ было стыдно показать ей, что я отвергнута и брошена своимъ любовникомъ.

Теперь меня страшно безпокоило положеніе моего маленькаго сына; разстаться съ нимъ мнѣ было хуже смерти, съ другой стороны мысль о томъ, что я когда нибудь могу очутиться внѣ возможности содержать и воспитывать его, до того пугала меня, что я рѣшила отдать ему сына съ тѣмъ, чтобъ самой поселиться недалеко возлѣ, съ цѣлью только видѣться съ нимъ, не принимая на себя заботъ о его воспитаніи.

И такъ я написала моему любовнику короткое письмо, говоря, что я во всемъ повинуюсь его распоряженіямъ, кромѣ возвращенія въ Батъ, что хотя нашъ разрывъ былъ для меня страшнымъ ударомъ въ сердце, ударомъ, отъ котораго я никогда не оправлюсь, тѣмъ не менѣе я вполнѣ соглашаюсь съ его справедливыми разсужденіями и не оспариваю его новыхъ взглядовъ на наши отношенія.

Затѣмъ, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ я объяснила ему свое положеніе. Я сказала, что питаю надежду, что мои бѣдствія, вызвавшія когда-то его великодушную ко мнѣ дружбу, могутъ вызвать въ немъ жалость теперь, когда преступная сторона нашей связи уничтожена; что я желаю раскаяться такъ же искренно, какъ раскаялся онъ, но умоляю его поставить меня въ такое положеніе, при которомъ мнѣ не могли бы угрожать искушенія, имѣя въ виду ужасную перспективу бѣдности и нищеты; и если у него возникнетъ опасеніе, что я стану надоѣдать ему въ будущемъ, то прошу его дать мнѣ возможность возвратиться къ моей матери въ Виргинію, откуда, какъ ему извѣстно, я недавно пріѣхала, это можетъ положить конецъ всѣмъ его опасеніямъ. Затѣмъ въ заключенія я увѣряла его, что если онъ пришлетъ мнѣ 50 фунтами больше, чтобы облегчить мое путешествіе, то я выдамъ ему росписку съ обѣщаніемъ не тревожить его уже никакими просьбами, кромѣ одной: сообщать мнѣ свѣдѣнія о моемъ ребенкѣ и отдать его мнѣ, когда я за нимъ пришлю, въ случаѣ, если застану въ живыхъ свою мать и хорошо устроюсь въ Виргиніи.

Все это былъ обманъ; я не имѣла никакого намѣренія

отправляться въ Виргинію, и дѣло заключалось только въ томъ, чтобы выманить у него еще 50 фунтовъ, такъ какъ я очень хорошо знала, что это было послѣднее, чего я могла отъ него ожидать.

Тѣмъ не менѣе мои доводы и, главнымъ образомъ, обѣщаніе выдать росписку подѣйствовали на него; онъ прислалъ мнѣ съ однимъ господиномъ билетъ на эту сумму и готовую росписку, которую я тотчасъ подписала. Такъ печально окончилась эта связь.

XI.

Я остаюсь одна.—Новыя знакомства.—Мнѣ предлагаютъ ѣхать въ провинцію.—Я не знаю, гдѣ помѣстить свой капиталъ.—Это затрудненіе разрѣшается моимъ новымъ другомъ.—Я уѣзжаю на сѣверъ Англіи.

Теперь я снова стала незамужней женщиной, какъ я называла себя; я была свободна отъ всѣхъ обязательствъ жены и любовницы; теперь никто не могъ осуждать меня, никто, кромѣ моего мужа, торговца полотнами, о которомъ я ничего не слыхала въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Я начала подводить итоги своему состоянію. Благодаря многимъ моимъ письмамъ въ Виргинію, а также заботамъ моей матери, я получила оттуда новый грузъ товаровъ на пополненіе тѣхъ убытковъ, которые я понесла вслѣдствіе порчи моего перваго груза, подъ условіемъ, какъ оно ни казалось мнѣ жестокимъ, выдать брату обязательство не требовать больше ничего. Но я такъ хорошо съумѣла устроить это дѣло, что получила товары прежде, чѣмъ выдать это обязательство.

Считая все, что у меня было, я имѣла болѣе 450 фунтовъ. Я могла бы имѣть еще 100 фунтовъ, если бы со мной не случилось слѣдующаго несчастія. Эти деньги я одолжила серебряннику, который обанкрутился, причемъ я потеряла 70 фунтовъ, получивъ при разверсткѣ за 100 фунтовъ только 30. Кромѣ этихъ денегъ, у меня было серебро, много платьевъ и бѣлья.

Съ этимъ состояніемъ я должна была начинать новую жизнь, причемъ надо имѣть въ виду, что я была уже не той женщиной, какой жила въ Ротергайтѣ, когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ и когда я еще не предпринимала путешествій въ Виргинію и обратно, и хотя я не пренебрегала ничѣмъ, чтобы сохранить свою красоту (кромѣ притираній и румянъ,—до этого я никогда не унижалась), тѣмъ не менѣе всегда можно отличить женщину въ двадцать пять лѣтъ отъ женщины въ сорокъ два года.

Главное мое несчастье заключалось въ томъ, что у меня не было друзей и знакомствъ; я не могла ни къ кому

обратиться за совѣтомъ и вполнѣ откровенно объяснить свое положеніе; я узнала изъ опыта, что для женщины послѣ нищеты хуже всего не имѣть друзей; я говорю «для женщины», потому что мужчина можетъ самъ въ себѣ найти совѣтника и всегда съумѣетъ лучше выпутаться изъ затрудненій, чѣмъ женщина; но если женщина останется одна, безъ друга, который могъ бы принять участіе въ ея горѣ, который могъ бы успокоить ее, подать ей совѣтъ, тогда десять шансовъ противъ одного говорятъ за ея паденіе. Такую одинокую женщину, безъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, можно уподобить мѣшку съ золотомъ или съ драгоцѣнностями, брошенными на дорогѣ; этотъ мѣшокъ всегда можетъ сдѣлаться добычей перваго проходящаго, и хорошо, если онъ попадетъ въ руки добродѣтельнаго человѣка, который объявитъ о находкѣ и возвратитъ ее по принадлежности. Но много ли такихъ людей, и на сколько случаевъ придется одинъ, когда подобная находка попадетъ въ руки добросовѣстнаго человѣка?

Все это имѣло близкое отношеніе къ моему положенію, я была женщина свободная, бродячей жизни, женщина развращенная, безпомощная, не имѣвшая друга, который бы могъ руководить поступками; я преслѣдовала извѣстную цѣль, я знала, что мнѣ нужно, но я не умѣла достигнуть этой цѣли прямымъ путемъ; я искала обезпеченной жизни и если бы могла найти скромнаго мужа, человѣка строгихъ правилъ, я была бы такой вѣрной женой, какую только можетъ создать добродѣтель. Но если я дѣйствовала иначе, то это потому, что путь къ пороку всегда прокладываетъ не врожденная къ нему наклонность, а нищета; не пользуясь покойной и благоустроенной жизнью, я слишкомъ хорошо понимала цѣну такой жизни, чтобы стремиться къ ней; да, не смотря на всѣ преграды, заглушавшія во мнѣ добродѣтель, я могла бы быть лучшей женой, такъ какъ при всякомъ моемъ замужествѣ я не давала мужу ни малѣйшаго повода подозрѣвать меня въ невѣрности!

Но все это не послужило ни къ чему, и мнѣ не открывалась утѣшительная перспектива; я выжидала, я вела правильную, умѣренную жизнь, но мнѣ ничего не представлялось, а между тѣмъ мой капиталъ быстро уменьшался, и я не знала, что мнѣ дѣлать; ужасъ приближавшейся нищеты угнеталъ мою душу; у меня были небольшія деньги, но я не знала, куда ихъ помѣстить, да притомъ я не могла жить одними процентами съ моего капитала, по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ.

Наконецъ, передо мной открылась новая арена. Въ домѣ, гдѣ я квартировала, жила одна дама изъ сѣверной провинціи. Я познакомилась съ ней и она очень часто въ разговорахъ со мной выхваляла мнѣ жизнь въ своей провинціи; она описы-

вала необыкновенную дешевизну всѣхъ продуктовъ, ихъ изобиліе, разсказывала, какое пріятное общество можно встрѣтить тамъ, и много другихъ подобныхъ вещей; она такъ увлекла меня своими разсказами, что однажды я сказала ей: вы меня почти соблазнили поселиться въ вашихъ мѣстахъ; я вдова и хотя у меня есть достаточныя средства для жизни, однако я не имѣю возможности увеличивать свои доходы; а между тѣмъ Лондонъ это мѣсто всякихъ сумасбродствъ и излишествъ, и я вижу, что здѣсь я не могу проживать менѣе ста фунтовъ въ годъ, отказывая себѣ даже въ прислугѣ и принуждая себя жить совершенно уединенно, какъ будто по необходимости.

Если бы этой женщинѣ было извѣстно мое дѣйствительное положеніе, она бы никогда такъ заманчиво не разставляла своей западни, она никогда бы не дѣлала столько докучливыхъ подходовъ съ цѣлью заманить къ себѣ бѣдное, разбитое созданье, которое не могло принести ей ничего особеннаго; я же дѣйствительно находилась въ такомъ безнадежномъ положеніи, хуже котораго, мнѣ казалось, не могло быть и потому я не очень заботилась о томъ, что случится со мной, если я поѣду съ ней; такимъ образомъ послѣ многихъ приглашеній съ ея стороны и увѣреній въ искренней дружбѣ я позволила убѣдить себя отправиться съ ней и вслѣдствіе этого готовилась къ отъѣзду, хотя совершенно не знала, куда я поѣду.

Однажды утромъ мнѣ пришло на мысль отправиться самой въ банкъ, куда я часто ходила за полученіемъ процентовъ по нѣкоторымъ бывшимъ у меня билетамъ и гдѣ я познакомилась съ однимъ честнымъ клеркомъ по слѣдующему поводу: разъ я невѣрно сосчитала слѣдуемые мнѣ проценты и взяла меньше, чѣмъ было нужно; я уже уходила, когда онъ вернулъ меня и выдалъ мнѣ недополученную сумму, вмѣсто того, чтобы положить ее къ себѣ въ карманъ.

Итакъ я пошла въ банкъ и, увидя тамъ своего клерка, просила его посовѣтовать мнѣ, бѣдной, одинокой вдовѣ, какъ поступить съ моими деньгами. Онъ сказалъ, что онъ съ готовностью поможетъ мнѣ устроить свой капиталъ такимъ образомъ, что я не понесу ни малѣйшей потери, что онъ порекомендуетъ мнѣ своего знакомаго. человѣка глубоко свѣдущаго въ банковыхъ операціяхъ, который служитъ въ другомъ банкѣ и на честность котораго онъ полагается вполнѣ.

— Я могу отвѣчать за каждый его шагъ,—прибавилъ онъ, и если вы потеряете хоть одинъ фартингъ, то зачтете его на мой счетъ; этотъ джентльменъ охотно помогаетъ всѣмъ и всегда готовъ сдѣлать доброе дѣло.

Онъ просилъ меня придти въ тотъ же вечеръ послѣ закрытія банка, чтобы познакомиться съ его другомъ. Во время этого свиданія я сразу вполнѣ убѣдилась, что буду имѣть дѣло

съ честнымъ человѣкомъ. Его лицо, его разговоръ, и наконецъ общіе хорошіе о немъ отзывы разсѣяли всѣ мои сомнѣнія на его счетъ.

Придя къ нему на другой день, я чувствовала себя гораздо свободнѣе и подробно изложила ему положеніе своихъ дѣлъ; я объяснила ему, что я вдова, пріѣхала изъ Америки, что я одинока и не имѣю друзей, но имѣю небольшія деньги, очень небольшія, и прихожу въ отчаяніе отъ страха потерять ихъ, я не знаю кому довѣриться и поручить заботы о моемъ крошечномъ капиталѣ; я отправляюсь на сѣверъ Англіи, желая устроиться подешевле, не растрачивая своего капитала, который я бы охотно помѣстила въ банкъ, но боюсь забрать съ собой банковые билеты; оставить же ихъ здѣсь я могла бы только тогда, если бы у меня былъ человѣкъ, который бы велъ мои денежныя дѣла, но такого у меня нѣтъ.

На это онъ сказалъ:

— Отчего вы не изберете себѣ такого управляющаго, который бы сразу взялъ въ свое вѣдѣніе васъ и ваши деньги, тогда вы избавили бы себя отъ всякихъ заботъ?

— Но быть можетъ я избавила бы себя отъ своего капитала,—отвѣчала я;—нѣтъ, я боюсь рисковать.

Однако я помню, что при этомъ я подумала такъ: я бы желала, чтобы ты болѣе откровенно поставилъ этотъ вопросъ, и тогда мнѣ пришлось бы серьезно подумать прежде, чѣмъ на твое предложеніе отвѣчать тебѣ *нѣтъ!*

Онъ долго говорилъ на эту тему и разъ или два мнѣ показалось, что онъ питаетъ на счетъ меня серьезныя намѣренія, но, къ моему огорченію, я скоро узнала, что онъ женатъ и повидимому находится въ такомъ же положеніи, какъ мой послѣдній любовникъ, то есть, что его жена или лунатикъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Однако мы больше не касались этого вопроса. Онъ объявилъ мнѣ, что теперь у него есть срочныя дѣла и что, если я желаю придти къ нему, когда онъ ихъ кончитъ, тогда мы обдумаемъ, какимъ образомъ помѣстить безопасно мои деньги. Я сказала, что я приду, и просила сообщить мнѣ, гдѣ онъ живетъ. Онъ написалъ свой адресъ и, прочтя его, сказалъ:

— Вотъ вамъ, леди, мой адресъ. Если вамъ угодно вы можете вполнѣ положиться на меня.

— Да, сэръ,—отвѣчала я,—я думаю, что могу вполнѣ положиться на васъ, такъ какъ вы говорите, что вы женаты, а я не ищу мужа. Кромѣ того я довѣряю вамъ всѣ мои деньги, а если я ихъ потеряю, тогда мнѣ уже нечего будетъ полагаться на кого-бы то ни было.

Затѣмъ онъ шутя наговорилъ много милыхъ любезностей, которыя мнѣ очень пришлись бы по сердцу, если бы онѣ были

серьезны; наконецъ, я ушла и была у него опять въ семь часовъ вечера.

Теперь онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько своихъ предположеній относительно помѣщенія моихъ денегъ въ банкъ, съ тѣмъ чтобы я могла получать на нихъ проценты, но каждое изъ этихъ предложеній было соединено съ такими затрудненіями, что не представлялось никакого выхода, и это вполнѣ подтверждало его неподкупную честность. Я съ полной искренностью объяснила ему, что совершенно спокойно поручаю ему завѣдываніе моими небольшими дѣлами, если только онъ пожелаетъ быть управителемъ бѣдной вдовы, не имѣющей возможности предложить ему вознагражденія.

Онъ улыбнулся, потомъ всталъ, почтительно поклонился и сказалъ, что онъ въ восторгѣ отъ моего прекраснаго мнѣнія о немъ, но что онъ никакъ не можетъ принять на себя отъ меня порученія, которое дастъ поводъ мнѣ думать, что онъ дѣйствуетъ изъ личныхъ интересовъ, причемъ въ случаѣ моей смерти у него могутъ возникнуть споры съ моими душеприкащиками, чего онъ боится болѣе всего.

Я отвѣчала ему, что у меня нѣтъ ни наслѣдниковъ, ни родныхъ въ Англіи и послѣ моей смерти единственнымъ душеприкащикомъ и наслѣдникомъ можетъ остаться только онъ, по крайнѣй мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится мое положеніе, о чемъ я вовсе не думаю; если же я умру такою же вдовой, какъ теперь, тогда все мое состояніе перейдетъ къ нему, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ, благодаря своей честности, въ которой я глубоко убѣждена.

При этихъ словахъ онъ измѣнился въ лицѣ и спросилъ, что заставляетъ меня относиться къ нему съ такимъ довѣріемъ и расположеніемъ. Затѣмъ онъ восторженно объявилъ, что искренно полюбилъ меня и жалѣетъ, что онъ женатъ; я, улыбнувшись, отвѣтила, что такъ какъ онъ женатъ, то мое предложеніе не можетъ внушить подозрѣнія, будто я имѣю на него виды, и что его непозволительное сожалѣніе является преступленіемъ по отношенію къ его женѣ.

На это онъ возразилъ:—вы не правы, потому что я женатъ и не женатъ въ одно и то же время, и мнѣ нисколько не грѣшно желать, чтобы моя жена была повѣшена.

— Я не знаю условій вашей жизни, сэръ,—сказала я,—но ужели можно назвать невиннымъ желаніе смерти своей женѣ?

— Я говорю вамъ,—повторилъ онъ,—что она жена мнѣ и не жена; но вы не знаете ни меня, ни ее.

Я перемѣнила разговоръ и обратилась къ своему дѣлу, но увидала, что онъ мало интересуется имъ, а потому предоставила ему говорить; тогда онъ передалъ мнѣ подробности своей

жизни съ женой, слишкомъ длинныя, чтобы повторять ихъ здѣсь; достаточно будетъ сказать, что раньше, чѣмъ занять это мѣсто, онъ жилъ за границей, гдѣ его жена имѣла двухъ дѣтей отъ одного армейскаго офицера; по пріѣздѣ въ Англію, онъ примирился съ этимъ, прекрасно обходился съ ней; тѣмъ не менѣе она убѣжала съ однимъ приказчикомъ, захвативъ съ собою все, что могла взять; «такимъ образомъ, добавилъ онъ, вы видите, миледи, что она дѣйствуетъ такъ не ради нищеты, которая служитъ соблазномъ для всѣхъ людей, а просто потому, что она порочная женщина».

Я выразила ему свое сожалѣніе и пожелала найти возможность разстаться съ женой навсегда. Затѣмъ я хотѣла снова вернуться къ моему дѣлу, но онъ не слушалъ, и, смотря мнѣ прямо въ глаза, сказалъ:

— И такъ, миледи, вы вотъ пришли просить у меня совѣта по вашему дѣлу, я готовъ такъ же вѣрно служить вамъ, какъ если бы вы были моя сестра; но такъ какъ вы отнеслись ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и показали мнѣ столько расположенія, то намъ приходится помѣняться ролями: я хочу въ свою очередь просить у васъ совѣта; скажите, какъ долженъ поступить несчастный обманутый мужъ съ своей женой, чтобы удовлетворить чувству справедливости?

— Увы, сэръ, это слишкомъ тонкое дѣло, чтобы я могла дать вамъ совѣтъ, но мнѣ кажется, что разъ она ушла отъ васъ, вы стали совершенно свободны и вамъ нечего больше желать.

— Безъ сомнѣнія, она ушла,—отвѣчалъ онъ,—но вѣдь это не значитъ, что мы разстались съ ней навсегда.

— Это правда; она можетъ надѣлать долговъ; но вѣдь законъ даетъ вамъ возможность гарантировать себя: вы можете публично отказаться отъ платежа по такимъ долгамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—это не то; я гарантировалъ себя въ этомъ отношеніи, но меня занимаетъ совсѣмъ другой вопросъ: я бы хотѣлъ освободиться отъ нея такъ, чтобы жениться снова.

— Ну, что же, сэръ, тогда вамъ остается развестись и если вы можете доказать все, что говорите, вы навѣрное получите разводъ и будете свободны.

— Это слишкомъ долго и слишкомъ дорого стоитъ,—сказалъ онъ.

— Но если вы встрѣтите особу, которая вамъ понравится, то я думаю, ваша жена не станетъ оспаривать у васъ той свободы, которою пользуется сама.

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ,—но трудно согласить на такую вещь честную женщину, а что касается дамъ иного сорта, то я слишкомъ много страдалъ отъ этой, чтобы имѣть дѣло съ такими же другими.

При этомъ я подумала: «я отъ всей души поймала бы тебя на словѣ, если бы ты прямо поставилъ вопросъ», ему же я отвѣтила такъ:

— Хорошо, сэръ, — въ вашемъ дѣлѣ легче дать совѣтъ, чѣмъ въ моемъ.

— Говорите, говорите, умоляю васъ.

— Ваше положеніе ясно, какъ день,—сказала я,—вы можете получить законный разводъ и тогда найдете довольно честныхъ женщинъ, изъ которыхъ каждой можете сдѣлать предложеніе; вѣдь женщины не такая рѣдкость, чтобы вы не могли найти того, чего ищете.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—тогда я серьезно приму вашъ совѣтъ; но прежде я хочу поставить вамъ еще одинъ важный вопросъ.

— Какой вамъ будетъ угодно,—отвѣчала я,— кромѣ того, о которомъ идетъ рѣчь.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—именно этотъ, другіе пока меня не интересуютъ.

— Вы можете спрашивать все, что вамъ угодно, но я уже дала свой отвѣтъ; съ своей стороны я спрошу васъ: неужели вы составили обо мнѣ такое дурное мнѣніе, что разсчитываете получить отъ меня утвердительный отвѣтъ на сдѣланное вами раньше предложеніе? Неужели порядочная женщина можетъ думать, что вы говорите все это серьезно?

— Но,—сказалъ онъ,—я совсѣмъ не смѣюсь надъ вами, я говорю серьезно, подумайте объ этомъ.

— Однако, подумайте и вы,—сказала я, принимая нѣсколько важный тонъ,—вѣдь я пришла къ вамъ по поводу моихъ собственныхъ дѣлъ, я пришла просить васъ посовѣтовать мнѣ, какъ поступить съ моими деньгами, а вы...

— Я подумаю объ этомъ,—сказалъ онъ,—въ слѣдующій разъ, когда вы пожалуете.

— Но своимъ поведеніемъ вы положительно не позволяете мнѣ снова придти къ вамъ,—отвѣчала я.

— Почему это?—въ изумленіи спросилъ онъ.

— Но неужели вы думаете, что я соглашусь возвращаться къ вашимъ вопросамъ?—спросила я его въ свою очередь.

— Такъ или иначе, но вы должны дать мнѣ слово, что придете; я же съ своей стороны обѣщаю вамъ не заикаться о своихъ дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока не получу развода; тѣмъ не менѣе я прошу васъ измѣнить ваше настроеніе по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда у меня все будетъ кончено; такъ какъ я рѣшилъ, что или вы будете моей женой, или я не стану хлопотать о разводѣ; вотъ что дала мнѣ ваша неожиданная дружба, хотя помимо этого у меня есть другія основанія поступать именно такъ, а не иначе.

Ничто не могло быть для меня пріятнѣе этихъ словъ, однако, я очень вѣжливо сказала ему, что у него еще будетъ довольно времени подумать объ этомъ, когда онъ станетъ свободнымъ человѣкомъ. На этомъ мы и остановились; онъ обѣщалъ на слѣдующій день заняться моими дѣлами и просилъ меня придти къ нему, на что я согласилась только послѣ многихъ настоятельныхъ его просьбъ; хотя, если бы онъ могъ прочитать мои мысли, то ему не было бы надобности такъ долго на этомъ настаивать.

Дѣйствительно, на слѣдующій вечеръ я пришла къ нему, нарочно съ горничной, и съ удовольствіемъ замѣтила, что онъ приготовилъ для меня ужинъ; у него была прекрасно обставленная квартира, и вообще, какъ видно, онъ жилъ очень хорошо, что, сказать правду, меня весьма обрадовало, такъ какъ я считала его уже своимъ.

Послѣ ужина онъ очень упрашивалъ меня выпить два или три стакана вина, и хотя я отказывалась, тѣмъ не менѣе выпила одинъ или два; потомъ онъ сказалъ, что намѣренъ сдѣлать мнѣ одно предложеніе, но сперва я должна обѣщать ему не оскорбиться, если не соглашусь на это предложеніе. Я отвѣчала, что я прошу лучше не говорить, чтобы не заставить меня потерять уваженіе, которое я теперь питаю къ нему и благодаря которому рѣшилась придти сюда. Затѣмъ я умоляла его позволить мнѣ удалиться, — причемъ начала надѣвать перчатки и сдѣлала видъ, будто собираюсь идти, чего на самомъ дѣлѣ не желала, точно такъ же, какъ онъ не желалъ меня отпустить.

Онъ просилъ меня не говорить о моемъ уходѣ, увѣряя, что онъ очень далекъ отъ мысли предложить мнѣ что либо неприличное, и если я такъ думаю, то онъ не скажетъ больше ни одного слова.

Было не въ моихъ видахъ заставлять его молчать и потому я сказала, что готова его выслушать. Тогда онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее формальное предложеніе: онъ просилъ меня выйти за него замужъ, хотя еще и не получилъ развода съ своей женой, и чтобы убѣдить меня въ чистотѣ своихъ намѣреній, онъ далъ слово не просить меня жить съ нимъ, пока разводъ не совершится... Съ первыхъ же его словъ мое сердце отвѣчало ему «я согласна», но мнѣ необходимо было еще полицемѣрить, и потому я съ нѣкоторымъ волненіемъ отклонила его предложеніе и довела его своими доводами до полнаго убѣжденія, что его предложеніе не имѣетъ смысла; тогда онъ перешелъ къ другому и просилъ меня заключить съ нимъ письменное условіе, по которому я должна была обязаться выйти за него замужъ, какъ только онъ получитъ разводъ, въ противномъ случаѣ, контрактъ остается недѣйствительнымъ.

Я отвѣчала, что хотя это предложеніе и болѣе основательно, чѣмъ первое, но такъ какъ я не имѣю привычки отвѣчать сразу, то прошу его дать время подумать. Съ этимъ любовникомъ я поступала такъ, какъ поступаетъ рыболовъ съ форелью; я видѣла, что онъ ловится на крючокъ, и забавлялась этимъ, откладывая свое рѣшеніе; я говорила ему, что онъ еще мало меня знаетъ, и просила собрать обо мнѣ свѣдѣнія; я позволила ему проводить себя до квартиры, но не предложила войти, находя это не приличнымъ.

Словомъ, я избѣжала контракта, но объяснила ему, что я отправляюсь на сѣверъ и оставляю ему свой адресъ, по которому онъ будетъ писать мнѣ о моихъ дѣлахъ, что я передамъ ему почти все, что у меня есть и такимъ образомъ оставляю ему залогъ моего полнаго уваженія и довѣрія къ нему, и охотно даю обѣщаніе, что лишь только онъ исполнитъ формальности развода и напишетъ мнѣ объ этомъ, я тотчасъ пріѣду въ Лондонъ, и тогда мы серьезно поговоримъ по этому поводу.

Я должна признаться, что я ѣхала съ самыми блестящими надеждами, хотя меня и приглашали туда съ самыми дурными цѣлями, какъ потомъ оказалось. Наконецъ, мы отправились съ моей подругой, какъ я называла ее, въ Ланкаширъ; впродолженіи всей дороги она не переставала ухаживать за мной, выказывая искреннюю и непритворную ко мнѣ привязанность: она угощала меня всѣмъ, такъ что я платила только за экипажъ; въ Уорингтонѣ насъ встрѣтилъ ея братъ въ дворянской каретѣ; оттуда мы поѣхали въ Ливерпуль, окруженныя такою пышностью, лучше которой нельзя было желать.

Насъ прекрасно приняли въ домѣ одного ливерпульскаго купца, гдѣ мы пробыли три или четыре дня; я не называю его по причинамъ, которыя узнаете послѣ; затѣмъ моя подруга объявила мнѣ, что мы поѣдемъ къ ея дядѣ, гдѣ насъ примутъ по-царски; дѣйствительно скоро явился ея дядя, въ каретѣ четверкой, которая и отвезла насъ за сорокъ лье отъ Ливерпуля, но я не знаю, въ какую сторону.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЛАЧНЫЙ ДЕНЬ.

(Эпизодъ изъ ненаписаннаго романа).

I.

Былъ знойный лѣтній день 1892 года.

Въ высокой синевѣ тянулись причудливые клочья рыхлаго бѣлаго тумана. Въ зенитѣ они неизмѣнно замедляли ходъ и тихо таяли, какъ бы умирая отъ знойной истомы въ раскаленномъ воздухѣ. Между тѣмъ, кругомъ надъ чертой горизонта толпились, громоздясь другъ на друга, кудрявыя облака, а кое-гдѣ пали какъ будто синія полосы отдаленныхъ дождей. Но онѣ стояли недолго, рѣдѣли, сквозили, исчезали, чтобы пасть гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и такъ-же быстро исчезнуть... Казалось, у облачнаго неба не хватало рѣшимости и силы, чтобы пролиться на землю... Тучи набирались, надумывались, тихо развертывались и охватывали кольцомъ равнину, на которой зной царилъ всетаки во всей томительной силѣ; а солнце, начавшее склоняться къ горизонту, пронизывало прямыми лучами всю эту причудливую мглистую панораму, усиливая въ ней смѣну свѣта и тѣней, придавая какую то фантастическую жизнь этому молчаливому движенію въ горячемъ небѣ... Во всемъ чувствовалось ожиданіе, напряженіе, какія то приготовленія, какая то тяжелая борьба. Туманная рать темнѣла и сгущалась внизу, посылая отъ себя то и дѣло легкія бѣлыя облачка, которыя быстро неслись къ серединѣ неба и неизмѣнно сгорали въ зенитѣ, а земля все ждала исхода, дождя и влаги, ждала томительно и напрасно...

По тракту лѣниво прозвонилъ колокольчикъ и смолкъ. Потомъ неожиданно заболтался сильнѣе, и съ холма межь рядами старыхъ березъ покатился въ клубкѣ бѣлой пыли тарантасъ съ порыжѣлымъ кожанымъ верхомъ, запряженный тройкой почтовыхъ лошадей. Вокругъ тарантаса моталась плотная пыль, лошадей густо облѣпили слѣпни и овода, увязавшіеся за ними отъ самой станціи. Отъ станціи же путниковъ сопровождаетъ печальный и сухой шелестъ усыхающихъ нивъ. Рожь тихо качается, шуршитъ и будто жалуется впросонкахъ на этотъ

зной и на эти раздражающія туманныя грезы, залегающія на горизонтѣ неясными призраками дождей...

Скучно. Въ густой листвѣ придорожныхъ березъ шевелятся порой какіе-то вздохи, а изъ села, колокольня котораго осталась назади, за холмомъ, слышенъ рѣдкій, надтреснутый звонъ.

— Осокинцы это, молебствуютъ,—сказалъ, ни къ кому не обращаясь, ямщикъ...—Икону подняли,—что-то Господи дастъ... Эхъ вотъ, прежде попъ у нихъ былъ, Василій. Насчетъ чего прочаго не больно дохваливали, а что касающее дождя,—зналъ!.. Какъ бывало пройдетъ по межамъ, даромъ что пьяненькій шатается,—отколь ни возьмется, братецъ мой, туча... И отколь тебѣ ни возьмется туча...

Никто не отвѣтилъ, и ямщикъ смолкъ. По межамъ дѣйствительно мелькаютъ ризы сельскаго причта, почернѣвшая парча двухъ хоругвей болтается въ ясномъ воздухѣ, и пѣніе незатѣйливаго клира носится какими-то обрывками. Раскатится густая діаконская октава и разсыпется горошкомъ гдѣ-то совсѣмъ близко, смѣшавшись съ шелестомъ ржи, между тѣмъ какъ высокая фистула дьячка безпокойно летаетъ надъ березами и будто мечется, и кого-то ищетъ, и зоветъ кого-то напрасно. Потомъ все стихнетъ и весь пейзажъ опять безъисходно томится и будто еще усиленнѣе чувствуетъ тяжесть бытія. А неподвижный воздухъ опять густо насыщенъ ожиданіемъ и смутными раздражающими грезами.

Вмѣстѣ съ пылью и слѣпнями это ощущеніе безнадежной тоски нависло, очевидно, и надъ тарантасомъ, тихо катившимся по тракту. Коренникъ лѣниво мѣсилъ ногами, пристяжки роняли морды чуть не въ самую пыль дороги, тарантасъ разслабленно дребезжалъ плохо пригнанными частями, ямщикъ видимо придирался къ лѣвой пристяжкѣ, надѣляя ее по временамъ язвительными эпитетами и сравненіями самаго оскорбительнаго свойства.

Впрочемъ, если кто не вполнѣ поддался разслабляющему вліянію этого страннаго дня, то это былъ именно ямщикъ,—мужикъ небольшой, невзрачный, въ порыжѣломъ и заплатанномъ кафтанѣ, въ какой-то шляпенкѣ неизвѣстнаго происхожденія, неопредѣленной формы и цвѣта. Носъ у него нѣсколько на бекрень, бороденка выгорѣла отъ солнца, но глаза живые, умные, синіе и глубокіе. Это личность популярная по тракту, и кому часто доводилось ѣздить этими мѣстами,—тотъ непремѣнно узнавалъ Кривоносаго Силуяна. «Балагуръ! — говорили про него другіе ямщики, — забавникъ! Съ нимъ, конечно, сѣдоку не скучно!» Зато и самъ Силуянъ любитъ сѣдока внимательнаго и разговорчиваго. Онъ охотно говоритъ самъ, но охотно и слушаетъ. Онъ отдаетъ дорогѣ все, что знаетъ, но и дорога порой, если попадется сѣдокъ простой и досужій,—на-

дѣляетъ Силуяна такими свѣдѣніями, которыя только и можно подхватить на бойкомъ тракту отъ проѣзжаго, бывалаго и видалаго человѣка. Силуянъ слушаетъ тогда, повернувъ съ облучка назадъ лѣвое ухо, а потомъ, возвращаясь на обратной одиночкѣ легкой рысцей, въ сумерки или темною ночью, когда чуть видныя березы глухо шумятъ вдоль темнаго тракта,—перебираетъ въ умѣ слышанное за день. А такъ какъ онъ въ душѣ поэтъ, надѣленный безпокойнымъ и подвижнымъ воображеніемъ, къ тому же темныя ночи, звонъ колокольчика и шумъ вѣтра въ березахъ отражаются по своему на работѣ ямщицкой памяти,—то немудрено, что уже черезъ недѣлю-другую самъ проѣзжій разсказчикъ могъ-бы выслушать отъ Силуяна свой собственный разсказъ, какъ совершенную новость... И ему не удалось бы даже убѣдить Силуяна, что это онъ, проѣзжій, самъ и разсказалъ ему, Силуяну, только совсѣмъ иначе. Силуянъ повернется, посмотритъ, и покачаетъ головой.

— Нѣтъ, то былъ другой, и личность другая!

И дѣйствительно, то былъ другой, потому что темныя ночи и ямщицкая память совершенно преображали человѣка, неизвѣстно откуда пріѣхавшаго и неизвѣстно куда ускакавшаго по безконечному тракту въ невѣдомый свѣтъ,—преображали до такой степени, что и его фигура, и лицо, и голосъ, и самый разсказъ подергивались особеннымъ налетомъ ямщицкой фантазіи... Такъ рождалось на А—скомъ тракту много былинъ, а такъ какъ ихъ некому было записывать, то онѣ тутъ же на тракту и умирали, если, впрочемъ, исправникъ Полежаевъ, большой любитель этихъ разсказовъ, не повторялъ ихъ гдѣ нибудь въ грязномъ номерѣ уѣздной гостинницы передъ скучающей уѣздной публикой...

— Да ты, Силуянъ, смотри, болтаешь зря,—говорилъ иногда исправникъ...—Какъ бы тебѣ иной разъ и не того... и не нагорѣло за твои сказки...

— Убей меня Богъ, Степанъ Митричъ,—отвѣчалъ Силуянъ съ убѣжденіемъ и совершенно искренно.—Отъ проѣзжаго барина слышалъ, отъ генерала.

Да, много страннаго узнали бы вы о бѣломъ свѣтѣ отъ ямщика Силуяна, отлично знавшаго, впрочемъ, каждый пенекъ на А—скомъ трактѣ.

II.

Теперь онъ бодръ, только слегка раздраженъ и недоволенъ. Измѣнчивыя облака (овесъ сохнетъ!), жаръ, слѣпни, лукавство лѣвой пристяжки, которая все наровитъ «обмануть» его, но самое непріятное—молчаливые, разваренные сѣдоки... Ихъ двое: молодая дѣвушка и пожилой баринъ. Баринъ сидитъ совсѣмъ

осовѣлый и клюетъ носомъ. Ямщикъ давно махнулъ на него рукой и всѣ надежды возложилъ на дѣвушку. Но та сначала забилась въ уголъ тарантаса и все глядѣла въ одномъ направленіи упрямо и жадно, не видя ничего въ отдѣльности и только поглощая глазами синюю даль. Потомъ, такъ и заснула, не перемѣнивъ положенія; бѣлокурая головка безпомощно моталась на жесткой кожѣ тарантаса, платокъ съ головы съѣхалъ назадъ, волосы сбились, а на лицѣ блуждало страпное выраженіе, какъ будто и во снѣ она глядитъ на что-то вдали и старается что-то угадать.

Силуяну стало жаль ея, и онъ поѣхалъ тише, но лѣвая пристяжка воспользовалась его снисходительностью до такой степени нагло, что онъ не выдержалъ и рѣзко вытянулъ ее кнутомъ. Недобросовѣстный конь дернулъ сразу, тарантасъ охнулъ и дѣвушка проснулась.

— И подлый же конь этотъ,—сказалъ онъ виновато, указывая на пристяжку кнутомъ,—коренная, напримѣръ, старается, безъ облыни, а этому какъ бы только оммануть. Вотъ, во-о-отъ, во-атъ, гляди на него, на ш-шельму.

Онъ отвелъ душу, пристяжка, казалось, поняла цѣну добродѣтели, и ямщикъ успокоился. Онъ поглядѣлъ на небо и, широко взмахнувши по воздуху кнутовищемъ, какъ бы погоняя тучи, сказалъ:

— Облака-те набираются все. Не дастъ-ли Господи милости хресьянамъ... Айда, айда къ намъ, на Липоватку.

Онъ ждетъ. Теперь по настоящему сѣдокамъ слѣдовало-бы спросить: «а ты самъ развѣ изъ Липоватки?»

Онъ бы тотчасъ отвѣтилъ:

— Ну! Изъ Липоватки, изъ самой! Липоватовыхъ господъ, можетъ, слыхали? Богатѣющее имѣніе было.

Да тутъ-же, кстати, спросилъ-бы и самъ:

— А вы чьи будете, изъ какой стороны? Не видывали мы васъ что-то, здѣшніе-то господа у насъ на примѣтѣ.

Онъ уже наклонилъ ухо, но никто ничего ему не отвѣтилъ. Господинъ по прежнему тускло глядѣлъ впередъ и тихонько потряхивался на сидѣніи («точно мѣшокъ съ мякиной»,—сказалъ про себя ямщикъ), а барышня опять уставилась глазами на дальнюю рощу, грузно и сине легшую по «вершинкѣ», на фонѣ желтой нивы.

Ямщикъ досадливо поправился на облучкѣ, усѣлся плотнѣе и обратился къ березамъ, которыя что-то зашептали ему, какъ старому знакомому, будто приглашая къ бесѣдѣ съ ними, вмѣсто непривѣтливыхъ сѣдоковъ.

— И-эхъ березыньки!...—любовно протянулъ онъ нараспѣвъ, и тихая пѣсня понеслась среди мертваго жужжанія оводовъ. Онъ пѣлъ пріятной фистулой, обладавшей общимъ свойствомъ

ямщицкихъ голосовъ: пѣсня звучала будто откуда-то издалека, точно вѣтеръ наносилъ ее съ поля.

И-э-эхъ... да э-э-эхъ да Аракчеевъ господинъ...
Да Аракчее-е...

Такъ какъ лукавый пристяжной конь видимо замедлилъ ходъ, чтобы лучше слышать пѣніе хозяина, то ямщикъ опять рѣзко вытянулъ его по заду,—а пѣсня не прерывалась, будто въ самомъ дѣлѣ ее пѣлъ кто-то другой, въ сторонѣ. Она тянулась тише и тише, но какъ-то особенно полно и грустно лилась нота за нотой... Да, есть что-то особенное въ этихъ ямщицкихъ пѣсняхъ, которыя поются вполголоса на облучкѣ подъ топотъ копытъ и монотонное позваниваніе колокольчика. Не удаль и не тоска,—а что-то неопредѣленное, точно во снѣ встаютъ воспоминанія о прошломъ, странномъ и близкомъ душѣ, увлекательномъ и не знакомомъ... Барышня шевельнула бровями.

— Да Аракчеевъ господинъ,
Да енъ всее дороженьку березкой усадилъ...

Воспоминаніе становилось опредѣленнѣе, какъ эти облака, выступающія на мглистомъ фонѣ, слова выходили изъ этого звучнаго жужжанія ясныя, съ понятнымъ смысломъ. Барышня совсѣмъ оторвала глаза отъ рощи и господинъ переставалъ безжизненно встряхиваться на своемъ сидѣніи.

— Да онъ тебя, дороженька, березкой усадилъ...
Да всее Рассеюшку въ раззоръ раззорилъ!..
И-э-эхъ, моя березынька, дороженька моя...

Послѣдній стихъ прозвенѣлъ и потерялся въ воздухѣ, покрытый явно сочувственнымъ шорохомъ березъ, шевелившихъ на легкомъ вѣтру нависшими вѣтками. Ямщикъ, казалось, забылъ уже о сѣдокахъ, и черезъ минуту пѣсня опять тянулась, будто отвѣчая шороху деревьевъ:

И-й-эхъ, моя березынька, дороженька моя...
И-й-эхъ, ты мать Рассеюшка, хресьянская земля...
Да-э-эхъ, Ракчеивъ нашъ, Ракчеивъ генералъ
На тую-ль на дороженьку хресьянъ выгонялъ...
Да и э-э-эхъ...

Шопотъ и шорохъ, звонъ колокольчика и опять пѣсня:

Тая-ли дороженька-а-а...

— Ну! Ты тамъ! Не очень-то... Что такое распѣлся,— неожиданно заговорилъ сѣдокъ, слегка дребезжащимъ голосомъ, въ которомъ старалась видимо пробиться какая-то твердая нота.

Ямщикъ невольно оглянулся. Сѣдокъ не потряхивался, сидѣлъ «своей волей», нахмуривъ брови, и на лбу его ямщику

только теперь рѣзко кинулась въ глаза, запыленная впрочемъ, кокарда. «Должно начальство», подумалъ ямщикъ, обрывая пѣсню, и обиженно задергалъ возжами.

Однако, въ головѣ его шевелились вольныя мысли.

— Нѣшто мы начальства не важивали,—подумалъ онъ.— Вонъ г-нъ Полежаевъ, исправникъ, или опять Талызинъ Василь Семенычъ, даромъ што генералъ полный, а бывало подавай ему Силуяна, съ другимъ, говоритъ, и не поѣду...—Эти воспоминанія ободрили ямщика, и онъ прибавилъ вслухъ:

— Низвините, ваше благородіе,—пѣсня такая поется старинная, про Ракчеива, значитъ.

— То-то пѣсня,—брезгливо и какъ-то слегка въ носъ сказалъ сѣдокъ. Онъ, видимо, старался говорить строго, но твердая нота все не налаживалась...—Пѣсня, пѣсня! Пѣсни тоже всякія бываютъ...

Впрочемъ, лицо его опять начало расплываться, обрюзгло, и туловище опять пассивно поддалось вліянію тарантаса: господинъ опять сталъ потряхиваться, а глаза его потускнѣли. Изъ опасенія, что разговоръ, хотя нѣсколько непріятный, грозитъ угаснуть,—ямщикъ прибавилъ, послѣ короткой паузы:

— Ракчеивъ, помѣщикъ былъ въ нашей сторонѣ. Годовъ, сказываютъ, со-сто, а то можетъ и всѣхъ два-ста будетъ. Важнѣющій былъ генералъ у царицы, у Екатерины.

Господинъ слегка очнулся.

— То-то вотъ,—все еще нѣсколько сонно отвѣтилъ онъ,— «два-ста! У Екатерины» «въ вашей сторонѣ»! Ничего вы, мужики, толкомъ не знаете, а пѣсни возмутительныя складывать,— это ваше дѣло. Распустились!

— Пѣсня, господинъ, она что-жъ. Пѣсня, она вѣдь, какъ вамъ сказать, изстари идетъ, отъ народу взялась... А что ежели ее голосомъ настояще вывести...

— Ну-ну! Будетъ ужъ, не выводи! Слыхали.

— Какъ угодно!—Ямщикъ окончательно обидѣлся.

— Что ты это, папочка, отчего?—спросила дѣвушка. Она, казалось, не вслушалась въ содержаніе разговора и только задумчиво ждала продолженія пѣсни. Когда все смолкло и продолженія не было,—она только тогда поняла причину.

— Ахъ, Леночка,—отвѣтилъ господинъ, ты этого не можешь понять.— C'est de la politique, ma chère! Это не Петербургъ, и здѣсь я не могу смотрѣть на себя, какъ...

— Какъ на что?—лѣниво спросила дочь.

— Какъ... какъ на частнаго человѣка! Пожалуйста, Лена, не вмѣшивайся въ мои... въ мои распоряженія!

— Не буду, папочка,—такъ же лѣниво обѣщала дѣвушка.

Ямщикъ излилъ свои ощущенія усиленной игрой на возжахъ и усерднымъ употребленіемъ кнута. Однако, лѣвое ухо

уловило кое-что въ разговорѣ. «Вишь-ты, — подумалъ онъ,— видно новый начальникъ. Строгъ, а кажись отходчивъ. Ну, да мнѣ-ка что, наше дѣло ямщицкое!»

Опять наступила тишина и дорожное томленіе. Барышня смотрѣла вдаль, господинъ потряхивался и ритмически покачивался на сидѣніи, а глаза его, все еще открытые, стали такъ тусклы, какъ будто на нихъ насѣла пыль. Колокольчикъ бился и даже какъ будто подвизгивалъ и подвывалъ какому-то своему неисходному горю. Потомъ онъ всѣмъ надоѣлъ, прислушался и сразу исчезъ изъ слуха и сознанія. За то въ тишинѣ полей оживало какое-то тревожное, пугливое трепетаніе, и порой чудилось, что теперь и діаконскій басъ увязался съ тучами оводовъ за тарантасомъ и все догоняетъ и сыплется по сторонамъ мелкимъ горошкомъ... Но это былъ только слуховой призракъ, вставшій среди чуткой атмосферы, наэлектризованной томленіемъ и испугомъ изсыхающей земли...

III.

Въ головѣ пожилого господина бродили призрачныя мысли, обрывки прошлаго, обрывки настоящаго и туманная мгла впереди. Все это прыгало въ головѣ и металось, общій фонъ былъ неясенъ, но зато отдѣльныя мысли вставали порой такъ ярко, что однажды онъ сказалъ громко:

— А между тѣмъ, что-же мы видимъ...

— Ничего, ничего, Лена,—стыдливо отвѣтилъ онъ тотчасъ же на вопросительный взглядъ дѣвушки.—Я думалъ о прошломъ и... и о настоящемъ, Лена.

Дѣйствительно, онъ думалъ о прошломъ, и призраки его молодости тянулись къ нему невидимыми руками отъ этого истомившагося простора... Семенъ Афанасьевичъ Липоватовъ видитъ себя молодымъ н—скимъ помѣщикомъ... Когда н—ское дворянство, первое изъ великорусскихъ, обратилось съ извѣстнымъ адресомъ объ эмансипаціи, имя Семена Афанасьевича тоже стояло подъ этимъ адресомъ. Какъ это все было, какъ бы сказать... блестяще, что-ли! Почему теперь такъ не блеститъ уже ничего въ жизни? Потомъ, когда Титовы и Шереметевы начали свою горячую «борьбу за интересы сословія» съ губернаторомъ-декабристомъ,— имя Семена Афанасьевича опять украсило собой эти протесты. Странно, но и тутъ было что-то блестящее, что-то кипучее и особенное, а Семенъ Афанасьевичъ помнилъ только, что и его имя стояло на адресѣ, т. е. на первомъ адресѣ, соотвѣтствовавшемъ «духу времени».

И какого времени! Какой энтузіазмъ, какія рѣчи, какой пылъ, какая самоувѣренность, какія надежды! Гдѣ все это, — т. е. даже не эти факты, а этотъ особенный тонъ

жизни, этотъ ароматъ бытія. Казалось, по всему лицу русской земли были разставлены какіе-то особые рефлекторы и резонаторы, придававшіе силу каждому звуку, сіяніе каждому явленію. Неужели это только молодость? Нѣтъ, старики тогда тоже становились молодыми, и вѣдь это было не на одной только сторонѣ, вотъ что удивительно... Вдругъ прославится смоленское дворянство. Вдругъ лукояновское общество сельскаго хозяйства открываетъ новые горизонты! Вотъ Семенъ Афанасьевичъ подписался подъ однимъ адресомъ—и его имя передается изъ края въ край, становится достояніемъ даже заграничной прессы. Блескъ, гулъ и какое-то сверканіе! Но развѣ не было блеска въ этомъ протестѣ нотаблей, въ этой борьбѣ съ старымъ декабристомъ, въ этомъ столкновеніи «знамени освобожденія» съ аристократическимъ знаменемъ? И опять его имя становится достояніемъ прессы, и опять его привѣтствуютъ,—только уже съ другой стороны... А тамъ опять восторги, и ожиданія, потомъ земство, новые суды, égalité!.. Вотъ тутъ-то, когда воспоминанія дошли до этого пункта,—у Семена Афанасьевича и вырвалось восклицаніе:

— А между тѣмъ, что же мы видимъ?

— Поле, папочка,—ласково сказала дочь.

Семенъ Афанасьевичъ вздохнулъ. Да, поле, дорога, березки и стая воронъ кружится надъ колеблющейся рожью. Должно быть во ржи онѣ замѣтили умирающаго зайца или подстрѣленную птицу...

А между этимъ яркимъ и далекимъ прошлымъ и этимъ уголкомъ дороги—цѣлая полоса... Что это было, какъ было? Выкупную сдѣлку взялъ на себя старшій братъ, человѣкъ суровый и не скрывавшій своего презрѣнія къ противуположнымъ увлеченіямъ Сенички. Семенъ Афанасьевичъ слышалъ что-то о какихъ-то замѣшательствахъ и столкновеніяхъ, потомъ все уладилось, потомъ получены выкупные, потомъ Семенъ Афанасьевичъ дрался на дуэли изъ-за m-lle Стратилатовой, первой красавицы въ губерніи, дочери его сосѣда по имѣнію. Онъ былъ раненъ (легко), потомъ женился, потомъ уѣхалъ заграницу. Выкупные таяли быстро, братъ писалъ правоученія («помни, что ты истощаешь жизненные нервы будущаго хозяйства»), и Семенъ Афанасьевичъ вернулся въ Петербургъ. Это было время оживленія промышленности, желѣзнодорожная горячка, хорошія дворянскія имена цѣнились и котировались бойко. Семенъ Афанасьевичъ опять увлекся. Засѣданія, рѣчи, опять надежды, сближеніе съ этими замѣчательными истинно русскими человѣками, прицѣплявшими звѣзды поверхъ синихъ кафтановъ, или прятавшими ихъ подъ окладистыми бородами, акціи, облигаціи, борьба въ собраніяхъ, обѣды и спичи, въ которыхъ Семенъ Афанасьевичъ обнаруживалъ недюжинный талантъ и упоительное крас-

норѣчіе... Въ результатѣ онъ два раза былъ близокъ къ обогащенію, три раза разорялся, одинъ разъ получилъ наслѣдство (послѣ умершаго брата), и все это какъ-то пассивно, какъ будто все это дѣлали за него другіе. Да пожалуй оно такъ и было. «Русскіе человѣки» выплывали,—поднимался съ ними и Семенъ Афанасьевичъ; русскіе человѣки утопали въ пучинѣ какого нибудь краха,—утопалъ и Семенъ Афанасьевичъ. А иногда и даже чаще бывало и такъ: они выплываютъ, а Семенъ Афанасьевичъ утопаетъ. Въ это время умерла жена, кротко выносившая всѣ увлеченія мужа. Семенъ Афанасьевичъ въ первый разъ у ея гроба почувствовалъ, какъ у него тягуче и сильно сжалось сердце, и въ первый еще разъ, оглянувшись назадъ, на свою молодую любовь, на свои клятвы и на эту исчезнувшую жизнь, которой онъ никогда уже не въ состояніи вернуть иллюзію счастія, предложилъ себѣ этотъ вопросъ, который потомъ все чаще и чаще вырывался у него какъ то механически, порой совершенно неожиданно и нерѣдко вслухъ—въ минуты раздумья:

— А между тѣмъ, что-же мы видимъ?..

Дорога, поле, шелестъ листьевъ, звонъ придорожнаго телеграфа. «Да, пора! Домой, туда, въ деревню, къ землѣ, къ народу, къ своему народу, къ своимъ бывшимъ «людямъ», которыхъ «мы» напрасно покинули, гоняясь за призраками богатства, промышленности, увлекаясь сладкими пѣснями капиталистическихъ сиренъ». А тутъ кстати опять «реформа»! Дѣла въ Петербургѣ притихли, блескъ угасъ, резонаторы убраны и даже застольные спичи смолкли. Семенъ Афанасьевичъ вспомнилъ о своей деревнѣ, кое-кому написалъ, кое-кому о себѣ напомнилъ и его «призвали къ работѣ на своей собственной пивѣ, въ своемъ собственномъ уѣздѣ». Ничто не удерживало въ столицѣ все звало въ деревню. Семенъ Афанасьевичъ пріѣхалъ.

Въ Н—мъ его встрѣтили радушно, губернаторъ пожималъ руки, молодежь толпилась и поздравлялась «возвращеніемъ къ намъ, къ землѣ, къ настоящей, практической работѣ». Семенъ Афанасьевичъ кланялся, благодарилъ, былъ тронутъ, даже пролилъ слезу и началъ было опять увлекаться. Какъ боевой конь, онъ опять почувствовалъ, что тутъ гдѣ-то, вѣроятно, опять начнется какое-то «оживленіе», пойдутъ обѣды и рѣчи... Но первое-же собраніе, въ которомъ онъ принялъ участіе,—его сильно разочаровало. Холодно, тускло и даже не дѣловито. Между прочимъ, къ нему подошелъ старый, сѣдой господинъ, его сверстникъ и другъ его юности. Они крѣпко обнялись.

— Василій!

— Семенъ!

Они взялись за руки и посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— Неужели это ты?

— Какъ видишь.

Встрѣча выходила какая-то унылая. Первый впрочемъ отрекнулся Семенъ Афанасьевичъ. Онъ былъ человѣкъ нервный и притомъ долго жилъ въ Петербургѣ, гдѣ есть слова на всѣ случаи жизни.

— Узнаю моего Василія. Сѣдые волосы, правда. «Но и подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода». Неправда ли: гдѣ благородное дѣло, тамъ и ты!

— Узнаю и тебя, ты не забылъ стиховъ...

— Итакъ, ты съ нами... Меня очень интересовалъ вопросъ, какъ ты отнесешься къ реформѣ?

Старый господинъ, повинный нѣкогда въ яркомъ либерализмѣ, отвѣтилъ уклончиво:

— Хочется всетаки что нибудь дѣлать.

— Что нибудь! Да вѣдь тутъ работы непочатой уголъ. Неправда-ли, вспоминаются молодые годы? Посмотри на эту молодежь. Въ свое время мы такъ же окружали нашихъ стариковъ. У меня кровь начинаетъ быстрѣе обращаться въ жилахъ (глаза его дѣйствительно начинали слегка сверкать). Ну, скажи, какіе тутъ у васъ возникаютъ проекты, вопросы...

Сѣдой господинъ смотрѣлъ устало и грустно.

— Вопросы? Какъ тебѣ сказать. Вотъ сегодня въ засѣданіи обсуждали вопросъ о смурыгинскихъ березкахъ.

— Березкахъ?

— Ну, да! Молодой Смурыгинъ для блага ввѣреннаго участка приказалъ обсадить березками всѣ проселочныя дороги.

— Да? Вотъ что, березка.. А знаешь, вѣдь это хорошо. Это, конечно, не «широкія задачи», въ этомъ нѣтъ полета, но прямая практическая польза... нельзя отрицать и этого, мой старый другъ.

— Про-се-лочныя, пойми!—съ удивленіемъ глядя ему въ глаза, повторилъ сѣдой господинъ.—Ты, кажется, забылъ совсѣмъ условія деревенской жизни.

Семенъ Афанасьевичъ смутился. Онъ дѣйствительно не вполнѣ ясно представлялъ себѣ, въ чемъ дѣло, но увѣренный тонъ стараго товарища сбилъ его съ толку.

— Про-селочныя! Да, конечно, это крайность... Но молодость—всегда молодость... Вѣдь и мы увлекались въ свое время. Къ тому же, ты говоришь я забылъ условія. Но вѣдь они молодые, почему же ты не хочешь признать за молодымъ поколѣніемъ...

— Чего? Посмотри хорошенько на это собраніе.

— Ну, что-же. Не понимаю, что ты хочешь...

— Присмотрись и ты увидишь, какъ мало здѣсь людей средняго возраста. Или лысые и сѣдые неудачники, какъ мы

съ тобой и вотъ тотъ отставной адмиралъ—или зеленая молодежь... Адмиралъ и ты—пріѣхали изъ Петербурга...

— А молодежь росла здѣсь...

— А молодежь росла въ корпусахъ и узнавала деревню въ манежахъ или самое большее во время охоты въ каникулы. Это тоже своего рода неудачники, стросвые... Нѣтъ, братъ Семенъ, того, что разорвано, не сростишь... Порвалась цѣпь великая,—кончено.

— Погоди. А вотъ это кто? И какъ разъ средняго возраста,—указалъ Семенъ Афанасьевичъ на невысокаго господина, увѣренно переходившаго отъ одной группы къ другой.

— Не узнаешь?

— Не могу вспомнить.

— Да, впрочемъ, это уже было безъ тебя, но ты навѣрное слышалъ. Это Заливной...

— А! Тотъ энтузіастъ. Помню, помню, какъ же. Человѣкъ интересный, вѣдь это онъ требовалъ тогда фортепіано для школъ. Крайность, конечно, но крайность, все-таки симпатичная. Онъ требовалъ фортепіано для школъ! Писали въ газетахъ, какъ же помню! Немало былъ разговоровъ...

— Ну, теперь онъ требуетъ совершеннаго закрытія школъ. Это человѣкъ безъ возраста, вѣчный энтузіастъ изъ породы восторженныхъ кобелей...

— Фи, Basile, ты сталъ тривіаленъ.

— Что дѣлать! Видѣлъ ты, какъ порой молодой кобель выходитъ съ хозяиномъ на прогулку. Стоитъ хозяину повернуть въ право—и у него хвостъ колечкомъ и онъ уже летитъ въ восторгѣ впередъ, не соображаясь съ тѣмъ, намѣренъ ли хозяинъ пройти и половину этого разстоянія... За то, стоитъ хозяину повернуть назадъ—восторженный кобель уже мчится и исчезаетъ вдали, въ обратномъ направленіи, и хвостъ опять колечкомъ! Да, вотъ теперь этотъ господинъ уже разрушаетъ школы.

— Ну,—до этого, кажется, не дошло...

— Въ томъ то и сила, чтобы быть на версту «впереди времени», угадать, такъ сказать, дальніе этапы будущаго...

— И не дойдетъ!—съ горячностью сказалъ Семенъ Афанасьевичъ.

— Можетъ быть, — лѣниво отвѣтилъ сѣдой господинъ и отвернулся. А къ Семену Афанасьевичу подошелъ генералъ и еще разъ сталъ пожимать ему руки и поздравлять съ тѣмъ, что вотъ онъ опять вернулся къ землѣ, къ настоящей работѣ. А между тѣмъ, умные глаза смотрѣли иронически... Семенъ Афанасьевичъ немного робѣлъ. Онъ зналъ, что генералъ умѣетъ отлично разсказывать и даже создавать анекдоты, а онъ чувствовалъ себя жалкимъ. Мысли какъ будто совсѣмъ его оста-

вили и онъ чуть было не выпалилъ прямо въ лицо генералу:

— А между тѣмъ, что же мы видимъ!..

. . . . . .

Поле, дорога, звонъ проволоки, зной и обрывки лѣнивыхъ мыслей тянутся, какъ облака другъ за другомъ... Путаются, сливаются. Опять прошлое, потомъ туманъ, изъ котораго выплываетъ кусокъ тракта, обсаженнаго березками. Полотно заросло травой, пыльная узкая лента какъ-то осторожно жмется то къ одной сторонѣ, то къ другой, видно, что весной здѣсь ѣзда самая горькая... И въ умѣ Семена Афанасьевича возникаетъ вдругъ четверостишіе стараго «земскаго поэта»:

Земство, съ насъ налоги
Ты дерешь безбожно;
Почини-жъ дороги;
Ѣздить невозможно...

Онъ долго повторяетъ стихи, подъ стукъ колесъ и потряхиваніе тарантаса. Къ этому времени тарантасъ тихонько спускается въ долъ и стучитъ по мосту, а мысль сѣдока такъ же тихо переползаетъ дальше.

— Мостъ новый, вообще мосты, кажется, стали лучше, а все-таки! Земство, земство, кричали, горячились. Между тѣмъ, что же мы видимъ! Мосты лучше, и только. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, все одни мосты, да мосты! Нужно что-нибудь живое. Школы еще? Народное образованіе?.. Да—а, конечно, нельзя не отдать справедливость... Но, однако... вотъ Заливной противъ школы. Это странно, разумѣется, но если хорошенько подумать... что такое эта земская школа? Полузнаніе, а вѣдь въ самомъ дѣлѣ полузнаніе хуже незнанія... Да, да, возможна и эта точка зрѣнія, возможна, возможна... А кто бы могъ подумать тогда, когда самъ Заливной требовалъ фортепіано... Да, скучная эта дорога, когда она кончится?.. Опять мостокъ... Скоро-ли станція?.. «Между тѣмъ, что же мы видимъ?»

Летятъ облака, шуршатъ колеса, старый господинъ начинаетъ потряхиваться, точно мѣшокъ съ мякиной, его глаза закрываются...

Старый господинъ засыпаетъ...

IV.

Дѣвушка не спитъ и у нея въ головѣ свои мысли.

Она—одна дочь у отца. Какъ цвѣтокъ изъ сѣмени, занесеннаго вихремъ на чуждую почву,—она какъ-то неожиданно для разсѣяннаго Семена Афанасьевича родилась въ швейцар-

скомъ отелѣ, первые два года жизни провела за границей, потомъ попала въ отель на Малой Морской, откуда ея мать вынесли въ бѣломъ гробу, чтобы увезть на родное кладбище въ деревню. Послѣ этого дѣвочка росла у бабушки въ Финляндіи и это было самое счастливое время ея жизни. За этимъ она вспоминаетъ скучные годы и казенные дортуары института, а потомъ—такъ какъ бабушка умерла,—нѣсколько лѣтъ жизни съ отцомъ. Это было самое тяжелое время ея жизни.

Молиться учила ее старая няня Анифса, выносившая еще ее мать. Она складывала ей пальчики для крестнаго знамени еще тамъ, въ швейцарскомъ отелѣ; на Малой Морской она выучила ее «Богородицѣ» и заупокойной молитвѣ по матери, которую научила любить и помнить... Воспитаніе продолжалось въ Финляндіи—и эти сѣмена, какъ цвѣты въ заброшенномъ, но плодородномъ уголкѣ, дали обильные, хотя и нѣсколько дикіе по своей фантастичности всходы. Въ то время, какъ подруги предавались обожанію учителей,—Лена Липоватова лелѣяла въ душѣ культъ своей умершей матери. Это было настоящее обожаніе, мечтательное, страстное, полное грусти и какой-то странной надежды. Она выучилась рисовать, чтобы рисовать портреты матери, она съ захватывающимъ интересомъ читала старыя повѣсти и романы, гдѣ изображался бытъ того времени, когда жила ея мать, та обстановка, въ которой проходили ея молодые годы. Эти были, конечно, плохіе романы, но она читала между строкъ и на нее вѣяло съ пожелтѣвшихъ страницъ особенной поэзіей дворянской усадьбы, жизни среди полей и народа, мечтательнаго ожиданія, и у нея, вмѣстѣ съ героиней, билось сердце, когда издали доносился звонъ колокольчика... Это «онъ»... Кто онъ, откуда и какой?.. И въ то самое время, когда ея отецъ собиралъ у себя нѣсколько сомнительное, но все же «блестящее» общество—дѣвушка забивалась съ старой няней въ дальнія комнаты и подъ жужжаніе рѣчей и тостовъ, доносившихся сквозь стѣны,—слушала старыя сѣдыя преданія о тѣхъ годахъ, когда ея мать бѣгала по аллеямъ стараго барскаго дома, окруженная, какъ сказочная царевна, заботами нянекъ и мамокъ... У нея не было для сравненія ничего,—кромѣ отелей и института, она принадлежала къ поколѣнію, родившемуся послѣ исхода изъ Египта и не достигшему никакой обѣтованной земли, росла въ случайной обстановкѣ, совершенно лишенная въ дѣйствительности того, что мы называемъ «средой». Мудрено-ли, что она создавала себѣ среду въ юномъ воображеніи, изъ обрывковъ и воспоминаній о матери, получаемыхъ отъ старой няни

Молодость романтична... А что можетъ быть романтичнѣе исчезнувшей старины, которая была настоящимъ для нашихъ

матерей и отцовъ. Дѣвушка жадно слушала, какъ шамкали старыя нянины губы о ея красавицѣ мамѣ, которую унесли въ бѣломъ гробу изъ этого мрачнаго Петербурга туда, въ деревню. И прошлое вставало передъ ней съ какой-то манящей прелестью, то прошлое, когда въ усадьбахъ выростали заколдованныя царевны, ждавшія своихъ героевъ, когда въ нихъ жили блестящіе господа, когда они съѣзжались въ прекрасныхъ домахъ, окруженныхъ парками... Въ паркахъ звонко гудятъ рога, появляются и исчезаютъ блестящія тѣни, сверкаютъ глаза... Любятъ, страдаютъ, вздыхаютъ, дерутся на дуэляхъ (какъ нѣкогда отецъ... тогда онъ былъ совсѣмъ другимъ). Порой ей казалось, что она видитъ все это, такъ живо дѣйствовали эти разсказы... Бѣлая стѣна дома, темная, мечтательная зелень деревьевъ, по которымъ любовно скользятъ серебристые лучи мѣсяца, красноватые снопы свѣта изъ оконъ, причудливая балюстрада балкона, заглушенные звуки штраусовскаго вальса. Дверь открывается, въ фантастическомъ двойномъ освѣщеніи появляется «она», ея мама. Она глубоко вдыхаетъ въ себя ароматный воздухъ ночи, а около нея стоитъ ея избранникъ (папа) такой, какимъ проѣзжій живописецъ изобразилъ его на портретѣ масляными красками... Мечтательные глаза, мягкіе усы колечкомъ, стройный станъ, и что-то фантастическое перекинуто черезъ лѣвое плечо. Потомъ по той же аллеѣ его несутъ раненнаго, а она, такая же прекрасная и даже въ томъ же платьѣ, съ крикомъ кидается на встрѣчу. Потомъ свадьба, почтенные старики встрѣчаютъ новобрачныхъ, а у крыльца густо толпится «добрый народъ», искренно любящій, преданный и покорный, какъ преданы и покорны дѣти отцамъ.

Поэтому Лена очень обрадовалась, узнавъ, что теперь подошла новая реформа и ея отца зовутъ опять туда, гдѣ родилась, гдѣ жила, гдѣ любила ея мать, гдѣ она лежитъ въ могилѣ... Лена думала, что она тоже будетъ жить тамъ и послѣ долгихъ лѣтъ, въ которыхъ, какъ въ синей мрѣющей дали, мелькало что-то таинственное, какъ облако, яркое, какъ зарница,—ляжетъ рядомъ съ матерью. Она дала слово умиравшей на Пескахъ нянѣ, что непремѣнно привезетъ ей горсточку родной земли на ея могилу на Волковомъ кладбищѣ.

Въ это время въ Петербургѣ давали драму, въ которой чуткій къ современнымъ вѣяніямъ драматургъ вывелъ новаго героя—«молодого земскаго начальника». Надъ драмой смѣялись, но Лена пріѣхала домой въ опьяненіи. Герой пріѣзжаетъ изъ нѣдръ деревни, чтобы отыскать въ Петербургѣ правду для обиженнаго «народа». Они, были крѣпостные его отцовъ, холодный суровый законъ противъ нихъ,—но онъ, благородный сынъ благородныхъ родителей, повинуясь лишь указаніямъ благороднаго сердца, поклялся защитить ихъ во что бы то ни стало

отъ суроваго закона, которымъ всегда пользуются дурные люди. Съ этой цѣлью онъ обиваетъ пороги «высокопоставленныхъ лицъ», ходитъ по канцеляріямъ, заводитъ нужныя знакомства и даже въ бальной залѣ, подъ звуки оркестра, выдѣлывая ногами изящныя па кадрили и красиво перегибая тонкій станъ въ изящномъ фракѣ, онъ говоритъ «ей», уже любимой, о нихъ, о бѣдномъ, добромъ, страдающемъ народѣ...

Она вернулась домой влюбленная. Въ кого? Конечно не въ актера, исполнявшаго благородную роль, а въ свою мечту объ этомъ героѣ, воплотившемъ для нея все то неясное, что рисовалось ей назади, въ этомъ романтическомъ прошломъ. И когда ея кузенъ, либералъ и скептикъ, позволилъ себѣ посмѣяться надъ пьесой и надъ романтическими мечтами Лены, она въ первый еще разъ приняла горячее участіе въ спорѣ на свой страхъ и спорила долго, горячо, чуть не до слезъ.

— Вы не знаете,—закончила она.—Самъ народъ думаетъ также... Жаль, что вы не можете поговорить съ моей няней...

И вотъ, она съ отцомъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ его задержали какіе-то хлопоты по утвержденію въ должности и еще что-то такое непріятное въ банкѣ. Грязный номеръ грязной гостинницы, скука и непонятные разговоры. Порой къ отцу собирались его старые знакомые, порой приходили новые сослуживцы, толковали о статьяхъ, о положеніи, о размѣрѣ правъ и обязанностей, о жалованіи и разъѣздныхъ, о смурыгинскихъ березкахъ. О послѣднихъ говорили такъ много, что Лена заинтересовалась самимъ Смурыгинымъ. Впрочемъ, она была разочарована, когда отецъ представилъ ей «нашего молодого дѣятеля». Онъ былъ тощъ, со впалыми щеками и впалой грудью, съ тонкими ногами, которыми все какъ-то сучилъ, даже стоя на мѣстѣ. За обѣдомъ онъ сказалъ рѣчь, которую началъ, обращаясь къ Семену Афанасьевичу, словами:

— Ма-адое поколѣніе, Семенъ Афанасьевичъ...

Онъ говорилъ еще что-то, потомъ чокался съ Леной, но она отвѣтила ему съ непонятной для нея самой холодностью. Какъ будто этотъ господинъ претендовалъ на что-то такое, чего Лена инстинктивно ему не уступала. «Нѣтъ, навѣрное тамъ, на мѣстѣ, найдутся еще другіе... Они окружатъ ея папу, онъ будетъ у нихъ патріархомъ, они будутъ всѣ вмѣстѣ совѣтоваться, какъ помочь доброму народу, какъ защитить его отъ суроваго закона и злыхъ людей... И папа никогда уже не будетъ возвращаться домой усталый и немного неприличный, какъ это бывало послѣ этихъ противныхъ «дѣловыхъ обѣдовъ и ужиновъ» въ петербургскихъ ресторанахъ».

И вотъ она ѣдетъ и жадно вглядывается въ даль и ищетъ: гдѣ-же эти таинственныя «усадьбы» и парки, гдѣ эта обѣтованная земля, на которой воочію предстанетъ передъ ней

мечта ея жизни... Поля, колокольчикъ, порой засинѣетъ лѣсокъ, облака двигаются безшумно съ какой-то важною думой, и отецъ, вздрагивая, спрашиваетъ:

— А между тѣмъ, что-же мы видимъ...

Ленѣ совсѣмъ не спится въ дорогѣ.

V.

Дорогѣ, казалось, не будетъ конца. Лошади больше махали головами по сторонамъ, чѣмъ бѣжали впередъ. Солнце сильно склонилось, но жаръ не унимался. Земля была точно недавно вытопленная печь. Колокольчикъ то начиналъ биться подъ дугой, какъ бѣшеный и потерявшій всякое терпѣніе, то лишь взвизгивалъ и шипѣлъ. Тарантасъ выбрался на пригорокъ и уныло спустился въ ложбинку. Земля то темнѣла, то по ней ложились красноватые косые отсвѣты, смѣнявшіеся синими тѣнями... На небѣ продолжалось молчаливое передвиженіе облаковъ.

— Во-вотъ,—сказалъ вдругъ ямщикъ, какъ то захлебываясь, и заерзалъ на облучкѣ. Это восклицаніе разбудило стараго господина отъ сна и вывело Лену изъ ея задумчивой мечтательности.

Она впрочемъ ничего не понимала. Она еще не умѣла читать эту огромную книгу съ синею далью, съ бѣгущими по ней тѣнями облаковъ, съ разноцвѣтными лоскутами полей, по которымъ, тамъ и сямъ ползали, какъ муравьи, люди и животныя. Все это навѣвало на нее лишь ощущенія, но не мысли. И теперь она опять не замѣтила ничего особеннаго.

Яровое поле осталось назади, за только что прогудѣвшимъ подъ колесами мостомъ, а впереди, какъ бархатъ, взрытый до самаго горизонта лежалъ матово-черный паръ. Недопаханныя лишь кое гдѣ зеленѣли еще узкія полоски, одна изъ нихъ подходила къ дорогѣ, но и она становилась все уже: на ней вихлялись за сохами двѣ сѣрыя, лохматыя и запыленныя мужицкія фигуры. Одинъ изъ пахарей удалялся, наискосокъ отъ тракта, другой подходилъ къ проселку, лицомъ къ нашимъ путникамъ. Его лошадь, надсаживаясь, дотягивала борозду, а пахарь внимательно поглядывалъ впередъ. Вдругъ лошадь стала выходить изъ борозды: прямо передъ ея мордой оказалось небольшое, тощее, очевидно, недавно посаженное деревцо, съ верхушкой, уже на половину увядшей. Пахарь дернулъ вожжой, придержалъ соху въ бороздѣ, деревцо втянулось подъ гужъ, изогнулось, попробовало вынырнуть межъ оглоблей и вдругъ сиротливо свалилось, подрѣзанное желѣзомъ. Еще около сажени тянулось оно, зацѣпившись вѣткой, наконецъ осталось на пыльной пашнѣ. А пахарь вытряхивалъ лемехъ на проселкѣ.

— Ты это чтожъ, дядя, больно смѣло ее волокешь,— сказалъ ямщикъ.—Ай отставили уже въ самомъ дѣлѣ?

«Дядя» поднялъ кверху плотное лицо и весело осклабился, но увидѣвъ кокарду, вдругъ сталъ серьезенъ и угрюмо задергалъ свою кляченку, не давъ ей щипнуть былинку у дороги... Вдоль проселка лежалъ цѣлый рядъ сваленныхъ саженцовъ и только пять-шесть стояли, наклонясь, уцѣлѣвъ пока отъ жестокой сохи.

Ямщикъ какъ то раздумчиво покачалъ головой.

— А что склеки-те было, и-й-и...

— Что это папочка,—спросила Лена, видя по лицу отца, что ему эта странная картина такъ же понятна, какъ и ямщику. Но отецъ не отвѣтилъ.

— Обра-а-довались, подлецы! —сказалъ онъ необыкновенно язвительно.

— И обрадуешься, — отвѣтилъ ямщикъ кратко.

— А чему обрадовались? Что дураки?

— Да вѣдь оно,—равнодушно сказалъ Силуянъ, закуривая цыгарку... — Оно, такъ скажемъ, ваше благородіе, что и дураку своего-то жалко.

— Что это, папочка? — опять спросила дѣвушка, уже съ признаками нетерпѣнія. Ее томило полное непониманіе происходящаго.

— Да это... тѣ самыя... Ну, смурыгинскія березки!

— Такъ точно, барышня,—пояснилъ и ямщикъ.

Пока ямщикъ закуривалъ, лошади отошли отъ края дороги и Ленѣ изъ-за насыпи видна была только голова пахаря — и еще новое деревцо мотнулось верхушкой и упало. Ей почему то стало очень жаль и березки, и молодого Смурыгина, котораго она видѣла въ городѣ. Даже его высокопарныя фразы о «ма-адомъ поколѣніи» показались ей теперь исполненными какой-то жалостной меланхоліи.

— Вотъ тебѣ и благія начинанія! — сказалъ Семенъ Афанасьевичъ съ признаками раздраженія. Его сердилъ и пахарь, и равнодушное нахальство раскуривавшаго ямщика. Лена повидимому раздѣляла это чувство, и ей захотѣлось заступиться за Смурыгина, съ которымъ она обошлась такъ холодно.

— Ну, зачѣмъ они это дѣлаютъ, ну, зачѣмъ?—сказала она съ внезапной вспышкой горячности.

Ямщикъ подобралъ возжи и сказалъ спокойно:

— Кто знаетъ! А что, выходитъ, нѣтъ такого закону. Вотъ что, милая барышня. Законъ стало быть на хрестьянску сторону выходитъ, а онъ Смурыгинъ себѣ закону не нашелъ.

— То-о-же, за-аконы разбирать стали, — сказалъ опять Семенъ Афанасьевичъ, съ горечью. — Вотъ ты про Аракчеева пѣлъ, онъ бы вамъ показалъ законы разбирать.

— Ужъ это вѣрно, — одобрилъ ямщикъ, — то-отъ показалъ бы! Тотъ сурьезный былъ, это истинно.

— То-то, сурьезный! Съ вами, па-адлецами, только такъ можно.

— Ахъ папочка! — сказала Лена укоризненно. Ей не нравился этотъ тонъ: въ Петербургѣ она никогда не слышала отъ отца ничего подобнаго, наоборотъ онъ былъ истинный джентльменъ «въ обращеніи съ низшими». Но онъ легко перенималъ, и она подумала съ неудовольствіемъ, что онъ вывезъ этотъ тонъ изъ города, отъ этихъ господъ, съ которыми велъ частыя бесѣды. Конечно, съ березками мужики поступаютъ нехорошо. Но вѣдь это только по невѣжеству... Имъ надо растолковать... Вообще, тамъ въ Петербургѣ она иначе представляла себѣ будущія отношенія къ «доброму народу», и тотъ couleur local, который пріобрѣла такъ скоро рѣчь ея отца — больно рѣзалъ ея чуткое ухо.

— Да вѣдь обидно, Леночка... Подумай, человѣкъ для нихъ же старался, хлопоталъ. Зимой самъ же б-балванъ поѣдетъ пьяный съ базара, да еще въ мятель, такъ по крайней мѣрѣ лошадь не собьется въ оврагъ.

Ямщикъ, серьезно слушавшій, пока лошади плелись рысцой, повернулся.

— Зимой, ваше благородіе, — этто не ѣздіютъ. Зимой другая у ихъ дорога живетъ, эвонъ позадь оврагу, прямикомъ черезъ рѣку.

Неожиданный аргументъ немного озадачилъ господина.

— Ну, хорошо, — сказала дѣвушка. Что же имъ все таки помѣшали деревья? Разъ они уже посажены.

— Посадишь, милая барышня! Тутъ что грѣха то было, не приведи Богъ! Семь старшинъ по семи денъ каталажилъ, а старостовъ этихъ и не есть числа...

На лицѣ Лены выразилось напряженіе, а Силуянъ придержалъ лошадей на взгоркѣ, гдѣ они были теперь, и указалъ оттуда на узенькую ленту проселка, казавшагося бѣлой полоской на матовой чернотѣ пара.

— Э-э-вона, — сказалъ онъ своимъ пѣвучимъ голосомъ, — во-онъ куда она, матушка дорожка-те вдарила, во всю тебѣ степь.

Брови дѣвушки поднялись еще выше.

— Ну, такъ что же всетаки?..

— Да вѣдь земли-то, ты подумай, сколько подъ ее нужно. А вѣдь она, земля те хресьянину дороже всего.

— Много ли тутъ земли для бѣднаго деревца?

— Да все хоть по саженкѣ на сторону, да длиннику эвона. Вѣдь она дорога, не гляди на нее... встанетъ, до неба достанетъ, такъ-то. Да еще деревина-те въ силу взойдетъ, — опять

корнемъ распялится. Тутъ ты ее сохой обходи. Да нѣшто мыслимо...

— Папочка?—полувопросомъ кинула дѣвушка, но старый господинъ только кашлянулъ.

— Отчего же они этого не сказали ему, молодому Смурыгину?

— Какъ, поди, не говорить. Да вишь онъ все за бороду!..

— Па-почка!

Старый господинъ политично закрылъ глаза. Лошади припустили съ горки, тарантасъ покатился быстрѣе, а за нимъ опять увязался клубъ бѣлой пыли, въ которомъ бѣсновались овода. И опять потянулась пустота и зной. Старый господинъ скоро въ самомъ дѣлѣ заснулъ.

VI.

— Далеко еще, ямщикъ?

— Верстовъ еще съ 10...

— Долго! Посмотри, тучи какія, дождь будетъ.

— Дай то Господи. Солнышко вишь въ тучу садится. Да нѣтъ, прогнѣвался чтой-то Батюшка, не милуетъ. Прошлый годъ народъ маяты принялъ и-и. А ужъ нонѣ вонъ хлѣбъ почитай весь посохъ... Въ стары-те годы не помнимъ такой бѣды.

— Въ старые годы?.. Это при господахъ?

— Ну-ну. Подростокъ я былъ, ну, всетаки помню.

— Лучше было тогда?

— Какъ не лучше!

Этотъ отвѣтъ помирилъ Лену съ ямщикомъ. Она хотѣла бы, чтобы его слышалъ кузенъ, который не успѣлъ ознакомиться съ мнѣніемъ няни. Ямщикъ между тѣмъ опять привычнымъ жестомъ взмахнулъ кнутовищемъ, какъ бы охватывая этимъ взмахомъ весь видимый просторъ, и сказалъ:

— Этто все—помѣщичье было. Что видишь поле, что видишь лѣса и луга, все было ихнее... Бестужевы—въ Бестужевкѣ, Кроли—въ Анучинѣ, Липоватовы на Липоваткѣ, Егоровъ на Осиновкѣ, Мѣдигорскій—въ Елховкѣ...

Лена съ удивленіемъ оглянулась кругомъ... Пѣвучій голосъ ямщика мгновенно населилъ этотъ пустой просторъ цѣлымъ роемъ знакомыхъ ей съ дѣтства именъ. И Кроли, и Анучины, и Мѣдигорскіе—все это жило также въ разсказахъ няни, всѣ эти имена она знала по семейнымъ преданіямъ, видѣла и рисовала ихъ портреты, знала ихъ характеры и семейныя отношенія. Гдѣ же они? На равнинѣ гдѣ-то далеко бѣлѣла усадьба, гдѣ-то еще чернѣла деревенька, казавшаяся просто кучкой темныхъ пятенъ, синѣли клочки вырубленныхъ рощъ... Тихо

и пусто. Ей казалось, что чуткая эта пустота оживаетъ, что вотъ сейчасъ Кроли поѣдутъ въ Липоватку или Бестужевы въ Анучино и встрѣтятся ей на дорогѣ, веселые, оживленные, радостные... Но она протирала глаза и не могла понять, — гдѣ же все это затерялось въ этомъ молчаливомъ просторѣ...

Она отряхнулась и опять обратилась къ ямщику.

— А ты самъ откуда?

— Мы Липоватовскіе были.

Силуянъ не замѣтилъ, какъ вспыхнуло и поблѣднѣло лицо дѣвушки.

— А ты... ты Елену Степановну зналъ?

— Молодого барина, Семена Афанасьевича жену? Помнимъ мы... Краса-вица была, царствіе небесное, писанная. И ужъ добра до народу, и-и. Померла въ Питенбурхи, такъ вотъ ужъ жалости-то было, какъ на деревню ее привезли. Бабы, что есть голосомъ голосили. Да, померла, и баринъ старшій померъ.

У Лены на глазахъ показались слезы. Вотъ то, что она думала, вотъ то, чего она ждала, прозвучало наконецъ въ словахъ простого, добраго человѣка! У нея на мгновеніе захватило горло, и только черезъ минуту, справившись съ волненіемъ, она спросила тихимъ, застѣнчивымъ и растроганнымъ голосомъ:

— Значитъ... хорошіе были. И вамъ хорошо было?..

Ямщикъ помолчалъ, ласково погладилъ кнутомъ коренника и даже лѣвую пристяжку подхлестнулъ безъ ожесточенія.

— Господа ничего были, на господъ что грѣшить... На господъ грѣшить нечего... Бурмистры вотъ, свой же братъ, ну, тѣ шибко примучивали.

— При-мучивали?—спросила Лена, пораженная неожиданнымъ выраженіемъ.

— Ахъ, были мучители! Не приведи Богъ! Женщина, напримѣръ, тетка у меня была, безмужняя. Мужъ у ней значитъ померъ, скончался! А между тѣмъ ребятъ полна изба. Встанетъ, бывало, гдѣ еще до свѣту, еще зорька не свѣтится, а лѣтняя-то заря знаешь какая! Бьется, бѣдная, бьется съ ребятами ну а гдѣ-же управиться! За другими-те никакъ и не поспѣетъ.

— Куда... не поспѣетъ?—голосъ Лены упалъ.

— А на барщину. Барщина была, на господъ знаешь, работали. Царь Лександра Николаевичъ нистожилъ. Вотъ хорошо. Запоздаетъ на работу, а ужъ нарядчикъ ее, староста въ родѣ, и замѣтилъ. По-ч-чему такое, а?—Да я, говоритъ, дядя Иванъ, съ ребятами вотъ.—Ла-адно, съ ребятами! Вотъ хорошо. Приходитъ послѣ того бурмистръ, подлый человѣкъ, Деминъ Семенъ. Нарядчикъ, конечно, къ нему: такъ и такъ. Зовутъ сей-

часъ тетку мою къ бурмистру.—Ты, Анна, почему такое могла опоздать?—Да я, молъ, ваше степенство, съ дѣтишками съ малыеми, одна вѣдь я. Хорошо, становись сюда. Эй, сюда, двое! И сейчасъ, милая ты моя барышня, откуль ни возьмись два нарядчика. И сейчасъ имъ, нарядчикамъ, по палкѣ въ руки, по хар-рошей. Дать ей, говоритъ, двадцать!

— Папочка,—раздался тихій голосъ, какъ будто искавшій защиты. Силуянъ оглянулся.

— Спитъ, не трогъ. Дѣло старое. Ну, хорошо—дать ей двадцать. Сейчасъ она, милая моя, стоитъ; одинъ нарядчикъ съ одной стороны, другой, напримѣръ, по другую сторону и накладываютъ ей между спины на-отмашь.

Онъ неторопливо подымаетъ кнутъ и показываетъ Ленѣ кнутовище.

— И накладываетъ до той степени, что между спины-те рубцы у ней вотъ въ это кнутовище. Ну, ступай теперь, милая, становись въ череду, работай на нивушкѣ-матушкѣ, жни!

— Жни?—машинально повторила дѣвушка и безпомощно оглянулась кругомъ. У дороги опять шептала рожь, и томительная печаль, нависшая надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ, казалось получала свой особенный смыслъ и значеніе. Эти поля видѣли, они вынесли все это. Она глубоко и тяжело вздохнула, какъ человѣкъ, который хочетъ проснуться отъ начинающагося кошмара.

Ямщикъ услышалъ вздохъ и, повернувшись, поглядѣлъ сочувственно на блѣдное лицо дѣвушки. Ему захотѣлоть ее утѣшить. Мы уже сказали, что онъ былъ поэтъ, и чувствовалъ, что это все въ его власти.

— Постой, что я тебѣ скажу. Терпѣли православные, вѣрно что терпѣли. Такъ вѣдь Господь то батюшка, онъ-то вѣдь не терпѣлъ этой пакости! На немилостивыхъ-те людей у него, барышня моя, есть сдѣланной адъ-тартаръ...

Онъ повернулся къ ней, держась на возжахъ, и его экспансивное лицо совершенно измѣнилось, глаза стали страшны, голосъ огрубѣлъ. Проваливая немилостивца въ адъ тартаръ, онъ взмахиваетъ рукой такъ нервно, что тройка рѣзко порывается впередъ, на встрѣчу внезапно налетѣвшему порыву вѣтра...

— Ну, вы, дьяв-волы,—свирѣпо вскрикиваетъ Силуянъ и опять поворачиваетъ къ Ленѣ совершенно измѣнившееся лицо.

— Вотъ я тебѣ сичасъ снис-хо-дительно разскажу какъ онъ Батюшка распоряжается... Вишь потемнѣло, ну, не дастъ ли Господь! Вылазій, дьяволъ!.. Стало быть, говорилъ я про Деминыхъ. Два брата были, варвары, тираны, немилостивцы, хррапо-идолы... И стало быть за тиранство за свое получали себѣ отъ господъ всякое удовольствіе. Дѣти на барщину не ходятъ, всѣ въ дому, да еще по два тягла мужиковъ на нихъ

же, варваровъ, радѣли. Помирать аспидамъ не надо, такъ ли я говорю? Ну, слушай теперь; пришла крещеному народу воля, стало быть мы радуемся, а на него, на Семена, который женщиновъ то въ два кнута тиранилъ, налетѣлъ налетной... Налетной, параликъ значитъ, все одно вихорь, рѳзорвало проклятаго на части, изгибъ въ одинъ моментъ, безъ покаянія. И сынъ теперича, для коего копилъ богатство, отбился отъ земли, связался со стервой,—пропалъ...

— Теперь про другого брата, про Василія. Тотъ больше по лошадиному дѣлу докучалъ. Выгонитъ зимой на ригу молотить въ три часа и до вечера все молотимъ. Объ себѣ не столь тужили, сколь много убивались лошадьми. Вотъ возьмешь маленько соломки ей, да тутъ-же и присыплешь. Сейчасъ увидалъ нарядчикъ: Эт-то что такой-е? Сейчасъ Василію Демину, а Деминъ Василій опять тебѣ двадцать. Ну, хорошо, опять пришла воля. Напивается онъ на базарѣ пьянъ, идетъ по дорогѣ, вотъ никакъ здѣсь, на этимъ самымъ мѣстѣ палъ, уснулъ. Народъ идетъ, пѣсни поетъ, праздничное дѣло веселое. Кто лежитъ? Васька Деминъ лежитъ. Не трогъ лежитъ. Ну, приходитъ вечеръ. И приходитъ, милая ты моя, вечеръ,—откуда тутъ ни возьмись, вонъ съ пригорочка съ этого тррри—трройки! Летятъ, все одно тотъ-же вихорь. И вѣдь подумай ты себѣ: лошадь, она вѣдь тварь разумная,—никогда тебѣ копытомъ, напримѣръ, человѣка не тронетъ. А тутъ, гляди ты, на него пррям-ма! Копытомъ въ голову, разъ! Колесомъ кованымъ па-м-мордѣ, разбили, раздребезжили, — умчались. Вотъ смотри-же ты пажалуста: отъ лошадей идолъ самъ себѣ получилъ дурную смерть на дорогѣ, объ вечерней порѣ. А ночью те буря, да витеръ, да стонъ тебѣ, да свистъ. И-и! Что было. А на утро пошелъ народъ, глядятъ Деминъ Васька лежитъ на самой на дорожкѣ,—демоны и душу вынули. Стали спрашивать, стали сыскивать, чьи да чьи тройки. И троекъ такихъ тыщу верстъ на примѣтѣ не бывало. И сѣмя поганое тоже опять извелось. Во! Н-но дьяволы...

— Ну теперь слушай объ третьемъ тебѣ скажу, объ нарядчикѣ опять, объ Алексѣѣ. Смирняга былъ, милостивой, доброй. Увидитъ, бывало, бурмистра, сейчасъ тихонечко народу: «убирай, ребята, кормы, вались за работу, идолъ идетъ». Хорошо. Приходитъ воля. И послалъ ему Господь, и послалъ Господь. Изъ бѣдняка въ хорошіе люди вышелъ, изъ хорошихъ въ само-лучшіе, наконецъ того трактиръ открылъ, брюхо во какое отпустилъ, что твой купецъ... Сынъ до сего году живъ былъ, мнуки о сю пору на деревнѣ. Во какъ, а не то што, милая моя. Ну, выл-лазій. Гляди, потемнѣло какъ, никакъ въ самомъ дѣлѣ дождь итить хочетъ къ вечеру. Вишь и солнца

не видать стало, а все паритъ, ровно въ печи. Ну вы, милые, бери веселѣе, раб-ботай!..

Тарантасъ встряхнулся, заболталъ колокольчикъ, лошадиныя спины заскакали живѣе. Казалось, настроеніе хозяина передалось тройкѣ. Между тѣмъ, и на небѣ, казалось, что-то уже надумано. На горизонтѣ все потемнѣло, солнце низко купалось въ тучахъ, красное, чуть видное, зенитъ угасалъ и туманы взбирались все смѣлѣе и выше. Шептали березы, шуршали тощіе хлѣба, гдѣ-то въ листвѣ каркала одинокая ворона.

Дѣвушка сидѣла задумчивая и поблѣднѣвшая. Она не могла хорошо разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, но ее неудержимо тянуло къ разговору. Силуянъ, какъ это тоже часто бываетъ у поэтовъ, почувствовалъ какимъ-то инстинктомъ, что онъ имѣетъ успѣхъ: лицо у него стало увѣренное и довольное. Онъ сталъ тихо придерживать тройку и повернулся опять.

— Прокатилъ бы я тебя, милая барышня,—мѣсто ровное, да папашка-те у насъ спитъ. Вишь разомлѣлъ.

Онъ какъ-то оскорбительно фыркнулъ на спящаго, и опять его фигура и голосъ показались Ленѣ непріятными и наглыми. Какъ онъ смѣетъ! Но черезъ короткое время она вспомнила, какъ была тронута его разсказомъ о похоронахъ матери, и ей захотѣлось вернуть это мелькнувшее впечатлѣніе.

— А что-же она... тетушка твоя господамъ не жаловалась?

Ямщикъ лукаво покачалъ головой.

— Да вишь они, господа-те въ етажѣ жили, высоко...

— Въ етажѣ?

— То-то въ етажѣ. Людишки-те толкутся внизу, онъ и не видитъ... А можетъ и видитъ... Хитрые они, господишки-те.

Онъ опять, какъ показалось Ленѣ, противно засмѣялся въ бороду и покачалъ головой въ скверной шляпенкѣ.

— Какъ хитрые? Что ты говоришь, что ты это говоришь?

Она опять терялась. Силуянъ, между тѣмъ, собирался съ мыслями. Онъ чувствовалъ, что теперь, наконецъ, настало его время и въ немъ подымалось вдохновеніе былинщика.

— Ахъ ты, милая моя барышня! Вотъ послушай я тебѣ снис-хо-дительно разскажу о братанѣ моемъ о Перцевѣ, объ Николаѣ, какъ онъ бунту составилъ... Стало-быть передъ волей это было, не въ долгихъ годахъ,—триденную барщину исдѣлали, три дня чтобы на помѣщика работать, три дня на себя, воскресное дѣло—Господу-Богу, хошь молись, хошь кверху брюхомъ лежи... Вотъ хорошо,—люди по всѣмъ мѣстамъ такъ по три дни и работаютъ, а насъ все по четыре дня гоняютъ, да и на тебѣ. А село наше на путѣ, на саровскомъ, все мимо насъ богомольцы идутъ въ монастырь молиться. Зайдутъ къ намъ въ поле, или на ригу поглядѣть, только головами качаютъ, кака назола у насъ идетъ. Ну, жалѣли: что такое,—въ

прочихъ мѣстахъ напримѣръ одинъ законъ, у васъ другой. Ну, молъ, потерпите. Скоро этому дѣлу конецъ видится. Извѣстно—странній человѣкъ, бывалый. А мы, милая барышня, что коняга замореная, которая, напримѣръ, изъ борозды не выходитъ, не могли вѣрить: пустяки, молъ, все: дѣло это вѣковѣчное, и дѣтямъ терпѣть-же надо... Ну, только братану моему, да еще Ивану Егорову и запади тѣ людскія рѣчи. И запади имъ тѣ людскія рѣ-ѣчи, да запади имъ прямо на сердцѣ. Вотъ, милая, одинъ разъ... выгнали по три дня на барщину, по четвертому гонютъ, да, ранымъ рано, до солнечнаго восходу. А братанъ съ Егоровымъ, какъ вышли въ поле, стали посередь міру и говорятъ: стой міряна, никто за работу не берись, смотри, что будетъ... Ну, міръ сталъ, нарядчики туда-сюда, никто ничѣмъ... всѣ сгрудились, стоятъ въ сумеркахъ; и расходиться не расходятся, и работать не работаютъ, — какъ вотъ все равно стадо передъ грозой. Что, молъ, будетъ такое? Какъ тутъ и солнушко показалось... Ну, показалось солнушко, всѣ глядятъ, что-же теперь? А то, говоритъ мой братанъ,—что вотъ солнушко всему хрещеному міру засіяло, какъ, напримѣръ, прочимъ селамъ съ деревнями, такъ и нашей Липоваткѣ! Такъ-ли, молъ, міряна? Ну, всѣ, конечно, говорятъ: такъ! Это есть справедливо! — «Почему-же такое для всѣхъ законъ триденная барщина, а насъ все по старому гоняютъ». Да какъ гаркнетъ вдругъ: «Не ходи міряна,—въ нашу съ Иванъ Егоровымъ голову,—не ходи на четыреденку!» Міряна поглядѣли на солнушко, а ужъ оно, милое, и вовсе изъ-за лѣсу выходитъ. «Ка быть, говорятъ, Перцева да Иванъ Егорова правда. Всѣмъ солнушко Божіе свѣтитъ, всѣмъ и законъ дается». Вотъ какъ солнушко-те изъ-за лѣсу выкатилось, міръ, знаешь, и качнулся. Не идемъ на четыреденну барщину. Айда по своимъ полосамъ! Нарядчики туда-сюда! «Что вы, міряна, бунтуете, что бунтуете?» А то и бунтуемъ, что нѣтъ вамъ закону! Ну, сейчасъ нарядчики къ бурмистрамъ, бурмистры къ барину, такъ и такъ, Перцевъ да Егоровъ народъ взбулгачили. «Падать ихъ сюда, па-адлецовъ эдакихъ»...

Лена вздрогнула. Дребезжащій, хотя и высокомѣрный тонъ, какимъ была произнесена послѣдняя фраза, не оставлялъ сомнѣнія, кому принадлежалъ этотъ голосъ, хотя она слышала его только разъ, въ Петербургѣ, незадолго до смерти дяди.

— Ну, тиранить уже въ ту пору не дозволяли. А взяли моего братана съ Иваномъ, скрутили хорошимъ манеромъ, да на поселеніе... Вотъ-те и солнышко! Кончено стало быть, и пошло у насъ по старому, и не стали мы странниковъ даже и слушать. Только черезъ годъ-ли, два-ли, приходитъ отъ братана письмо. Что-же ты думаешь: требуетъ къ себѣ на поселеніе законную супругу. Это, говоритъ, у васъ поселеніе, а не

здѣсь. Я, говоритъ, владаю себѣ напримѣръ землей, сколь вспашу, лѣсъ, что вырубишь твое, коси, куда сама коса пойдетъ. Посылайте мнѣ, говоритъ, сюда законную супругу Евдокею и вотъ шлю, напримѣрно, столько-то бумажекъ. Тутъ ужъ, что у насъ подѣялось, и сказать тебѣ не могу. Качнулся тутъ міръ опять: не идемъ, да не идемъ на четыреденку. Всѣхъ на поселеніе отправляй, къ Перцеву! Ну, уговаривали, молодой баринъ пріѣзжалъ, Семенъ Афанасьичъ.

Лена со страхомъ оглянулась на отца. Онъ спалъ, прислонившись къ сидѣнію.

— Чудной!—усмѣхнулся Силуянъ. Вышелъ на крылецъ, поклонился на всѣ стороны. Я, говоритъ, православные, во всяко время, говоритъ. Я за васъ, говоритъ, и бумагу подписалъ, а что касающее этого дѣла,—не могу. Старшій братъ у меня... Такъ ни съ чѣмъ и отчалилъ. А мы всетаки отбились... Такъ-то, милая барышня. Господь-то, видно, самъ знаетъ, когда и что. А вотъ у Егорова, изъ Осиновки, такъ даже у живого животъ лопнулъ...

— Какого Егорова, Ивана Семеновича?

— Ну-ну. Немилостивецъ былъ, не приведи Богъ.

И вотъ неправда,—волнуясь, заговорила Лена.—И вотъ, значитъ, ты все неправду говоришь.

— Убей меня Богъ.

— И неправда, и неправда! Я Егорова знала, и ничего не было, и умеръ онъ отъ тифа...

Силуянъ хлестнулъ пристяжку и спросилъ:

— А гдѣ его хоронили, когда вы знаете?

— А хоронили въ имѣніи.

— Ну вѣрно.

Онъ грустно помолчалъ и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Ну, стало быть у мертваго у него животъ расперло, вотъ видно какъ: у мертваго.

Лена безпомощно откинулась на подушку. Она была глубоко оскорблена и обижена, и ей хотѣлось плакать. Она еще не сознавала ясно, что у нея такъ болитъ и какія опустошенія произошли въ стройномъ мірѣ ея фантазій. Ей казалось только, что она оскорблена за отца, за дядю, за фамильярность, съ какой ямщикъ отзывался о спящемъ, наконецъ, за ту возмутительную ложь, на которой она его поймала...

И ей показалось, что самая природа насупилась и загрустила еще больше. Черта между землей и небомъ потемнѣла, поля лежали синія, затянутыя мглой, а бѣлыя прежде облака—теперь отдѣлялись отъ тучъ какія-то рыжія или опаловыя, какъ будто на нихъ умирали послѣдніе отблески дня, чтобы уступить молчаливой ночи...

Но отъ этого картина становилась еще фантастичнѣе. Облака

скучивались, вздымались, шевелились въ возраставшемъ безпорядкѣ. Наши путники проѣхали молча съ полъ-версты, и въ это время видъ неба опять измѣнился. Откуда то изъ глубины синей мглы, въ которой копошились почти черныя тѣни и подвижные красноватые отблески,—встало вдругъ длинное, причудливое высокое облако, которое, точно облачный богатырь, смѣло поднялось почти до самаго зенита и рѣзко выступило въ свободной синевѣ. Было что-то мрачное въ этомъ неожиданномъ явленіи, очертанія тихо колебались, живыя и измѣнчивыя.

Ямщикъ даже остановилъ лошадей, сволокъ свою шляпенку и боязливо перекрестился. Лошади стригли ушами, отдѣльныя тренканія колокольчика боязливо и жалостно тонули въ ближней лощинѣ, стая воронъ молчаливо пронеслась надъ березками тракта и Лена глядѣла, какъ черныя точки слились съ низкою тучей. На поблѣднѣвшей зелени, на потускнѣвшихъ очертаніяхъ полей легъ отпечатокъ общаго испуга и ожиданія... Семенъ Афанасьевичъ сидѣлъ съ открытыми глазами, какъ будто вовсе не спалъ, но ни Лена, ни ямщикъ этого не замѣтили. Тройка опять тронула по дорогѣ. Слѣпни и овода какъ будто исчезли. Сѣдокъ опять закрылъ глаза.

Въ расколыхавшемся воображеніи Силуяна пробѣгали образы, на которые пала теперь угрюмая и мрачная тѣнь этого вечера, смѣнявшаго томительный день... Но онъ не хотѣлъ упустить изъ своей власти внимательную слушательницу.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ, не поворачиваясь:—а съ подъ Илеваго заводу барина, Панкратова, вы знавали?

Ленѣ было знакомо и это имя. Въ богатой семейной хроникѣ, которую она заучила отъ няни, была,—правда на дальнемъ планѣ—и эта фигура. Панкратовъ приходился дальней родней по матери, и Лена слышала о немъ отъ отца и отъ няни. Хотя няня, тоже поэтъ въ душѣ, клала на все самыя мягкія краски, выдѣляя лишь свѣтлые образы дорогого ея крѣпостническому сердцу прошлаго, но и въ ея передачѣ эта фигура рисовалась нѣкоторой тѣнью, впрочемъ очень интересной для фона. Панкратовъ былъ когда-то замѣтнымъ въ столицѣ красавцемъ, изъ тѣхъ, которымъ, по странной игрѣ судьбы, не везетъ, несмотря на всѣ внѣшніе шансы,—именно у женщинъ. Въ Петербургѣ невѣста отказала ему передъ самой свадьбой, чтобы выйти потомъ за самаго заурядnаго фата. Тогда онъ уѣхалъ въ деревню и здѣсь, частію по любви, частію изъ гордости и мести, женился на красавицѣ-крестьянкѣ, своей крѣпостной. Черезъ два года она измѣнила ему съ доѣзжачимъ изъ его охотниковъ. Онъ хотѣлъ убить обоихъ, но нашелъ въ себѣ силы простить ее, а доѣзжачаго только отдалъ въ рекруты. Неблагодарная красавица, не выждавъ и года

послѣ этого, убѣжала съ ремонтеромъ. Ихъ видѣли послѣ этого вмѣстѣ на коренной ярмаркѣ — въ самой дурной компаніи, но Панкратовъ запретилъ приносить ему дальнѣйшія вѣсти. Онъ возненавидѣлъ людей, сталъ мизантропомъ и всю свою нѣжность отдалъ животнымъ, которыхъ любилъ съ какой-то болѣзненной силой. Передъ эмансипаціей у него было какое-то бурное столкновеніе съ крестьянами, и администрація прибѣгла къ практиковавшемуся тогда выселенію изъ имѣнія до окончанія выкупа. Тогда онъ совсѣмъ оставилъ Россію и умеръ, старымъ мизантропомъ, въ Ментонѣ. Лена видѣла его портретъ: лицо, какъ у муміи, и черные, горящіе какимъ-то особеннымъ блескомъ глаза. Она прощала ему человѣконенавистническое выраженіе этихъ глазъ. «У него было нѣжное сердце, оскорбленное людьми,—говорила она,—и онъ много страдалъ».

— Онъ очень любилъ животныхъ,—сказала она на вопросъ ямщика.

— То-то вотъ и есть. Которыя были у него самыя любимыя десять сукъ и принесутъ, напримѣрно, щенятъ. И сейчасъ онъ раздаетъ ихъ по крѣпостнымъ женщинамъ. Которая, понимаешь, принесла ребеночка и имѣетъ въ грудяхъ молоко,—сейчасъ ей собачары приносятъ щененка, стало быть для воспитанія...

— Неправда!—вскрикнула Лена, точно ужаленная.

— Убей меня Богъ,—равнодушно вставилъ ямщикъ, и опять обратился къ разсказу.—Ты вотъ послушай, что дальше-то, какъ Господь Батюшка распорядился: черезъ этого человѣка всѣмъ православнымъ воля вышла... Вотъ былъ у этого барина крѣпостной человѣкъ на оброкѣ, Алексѣемъ звали. Ужъ вотъ былъ мужикъ разумный, да красивый да удачливый, просто по всей вотчинѣ молодецъ первѣйшій. И имѣлъ у себя молодую жену. Онъ-то красивъ да пригожъ, а она и того лучше,—поищи этакихъ двухъ по всему свѣту бѣлому, анъ и не сыщешь. Имуществомъ тоже Богъ не обидѣлъ: изъ хорошихъ семей оба, достаточные. Ну, только имѣлъ этотъ Алексѣй въ себѣ маленичко гордость. Вотъ приходитъ ему, Алексѣю, въ дальній извозъ итить, а жена у него остается на сносяхъ. Дѣлать нечего. Идетъ онъ съ извозомъ, знаешь, по степѣ. Идутъ, ночное дѣло, возы скрыпятъ, обозчики, разный народъ, со всѣхъ можетъ мѣсть, рядомъ идутъ да промежду себя разговоръ ведутъ. Извѣстно,—дѣло дорожное, какъ и мы вотъ сейчасъ: гдѣ какіе, напримѣрно, народы проживаютъ, гдѣ какой обиходъ, ну и все такое прочее. А онъ Алексѣй идетъ съ возами, все молчитъ, что туча. Вотъ у него другіе и спрашиваютъ: ты это что-же, молодецъ, въ товарищахъ идешь, а съ нами, товарищами, разговаривать не хочешь. Аль самъ объ себѣ высоко понимаешь, а нами брезгуешь?.. «Нѣтъ, говоритъ, товарищи милые,

Самъ я объ себѣ не высоко понимаю и вами, товарищами, не брезгаю. А то я, говоритъ, невеселъ по степѣ иду, что дома жену оставилъ, а помѣщикъ у насъ больно лютъ. Бьютъ, колотятъ, только душу не вынимаютъ. Ну, да это бы все ничего, до меня-бы не касающее, а что вотъ завелъ дурную моду—щенятъ женскими грудями воспитывать. Терпѣть не могу и думать объ этакомъ дѣлѣ». Вотъ и стали тѣ люди, по степѣ идучи, то дѣло обсуживать. А въ степѣ то знаешь, всѣ вольные люди: который у себя то дома и крѣпостной, и тотъ въ степѣ вольнымъ казакомъ объявляется. Есть, конечно, и служивый народъ, отставные солдаты. Вотъ и говорятъ тѣ люди Алексѣю: «дураки видно въ вашей деревнѣ живутъ. Этого и закону то, покуль свѣтъ стоитъ, не бывало, чтобы животную тварь женскимъ молокомъ воспитывать. Этого и Господь не можетъ терпѣть, такъ можетъ-ли барскій законъ стать выше божьяго?». Вотъ и запади опять тѣ рѣчи Алексѣю. Самъ по степѣ идетъ, дорога подъ нимъ горитъ, а самъ все думаетъ: нѣтъ закону, да и нѣтъ закону! Хорошо! Пріѣзжаетъ, ночное дѣло, домой, что такое: собаки стрѣчаютъ, жена не стрѣчаетъ, огня не вздуваетъ, темно въ избѣ, какъ въ могилѣ. Входитъ въ избу, младенецъ у него въ зыбкѣ плачетъ, а въ углу щеняты скучатъ. Эт-то что такое? А это, жена говоритъ, сына Богъ далъ.—А въ углу что?—А въ углу щеняты, самъ понимаешь... Ты-то понимашь-ли сама! Я этого терпѣть не могу! Давай собачатъ сюда! Взялъ одного въ руку, другого въ другую, примялъ, да опять положилъ на мѣстѣ. «Ну, говоритъ, молись Богу за свой грѣхъ великій, да бери младенца. Вишь онъ у тебя въ зыбкѣ кричитъ». А на утро нарядчики приходятъ, собачары, «Анна,—показывай щенятъ, здоровы-ли они у тебя!»—Да они, молъ, съ чегой-то поколѣли.—Какъ, оба?—Оба молъ и поколѣли.—Что за причина? Ну, дѣло не наше, барину доложимъ. А тутъ Алексѣй въ избу входитъ: «Что вамъ надо? Зачѣмъ пришли? Гдѣ законъ? Ребенокъ въ зыбкѣ кричи, а щеняты у женщины груди сосутъ... Прочь изъ избы, чтобы мнѣ васъ, собачаровъ, и не видать!»—А ты, Алексѣй,—собачаръ ему говоритъ, больно-то не кричи. Не отъ себя пришли, барину доложимъ. Ну, конечно, пошли, господину и обсказали. Что-же ты думаешь: велитъ онъ сейчасъ тѣхъ щенятъ на холсты положить, какъ упокойниковъ. Принесли ихъ на холстахъ, общупалъ,—«убиты, говоритъ, злодѣемъ твари невинныя». И заплакалъ. Потомъ позвалъ собачьихъ поваровъ, велитъ для псарни овсянку готовить покруче. Все, бывало-такъ:—овсянку готовили для всей псарни ведеръ на сорокъ и болѣе: овсянку сготовятъ, станутъ собакъ кормить, а онъ тутъ-же въ стулу сидитъ, смотритъ, да изъ своихъ рукъ подкармливаетъ. Вотъ и на тотъ разъ, сѣлъ у котла, щенятъ на

холстахъ рядомъ положилъ. «Позвать Алексѣя». Пришелъ Алексѣй.—Видишь, говоритъ, невинно убіенныхъ?—Вижу, молъ. Да что-жъ, баринъ, на человѣка и то причина бываетъ, не то что на тварь животную.—Ты имъ конецъ сдѣлалъ, варваръ?—Я имъ конца не дѣлалъ, а что вотъ вы не по закону поступаете. Ребенокъ хоть и мужицкое дите, все у Бога человѣческая душа считается. И долженъ онъ въ зыбкѣ лежать, а вы у бабы груди псиной пакостите... Передохни они всѣ у васъ, всѣхъ бы передавить надо! Какъ онъ эти слова сказалъ, баринъ то и вскипѣлъ. Снялся онъ, милая ты моя, со стула... Ты слышишь-ли, милая? Снялся со стула, да ка-акъ толконетъ этого Алексѣя въ грудь, тотъ назадъ, оступился, да пряма, голубушка моя, барышня милая, головой-те въ котелъ...

— Ну?—вся нервно вздрагивая, спросила Лена.

— Ну, пикнуть не успѣлъ, — кинулись собачары, вытащили,—весь до костей въ кипяткѣ обварился. Ахъ, милая ты моя барышня, видѣвши собачары такое страшное дѣло, и пошелъ по собачарамъ шумъ, пошла по дворнѣ булга. Пошла булга, и услышалъ объ этомъ того Алексѣя братъ. Кинулся въ барскія хоромы, схватилъ барское ружье... Баринъ къ собачарамъ, а собачары на него волками смотрятъ. Ну, увидалъ свой конецъ... Вотъ какъ.

—Папочка!—послышался надтреснутый, слабый голосъ Лены. Семенъ Афанасьевичъ очнулся и съ удивленіемъ взглянулъ на дочь.

— Папа,—со слезами въ голосѣ заговорила дѣвушка,—вѣдь онъ, Панкратовъ въ Ментонѣ умеръ. Вѣдь это... вѣдь это все неправда...

Семенъ Афанасьевичъ вдругъ накинулся на ямщика:

— Что ты тутъ наболталъ, па-адлецъ! Вотъ погоди, вотъ я тебѣ покажу болтовню. Поѣзжай скорѣй, ска-атина!

Ямщикъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, подобралъ возжи, и опять лѣвая пристяжка первая почувствовала на себѣ перемѣну въ его настроеніи.

Тарантасъ задребезжалъ и быстро покатился по потемнѣвшему тракту. Колокольчикъ залился не на шутку, пристяжки изогнули головы, какъ змѣйки, березки убѣгали назадъ одна за другой, а между вѣтвей виднѣлись по сторонамъ тѣ же поля, тѣ же тучи... Кой-гдѣ во тьмѣ зажигались огоньки...

Лена ничего не думала. Отецъ видѣлъ только ея блѣдное лицо и большіе глаза...

VI.

Къ станціи они подкатили во всю мочь. Очевидно, ямщикъ въ эти полчаса обдумалъ все происшедшее и теперь старался

угодить разгнѣванному барину. Видишь вотъ, угодить хотѣлъ, а она и нажалуйся, — съ горечью думалъ онъ про Лену. Со стукомъ и звономъ тарантасъ подлетѣлъ къ полосатому столбу, на которомъ висѣлъ зажженный фонарь, и лихо остановился на всемъ скаку.

— Пожалуйте, ваше сіятельство,—сказалъ Силуянъ подобострастно, соскочивъ съ козелъ.

Станція была освѣщена, а окна открыты. Въ окна виднѣлся самоваръ, какой то военный надѣвалъ шинель и собирался: у крыльца его ждала тройка.

Лена прошла въ комнату хозяйки. Когда она вошла въ станціонную—ей прежде всего бросилась невзрачная фигура мужика, стоявшаго у порога. Онъ былъ низокъ ростомъ, съ короткими кривыми ногами, въ старомъ армячишкѣ. Онъ въ замѣшательствѣ отряхалъ отъ пыли свою шляпенку и переминался съ ноги на ногу, Семенъ Афанасьевичъ нервно ходилъ по комнатѣ, а военный господинъ сурово молчалъ, укоризненно глядя на мужика.

При входѣ Лены, военный поднялся съ мѣста и бойко щелкнулъ шпорами. Это былъ бравый мужчина, съ густыми торчащими волосами и прекрасными баками, искусно раздѣленными на двѣ части. Онъ еще разъ разгладилъ ихъ обѣими руками и, держа пальцами концы бакеновъ, низко поклонился:

— Честь имѣю представиться. Исправникъ Полежаевъ. Очень сожалѣю, что этотъ канальскій ямщикъ доставилъ вамъ огорченіе, хотя признаюсь... не знаю, чѣмъ могу... Власть Семена Афанасьевича, тутъ роль исправника прекращается, если могу такъ выразиться...

Лена съ удивленіемъ посмотрѣла на него, потомъ на мужика у порога. Неужели это онъ, неужели этотъ ничтожный мужичонка довелъ ее чуть не до кошмара, неужели это у него такой выразительный, сильный, могучій голосъ... И эти мрачные разсказы... неужели тоже его?

— Ахъ нѣтъ, ничего,—застѣнчиво и торопливо заговорила она, понявъ сразу смыслъ этой сцены.—Папочка, ради Бога... Не надо, не надо...

Исправникъ окинулъ ее умнымъ взглядомъ. Онъ вообще довольно холодно встрѣтилъ новаго «начальника» и держался сдержанно. Поэтому, онъ воспользовался настроеніемъ Лены.

— Ваше желаніе—законъ. А ты, сказочникъ, пошелъ вонъ, да смотри у меня въ другой разъ! Теперь позвольте васъ оставить, меня ожидаетъ тутъ важное дѣло-съ. Имѣю честь откланяться.

Черезъ минуту Лена смотрѣла въ открытое окно, какъ исправникъ усѣлся, причемъ какая то темная небольшая фигура противно суетилась около тарантаса. Лошади взяли съ мѣста,

и тарантасъ покатился между рядами березъ въ томъ направленіи, откуда только что пріѣхали наши путники. Скоро онъ превратился въ какую-то точку, и только меланхолическій звонъ колокольчика какъ будто перекликался все, подавая голосъ издали, изъ темноты, на освѣщенную станцію.

А въ вышинѣ все ходили тучи, теперь, въ темнотѣ пробравшіяся кверху и запявшія все небо... Но дождя все не было, чувствовалось только медленное передвиженіе, тревожная суета— и все то же безсиліе. Порой только вспыхивала синеватая зарница, падая на уходящую вдаль дорогу съ рядами блѣдныхъ березъ... Одна изъ такихъ зарницъ освѣтила невдалекѣ старый запущенный садъ, густая зелень котораго будто грезила о чемъ-то въ тишинѣ этого загадочнаго вечера, въ виду надвигающейся грозы. Надъ зеленью возвышался только мезонинъ стараго, оброшеннаго дома. Короткая вспышка еще разъ освѣтила провалившуюся крышу, изломанную рѣшетку балкона— и открытую, можетъ быть давно сорванную съ петель дверь мезонина.

Лена отчего-то вдругъ вздрогнула и отвернулась. Подойдя къ отцу, она обняла его и припала головой ему на плечо.

— Папа! Папочка. Ничего нѣтъ, ничего, ничего этого нѣтъ.

— Ты устала, Лена.

Семенъ Афанасьевичъ глядѣлъ растерянно и печально.

Хозяйка внесла свѣжій самоваръ и закрыла окно.

Вл. Короленко.

Тучки.

Каймой серебристой блистая,
Какъ дýховъ таинственный флотъ,
По небу лазурному стая
Мечтательныхъ тучекъ плыветъ.

Природы волшебной причуда
Изъ водъ создала ихъ стада...
Плывутъ неизвѣстно откуда,
Плывутъ неизвѣстно куда!

Несутся подъ куполомъ неба
Надъ скромнымъ пріютомъ земли,
Гдѣ нивы незрѣлаго хлѣба
Отъ зноя изныли въ пыли.

И смотритъ земля имъ въ догонку,
И тихо твердитъ въ тишинѣ:
«Въ мою заверните сторонку,
Просыпьте свой жемчугъ и мнѣ...

Томима смертельною жаждой
Я влаги желаю давно...
Обмѣномъ для капельки каждой
Я дать обѣщаю зерно»...

Но тучки не тронуты горемъ;
Бѣгутъ, исчезая какъ дымъ,
Отъ взоровъ земли—и надъ моремъ
Прольются дождемъ молодымъ.

Л. Медвѣдевъ.

И. И. ДИТЯТИНЪ *).

Характеристика.

I.

Сынъ извозчика, ставшій блестящимъ профессоромъ; суровый ученый, снискавшій единодушное вниманіе самой пестрой и разнохарактерной аудиторіи и сохранившій за собою популярность даже въ періодъ паденія старыхъ боговъ; цѣльный, кряжевой представитель земли, слегка тронутый вліяніемъ чуждой ему жизни, человѣкъ, созданный для роли трибуна и бывшій кабинетнымъ ученымъ; человѣкъ, рожденный мужикомъ и бывшій бариномъ; человѣкъ, жизшій мыслителемъ и умершій безумнымъ. Такова фигура, которой трудно отказать во вниманіи, даже при небольшомъ интересѣ къ личности, какъ таковой.

Три года прошло со смерти Дитятина, и память о немъ заглохла. Сказано о немъ было обидно мало. Ни люди, его близко знавшіе, ни люди его толка до сихъ поръ не обмолвились о немъ. Имени его, кромѣ спеціалистовъ, почти никто не знаетъ; книгъ его, конечно, не читаютъ.

Вотъ почему посмертное изданіе монографій покойнаго профессора исторіи русскаго права является какъ нельзя болѣе кстати. Разбросанныя по разнообразнымъ, иногда спеціальнымъ и не вездѣ доступнымъ изданіямъ, эти статьи остаются до сихъ поръ извѣстными только спеціалистамъ, несмотря на живой интересъ и разнообразное содержаніе, которымъ онѣ отличаются и которое дѣлаетъ ихъ вполнѣ пригодными для большой публики. Книга Дитятина освѣщаетъ много интересныхъ вопросовъ. Здѣсь и рядъ статей о русскомъ общинномъ самоуправленіи въ разные моменты его развитія, и этюды по исторіи верховной власти и тѣхъ формъ, какія прошла въ нашей исторіи законодательная инициатива населенія—отъ московскихъ челобитій и земскихъ со-

*) *И. И. Дитятинъ.* Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896 г. Изданіе О. Н. Поповой Чистый доходъ отъ изданія предназначается на сооруженіе памятника надъ могилой И. И. Дитятина и на благотворительныя цѣли. При книгѣ портретъ съ автографомъ.

боровъ до Екатерининской коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія; здѣсь и ранняя компилятивная работа о западно-европейскихъ цехахъ, и горячія полемическія статьи, не только не потерявшія за эти пятнадцать лѣтъ своей силы, но полныя и теперь той же волнующей жизненности; таковы «Царскій кабакъ Московскаго государства» и «Когда и почему возникла розпь въ Россіи между командующими классами и народомъ». За этимъ богатствомъ содержанія, бросающимся въ глаза при первомъ взглядѣ, кроется единство основной мысли, на которой покоились и прочіе научные труды и все міросозерцаніе покойнаго ученаго. Это общее начало связываетъ въ одно цѣлое эти разнообразные двѣнадцать этюдовъ, — точно они преднамѣренно объединены, чтобы освѣтить одну идею съ различныхъ точекъ зрѣнія. Это возвышаетъ ихъ цѣнность и интересъ.

Появленіе сборника оживитъ, вѣроятно, вниманіе читателей къ выдающимся трудамъ Дитятина и послужитъ поводомъ къ новой оцѣнкѣ его научныхъ заслугъ и къ характеристикѣ его оригинальнаго склада. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мелкія статьи его гораздо болѣе рельефны и характерны для его личности, чѣмъ его научныя изслѣдованія и труды, — если не считать, конечно, его полнаго курса, который, къ сожалѣнію, не напечатанъ и едва-ли когда-либо будетъ изданъ. Этотъ двухлѣтній курсъ, бывшій всегда центромъ занятій профессора, представлялъ собою исчерпывающее обозрѣніе исторіи русскаго государственнаго права, сообразно съ послѣдними результатами своихъ и чужихъ изслѣдованій. Въ связи съ этимъ содержаніе курса, на половину критико-исторіографическое, постоянно измѣнялось, по мѣрѣ обновленія соотвѣтственной литературы; такъ въ послѣднемъ году лекцій въ Харьковѣ, гдѣ прошла лучшая пора дѣятельности Дитятина, многіе основные вопросы въ курсѣ излагались въ видѣ критики только что появившагося тогда (1886 г.) «Обзора исторіи русскаго права» профессора Владимірскаго-Буданова. Полная неизвѣстность интереснаго курса Дитятина, сохранившагося отчасти въ студенческихъ литографированныхъ изданіяхъ и, быть можетъ, въ рукописяхъ самого профессора, чрезвычайно прискорбна. Не говоря о научныхъ достоинствахъ и значеніи его для выясненія метода изслѣдованія и изложенія, а также общей характеристики покойнаго,—изданіе курса или хоть нѣкоторыхъ частей изъ него показало бы, что Дитятинъ работалъ и имѣлъ оригинальныя воззрѣнія, добытыя самостоятельнымъ изслѣдованіемъ также по тѣмъ вопросамъ исторіи русскаго права, относительно которыхъ онъ не успѣлъ высказаться печатно; какъ напримѣръ, въ ученіи о первичныхъ формахъ общежитія у восточныхъ славянъ, объ экономическомъ и правовомъ положеніи рабовъ на Руси и т. п.

Составъ сборника оставляетъ желать кой-чего. Въ него вошли не всѣ труды Дитятина, разбросанные по журналамъ; такъ, въ

немъ нѣтъ его интересныхъ замѣтокъ о новыхъ книгахъ изъ «Критическаго Обозрѣнія» М. Ковалевскаго и Вс. Миллера. Нѣтъ въ немъ также—что гораздо важнѣе,—кромѣ общихъ указаній въ предисловіи, никакихъ библіографическихъ примѣчаній о томъ, когда и гдѣ появились въ первый разъ перепечатываемыя теперь статьи. Это ставитъ ихъ внѣ исторіи, лишаетъ ихъ извѣстнаго освѣщенія и тѣмъ, въ сущности, затрудняетъ обыкновенному читателю истинное пониманіе ихъ тогдашняго смысла. Одно указаніе, напримѣръ, на время появленія статьи «Роль челобитій и земскихъ соборовъ» даетъ этой статьѣ совершенно особую хронологическую обстановку, въ которой лишь она получаетъ свой настоящій смыслъ. Или какъ было-бы важно хоть слово о знаменательномъ предисловіи, которое покойный Юрьевъ, тогда еще редакторъ «Русской Мысли», нашелъ нужнымъ предпослать статьѣ «Когда и почему возникла розань» etc.—въ тщетномъ стараніи примирить непримиримое и смягчить смыслъ этой статьи.

Но всего досаднѣе въ новомъ изданіи—отсутствіе біографіи Дитятина или хоть какихъ либо новыхъ данныхъ для нея. Что редакторы сборника видѣли въ этомъ пробѣлъ, ясно изъ того, что къ книгѣ приложенъ на листкѣ curriculum vitae покойнаго въ тонѣ формулярнаго списка и размѣромъ въ двадцать пять строкъ. Мы узнаемъ изъ этой замѣтки, что Иванъ Ивановичъ Дитятинъ родился въ 1847 году въ Петербургѣ, гдѣ и обучался въ приходскомъ училищѣ, 7-й гимназіи и университетѣ, который окончилъ въ 1870 году; затѣмъ—написалъ и защитилъ магистерскую и докторскую диссертаціи, былъ профессоромъ въ Ярославлѣ, Харьковѣ и—послѣ перерыва по независящимъ отъ него обстоятельствамъ—въ Дерптѣ, гдѣ и скончался 29 октября 1892 года. Вотъ и все.

Почему-же люди, близко стоявшіе къ покойному, не нашли возможнымъ, при столь удобномъ случаѣ, подѣлиться болѣе подробными свѣдѣніями о его жизни? Считаютъ они это несвоевременнымъ или не разсчитываютъ на достаточный интересъ къ его личности? Это не такъ: въ средѣ бывшихъ учениковъ жива благодарная память о покойномъ учителѣ, и всякое сообщеніе о Дитятинѣ, выходящее за предѣлы оффиціальнаго некролога, нашло бы кругъ образованныхъ читателей, который могъ бы лишь возрастать при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этой незаурядной личностью. Ибо въ немъ было такъ много особеннаго и характернаго, что ужъ одни голые факты изъ его душевной жизни могли бы быть чрезвычайно интересны. И если я рѣшаюсь говорить о покойномъ профессорѣ Харьковскаго университета, то не въ разсчетѣ замѣнить своей замѣткой какой-нибудь этюдъ, посвященный ему, а, напротивъ, въ надеждѣ вызвать другихъ на замѣчанія и сообщенія о личности покойнаго. Ибо въ моемъ распоряженіи весьма немного данныхъ. Я старался отыскать въ его сочиненіяхъ

того человѣка, который былъ такъ интересенъ въ личныхъ отношеніяхъ,—и не всегда успѣвалъ въ этомъ: человѣкъ живой рѣчи и ученый изслѣдователь не вполнѣ совпадали въ Дитятинѣ. Нѣтъ между ними противорѣчій, но нѣтъ и полнаго тожества; въ писателѣ не видно той жизненной яркости, которая съ такой силой опредѣляла своеобразную фигуру человѣка. Поэтому напрасно было бы искать въ предлагаемомъ очеркѣ цѣльнаго облика: я буду доволенъ, если мнѣ удастся памѣтить нѣсколько широкихъ чертъ, которыя бросались мнѣ въ глаза въ извѣстномъ отдаленіи. Быть можетъ, я ошибаюсь; быть можетъ, я «выдумалъ себѣ человѣка»—серьезныя поправки будутъ для меня большою радостью.

II.

Историческіе труды Дитятина получили въ свое время достаточно компетентную оцѣнку. Обширная начитанность въ памятникахъ обезпечивала твердую почву его анализу установившихся въ наукѣ положеній, а основательное знакомство съ наукой во всемъ ея объемѣ давало ему возможность отнестись къ данымъ источникамъ безъ готовыхъ тисковъ односторонней теоріи. Красота его обобщеній соотвѣтствовала силѣ его безпощадной критики, и наука можетъ по справедливости скорбѣть о его безвозвратно утерянномъ для нея курсѣ исторіи русскаго права. Новыхъ путей въ наукѣ онъ не прокладывалъ и дѣлалъ въ нее лишь частичные, хотя и цѣнные вклады; но послѣдніе результаты и старыя данныя историческаго изслѣдованія слагались въ его творческой работѣ не въ безжизненную компиляцію, а въ одухотворенный организмъ. Онъ не создалъ школы, но онъ самъ принадлежалъ къ блестящей школѣ историковъ русскаго права—своихъ современниковъ—и съ правомъ занималъ мѣсто въ этой плеядѣ серьезныхъ и талантливыхъ ученыхъ.

Историкъ κατ' ἐξοχήν, онъ никогда не видѣлъ въ юридическомъ строѣ застывшей догмы. Попытки исчерпать долговѣчное историческое явленіе въ законченной формулѣ опредѣленія казались ему антинаучными. Еще въ ранней своей работѣ о западноевропейскихъ цехахъ онъ замѣчалъ: «Въ высшей степени трудно, почти невозможно установить точное понятіе цеха, такое понятіе, подъ которое можно было бы подвести цехъ въ каждый моментъ его историческаго существованія. Какъ всякое явленіе соціальной жизни, цехи, во весь періодъ ихъ существованія, начиная съ момента возникновенія, кончая настоящимъ временемъ, представляютъ собою явленія далеко не подобныя... Они постоянно видоизмѣняются. Поэтому, если мы дадимъ формулу для опредѣленія понятія цеха, мы, въ сущности, дадимъ опредѣленіе этого понятія въ какой либо данный моментъ его историческаго развитія, т. е.

составимъ совершенно ложное понятіе о немъ въ остальные моменты его существованія». Съ этой точки зрѣнія настоящаго историческаго мышленія, всякое точное опредѣленіе момента возникновенія или смерти историческаго явленія казалось ему просто нелѣпостью. Студентъ не могъ разсердить его больше, какъ сказавъ, что основаніе государства Россійскаго относится къ 862 году, а о памятникѣ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ онъ упоминалъ неизмѣнно съ насмѣшливымъ эпитетомъ «пресловутый памятникъ» и съ недоумѣвающимъ пожатіемъ плечъ. Когда сходство въ напластованіяхъ различныхъ эпохъ надо было выдѣлить и выяснить въ ущербъ ихъ хронологическому значенію, онъ дѣлалъ это какъ то боязливо и съ оговорками,—точно желая сказать, что это нивеллированіе историческихъ моментовъ — не истинная, случайная точка зрѣнія. «Пробѣгая мысленно цѣлыя столѣтія по отношенію къ развитію мѣстнаго управленія, мы *какъ бы* перестаемъ различать историческіе планы; они *какъ то* сливаются передъ нашими глазами; выпуклыя стороны общественной государственной жизни стоятъ *какъ бы* на одной линіи». И онъ послѣ этого мелькомъ брошеннаго замѣчанія спѣшитъ опять уйти къ своимъ любимымъ словамъ — развитіе, разростаніе, переходъ; и предъ читателемъ вновь встаетъ его любимая идея: получить о явленіи ясное понятіе значитъ прослѣдить всѣ перепитіи его исторической жизни.

Правовой укладъ представлялся ему всегда im Werden, въ рядѣ послѣдовательныхъ моментовъ своего бытія, а не въ видѣ строго выкристаллизованнаго цѣлаго, какое представляется догматику. Въ погонѣ за изображеніемъ цѣлокупнаго юридическаго строя въ данный историческій моментъ, догматикъ бываетъ склоненъ подставить этому моменту свою теорію и расположить историческія данныя на прокрустовомъ ложѣ системы, безконечно чуждой этимъ даннымъ. Натянутыя толкованія, груды отброшенныхъ, за отсутствіемъ соотвѣтственнаго мѣста, фактовъ, смѣшеніе эпохъ, областей, источниковъ—таковы слѣдствія догматизма въ области историческаго изученія права. Читатели припомнятъ хотя-бы попытку расположить нормы русскаго обычнаго права въ системѣ, принятой для положеній гражданскаго права Пандектовъ.

Мышленіе Дитятина противилось догматизму. Богатство и разнообразіе категорій сообщали ему удивительное историческое чутье, такъ сказать, чувство историческаго момента и исторической перспективы, благодаря которому строго индивидуализованное явленіе всегда находило у него соотвѣтственную клѣточку, соотвѣтственную оправу, — но не больше: онъ не подкладывалъ фольги подъ эти брилліанты, и они искрились и переливались въ яркомъ сіяніи его глубокой мысли.

Въ связи съ этимъ онъ ставилъ исторію права, конечно, на самую широкую почву. Отжившая точка зрѣнія на исторію права, какъ на рядъ смѣняющихъ другъ друга кодексовъ, была ему

чужда самымъ рѣшительнымъ образомъ. И въ смѣнѣ правовыхъ воззрѣній, понятой даже въ наиболѣе обширномъ смыслѣ, онъ видѣлъ лишь одинъ и, быть можетъ, не самый характерный элементъ исторической жизни. Этого мало: исторія *идей* не выражала собой для него всего потока событій. Всегда и во всемъ онъ склоненъ повторить читателю и ученику свою задушевную мысль: «отрѣшитесь отъ юридической сферы, перейдите отъ памятниковъ законодательства къ памятникамъ самой жизни». («Верховная власть въ Россіи XVIII в.»). И онъ никогда не упускаетъ случая отмѣтить такое разногласіе между словомъ и дѣломъ: «Дѣйствительность и въ моментъ изданія Наказа и послѣ него была совершенно чужда всѣмъ этимъ высокимъ идеямъ. Идеи оставались идеями. Онѣ остались-бы таковыми даже и въ томъ случаѣ, если-бы выражены были не только въ Наказѣ, произведеніи, въ сущности, чисто литературнаго характера, но даже и въ какихъ либо указахъ».

Экономическая, духовная и бытовая обстановка возникновенія и примѣненія нормы занимала его болѣе самой нормы. Съ удовольствіемъ цитируетъ онъ Іеринга: «Ни одно уложеніе, ни одинъ теоретическій сборникъ права, какого бы то ни было времени и какого бы то ни было народа, не могутъ быть поняты безъ знанія реальнаго состоянія этого народа и этого времени». Съ какимъ-то недоумѣвающимъ негодованіемъ онъ жалуется на то, что «въ каждомъ грошовомъ учебникѣ всеобщей исторіи останавливается вниманіе ученика на состояніи греческаго общества въ эпоху Солонова законодательства... и, странно, ни одинъ даже изъ лучшихъ учебниковъ отечественной исторіи не запнется о положеніи вещей вызвавшемъ извѣстныя мѣры «Русской Правды».

Очевидно, онъ былъ не чуждъ экономическаго матеріализма, но онъ былъ чуждъ его утрированія. Думать, какъ незабвенный Пигасовъ у Г. И. Успенскаго, что «у насъ пискарь, и потому эгоизмъ, у васъ сиги—ну и альтруизмъ» — онъ не могъ бы уже потому, что онъ, какъ мы увидимъ ниже, склоненъ былъ даже переоцѣнивать роль личности въ историческомъ процессѣ — и источникъ альтруизма онъ видѣлъ не въ сигѣ, а въ человѣкѣ. Явленіе духовной жизни было для него слишкомъ сложно и многообразно, чтобъ онъ объяснялъ его изъ одной категоріи фактовъ.

Въ статьѣ о Ешевскомъ проф. Бестужевъ-Рюминъ передаетъ одно свое интересное воспоминаніе: «Подъ вліяніемъ лекцій Кавелина, разсказываетъ онъ, у многихъ молодыхъ людей (1847—48 гг.) сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важнѣйшая часть исторіи, что смѣна институтовъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это тогда высказывалось и за университетскими стѣнами. Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія, зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ развивать ему ту-же мысль. Выслушалъ меня М. П. и

отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо позднѣе: «А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?» Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣть св. Сергія, т. е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія?»

Велико разстояніе, раздѣляющее Погодина и Дитятина; не легко было-бы найти точки соприкосновенія въ ихъ міровоззрѣніяхъ. Но св. Сергій имѣлъ всегда въ наукѣ Дитятина подобающее ему мѣсто: вліяніе духовнаго строя на правовую жизнь, роль религіи и служителей ея въ созданіи и распространеніи извѣстныхъ юридическихъ воззрѣній онъ отмѣчалъ съ особенной тщательностью, каково-бы ни было въ данномъ случаѣ его отношеніе къ ней. Сочиненія Ѳеофана Прокоповича и проповѣди митрополита Никифора онъ цитировалъ такъ же внимательно, какъ посланіе Курбскаго, Моленіе Даніила Заточника и разсужденія Посошкова.

Надо сказать прямо: ограничивъ свои историческія занятія областью одного права, Дитятинъ совершилъ прискорбную ошибку. Въ его дарованіи лежалъ почти не затронутый запасъ способности творческаго, пластическаго возсозданія широкихъ картинъ быта. Слѣдить за историческими судьбами одной нормы, подмѣчать своевольныя уклоненія ея отъ идеаловъ juris stricti, изъ богатаго, полнаго жизни матеріала извлекать скудныя и мертвыя данныя юридической конструкціи института—было не въ его художественной натурѣ. Историкъ перевѣшивалъ въ немъ юриста, и въ этомъ лежала, быть можетъ, одна изъ причинъ, почему онъ занимался исторіей *русскаго* права. Причинъ этихъ было много; главнѣйшая изъ нихъ, конечно, въ томъ, что онъ, русскій до мозга костей, всей силой своей непосредственной натуры заинтересованъ былъ прошлыми и будущими судьбами родного народа. Но къ исторіи русскаго права влекли его и другія склонности.

Наука исторіи русскаго права носитъ до сихъ поръ въ значительной степени характеръ исторіи быта. Указанія источниковъ на факты не легко сводятся къ предсгавленіямъ о правовыхъ идеалахъ; юридическія нормы съ величайшимъ трудомъ выдѣляются наукой изъ налипшей на нихъ массы случайностей, частныхъ отношеній, необязательныхъ обыкновеній, обособленныхъ фактовъ; право и безправіе не разграничены въ этомъ первобытномъ укладѣ съ опредѣленностью, къ какой привыкла дисциплинированная мысль современнаго человѣка. И изслѣдователю, не привыкшему подгонять факты къ рамкамъ произвольныхъ обобщеній, нерѣдко приходилось или отказаться отъ заманчивой возможности принять систему, исчерпывающую груды сырья разрозненнаго, противорѣчиваго, недостовѣрнаго, и откровенно заявить «ignoramus»; или-же, послѣ точнаго, добросовѣстнаго, кропотливаго изученія ряда отношеній, признать, что личное начало такъ мощно залегло въ основу этихъ отношеній, что сознаніе права и законности въ нихъ

не замѣтно. Жизнь сама не всегда отдѣляла право отъ факта, и источники доставляютъ теоріи не слишкомъ много данныхъ для такого анализа.

И, опуская частности, онъ обращался къ исторіи самыхъ существенныхъ, основныхъ моментовъ правового уклада; покидая строго юридическую почву, онъ набрасывалъ смѣлой рукой рядъ широкихъ, яркихъ и сильныхъ картинъ. Психика народа, создателя и носителя правосознанія, была цѣлью этихъ картинъ: міровоззрѣніе историческаго момента являлось ихъ естественнымъ центромъ. Старая Русь вставала, какъ живая. Буйныя толпы вольницы, «указующія путь» князю, смѣнялись истовымъ засѣданіемъ бояръ, чинно «уставившихъ брады»; «тишайшій» издатель «Уложенной Книги» уступалъ мѣсто «царственной поклонницѣ Вольтера»; трагическій образъ Грознаго царя гармонически сочетался съ неподобной фигурой его ставленника «царя и самодержца» Симеона Бекбулатовича. И старые тексты, оживленные народнымъ говоромъ профессора, казались въ его устахъ не цитатами изъ ветхихъ хартій, а его собственной рѣчью, властной и свободной рѣчью какого нибудь «мужа вольна» древнерусскаго народоправства: «А безъ вины ти, княже, мужу волости не лишити»...

Идея преемственности правовыхъ воззрѣній, идея историчности духовной жизни человѣка и народа выступала въ этихъ картинахъ рельефнѣе, чѣмъ въ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Образы творили дѣло абстракцій. Краски на этихъ картинахъ бывали декоративно ярки, освѣщеніе нѣсколько своеобразно, но эти гигантскія картины надолго оставались въ памяти. Онѣ доказывали, онѣ убѣждали, онѣ обращали въ свою вѣру—и надолго закрѣпляли въ душѣ слушателя неразрывно связанный съ ними образъ профессора. Это серьезное, дѣловое, эпическое изложеніе научныхъ данныхъ имѣло удивительное свойство настойчиво выдвигать на первый планъ личность самого изслѣдователя.

III.

Оно и понятно. Крупный человѣкъ, полный сознанія своей сильной личности, нервный и пылкій, онъ былъ субъективенъ въ своихъ работахъ—не въ смыслѣ пренебреженія научной объективностью, конечно. Онъ указалъ цѣну этой «пресловутой» объективности, когда въ началѣ рѣзкой полемической статьи говорилъ: «разбираясь въ жизненныхъ явленіяхъ нашего прошлаго, мы постараемся взглянуть на нихъ простымъ глазомъ,—глазомъ невооруженнымъ никакими орудіями, измѣняющими наблюдаемыя явленія». Во введеніи къ своей первой диссертаціи онъ указывалъ на достоинства нѣмецкихъ изслѣдователей средневѣковаго города въ противоположность французскимъ, которые «рѣдко являются

въ данномъ случаѣ безпристрастными изыскателями исторической истины; большинство изъ нихъ не хотятъ принять историческую дѣйствительность такъ, какъ она есть; они стараются подогнать ее подъ свои личныя симпатіи, не имѣющія ничего общаго съ прошлымъ исторіи. Многіе изъ нихъ берутся за изученіе средневѣковаго города не какъ безпристрастные историки, а какъ люди той или другой политической партіи, которые стараются въ историческомъ прошломъ найти факты, могущіе подкрѣпить ихъ политическія симпатіи и антипатіи; они старается заранѣе составленную a priori программу обосновать историческими данными» (Устройство и управленіе городовъ, I, 10). Такова умѣлая характеристика ученыхъ не субъективныхъ, а пристрастныхъ. Такимъ онъ не былъ. Исторія не служила для него ни темой для моральныхъ разсужденій, ни предлогомъ для экскурсовъ въ области текущей политики. Его публицистическія статьи, будучи памфлетами по формѣ, по сущности представляютъ собою научныя изслѣдованія, далекія отъ предвзятости, отъ извращенія или подтасовки фактовъ.

Въ этихъ предѣлахъ онъ былъ объективенъ. Западникъ, давшій невыразимо мрачную картину быта московской Руси, онъ умѣлъ найти положительныя черты въ допетровскомъ государственномъ строѣ и хорошо видѣлъ оба конца петровской дубинки, никогда не забывая, что если одинъ конецъ и находился въ мощныхъ рукахъ «геніальнаго царя-революціонера», то другой былъ по людямъ, по живымъ людямъ, которыхъ никогда не терялъ изъ виду Дитятинъ, куда-бы ни вела его основная мысль. Онъ былъ остороженъ въ выводахъ, строго наученъ въ пріемахъ и сдержанъ въ теоретическихъ разсужденіяхъ, что—замѣтимъ кстати—особенно оттѣнялось его юношески необузданной рѣзкостью, иногда прорывавшейся въ вопросахъ насущнаго характера.

Но, за этой элементарной объективностью, въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли его былъ живой источникъ самой яркой субъективности. Уже это влеченіе къ нѣмецкимъ историкамъ имѣло, быть можетъ, въ основѣ не столько ихъ безпристрастіе, сколько симпатію къ ихъ народнической постановкѣ вопроса, къ ихъ бережному отношенію къ средневѣковой общинѣ—въ противоположность французамъ-централизаторомъ; это предпочтеніе нѣмецкой науки исходило не изъ ея объективности, но изъ его субъективности. Иначе и быть не могло. Субъективность Дитятина была необходимымъ выводомъ изъ его натуры. Объективность честной мысли не была въ немъ безстрастіемъ индифферентизма. Онъ былъ живой человѣкъ, человѣкъ глубокихъ и своеобразныхъ воззрѣній, полный гордаго самосознанія и жажды дѣятельности. Онъ былъ прежде всего профессоръ, учитель, а потомъ уже ученый. Его академическія дарованія были придаткомъ къ его натурѣ проповѣдника, его кабинетъ служилъ его аудиторіи. Онъ былъ субъ-

ективенъ, потому-что его убѣжденія не лежали въ немъ подъ спудомъ, не только числились въ его активѣ, по системѣ «двойной бухгалтеріи», а были живымъ стимуломъ его работы, потому-что онъ былъ не безстрастный изыскатель безразличной истины, а дѣятель, трибунъ, боецъ. Онъ отправлялся отъ идеи, потому-что онъ жилъ идеей. Все въ немъ—отъ выбора темъ для изслѣдованія до его стиля, сдержаннаго, неуклюжаго и неспокойнаго—полно его личности и непремѣнно вызываетъ въ памяти его сильную, тяжелую, мужицкую фигуру, его суровый, пристальный взглядъ, его взволнованную и волнующую рѣчь. Стоитъ обратиться къ его полемическимъ статьямъ, чтобы видѣть, какъ этотъ человѣкъ выражалъ себя наиболѣе яснымъ и полнымъ образомъ именно тамъ, гдѣ онъ разрѣшалъ себѣ публицистику, субъективность, лирику. Въ его монографіяхъ мы не часто найдемъ столь жизненную характерику историческаго момента, какъ, напримѣръ, вотъ эта «тенденціозная» картинка московской Руси:

«Тамъ идеалъ человѣка, незнакомаго даже съ Евангеліемъ, основывался не на любви къ ближнему, не на благѣ его, а на голомъ, страшномъ эгоизмѣ и раззоренiи ближняго. Тамъ не было иныхъ заботъ у человѣка, кромѣ заботъ о своемъ личномъ благѣ; тамъ онъ изъ за «суеты мірской» забывалъ великую обязанность любви къ ближнему, какъ забывалъ ее благовѣщенскій попъ Семенъ *), и, забывъ, не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы осилить этого ближняго, овладѣть имъ, кормиться трудами его, убить въ немъ человѣка, хотя бы убивая его въ себѣ самомъ. Тамъ все дѣлалось ради своего *я* и только его одного: тамъ отецъ долженъ былъ блюсти «тѣлесная и духовная» дѣтей своихъ только потому, что онъ долженъ былъ (по Домострою) за несоблюденіе имъ таковыхъ «отвѣтъ дати въ день страшнаго суда». Тамъ вся нравственность покоилась лишь на страхѣ: здѣсь, на землѣ—предъ наказаніемъ, тамъ, на небѣ—предъ вѣчными муками ада; избавленіе отъ этихъ послѣднихъ, и только оно одно,—тамъ, на небѣ—награда за всѣ добрыя дѣла, а здѣсь, на землѣ—слава среди людей. «Домострой» и то и другое обѣщаетъ за исполненіе всѣхъ его требованій: «а себѣ отъ Бога мзда, а отъ людей добрая слава». Тамъ даже эта «мзда» небесная покупалась на счетъ своего ближняго, плодовъ труда его. И разбрелось все тамъ «розно».

Въ этой явно субъективной, нервной и утрированной характеристикѣ—весь ея авторъ съ его пошибомъ, его воззрѣніями, его горячностью, съ его моралью свободнаго самоопредѣленія, съ

*) Попъ Семенъ, священникъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, нашелъ, что извѣстный «еретикъ» Матвѣй Башкинъ, ставя такія задачи духовенству, какъ, напр.—«положити душу свою за други своя», заботиться о душахъ овецъ своихъ, поучать дѣломъ и словомъ—толковалъ «*развратно* и необычайно».

его сознательнымъ отвращеніемъ ко всему, что есть принужденіе, насиліе, гнетъ.

Остановимся еще на моментѣ на полемическихъ статьяхъ Дитятина: онѣ могутъ привести къ нѣкоторому неожиданному выводу. Рѣзкія, задорныя, онѣ направлены противъ извращенія воззрѣній, которымъ и онъ не былъ чуждъ—и онѣ не всегда ставятъ границу между нимъ и его противниками. Самая ярость нападенія говорила, что здѣсь человѣкъ бьется не съ чѣмъ-то ему совершенно постороннимъ, но что онъ стоитъ на одной почвѣ съ своими антагонистами. О, конечно, съ славянофильствомъ новѣйшей формаціи онъ не имѣлъ ничего общаго — противъ него и направлены были его стрѣлы; далеко не во всемъ сходился онъ и съ первоначальными учителями московской школы. Но, широкій и добросовѣстный ученый, онъ не останавливался предъ сторонними соображеніями. Школа Градовскаго и Сергѣевича давала себя знать. Правда, начало «розни между командующими классами и народомъ» онъ видѣлъ не тамъ, гдѣ его усматривали представители извѣстнаго направленія, не въ петровской реформѣ и не въ гибельныхъ началахъ европейской образованности. Но онъ зналъ и категорически выставлялъ на видъ ту сторону «розни», которою Россія обязана петербургскому періоду, и то начало единства, которое ему—какъ и первымъ славянофиламъ—было симпатично въ строѣ московской Руси. Это начало — широкая законодательная инициатива, отмѣченная имъ въ статьѣ: «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ исторіи права Московскаго государства». «Всея Руссіи самодержецъ, говоритъ онъ, въ своей законодательной дѣятельности, въ своей великой роли управителя обширнаго Московскаго государетва, ничего не творитъ изъ себя самого: его холопы, сироты и богомольцы играютъ немалую роль въ его законодательномъ творчествѣ За ними оставляетъ онъ значительную долю законодательной инициативы; духовный чинъ, его, великаго государя, служилые люди, посадскіе черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишки, становые и волостные крестьяне, бьютъ ему, великому государю, челомъ, а онъ, царь и великій князь, ихъ жалуетъ—ими просимое даруя имъ, узаконяетъ его; «лучшихъ, добрыхъ и постоятельныхъ» великій царь московскій призываетъ для своего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ».

Человѣкъ вполнѣ опредѣленнаго толка, «либералъ»—въ русскомъ, особенномъ пониманіи этого слова — и демократъ, иногда à outrance, онъ, въ сущности, не былъ человѣкомъ партіи. Намъ не припишутъ моднаго стремленія выдвинуть оригинальность его воззрѣній на счетъ ихъ опредѣленности. Но онъ, въ самомъ дѣлѣ, цѣликомъ не принималъ никакого кодекса. Время помогло ему. Попади онъ на свое настоящее мѣсто, будь онъ политическимъ дѣятелемъ, журналистомъ, лидеромъ, его взгляды сложились бы, быть можетъ, нѣсколько иначе, нѣсколько ближе къ типиче-

скому міровоззрѣнію партіи; этого не исключаютъ никакіе размѣры дарованія. Вожакъ зависитъ, вожакъ идетъ къ горѣ, когда она не идетъ къ нему; онъ «примѣняется» — и невольный оппортюнизмъ подчасъ бываетъ его роковымъ удѣломъ. Er meint zu schieben, aber er wird geschoben. Отъ этого былъ спасенъ Дитятинъ. Одинокій и оторванный въ маленькомъ провинціальномъ университетѣ, обязанный излагать не излюбленную часть (государственное право), а полный курсъ науки по указанной программѣ, отрѣзанный отъ студенчества самыми разнообразными обстоятельствами, онъ не могъ застыть на цеховой системѣ обязательныхъ идей и думалъ отдѣльно отъ другихъ. Онъ шелъ далеко, но не по торной дорогѣ; онъ доходилъ до крайностей, но это были не крайности партіи, а крайности человѣка. Его общественныя воззрѣнія не выдавались особенной широтой, но взгляды его никогда не носили характера банальнаго доктринерства, доказывающаго не столько партійность, сколько бездарность. Не узость заурядная политикана, а послѣдовательность честнаго человѣка сквозила въ этомъ прямолинейномъ, упорномъ и «коротенькомъ» міровоззрѣніи. Оно не знало противорѣчій и внушало уваженіе.

Дитятинъ имѣлъ большое вліяніе на учениковъ. Духовное общеніе съ этимъ сильнымъ, честнымъ и даровитымъ человѣкомъ оставляло глубокій слѣдъ въ молодежи. Онъ училъ ее цѣнить широту ума и презирать широту совѣсти — училъ не словомъ, а примѣромъ. Онъ показывалъ, какъ можно добывать объективную истину, отправляясь отъ своихъ душевныхъ вожделѣній, какъ можно мыслить объ умершихъ, не забывая живыхъ, какъ надо интересоваться прошлымъ роднаго народа—во имя его будущаго.

IV.

Попытка охватить общій складъ его внутренней жизни однимъ исчерпывающимъ обозначеніемъ была бы, вѣрно, неудачна. Но, въ связи съ нѣкоторыми основными чертами его міровоззрѣнія— можно было бы указать ту область идей, изъ которой было бы взято подобное обозначеніе.

Припомнимъ старый земскій укладъ и его человѣка. Личность еще не выдѣлена въ безформенной массѣ населенія; она сама чувствуетъ себя, если не «пальцемъ отъ ноги», то какой-то неопредѣленной частью аморфнаго цѣлаго, она живетъ, дѣйствуетъ и проявляется лишь въ нерушимой принадлежности къ общинѣ, къ міру, къ землѣ. Первобытный человѣкъ, можно сказать, не подлежитъ индивидуальной психологіи; онъ относится къ вѣдѣнію «психологіи группъ», Völkerpsychologie. Онъ, прежде всего, членъ группы, толпы, племени; индивидуальность въ немъ мало

развита. Вся его духовная жизнь, вся творческая сила, вся поэзія запечатлѣны этимъ «безразличіемъ коллективизма». «Въ этотъ періодъ исторіи личность имѣетъ смыслъ и значеніе только въ качествѣ члена общины», говорилъ въ своихъ лекціяхъ Дитятинъ. Поэтому личные интересы въ сознаніи первобытнаго человѣка туго выдѣляются изъ интересовъ той *небольшой* общественной единицы, въ которой онъ дома. Эта зоологическая нравственность дѣлаетъ его существомъ высшаго типа—низшей степени, конечно, Онъ безсознательный патріотъ, онъ неустанный радѣтель, подвижникъ, ходатай за родную общину безъ мысли, что можетъ быть иначе; онъ приросъ къ ней, онъ выросъ въ ощущеніи этого органическаго единенія и онъ силенъ этимъ. Онъ свободно рѣшаетъ на вѣчѣ всѣ дѣла «едиными усты» — дисгармоніи интересовъ внутри самой общины еще нѣтъ; голосъ міра совпадаетъ съ рѣшеніемъ отдѣльной совѣсти. И позже, когда, въ самомъ зачаткѣ исторіи права, настаетъ разложеніе этого строя, даже тогда, община не знаетъ другого рѣшенія на вѣчѣ кромѣ единогласнаго. Другой вопросъ, какимъ образомъ добывается это «единогласіе». Но мысль о немъ, очевидно, наслѣдіе того строя, который также естественно и непроизвольно рождаетъ подвижниковъ, какъ среда индивидуализма—эгоистовъ.

И «несвоевременная» фигура Дитятина наводитъ на мысль о такомъ земскомъ, мірскомъ человѣкѣ. При всемъ своеобразіи его личности, иногда казалось, что онъ думаетъ и говоритъ не только за свой счетъ, не только отъ своего имени. Въ этомъ было его своеобразіе. Онъ напоминалъ Платона Каратаева. Помните?—«жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только, какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Безсознательныя переживанія настроеній его предковъ бродили въ немъ неясной волной и сообщали его личности наглядную связь съ чѣмъ то безгранично широкимъ и непоколебимо стойкимъ. Онъ, какъ Антей, набирался силъ отъ земли. И мысль о землѣ, о ея человѣкѣ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ прошла красной нитью по его сочиненіямъ. Земщина была его idée-maîtresse.

Хомяковъ называлъ «Исторію Россіи» Соловьева «Исторіей государства въ Россіи». Курсъ Дитятина могъ бы быть названъ исторіей личности въ Россіи. Вотъ цѣльное изложеніе науки съ перваго слова до послѣдняго насквозь проникнутое *одной* идеей. Этотъ курсъ исторіи русскаго права есть, въ сущности, исторія закрѣпощенія и освобожденія человѣка на Руси, исторія его подчиненія началамъ централизаціи и крѣпости и затѣмъ—его раскрѣпощенія.

Уже съ первой страницы по всему «Введенію», посвященному общимъ вопросамъ исторической методологіи, проходитъ мысль объ индивидѣ. Роль личности въ историческомъ процессѣ вообще

и въ созданіи права, въ частности, — ставится чрезвычайно высоко; доктрина «исторической школы», утверждающей, что «право не есть результатъ сознательной человѣческой дѣятельности, а дѣло народнаго духа, творящаго право по законамъ внутренней необходимости» (Савинья) — получаетъ рѣзкій и категорическій отпоръ. «Народный духъ» исторической школы, сопоставленный съ «абсолютнымъ духомъ» Гегеля и «правомъ силы» Штрауса и Шопенгауера, разсматривается, какъ ученіе, порожденное временемъ безъисходной тяготы и ведущее къ произволу:

«Итакъ, все свелось къ произволу, какъ абсолютному проявленію силы, свелось потому, что взята только одна сторона подъ именемъ общественнаго духа и совершенно игнорируется другая— личность, значеніе которой въ правовомъ строѣ трудно преувеличить: она цѣль этого строя, она, въ извѣстной степени, и творецъ его. Отсутствіе личной дѣятельности въ обществѣ и государствѣ приводитъ то и другое въ состояніе разложенія».

И профессоръ съ удовольствіемъ указываетъ, что «значеніе сознательнаго отношенія къ дѣлу въ настоящее время признается даже въ военной дисциплинѣ», что «военныя реформы прошлаго царствованія направлены къ созданію именно такого, сознательно дѣйствующаго солдата».

Что же даетъ правовой строй? Онъ обезпечиваетъ право каждаго на всестороннее проявленіе своей личности. Какимъ путемъ? Дисциплинированіемъ общества, развитіемъ альтруизма — точка зрѣнія, какъ видитъ читатель, безконечно далекая отъ «свободы» анархическаго индивидуализма. И слова иностраннаго ученаго заключаютъ эту часть введенія: «Задача мудраго законодательства—такъ направить борьбу за существованіе, чтобы выгодными средствами въ ней мало-по-малу становились дѣйствительно полезныя свойства, дѣйствительно физическія, умственныя и нравственныя достоинства» (Фикъ).

Введеніе занимается также «различеніемъ тѣхъ пластовъ правового порядка, которые переживалъ общественно-государственный строй русскаго народа въ историческомъ прошломъ», иначе— дѣленіемъ исторіи русскаго права на періоды. Какое же понятіе ляжетъ въ основаніе этого дѣленія, какъ tertium divisionis? Читатель не ошибается въ своей догадкѣ. «За такое начало мы возьмемъ взаимныя отношенія трехъ элементовъ общежитія: ***личности,*** общества и государства, причемъ первый будетъ играть первенствующую роль, такъ какъ право въ дѣйствительности возможно только въ связи съ личностью, являясь результатомъ взаимнаго соотношенія отдѣльныхъ индивидовъ».

Итакъ, характеристикой каждой эпохи государственнаго быта служатъ отношенія личности къ государству. Съ этой точки зрѣнія первый періодъ исторіи русскаго права, княжеско-вѣчевой земскій, характеризуется широкимъ значеніемъ личности чрезъ

посредство общины. «Народное собраніе, вѣче, является формой, въ которой выражается народная воля—верховная власть,—органомъ которой является князь. Борьба этихъ двухъ факторовъ—вѣча и князя—заполняетъ собою почти весь данный періодъ исторіи, давъ въ результатѣ новый общественно-государственный строй второго періода — царско-императорскаго. Существенными чертами этого послѣдняго нельзя не признать, прежде всего, полнаго поглощенія личности, вслѣдствіе исчезновенія общины, потерявшей окончательно, вмѣстѣ съ политической, и всякую автономію. Различіе между рабомъ и свободнымъ человѣкомъ въ политическомъ отношеніи по существу исчезло; ихъ положеніе различается лишь въ частно-правовой сферѣ... Послѣдній, новый періодъ исторіи лишь, такъ сказать, въ зародышѣ. Мы переживаемъ лишь зарю его, слабое появленіе которой нужно отнести ко второй половинѣ XVIII столѣтія; едва выясняющимися характеристическими чертами этого періода слѣдуетъ признать, *во-первыхъ*, освобожденіе личности изъ крѣпостного состоянія частному лицу или государству, начавшееся именно во второй половинѣ XVIII столѣтія освобожденіемъ дворянства отъ обязательной государственной службы и окончившееся во второй половинѣ XIX столѣтія освобожденіемъ крестьянъ: *во-вторыхъ*, освобожденіе общины вооруженіемъ ея извѣстной долей автономіи». «Съ этой точки зрѣнія, находитъ онъ, праздновать столѣтіе «жалованной грамоты» дворянству (гдѣ впервые осуществлены эти начала)—можетъ и не оно одно».

Намъ чуждо желаніе искать особой новизны или оригинальности въ этихъ воззрѣніяхъ; не трудно было бы, при нѣкоторыхъ модификаціяхъ, отнести ихъ къ извѣстнымъ теченіямъ или источникамъ. Но къ чему послужило бы это въ данномъ случаѣ? Элементы индивидуальности чаще всего бываютъ усвоены; своей, новой, не повторяющейся является лишь ихъ комбинація, ихъ сочетаніе. И эти извѣстные научные взгляды такъ ярко выражаютъ собою господствующія настроенія покойнаго профессора, что мы должны были передать ихъ въ его формулировкѣ.

V.

Та-же мысль о свободѣ личности характерна и для другихъ его трудовъ.

Исторія города не случайно стала темой перваго капитальнаго труда Дитятина. Исторія самоуправляющейся городской общины была для него точно символомъ, микрокозмомъ, на которомъ особенно ярко отразился ходъ нашей государственной жизни. Автономная община, «городъ—государство» земской Руси, подчиняясь центростремительной силѣ Москвы, подпадаетъ, какъ и все въ

Московскомъ государствѣ, началу крѣпости и переходитъ въ «конгломератъ ничѣмъ между собою не связанныхъ тяглыхъ общинъ». Реформы Петра и петербургскій просвѣщенный абсолютизмъ не вносятъ въ положеніе города по существу ничего новаго. Лишь къ новѣйшему времени относятся попытки дать городскому обществу нѣкоторое участіе въ управленіи его дѣлами; городъ становится «особымъ единымъ цѣлымъ, отдѣльной самостоятельной земской единицей, обладающей извѣстными автономными правами». Въ этой схемѣ не трудно замѣтить знакомую уже намъ общую концепцію хода исторіи русскаго права. Да и трудно было бы предположить, чтобы Дитятинъ занялся спеціальнымъ вопросомъ безъ сознанія живѣйшаго значенія этого вопроса въ общей системѣ науки. Чрезвычайно характерно это спеціальное изслѣдованіе (собственно, I томъ «Устройства и управленія городовъ Россіи») начинается и заканчивается соображеніями самаго общаго характера.

Однако, надо отмѣтить, съ другой стороны, второй, особый источникъ интереса Дитятина къ городу—источникъ, опять таки связанный съ основнымъ пунктомъ его міровоззрѣнія—съ вниманіемъ къ личности, къ человѣку. Въ предисловіи, разбираясь въ полемикѣ сторонниковъ личности и государства, онъ замѣчаетъ, что въ этой полемикѣ «ратоборствующіе (за личность), увлекшись преобладающимъ духомъ времени, просмотрѣли единственное вѣрное средство совмѣстить, примирить свободное состояніе отдѣльной личности съ сильной государственной властью; они не замѣтили того средства, къ которому всегда и вездѣ прибѣгала отдѣльная личность, какъ къ средству спасенія; они игнорировали то, чему обязано своимъ происхожденіемъ само государство, что существовало до него и существуетъ въ немъ; они просмотрѣли *общество*, всегда стоявшее между отдѣльной личностью и государствомъ».

Итакъ, интересъ къ исторіи города вышелъ изъ интереса къ общинѣ, какъ гарантіи свободы личности. И къ какому труду Дитятина ни обратиться, вездѣ въ основаніи все та же мысль о роли и положеніи личности. Споритъ ли онъ о томъ, «когда и почему возникла розни въ Россіи между командующими классами и народомъ», излагаетъ-ли исторію верховной власти въ Россіи XVIII вѣка, говоритъ-ли о роли челобитій и земскихъ соборовъ въ Московской Руси, вездѣ исходной точкой и конечнымъ тезисомъ разсужденія служитъ для него то ярко очерченная, то смутно намѣченная роль и судьба *человѣка* въ исторической жизни родины.

Видя въ фактѣ правительственной инициативы «глубокую характеристическую черту историческаго развитія нашей общественно-государственной жизни въ отличіе отъ западно-европейской», онъ не могъ примириться съ извѣстными взглядами, отрицавшими за этой властью всякое внимательное отношеніе къ населенію. По поводу замѣчаній проф. Сергѣевскаго, будто въ XVII—XVIII вѣ-

кахъ «государственные практическіе интересы все собою заслоняли», а «тѣмъ паче должны были молчать предъ ними отвлеченныя начала нравственности», ибо «надо было строить и укрѣплять» государство, — онъ категорически возражалъ: «Можно бы привести изобильныя свидѣтельства того, что носители власти, начиная съ XVI вѣка, въ массѣ законодательныхъ актовъ проявляли заботы и объ интересахъ «земли», «земскихъ людей». Можно съ фактами въ рукахъ доказать, что государство въ XVII, какъ и въ XVIII вѣкѣ никогда не забывало земли, людей». Отмѣчая въ своей рецензіи, что проф. Загоскинъ въ рѣчи объ уложеніи посвящаетъ много вниманія вопросу о степени участія земщины въ дѣлѣ составленія и изданія этого законодательнаго памятника, Дитятинъ прибавляетъ: «надо отдать справедливость ученому чутью автора: онъ умѣлъ остановиться на одной изъ самыхъ живыхъ сторонъ дѣла» (Критическое Обозрѣніе, 1880, VII). Живою эта сторона была для него, конечно, по связи съ его задушевными настроеніями, печать которыхъ носилъ на себѣ всякій его взглядъ. Что возставовляло его противъ Петра? Путь насилія надъ личностью, которымъ царь реформаторъ шелъ къ цѣли:

«Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а, наоборотъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству; но онъ хотѣлъ при этомъ почти невозможнаго—чтобы закабаленные работали энергически, работали, посвящая въ нихъ глазахъ чуждому имъ дѣлу чуть не всѣ свои силы» (Устр. и упр., I, 202).

Не въ этой розни, не въ этомъ единствѣ, не въ этомъ тоскливомъ прошломъ лежали идеалы Дитятина. Крѣпкій вѣрою въ грядущее, къ одной своей статьѣ, съ такой силой отрицавшей за прошлымъ значеніе идеала, онъ ставитъ эпиграфомъ слова: L'âge d'or du genre humain n'est point derrière nous, il est au devant; il est dans la perfection de l'ordre social». И къ этому «совершенному общественному строю» тянулось съ болѣзненной силой все его существо. Его строгій, серьезный, сосредоточенный взглядъ всегда обращенъ былъ впередъ, въ ту завѣтную даль, въ которой онъ провидѣлъ грядущее примиреніе необходимыхъ условій общежитія и порывовъ индивидуальности. И онъ не чувствовалъ, что самъ онъ, оригинальный и типичный, общечеловѣкъ и патріотъ, вѣчно искавшій своей свободы, чтобъ отдать ее другимъ, представлялъ собою не то обновленный осколокъ старой правды, не то прообразъ того будущаго человѣка, который, въ своей безграничной внутренней свободѣ, не пойметъ разницы между «для себя» и «для другихъ».

VI.

Остановимся въ нашей характеристикѣ и огляднемся на нѣкоторыя особенности заинтересовавшаго насъ человѣка. Что выра-

жаютъ собою эти особенности? Что сквозитъ въ этомъ перевѣсѣ историка надъ догматикомъ, бытописателя надъ юристомъ, публициста надъ цивилистомъ, художника надъ изслѣдователемъ, субъективнаго проповѣдника надъ объективнымъ мыслителемъ? Мы едва ли ошибемся, видя во всемъ этомъ различныя проявленія одной и той же жизненной, яркой, разбрасывающейся натуры, натуры нетронутой, порывистой, художественной, страннымъ образомъ совмѣстившей научность дисциплинированной мысли съ непосредственностью первобытнаго человѣка, дикаря. Да дикаря. Съ большимъ правомъ, чѣмъ Мишле, онъ могъ сказать о себѣ: Je suis resté peuple». Весь складъ его рѣчи, его отношеній къ людямъ носилъ характеръ этой Ursprünglichkeit. Демократъ по убѣжденіямъ, онъ былъ демократомъ и въ мышленіи; его мысль, какъ нельзя больше, была чужда всякаго аристократизма, утонченности, недоступности, raffinement. Ясная и прямая, она не знала запутанной сѣти окольныхъ путей и шла впередъ мощной поступью, грубо и безудержно, но медвѣжьи проламывая себѣ прямую дорогу. Истина его не лежала въ оттѣнкахъ, его мысль не знала смутныхъ исканій, полутоновъ, его рѣчь не украшала себя кокетливымъ флеромъ недомолвокъ и полусловъ. Онъ только что вышелъ изъ еле тронутыхъ слоевъ народа и, несмотря на совершенно иныя условія жизни, сохранилъ въ себѣ и глубокое вниманіе къ тѣмъ, кого онъ оставилъ для новой среды, и нетронутыя особенности народной души. Излишне прибавлять, что западникъ Дитятинъ, надрывавшійся въ бурной полемикѣ съ И. Аксаковымъ, находившій разрывъ петербургскаго періода съ преданіями московской Руси не пагубнымъ, а неполнымъ, былъ, какъ и слѣдовало ожидать, ярко, типично русскій человѣкъ, котораго ни интеллигентность, ни убѣжденія, ни положеніе не оторвали отъ его первоначальнаго земскаго, почвеннаго склада. Да, этотъ культурный европеецъ, либералъ, профессоръ, въ глубинѣ своего существа былъ сильнымъ, правдивымъ, непосредственнымъ дикаремъ, и—кто знаетъ,—быть можетъ, большая доля той симпатіи, которую привлекала къ себѣ его крупная личность, объяснялась именно тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ всегда оставался тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ...

Сдѣлавъ изъ мужика фабричнаго рабочаго, наша жизнь надѣляетъ его своими болѣзнями, увѣчитъ его своими машинами и, взявъ изъ него все, что можно, спѣшитъ замѣнить его новыми. Сдѣлавъ изъ мужика профессора, она истрепала его нервы, надорвала его силы, разбила его иллюзіи, а потомъ выбросила его измотаннаго, растерянаго и никому не нужнаго. Онъ сошелъ съ ума и умеръ.

Ар. Горнфельдъ.

Новыя книги.

К. М. Станюковичъ. Морскіе силуэты. Изъ далекаго прошлаго. Спб. 1896.

Въ „Запискахъ изъ мертваго дома“ Достоевскій разсказываетъ, между прочимъ, объ одномъ странномъ арестантѣ Петровѣ. „Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то чего-то не додѣлалъ. А между тѣмъ какъ будто и не суетился. Взглядъ у него тоже былъ какой-то странный: пристальный, съ оттѣнкомъ смѣлости и нѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдаль, черезъ предметъ; какъ будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался разсмотрѣть какой-то другой, подальше. Это придавало ему разсѣянный видъ“.

Когда писатель не овладѣлъ своимъ предметомъ, не проникся своей темой, онъ почти всегда имѣетъ такой „разсѣянный видъ“. Онъ именно „куда-то спѣшитъ“ какъ будто, т. е. отъ одного незаконченнаго образа переходитъ къ другому, отъ одной непереваренной мысли къ другой, столь же непереваренной, и въ результатѣ получается то, что Бѣлинскій назвалъ (и какъ разъ по поводу повѣсти того же Достоевскаго „Хозяйка“) *нервической чепухой*. „Чепуха“ — это, конечно, слишкомъ рѣзкое слово, но эпитетъ *нервическая* здѣсь былъ бы вполнѣ умѣстенъ. Именно нервическая, а не нервная: нервный подъемъ есть то, что мы называемъ вдохновеніемъ, къ которому немногіе способны, но нервическій подъемъ свидѣтельствуетъ просто о разстройствѣ нервной системы и есть, въ сущности, не подъемъ, а упадокъ, обезсиленіе.

Если бы мы рецензировали теперь какой нибудь изъ право-описательныхъ или обличительно-сатирическихъ романовъ г. Станюковича, мы безъ труда иллюстрировали бы многочисленными примѣрами свой литературно-медицинскій діагнозъ. Къ счастію, рѣчь идетъ о небольшихъ морскихъ разсказахъ и мы къ тому именно и ведемъ, чтобы сказать, что обычные недостатки *большихъ* произведеній г. Станюковича совершенно отсутствуютъ въ его малыхъ разсказахъ изъ жизни моряковъ. И въ этомъ ихъ главное достоинство, не отрицательное только, а и положительное. Объ авторѣ „Морскихъ силуэтовъ“ не только нельзя сказать, что онъ не овладѣлъ своей темой, а надо сказать, что онъ овладѣлъ ею *вполнѣ*. Причина понятна: г. Станюковичъ утилизируетъ въ данномъ случаѣ свои наблюденія „изъ дале-

каго прошлаго", когда впечатлѣнія были такъ живы, а самыя наблюденія дѣлались неторопливо, не вопыхахъ. Кромѣ того въ силу извѣстнаго психологическаго закона „что прошло, то будетъ мило", и вотъ почему г. Станюковичъ умѣетъ согрѣвать свои разсказы „изъ далекаго прошлаго" чувствомъ живой и гуманной симпатіи. Ему равно знакомы и равно дороги и деньщикъ-матросъ Ѳедоръ Чижикъ („Нянька"), и жена другого матроса Груня Кислицына („Матроска"), и флотскій инвалидъ Кирилычъ („Генералъ арестантъ"). Даже къ такимъ явленіямъ военно-морской жизни, въ которыхъ намъ, людямъ постороннимъ, трудно было-бы усмотрѣть что нибудь свѣтлое, искупающее, г. Станюковичъ подходитъ не только безъ злобы, но и съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ защитить и даже оправдать: дескать, время ужъ такое было, а вѣдь всѣ мы—дѣти своего времени. „И жестокіе начальники, какъ ты говоришь, были?" спрашиваетъ напримѣръ авторъ старика Кирилыча. „Такіе, можно сказать, отчаянные въ жестокости—отвѣчаетъ Кирилычъ—что и объяснить трудно... а вмѣстѣ съ тѣмъ жестокій, жестокій — убить кажется не жалко его—матроса казнилъ безъ всякой отдышки, а заботу объ немъ по своему имѣлъ... Поди-жъ ты какіе люди бываютъ", — въ какомъ-то философскомъ раздумьи прибавилъ Кирилычъ. Это „философское раздумье" охватываетъ и автора: „времена были такія, Кирилычъ", заступнически говоритъ г. Станюковичъ. Кирилычъ съ этимъ совершенно согласенъ—„то-то, вашескобродіе, времена"—но читатель впадаетъ въ раздумье другого рода. Времена... Неужто-же въ самомъ дѣлѣ это такъ безусловно, что „время дѣлаетъ людей", какъ сказалъ Шекспиръ, и неужто на долю человѣка, его нравственности, характера, совѣсти такъ ужъ и не остается ничего? „Всѣ господа по такому положенію словно озвѣрѣлые какіе-то были. Другой мичманъ пріѣдетъ изъ обученія добрый да жалостливый, изъ лица блѣднѣетъ, какъ по субботамъ на бакѣ стонъ стономъ идетъ, а какъ прослужитъ годъ, другой, смотришь и самъ такъ и чешетъ въ ухо да приказываетъ боцманамъ матросу шкуру снять... Привыкаетъ..." Именно на этомъ мѣстѣ разсказа Кирилыча авторъ и замѣтилъ философически: „времена были такія..." Тоже сказалъ бы и г. Эртель, о тенденціяхъ романа котораго „Смѣна" съ эпиграфомъ „Всякому овощу свое время", мы говорили около года тому назадъ. Да позвольте господа: Новиковъ, Радищевъ и Салтычиха были современники, Рылѣевъ и Аракчеевъ—современники? Значитъ, не во „временахъ", по крайней мѣрѣ, не исключительно въ нихъ, а также и въ нравственныхъ свойствахъ личности, подлежащей суду исторіи или суду искусства, заключается сердцевина дѣла.

Надо сказать, впрочемъ, что эта тенденція испортила только одинъ разсказъ изъ трехъ, составляющихъ книжку г. Станюковича. Въ разсказѣ „Пянька“ — лучшемъ изъ трехъ — г. Станюковичъ и судитъ и рядитъ, негодуетъ и жалѣетъ, любитъ и ненавидитъ, забывая о „временахъ“ и памятуя больше всего о нравственномъ достоинствѣ человѣка. Что касается разсказа „Матроска“, то нужно замѣтить, что спеціально *морского* тутъ нѣтъ ничего: это чисто психологическій этюдъ, и если его героиней является не княгиня какая ни будь, вообще не барыня, а *матроска*, то это не болѣе какъ случайность. Жена измѣнила мужу и убила себя отъ тоски, а мужъ убилъ любовника—это не морская и не сухопутная, а общечеловѣческая драма.

Н. А. Лейкинъ. Тщеславіе и жадность. Двѣ повѣсти. Спб. 1896. Г. Лейкину надоѣло быть забавникомъ и онъ захотѣлъ сдѣлаться сатирикомъ. Но такъ какъ на всякое хотѣнье есть терпѣнье, то произошло вотъ что: прежде г. Лейкинъ забавлялъ читателя на чужой счетъ, на счетъ разныхъ купцовъ, мелкихъ чиновниковъ, прикащиковъ, горничныхъ и кухарокъ, теперь онъ забавляетъ насъ на собственный счетъ. Если мы улыбались надъ горничной, говорившей „мерси съ бонжуромъ“, или надъ прикащикомъ, объясняющимъ свой „любовный вопль“, то теперь мы улыбаемся надъ самимъ г. Лейкинымъ, предостерегающимъ насъ отъ пороковъ тщеславія и жадности. Правда, у г. Лейкина достало такта, чтобы не пускаться въ отвлеченную морализацію, но всетаки онъ пишетъ теперь не разсказцы, а повѣсти съ *идеями*, означенными въ самыхъ заглавіяхъ: „тщеславіе“ и „жадность“. А затѣмъ ужъ нашей, читательской, сообразительности предоставляется сдѣлать надлежащій моральный выводъ: сколь непохвальны тщеславіе и жадность! Какъ хотите, это ужъ не мерси съ бонжуромъ, это поползновеніе на учительство, это претензія на серьезность. Г. Лейкинъ и учительство... Это сопоставленіе до такой степени ни съ чѣмъ несообразно, что можетъ производить только комическое впечатлѣніе, и вотъ почему мы сказали, что г. Лейкинъ смѣшитъ насъ нынѣ на свой собственный счетъ.

Какъ писатель многоопытный, г. Лейкинъ справился съ техническою частью своей задачи довольно ловко. Его такъ называемыя повѣсти въ сущности совсѣмъ не повѣсти, а рядъ отдѣльныхъ сценокъ, механически связанныхъ между собою не *единствомъ*, а *единообразіемъ* сюжета и кромѣ того личностью главнаго героя, фигурирующаго во всѣхъ сценкахъ—главахъ безъ исключенія. Въ сущности это очень просто. Представи-

тель и олицетвореніе порока „тщеславія“, комерсантъ Подпругинъ, въ первой главѣ раздумываетъ, чего ему недостаетъ въ домѣ для полноты „аристократической“ обстановки: „все есть. Зимній садъ есть, лѣстница парадная съ пальмами есть, меблировка по комнатамъ въ пяти вкусахъ. Есть и мавританка, есть и помпей, есть и ампиръ, есть и на счетъ русскаго стиля удовольствіе“. Смѣшно, забавно, но дальше еще забавнѣе: Подпругинъ рѣшаетъ, что ему не достаетъ библіотеки, „для покровительства талантамъ. Потомъ на шкапы карты, гдѣ это самое небесное землеописаніе... потомъ глобусы всѣхъ сортовъ. Тутъ же подъ стеклами разныя букашки, таракашки засушенныя, а на крышѣ фонарь и тамъ эта самая консисто.... Тьфу! что я! А на крышѣ обсерваторія съ большимъ микроскопомъ, чтобы на небесныя звѣзды смотрѣть“. Консисторія — обсерваторія, небесное землеописаніе — все это прекрасно, но гдѣ же повѣсть-то? Вѣдь тутъ очевидно и конецъ сценкѣ, исчерпывающей идею „тщеславія“, какъ его представляетъ себѣ г. Лейкинъ. Нѣтъ, это только конецъ первой главы, а въ повѣсти *пятьдесятъ* главъ—чѣмъ же наполнены остальныя сорокъ девять? А все тѣмъ же, т. е. консисторіей—обсерваторіей, съ нѣкоторыми, разумѣется, варіаціями. Герой тщеславія заводитъ у себя журфиксы, переѣзжаетъ съ приглашеніями на нихъ отъ одного превосходительства къ другому и этимъ наполнены всѣ прочія сорокъ девять главъ, ни одной іоты не прибавляющія къ тому, что выражено въ первой. Какъ *сценки*, эти сорокъ девять главъ не хуже и не лучше первой, но ихъ ненужность, незамѣтная въ газетѣ, печатающей ихъ по штукѣ въ день или черезъ день, бросается въ глаза въ отдѣльномъ изданіи „повѣсти“ при чтеніи сплошь. Въ смѣшныхъ словечкахъ, вродѣ консисторіи—обсерваторіи, г. Лейкинъ неистощимъ, но въ положеніяхъ, въ характерахъ, въ сюжетахъ онъ повторяется даже до жалости.

Такова же точно, разумѣется, и другая сатирическая „повѣсть“ г. Лейкина „Жадность“. Здѣсь представителями караемаго порока является чиновничья чета Шимшинскихъ, нравственная сущность которыхъ выражена въ первыхъ же строкахъ повѣсти въ такомъ разговорѣ между супругами за чайнымъ столомъ:—„Лимончику-то у насъ не осталось? спросилъ мужъ, заискивающе взглядывая на жену. — Хорошъ и безъ лимона. Лимоны нынѣче шесть копѣекъ.—Нѣтъ, я къ тому, что ежели осталось, а не осталось, то и не надо. — Вчера же ты послѣднюю корку извелъ. Не помнишь развѣ? Кусокъ сахару ею теръ.—Забылъ, забылъ“. Дальше можете не читать: за исключеніемъ „словечекъ“ все будетъ то же самое. Какъ однако легко сдѣлаться сатирикомъ для старшихъ дворниковъ!

Цвѣтокъ Олеандра. Разсказы **К. М. Длусскаго.** Спб. 1895.

Мы были заинтересованы прежде всего заглавіемъ книги г. Длусскаго: что это за удивительный „цвѣтокъ олеандра", удостоившійся того, что о немъ написана цѣлая книга? Или быть можетъ это какая нибудь аллегорія? Въ такомъ случаѣ она очень замысловата, и что именно подъ нею скрывается? Любопытство наше было сильно затронуто, и мы были очень разочарованы, когда оказалось тотчасъ же, изъ оглавленія, что „Цвѣтокъ Олеандра" есть эффектное заглавіе только *одного*, по порядку перваго, разсказа, а прочіе семь называются совсѣмъ иначе. Но все-жъ таки интересно: почему цвѣтокъ олеандра могъ явиться предметомъ хотя бы небольшого разсказа? Оказалось, что и въ разсказѣ пресловутый цвѣтокъ тоже почти не при чемъ: одна молодая дѣвушка уѣзжая, подарила одному молодому человѣку на память цвѣтокъ олеандры—вотъ и все. И это въ самомъ концѣ разсказа въ четыре печатныхъ листа, а до тѣхъ поръ рѣчь шла все о предметахъ, ничего общаго ни съ какими цвѣтками не имѣющихъ. Между тѣмъ, подъ этимъ, невольно интригующимъ читателя, заглавіемъ „Цвѣтокъ Олеандра" издана вся книжка г. Длусскаго.

Это обстоятельство представляется намъ характернымъ для г. Длусскаго, который несетъ за свою книгу не только авторскую, но и издательскую отвѣтственность, такъ какъ издалъ свою книгу безъ чьего бы то ни было посредства. Опытные въ издательскомъ дѣлѣ люди утверждаютъ, что заглавіе книги для нашей читающей публики очень важная вещь, что отъ заглавія часто зависитъ матерьяльный успѣхъ книги. Этому можно повѣрить: вѣдь вотъ, заинтересовались же мы заглавіемъ книжки г. Длусскаго и только по прочтеніи ея убѣдились, что интересоваться было рѣшительно нечѣмъ: такими беллетристическими олеандрами хоть прудъ пруди во всякой литературѣ.

Теплѣе и ярче другихъ написанъ разсказъ „Послѣдній танецъ", но за то тема этого разсказа цѣликомъ заимствована и именно у г. Немировича-Данченко.

Проф. А. А. Царевскій. С. Я. Надсонъ и его поэзія „мысли и печали". Казань. 1895.

Недавно минуло девять лѣтъ со смерти С. Я. Надсона, и изслѣдованіе его поэзіи можно, кажется, считать не только желательнымъ, но и своевременнымъ. Имя поэта слишкомъ долго и, въ сущности, лишь по недоразумѣнію было чуть не лозунгомъ ожесточенныхъ партійныхъ препирательствъ. Успѣхъ его, усиленный шумомъ этой полемики и его груст-

ной судьбой, становится менѣе громкимъ и, быть можетъ, болѣе прочнымъ и искреннимъ. Пора обратиться къ спокойному критическому изученію поэта, характеристика котораго, въ виду необычайнаго успѣха его произведеній, должна служить въ значительной степени характеристикой его читателя-сверстника,—поколѣнія, столь сложнаго и невыясненнаго.

И вотъ, предъ нами цѣлая книга о покойномъ молодомъ поэтѣ, книга ученаго изслѣдователя, по всей видимости, не принадлежащаго къ тому направленію, откуда исходили до сихъ поръ положительныя оцѣнки поэзіи Надсона, книга представляющая собою отъ первой до послѣдней строки самый горячій панегирикъ Надсону.

Но жестоко разочаруется тотъ, кто думаетъ найти въ этой книгѣ критическое изслѣдованіе произведеній Надсона. Это—образецъ типическаго похвальнаго слова, съ классическими чертами, указанными въ учебникахъ реторики, съ кучей совершенно пустыхъ общихъ мѣстъ, съ безпредметнымъ пафосомъ вмѣсто аргументовъ и съ такимъ услужливымъ превознесеніемъ героя, какое годилось бы развѣ только для некролога. Проф. Царевскій ставитъ Надсона не только выше его сверстниковъ; онъ не только находитъ, что предъ нимъ „совершенно естественно стушевались наши издавна общепризнанные ветераны-поэты съ ихъ многолѣтними экскурсіями въ область чуждыхъ исторій, нравовъ, преданій“: онъ „смѣло и рѣшительно“ отдаетъ ему пальму первенства предъ Некрасовымъ и помѣщаетъ его въ одно „поэтическое созвѣздіе“ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Хорошо, что отъ разбора этой прихотливой классификаціи избавляетъ насъ то простое соображеніе, что давно прошла пора, когда такимъ распредѣленіемъ поэтовъ по ступенямъ табели о рангахъ замѣнялось критическое изученіе ихъ произведеній. Это не тайна и для автора. Онъ самъ въ началѣ книги предполагаетъ изслѣдовать въ ней, „что далъ въ своей поэзіи Надсонъ своего личнаго, такъ сказать, специфическаго“; онъ намѣренъ найти и отмѣтить въ немъ „то, что его выдвигаетъ и характеризуетъ, чѣмъ запечатлѣна собственно *его* поэтическая физіономія“; иначе—авторъ ставитъ предъ собою трудную и первостепенно важную задачу критическаго анализа.

Результаты этого оказываются весьма оригинальными. Послѣ долгихъ разсужденій о Надсонѣ читатель совершенно неожиданно выслушиваетъ слѣдующее признаніе автора: „что касается личныхъ и, такъ сказать, специфическихъ особенностей Надсоновской поэзіи, то, какъ это по большей части приходится говорить даже и о величайшихъ міровыхъ геніяхъ поэзіи, таковыя особенности составляютъ нѣчто неуловимое, не поддающееся точной регламентаціи и подробному опредѣ-

ленію, но тѣмъ не менѣе все же *несомнѣнно замѣтное и чувствуемое* въ чтеніи самыхъ произведеній" (стр. 96). Это добавленіе особенно хорошо: авторъ, очевидно, полагаетъ, что безсиліе формулировать характерныя черты писателя столь же законно для его критика, сколько для обыкновеннаго читателя. А между тѣмъ, что же даетъ этому читателю книга, гдѣ специфическія черты поэта попросту названы „неуловимыми" и гдѣ изслѣдованіе его міросозерцанія и поэзіи замѣнено банальными опредѣленіями, которыя столько же охватываютъ поэзію Надсона, сколько произведенія любого поэта? Поэзія „мысли и печали", любовь къ ближнему, родинѣ и природѣ, изящество формы—къ какой поэзіи не подойдутъ эти широкія формулы, въ которыя всякій вкладываетъ свой смыслъ?

По благимъ намѣреніямъ автора книга проф. Царевскаго заслуживала бы рекомендаціи той публикѣ, которая, очевидно, можетъ имѣть нужду въ поученіяхъ этого рода. Авторъ съ такой настойчивостью ломится въ открытыя двери, что является подозрѣніе, что онѣ для очень многихъ еще закрыты: онъ такъ упорно утверждаетъ, что „упрекъ происхожденіемъ недостоинъ цивилизованнаго человѣка", или что по здравому смыслу названія „либералъ" и „прогрессистъ" не заключаютъ въ себѣ разбойническаго значенія, — утверждаетъ съ такой горячностью, что невольно напоминаетъ объ иныхъ явленіяхъ и наводитъ на мало утѣшительную мысль: „что-жъ, и за то спасибо". Пусть эта книга по дѣтской элементарности, по отсутствію чувства мѣры, по стушеванности личности автора похожа на гимназическое сочиненіе: она и иными сторонами напоминаетъ юношескую работу, честную и чистую, и это большое достоинство въ наше смутное время.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Темъ I. Съ портретомъ Н. А. Добролюбова и его біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ. Изданіе пятое, О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. за четыре тома 7 р.

Въ ноябрѣ нынѣшняго года минетъ тридцать пять лѣтъ со дня смерти Добролюбова. Первое изданіе его сочиненій вышло вскорѣ послѣ его смерти, въ 1862 г. Теперь передъ нами лежитъ только что появившійся первый томъ пятаго изданія. Такимъ образомъ почти въ тридцать пять лѣтъ разошлось всего четыре изданія (среднимъ числомъ одно почти въ девять лѣтъ) сочиненій писателя, пользовавшагося при жизни огромною популярностью и донынѣ имѣющаго всѣ права на нее. Разъяснять это грустное обстоятельство—дѣло щекотливое, скорбѣть объ немъ—дѣло безполезное. Быть можетъ, издателямъ слѣдовало бы удешевить „Сочиненія", принявъ за образецъ форму и цѣну, введенную у насъ г. Пав-

ленковымъ для сочиненій Г. И. Успенскаго, Н. В. Шелгунова А. М. Скабичевскаго.

Новое, пятое изданіе по внѣшности очень хорошо, но, къ сожалѣнію, нѣсколько небрежно. Оно снабжено слѣдующимъ заявленіемъ „отъ издателя“: „Настоящее изданіе провѣрено по первому изданію, такъ какъ въ послѣдующихъ, особенно въ третьемъ, отъ чисто корректурныхъ недосмотровъ, встрѣчаются значительныя искаженія текста“. Первое изданіе сочиненій Добролюбова, съ любовною заботливостью исполненное еще живыми тогда друзьями нашего критика, дѣйствительно лучшее. Но слѣдовало или держаться его буква въ букву, строка въ строку, сохраняя его форматъ и шрифтъ, или же, разъ форматъ и шрифтъ измѣнены—не механически „провѣрять“ по немъ новое изданіе. На стр. 239 пятаго изданія, въ статьѣ „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, находимъ ссылку на другую, болѣе раннюю статью Добролюбова, указанную такъ: „Совр. 1859, № 2. Библ. 282.—Стр. 244 наст. изд.“. Если же мы обратимся къ стр. 244 „настоящаго изданія“, то найдемъ тамъ все ту же статью „Всероссійскія иллюзіи“, а не ту болѣе раннюю, на которую Добролюбовъ ссылается. Дѣло въ томъ, что такъ напечатано въ первомъ изданіи, и тамъ страница указана вѣрно, а въ пятомъ изданіи слѣдовало бы указать на стр. 228...

Въ приложенной къ первому тому статьѣ г. Скабичевскаго говорится, что Добролюбовъ родился *24 января* 1836 г. (стр. II), но въ той же статьѣ приводится надпись на памятникѣ Добролюбова: родился *27 ноября* 1836 г....

Что касается самой статьи, „составленной“ А. М. Скабичевскимъ, то она дѣйствительно „составлена“ изъ писемъ Добролюбова и воспоминаній Панаева. Составитель не скупится на обширнѣйшія выписки изъ этихъ двухъ источниковъ, не всегда взвѣшивая степень интереса сообщаемаго ими. Напримѣръ, родителямъ Добролюбова было, разумѣется, очень интересно читать всѣ подробности путешествія ихъ юнаго сына изъ Нижняго-Новгорода въ Петербургъ, и потому любящій сынъ сообщаетъ каждую мелочь. Но намъ едва ли интересно читать, напримѣръ, описаніе желѣзно-дорожнаго вагона: „Онъ есть ничто иное, какъ маленькій четырехугольный домикъ,—настоящій Ноевъ ковчегъ,—состоящій изъ одной большой комнаты, въ которой надѣланы скамейки для пассажировъ. Онъ имѣетъ двери съ двухъ сторонъ, окошечко вверху и по бокамъ четыре; аршина четыре въ ширину и сажень пять или шесть даже — въ длину... Я сидѣлъ въ вагонѣ 3-го класса. Вагоны 2-го класса отличаются только тѣмъ, что въ нихъ ставится обыкновенно не голая деревянная скамья, а софа“... и т. д. Мы думаемъ, что всѣ такія подробности совсѣмъ не

нужны въ біографіи не только Добролюбова, а и чьей бы то ни было. А между тѣмъ онѣ занимаютъ въ статьѣ г. Скабичевскаго мѣсто, которое онъ могъ бы удѣлить характеристикѣ незабвеннаго критика, болѣе живой, яркой, чѣмъ та, которую мы теперь получаемъ...

Все это не мѣшаетъ, конечно, Добролюбову оставаться Добролюбовымъ, писателемъ, самое близкое, самое пристальное знакомство съ которымъ не только необходимо для пониманія одного изъ интереснѣйшихъ моментовъ русской жизни, но и само по себѣ въ высокой степени поучительно, доставляя притомъ много наслажденія красотою мысли и слова.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра. Спб. 1895. Ц. 2 р.

Читатель найдетъ въ этомъ симпатичномъ и по своимъ гуманнымъ цѣлямъ сборникѣ чрезвычайно разнообразное содержаніе: отрывокъ изъ воспоминаній В. А. Гольцева, повѣсть К. С. Баранцевича, разсказъ г-жи Шабельской „Сверхштатный ординаторъ“, статью г. Ге „Кіевская первая гимназія въ 40-хъ годахъ“, переводный разсказъ Арнэ Гарборга и вступительную къ нему статью г-жи Лучицкой, статью г. Мищенко „О судѣ присяжныхъ въ Аѳинахъ“, разсказъ Г. А. Мачтета „На могилѣ“, статью г. Челпанова „Зрѣніе и осязаніе“, статью В. А. Мякотина „Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 г.“, отрывокъ изъ романа Н. К. Михайловскаго „Карьера Оладушкина“, статью В. В. Лесевича „Сказки и присказки дѣда Чмыхала“, разсказъ Н. Гарина „Вальнекъ Вальновскій“, статью г. Личкова „Въ Тунку“, статью Н. И. Карѣева „О сущности гуманитарнаго образованія“, отрывокъ изъ университетскаго курса Грановскаго „Задачи всеобщей исторіи“, статью И. В. Лучицкаго „По поводу одной изъ историческихъ легендъ“.

Е. А. Бѣловъ. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1895. Ц. 3 р.

Довольно трудно понять, для чего собственно написана и издана книга Бѣлова. Въ своемъ предисловіи авторъ собрался было объяснить это, но „прежде, чѣмъ говорить о цѣли этой книги, издаваемой для образованныхъ читателей“, сталъ говорить о своемъ взглядѣ на древнюю русскую исторію вообще и на Грознаго въ частности, а объ цѣли книги, должно быть, увлекшись этими темами, такъ и позабылъ сказать. Въ предисловіяхъ бываютъ иногда еще и не такіе казусы, такъ что, если-бы недоразумѣніе ограничивалось только предисло-

віемъ, бѣды бы еще не было. Но дѣло въ томъ, что, и прочитавши всю книгу, трудно составить себѣ опредѣленное понятіе объ ея цѣли. Обыкновенно, давая отчетъ о какомъ-нибудь трудѣ, приходится указывать, что въ немъ имѣется; для правильной характеристики разбираемой книги надобно начать съ иного вопроса,—чего въ ней нѣтъ. Въ книгѣ, посвященной изложенію общаго хода русской исторіи до конца XVII вѣка, прежде всего вполнѣ отсутствуетъ опредѣленіе природныхъ условій страны, въ которой эта исторія совершалась; вопроса о распредѣленіи населенія по территоріи этой страны авторъ касается только разъ, говоря именно о разселеніи славянскихъ и инородческихъ племенъ передъ образованіемъ русскаго государства, но и здѣсь онъ довольствуется лишь краткой и не всегда точной передачей лѣтописныхъ извѣстій, совершенно почти игнорируя данныя археологіи и лингвистики; дальнѣйшіе факты разселенія русскаго народа оказываются совершенно опущенными, если не считать вскользь упомянутой происходившей въ XII—XIII вв. колонизаціи изъ южныхъ областей—въ Суздальскую и завоеванія Сибири въ XVI столѣтіи. О государственной организаціи, существовавшей у русскаго народа въ различныя эпохи его жизни за IX — XVII вѣка, читатель встрѣтитъ у Бѣлова, особенно для древнѣйшаго періода, лишь нѣсколько бѣглыхъ и неясныхъ фразъ; характеристика управленія вплоть до XIV столѣтія совершенно отсутствуетъ въ книгѣ, равно какъ не имѣется въ ней и никакого описанія податныхъ системъ, практиковавшихся въ Россіи до Петра, за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ и сплошь невѣрныхъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ не найдетъ читатель въ книгѣ сколько-нибудь связнаго изложенія русскихъ юридическихъ нормъ и ихъ постепеннаго развитія, и еще менѣе опасности предстоитъ ему встрѣтиться съ фактами экономической исторіи Россіи, изъ которыхъ у автора имѣются только общія свѣдѣнія о торговлѣ Кіева съ Византіей и Новгорода и Смоленска съ Зап. Европой. Всѣ эти пробѣлы стоятъ до нѣкоторой степени въ связи съ общимъ представленіемъ автора о русской исторіи, согласно которому съ Владиміра Св. „весь послѣдующій ходъ русской исторіи до Іоанновъ состоитъ въ повѣствованіи о томъ, какъ князь выросъ въ самодержца, а дружинники превратились въ служебное сословіе“ (25). Такое ограниченіе исторіи весьма узкими предѣлами не могло не отозваться на характерѣ книги Бѣлова. Книга, предназначавшаяся авторомъ для образованныхъ читателей, представляетъ въ сущности разгонистый, заключающій въ себѣ около 500 страницъ учебникъ, въ томъ шаблонномъ смыслѣ этого слова, какой мы привыкли соединять съ нимъ на гимназическихъ скамей-

кахъ. Такъ называемая внѣшняя исторія, разсказъ о войнахъ и походахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ, о правителяхъ и ихъ помощникахъ, кое-какія свѣдѣнія объ организаціи правительства, да отрывочныя данныя изъ исторіи соціальнаго строя и умственной культуры, — вотъ содержаніе книги г. Бѣлова. Правда, изъ приведенныхъ словъ автора можно было бы заключить, что политическая организація государства должна составить центральный пунктъ въ его изложеніи; но на самомъ дѣлѣ этотъ вопросъ остался весьма мало разъясненнымъ у автора. При этомъ послѣдній въ своемъ разсказѣ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго художественнаго таланта, а принятое имъ расположеніе матеріала по своей безпорядочности, если не превосходитъ, то смѣло можетъ быть поставлено въ уровень съ тою путаницей, какая въ этомъ отношеніи господствуетъ въ руководствахъ средней руки, фабрикуемыхъ для нашихъ школъ спеціальными сихъ дѣлъ мастерами. О русскомъ народномъ эпосѣ Бѣловъ говоритъ между перечисленіемъ сыновей Владиміра Св. и разсказомъ объ ихъ междоусобіяхъ (18—20), свѣдѣнія о началѣ русской письменности, о кирилицѣ и глаголицѣ, о языкѣ Остромірова Евангелія и о борьбѣ язычества съ христіанствомъ въ XI в. помѣщаетъ между разсказами о княженіи Изяслава и Всеволода Ярославовичей (42—45), характеристику положенія крестьянства въ московскомъ государствѣ соединяетъ съ разборомъ мнѣній Карамзина и Эверса о характерѣ Грознаго (200—202) и т. д. Такой пестроты слѣдовало бы, конечно, избѣгать и въ сносномъ учебникѣ.

Но не только въ этомъ отношеніи книга не удовлетворяетъ даже требованіямъ, предъявляемымъ къ учебнику. Авторъ нашелъ возможнымъ при составленіи своего труда почти совершенно игнорировать какъ источники русской исторіи, такъ и научную литературу; изъ послѣдней онъ довольно усердно пользовался еще „Исторіей Россіи“ Соловьева, заимствуя изъ нея общіе взгляды, а временами даже обращая свою книгу въ родъ комментарія къ труду покойнаго историка (см. напр. 64, 73), и иногда обращался къ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова, къ „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина и немногимъ другимъ пособіямъ. Всѣ новѣйшіе труды остались, повидимому, совершенно неизвѣстны Бѣлову, но и ту небогатую литературу, которая была въ его распоряженіи, онъ эксплуатировалъ въ высшей степени небрежно. Благодаря этому, книга переполнена массою крупныхъ и мелкихъ ошибокъ чисто фактическаго свойства и значительнымъ количествомъ диковинныхъ обобщеній, могущихъ найти свое объясненіе только въ предположеніи полной свободы автора отъ знакомства съ добытыми наукой выводами. Особенно примѣнимо это къ изложенію исторіи кіевскаго пе-

ріода, гдѣ почти нѣтъ страницы, свободной отъ подобныхъ ошибокъ. Перечисленіе ихъ въ рамкахъ нашей рецензіи совершенно немыслимо, и мы ограничимся только указаніемъ нѣсколькихъ примѣровъ, болѣе яркихъ. Извѣстное убіеніе въ Кіевѣ при Владимірѣ варяга, не отдавшаго своего сына на жертву языческимъ богамъ, Бѣловъ излагаетъ такъ, какъ будто онъ былъ принесенъ въ жертву, и именно за хулу на язычество (16—17). Вѣче, выбравшее въ 1115 г. Мономаха кіевскимъ княземъ, состояло, по мнѣнію автора, изъ остатковъ дружины князя Всеволода (51). Всеволода Ольговича авторъ заставляетъ обѣщать послѣ себя кіевскій столъ Изяславу Мстиславичу и не сдержать этого обѣщанія (57); лѣтописи говорятъ только объ обѣщаніи Изяслава не искать Кіева подъ Всеволодомъ и братомъ его Игоремъ. Равнымъ образомъ сплошь невѣрно изложеніе борьбы Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ; между прочимъ авторъ заставляетъ послѣдняго терпѣть пораженіе какъ разъ тамъ, гдѣ онъ, если вѣрить лѣтописямъ, одержалъ побѣду (59). Изяславъ Давыдовичъ у Бѣлова изгоняетъ изъ Кіева и князя Ростислава, и дядю его Вячеслава (60); но лѣтопись говоритъ, что Вячеславъ умеръ до изгнанія Ростислава. По словамъ Бѣлова, галичане повѣсили трехъ князей Игоровичей: Святослава, Романа и Владиміра (75); въ дѣйствительности послѣдній успѣлъ бѣжать, а третьимъ повѣшеннымъ княземъ былъ Ростиславъ. По мнѣнію Бѣлова, Гедиминъ завоевалъ Кіевъ (114), хотя эта легенда давно уже отвергнута. Приведемъ еще нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ изъ исторіи московскаго періода. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ пр. Сергѣевичъ подвергнулъ сильной критикѣ извѣстіе о покупкѣ Калитою Галича и Бѣлоозера, но Бѣловъ безъ всякихъ оговорокъ вноситъ это извѣстіе въ свою книгу (106). Изъ книги же Бѣлова мы узнаемъ довольно крупную новость—причину созванія земскаго собора 1566 г., заключающуюся въ отъѣздѣ князя Курбскаго въ Литву (246). Разсказывая о воцареніи Годунова, авторъ приводитъ сказку Буссова, и не говоритъ объ избраніи Бориса соборомъ (286). Разсказывая о Чудновскомъ пораженіи, авторъ знаетъ откуда-то, что Юрій Хмельницкій „бѣжалъ“, и не знаетъ, что онъ передался полякамъ (397). Думаемъ, что этихъ, почти безъ выбора взятыхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ представлены въ разбираемой книгѣ факты внѣшней исторіи, составляющіе главное ея содержаніе. Еще хуже обстоитъ дѣло съ исторіей внутренней. Такъ, авторъ не отличаетъ виры отъ продажи и, по его утвержденію, Русская Правда за воровство и за всякое преступленіе вообще назначала виру (23). Въ кіевскомъ періодѣ авторъ отличаетъ „сельскихъ жителей“ отъ смердовъ (стр. 25); прикрѣпленіе крестьянъ

въ московскомъ государствѣ онъ пріурочиваетъ исключительно къ закону 1597 г., оставляя въ сторонѣ всю новѣйшую литературу по этому вопросу (285). Приписывая обращенію дружинниковъ въ служилыхъ людей такое важное значеніе, что имъ наполовину исчерпывается ходъ русской исторіи, Бѣловъ не далъ въ своей книгѣ описанія условій службы московскихъ служилыхъ людей, какъ не далъ и характеристики вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія; данная же имъ характеристика мѣстничества (217—18) такова, что изъ нея невозможно вынести никакого понятія объ этомъ явленіи. За то ему извѣстенъ „санъ дворянина“ въ Литвѣ въ XVI—XVII вв. (354).

Обратимся еще къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Бѣловымъ о характерѣ верховной власти въ Россіи за IX—XVII вв. Справляясь въ этомъ вопросѣ исключительно съ мнѣніями С. М. Соловьева, авторъ нашелъ возможнымъ не только вполнѣ признать родовую теорію, но и утверждать, что въ первомъ періодѣ нашей исторіи вѣче пользовалось серьезнымъ значеніемъ только въ Новгородѣ и Псковѣ. „Сила вѣча въ Поднѣпровьѣ, а потомъ въ области Оки и Волги, была сломлена силою дружинъ и потому вѣче не играло здѣсь главной роли“ (36). Чтобы доказать это, авторъ производитъ рядъ оригинальныхъ операцій, близкихъ къ насилію надъ историческими фактами. Оказывается, что въ Кіевѣ до 1054 г. вѣче собиралось только разъ, а „въ слѣдующій періодъ сила вѣча еще болѣе ослабѣла“ (39); знаменитыя слова кіевлянъ: „не хотимъ переходить по наслѣдству“ авторъ приписываетъ дружинникамъ (58) и, подобнымъ же образомъ передавъ другіе факты, съ успокоеннымъ сердцемъ заключаетъ, что кіевляне не имѣли законнаго органа для выраженія своихъ мнѣній (61). Въ Новгородѣ законное вѣче сходилось на Ярославовомъ дворѣ и участвовали въ немъ только домовладѣльцы, а въ важныхъ случаяхъ и послы отъ пригородовъ (150). Изъ книги Бѣлова читатель можетъ узнать далѣе о земскихъ соборахъ, что это былъ „особый видъ московскаго представительства“ (214) и что соборъ 1649 г. состоялъ изъ двухъ палатъ (366), но какъ соборы составлялись и каковы были ихъ права, объ этомъ авторъ позабылъ упомянуть и, судя по судьбѣ, постигшей въ книгѣ древнее вѣче, надо думать, что это еще хорошо. Рядомъ съ подобнымъ изложеніемъ фактовъ у автора есть блестящія открытія, истинный смыслъ которыхъ однако довольно трудно понять, вродѣ того, что въ Новгородѣ „патрональная святыня (храмъ св. Софіи) замѣнила идею отечества“ (146) или что Ѳедоръ Алексѣевичъ и Софья „едва не предали Россію іезуитамъ“, но „отъ бѣды спасъ Петръ“ (422).

Какъ ни затянулся уже нашъ отчетъ о книгѣ Бѣлова, онъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули еще объ одной крупной ея особенности. Во второй части, посвященной московскому государству, нѣсколько меньше прямыхъ ошибокъ, нежели въ первой, но за то авторъ включилъ въ нее массу своихъ собственныхъ догадокъ и предположеній, ни на чемъ не основанныхъ и выраженныхъ столь категорично, что нерѣдко они переходятъ въ грубое искаженіе фактовъ. Особенно такое искаженіе имѣетъ мѣсто, когда авторъ касается своихъ любимыхъ коньковъ въ области русской исторіи, царя Грознаго и московскаго боярства. Не входя въ разборъ высказываемыхъ здѣсь авторомъ положеній, мы приведемъ только нѣкоторые образцы ихъ. Когда Бѣлову приходится вести рѣчь о Грозномъ, онъ предпочитаетъ не знать нѣкоторыхъ фактовъ исторіи послѣдняго, вродѣ жизни въ Александровской Слободѣ, но за то обнаруживаетъ удивительное знакомство со всѣми тайными помышленіями царя Ивана Васильевича и умѣетъ найти объясненіе для всѣхъ его дѣйствій. Грозный мучилъ псковскихъ жалобщиковъ въ 1547 г., потому что „считалъ ихъ обманщиками“ (213). Онъ „ясно видѣлъ“, что постановленія Стоглаваго Собора плохи, и потому завелъ типографію (219—220); на соборѣ 1554 г. онъ же смягчилъ участь Башкина (222). Съ митрополитомъ Филиппомъ у Грознаго „изъ ничтожнаго случая вышло столкновеніе публичное, слѣдовательно непоправимое“ (262). Грозный „былъ защитникомъ для массы простолюдиновъ“ (254). Погромъ въ Новгородѣ совершился собственно надъ „несчастнымъ новгородскимъ духовенствомъ“ (262) и вызванъ былъ подстрекательствомъ московскихъ бояръ и духовенства (266). Грозный умеръ отъ скорби по убитому сыну (275) и оставилъ преемникамъ своимъ „крѣпкое государство“ и „великую идею — быть защитниками слабыхъ противъ сильныхъ и вести родную страну по пути культурнаго развитія“ (277). Въ другомъ мѣстѣ Бѣловъ эпилогомъ царствованія Грознаго считаетъ смутное время (203), втеченіе котораго крѣпость государства выказалась не съ особенно блестящей стороны. Что касается бояръ, то ихъ Бѣловъ заставляетъ совершать длинный рядъ всевозможныхъ преступленій. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ русскаго боярства, но и намъ страшно за бояръ стало, когда мы посмотрѣли на нихъ въ изображеніи автора „Русской исторіи“. Бояре, благодаря своей гордости, не хотѣли при Грозномъ допускать шведскаго короля сноситься съ Москвою иначе, какъ черезъ посредство новгородскаго намѣстника, однако царь Иванъ успѣлъ заключить съ Швеціей выгодный договоръ (243). Бояре устроили Черемисскій бунтъ, а въ 1571 г. подвели хана подъ Москву (253, 270). При

Грознымъ происходила борьба Шуйскихъ съ домомъ Калиты, причемъ на сторонѣ первыхъ стояли Шереметевы, и И. В. Шереметевъ своимъ постриженіемъ въ Кирилловскомъ монастырѣ привлекъ послѣдній на боярскую сторону (270—2). Впрочемъ, истинными виновниками борьбы бояръ съ Грознымъ были іезуиты, которые и заправляли политикой боярства до царствованія Алексѣя Михайловича включительно (255, 278, 396).

Приблизительно въ такомъ же родѣ изложена и культурная исторія. Между повѣствованіями о походахъ князей и замыслахъ боярства авторъ бросаетъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ бытѣ или о литературныхъ произведеніяхъ. Когда онъ заимствуетъ свои отзывы у Порфирьева, то они оказываются лишь часто приклеенными не къ мѣсту. Но когда онъ сочиняетъ отъ себя, то мы узнаемъ, что разница между Вассіаномъ Косымъ и Іосифомъ Волоцкимъ заключалась въ томъ, что первый опирался на „евангельскіе принципы", а второй на „опыты" (197—8), или узнаемъ, что главная причина умственной отсталости Московской Руси заключалась въ грекахъ, которые не допускали русскихъ людей учиться латинскому языку (345, 373) и т. п., и т. п. Прибавимъ еще, что языкъ автора небреженъ до крайности. У него не рѣдкость фразы вродѣ слѣдующихъ: „Палеи имѣли историческій характеръ въ направленіи библейскомъ" (46) или въ Словѣ о Полку Игоревѣ „мысль поэта была секуляризована" (70). Наша образованная публика дѣйствительно нуждается въ такомъ общемъ трудѣ, который познакомилъ бы ее съ результатами монографической разработки русской исторіи за послѣднія десятилѣтія. Въ значительной мѣрѣ эта задача выполнена блестящими статьями П. Н. Милюкова, которыя печатались въ прошломъ году въ журналѣ „Міръ Божій" и которыя, надо надѣяться, выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ. Но книга Бѣлова совершенно не удовлетворяетъ подобной задачѣ и мы положительно недоумѣваемъ, для какихъ „образованныхъ читателей" она издана.

И. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. Кіевъ. 1895.

Въ нашей ученой литературѣ существуетъ уже цѣлый рядъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію жизни отдѣльныхъ „земель" или областей въ древнюю эпоху русской исторіи, и особенно много такихъ трудовъ явилось въ Кіевѣ, благодаря проф. В. Б. Антоновичу, долгое время направлявшему въ эту сторону дѣятельность своихъ учениковъ. Въ послѣднее время не подвергнутой такой спеціальной разработкѣ осталась лишь

исторія земель Полоцкой и Смоленской, и посвященная послѣдней работа г. Голубовскаго почти закрываетъ этотъ пробѣлъ въ литературѣ. Между всѣми почти подобными трудами можно наблюдать значительное сходство, и притомъ не только въ общихъ задачахъ и пріемахъ изслѣдованія, но и въ самомъ его содержаніи. Въ немалой мѣрѣ такое сходство объясняется уже свойствами матеріала, подлежащаго въ этихъ случаяхъ обработкѣ историка, свойствами, сдвигающими всю работу послѣдняго въ одну сторону. Для X—XIV вв. главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній являются лѣтописи, передающія по преимуществу, если не исключительно, политическую исторію и лишь изрѣдка, и то по большей части въ видѣ неясныхъ намековъ, сообщающія кое-какія данныя о другихъ сторонахъ народной жизни. Актовый матеріалъ данной эпохи, за рѣдкими исключеніями, весьма скуденъ, свѣдѣнія же, даваемыя археологіей, пока не настолько разработаны, чтобы историкъ, опираясь на нихъ, могъ дѣлать какія-либо широкія обобщенія, выходящія за границы вопроса о разселеніи племенъ. Областная исторія, разрабатываемая при такихъ условіяхъ, стремится главнымъ образомъ къ опредѣленію политической роли отдѣльныхъ областей и къ уясненію всѣхъ деталей этой роли, тогда какъ по отношенію къ остальнымъ сторонамъ жизни области историкъ вынужденъ бываетъ по большей части ограничиться лишь бѣглой характеристикой. Эти общія замѣчанія вполнѣ примѣнимы и къ работѣ г. Голубовскаго. При всей эрудиціи ея автора, онъ вращается въ кругѣ все тѣхъ же вопросовъ политической жизни и частью юридическихъ обычаевъ избранной имъ для изученія области, лишь недалеко переступая за границы ихъ, а иногда и прямо отказываясь переходить за нихъ. Въ первой главѣ авторъ даетъ географическій очеркъ Смоленской земли, опредѣляетъ первобытныхъ обитателей ея въ лицѣ угро-финскаго и литовскаго племенъ, намѣчаетъ вѣроятные пути Кривичской колонизаціи и рядомъ остроумныхъ соображеній, основанныхъ на уставной грамотѣ князя Ростислава Мстиславовича, устанавливаетъ политическія границы Смоленской области. Въ пятой и послѣдней главѣ книги излагается политическая исторія области, и какъ бы приложеніемъ къ ней служитъ глава третья, въ которой авторъ собралъ всѣ свѣдѣнія источниковъ о смоленскихъ князьяхъ. Это несомнѣнно лучшія части всего труда и къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить помѣщающійся во второй главѣ анализъ Смоленской Торговой Правды, позволившій автору возстановить исторію этого замѣчательнаго памятника и вмѣстѣ съ тѣмъ исторію юридическихъ обычаевъ смольнянъ въ ихъ сношеніяхъ съ иноземцами. Менѣе можетъ удовлетворить читателя остальная часть

второй главы, посвященная „промышленности и торговлѣ“, и глава четвертая, трактующая объ общественномъ и политическомъ бытѣ Смоленской земли. Недостатокъ матеріала вынуждаетъ здѣсь автора то отказываться отъ обсужденія весьма важныхъ вопросовъ, какъ напр. о положеніи крестьянства, ограничиваться чрезмѣрно общими характеристиками или вводить въ свое изложеніе значительный элементъ гипотетичности. Напримѣръ, едва-ли можно назвать правильнымъ пріемомъ описаніе флоры и фауны области на протяженіи пяти вѣковъ или опредѣленіе хотя бы торговаго значенія Можайска въ XIV в. по даннымъ XVI—XVII столѣтій (74). Особенную склонность къ предположеніямъ, весьма недостаточно притомъ обоснованнымъ, проявляетъ авторъ, когда ему приходится говорить объ общественномъ бытѣ и культурномъ состояніи смоленской земли. Такъ, въ силу существованія земельной общины въ предѣлахъ области въ XVI и XVII вв., авторъ считаетъ себя имѣющимъ „полное право заключить, что общинное начало было у смоленскихъ Кривичей господствующимъ, основнымъ, изъ котораго проистекалъ весь строй ихъ общественной и государственной жизни“ (212). Это заключеніе, пожалуй, чрезмѣрно широко для того факта, изъ котораго оно выводится. Весьма гадательны и соображенія автора насчетъ способовъ назначенія на должность таможниковъ и тысяцкихъ (226). Но самыя смѣлыя гипотезы автора относятся къ культурному состоянію края. Отъ одной грамоты константинопольскаго патріарха къ смоленскому князю въ XIV в. онъ заключаетъ объ „оживленныхъ сношеніяхъ“ между Византіей и Смоленскомъ втеченіе этого столѣтія (244); на основаніи трехъ литературныхъ произведеній, возникшихъ въ Смоленскѣ втеченіе двухъ вѣковъ (житіе Авраамія, житіе Бориса и Глѣба и повѣсть о Меркуріи), говоритъ о „непрерывной цѣпи историческихъ народныхъ преданій, легендъ и связанныхъ съ ними литературныхъ произведеній, начиная со второй половины XII вѣка и до первой половины XIV в.“ (249); наконецъ изъ факта знанія отдѣльными лицами въ Смоленскѣ греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ выводитъ существованіе училищъ, гдѣ эти языки преподавались (254). Такія гипотезы въ особенномъ изобиліи встрѣчаются у г. Голубовскаго именно тамъ, гдѣ отсутствуетъ надежный матеріалъ источниковъ, но, смѣемъ думать, онѣ плохо замѣняютъ послѣдній, хотя и окрашиваютъ древнюю исторію Смоленской области болѣе яркими красками.

Ч. Дарвинъ. Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора или сохраненіе благопріятствуемыхъ породъ въ борьбѣ за жизнь. Переводъ М. Филиппова. Спб. 1896.

Тотъ фактъ, что въ истекшемъ году два издателя почти одновременно объявили о намѣреніи выпустить въ новыхъ переводахъ избранныя сочиненія Дарвина („Происх. видовъ", „Происх. человѣка и половой подборъ", „О выраженіи ощущеній", „Путеш. на кораблѣ Бигль" и „Автобіогр."), несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ о значительномъ спросѣ, существующемъ среди русской публики на сочиненія знаменитаго мыслителя-біолога. Дѣйствительно, хотя книга, заглавіе которой поставлено въ началѣ настоящей замѣтки, не служитъ, да и не можетъ служить выраженіемъ современнаго состоянія вопроса объ эволюціи органическихъ формъ, далеко ушедшаго впередъ съ 1859 года, когда появилось въ свѣтъ сочиненіе „The origin of species", — но значеніе этого произведенія въ различныхъ отношеніяхъ остается и надолго еще останется громаднымъ. Для читателя-неспеціалиста оно представляетъ наилучшій источникъ ознакомленія съ элементами трансформаціи органическаго міра и даже даетъ краткій историческій очеркъ развитія этого ученія (можно замѣтить, что изъ всѣхъ сочиненій Дарвина „Происх. видовъ" едва ли не самое удобочитаемое для неспеціалиста, въ томъ смыслѣ, что содержитъ менѣе фактическаго матеріала и даетъ болѣе готовыхъ выводовъ, тогда какъ другія его работы требуютъ немалаго напряженія ума и значительной привычки къ оперированію надъ фактами біологіи); спеціалистъ-біологъ видитъ въ „Пр. видовъ" сочиненіе, основныя идеи котораго дали начало цѣлой біологической школѣ; наконецъ, та же книга содержитъ въ себѣ значительное количество фактовъ, которые навсегда останутся драгоцѣнными въ смыслѣ ихъ значенія для уясненія принципа эволюціи.

Обращаясь къ только что вышедшему вполнѣ переводу „Происх. видовъ", изданному редакціей „Научнаго Обозрѣнія", замѣтимъ, что по своей низкой (1 р.) цѣнѣ этотъ переводъ является имѣющимъ шансы на значительное распространеніе. Читается онъ, въ общемъ, легко, хотя попадаются, особенно въ началѣ, фразы, построенныя такъ неудачно, что пониманіе соотвѣтствующихъ мѣстъ довольно затруднительно. Напримѣръ:

„Въ примѣрѣ омелы, которая извлекаетъ пищу изъ извѣстныхъ деревьевъ, обладая сѣменами, которыя должны быть перенесены извѣстными птицами, абсолютно требующими (птицами?) дѣятельности извѣстныхъ насѣкомыхъ для перенесенія пыльцы съ одного цвѣтка на другой"... (стр. 13).

Или: „Не могутъ ли и тѣ натуралисты, которые, — зная гораздо менѣе, чѣмъ знаетъ заводчикъ о законахъ наслѣд-

ственности, и зная не болѣе его о промежуточныхъ звеньяхъ въ длинномъ ряду поколѣній,—зная это, допускаютъ, что многія изъ нашихъ домашнихъ породъ произошли отъ общихъ родителей—не могутъ ли они воспользоваться урокомъ благоразумія, когда они насмѣхаются"... etc. (стр. 36). Встрѣчаются также мѣстами курьезныя неисправности, вродѣ того, что напечатано два раза „краснаго дерева" вмѣсто „краснаго клевера" (стр. 101). Такого же сорта неисправности, бросающіяся въ глаза, видимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ „...отношеніями *современныхъ* обитателей этого континента къ *нынѣшнимъ*" (чѣмъ же разнятся тѣ отъ другихъ?). (стр. 11). „*Едва ли возможно* для насѣкомыхъ (почему бы и нѣтъ?) перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ..." (стр. 103).

Бинэ, В. Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. съ французскаго Е. И. Максимовой подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго по тексту, исправленному и дополненному В. Анри для русскаго изданія. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

За послѣднія 10—15 лѣтъ экспериментальная психологія получила такое широкое распространеніе, что знакомство съ нею сдѣлалось обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Давно ли было то время, когда во всемъ свѣтѣ существовала только одна психологическая лабораторія, основанная Вундтомъ въ Лейпцигѣ въ 1878 г.? А теперь въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ насчитывается цѣлыхъ 27 лабораторій! Публика, слышавшая о существованіи экспериментальной психологіи, но не знакомая съ ея содержаніемъ, склонна обыкновенно къ одному изъ двухъ противуположныхъ, но одинаково ошибочныхъ мнѣній. Одни съ негодованіемъ отвергаютъ мысль о возможности лабораторнаго изслѣдованія „души"; другіе, наоборотъ, полагаютъ, что старая психологія цѣликомъ упразднена, что теперь *всѣ* психологическіе вопросы рѣшаются лабораторнымъ путемъ. Прочитавши разбираемую нами книгу, и тѣ и другіе увидятъ свою ошибку. Одни поймутъ, что многія явленія душевной жизни подлежатъ точному измѣренію, другіе узнаютъ, что „просматривая новѣйшіе труды по психологіи, даже тѣ, которые открыто симпатизируютъ новымъ методамъ и стараются отвести какъ можно больше мѣста экспериментальнымъ работамъ, мы убѣждаемся, что во всѣхъ нихъ психологическія наблюденія имѣютъ значительный перевѣсъ; напримѣръ, трудъ В. Джемса, въ которомъ, можно сказать, текстъ доставленъ психологическими наблюденіями, тогда какъ кабинетные эксперименты наполняютъ собою лишь примѣчанія" (стр. 154—5).

Трудъ Бинэ есть первая попытка дать краткій обзоръ ме-

тодовъ и пріемовъ экспериментальной психологіи и посему, при всѣхъ его выдающихся достоинствахъ, онъ несомнѣнно страдаетъ нѣкоторою неясностью плана. Намъ кажется, что авторъ не вполнѣ уяснилъ себѣ, для какой публики онъ писалъ свое сочиненіе. Мы думаемъ, что книга его несомнѣнно выиграла бы, если бы онъ болѣе имѣлъ въ виду широкую публику и менѣе думалъ бы о начинающихъ психологахъ. Такъ, наприм., всякія описанія приборовъ слѣдовало бы сократить до послѣдней степени, и это слѣдовало сдѣлать не только потому, что описанія вообще не даютъ яснаго представленія о приборахъ, но еще, главнымъ образомъ, и потому, что это описаніе не нужно ни для широкой публики, которая опытовъ дѣлать не будетъ, ни для начинающихъ ученыхъ, которые познакомятся со всѣми этими приборами въ лабораторіяхъ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно: мы можемъ указать только на самыя незначительныя ошибки. Такъ ни переводчица, ни редакторъ, очевидно, не знаютъ, что Штриккеръ — нѣмецъ, и поэтому всюду (напр., стр. 159) мы встрѣчаемъ какого-то Стриккера. Затѣмъ глава извѣстной издательской фирмы Мэкъ Милленъ (Macmillan) названъ *редакторомъ* „Бюллетеней Американскаго психологическаго общества“ (стр. 180). О подобныхъ ошибкахъ, конечно, почти не стоитъ и упоминать.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать двухъ словъ по поводу одного мѣста во второмъ предисловіи проф. Введенскаго.

Проф Введенскій обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что „при просмотрѣ описанія отдѣльныхъ кабинетовъ сразу кидается въ глаза, что въ Америкѣ сплошь да рядомъ доктора медицины оказываются профессорами различныхъ философскихъ наукъ“ (стр. 175). Этотъ странный фактъ проф. Введенскій объясняетъ тѣмъ, что „иностранную степень доктора можно... приравнять къ недавно бывшей у насъ степени кандидата, и то не вполнѣ: кандидатская степень у насъ пріобрѣталась со значительно большимъ трудомъ, чѣмъ докторская за границей“ (стр. 176). Что докторская степень за границею достигается гораздо легче, чѣмъ у насъ, съ этимъ мы вполнѣ согласны, и, все-таки, объясненіе г. Введенскаго намъ кажется крайне не логичнымъ. Г. Введенскому слѣдовало бы вспомнить, что, въ сущности, философскія науки не имѣютъ никакой связи съ науками филологическими, къ которымъ ихъ у насъ насильно привязали. Изученіе естественныхъ наукъ и математики, вотъ два лучшихъ способа подготовить свой умъ къ занятіямъ науками философскими. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что тамъ, гдѣ нѣтъ насильственной регламентаціи и гдѣ существуетъ сильное стремленіе къ научнымъ

методамъ, тамъ врачи оттѣсняютъ знатоковъ латинскихъ и греческихъ авторовъ.

Воображеніе и память. Ф. Кейра. Переводъ съ франц. Е. Максимовой. 1895. Ц. 40 к.

Книга эта вышла во Франціи въ 1893 г. подъ заглавіемъ: „L'imagination et ses variétés chez l'enfant. Etude de psychologie expérimentale appliquée à l'éducation intellectuelle". — Въ подлинникѣ она имѣетъ 162 стр. Въ русскомъ переводѣ она имѣетъ 66 стр. и заглавіе ея значительно измѣнено. Весьма жаль, что при этомъ измѣненіи заглавія исчезло указаніе на то, что книга обращена главнымъ образомъ къ педагогамъ и родителямъ. Авторъ не претендуетъ на самостоятельное научное значеніе его книги. „Излишне прибавлять, — говоритъ онъ на стр. 2, — что эти страницы написаны не для психологовъ, но предназначаются спеціально для той значительной части публики, которая, не будучи очень освѣдомлена въ прогрессѣ науки о духѣ, интересуется болѣе или менѣе прогрессомъ образованія". Въ основу своей книги авторъ положилъ извѣстное ученіе о чувственныхъ типахъ. Теперь установлено, что образы, этотъ матеріалъ духовной жизни, не одинаковы у всѣхъ людей. Мы знаемъ, что помимо другихъ различій, у одного человѣка преобладаютъ зрительные образы, у другого — слуховые, у третьяго — двигательные. Есть нормальный, уравновѣшенный типъ людей, у которыхъ всѣ виды образовъ одинаково хорошо сохраняются, но весьма часто это равновѣсіе нарушается въ пользу одного какого нибудь вида. Иногда это нарушеніе равновѣсія идетъ очень далеко, до полнаго исчезновенія образовъ всѣхъ видовъ, кромѣ одного какого нибудь вида, какъ это было, напр., въ знаменитомъ случаѣ зрительнаго типа у одного изъ паціентовъ Шарко. Знаніе этихъ истинъ, конечно, весьма полезно для родителей и воспитателей, ибо „преобладаніе въ умѣ одного рода образовъ обезпечиваетъ ему выдающіяся способности къ какой нибудь наукѣ, искусствѣ, профессіи. Дѣло воспитателя постараться опредѣлить это преобладаніе, и если онъ найдетъ его дѣйствительно полезнымъ, то направить ребенка по тому пути, какой предначертала ему природа". „Однако по причинѣ опасностей, могущихъ произойти отъ исключительнаго развитія одного рода образовъ, дѣйствительная задача воспитателя будетъ заключаться въ томъ, чтобы воспитать такой умъ, въ которомъ различные образы уравновѣшивали бы другъ друга" (стр. 65—66)

Повторяемъ, книга Кейра не претендуетъ на самостоятельное значеніе, но, все-таки, содержаніе ея безспорно стоитъ на высотѣ современныхъ требованій отъ популярныхъ книгъ.

Нельзя только не замѣтить, что авторъ черезъ-чуръ увлекается значеніемъ различій чувственныхъ типовъ. Образы составляютъ матеріалъ духовной жизни, и различіе въ свойствахъ этого матеріала имѣетъ огромное значеніе для жизни духа; это безспорно, но не слѣдуетъ забывать и значеніе способа обработки этого матеріала, развитіе тѣхъ высшихъ духовныхъ способностей, благодаря которымъ сырой матеріалъ образовъ превращается въ мощную жизнь духа. Благодаря чрезмѣрному увлеченію значеніемъ образовъ, авторъ приходитъ къ довольно противорѣчивому указанію для воспитателей. Согласно выписанной нами выше цитатѣ, нарушеніе равновѣсія образовъ обезпечиваетъ успѣхъ въ какой нибудь наукѣ, искусствѣ, профессіи, и, все-таки, воспитатели должны стремиться къ достиженію равновѣсія образовъ. Этотъ малоутѣшительный выводъ неизбѣженъ, если не принять во вниманіе огромнаго регулирующаго значенія высшихъ способностей. Если же принять во вниманіе это регулирующее значеніе, то стремленіе къ равновѣсію окажется не нужнымъ; нужно будетъ только избѣгать *исключительнаго* развитія однихъ какихъ нибудь образовъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Собраніе стихотвореній **В. Гюго** въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XI. Тифлисъ 96. Ц. 20 к. за вып.

Сочиненія **Шелли**. Перев. съ англійск. К. Д. Бальмонта. Вып. 4. М. 96. Ц. 50 к.

Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній **Некрасова, Никитина, Сурикова** и др. Составилъ Влад. Бончъ-Бруевичъ. Изданіе книжн. склада А. М. Муриновой. М. 96. Ц. 10 к.

Полное собраніе стихотвореній **Я. П. Полонскаго.** Въ пяти томахъ. Съ двумя портретами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 96. Ц. 6 р., съ пересылкой 7 р.

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Стихотворенія. Изд. 2-е. М. 96. Ц. 1 р.

П. А. Евреиновъ. Разбитая лира. Вып. I. Кіевъ 95. Ц. 15 к.

Ѳедоръ Шперкъ. Книга о духѣ моемъ. Поэма. Часть первая. Спб. 96. Ц. 30 к.

Гюи де-Мопассанъ. На водѣ. Переводъ С. С. Гоха. Спб. 96.

Л. А. Авилова. Счастливецъ и другіе разсказы. Спб. 96. Ц. 1 р.

Сказки для дѣтей. **А. Г. Сахаровой.** Изданіе М. М. Ледерле. Спб. 95.

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II. Изданіе 2-е. И. Ѳ. Жиркова. М. 96. Ц. 30 к.

Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бе-

сѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и въ семьѣ. Составилъ **Д. И. Тихомировъ**. М. 96. Ц. 30 к.—Вторая послѣ азбуки книга. Ц. 35 к.—Руководство для учителя. Ц. 30 к.

Изданія С.-Петербургскаго комитета грамотности. Спб. 95. Голодовка и зимовка на Новой землѣ. Разсказъ **С. В. Максимова**. Ц. 3 к.—Дочь миссіонера. Повѣсть **А. Котса**. Ц. 8 к.—Приключенія Робинзона Крузе. Составлено **А. Н. Яхонтовымъ**. Ц. 12 к.—Судный день. Сказка **В. Г. Короленко**. Ц. 8 к.—Іонычъ. Разсказъ **Ф. Д. Нефедова**. Ц. 14 к.—Свекоръ. Разсказъ **Ф. Д. Нефедова**. Ц. 3 к.—Павло Чорнокрылъ. Разсказъ **Марка Вовчка**. Ц. 3 к.—Маруся. Повѣсть **Марка Вовчка**. Ц. 12 к.—На-міру. Повѣсть **А. А. Потѣхина**. Ц. 18 к.—Хай-дѣвка. Повѣсть **А. А. Потѣхина**. Ц. 10 к.—Отрѣзанный ломоть. Комедія **А. А. Потѣхина**. Ц. 10 к.—Чужое добро въ прокъ не идетъ. Драма **А. А. Потѣхина**. Ц. 10 к.—Смерть Ивана Ильича. Повѣсть **А. Н. Толстого**. Ц. 5 к.—Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Кавказскій плѣнникъ. Разсказы **Л. Н. Толстого**. Ц. 3 к.—Хозяинъ и работникъ. Разсказъ **Л. Н. Толстого**. Ц. 4 к.—Чортово болото. Разсказъ **Жоржъ-Зандъ**. Переводъ М. Шишмаревой. Ц. 7 к.

Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. **Евграфа Ковалевскаго** съ участіемъ О. К. Адеркаса, И. Я. Герда, Ѳ. Ѳ. Зигеля, П. Г. Мижуева и М. А. Поспѣловой. Съ рисунками, планами и антропологической таблицей. Спб. 95. Ц. 2 р.

Памяти Н. В. Стасовой. Съ портретомъ. Спб. 96. Ц. 50 к.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ. **Отчетъ** за 1895 г. Спб. 96.

Отчетъ Саратовскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію за 1895 г. Саратовъ 96.

Сочиненія **Н. А. Добролюбова**. Т. I. Съ портретомъ Н. А. Добролюбова и его біографіей, составленный А. М. Скабичевскимъ. Изданіе 5-е, О. Н. Поповой. Спб. 96. Ц. за четыре тома 7 р.

А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96. Ц. 2 р. 50 к.

Общая библіотека **Вл. Чумикова**. № 1. Крылатыя мысли. Сборникъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ цитатъ, снабженныхъ русскимъ переводомъ. Цитаты французскія, итальянскія и англійскія. Спб. 95. Ц. 40 к.

Куно Фишеръ. Артуръ Шопенгауеръ. Пер. съ нѣм. подъ редакціей В. П. Преображенскаго. М. 96. Ц. 3 р.

Исторія этики въ новой философіи. **Фридриха Іодля**. Томъ первый. До конца XVIII вѣка. Пер. съ нѣм. подъ редакціей Влад. Соловьева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 96. Ц. 2 р.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Томъ второй. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Несостоятельность научнаго матеріализма. **Вильгема Оствальда**. Подъ ред. проф. Рижскаго политехническаго училища перевели студенты А. Эдельманъ и А. Подпалый. Рига 96. Ц. 20 к.

Николай Гротъ. Основанія экспериментальной психологіи. (Изъ журнала «Вопросы философіи и психологіи»). М. 96.

Внушеніе и воспитаніе. **Ф. Тома**. Пер. съ франц. Е. Максимовой. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 96. Ц. 40 к.

Послѣдствія алкоголизма и общественная борьба съ нимъ. Врача **А. Коровина**. М. 96. Ц. 35 к.

Вредъ и опасность употребленія молока отъ больныхъ коровъ и плохого его сохраненія. Составилъ ветеринарный врачъ **С. Н. Самборскій**. Спб. 96. Ц. 50 к.

Къ вопросу о борьбѣ съ засухами. Изслѣдованіе и гипотезы. **Леонида Черняева**. Спб. 95. Ц. 80 к.

Какъ дѣлаютъ мыло. Составилъ **Павелъ Смирновъ**. Изданіе 2-е. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 96. Ц. 20 к.

Астрономическія изслѣдованія **Сергѣя Соколова**. М. 96. Ц. 1 р.

Русскій **астрономическій календарь** на 1896 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей предсѣдателя общества. Съ приложеніемъ подвижной карты звѣзднаго неба и карты затмѣнія солнца 28 іюля. М. 96. Ц. 75 к.

Полезная библіотека. Чудеса растительнаго міра. Составилъ **Ѳ. Медвѣдевъ**. Съ 30 рис. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 95. Ц. 50 к.

В. Ф. Залѣсскій. Экономическія явленія въ мірѣ животныхъ. Казань 96. Ц. 25 к.

Библіотека экономистовъ. Вып. VI. **Франсуа Кенэ**. Выбранныя мѣста. Перев. А. В. Горбунова.—Вып. VII. **Жанъ Батистъ Сэ**. Трактатъ политической экономіи. Перев. Е. Н. Каменецкой. **Фредерикъ Бастіа**. Кабденъ и лига. Экономическіе софизмы и гармоніи. Что видно и чего не видать. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 96. Ц. 1 р. за выпускъ.

Проектъ монетной реорганизаціи. **В. Ф. Гартцъ**. Спб. 96.

Бэла Фельдешъ. Къ вопросу о возстановленіи металлическаго обращенія. Охрана металлическихъ запасовъ. Докладъ венгерской академіи наукъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Гурьева. Спб. 96. Ц. 50 к.

А. Х. Бернацкій. Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ Пермской губ., организованныя при содѣйствіи кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губернскаго земства. Пермь 96.

Краткій отчетъ о дѣятельности Пермскаго кустарно-промышленнаг банка за время съ 1 янв. по 1 дек. 1895 г.

Библіотека для самообразованія. **Исторія Греціи** со времени Пелопонесской войны. Сборникъ статей. Переводъ подъ редакціей Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго. Вып. I. М. 96. Ц. 1 р. 75 к.

Библіотека «Русской Мысли». Клеопатра. Картины античной жизни. (По Henry Houssaye) **М. Н. Ремезова**. М. 96. Ц. 40 к.

Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ **Павелъ Виноградовъ**. Часть III. «Новое Время». М. 96. Ц. 90 к.

Архивъ князя **Ѳ. А. Куракина**. Книга пятая. Саратовъ 94.

Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды **Вл. Михневича**. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Географическаго Общества. 1845—1895. Составилъ вице-предсѣдатель Общества **П. П. Семеновъ** при содѣйствіи дѣйствительнаго члена Общества А. А. Достоевскаго. Три тома. Спб. 96.

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. 6-е дополненное изданіе. Съ портретами Т. Н. Грановскаго, Д. А. Равинскаго и Н. А. Бѣлоголоваго. М. 96. Ц. 2 р. 50 к.

В. Л. Бинштокъ. Изъ недавняго прошлаго. Спб. 96. Ц. 1 р.

К. Головинъ Мужикъ безъ прогресса и прогрессъ безъ мужика. (Къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ). Изд. Книгопродавческой складчины. Спб. 96. Ц. 1 р.

Серафима Аргамакова. Къ вопросамъ этики въ современномъ. бракѣ. Полоцкъ. 95. Ц. 60 к.

М. М. Винаверъ. Къ вопросу объ источникахъ X тома свода законовъ. (Изъ журнала М-тва Юстиціи). Спб. 95.

И. Т. Тарасовъ. Учебникъ науки полицейскаго права. Вып. четвертый М. 96. Ц. 2 р

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. съ нѣм. Изданіе М. и Н. Водовозовыхъ. М. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ. 1894 годъ. Положеніе начальнаго народнаго образованія въ С.-Петерб. губ. 1892—93 г. Спб. 95

Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губ. Вып. XVII. Частновладѣльческое хозяйство. Спб. 95. Ц. 2 р.

Обзоръ Ярославской губерніи. Вып. II. Отхожіе промыслы крестьянъ. Раздѣлъ I. Районы отхода. Изданіе Ярославскаго губернск. статистич. комитета. Ярославль 96. Ц. 1 р. 50 к.

Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ г. Москвѣ за 1894 г. Составлено статистическимъ отдѣленіемъ Московской городской управы. М. 95.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. (Изъ «Извѣстій Московской городской думы»). Вып. II. М. 95.

Записка соединенной коммиссіи представителей Нижегородскаго губернскаго земства, города Нижняго-Новгорода и Нижегородскаго биржеваго общества о проектируемой желѣзной дорогѣ отъ Нижняго къ Ухтыму. Нижній-Новгородъ. 96.

Контора Кнопъ и ея значеніе. Спб. 95

Cosmopolis. Revue internationale. № 2. Février 96.

Писатель-дилетантъ.

Сочиненія А. Н. Апухтина. Второе посмертное дополненное изданіе съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Спб. 1896.

Я пересталъ сѣдлать Пегаса —
Милѣй мнѣ скромный Россинантъ,
Что мнѣ до русскаго Парнаса—
Я—неизвѣстный дилетантъ...
А. Апухтинъ.

I.

Первое посмертное изданіе сочиненій Апухтина «разошлось въ полгода», по свидѣтельству издателей. Уже одно это говоритъ о серьезномъ успѣхѣ, но это еще не все. Въ предисловіи ко второму изданію издатели указываютъ на слѣдующее обстоятельство: «Критика наша впервые, можно сказать, заинтересовалась талантомъ Апухтина лишь при появленіи посмертнаго изданія, давшаго такъ много неизвѣстнаго до тѣхъ поръ матерьяла и познакомившаго читателей съ прозаическими произведеніями поэта, самое существованіе которыхъ было для многихъ неожиданною новостью. Въ отдѣлахъ критическихъ обозрѣній почти всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ и многихъ газетъ появились въ 1895 г. подробные разборы произведеній А. Н. Апухтина, и нельзя не констатировать того рѣдкаго въ такихъ случаяхъ единодушія, съ которымъ было привѣтствована эта книга».

Такимъ образомъ, Апухтинъ угодилъ и публикѣ и критикѣ. Угодить публикѣ всегда пріятно, но не всегда почетно, потому что есть публика и публика. Сочиненія Толстого, Салтыкова, Достоевскаго, Успенскаго раскупаются публикой; десятое изданіе скандальной книги г. Вопросительнаго знака о женщинахъ потребовалось тоже публикой. Совсѣмъ другое дѣло добиться «единодушнаго привѣтствія» со стороны критики, которая потому вѣдь только и критика, что судитъ о писателѣ на основаніи различныхъ, но всегда опредѣленныхъ критеріевъ. Тутъ нельзя допустить ни случайности, ни временнаго увлеченія, ни вліянія пріятельской рекламы,—тутъ мы имѣемъ — по крайней мѣрѣ должны имѣть— дѣло только съ доводами, съ оцѣнкой достаточно мотивированной. Я не имѣю намѣренія входить въ разсмотрѣніе резоновъ, побудившихъ нашу критику «единодушно привѣтствовать» произведенія Апухтина, но я ставлю общій вопросъ: чѣмъ долженъ быть писатель, чтобы удостоиться такого единодушнаго привѣтствія?

Каково должно быть то литературное произведеніе, которое одинаково нравится и критику-публицисту, и критику-эстетику, и критику-историку и даже критику-декаденту?

Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ отвѣтить на эти вопросы: писатель долженъ быть изъ ряду вонъ талантливъ, а его произведеніе должно отличаться такими красотами, которыя подкупаютъ самаго строгаго цѣнителя, помимо всякихъ теоретическихъ соображеній и личныхъ пристрастій. Кого же и привѣтствовать единодушно, какъ не генія? На дѣлѣ, однако же, никогда такъ не бываетъ, а бываетъ, совершенно наоборотъ; кого же и треплютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ, какъ не генія? Геній или просто крупный талантъ всегда содержателенъ и самобытенъ, и это его содержаніе настолько серьезно, что къ нему нельзя относиться равнодушно, эта его самобытность настолько рѣзко выражена, что никакъ не можетъ подойти ко всѣмъ вкусамъ. «Кто не за меня, тотъ противъ меня» — это можетъ примѣнить къ себѣ всякая сильная индивидуальность во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, въ томъ числѣ и въ литературной. Если же писатель, какъ чиновникъ Дѣвушкинъ («Бѣдные люди»), «потихонечку живетъ, втихомолочку живетъ», не пишетъ, а пописываетъ, не за идеалы борется, а просто заполняетъ свои досуги безвреднымъ стихослагательствомъ, то у кого же повернется языкъ на осужденіе, у кого поднимется рука на борьбу? Что тутъ осуждать и противъ кого тутъ бороться? Стихотворный спортъ, какъ и всякій другой спортъ, имѣетъ полное право на существованіе, а что касается самого поэта—спортсмена, то онъ даже въ серьезныхъ людяхъ можетъ возбуждать къ себѣ нѣкоторую снисходительную симпатію, не только своею совершенною безобидностью, но и своей исключительностью, своимъ одиночествомъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, счастливецъ и даже, пожалуй, своего рода мудрецъ: въ поискахъ за рифмой, за удачнымъ образомъ, онъ нашелъ содержаніе своей жизни, удовлетвореніе своей жажды дѣятельности. Счастье его заключается въ томъ, что онъ можетъ предаваться своей склонности совершенно безопасно и безпрепятственно, а мудрость его въ томъ, что онъ умѣетъ довольствоваться малымъ. Онъ никому не нуженъ, но онъ никому и не мѣшаетъ, и отчего же не похвалить его, если онъ въ техническомъ смыслѣ исполняетъ свое дѣло вполнѣ удовлетворительно? «Никому не нуженъ» — но вѣдь въ сущности этого никакъ нельзя сказать. Шахматистъ Чигоринъ нуженъ всѣмъ шахматистамъ, конькобѣжецъ Паншинъ нуженъ всѣмъ конькобѣжцамъ, поэтъ Апухтинъ нуженъ всѣмъ словесникамъ-аматерамъ, для которыхъ важно не то, *что* говорится, а то, *какъ* говорится. Такихъ аматеровъ, въ особенности въ наше время, должно быть очень не мало въ нашемъ обществѣ, и вотъ они то и составляютъ ту особенную публику, для которой Апухтинъ—серьезное литературное явленіе. А критика наша, съ

своимъ «единодушнымъ привѣтствіемъ» Апухтину только санкціонировала это мнѣніе и мы не только не протестуемъ противъ этого, но съ полною готовностью вносимъ и свою лепту похвалъ: да, стихи Апухтина звучны и гладки, а его проза легка и изящна. Онъ былъ хорошій стилистъ и хорошій версификаторъ.

Тутъ бы и послѣднюю точку поставить: статья въ сущности кончена, литературное значеніе поэта опредѣлено. Однако, если Апухтинъ въ самомъ дѣлѣ «настоящая литературная знаменитость», какъ увѣряетъ въ этомъ его критикъ-біографъ г. Модестъ Чайковскій, то нельзя же, неприлично просто, исчерпать его характеристику въ нѣсколькихъ строкахъ. Литературная знаменитость, на чемъ бы она ни основывалась, все-жъ таки не какая нибудь велосипедная знаменитость, о которой достаточно заявить: «рекордъ» такой то. Не скажетъ ли намъ чего нибудь новаго объ Апухтинѣ его горячій почитатель г. Чайковскій? «Баловнемъ людей онъ началъ жить, баловнемъ сошелъ и въ могилу»—такъ начинаетъ свое повѣствованіе объ Апухтинѣ г. Чайковскій. Такъ тому, конечно, и слѣдовало быть, если есть справедливость на свѣтѣ. Пусть судьба бьетъ и мучитъ тѣхъ, кто ею недоволенъ, кто изъявляетъ притязаніе бороться съ нею, но пусть она милуетъ тѣхъ, кто подчиняется ей безропотно, съ спокойствіемъ фаталиста или съ флегмою равнодушнаго созерцателя. Такимъ созерцателемъ именно и былъ Апухтинъ—это не мы, а его біографъ-почитатель говоритъ. «Натура Апухтина—говоритъ г. Чайковскій—была слишкомъ мечтательно-созерцательная, онъ былъ слишкомъ безучастенъ къ современности, слишкомъ мало дѣятель, чтобы негодовать, карать и язвительно осмѣивать. Внѣшнія обстоятельства и болѣе всего его болѣзненное состояніе поставили его въ положеніе зрителя, а не актера въ общественной жизни; она протекала мимо, почти его не затрогивая, и онъ глядѣлъ на нее съ интересомъ, но безстрастно, съ легкой насмѣшливой улыбкой». Фактъ указанъ здѣсь, конечно, вѣрно, но объясненіе этого факта — «болѣзненное состояніе» Апухтина — никуда не годится. Намъ думается, что г. Чайковскій очень плохо понимаетъ своего героя. Онъ удивляется такимъ чертамъ его нравственно литературной личности, которыя являются не случайными, а существенными ея особенностями. «Кстати отмѣтить то странное явленіе—говоритъ г. Чайковскій—что Апухтинъ никогда не могъ понять высокаго значенія произведеній Гоголя, и совершеннѣйшія изъ нихъ, «Мертвыя души» и «Ревизоръ», считалъ слабѣйшими». Здѣсь странно только то, что г. Чайковскій находитъ странными такіе вкусы Апухтина. Эти вкусы находились въ органической зависимости отъ основныхъ свойствъ нравственной природы поэта. Безучастному созерцателю не могли нравиться ни видимый смѣхъ, ни незримыя слезы Гоголя; еще менѣе могла ему нравиться та рѣзкая струя обличительнаго сарказма, которая характеризуетъ «Ревизора». *Болѣзнен-*

ное состояніе Апухтина (ожирѣніе) ровно ничего не объясняетъ. Точно также, если, по свидѣтельству г. Чайковскаго, «любимѣйшими учителями Апухтина среди французовъ были Андрей Шенье и Альфредъ Мюссе», тогда какъ «Викторъ Гюго, какъ поэтъ, оставался ему всегда чуждъ», то происходило это опять таки не «вслѣдствіе привитаго съ дѣтства чувства какой то исключительно горячей любви ко всему родному, русскому», какъ увѣряетъ г. Чайковскій, а вслѣдствіе все той же причины: созерцатель симпатизировалъ созерцателямъ и не любилъ и не понималъ поэта-борца. Совершенно соотвѣтственно этому относился Апухтинъ и къ дѣятельности Льва Толстого: «любимѣйшими произведеніями были всегда «Казаки» и «Дѣтство», которыхъ онъ не уставалъ перечитывать безъ конца. Со времени наступленія молчанія великаго художника и появленія проповѣдника, отношеніе Апухтина къ личности Толстого измѣнилось. Все, что вышло съ этой поры изъ-подъ пера Л. Н., причиняло нашему поэту не радость и счастье, а скорбь, которую онъ долго таилъ про себя, но, наконецъ, не выдержалъ и въ горячемъ письмѣ высказалъ своему кумиру. Отвѣта на это письмо не послѣдовало». Причина удивительной «скорби» Апухтина, разумѣется, заключалась не въ содержаніи проповѣди Толстого, а въ самомъ фактѣ ея появленія: не для житейскаго волненья и не для битвъ, а для звуковъ сладкихъ долженъ жить художникъ. Это было завѣтнѣйшее вѣрованіе или убѣжденіе Апухтина, которому онъ слѣдовалъ въ теченіи всей своей жизни. Другихъ убѣжденій у него не было. Правда, въ политикѣ, онъ, «воспитанный въ духѣ стародворянскихъ тенденцій, имѣлъ очень опредѣленные консервативные взгляды», какъ говоритъ г. Чайковскій, но въ литературѣ онъ цѣнилъ только «прекрасное» въ узкомъ, чисто-эстетическомъ значеніи этого слова. «Онъ, какъ литераторъ, восторженно принималъ все прекрасное, не справляясь о политическихъ и философскихъ убѣжденіяхъ его создателя. Литературныя симпатіи Апухтина къ личностямъ писателей имѣли мѣриломъ только количество и качество тѣхъ художественныхъ впечатлѣній, которыя они ему давали». Совершенно понятно послѣ этого, что «культъ формы доходилъ у Апухтина до флоберовскаго педантизма».

Вотъ все существенное и характерное, что могъ сказать объ Апухтинѣ его горячій поклонникъ. Какъ видите, все это нисколько не усиливаетъ и не ослабляетъ нашей немногословной характеристики: «Апухтинъ былъ хорошій стилистъ и хорошій версификаторъ». Если о писателѣ *это* должно прежде всего сказать, то само собою подразумѣвается, что въ области идей онъ индифферентистъ, въ общественной жизни—созерцатель, въ литературѣ—эстетикъ, въ своемъ искусствѣ—дилетантъ. Дилетантизмъ нисколько не вредитъ технической, формальной сторонѣ искусства, и даже наоборотъ: если у писателя нѣтъ своихъ идей и если онъ

равнодушенъ къ чужимъ, то что же ему и дѣлать остается, какъ не отшлифовывать внѣшнюю форму своихъ произведеній. Это многополезное дѣло и составляло настоящую спеціальность Апухтина, въ немъ же заключаются и его права на «знаменитость». «Все, что Апухтинъ хотѣлъ сказать, онъ сказалъ просто и прекрасно»,—говоритъ г. Чайковскій и мы противъ этого спорить не будемъ. Но что же именно хотѣлъ сказать нашъ писатель-дилетантъ? Для какого содержанія предназначалась та простая и прекрасная форма, которую онъ вырабатывалъ съ такою тщательностью и съ такою медленностью, что написалъ ровно столько печатныхъ листовъ, сколько лѣтъ продолжалась его литературная дѣятельность? Около сорока печатныхъ листовъ за сорокъ почти лѣтъ литературной дѣятельности,—это такая малопроизводительность, которая очень дурно рекомендуетъ силу поэтическаго дарованія Апухтина. «Это отнюдь не изъ лѣни, еще менѣе изъ балованности моднаго писателя, а исключительно вслѣдствіе строгаго отношенія къ себѣ и глубочайшаго благоговѣнія къ своему искусству»,—говоритъ г. Чайковскій, и совершенно напрасно говоритъ. Какая ужъ тутъ строгость, какое ужъ тутъ благоговѣніе, когда читатель встрѣчаетъ въ единственномъ томѣ сочиненій Апухтина такіе, напр., перлы:

Пьяные уланы
Спятъ передъ столомъ,
Мягкіе диваны
Залиты виномъ.
Лишь не спитъ влюбленный,
Погруженъ въ мечты,
Подожди немного
Захрапишь и ты.

Подъ этимъ дивнымъ произведеніемъ для свѣдѣнія потомства заботливо обозначено: «Орелъ, 6 августа 1854 г.». Счастливый городъ—Орелъ! Знаменательный день—6 августа! Если Апухтинъ въ самомъ дѣлѣ былъ строгъ къ себѣ, къ своимъ работамъ, то придавая извѣстное значеніе даже такимъ своимъ стихотворнымъ бездѣлушкамъ, онъ просто на-просто обнаруживаетъ свою чрезвычайную литературную бѣдность. А такихъ бездѣлушекъ, годныхъ только для застольныхъ импровизацій, въ единственномъ томѣ сочиненій Апухтина не одна и не двѣ. Не строгость къ себѣ и не благоговѣйное уваженіе къ искусству, а мнительность неувѣреннаго въ себѣ дилетанта, опасеніе чужого строгаго суда—вотъ что воздерживало Апухтина отъ печатанія своихъ произведеній. Это воздержаніе ему очень мало стоило. Задушевныхъ идей, такихъ, которыя бы требовали изліянія, раздѣленія, у него не было, а нанизывать въ тиши своего кабинета рифмы ему никто не могъ помѣшать. Для литературнаго же честолюбія онъ былъ слишкомъ лѣнивъ и флегматиченъ.

Нравственно-литературный типъ, къ которому принадлежалъ Апухтинъ, совсѣмъ не новый и уже достаточно разъясненный типъ. Это типъ добродушныхъ людей, остроумныхъ собесѣдниковъ и тонкихъ эстетиковъ, очень, вѣроятно, пріятныхъ для небольшого кружка ихъ личныхъ знакомыхъ и друзей и совершенно безполезныхъ для общества. Эти люди непремѣнно эстетики, но совсѣмъ не непремѣнно поэты: къ тому же типу принадлежалъ, напр., критикъ и философъ сороковыхъ годовъ Василій Боткинъ, извѣстный своей дружбою съ Бѣлинскимъ. При условіи матеріальной обезпеченности, освобождающей «отъ малыхъ трудовъ», люди этого типа могутъ быть счастливы при какой угодно исторической обстановкѣ. Къ людямъ они равнодушны; они неравнодушны только къ себѣ. Всякія великія идеи, всякіе высокіе лозунги и слова, всегда хорошо имъ извѣстные, для нихъ не болѣе, какъ довольно обильный источникъ пріятныхъ эстетическихъ эмоцій или даже просто подходящій матеріалъ для краснорѣчиваго собесѣдованія. «Въ богато убранной палатѣ потолковать о меньшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ»—на это они мастера, да именно о нихъ это и сказано, не въ бровь, а прямо въ глазъ. Все, къ чему прикасаются эти люди, будетъ ли то наука, или искусство, или философія—все это изъ насущнаго дѣла превращается у нихъ въ усладительное времяпровожденіе. Это прирожденные сибариты и эпикурейцы. Только горькая необходимость, какъ внѣшняя побудительная причина, или сильный природный талантъ, какъ властный внутренній импульсъ (вспомните, напр., Гончарова) могутъ заставить ихъ вмѣшаться въ сутолоку жизни, побудить къ настоящей борьбѣ. При отсутствіи этихъ двигателей, они «замыкаются въ себѣ», т. е. собственно у себя, въ четырехъ стѣнахъ своего комфортабельнаго кабинета, почитываютъ, попописываютъ, порисовываютъ, поиграваютъ и, доживъ до срока, умираютъ или отъ несваренія въ желудкѣ или отъ ожирѣнія. Въ мірѣ тѣней ихъ съ родственнымъ радушіемъ привѣтствуетъ тѣнь Ильи Ильича Обломова.

Читатель попялъ бы насъ совершенно превратно, если бы подумалъ, что мы обвиняемъ нашего поэта-дилетанта въ эгоизмѣ или заподозрѣваемъ его искренность. Отъ такой напраслины—Боже насъ сохрани! Какой же это эгоистъ, который никого не трогаетъ и молитъ—проситъ о томъ только, чтобы и его никто не трогалъ? Подлинный эгоизмъ всегда притязателенъ и зачастую даже злобенъ, а тутъ ровно никакой злобы и только одна-единственная претензія: проходите, пожалуйста, своей дорогой! Что же касается до искренности Апухтина, то не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что удачный стихъ и звучную рифму онъ преискренно считалъ большимъ дѣломъ, а такъ какъ этому дѣлу была посвящена вся его жизнь, то и сама эта жизнь получаетъ какъ будто нѣкоторую осмысленность. Вѣдь какъ хотите, трудился же

все-таки человѣкъ, когда имѣлъ полную возможность ровно ничего не дѣлать. Все-таки, это не совсѣмъ обломовщина: вѣдь для Обломова, кромѣ мягкой перины, жирной кулебяки и пухлыхъ женскихъ локтей съ ямочками, ровно ничего не требовалось, тогда какъ Апухтина одолѣвали нѣкоторымъ образомъ все-таки идеалистическія заботы, отвлеченные интересы. Апухтинъ занимался пріискиваніемъ рифмъ, но не какъ щедринскій поэтъ, твердившій: «образъ, побразъ, побразъ», а какъ поэтъ, обращавшійся къ публикѣ, къ обществу, къ читателямъ. Одними звукосочетаніями отдѣлаться тутъ было нельзя и необходимо было хоть что-нибудь выразить, хоть что-нибудь сказать. Посмотримъ же, что сказалъ намъ Апухтинъ.

II.

Апухтинъ началъ писать очень рано. Въ томѣ его сочиненій имѣется цѣлый отдѣлъ подъ названіемъ «Юношескія стихотворенія», которыя правильнѣе было бы назвать отроческими стихотвореніями, потому что скороспѣлому автору ихъ было всего 12—18 лѣтъ отъ роду. Апухтинъ былъ въ полномъ смыслѣ «феноменальный мальчикъ», какъ его называетъ г. Чайковскій, и возбуждалъ большія надежды даже въ такихъ литературныхъ спеціалистахъ, какъ Тургеневъ и Фетъ, а въ училищѣ правовѣдѣнія, куда онъ поступилъ, на него и начальство, и товарищи смотрѣли какъ на «будущаго Пушкина». Давно замѣчено, что такіе скороспѣлки почти всегда оказываются пустоцвѣтами, что изъ «геніальныхъ» и «феноменальныхъ» дѣтей въ огромномъ большинствѣ случаевъ выходятъ самые заурядные люди. Что надо сказать въ этомъ смыслѣ объ Апухтинѣ? Этотъ вопросъ пусть рѣшаетъ самъ читатель какъ ему будетъ угодно, а съ своей стороны я сдѣлаю только одно признаніе, которое, вѣроятно, очень скомпрометируетъ мое эстетическое чутье: стихотворенія двѣнадцатилѣтняго Апухтина мнѣ нравятся ничуть не меньше, нежели стихотворенія Апухтина сорокалѣтняго, то есть—чтобы ужъ все сказать—я и къ тѣмъ и къ другимъ одинаково равнодушенъ. Вотъ, напр., стихотвореніе подъ многообѣщающимъ заглавіемъ «Жизнь»:

О жизнь! ты мигъ, но мигъ прекрасный,
Мнѣ невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Разстаться не хотятъ съ тобой.
Ты мигъ, но данный намъ отъ Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удѣлъ, свою дорогу
И даръ безцѣнный проклинать,
Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Передъ судьбой не преклоняться,
Молиться, вѣровать, любить.

Что вы скажете объ этомъ? Стишки, какъ стишки,—не правда-ли? Конечно, мысль стихотворенія взята изъ дѣтскихъ прописей и выражена слабо и даже противорѣчиво («не роптать на свой удѣлъ» и въ то же время «передъ судьбой не преклоняться»), есть неудачныя выраженія (*«мнѣ* невозвратный мигъ»), неудачныя рифмы («Бога»—«дорогу»), но въ общемъ это стихотвореніе приличнопосредственно, и въ немъ, по крайней мѣрѣ, здравый смыслъ есть. Но вотъ другое стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Твоя слеза»:

Твоя слеза катилась за слезой,
Твоя слеза сжималась молодая,
Внимая рѣчи лживой и чужой...
И я въ тотъ мигъ не могъ упасть, рыдая,
Передъ тобой!
Твоя слеза проникла въ сердце мнѣ,
И все, что было горькаго, больного
Запрятано въ сердечной глубинѣ,—
Подъ этою слезою всплыло снова,
Какъ въ страшномъ снѣ!
Не въ первый разъ сбирается гроза,
И страха передъ ней душа не знала!
Теперь дрожу я... робкіе глаза
Глядятъ куда то вдаль... куда упала
Твоя слеза!

Если вы тутъ понимаете что-нибудь, то вы счастливѣе насъ. Объясните, что это за удивительная *молодая* слеза, которая *внимаетъ* чужой рѣчи и при этомъ *сжимается*? Далѣе, объясните, какимъ образомъ эта диковинная слеза *проникла* въ сердце поэта, а *упала* куда то вдаль? Объясните вообще, зачѣмъ тутъ, если не для одной только рифмы, и эта «гроза», и эта «слеза», и эти «глаза»? Декадентская штучка, звучная безсмыслица—вотъ что такое это стихотвореніе. Такъ какъ изъ двухъ золъ слѣдуетъ выбирать меньшее, то изъ двухъ только что приведенныхъ нами стихотвореній нужно предпочесть первое: хотя оно ничего не даетъ читателю, но, по крайней мѣрѣ, не приводитъ его въ остолбенѣніе. Между тѣмъ, стихотвореніе «Жизнь» написано Апухтинымъ, когда ему было всего двѣнадцать лѣтъ отъ роду, а стихотвореніе «Твоя слеза» написано имъ въ зрѣломъ возрастѣ. Это одинъ изъ нѣсколькихъ (если не изъ многихъ) примѣровъ, которые мы могли бы привести, и смыслъ нашего сопоставленія ясенъ: развитіе способностей «феноменальнаго ребенка», очевидно, совершалось чрезвычайно туго. Какъ стихотворецъ, созрѣвшій Апухтинъ очень мало возвышается надъ Апухтинымъ - мальчикомъ, и возбуждавшій такія надежды «будущій Пушкинъ» сошелъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ въ могилу не Пушкинымъ, а только Апухтинымъ.

Возвратимся опять къ «юношескимъ стихотвореніямъ» Апухтина. Говоря безпристрастно, они нисколько не хуже соотвѣтственныхъ стихотвореній Пушкина, но ихъ отличаетъ одна общая черта:

авторъ ихъ, очевидно, не отъ своего ума слова говоритъ. Мы слышали двѣнадцатилѣтняго философа, учившаго насъ не роптать на свой удѣлъ и дорожить жизнью, а теперь не угодно ли выслушать пятнадцатилѣтняго мудреца,—увы! уже успѣвшаго разочароваться. Это стихотвореніе тоже называется «Жизнь».

Пѣсня туманная, пѣсня далекая,
И безконечная, и заунывная,
Доля печальная, жизнь одинокая,
Слезъ и страданія цѣпь непрерывная...
Грустнымъ аккордомъ она начинается...
Въ звукахъ аккорда, простого и длиннаго,
Слышу я, вопль изъ души вырывается,
Вопль за утратою дѣтства невиннаго.
Далѣе звуковъ раскаты широкіе —
Юнаго сердца мечты благородныя:
Вѣра, терпѣнія чувства высокія,
Страсти живыя, желанья свободныя.
Что же находимъ мы? Въ чувствахъ—страданія,
Въ страсти мученья залогъ безконечнаго,
Въ людяхъ—обманъ... А мечты и желанія?
Боже мой! много ли въ нихъ долговѣчнаго!

И такъ далѣе—всего стихотворенія не выписываемъ. Пушкинъ улыбнулся надъ своимъ Ленскимъ, который «воспѣвалъ погибшій жизни цвѣтъ безъ малаго въ восемьнадцать лѣтъ», а вѣдь Ленскій писалъ въ двадцатыхъ годахъ, въ самый разгаръ романтизма и байронизма. У Апухтина цвѣтъ жизни погибъ на шестнадцатомъ году, когда уже о байронизмѣ не было ни слуху, ни духу и когда, сверхъ всего, русское общество переживало въ высшей степени значительный историческій моментъ (1856 г.). Разумѣется, было бы несправедливо упрекать мальчика-поэта за то, что его не интересовали общественно-историческія задачи того времени, но нельзя не пожурить его за его непріятное кривлянье. «Въ чувствахъ — страданія»—въ какихъ чувствахъ? Не въ чувствѣ ли страха передъ экзаменомъ по нетвердо отзубренному предмету? «Въ страсти — мученья залогъ» — это еще что такое? И чего только смотрятъ ваши училищные воспитатели и надзиратели! «Въ людяхъ — обманъ...»—а много ли вы видали людей? Милый юноша, сойдите со своихъ ходуль, если не желаете казаться смѣшнымъ. Повѣрьте, для насъ смѣшонъ вашъ плачъ и вашъ укоръ съ своимъ напѣвомъ заученнымъ, какъ разрумяненный трагическій актеръ, махающій мечомъ картоннымъ. Исторія ваша — старая исторія, даже безъ малѣйшей тѣни оригинальности.

Нельзя сказать, чтобы Апухтину не приходилось слышать такихъ благоразумно-охлаждающихъ словъ. Въ длинномъ стихотвореніи «Сегодня мнѣ исполнилось 17 лѣтъ», юный поэтъ споритъ съ какими то, повидимому, весьма неглупыми «друзьями» своими, которые прямодушно высказывали ему печальную правду.

„Шестнадцать только лѣтъ“, съ улыбкою холодной
Твердили часто мнѣ друзья,
„И въ эти то года такой тоской безплодной
Звучитъ элегія твоя!
О, нѣтъ! Напрасно внявъ ребяческимъ мечтаньямъ,
О нихъ разсказывалъ ты намъ;
Не вѣримъ мы твоимъ непризнаннымъ страданьямъ,
Твоимъ проплаканнымъ ночамъ“.

Все это было совершенно справедливо, но бѣдный юноша былъ уже слишкомъ захваленъ и избалованъ другого сорта «друзьями», чтобы вернуться къ правдѣ. Какъ ни въ чемъ не бывало, онъ тотчасъ же начинаетъ увѣрять, что онъ дѣйствительно «во тьмѣ глухихъ ночей, глотая молча слезы, проклятьями кормилъ дѣвственныя грезы» и что жизнь его, семнадцатилѣтняя жизнь, *пуста* и принесла ему много «горечи и зла и безполезныхъ мукъ». Мнѣ вспоминается здѣсь, съ какимъ веселымъ недоумѣніемъ остановился однажды Гл. Успенскій передъ байроновскими героями. Какой странный человѣкъ этотъ Манфредъ: заберется на какую нибудь пустынную гору и начинаетъ тамъ выть: «мнѣ ску-у-чно! мнѣ у-у-жасно!» Ну, такъ ужъ если образъ Манфреда поддается насмѣшкѣ и при томъ вполнѣ справедливой, то во сколько же разъ смѣшнѣе маленькая фигурка манфредствующаго школяра? Апухтинъ, однако, сохранилъ эту свою позицію до конца и трудно рѣшить, когда онъ былъ болѣе страненъ съ своимъ манфредствомъ отъ нечего дѣлать — въ курточкѣ ли школяра или въ шлафрокѣ лежебока и домосѣда.

Мы остановились относительно такъ долго на отдѣлѣ «юношескихъ стихотвореній» потому, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это самая интересная часть книги. Читая эти стихотворенія, вы не разъ съ удивленіемъ вспомните, что ихъ авторъ 12—18-лѣтній мальчикъ. Да, Тургеневъ и Фетъ были правы, возлагая на этого мальчика большія надежды: онъ началъ такъ, какъ многіе кончаютъ, и эти многіе — всѣ поэты и стихотворцы средней руки. Форма юношескихъ стихотвореній Апухтина въ большинствѣ случаевъ безупречна, а содержаніе ихъ — если забыть на минуту о его несамостоятельности, о его заимствованности—серьезно и даже, такъ сказать, хмуро. Все горе въ томъ, что Апухтинъ какъ началъ, такъ и кончилъ: того постепеннаго роста, того органическаго развитія, которое безъ труда можетъ быть прослѣжено въ исторіи каждаго настоящаго и, въ особенности, первостепеннаго таланта, вы у Апухтина не найдете. Сдѣлаемъ небольшую экскурсію въ область творчества другого поэта, не имѣющаго ничего общаго съ Апухтинымъ.

Ужъ солнце въ горахъ исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая, угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ;

Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.

Это что за вирши такія и откуда?—спроситъ читатель.—Мы увѣрены, что непремѣнно спроситъ, если только онъ не спеціалистъ въ русской словесности. А это, читатель, вирши тоже тринадцатилѣтняго мальчика, но мальчика, который черезъ двѣнадцать лѣтъ вотъ что и вотъ какъ писалъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злоба и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Незачѣмъ продолжать выписку, такъ какъ объ *этомъ* стихотвореніи вы не спросите — чье оно и откуда? Вы его знаете наизусть.

Вотъ этотъ поэтъ не остановился на одномъ мѣстѣ, а шелъ впередъ, не закоченѣлъ въ своемъ ростѣ, а мужалъ и развивался. Обращаясь къ стихотвореніямъ Апухтина зрѣлаго періода, мы находимъ въ нихъ *одинъ* только серьезный мотивъ, совершенно отсутствующій въ «юношескихъ стихотвореніяхъ». Этотъ мотивъ—боязнь смерти, въ связи съ раскаяніемъ за прошлое и съ мучительнымъ сомнѣніемъ за будущее, не за то будущее, которое завтра наступитъ, а за то, о которомъ Гамлетъ раздумывалъ-гадалъ: «Уснуть?—Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?». Слишкомъ понятно, что сомнѣнія и опасенія такого рода не могутъ придти въ голову полнаго силъ юноши, какъ понятно и то, что впечатлительный и болѣзненный, да еще ничѣмъ не занятый, ничѣмъ серьезно не отвлекаемый человѣкъ мало по малу просто приковываетъ свою мысль къ вопросу о концѣ всѣхъ концовъ. На эту тему у Апухтина есть дѣйствительно горячія страницы, прочувствованныя строфы. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ мы считаемъ у него стихотвореніе «Реквіемъ», на которомъ теперь и остановимся. Идея и характеръ стихотворенія выражены въ заглавіи: это плачъ о «новопреставленномъ рабѣ», это молитва объ успокоеніи его «въ селеніяхъ праведныхъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ это и вопросъ, полуотчаянный, полумятежный: зачѣмъ жилъ и зачѣмъ умеръ и въ чемъ виноватъ этотъ человѣкъ? Субъективное значеніе этого стихотворенія подразумѣвается само собою. Вотъ самая сильная и существенная его строфа, содержащая исторію умершаго:

Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ,
Въ это мгновенье ему не сказали:
Выборъ свободенъ,—живи или нѣтъ.
Съ дѣтства твердили ему ежечасно:
Сколько-бъ ни встрѣтилъ ты горя, потерь,
Помни, что въ мірѣ все мудро, прекрасно,
Люди всѣ братья—люби ихъ и вѣрь!
Въ юную душу съ мечтою и думой
Страсти нахлынули мутной волной...
„Надо бороться“ сказали угрюмо
Тѣ, что царили надъ юной душой.
Были усилья тревожны и жгучи,
Но не по силамъ пришлася борьба:
Кто такъ устроилъ, что страсти могучи,
Кто такъ устроилъ, что воля слаба?

Перервемъ на минуту выписку. Вполнѣ ясно, что Апухтинъ говоритъ здѣсь pro domo sua. Такъ вотъ какъ оправдываютъ себя слабыя души, «рабы лѣнивые», какъ называетъ ихъ Евангеліе! Апухтинъ вмѣняетъ себѣ въ оправданіе такія условія рожденія и воспитанія, какимъ съ полнымъ правомъ могли бы позавидовать милліоны людей. Продолжаемъ выписку:

Много любилъ онъ, любовь измѣнила,
Дружба... увы, измѣнила и та,
Зависть къ ней тихо подкралась сначала,
Съ завистью вмѣстѣ пришла клевета.
Скрылись друзья, отвернулися братья...
Господи, Господи, видѣлъ Ты Самъ,
Какъ шевельнулись впервые проклятья
Счастью былому, вчерашнимъ мечтамъ;
Какъ постепенно, въ тоскѣ изнывая,
Видя однѣ лишь неправды земли,
Ожесточалась душа молодая,
Какъ одинокія слезы текли;
Какъ наконецъ, утомяся борьбою,
Возненавидя себя и людей,
Онъ усумнился скорбящей душою
Въ мудрости міра и въ правдѣ Твоей!

Опять надо пріостановиться. Самозащита Апухтина горяча, но неубѣдительна. Поэтъ ожесточился—потому что встрѣтилъ въ жизни зависть и клевету; онъ сталъ проклинать — потому что видѣлъ лишь неправды земли; онъ возненавидѣлъ людей и усумнился въ правдѣ—потому что утомился борьбой! Хороша аргументація! Зависть и клевета въ жизни то же, что грязныя лужи на улицѣ: занятой своимъ дѣломъ человѣкъ просто перешагнетъ черезъ нихъ. Далѣе, *неправды земли* очень многочисленны и разнообразны, но видѣть *только* ихъ значитъ быть полуслѣпымъ. Вотъ злодѣяніе, но вотъ и подвигъ, вотъ эгоизмъ, но вотъ и самоотверженіе, вотъ злоба, но вотъ и любовь, вотъ звѣрь во образѣ человѣческомъ, но вотъ и человѣкъ. Наконецъ, *утомленіе борьбой* ведетъ за со-

бой только потребность въ отдыхѣ. Все это очень странно. Мы вѣримъ искренности «одинокихъ слезъ» поэта, но не можемъ признать уважительными причины, вызвавшія эти слезы. Доканчиваемъ выписку:

Скучной толпой проносилися годы,
Бури стихали, яснѣлъ его путь...
Изрѣдка только, какъ гулъ непогоды,
Память стучала въ разбитую грудь.
Только что тихіе дни засіяли,
Смерть на порогѣ... откуда? зачѣмъ?
Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Онъ повалился недвижимъ и нѣмъ.
Вотъ онъ, смотрите, лежитъ безъ дыханья...
Боже! къ чему онъ родился и росъ?
Эти измѣны, сомнѣнья, страданья,—
Боже, зачѣмъ же онъ ихъ перенесъ!?

Въ чемъ тутъ дѣло? Умеръ человѣкъ—такъ что же? Кай человѣкъ, слѣдовательно, Кай смертенъ. Или онъ умеръ преждевременно, не во время, когда для него «только что тихіе дни засіяли»? Но какіе же это тихіе дни, когда человѣкъ, съ сердцемъ переполненнымъ отвращеніемъ и озлобленіемъ, остается наединѣ съ самимъ собою? Это не тихіе, а мертвые дни, проходящіе въ перепалзываньи нашего отшельника отъ кровати къ кушеткѣ и — иногда—отъ кушетки къ письменному столу. Или суть дѣла заключается въ вопросѣ—«зачѣмъ»? Зачѣмъ страданія, зачѣмъ сама жизнь, если все должно кончиться смертью? Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ занимать и мудреца и глупца. Кантъ писалъ о безсмертіи, но и глупый, вѣчно пьяный капитанъ Лебядкинъ («Бѣсы») говорилъ, что «вся природа, вотъ уже семь тысячъ лѣтъ, безполезно взываетъ къ своему творцу: «*почему*»? Не будучи ни Кантомъ, ни Лебядкинымъ, Апухтинъ ставилъ этотъ вопросъ просто какъ красивую форму для выраженія ощущенія, которое обыкновенный, прозаическій человѣкъ выразилъ бы въ безхитростномъ восклицаніи: ой, жить хочется! ой, смерти боюсь! Въ этомъ настоящій смыслъ «реквіема» и оттого то онъ—едва ли не самое задушевное произведеніе Апухтина.

«Муза безотрадно плакучая» — такъ характеризовалъ самъ Апухтинъ свою собственную музу. Дѣйствительно, у этой музы глаза, какъ говорится, на мокромъ мѣстѣ, но ея обильныя слезы рѣдко внушаютъ участіе. Что намъ ее жалѣть? Она болѣе чѣмъ достаточно сама себя жалѣетъ, только однимъ этимъ почти и занимается. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ... во-вторыхъ, позвольте сказать откровенно, мы никакъ не можемъ забыть, что въ этой интересной страдалицѣ не менѣе семи-восьми пудовъ вѣсу. Богъ ко мнѣ не справедливъ, стонетъ Апухтинъ, жизнь меня истомила, люди меня обманули, стонетъ да невзначай для себя вдругъ и проговорится хоть такимъ напр. признаніемъ:

Я жилъ, какъ многіе, какъ всѣ почти живутъ
Изъ круга нашего, я жилъ для наслажденья;
Работника здоровый трудъ
Мнѣ незнакомъ былъ съ самаго рожденья.

Послѣ этого понятно и другое признаніе, сдѣланное въ томъ же стихотвореніи («Изъ бумагъ прокурора»): «мучительно весь вѣкъ я презиралъ себя». Если Апухтинъ—это очень вѣроятно — подъ «здоровымъ, бодрымъ трудомъ» разумѣлъ трудъ физическій, то это значитъ, что онъ не понималъ своей бѣды. Недостатокъ не физическаго, а настоящаго, не дилетантскаго труда составлялъ главное несчастье его жизни. Апухтинъ былъ писателемъ. Но трудъ писателя—трудъ очень здоровый, если только это дѣйствительный трудъ, т. е. процессъ не для самаго процесса, а для цѣлей, лежащихъ внѣ его. Въ противномъ случаѣ это будетъ не трудъ, а только спортъ, и Апухтинъ съ своимъ мучительнымъ высиживаніемъ рифмъ, эпитетовъ и т. п. былъ именно спортсменомъ словеснаго мастерства. Усилія, употребляемыя спортсменомъ, могутъ быть очень значительны (не угодно ли отмахать верстъ 50 на велосипедѣ или проездѣть часовъ 10 за шахматной партіей), но вся совокупность этихъ усилій все еще не составляетъ труда, какъ не были трудомъ и добросовѣстныя усилія извѣстной мартышки басни. Это трудъ для «наслажденья», для котораго, по собственному признанію, Апухтинъ единственно и жилъ. Не въ матерьяльной обезпеченности заключалась причина дилетантскаго отношенія Апухтина въ литературѣ, а въ его внутренней малосодержательности: Апухтину нечего было сказать. Онъ по недѣлямъ и по мѣсяцамъ отдѣлывалъ какое нибудь стихотвореньице. Не потому, конечно, что это было нужно и важно для духовныхъ интересовъ читателя, а просто потому, что процессъ преодолѣнія техническихъ трудностей доставлялъ ему своеобразное удовольствіе. Льву Толстому, по его собственному свидѣтельству, случалось писать по печатному листу въ сутки. Надрывался онъ такимъ образомъ не изъ за денегъ, конечно, а изъ за нетерпѣливаго желанія скорѣе, скорѣе подѣлиться съ читателемъ своею мыслью. Отъ избытка сердца уста глаголятъ и невысказанная мысль также тяжела для человѣка, какъ и нераздѣленное чувство. А у Апухтина былъ только избытокъ досуга и торопиться ему было не для чего и не для кого. Всегда можно отложить въ долгій ящикъ рѣшеніе вопроса о томъ, какъ назвать вечернюю зарю — палевой или пурпурной.

Вотъ почему въ поэзіи Апухтина такое большое мѣсто занимаетъ его собственная личность. Самъ себя каждый знаетъ, по крайней мѣрѣ каждый интересуется самимъ собою, и если нѣтъ въ запасѣ другихъ наблюденій и идей, то самымъ близкимъ предметомъ для разговора является собственное *я*. А такъ какъ *реальная* личность Апухтина, также какъ и вся его жизнь, вся

судьба, содержали въ себѣ гораздо болѣе прозаическихъ, нежели поэтическихъ элементовъ, то поэту, волей-неволей, приходилось просто натягивать, напускать на себя извѣстныя ощущенія и чувства. Это можно дѣлать, не утрачивая искренности, можно изломать себя самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Мнѣ долго не спится ночью — по правдѣ сказать отъ того, что я наканунѣ проспалъ двѣнадцать часовъ подрядъ—но почему бы мнѣ не подумать, что мнѣ не спится отъ вельтшмерца? Я страдаю отъ одышки, но почему бы мнѣ не увѣрить себя, что я, въ этомъ растлѣнномъ обществѣ, просто дышать свободно не могу? Никто меня не трогаетъ и самъ я на своемъ вѣку курицы не обидѣлъ, но почему бы мнѣ, на досугѣ и отъ скуки, не вообразить, что у меня есть враги, которые мнѣ завидуютъ и на меня клевещутъ, а я самъ питаю къ нимъ демонскую ненависть? Это и безобидно и очень весело и, главное, очень удобно въ литературномъ смыслѣ: какихъ еще темъ для стиховъ нужно? И какая широкая перспектива пріятнѣйшаго «труда» открывается тутъ: вѣдь свои небывалыя обиды я буду излагать не просто, а въ размѣренныхъ строчкахъ, изъ которыхъ на каждую можно убить все скучное передъобѣденное время. При удачѣ, я, совершенно даже незамѣтнымъ для себя образомъ, могу сдѣлаться «литературною знаменитостью».

Эта, наполовину вольная, наполовину невольная, утонченная щепетильность Апухтина по отношенію къ внѣшней формѣ явилась причиною еще одной особенности его поэзіи. Гдѣ тонко, тамъ и рвется, по пословицѣ, и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Апухтина внѣшняя оболочка до того *тонка*, что вмѣсто опредѣленныхъ понятій остаются одни только символы, которымъ вы можете придать смыслъ по своему личному вкусу. Разсмотрѣнное нами выше стихотвореніе «Твоя слеза» принадлежитъ къ этой категоріи. Намъ кажется, что эта возможность самыхъ произвольныхъ перетолкованій вслѣдствіе неопредѣленности и неясности формы, сослужила популярности Апухтина своего рода службу: подъ сѣнью его символовъ могли собираться самые различные люди и всѣ они одинаково являются почитателями поэта. Приведемъ одинъ только, но за то яркій примѣръ, знаменитыя «Ночи безумныя, ночи безсонныя». Что вы находите въ этомъ стихотвореніи? Чужая душа—потемки и я за васъ отвѣчать не берусь. Но за себя я отвѣчу: ничего, кромѣ безсмыслицы, я въ этомъ наборѣ созвучій не усматриваю. Безумныя, безсонныя ночи «заглушаютъ вкрадчивымъ шопотомъ шумные дневные звуки и въ тихую ночь отгоняютъ отъ меня сонъ»—ничѣмъ, какъ только чепухой, я эту фразу назвать не могу. Однако это безсмысленное стихотвореніе сдѣлалось въ Петербургѣ модньшъ романсомъ, который былъ особенно популяренъ между посѣтителями загородныхъ ресторановъ и занялъ почетное мѣсто въ цыганскомъ репертуарѣ. Что такое могла представлять себѣ какая нибудь Стеша или Матреша, когда

выводила хотя бы этотъ туманно-метафизическій стихъ: «въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго»? Мы не сомнѣваемся, однако, что представленіе Стеши было вполнѣ отчетливо: оно опредѣлялось первыми двумя стихами романса, совершенно отвѣчавшими и разумѣнію Стеши, и ея привычной обстановкѣ. «Ночи безсонныя, рѣчи несвязныя, взоры усталые»—точь-въ-точь такъ и бываетъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ, когда пріѣзжаютъ «хорошіе господа». Въ слѣдующую за этими двумя стихами неудобопонятную декаденщину самъ собою вкладывался подходящій обстоятельствамъ смыслъ и популярность романса только возростала. Таковы ужъ прерогативы символизма, и это понятно. Дважды два равняется четыремъ и никто никогда ничего съ этой формулой не подѣлаетъ, никакого другого результата изъ нея не получитъ. Но математическій символъ—нуль, дѣленный на нуль — предоставляетъ вамъ полную свободу избрать для частнаго какое угодно число. То же самое и въ литературѣ—если только тутъ можно говорить о литературѣ. Титулярный совѣтникъ Поприщинъ, написавшій въ своемъ дневникѣ: «нѣкотораго числа; день былъ безъ числа» былъ первымъ русскимъ символистомъ.

Мы позволимъ себѣ пройти мимо тѣхъ, довольно многочисленныхъ, стихотвореній Апухтина, въ которыхъ, какъ водится, воспѣвается «она». Эта каторжная «она», съ которой, впрочемъ, теперь ужъ не нейремѣнно рифмуетъ «луна», какъ въ доброе старое время, надоѣла до такой степени, что говорить о ней нѣтъ силъ, худо ли, хорошо ли про нее написано. Апухтинъ пишетъ про нее хорошо, звучно, красиво, но, къ сожалѣнію, не всегда умно. Такъ, въ довольно большой поэмѣ «Годъ въ монастырѣ», поэмѣ, превозносимой почитателями Апухтина, какъ настоящее художественное произведеніе, идетъ пространная рѣчь о какомъ то свѣтскомъ человѣкѣ, разочаровавшемся во всѣхъ и во всемъ и намѣревающемся навсегда заключить себя въ монастырѣ, подальше отъ грѣха. Онъ уже прожилъ въ монастырѣ цѣлый годъ; онъ уже готовится къ постриженію; онъ уже восклицаетъ:

Засни же, сердце! Молодости милой
Не поминай! Окончена борьба...
О, Господи, теперь прости, помилуй,
Мятежнаго, безумнаго раба!

Все было хорошо, благочинно и благолѣпно, но вмѣшалась «она»— и все пошло прахомъ. «Она» оказалась гораздо посильнѣй монастыря:

Она меня зоветъ! Какъ съ неба громъ нежданный
Среди холоднаго и пасмурнаго дня,
Пять строкъ ея письма упали на меня...
. . . . . .
Скорѣе въ путь! она меня зоветъ!

И герой убѣгаетъ изъ монастыря наканунѣ своего постриженія. Вотъ какъ, значитъ, вообще неотразима «она»! Бѣдные мужчины!

III.

Въ самые послѣдніе годы своей жизни (1890—93) Апухтинъ, къ большой радости своихъ друзей, неожиданно заявилъ себя прозаикомъ. Въ 1890 г. онъ написалъ повѣсть «Изъ архива графини Д.», въ 91 г. «Дневникъ Павлика Дольскаго» и въ 92-мъ «Между смертью и жизнью». «Въ его собственномъ чтеніи, разсказываетъ г. Чайковскій, всѣ три вещи имѣютъ огромный успѣхъ среди слушателей самаго разнообразнаго рода. Но никакіе восторженные отзывы людей компетентныхъ, никакія просьбы и уговариванія издателей не могутъ вызвать у Апухтина согласія на напечатаніе ихъ».

Прозаикомъ Апухтинъ оказался весьма изряднымъ, хотя, конечно, ужъ очень то умолять его осчастливить русскую литературу напечатаніемъ своихъ повѣстей—не стоило. Намъ неизвѣстна степень компетентности тѣхъ «компетентныхъ людей», которые дали объ этихъ повѣстяхъ «восторженные отзывы», но несомнѣнно, что это были очень любезные люди. Дѣло въ томъ, что повѣсти Апухтина написаны очень тщательно, но надъ среднимъ уровнемъ нашей текущей журнальной беллетристики онѣ едва ли возвышаются. Онѣ скомпанованы стройнѣе (слава Богу, было время у автора: по году на небольшую повѣсть!), нежели наши обычныя повѣсти, безъ всякой помпы ежемѣсячно появляющіяся въ журналахъ, но онѣ не выше ихъ ни по замыслу, ни по развитію темы, ни по обрисовкѣ характеровъ. Въ повѣсти «Изъ архива графини Д.» изображаются люди и нравы свѣтскихъ кружковъ; причемъ ничего новаго мы отъ Апухтина не узнаемъ. Конечно, Апухтинъ не какой-нибудь г. Авсѣенко и не славословитъ своихъ героевъ и героинь за ихъ титулы и гербы, онъ относится къ нимъ съ свободною, добродушно-веселою ироніей, но, собственно говоря, это и все. «А вы чего же бы еще хотѣли?»—спроситъ читатель. Намъ прежде всего хотѣлось бы немножко поменьше флегматичности со стороны автора, который иронизировать то иронизируетъ, но какъ то такъ, что никто не въ обидѣ. Развратники и развратницы представляются почти что только шалунами и шалуньями, интриганство и пройдошество — дѣломъ житейскимъ, безъ котораго, право же, нельзя, даже прямая уголовщина является чѣмъ то въ родѣ забавнаго приключенія. Веселая повѣсть! Въ самомъ дѣлѣ веселая: читая ее, вы много разъ искренно разсмѣетесь, потому что юморъ добродушнаго автора заразителенъ и только спустя нѣкоторое время, вы спросите себя: «чего я смѣялся? надъ собой смѣялся!» Но тутъ ужъ Апухтинъ не виноватъ, а виноваты наши литературныя традиціи. Апухтинъ не могъ желать производить такое же впечатлѣніе, какое производили «слабѣйшія» (см. выше) произведенія Гоголя.

Для цѣлей характеристики гораздо болѣе матеріала даетъ повѣсть «Дневникъ Павлика Дольскаго». Мы находимъ въ ней, въ прозаическомъ изложеніи, тѣ самыя мысли, которыя разсматривали въ стихотвореніи «Реквіемъ». Вотъ примѣръ: «Жилъ былъ на свѣтѣ человѣкъ, котораго знакомые звали Павликомъ Дольскимъ. Онъ не сдѣлалъ въ жизни особеннаго зла, но и добра у него было немного. Былъ онъ, по правдѣ сказать, довольно пустой человѣкъ. Но, все-таки, онъ занималъ, какъ человѣкъ, свое опредѣленное мѣсто, мозгъ его работалъ, сердце горячо и усиленно билось. Онъ много передумалъ и перечувствовалъ, часто желалъ и надѣялся; еще чаще страдалъ и ошибался. Главная бѣда его состояла въ томъ, что онъ ничего не дѣлалъ и слишкомъ долго считалъ себя молодымъ. И вотъ, когда онъ въ этомъ разубѣдился и захотѣлъ хоть немного осмыслить свою жизнь, ему сказали: нѣтъ, теперь поздно. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ жаль бѣднаго Павлика, котораго, *не спросясь его согласія, пустили на свѣтъ Божій и котораго безъ всякой вины высылаютъ обратно*». Въ послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами словахъ, выражена самая задушевная мысль Апухтина, мысль прекурьезная и прехарактерная. Зачѣмъ у Апухтина не спросили, хочетъ ли онъ жить, когда онъ родился? Зачѣмъ у него не спрашиваютъ теперь—согласенъ ли онъ умереть? Никакой вины за нимъ нѣтъ—и такая жестокость, такая несправедливость! Говорить объ этой мысли, какъ о *мысли*, очевидно нѣтъ возможности; о ней можно судить какъ о поэтической фикціи или какъ о нравственномъ признакѣ. И мы невольно восклицаемъ: Боже, до чего былъ избалованъ этотъ человѣкъ! Онъ считалъ несправедливостью по отношенію къ себѣ то, что составляетъ удѣлъ всѣхъ людей безъ исключенія. Баловень жизни, онъ хотѣлъ бы быть и баловнемъ смерти, хотѣлъ бы приказывать ей и также пушить и распекать ее, какъ онъ распекалъ жизнь. «Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ жаль этого бѣднаго Павлика»,—говоритъ Апухтинъ. Не знаю какъ другимъ, а мнѣ очень мало жаль этого Павлика, потому что я памятую о милліонахъ другихъ Павликовъ, которымъ жизнь совсѣмъ не ворожила, какъ любящая бабушка, и которые, тѣмъ не менѣе, не проклинали ее, а работали для нея, не капризничали, не привередничали, не кричали во всеуслышаніе: не хочу въ ворота, разбирай заборъ! И какая, замѣтьте, у апухтинскаго Павлика чрезмѣрная снисходительность къ себѣ: въ своемъ бездѣльи онъ видитъ только свою «главную бѣду» и не хочетъ понять, что тутъ заключается его главная *вина*.

Предсмертная повѣсть Апухтина «Между смертью и жизнью» написана на тему о переселеніи душъ... Очень ужъ хотѣлось бѣдному, робкому человѣку хоть чѣмъ-нибудь утѣшить и пріободрить себя въ виду наступившаго грознаго разсчета! Я не знаю въ точности, какъ понимается и истолковывается эта замысловатая идея ея адептами, т. е. допускаютъ ли они переселеніе человѣческихъ

душъ въ тѣла животныхъ или только въ тѣла людей же, но что касается собственно Апухтина, то онъ принималъ ее только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. И резонно: что за радость, что за утѣшеніе вообразить свою душу въ тѣлѣ какого-нибудь гиппопотама, что ли? Довольно и того, что Апухтинъ согласенъ на переселеніе своей души въ тѣло даже не благорожденнаго субъекта: его умершій князь чувствуетъ себя возродившимся въ лицѣ новорожденнаго ребенка своего лакея. Для Апухтина и такая уступка была подвигомъ. Если бы попросить Апухтина отвѣтить по совѣсти—чего онъ собственно хочетъ, на чемъ онъ могъ бы успокоиться, онъ долженъ былъ бы сказать: «я желаю лежать на своемъ диванѣ и проклинать въ стихахъ жизнь столько тысячъ лѣтъ, сколько мнѣ захочется. Этого нельзя, вы говорите? Ну, значитъ въ мірѣ нѣтъ ни мудрости, ни благости, ни справедливости и я погибаю жертвою грубаго насилія». Такова философія этой новоявленной «литературной знаменитости» нашей.

М. Протопоповъ.

Изъ Австріи.

Корреспонденту изъ Германіи, Франціи или Англіи очень часто приходится говорить о выдающихся явленіяхъ литературной жизни этихъ странъ, соперничающихъ изъ-за культурнаго первенства въ цивилизованномъ мірѣ. Изъ Австріи писать о литературѣ довольно трудно, потому что литературы всѣхъ австрійскихъ народностей очень рѣдко представляютъ что нибудь замѣчательное.

Австрійскіе нѣмцы за все текущее столѣтіе не дали общенѣмецкой литературѣ и полутора десятка выдающихся второстепенныхъ писателей, не говоря уже совершенно о первоклассныхъ; этими послѣдними австрійскіе нѣмцы совершенно не могутъ похвастаться. Современная «молодая Австрія» не обладаетъ ни Гауптманами, ни Зудерманами, ни Лиліенкронами. Единственный ея талантливый представитель, блестящій, остроумный, хотя и крайне парадоксальный беллетристъ и критикъ—Германъ Баръ—одинъ изъ сотрудниковъ «Die Zeit», гораздо болѣе извѣстенъ и лучше оцѣненъ въ Германіи, чѣмъ у себя на родинѣ. Подающій большія надежды поэтъ Лорисъ еще юноша, литературная физіономія котораго очень неясна. Изъ него можетъ выработаться блестящій поэтическій талантъ, но это только современемъ; пока же онъ ни что иное, какъ начинающій молодой поэтъ. Вообще нельзя не замѣтить, что интересъ къ литературѣ у австрійскихъ нѣмцевъ довольно слабъ. Пи-

таясь тѣмъ, что вырабатываетъ у себя Германія, австрійскіе нѣмцы до сихъ поръ не почувствовали даже потребности въ своемъ собственномъ серьезномъ литературномъ органѣ. Лучшій нѣмецкій журналъ въ Австріи, «Die Zeit», хотя и удѣляетъ мѣсто беллетристикѣ и литературно-художественной критикѣ, однако имѣетъ, главнымъ образомъ, политико-соціальный характеръ. Къ тому же этотъ журналъ трудно назвать австрійскимъ въ строгомъ смыслѣ. Пробѣжавъ глазами списокъ его сотрудниковъ, мы найдемъ въ немъ гораздо больше не только германскихъ нѣмцевъ, но даже англичанъ и, пожалуй, французовъ, чѣмъ австріяковъ. Другой новый австрійскій органъ «Neue Revue» удѣляетъ литературѣ еще меньше мѣста, нежели «Die Zeit».

Венгры, народъ, всецѣло входящій въ составъ монархіи Габсбурговъ и добившійся почти полной политической самостоятельности и независимости отъ Австріи (Цислейтаніи), на поприщѣ литературы ничѣмъ не заявляютъ о своихъ культурныхъ успѣхахъ. Петефи, Арани, Вересмарти—тройка корифеевъ мадьярской національной поэзіи—давно въ гробу. На смѣну же имъ до сихъ поръ еще никто не явился. Старикъ Мавро Йокай—этотъ венгерскій Крашевскій—давшій мадьярской публикѣ безчисленное количество романовъ, въ концѣ исписался, а молодой разсказчикъ Коломанъ Миксатъ (Kalman Mikszat), талантъ, венграми сильно рекламируемый и раздуваемый, рѣшительно ничего оригинальнаго не представляетъ.

Галиція является центромъ польской научной дѣятельности. Два университета и академія наукъ группируютъ вокругъ себя большую часть современныхъ польскихъ ученыхъ. Одна краковская академія ежегодно выпускаетъ въ свѣтъ нѣсколько десятковъ томовъ различныхъ сборниковъ, ученыхъ записокъ, монографій и изслѣдованій. Однако центромъ польской литературы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова является по прежнему Варшава, а галиційская публика читаетъ или варшавскія изданія, или галиційскія перепечатки произведеній польскихъ писателей. Галиція дала польской литературѣ послѣдняго времени только извѣстнаго польскаго беллетриста-сатирика Яна Ляма. Талантливѣйшій современный польскій поэтъ—Адамъ Асникъ—хотя и пишетъ и печатаетъ свои стихотворенія преимущественно въ Галиціи, но онъ все-таки не галичанинъ по происхожденію. Изъ современныхъ молодыхъ польско-галиційскихъ писателей только одинъ Владиславъ Недзвѣдзкій заслуживаетъ вниманія по оригинальности своего таланта.

Другая галиційская литература—русинская—еще не скоро станетъ литературой въ полномъ смыслѣ этого слова. Три четверти художественно-литературныхъ произведеній, печатающихся въ Галиціи—это труды украинцевъ, а не галичанъ. Единственный талантливый малорусскій поэтъ и беллетристъ въ Галиціи, извѣстный отчасти и русской публикѣ, Иванъ Франко. Но и онъ въ послѣднее время перешелъ на почву научной дѣятельности, а его новѣйшіе белле-

тристическія произведенія нельзя назвать удачными въ сравненіи съ прежними, особенно мелкими разсказами и такими чудными стихотвореніями, какъ напр., «Каменьщики», «Идиллія», «Журавли» и другія.

О литературахъ словаковъ, словинцевъ и даже хорватовъ можно сказать только одно: это литературы мѣстныя, литературы для домашняго обихода, не имѣющія никакого значенія внѣ предѣловъ Хорватіи или Словаччины. Безспорно и въ нихъ могутъ появляться талантливыя вещицы, но это нисколько не измѣняетъ общаго характера подобныхъ литературъ.

Остается единственный народъ, который точно такъ же, какъ и венгры, всецѣло входитъ въ составъ Австрійской имперіи, но который въ культурномъ отношеніи оставилъ венгровъ далеко за собой. Мы говоримъ о чехахъ, которые въ настоящее время являются несомнѣнно самой культурной народностью Австріи, народностью, привлекающею къ себѣ всеобщее вниманіе. Вся Австрія пытливо слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ земляхъ короны св. Вацлава. Результаты послѣднихъ выборовъ въ пражскій ландтагъ, снесшихъ съ лица земли остатки могущественной нѣкогда старочешской партіи; перемѣна въ отношеніяхъ новаго правительства гр Бадени къ требованіямъ чешскаго народа; отставка намѣстника Чехіи гр. Туна и борьба младочешскихъ депутатовъ съ этимъ послѣднимъ въ пражскомъ ландтагѣ—все это въ высшей степени возбуждаетъ интересъ австрійскаго общества. Всѣхъ занимаетъ политическая жизнь маленькаго чешскаго народа, но мало кто знакомъ съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое развивается въ Чехіи рядомъ съ политическимъ.

Только въ самое послѣднее время въ австрійской печати стали появляться извѣстія о томъ, что дѣлаютъ чехи на поприщѣ культуры, къ чему стремится ихъ литература, изъ-за чего ведутъ борьбу представители различныхъ направленій въ чешской критикѣ и публицистикѣ. Со времени чешской этнографической выставки, которая была блестящимъ доказательствомъ культурныхъ успѣховъ чешскаго народа даже по свидѣтельству самыхъ нѣмецкихъ шовинистовъ, нѣмцы поняли, что пора перестать относиться къ чехамъ, какъ къ «варварамъ», а нужно признать ихъ высококультурнымъ и развитымъ народомъ.

Умственная жизнь современнаго чешскаго общества представляетъ очень много интереснаго. До недавняго времени всѣ интеллигентныя силы чешской націи были заняты почти исключительно политической борьбой, борьбой съ наступающимъ со всѣхъ сторонъ германскимъ элементомъ, который не только тормазилъ правильное развитіе чешскаго народа, но и серьезно угрожалъ самому его существованію. Много нужно было истратить силъ на эту борьбу, чтобы предотвратить опасность денаціонализаціи. Въ настоящее время эта опасность почти миновала. Никто уже не сомнѣвается

въ томъ, что въ неравной борьбѣ чеховъ съ нѣмцами побѣдили первые. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ Прага была чисто нѣмецкимъ городомъ, теперь же нѣмецкій элементъ играетъ въ ней сравнительно ничтожную роль. То же самое произошло и съ другими чешскими городами. Въ настоящее время борьба ведется только на окраинахъ чешской этнографической территоріи, да въ областяхъ со смѣшаннымъ чешско-нѣмецкимъ населеніемъ, но острый періодъ этой борьбы миновалъ.

Убѣдившись въ томъ, что уже существованію чешской народности ничто не угрожаетъ, чехи принялись за свое внутреннее развитіе. Молодое поколѣніе, которое уже не переживало той отчаянной политической и національной борьбы, какую вынесли на своихъ плечахъ его отцы, не могло не замѣтить, что чешское общество сильно отстало въ культурномъ отношеніи отъ западно-европейскаго и что нужно употребить много усилій, чтобы догнать его и сравняться съ нимъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ замѣчается радикальный поворотъ въ настроеніи чешскаго общества. Молодежь все громче и громче начинаетъ заявлять протестъ противъ формальнаго націонализма старшаго поколѣнія, во имя прогресса и стремленій къ общечеловѣческимъ идеаламъ. Представители «молодыхъ» начинаютъ критически относиться къ различнымъ явленіямъ чешской жизни, низвергать всѣми признанные національные авторитеты, искать новыхъ путей въ политикѣ и въ искусствѣ и въ наукѣ. Въ политикѣ старочешская программа перестаетъ удовлетворять «молодыхъ»; ихъ не удовлетворяетъ и дѣятельность младочеховъ, смѣнившихъ прежнихъ вождей народа. На сцену выступаетъ такъ называемая прогрессистская партія, которая отрицательно относится къ довольно радикальнымъ требованіямъ младочеховъ и выставляетъ еще болѣе радикальныя. Научный споръ изъ-за подлинности пресловутыхъ Краледворской и Зеленогорской рукописей заканчивается совершеннымъ пораженіемъ сторонниковъ подлинности. Въ литературѣ начинаютъ появляться произведенія, не похожія нисколько на то, чѣмъ питалось старшее поколѣніе чешскаго общества.

«Старые» энергически выступили противъ «молодыхъ», обвиняя ихъ въ космополитизмѣ, въ измѣнѣ святымъ національнымъ идеаламъ; «молодые» не замедлили, не стѣсняясь, отвѣтить «старымъ», доказывая, что эти послѣдніе не понимаютъ требованій, предъявляемыхъ новыми условіями чешской жизни и т. д. Разладъ между «старыми» и «молодыми» все усиливается. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть и сравнить содержаніе такихъ органовъ «отцовъ», какъ «Lumir», «Osveta, «Zlata Praha» съ органами «дѣтей»: «Rozhledy», «Niva», «Moderni Revue». Въ первыхъ еще вполнѣ господствуетъ идеалистическій романтизмъ. Не только натурализмъ, но даже реализмъ считается ими чѣмъ то дикимъ, отвратительнымъ, невозможнымъ. Во-вторыхъ мы нерѣдко

встрѣчаемся съ проявленіями крайняго натурализма, символизма и декадентства. Противъ прежнихъ литературныхъ направленій выступаютъ новыя, самыя различныя по своему характеру. Всѣ они являются отраженіемъ той литературной эволюціи, которую переживаетъ европейскій западъ. Молодое поколѣніе чешскихъ писателей внимательно слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается на западѣ, и старается перенести на чешскую почву все то, что волнуетъ умы западно-европейскихъ обществъ. Оно нерѣдко вовсе не обращаетъ вниманія на то, что чешская почва сильно отличается отъ западноевропейской, что умственное развитіе чешскаго общества шло совершенно иными путями.

Собственно говоря, чешская литература существуетъ всего около столѣтія, такъ какъ чешская народность только въ концѣ XVIII столѣтія начала возрождаться. Почти всѣ литературныя традиціи добѣлогорской эпохи чешской письменности были прерваны. Только политико-соціальныя реформы Іосифа II пробудили чешскую національность къ новой жизни, которая развивалась крайне медленно. Извѣстный аббатъ Добровскій, положившій основаніе научному изслѣдованію чешскаго языка, не предполагалъ, чтобы чешская народность когда-нибудь вновь ожила, и старался только сохранить съ научной цѣлію звуки и формы того языка, на которомъ уже вскорѣ, какъ онъ думалъ, никто не будетъ говорить. Еще въ 30-хъ годахъ этого столѣтія одинъ изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей Чехіи говорилъ своимъ немногочисленнымъ товарищамъ: «обвались въ одинъ прекрасный день потолокъ ресторана, въ которомъ мы ежедневно собираемся, и чешская литература лишится всѣхъ своихъ представителей». Крайне медленно возрастало количество чешской интеллигенціи, состоявшей первоначально почти исключительно изъ сельскихъ священниковъ и народныхъ учителей. Только въ 40-хъ годахъ чешскій языкъ проникаетъ въ школу. Еще позже появляется чешскій театръ. Событія 1848 года значительно ускоряютъ національное развитіе чеховъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно вліяютъ на ростъ чешской публицистики и литературы.

Только со времени введенія конституціи 1867 г. чешскій народъ могъ начать развиваться нормально, но и то только въ политическомъ отношеніи, такъ какъ внутреннему, культурному развитію мѣшала національная борьба съ нѣмцами.

Понятно, что такой ходъ развитія чешской интеллигенціи долженъ былъ оставить неизгладимую печать на интеллектуальной физіономіи чеховъ и на ихъ литературѣ. До 60-хъ годовъ чешская литература развивалась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣмецкой. Чешская поэзія имѣла слащаво идиллическій характеръ и была насквозь проникнута патріотическими тенденціями. Въ 60-хъ годахъ выступили на сцену поэты-романтики съ Витезславомъ Галекомъ и Яномъ Нерудой во главѣ. У многихъ чешскихъ романтиковъ замѣчается реакція противъ узкаго націонализма, но реакція эта вы-

ражается въ томъ, что они замѣняютъ трескучія патріотическія фразы безпочвеннымъ космополитизмомъ, лишеннымъ всякихъ чешскихъ чертъ. Только очень немногіе изъ нихъ выступаютъ въ качествѣ *чешскихъ* поэтовъ, которымъ не чужды общечеловѣческіе идеалы и стремленія. Романтическая школа почти на 30 лѣтъ овладѣла чешской поэзіей, а эпигоны романтиковъ, какъ напр. Врхлицкій, Чехъ, Зейеръ и др., и до сихъ поръ играютъ въ чешкой литературѣ очень выдающуюся роль.

Изъ всѣхъ родовъ литературы въ Чехіи достигла высшаго развитія главнымъ образомъ поэзія. Изъ современныхъ чешскихъ поэтовъ самой широкой извѣстностью пользуется Ярославъ Врхлицкій (псевдонимъ; настоящая его фамилія Фрида). Это безспорно самый выдающійся талантъ среди чешскихъ поэтовъ старшаго поколѣнія, но извѣстность пріобрѣлъ онъ, главнымъ образомъ, благодаря не качеству своихъ поэтическихъ работъ, а ихъ количеству. Плодовитость его прямо баснословна. Достаточно сказать, что до сихъ поръ вышло болѣе сорока довольно объемистыхъ сборниковъ его оригинальныхъ произведеній. Эта плодовитость съ каждымъ годомъ, кажется, все усиливается; не проходитъ пяти-шести мѣсяцевъ, чтобы Врхлицкій не подарилъ чешскую публику новымъ сборникомъ своихъ стихотвореній. Мало того, въ послѣднее время онъ рьяно принялся переводить выдающіяся произведенія европейской литературы. Онъ переводитъ съ нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, провансальскаго, каталонскаго и польскаго языковъ, при томъ произведенія самаго различнаго характера, какъ напр. «Божественную комедію» Данте, «Неистоваго Орланда» Аріосто, «Фауста» Гете, «Поминки по усопшимъ», Мицкевича, стихотворенія французскихъ поэтовъ, начиная съ Гюго, Ламартина, Мюссе и кончая Бодлэромъ и Верлэномъ, антологію итальянской лирики и т. д. Кромѣ этого онъ состоитъ профессоромъ пражскаго университета, гдѣ читаетъ лекціи по исторіи всеобщей литературы, печатаетъ статьи по тому же предмету въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, принимаетъ участіе въ дѣятельности литературныхъ обществъ, читаетъ публичныя лекціи и т. д. Только удивляться приходится, когда Врхлицкій успѣваетъ справляться со всѣмъ этимъ. Вполнѣ понятно, что такая лихорадочная дѣятельность должна была отразиться на достоинствѣ его произведеній. Что касается стихотворной формы, то Врхлицкій довелъ ее до высшей степени совершенства, и въ этомъ отношеніи заслуга его очень велика. Онъ, можно сказать, является творцомъ чешскаго стихотворнаго языка, который до появленія Врхлицкаго былъ еще орудіемъ мало обработаннымъ. Въ настоящее время всѣ многочисленные чешскіе поэты, не исключая и самыхъ талантливыхъ изъ нихъ, пользуются плодами долголѣтнихъ трудовъ Врхлицкаго. Но чрезвычайная плодовитость Врхлицкаго сильно повредила внутреннему, идейному достоинству его произведеній. Если у Врхлицкаго были когда-нибудь задатки самостоятель-

ности, оригинальности, то онъ убилъ ихъ въ самомъ зародышѣ, превратилъ свой талантъ въ простое зеркало, отражающее всевозможные литературные образцы.

Поспѣшность мѣшаетъ Врхлицкому серьезно поработать надъ внутреннимъ содержаніемъ своихъ произведеній, переварить различныя вліянія и, вслѣдствіе этого, всѣ его произведенія имѣютъ не только мало оригинальный, но прямо эклектическій характеръ. Это особенно непріятно поражаетъ въ тѣхъ его твореніяхъ, которымъ онъ хотѣлъ придать серьезный философскій характеръ, въ которыхъ онъ желалъ высказать свое *credo*, какъ напр. въ «Твардовскомъ». Эта поэма пріобрѣла характеръ неорганической смѣси самыхъ различныхъ, часто даже противуположныхъ взглядовъ—Гете съ одной стороны, и Красинскаго и Мицкевича съ другой—взглядовъ, которыхъ Врхлицкій даже не уяснилъ себѣ какъ слѣдуетъ. Читая стихотворенія Врхлицкаго, вы постоянно видите передъ собою тѣ образцы, которые на него вліяли; образцы эти не всегда принадлежатъ къ шедеврамъ—на Врхлицкаго вліяютъ и второ и третьестепенные писатели, преимущественно французскіе. Въ сущности Врхлицкій довольно талантливый, хотя и не глубокій лирикъ съ сильной эротической струной, съ не широкимъ философскимъ кругозоромъ, съ легкой наклонностью къ декадентству, въ совершенствѣ владѣющій стихотворной формой, но лишенный всякой самостоятельности и оригинальности, чѣмъ и объясняется его крайне ограниченное вліяніе на молодыхъ чешскихъ поэтовъ. Слабое вліяніе Врхлицкаго объясняется еще и тѣмъ, что онъ ничѣмъ не соединенъ съ той чешской почвой, на которой ему приходится работать; для него какъ будто совершенно не существуетъ та соціальная и національная борьба, которую ведетъ чешскій народъ.

Совсѣмъ не то другой чешскій поэтъ Святополкъ Чехъ, нѣкоторыя изъ произведеній коего, впрочемъ, исключительно прозаическія, извѣстны и русской публикѣ. Святополкъ Чехъ въ настоящее время самый популярный изъ чешскихъ поэтовъ, несмотря на то, что по силѣ таланта онъ уступаетъ Врхлицкому. Эту популярность снискалъ онъ себѣ отзывчивостью на все, что волновало и возбуждало весь чешскій народъ. Не слѣдуетъ думать, что Чехъ узкій націоналистъ или даже шовинистъ. Нисколько. Онъ только умѣетъ примирять космополитическіе элементы съ національными, умѣетъ облекать космополитическое и общечеловѣческое въ національно-чешскую форму. Его произведенія проникнуты прогрессивнымъ искренно-демократическимъ духомъ.

Въ концѣ 1894 года Чехъ издалъ небольшой сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Пѣсни раба» («Pisnie otroka»), который надѣлалъ очень много шума. Это было какъ разъ въ то время, когда въ Прагѣ и въ ея окрестностяхъ царствовало осадное положеніе и когда все чешское общество было до глубины души возмущено крайне тенденціознымъ процессомъ т. н. «Омладины». Чехъ

въ своихъ «Пѣсняхъ отрока» представилъ въ аллегорической формѣ страданія чешскаго народа, причемъ соціальный элементъ этихъ страданій такъ тѣсно былъ связанъ съ національнымъ, что получался поистинѣ грандіозный эффектъ. Прокуратура, бдительно слѣдившая за всѣмъ, что писалось въ органахъ чешской печати, на этотъ разъ оплошала и не сочла нужнымъ конфисковать сборникъ Чеха. Между тѣмъ первое изданіе «Пѣсенъ раба» было раскуплено втеченіе трехъ-четырехъ дней. Со вторымъ, третьимъ, четвертымъ и пятымъ произошло то же самое. Такъ какъ «Пѣсни отрока» стали покупаться и рабочими, то издатель пустилъ въ обращеніе спеціальное дешевое изданіе. Австрійскія власти были сильно смущены такимъ успѣхомъ этихъ стихотвореній. Чиновникъ прокуратуры, пропустившій ихъ, не конфисковавъ, былъ уволенъ. Вѣсть о небываломъ успѣхѣ «Пѣсенъ раба» дошла и до Вѣны. Вѣнскій органъ рабочихъ «Arbeiter Zeitung»—помѣстилъ переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ этого сборника. Для императора Франца Іосифа былъ приготовленъ спеціальный переводъ, и намѣстникъ Чехіи графъ Тунъ переживалъ очень непріятныя минуты, тѣмъ болѣе, что въ Чехіи «Пѣсни раба» привели къ внушительнымъ, хотя и мирнымъ демонстраціямъ. Втеченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ разошлось болѣе десяти изданій этого сборника. Лучшія и болѣе сильныя изъ напечатанныхъ въ немъ стихотвореній стали декламироваться на собраніяхъ молодежи и рабочихъ. Многочисленныя въ Чехіи общества молодежи и рабочихъ избрали Святополка Чеха въ почетные члены, ему присылались со всѣхъ сторонъ благодарственные адресы, въ его скромное жилище стекались отовсюду депутаціи съ подарками, приводя въ не малое замѣшательство скромнаго нелюдимаго поэта, который жилъ въ одномъ изъ предмѣстій Праги почти за городомъ, не принимая участія въ общественной жизни, нигдѣ не бывая. Не привыкшій къ такимъ восторженнымъ и шумнымъ овапіямъ, Чехъ въ одинъ прекрасный день рѣшилъ попросту сбѣжать отъ своихъ поклонниковъ и уѣхалъ на время въ Италію. Однако этимъ не закончился рядъ демонстративныхъ торжествъ. Младочешская партія, къ которой принадлежитъ Чехъ, рѣшила увѣнчать всѣ овапіи избраніемъ поэта въ депутаты, чтобы такимъ образомъ показать правительству, что не только горсть молодежи и соціалисты-рабочіе сочувствуютъ высказаннымъ въ «Пѣсняхъ отрока» мыслямъ, что ихъ раздѣляетъ все чешское общество. Какъ разъ въ то время были объявлены дополнительные выборы въ одномъ изъ чешскихъ избирательныхъ округовъ, и творецъ «Пѣсенъ раба» оказался избраннымъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ... Чехъ сложилъ черезъ нѣсколько дней депутатскія полномочія, такъ какъ онъ никогда не считалъ себя способнымъ къ политической дѣятельности и только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ согласился выставить свою кандидатуру, но дѣло было сдѣлано, демонстрація совершилась, и правительство узнало, каково дѣйствительное настроеніе всего

чешскаго общества. Въ настоящее время «Пѣсни раба» вышли уже 25 изданіемъ.

Врхлицкій, Чехъ и многіе другіе группирующіеся вокругъ нихъ поэты и поэтессы пользуются популярностью въ довольно широкихъ кругахъ чешской публики. Но популярность эта уже далеко не такова, какой она была прежде. Ихъ произведенія подвергаются строгой критикѣ, такъ какъ молодое поколѣніе уже не довольствуется тѣмъ, что находитъ въ ихъ стихотвореніяхъ. Успѣхъ «Пѣсенъ раба» объясняется исключительными условіями, при которыхъ они появились. Остальныя произведенія Чеха читаются все меньше и меньше. Еще менѣе удовлетворяетъ молодую чешскую публику эклектизмъ Врхлицкаго, и очень строгая оцѣнка литературной дѣятельности этого послѣдняго, данная проф. Масарикомъ, встрѣтила всеобщее сочувствіе молодежи, вызвавъ, разумѣется, бурю негодованія со стороны «старыхъ». Молодое поколѣніе чешскихъ поэтовъ, драматурговъ и романистовъ ищетъ новыхъ путей, не удовлетворяясь старыми образцами. Во главѣ молодыхъ чешскихъ поэтовъ стоитъ Янъ Махаръ, талантъ безъ сомнѣнія очень выдающійся, который, не смотря на очень кратковременную свою дѣятельность, обратилъ на себя всеобщее вниманіе. О Махарѣ мы будемъ говорить далѣе. Въ сторонѣ стоятъ чешскіе декаденты. Эта довольно многочисленная группа молодыхъ чешскихъ писателей сосредоточилась вокругъ мѣсячника «Moderni Revue», который началъ выходить въ 1895 г. Хотя нѣкоторые элементы декадентизма можно замѣтить и у Врхлицкаго и у другихъ чешскихъ поэтовъ - романтиковъ старшаго поколѣнія, какъ напр. у Ярослава Кванила, Яроміра Борецкаго, Оттокара Ауржедничка, а особенно у талантливаго Юлія Зейера (Zeyer), который съ большой любовью обрабатываетъ различные экзотическія и мистическія темы, однако декадентизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ развивается въ Чехіи въ настоящее время, очень молодъ.

Около 1890 г. на литературное поприще выступаютъ два молодыхъ критика: Арношть Прохаска и Юрій Карасекъ, которые становятся глашатаями символизма и декадентства. Они стали знакомить чешскую публику съ новѣйшими теченіями западно-европейскихъ литературъ, съ произведеніями Бодлэра, Вэрлэна, Меттерлинка, съ философіей Ницше и т. д. Оба молодыхъ критика обнаружили большое знакомство съ разбираемымъ предметомъ и пробудили въ чешской публикѣ интересъ къ малоизвѣстной до того времени области. Не довольствуясь ролью референтовъ, они начали пробовать свои силы и на поприщѣ самостоятельнаго поэтическаго творчества, и вскорѣ Юрій Карасекъ выдвинулся впередъ въ качествѣ вождя декадентской школы чешской поэзіи.

Ко времени основанія «Moderni Revue» количество чешскихъ декадентовъ сильно увеличилось, и новому журналу было что печатать, такъ какъ остальные чешскіе органы не желали помѣщать произведеній этого рода. Однако, если мы просмотримъ вышедшіе

то сихъ поръ №№ «Moderni Revue», расходящіеся въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ, то найдемъ очень мало произведеній, имѣющихъ какую нибудь художественную стоимость Да иначе и быть не можетъ. Чешскій декадентизмъ явленіе ненормальное, чисто наносное, не имѣющее никакихъ оригинальныхъ чешскихъ чертъ. Чешская жизнь не порождаетъ тѣхъ условій, которыя вызвали декадентизмъ во Франціи или въ Бельгіи, и вслѣдствіе этого чешскимъ декадентамъ приходится быть простыми подражателями. Чешскій декадентъ силится передать настроеніе, взятое у французскаго писателя, настроеніе, котораго онъ самъ не имѣетъ, да и не понимаетъ. Вполнѣ понятно, что изъ этого ничего путнаго не выходитъ, а получается только курьезная по формѣ безсмыслица. Каждый № «Moderni Revue» выходитъ въ обложкѣ другого цвѣта, многіе сборники декадентскихъ стихотвореній печатаются не на обыкновенной бумагѣ, а на особенной. Одинъ напечатанъ даже на черной бумагѣ бѣлыми буквами.

То, что печатаетъ «Moderni Revue», очень часто смахиваетъ на бредъ сумасшедшаго, а нерѣдко молодой виршеплетъ намѣренно старается написать какую нибудь прямо невозможную чепуху, чтобы только видѣть напечатаннымъ свое имя. И проза «Moderni Revue» не лучше стиховъ. Въ этомъ журналѣ можно встрѣтить псевдофилософскія разсужденія самаго дикаго свойства, доходящія до оправдыванія того, за что не особенно давно поплатился такъ жестоко англійскій декадентъ Оскаръ Уайлдъ (Oskar Wilde). Одинъ изъ недавно появившихся сборниковъ произведеній извѣстнаго чешскаго декадента былъ конфискованъ прокуратурой за проповѣдь крайней половой разнузданности...

Мы уже сказали, что во главѣ молодыхъ чешскихъ поэтовъ, не принадлежащихъ къ лагерю декадентовъ, стоитъ Махаръ. Этотъ поэтъ выступилъ на литературное поприще очень недавно, всего какихъ нибудь 8—9 лѣтъ тому назадъ, но наврядъ ли какой нибудь другой чешскій писатель добился такъ скоро широкой извѣстности, какъ онъ. Его лирическія стихотворенія, отражающія внутреннюю жизнь современнаго человѣка, затрагивающія всѣ струны его души, мучимой и волнуемой неразрѣшимыми философскими и соціальными загадками, соотвѣтствовали тому настроенію, которое переживало молодое поколѣніе чешскаго общества, и поэтому были приняты «молодыми» съ большой симпатіей. Всякое новое стихотвореніе Махара, всякій сборникъ его лирическихъ произведеній возбуждали въ «молодыхъ» громадный интересъ и въ то же время были поводомъ къ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны «старыхъ». Эти послѣдніе выступали противъ Махара главнымъ образомъ за его критическое отношеніе къ чешскому націонализму, за скептическіе взгляды, которые онъ высказывалъ по поводу различныхъ явленій чешской соціально-политической жизни. Дѣло въ томъ, что Махаръ не пошелъ по тому пути, который избрали чешскіе романтики, об-

наружившіе свою неудовлетворенность національнымъ. Онъ не сталъ безпочвеннымъ космополитомъ, какъ Врхлицкій и другіе, но отнесся критически къ національному. Пока Махаръ выступалъ въ качествѣ лирическаго поэта, печатавшаго мелкія стихотворенія въ различныхъ журналахъ или отдѣльными сборниками, «старые» еще сдерживались. Сыпавшіяся на Махара нападки, хотя и были рѣзки, но всетаки не выходили изъ предѣловъ приличія. Но вотъ въ одномъ изъ номеровъ мѣсячника «Nasze Doba», издаваемаго проф. Масарикомъ, появилась критическая статья Махара, посвященная обзору литературной дѣятельности одного изъ основателей романтической школы чешской поэзіи, Витезслава Галека, значеніе и талантъ котораго были сильно преувеличиваемы чешской критикой старшаго поколѣнія. Путемъ строгаго критическаго анализа его произведеній, Махаръ выяснилъ ихъ дѣйствительную стоимость, показалъ, какія вліянія отразились на дѣятельности Галека, откуда онъ почерпалъ главные мотивы и идеи своихъ стихотвореній и въ концѣ концовъ рѣшилъ, что Галекъ въ очень незначительной степени заслуживаетъ той славы, какою пользуется.

Статья Махара послужила поводомъ къ горячему литературному бою, который начался въ чешской публицистикѣ, распавшейся на два враждебные лагеря. Этотъ бой можно было сравнить со споромъ по поводу Краледворской и Зеленогорской рукописей. Втеченіе болѣе полугода всѣ чешскіе органы, имѣющіе какое нибудь отношеніе къ изящной литературѣ, вели безконечную полемику, которая мало по малу отъ личности и литературной дѣятельности «поруганнаго» Галека перешла къ общимъ, основнымъ вопросамъ литературной критики, публицистической этики и т. д.

Въ самомъ разгарѣ этой полемики—въ концѣ 1894 г. появляется новое произведеніе Махара, на этотъ разъ эпическое, которое вызвало едва ли не большее негодованіе со стороны «старыхъ», чѣмъ статья о Галекѣ. «Магдалина» («Magdalena»), такъ была озаглавлена эта поэма, послужила поводомъ къ обвиненію ея автора въ безнравственности. Мы не ошибемся, если назовемъ «Магдалину» самымъ выдающимся произведеніемъ современной чешской поэзіи, произведеніемъ, оставляющимъ далеко за собой лучшія творенія Врхлицкаго, Чеха и др. Эта поэма, кромѣ своихъ чисто художественныхъ достоинствъ, имѣетъ глубокій соціальный смыслъ, что преимущественно и способствовалъ небывалому успѣху ея въ кругу «молодыхъ». Содержаніе поэмы несложно. Герой «Магдалины»—Юрій, замѣчательно удачный типъ молодого чеха изъ богатой семьи, съ университетскимъ образованіемъ. Онъ ведетъ праздную жизнь фланера, гранитъ панель пражскаго Невскаго—Пржикоповъ—проживаетъ цѣлыми днями въ кофейнѣ и отъ скуки ищетъ дешевыхъ наслажденій въ «пятой четверти» Праги, гдѣ помѣщаются веселые дома. Однажды въ субботу вечеромъ Юрій приходитъ въ одинъ изъ такихъ домовъ, въ которомъ онъ уже извѣстенъ въ качествѣ

частаго посѣтителя. «Мадамъ», только что окончившая вечернюю молитву, обращаетъ его вниманіе на новую обитательницу дома, стройную Люси—«Маргариту среди Венеръ». Юрій заинтересовывается ею, такъ какъ она нисколько не похожа на своихъ товарокъ, и, очутившись съ нею наединѣ, начинаетъ разспрашивать ее о томъ, что привело ее сюда. Въ немъ шевелится чувство жалости къ несчастной жертвѣ общественнаго темперамента. Дѣвушка, видя, что онъ искренно сочувствуетъ ея положенію, разсказываетъ о своей долѣ. Мать Люси давно умерла, а отецъ, учитель, нравственно павшій человѣкъ, былъ прогнанъ со службы за пьянство, такъ что дочь должна была снискивать пропитаніе и для него, и для себя. Она стала гувернанткой, затѣмъ продавщицей въ магазинѣ, но такъ какъ зарабатываемыхъ такимъ путемъ денегъ не хватало на двоихъ, то отецъ убѣдилъ ее пойти по «торной дорогѣ». Въ настоящее время онъ ею вполнѣ доволенъ... Выслушавъ разсказъ дѣвушки, Юрій крѣпко сжимаетъ ей руку и удаляется. Возвращаясь домой и все время думая о несчастной дѣвушкѣ, Юрій наталкивается на сцену, разыгрывающуюся у входа въ кабакъ, изъ котораго выталкиваютъ скандалящаго пьяницу. Этотъ послѣдній разсказываетъ Юрію о своей дочери, которая находится «въ томъ домѣ», гдѣ только что былъ Юрій. Юріемъ овладѣваетъ чувство омерзенія, и онъ поспѣшно убѣгаетъ отъ дальнѣйшихъ разсказовъ пьяницы. Но точно какая-то невѣдомая сила влечетъ его въ «пятую четверть» Праги, въ комнатку дѣвушки, гдѣ онъ просиживаетъ часами, проводя время въ разговорахъ съ нею. Наконецъ, онъ рѣшается увести ее оттуда. У него есть тетка, добрѣйшая старушка, занимающаяся филантропіей. Вотъ у нея то Юрій и поселяетъ Люси. На прощаніе, «мадамъ» говоритъ дѣвушкѣ: «если вамъ въ томъ мірѣ будетъ плохо,—мой домъ всегда открытъ для васъ». Тетка Юрія радушно принимаетъ Люси, такъ какъ души не чаетъ въ племянникѣ и готова для него все сдѣлать. Дѣвушка, смотрѣвшая на Юрія, какъ на своего спасителя и видѣвшая въ немъ человѣка высоко-нравственныхъ принциповъ, случайно натыкается на разбросанныя по его столу карточки обнаженныхъ балеринъ... Между тѣмъ и Юрій мало-по-малу начинаетъ почти сожалѣть о своемъ поступкѣ, тѣмъ болѣе, что товарищи встрѣчаютъ его насмѣшками, полагая, что его отношенія къ Люси не лишены эротическаго характера. Чтобы избѣжать насмѣшекъ товарищей, Юрій рѣшаетъ уѣхать вмѣстѣ съ теткой и съ Люси изъ Праги. Отъѣздъ ускоряется появленіемъ отца Люси. Жалкій пьяница разглашаетъ по всему дому исторію своей дочери, патетически заявляя о своемъ правѣ на нее, о «святомъ правѣ отца» и успокаивается только тогда, когда получаетъ отъ Юрія подачку.

Немного спустя Юрій съ теткой и съ Люси переѣзжаетъ въ провинціальный городъ, расположенный недалеко отъ Праги. Тамъ они попадаютъ въ круговоротъ мелкихъ, ничтожныхъ интересовъ, сплетенъ, интригъ, раздѣляющихъ городское общество на два враж-

дебныхъ лагеря. Собственно говоря, причина враждебныхъ отношеній двухъ партій коренится въ несогласіи женъ самыхъ вліятельныхъ горожанъ, но личные счеты ловко покрываются громкими фразами объ общемъ благѣ, о политическихъ и національныхъ интересахъ и т. д. Появленіе Юрія съ теткой и Люси является настоящимъ событіемъ въ жизни падкаго до всякихъ новинокъ городского общества. Особенное любопытство возбуждаетъ личность пріѣхавшей изъ Праги молодой дѣвушки, и всѣ кумушки наперерывъ стараются узнать, кто она. На одномъ изъ пикниковъ она незамѣтно удаляется отъ всего общества и забирается далеко въ лѣсную чащу, гдѣ встрѣчаетъ больного юношу, студента. Всѣ въ городѣ считаютъ его за сумасшедшаго, за безумнаго «якобинца», такъ какъ тѣ соціальныя и этическія теоріи, которыя онъ развиваетъ, кажутся имъ безсмысленными и дикими. Люси съ любопытствомъ слушаетъ его слова и проникается искренней симпатіей къ бѣдному чахоточному.

Вдругъ въ одинъ прекрасный день въ городѣ появляется отецъ Люси. Напившись пьянымъ, онъ разсказываетъ о своей дочери, о всѣхъ ея злоключеніяхъ и о томъ, что онъ долженъ воспользоваться своими родительскими правами и не дать ее въ обиду. Вѣсть объ этомъ быстро распространяется по всему городу и вызываетъ взрывъ негодованія у всѣхъ кумушекъ. Онѣ стараются всѣми силами показать дѣвушкѣ свое презрѣніе, отворачиваясь отъ нея на улицѣ, не отвѣчая на ея поклоны и т. д. Та еще не догадывается ни о чемъ и напрасно старается понять причину такой перемѣны въ обращеніи. Задумавшись, она идетъ въ паркъ и встрѣчается тамъ съ чахоточнымъ студентомъ, который объясняетъ ей, въ чемъ дѣло. Онъ съ величайшимъ презрѣніемъ отзывается о всемъ буржуазномъ обществѣ, о его лицемѣрной нравственности. Дѣвушка слушаетъ его, хотя и не вполнѣ понимаетъ смыслъ этихъ пламенныхъ словъ. Однако, какое-то внутреннее чувство говоритъ ей, что онъ правъ. Когда она говоритъ, что хочетъ порвать всякую связь со своимъ ужаснымъ прошлымъ и начать новую, чистую жизнь, студентъ говоритъ съ грустью: «буржуа не позволятъ, они васъ заклюютъ». Между тѣмъ Юрій вступаетъ на поприще политической дѣятельности. Приближаются выборы въ парламентъ, и онъ выставляетъ свою кандидатуру. Юрій—кандидатъ оппозиціонной партіи, вожакъ которой воспользовался обстоятельствами и перетянулъ его на сторону оппозиціи, несмотря на его совершенно неоппозиціонные взгляды. Юрій входитъ въ свою роль и произноситъ радикальныя рѣчи. Печать противуположнаго лагеря выливаетъ на Юрія ушаты грязи и старается воспользоваться для своихъ цѣлей отношеніями его къ Люси. Однако, органъ оппозиціонной партіи «Свободный гражданинъ» съ успѣхомъ отражаетъ всѣ нападки, и Юрій въ концѣ-концовъ является олицетвореніемъ гуманности. Онъ разъѣзжаетъ по своему избирательному округу, говоритъ громкія рѣчи и снискиваетъ расположеніе избирателей. Возвратившись съ одной

такой агитаціонной поѣздки, возбужденный успѣхомъ Юрій врывается въ комнатку Люси, цѣлуетъ ее, но дѣвушка, только что вернувшаяся съ похоронъ чахоточнаго студента, отталкиваетъ его съ отвращеніемъ и бѣжитъ изъ его дома. Придя въ себя, Юрій не жалѣетъ о томъ, что Люси ушла; онъ вздыхаетъ съ облегченіемъ, такъ какъ теперь съ его пути къ карьерѣ устранена главная помѣха. Люси, оскорбленная поведеніемъ Юрія, опечаленная смертью молодого мечтателя, который сталъ ей дорогъ и близокъ, видя, наконецъ, что ей никогда не удастся порвать связи съ прошлымъ и начать новую жизнь, ѣдетъ въ Прагу къ Молдавѣ, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ. Остановившись на берегу рѣки, она нѣкоторое время борется сама съ собою и, наконецъ, махнувъ рукой, возвращается въ тотъ домъ, изъ котораго ее вывелъ Юрій.

Вся поэма изобилуетъ прекрасными характеристиками современнаго буржуазнаго общества съ его эгоистическими, лицемѣрными взглядами, прикрытыми громкими фразами, не имѣющими никакого внутренняго значенія. Психологическій характеръ обоихъ главныхъ героевъ поэмы—Юрія и Люси—очерченъ мастерски. Вообще Махаръ умѣетъ нѣсколькими штрихами передать характеръ каждаго изъ своихъ дѣйствующимъ лицъ, и они встаютъ передъ нами какъ живые. Къ самымъ удачнымъ мѣстамъ «Магдалины» принадлежитъ характеристика провинціальнаго общества и его партійныхъ псевдополитическимъ раздоровъ. Очень хорошъ типъ пражскаго делегата оппозиціонной партіи, который пріѣзжаетъ въ провинцію, чтобы подготовлять выборы. Все, что Махаръ говоритъ о современной чешской журналистикѣ, о поэзіи и т. д., полно глубокаго интереса, такъ какъ его оцѣнка вполнѣ соотвѣствуетъ дѣйствительности. Хотя всѣ взгляды, высказываемые Махаромъ по адресу чешскаго общества и его стремленій, очень далеки отъ оптимизма, тѣмъ не менѣе однако его поэма проникнута оживляющей вѣрой въ лучшую будущность. Надежду на измѣненіе соціальныхъ отношеній высказываетъ умирающій отъ чахотки студентъ, которому видимо сильно симпатизируетъ Махаръ. Эти надежды находятъ подтвержденіе въ здоровыхъ силахъ, таящихся въ народѣ.

Махаръ совершенно самостоятеленъ и оригиналенъ, и мы напрасно бы искали у него подражанія кому нибудь. Только Люси и ея отношенія къ пьяницѣ отцу отчасти напоминаютъ Соню изъ «Преступленія и Наказанія» Достоевскаго, но это сходство чисто внѣшнее.

О другихъ молодыхъ поэтахъ (А. Мужикъ, Б. Каминскій, Ф. Квапилъ, Ф. Таборскій, А. Кляштерскій, Р. Есенская) пока еще нельзя многаго сказать. У всѣхъ у нихъ видны проблески таланта, но ихъ дѣятельность такъ еще не долговременна, что трудно дать ея характеристику. Во всякомъ случаѣ ни одинъ не можетъ сравниться по силѣ таланта съ Махаромъ.

Чешская беллетристика и драматическая литература нашего вре-

мени развиваются довольно успѣшно, и между молодыми писателями въ этой области есть нѣсколько недюжинныхъ талантовъ, много обѣщающихъ въ будущемъ. Къ такимъ принадлежитъ молодой романистъ Вильгельмъ Мрштикъ, авторъ «Вешней сказки», трогательной повѣсти «Santa Lucia» и др., а изъ драматурговъ: Свобода, Шимачекъ и Прейсова. Лагерь «молодыхъ», все увеличивающійся, благодаря приливу новыхъ литературныхъ силъ, былъ принужденъ сомкнуться въ одно компактное цѣлое, не смотря на то, что между представителями «молодыхъ» были люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и направленій. Въ концѣ прошлаго года «молодые» обнародовали литературный манифестъ, нѣчто въ родѣ своей profession de foi. Манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ прогрессистскомъ органѣ «Rozhledy», играющемъ очень выдающуюся роль въ спорѣ «молодыхъ» со «старыми». Манифестъ подписало двѣнадцать представителей «молодыхъ»: три критика (Крейчи, Шальда, Тржебицкій), пять поэтовъ и беллетристовъ (Бржезина, Махаръ, Сова, Мрштикъ и Шлейхаръ) и четыре публициста (Хоцъ, Кернеръ Пельцль и Соукупъ). Такимъ образомъ, въ одномъ лагерѣ очутились и прогрессисты, и реалисты (т. е. принадлежащіе къ *политической* фракціи реалистовъ), и декаденты. Они выступили подъ названіемъ «Чешской Модерны» (Czeska Moderna), какъ бы въ отвѣтъ на презрительное отношеніе «старыхъ» къ «молодымъ», называвшихъ этихъ послѣднихъ сторонниками всего, что пахнетъ новизной, всего, что «modern». Къ чему же стремится «Чешская Модерна», чего она желаетъ? Манифестъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ. Мы передаемъ его здѣсь вкратцѣ.

Сомкнувшаяся подъ давленіемъ представителей стараго направленія въ одинъ рядъ, принужденная защищать свои убѣжденія, свободу слова, право критики, часть младшаго поколѣнія чешскихъ писателей приняла литературное названіе, которое было брошено ему съ презрѣніемъ: «Чешская Модерна». Молодое поколѣніе было обвиняемо въ недостаткѣ хорошаго тона, вслѣдствіе того, что оно не присоединилось мирно къ предъидущему, старшему теченію, вслѣдствіе того, что оно не признаетъ святыми иконъ этого послѣдняго, вслѣдствіе того, что оно скептически относится къ авторитетамъ и не чувствуетъ уваженія къ старымъ фетишамъ. Всѣ эти обвиненія справедливы, и молодое поколѣніе гордится ими. Оно чувствуетъ, что между старшимъ поколѣніемъ и имъ существуетъ глубокая пропасть. Оно съ презрѣніемъ отвернулось отъ проторенная пути и пойдетъ своей дорогой. Принципы, которые его представители защищали втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одиночку, оно будетъ и впредь защищать, такъ какъ они представляютъ тотъ цементъ, который соединилъ молодыхъ. Мы требуетъ права имѣть свое собственное убѣжденіе, свободы слова, несвязываемаго никакими соображеніями. Критическая дѣятельность—это творческая работа научно-художественнаго характера, это такой же литератур-

ный родъ, какъ и всѣ остальные. Мы требуемъ индивидуальности точно такъ же въ критикѣ, какъ и въ искусствѣ. Мы желаемъ видѣть у насъ художниковъ, а не подражателей чужимъ образцамъ, не эклектиковъ, не дилетантовъ. Мы не цѣнимъ пеструю мозаику заимствованныхъ мыслей и формъ, политическія программы въ стихахъ, имитаціи народныхъ пѣсенъ. Прежде всего индивидуализмъ. Въ настоящее время, когда эстетика нашла убѣжище только въ гимназическихъ учебникахъ, когда споръ о тенденціи въ искусствѣ является смѣшнымъ пережиткомъ, когда все старое падаетъ и встаетъ новый міръ, мы требуемъ отъ художника: будь прежде всего самимъ собой! Мы ни коимъ образомъ не подчеркиваемъ чешскій характеръ нашего искусства. Будь самимъ собой, и твои творенія сами собой получатъ чешскій характеръ. Манесъ, Сметана, Неруда *)— эти par excellence чешскіе художники считались втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ чужеземцами, выражавшимися по чешски. Мы не признаемъ національныхъ картъ. Мы требуемъ искусства, которое бы не было предметомъ роскоши и которое бы не подвергалось вліяніямъ измѣнчивой моды. Мы не къ тому стремимся, что въ модѣ. Третьяго дня въ модѣ былъ реализмъ, вчера натурализмъ, сегодня въ модѣ символизмъ, декадентизмъ, завтра будетъ въ модѣ сатанизмъ, оккюльтизмъ—все это эфемерныя литературныя клички, господствующія втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и пригодныя для обезьяничающихъ литературныхъ пшюттовъ. Художникъ, влагай въ свое произведеніе свою кровь, свой мозгъ, самаго себя—ты, твой мозгъ, твоя кровь будутъ жить въ немъ, и оно будетъ жить ими. Мы требуемъ отъ искусства правды, не той, которая является фотографіей внѣшнихъ явленій, а той искренней правды, нормой которой есть только ея носитель-индивидуумъ. Литературная «Модерна», ищущая новаго и лучшаго, встрѣтилась на своемъ пути съ политической «модерной». Обѣ онѣ порождены одними и тѣми же условіями. Плачевны условія, при которыхъ выростало теперешнее поколѣніе. Движимое симпатіей къ дѣятельности и жизни, оно стало подъ знамя партіи **), которая, какъ ему казалось, должна была положить начало новой эпохѣ въ исторіи народа. Эта довѣрчивость принесла горькіе плоды. Вмѣсто духовной пищи ему предлагались однѣ только фразы, при этомъ въ парламентѣ, на митингахъ и въ главномъ органѣ раздавались напыщенныя рѣчи о культурѣ нашего народа, о просвѣщеніи, о требованіяхъ времени, о соперничаньи съ просвѣщенными народами и п. д. Молодое поколѣніе было эксплуатировано въ политической игрѣ въ качествѣ пѣшекъ на шахматной доскѣ. Пресыщенные фразами мы начали скептически смотрѣть на нашихъ отцовъ. Они выступали въ свѣтъ при громѣ трубъ, и въ настоящее время мы видимъ въ нихъ только

*) Художникъ, композиторъ, поэтъ.

**) Младочешкой.

безпомощныхъ парламентскихъ представителей газеты *), которая свои литературные, политическіе и соціальные взгляды подчиняетъ соображеніямъ очень низменнаго свойства. Съ другой стороны мы видимъ народъ, который вмѣсто истиннаго свѣта получаетъ бенгальскій огонь; народъ, который сталъ безсмысленной, подающей голосъ во время выборовъ, массой. Наши отцы заняли мѣсто старшей партіи, старочеховъ. Мы признаемъ, что старочехи много сдѣлали въ культуромъ отношеніи. Ихъ наслѣдіе младочехи закопали въ землю, а эпоха господства этихъ послѣднихъ не можетъ ничѣмъ похвалиться. Мы отрезвились и начали сами о себѣ заботиться.

Мы работали втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельно и теперь выступаемъ сомкнутымъ рядомъ. Какъ мы смотримъ на политику? Мы не можемъ понять, чтобы это была какая то наука полная маккіавелизма, торгашества, обмана, или сцена, на которой получаются аплодисменты, популярность и благоволеніе народа. Для насъ политика—трудъ и только трудъ, къ тому же тихій трудъ. Не въ томъ состоитъ политика, чтобы получить депутатское полномочіе. У насъ никто не работаетъ на политическомъ поприщѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ это полномочіе и не попадетъ въ парламентъ. Какъ въ литературѣ, такъ и въ политикѣ мы требуемъ индивидуализма. Въ политикѣ мы прежде всего желаемъ быть людьми въ полномъ смыслѣ этого слова. Изъ этого главнаго требованія вытекаютъ всѣ остальныя. Изъ этого требованія вытекаетъ и наше отношеніе къ національнизму, который былъ эксплуатированъ сильными міра сего точно такимъ же образомъ, какъ религія въ средніе вѣка. Мы не боимся за свой языкъ. Мы такъ крѣпки національно, что никакая сила не можетъ его у насъ отнять. Сохраненіе языка для насъ не цѣль, а средство для достиженія высшихъ цѣлей. Мы осуждаемъ грубое насиліе, которое употребляютъ въ дѣло нѣмцы подъ видомъ защиты національныхъ интересовъ, точно такъ же, какъ мы бы осудили національное насиліе, еслибы оно исходило изъ чешскаго лагеря. Мы осуждаемъ тѣ политическія партіи, которыя, поддерживая національнизмъ, убиваютъ въ національной борьбѣ лучшія силы нашего народа. Мы будемъ стараться придти къ соглашенію съ нашими нѣмецкими земляками не за зелеными столами, не въ парламентскомъ союзѣ, но на поприщѣ гуманности и экономическихъ интересовъ. Что касается соціальнаго вопроса, то и здѣсь мы хотимъ быть прежде всего людьми. Причисляемъ ли мы рабочихъ къ народу (націи)? И въ томъ случаѣ, если они будутъ считать себя интернаціоналистами? Да! Народность не является монополіей ни младочеховъ, ни старочеховъ. Партіи исчезаютъ, народъ остается. Теперешняя младочешская партія стала представителемъ чешской буржуазіи и части крестьянства. Она этого и не скрываетъ. Пунктъ ея программы, требующій всеобщаго избирательнаго права,

*) «Народныхъ Листовъ».

былъ средствомъ для запугиванія правительства. Теперь этотъ пунктъ ничто иное, какъ подкинутый ребенокъ, котораго самъ отецъ не желаетъ признать своимъ.

Далѣе манифестъ «Чешской Модерны» высказывается за интересы рабочаго класса и въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Для насъ цѣль политической дѣятельности заключается въ томъ — продолжаютъ авторы манифеста — чтобы всѣ слои народа были счастливы и довольны, причемъ требуемъ, чтобы всѣ работающіе и страждущіе были защищены отъ произвола сильныхъ. Мы требуемъ, чтобы и женщины получили возможность принимать участіе въ соціальной и культурной жизни.

Таковы желанія и стремленія современной «молодой Чехіи», которую не удовлетворяетъ все, что она видитъ у себя на родинѣ на политическомъ, соціальномъ и литературномъ поприщѣ. Что въ Чехіи довольно много такихъ элементовъ, которые крайне враждебно относятся къ теперешнимъ вождямъ чешскаго народа, вышедшимъ побѣдителями изъ послѣдней избирательной борьбы, это всѣмъ извѣстно. Не принимая въ разсчетъ оставшихся не у дѣлъ стариковъ и идущихъ своей собственной дорогой соціалъ-демократовъ, рабочихъ, къ такимъ протестантамъ можно причислить почти всю молодую чешскую интеллигенцію. Въ кругахъ этой то интеллигенціи манифестъ «Чешской Модерны» былъ встрѣченъ съ полной симпатіей. На него было обращено всеобщее вниманіе, и многіе органы реалистовъ и прогрессистовъ заявили, что они вполнѣ присоединяются къ нему. Только органъ декадентовъ «Moderni Revue», высказался противъ манифеста, такъ какъ онъ «никакихъ вообще манифестовъ не признаетъ». Главный же младочешскій органъ, по своему обыкновенію, ни единымъ словечкомъ не обмолвился о манифестѣ, который былъ направленъ противъ младочеховъ, и ихъ бездѣятельности въ политическомъ, соціальномъ и литературномъ отношеніи, прикрываемой сильно устарѣвшими и не производящими прежняго впечатлѣнія патріотическими фразами.

Немного раньше манифеста «Чешской Модерны», въ Прагѣ появилась вторая часть политико-философскихъ этюдовъ проф. Масарика, которая вызвала довольно оживленную полемику въ чешской прессѣ. Хотя она и не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какъ первая часть, въ которой Масарикъ пытался дать исторіософію чешскаго возрожденія, однако нельзя сказать, чтобы она не заключала столь же вѣрныхъ и удачныхъ мыслей, какъ и первая. Вообще каждое новое сочиненіе этого выдающагося чешскаго дѣятеля является настоящимъ событіемъ въ чешской жизни, и всѣ современныя реформаторскія и оппозиціонныя теченія въ Чехіи въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ появленіемъ почтенному профессору. Какъ популярнѣйшій профессоръ, онъ вліяетъ на университетскую молодежь, которая распространяетъ въ обществѣ и среди народа

взгляды, имъ проповѣдуемые *). Благодаря воздѣйствію Масарика на молодежь, появилась прогрессистская партія, которая по всей вѣроятности замѣнитъ въ будущемъ младочешскую. Мѣсячникъ Масарика «Nasze Doba» («Наше Время») знакомитъ чешскую публику съ соціальными вопросами, а инспирируемый тѣмъ же Масарикомъ еженедѣльный журналъ «Czas» (Время) очень удачно полемизируетъ съ младочешской прессой и безъ жалости указываетъ на всѣ промахи младочешской партіи. Поразительнѣе всего то, что Масарикъ имѣетъ большое вліяніе не только на людей, сочувствующихъ ему, но также и на противниковъ, которые, сами того не замѣчая, проникаются его взглядами. Достаточно просмотрѣть передовицы «Народныхъ Листовъ»—этого заклятаго врага Масарика,—чтобы замѣтить, какъ нѣкоторыя мысли послѣдняго имп прекрасно усвоены. То же самое можно сказать и о рѣчахъ, произносимыхъ въ парламентѣ главными представителями младочешской партіи.

Новое сочиненіе Масарика озаглавлено: «Нашъ теперешній кризисъ. Паденіе старочешской партіи и начало новыхъ теченій». Оно, какъ и большая часть послѣднихъ работъ его, имѣетъ критическій характеръ. Оно выясняетъ дѣйствительныя причины столь быстраго исчезновенія старочешской партіи, показываетъ всѣ недостатки младочеховъ, подвергаетъ строгому обсужденію ихъ программу, тактику и цѣли, наконецъ посвящаетъ нѣсколько десятковъ страницъ различнымъ теченіямъ, существующимъ среди молодого поколѣнія чешской интеллигенціи. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на эклектическій характеръ программы такъ называемыхъ прогрессистовъ и даетъ массу благихъ совѣтовъ молодежи.

Для Масарика важнѣе всего внутреннее культурное развитіе чешскаго народа, соціальный и этическій прогрессъ чешской интеллигенціи, чешскихъ рабочихъ и вообще всего трудящагося люда. Поэтому онъ мало цѣнитъ всѣ чисто національстическіе взгляды и стремленія младочешской партіи, доказывая, что счастье чешскихъ массъ состоитъ не въ томъ, что австрійскій императоръ будетъ короноваться чешскимъ королемъ, а въ культурныхъ успѣхахъ этихъ массъ. Масарикъ не боится денаціонализаціи чешскаго народа и проповѣдуетъ соглашеніе съ нѣмцами на основѣ самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія.

---

*) Нужно замѣтить, что въ Чехіи университетская молодежь играетъ довольно вліятельную роль. Во время выборовъ молодежь съ большимъ успѣхомъ агитируетъ въ пользу тѣхъ кандидатовъ, которые ей почему-либо симпатичны, и поэтому каждый кандидатъ считаетъ своимъ долгомъ заигрывать съ молодежью, разсчитывая на ея помощь. Въ обычное время молодежь организуетъ народныя библіотеки, читаетъ крестьянамъ и рабочимъ лекціи и т. д. Чешская университетская молодежь распадается на три лагеря: консервативный (поддерживаемый старочехами и соотвѣтствующій тому роду студентовъ, которыхъ въ Россіи называютъ «бѣлоподкладочниками»), прогрессистскій и независимый. Двѣ послѣднія фракціи въ послѣднее время все больше и больше сближаются. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой печатный органъ, который расходится въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ.

Еще у всѣхъ въ памяти тѣ шовинистскіе крики, которые раздавались со стороны нѣмцевъ въ прошломъ году, когда въ парламентъ было внесено требованіе учредить словинскую гимназію въ Цилли. На этотъ разъ нѣмцы проиграли свое дѣло, и, благодаря соединеннымъ голосамъ славянскихъ депутатовъ, словинцы получили требуемую ими гимназію. По всей вѣроятности, въ ближайшемъ будущемъ въ австрійскомъ парламентѣ можетъ произойти новый конфликтъ между нѣмцами и славянами, на этотъ разъ не изъ-за гимназіи, а изъ-за университета. Дѣло въ томъ, что одна изъ болѣе крупныхъ австрійскихъ провинцій—Моравія—до сихъ поръ не имѣетъ университета, несмотря на то, что ея населеніе давно добивается этого. Правительство ничего не имѣло бы противъ новаго университета. Нашлись бы и суммы, необходимыя для его содержанія, но вся бѣда въ томъ, что приходится рѣшать, какой это будетъ университетъ: нѣмецкій или чешскій? Населеніе Моравіи равняется 2.270,000, изъ которыхъ нѣмцевъ всего 349,000. Казалось-бы, что не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно національнаго характера моравскаго университета. Такъ какъ болѣе $^5/_6$ народонаселенія чехи, то и университетъ долженъ быть чешскій. Однако, моравскіе нѣмцы разсуждаютъ не такъ. Для нихъ Моравія чисто нѣмецкая страна, потому что моравскіе города сильно онѣмечены и въ городскихъ совѣтахъ вездѣ большинство имѣютъ нѣмцы, какъ болѣе зажиточные мѣщане, фабриканты, банкиры, домовладѣльцы и т. д.

Благодаря поддержкѣ центральнаго правительства, и въ брюнскомъ ландтагѣ большинство депутатовъ нѣмцы. Такимъ образомъ тѣ учрежденія, которые имѣли-бы по вопросу объ университетѣ преобладающее значеніе и прямой обязанностью которыхъ было-бы требовать университета, находятся въ рукахъ нѣмцевъ. Но нѣмецкіе городскіе совѣты и нѣмецкіе депутаты брюннскаго ландтага не возбуждали вопроса объ учрежденіи университета въ Брюннѣ, такъ какъ прекрасно понимали, что нахальствомъ было-бы требовать университета для $^1/_6$ населенія провинціи. Съ другой стороны они видѣли, что чехамъ безъ поддержки нѣмцевъ не добиться университета, и поэтому рѣшили оставить Моравію безъ университета.

Однако, чехи не переставали агитировать въ пользу университета въ Брюннѣ. Со всѣхъ сторонъ Моравіи въ ландтагъ и въ парламентъ высылались петиціи, подписанныя десятками тысячъ чеховъ, требующія учрежденія моравскаго университета. Большое участіе въ этой агитаціи приняла моравская молодежь, учащаяся въ пражскомъ университетѣ. Въ послѣднее время все чешское общество заинтересовалось дѣломъ брюннскаго университета и одинъ изъ чешскихъ патріотовъ, извѣстный своими крупными пожертвованіями на различныя національныя учрежденія, обѣщалъ дать 200,000 гульденовъ въ случаѣ, если въ Брюннѣ будетъ открытъ чешскій университетъ. Съ появленіемъ гр. Бадени во главѣ ав-

стрійскаго министерства, надежды чеховъ на удовлетвореніе ихъ главнаго культурнаго требованія въ Моравіи замѣтно оживились. Это не ускользнуло отъ вниманія моравскихъ нѣмцевъ, которые совершенно неожиданно вдругъ сами подняли вопросъ объ учрежденіи университета въ Брюннѣ на одномъ изъ засѣданій моравскаго ландтага. Само собою разумѣется, что, по мнѣнію нѣмецкихъ депутатовъ моравскаго ландтага, университетъ въ Брюннѣ долженъ быть чисто нѣмецкій. Они даже не соглашаются, чтобы онъ имѣлъ утраквистическій характеръ, т. е. чтобы нѣкоторыя каѳедры были чешскія, нѣкоторыя-же нѣмецкія, какъ это существуетъ во Львовѣ, гдѣ рядомъ съ польскими постоянно увеличивается число малорусскихъ каѳедръ.

Къ моравскимъ нѣмцамъ присоединились нѣмцы другихъ провинцій Австріи и даже германскіе. Въ Брославлѣ появилось краснорѣчивое воззваніе, въ которомъ выясняется роль будущаго моравскаго университета, долженствующаго стать оплотомъ противъ надвигающагося съ востока грознаго славянскаго моря. Воззваніе подписано многими выдающимися нѣмецкими политическими и общественными дѣятелями. Между прочимъ, дали свои подписи романистъ Шпильгагенъ и извѣстный предсказатель-астрономъ Фальбъ.

Трудно предположить, чтобы нѣмцамъ удалось въ такой степени повліять на правительство, что это послѣднее рѣшится противъ воли громаднаго большинства населенія Моравіи основать въ Брюннѣ *нѣмецкій* университетъ. Вѣрнѣе всего, что университетъ будетъ чешскій, однако, полученіе его будетъ стоить чехамъ немалой борьбы въ парламентѣ.

Вообще, въ послѣднее время нѣмцы прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить свой «Besitzstand» въ Австріи, какъ они говорятъ, но это имъ удается только въ самой незначительной степени. Нѣмецкіе политики и статистики съ ужасомъ констатируютъ фактъ, что нѣмецкій элементъ въ Австріи мало-по-малу теряетъ свое прежнее значеніе. Дѣйствительно, если сравнить положеніе нѣмецкаго языка, какое онъ занималъ лѣтъ тридцать тому назадъ, съ теперешнимъ, то можно придти къ очень печальнымъ для нѣмцевъ выводамъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ Галиція была наводнена нѣмецкой бюрократіей: въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ этого края царствовалъ нѣмецкій языкъ, и нѣмцы считали себя въ немъ полновластными хозяевами. Въ настоящее время во всѣхъ учрежденіяхъ Галиціи господствуетъ польскій и малорусскій языкъ, а потомки нѣмецкихъ чиновниковъ-германизаторовъ совершенно ополячились. Только на самомъ западномъ краѣ Галиціи еще существуютъ крупныя нѣмецкія колоніи. Благодаря усиліямъ «Шульферейна», эти колоніи сохраняютъ пока еще свою національность, но удастся-ли имъ ее сохранить и дальше—неизвѣстно. Такъ, напр., одинъ нѣмецкій филологъ, изслѣдовавшій народный говоръ этихъ галиційскихъ колонистовъ, приводитъ нѣ-

сколько его образчиковъ, которые доказываютъ, что молодое поколѣніе далеко не твердо знаетъ языкъ своихъ отцовъ. Дѣла самого «Шульфрейна», который заботится не только о сохраненіи «Besitzstand'a», но и старается еще германизировать славянъ, очень плохи, какъ это выяснилось на послѣднемъ съѣздѣ его делегатовъ нѣсколько недѣль тому назадъ.

Отступленіе нѣмцевъ особенно явственно въ Венгріи. Венгерцы, разъ дѣло касается ихъ національныхъ интересовъ, церемониться не любятъ. Они взяли да и устранили изъ всѣхъ народныхъ школъ обученіе нѣмецкому языку. Нѣмцы было возмутились такому поведенію своихъ транслейтанскихъ согражданъ, но ничего не могли подѣлать. Имъ пришлось махнуть рукой на Венгрію, какъ и на Галицію. Въ Хорватіи старшее поколѣніе еще до сихъ поръ говоритъ по нѣмецки, и нѣмецкій языкъ до недавняго времени игралъ тамъ роль господствующаго языка. Однако, молодежь, вышедшая изъ хорватскихъ школъ, знаетъ нѣмецкій языкъ довольно плохо и употребляетъ его только въ крайнемъ случаѣ.

Нѣмцы такъ огорчены своими національными неуспѣхами, что пугаются всего, что можетъ хоть немного поколебать ихъ политическое преобладаніе. Въ настоящее время, когда министръ внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министръ-президентъ—полякъ, военный министръ—полякъ, министръ финансовъ тоже полякъ, а на-дняхъ назначенъ министромъ для галиційскихъ дѣлъ еще одинъ полякъ, нѣмцы стали громко протестовать противъ такой «славянизаціи» Австріи. Эти протесты въ настоящее время еще усилились, такъ какъ прежніе непримиримые оппозиціонисты младочехи явно склоняются на сторону правительства, которое, какъ передаютъ, обѣщало чехамъ спеціальнаго министра для чешскихъ дѣлъ, понятно, чеха.

Значеніе нѣмецкаго элемента уменьшится въ томъ случаѣ, если парламентъ утвердитъ избирательную реформу въ такомъ видѣ, въ какомъ ее предложитъ графъ Бадени. Проектъ новой избирательной реформы уже давно отпечатанъ и будетъ предложенъ парламенту въ концѣ февраля но до сихъ поръ его содержаніе хранилось въ строжайшей тайнѣ. Только нѣсколько дней тому назадъ вѣнскому корреспонденту пражскихъ «Народныхъ Листовъ», извѣстному депутату младочешскаго лагеря—Эйму—удалось проникнуть въ эту тайну. Оказывается, что австрійскій парламентъ увеличится на 72 депутата, такъ какъ гр. Бадени предполагаетъ учредить новую, пятую курію избирателей съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, причемъ въ этой куріи будутъ имѣть право голоса всѣ достигшіе 24 лѣтняго возраста австрійскіе граждане. Что касается количества депутатовъ различныхъ провинцій, то оно распредѣлено слѣдующимъ образомъ. Чехія получаетъ 18 новыхъ депутатовъ, Галиція—15, Нижняя Австрія—9, Моравія—7, Штирія—4, Верхняя Австрія—3, Силезія, Буковина и Далмація—по 2, а всѣ остальныя

провинціи по одному. Такимъ образомъ въ парламентѣ значительно увеличится число славянскихъ депутатовъ, такъ какъ всѣ галиційскіе, большая часть чешскихъ и моравскихъ депутатовъ—это будутъ славяне. Тамъ, гдѣ будутъ избраны нѣмцы, теперешніе оффиціальные представители нѣмецкаго патріотизма — либералы потерпятъ полное пораженіе, такъ какъ все это будутъ или соціалъ-демократы, или антисемиты. Пока еще трудно сказать, каковъ будетъ исходъ выборовъ въ пятой куріи, но несомнѣнно только одно—это то, что рабочая партія пріобрѣтетъ около 25—30 депутатскихъ полномочій.

Другимъ важнымъ шагомъ въ культурномъ отношеніи слѣдуетъ признать распоряженіе венгерскаго министра народнаго просвѣщенія Влаесича относительно высшаго женскаго образованія, которое до сихъ поръ въ обѣихъ частяхъ Австро-Венгріи находилось въ крайне неудовлетворительномъ положеніи.

Какъ извѣстно, въ Австріи до сихъ поръ женщины не только не были допущены къ слушанію университетскихъ лекцій, но даже не имѣли среднихъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующихъ мужскимъ гимназіямъ. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Прагѣ была основана частная женская гимназія съ программой австрійскихъ мужскихъ гимназій. По примѣру Праги и Вѣна основала частную гимназію для дѣвицъ. Въ Венгріи тоже существуютъ женскія гимназіи, основанныя въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ: одна въ Пештѣ, другая-же въ Загребѣ. Въ прошломъ учебномъ году пражскую женскую гимназію, основанную и содержимую обществомъ «Minerva», окончило слишкомъ двадцать дѣвушекъ, которыя съ успѣхомъ выдержали экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при одной изъ пражскихъ мужскихъ гимназій. Такъ какъ до сихъ поръ на всѣ запросы поборниковъ высшаго женскаго образованія, касающіеся поступленія женщинъ въ университетъ, министръ финансовъ отвѣчалъ обыкновенно, что въ Австріи нѣтъ достаточнаго количества кандидатокъ, то первый выпускъ гимназіи «Минерва» нисколько не сомнѣвался въ томъ, что ему позволятъ поступить въ университетъ, разъ онъ подастъ коллективную просьбу и этимъ докажетъ, что необходимое количество кандидатокъ явилось.

Однако, ни министерство, ни университетскій сенатъ не рѣшились удовлетворить просьбу кандидатокъ. Имъ позволили только поступить въ университетъ вольнослушательницами, да и то только на философскій факультетъ. Большая часть изъ нихъ примирилась съ этимъ, но тѣ, которыя желали посвятить себя изученію медицины, получивъ отказъ отъ сената чешскаго университета, обратились въ нѣмецкій университетъ въ Прагѣ, который оказался либеральнѣе чешскаго. Онѣ были приняты на медицинскій факультетъ, хотя тоже только въ качествѣ вольнослушательницъ. Краковскій университетъ принялъ въ этомъ году также нѣсколько студентокъ-вольнослушательницъ на философскій факультетъ и фар-

мацевтическое отдѣленіе. Наконецъ, вѣнскій далъ позволеніе слушать лекціи на медицинскомъ факультетѣ двумъ студенткамъ.

Однако, всѣ эти спорадическія уступки духу времени нисколько не повліяли на взгляды австрійскаго министерства народнаго просвѣщенія, которое попрежнему отрицательно относилось ко всѣмъ попыткамъ женщинъ добиться равноправности на поприщѣ высшаго образованія.

Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи послужилъ поводомъ къ очень оживленнымъ преніямъ въ вѣнскомъ парламентѣ при обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія. На этотъ разъ бюджетная коммиссія высказалась почти единогласно въ пользу высшаго женскаго образованія, утвердивъ слѣдующую резолюцію: 1) Государство должно заняться организаціей высшихъ школъ для дѣвушекъ. 2) Дѣвушкамъ, которыя получили аттестатъ зрѣлости, слѣдуетъ позволить поступать на философскій и медицинскій факультеты университетовъ. 3) Тѣмъ, которыя получили дипломы въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, дать возможность пріобрѣтенія доктората и право практики въ предѣлахъ австрійской монархіи. Новый министръ народнаго просвѣщенія, несмотря на свои довольно консервативные взгляды, отнесся симпатично къ резолюціи бюджетной коммиссіи и обѣщалъ въ скоромъ времени приступить къ реформамъ въ духѣ этой резолюціи.

Между тѣмъ, транслейтанскій министръ народнаго просвѣщенія Влаесичъ не ограничился одними обѣщаніями. Онъ просто издалъ распоряженіе, на основаніи котораго отнынѣ женщины допускаются на философскій и медицинскій факультеты университетовъ Венгріи въ качествѣ *дѣйствительныхъ* студентокъ. Хотя распоряженіе это содержитъ нѣкоторыя ограниченія (наприм., каждая кандидатка должна подавать спеціальную просьбу министру), однако въ сравненіи со status quo ante теперешнее положеніе женскаго образованія въ Венгріи сильно мѣняется.

Распоряженіе венгерскаго министра народнаго просвѣщенія должно раньше или позже побудить къ такой-же мѣрѣ и цислейтанскаго, такъ какъ лица, окончившія медицинскій факультетъ пештскаго или колошварскаго университетовъ, получатъ, на основаніи теперешнихъ узаконеній о медицинской практикѣ, право лѣчить не только въ Венгріи, но и въ Австріи.

Л. Василевскій.

Изъ Германіи.

Нѣмецкій студентъ съ самыхъ давнихъ поръ (его исторія насчитываетъ около восьми столѣтій) принадлежалъ къ одному изъ характернѣйшихъ типовъ нѣмецкаго народа. Въ многочисленныхъ застольныхъ пѣсняхъ воспѣвается неутолимая жажда студента. Его матеріальная обстановка служитъ предметомъ неисчерпаемыхъ остротъ. Его заносчивость, забубенная удаль и страхъ передъ умственнымъ переутомленіемъ составляютъ тему громадной коллекціи разсказовъ и повѣстей. Можно съ вѣроятностью сказать: если бы нѣмецкій студентъ не давалъ такъ много пищи юмору и остроумію, то распространеннѣйшіе юмористическіе журналы, вродѣ «Fliegende Blätter», потеряли бы добрую половину своихъ теперешнихъ читателей.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь поближе къ нѣмецкому студенту—особенно въ небольшихъ университетскихъ городахъ, гдѣ студенчество представляетъ форменное государство въ государствѣ,—и васъ поразитъ въ немъ эта смѣсь юношеской непринужденности съ какою то особенною галантностью, крайней беззаботности съ неукоснительной вѣрностью предписаніямъ студенческаго устава—Comment'а. Взгляните на него, какъ онъ величаво раскинулся въ каретѣ, или гордо возсѣдаетъ на конѣ, пестря всѣми цвѣтами своего параднаго убора, когда на очереди какой-нибудь академическій, студенческій или національный праздникъ. Черезъ часъ-два его можно встрѣтить уже въ обыкновенномъ плащѣ, съ увѣсистой дубинкой въ рукахъ, часто съ громаднымъ пуделемъ, всего же чаще въ дымной кнайпѣ—ресторанѣ, за старогерманской брагой. Онъ былъ нѣкогда носителемъ высокихъ идеаловъ, теперь онъ большей частью питается старыми традиціями. Онъ большой поклонникъ «des ewig Weiblichen», страстный охотникъ до странствованій. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и въ моменты торжественной приподнятости духа онъ бурный энтузіастъ національной гордости, національной независимости, единства и пр. и пр. Во всей совокупности этихъ качествъ нѣмецкій студентъ представляется многимъ окруженнымъ ореоломъ средневѣковой романтики и поэзіи.

Этотъ ореолъ окружаетъ, впрочемъ, далеко не всю болѣе чѣмъ 28-ми тысячную массу нѣмецкаго студенчества. Но такъ какъ до сихъ поръ такъ называемое цвѣтное студенчество—Kouleurstudenten—является главнымъ носителемъ старыхъ и порядкомъ таки отжившихъ преданій и какъ бы оффиціальнымъ представительствомъ академической молодежи, то оно прежде всего и бросается въ глаза. Оно же является и тѣмъ исходнымъ пунктомъ, отъ ко-

тораго беретъ свое начало обострившійся въ настоящее время студенческій вопросъ въ Германіи. Вопросъ этотъ сводится въ значительной степени къ вопросу о судьбахъ и роли нѣмецкой интеллигенціи, духовной аристократіи страны.

Понятенъ поэтому тотъ интересъ, съ которымъ встрѣчается всякое новое произведеніе, посвященное студентамъ. Такъ въ послѣднее время чрезвычайно много читается книга страсбургскаго профессора философіи Теобальда Циглера, составленная изъ лекцій, читанныхъ имъ студентамъ названнаго университета въ 1894—95 г. Мнѣ пришлось уже разъ кратко упомянуть объ этой книгѣ. Тогда-же я обѣщалъ разсказать подробнѣе о нѣмецкихъ студентахъ, а теперь хочу хоть частью выполнить свое обѣщаніе. Проф. Циглеръ исходилъ въ своихъ лекціяхъ изъ принципа: nihil humani a me alienum puto и потому распространялся какъ о самомъ возвышенномъ, такъ и о самомъ низменномъ въ быту нѣмецкихъ студентовъ, о внѣшнихъ чертахъ этого быта и объ интимнѣйшихъ его проявленіяхъ, объ идеалахъ студента и смѣнѣ этихъ идеаловъ, объ его отношеніи къ политикѣ и религіи, о студенческой чести, объ университетскихъ лекціяхъ и о томъ, какъ онѣ посѣщаются и еще болѣе не посѣщаются, о студенческихъ комерсахъ, фехтованіяхъ и дуэляхъ, о нравственности студентовъ, ихъ организаціяхъ, стремленіяхъ и отношеніи къ животрепещущимъ вопросамъ общественной жизни... Такъ приблизительно формулируетъ программу своихъ лекцій проф. Циглеръ. На такую полноту я въ предѣлахъ письма претендовать, конечно, не могу. Ограничусь поэтому самымъ существеннымъ. И такъ, Silentium! читатель: нѣмецкій Studiosus всегда требуетъ вниманія къ своей персонѣ.

Въ послѣднее время, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ, то и дѣло слышатся жалобы, что въ университетской жизни что-то не ладно, что въ академической практикѣ, какъ сказалъ-бы Щедринъ,—«установился прецедентъ», въ силу котораго большая часть нѣмецкихъ студентовъ, — и притомъ студентовъ изъ тѣхъ слоевъ, которые поставляютъ главный контингентъ слугъ и опоръ государства,—форменнымъ образомъ ничего не дѣлаетъ; т. е. собственно говоря, дѣлаетъ очень многое, но это многое ни въ какой связи съ университетскимъ образованіемъ не находится. Мѣсто ученія занимаетъ прожиганіе жизни, времени, денегъ,—такъ наз. Bummeln; мѣсто научныхъ занятій — чуть ли не исключительное служеніе Вакху, Саламандрѣ и прочимъ пьянственнымъ богамъ. Въ 1893 г., въ концѣ лѣтняго семестра обратили на себя всеобщее вниманіе рѣчи, съ которыми обратились къ студентамъ покойный профессоръ Рудольфъ Гнейстъ и еще нынѣ здравствующій проф. Густавъ Шмоллеръ. Съ чувствомъ глубокаго негодованія настаивалъ тогда Гнейстъ на аккуратномъ посѣщеніи лекцій, а проф. Шмоллеръ съ неменьшимъ негодованіемъ указывалъ, что два-три года подъ-рядъ ничего не дѣлать—нигдѣ въ мірѣ, ни въ какой иной жизненной

карьерѣ не дозволяется взрослому человѣку и что это позорное явленіе есть, однако, прочное достояніе нѣмецкихъ университетовъ. Нѣсколько позже на эту тему высказывался извѣстный философъ и педагогъ, проф. берлинскаго университета Паульсонъ, въ своей статьѣ, посвященной карьеристскимъ и капиталистическимъ тенденціямъ въ современномъ академическомъ быту. Многое сюда относящееся можно встрѣтить и въ книгѣ Циглера.

Можно было бы предположить, что, при всѣхъ прочихъ общепризнанныхъ достоинствахъ нѣмецкихъ университетовъ, имѣется все-таки какой-то спеціальный изъянъ и что этотъ изъянъ сводится приблизительно къ слѣдующему: рядомъ съ благами академической свободы, рядомъ съ гарантированной законами свободой ученія господствуетъ и зло свободы неученія, свободы праздности... Между тѣмъ рѣдко можно встрѣтить нѣмца, который-бы не говорилъ: «нѣтъ, Богъ съ нимъ съ принужденіемъ; тогда ужъ лучше пускай гуляютъ за пивнымъ столомъ... Если между студентомъ и университетомъ сама собою не устанавливается взаимная привязанность, то принужденіе этому не поможетъ... Гулящій студентъ все же свободный человѣкъ, все же не машина...» и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ предшествующаго университету гимназическаго образованія имѣетъ громадное вліяніе на то, какъ молодежь впослѣдствіи справляется съ университетомъ. Далѣе, и въ постановкѣ самаго университетскаго образованія недостаетъ теперь опредѣленныхъ учебныхъ плановъ. Наконецъ, такъ называемыя научныя семинаріи и всякаго рода практическія упражненія, ставящія студента въ близкое соприкосновеніе съ профессоромъ, не вездѣ проведены съ надлежащей систематичностью. Но всѣмъ этимъ тремъ направленіямъ идетъ теперь дѣятельная агитація, и соотвѣтственныя реформы не заставятъ себя долго ждать. Но могутъ ли эти несовершенства объяснять зло ничегонедѣланія для значительной части нѣмецкаго студенчества? Вѣдь, какъ бы то ни было, а въ нѣмецкомъ университетѣ въ учебное время отъ 8 и даже отъ 7 часовъ утра и до 7—8 часовъ вечера ежедневно прочитывается нѣсколько сотъ лекцій—и какихъ лекцій! Нѣтъ ни одного наболѣвшаго вопроса общественной жизни, ни одного больного пункта современной дѣйствительности, которые бы тотъ или иной профессоръ, или еще чаще—тотъ или иной приватъ-доцентъ,—этотъ самоотверженный, неоплачиваемый носитель новыхъ научныхъ направленій въ нѣмецкихъ университетахъ—не взялъ бы за предметъ университетскаго курса, или курса публичныхъ лекцій. А между тѣмъ, что дѣлаетъ въ это самое время значительная часть студенчества? Эта значительная часть есть по преимуществу помянутая выше цвѣтная часть нѣмецкаго студенчества, соединенная въ старыхъ, современной жизни совершенно не соотвѣтствующихъ корпораціяхъ, а занята она пустяками, противъ которыхъ все болѣе возмущается общественная совѣсть, обострившаяся на почвѣ условій упорной

борьбы за существованіе и на почвѣ все болѣе ростущаго сознанія необходимости трудовой жизни для всѣхъ.

Цвѣтная фуражка и трехцвѣтная лента черезъ грудь—это мечта, которую юноша лелѣетъ уже на гимназической скамьѣ. Уже на школьной скамьѣ эти разноцвѣтныя блага студенческаго быта ведутъ къ учрежденію между гимназистами особыхъ тайныхъ обществъ, т. н. Schüler-Verbindungen, гдѣ ученики, собираясь въ глухіе рестораны, тайкомъ, при закрытыхъ дверяхъ, справляютъ церемоніи студенческаго устава. Въ эти общества стараются проникнуть и настоящіе студенты, вербуя тамъ будущихъ членовъ для своихъ корпорацій. Наступаетъ золотое время въ промежутокъ между окончаніемъ гимназіи и поступленіемъ въ университетъ. Бывшій гимназистъ и будущій студентъ, на академическомъ языкѣ—Mulus *), не чаетъ дождаться момента, когда сдѣлается дѣйствительнымъ студентомъ. Во время наѣзда новичковъ въ университетскіе города—это бываетъ въ апрѣлѣ и въ августѣ—можно видѣть на платформахъ вокзаловъ цѣлыя группы представителей различныхъ студенческихъ корпорацій. Здѣсь поджидаютъ пріѣзжающихъ мулусовъ, и, который изъ нихъ покажется подходящимъ малымъ, того наперерывъ стараются привлечь въ ту или иную корпорацію. Состязаніе между корпораціями приводитъ иногда несчастнаго мулуса въ крайнее замѣшательство. Въ его напуганномъ воображеніи рисуется уже картина печальнаго финала: онъ думаетъ, что если склонится въ пользу одной корпораціи, то получитъ вызовъ со стороны другой, долженъ будетъ драться и преждевременно умретъ. При такихъ обстоятельствахъ ничего другаго не остается, какъ телеграфировать немедленно домой и просить о пріѣздѣ матери. Это, конечно, самый худшій случай. Обыкновенно же все сходитъ благополучно. Новичка заберутъ въ карету, отвезутъ куда нибудь въ Латинскій кварталъ, помогутъ ему найти «eine Bude», т. е. меблированную комнату, гдѣ привѣтливая хозяйка тотчасъ наградитъ его титуломъ Herr Doktor,—а тамъ, смотришь, уже вечеромъ, въ студенческой кнайпѣ онъ въ кругу свободныхъ мужей науки тянетъ: Deutschland, Deutschland über Alles. über Alles in der Welt!... На слѣдующій день онъ записался въ студенты и въ торжественной аудіенціи съ ректоромъ университета скрѣпилъ пожатіемъ руки ректора клятву свято соблюдать университетскіе статуты. Вслѣдъ затѣмъ онъ получаетъ званіе фукса,—эту первую степень въ іерархической лѣстницѣ студенческой табели ранговъ,—и клянется свято блюсти требованія студенческаго устава.

Въ старое время нѣмецкая Universitas дѣлилась на «націи», изъ которыхъ въ 17-мъ столѣтіи развилась вся система студенческихъ корпорацій. Изъ «націй» прежде всего создались землячества—Lands-

*) Читателямъ-неклассикамъ долженъ пояснить, что Mulus значитъ оселъ. Такова ужъ безпощадность нѣмецкаго студенческаго лексикона.

mannschaften, группируя около себя студентовъ по мѣсту ихъ родины. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія на почвѣ землячествъ и въ союзѣ съ ними образовались особые ордена, прикосновенные къ тайнымъ союзамъ массоновъ и потому вскорѣ навлекшіе на себя неудовольствіе тогдашнихъ властей. На рубежѣ 18 и 19 столѣтія изъ старыхъ организацій выдѣлились еще Korps. Послѣ освободительныхъ войнъ и подъ ихъ вліяніемъ образовалась организація Burschenschaft. Воспринявъ въ себя политическія стремленія того времени, мечты о созданіи единаго отечества, Burschenschaft задавалась цѣлью сплотить въ одно цѣлое все нѣмецкое студенчество и подготовить его для выполненія завѣтной мысли. Этой горячей мечтѣ не суждено было сбыться въ то время. Съ одной стороны, нерасположеніе тогдашнихъ правительствъ къ студенческимъ организаціямъ, съ другой—нѣкоторыя дѣйствія этихъ послѣднихъ, вродѣ убійства студентомъ Зандомъ Августа Коцебу, повели къ цѣлому ряду репрессивныхъ мѣръ. Всеобщій студенческій союзъ не состоялся, партикуляристическія тенденціи взяли верхъ и Burschenschaft такимъ образомъ сдѣлалась лишь однимъ звеномъ въ цѣпи цѣлой массы студенческихъ корпорацій. Эти послѣднія мы встрѣчаемъ еще на общественной аренѣ въ 30-хъ годахъ, затѣмъ въ бурную эпоху 48-го года, когда «академическій легіонъ» снова выступилъ со знаменемъ единства и свободы и въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, какъ, напр., народный поэтъ Фрицъ Рейтеръ, поплатился годами заключенія въ казематахъ. Между 48-мъ годомъ и началомъ 80-хъ годовъ можно пожалуй еще упомянуть одинъ случай, когда студенчество выступило въ общественной роли: это было тогда, когда оно подъ предводительствомъ профессора математики Дэлля протестовало противъ изгнанія въ 1876 году Евгенія Дюринга изъ берлинскаго университета. Этимъ заканчивается героическій періодъ студенческой корпоративной жизни и начинается новая эпоха.

Въ современной академической жизни идетъ напряженная борьба партій за первенство. Рядомъ со старыми студенческими корпораціями: Burschenschaft, Landsmannschaft, Korps—образовались новыя организаціи, считающія себя призванными вдохнуть новую жизнь въ среду академической молодежи и вытѣснить отжившіе нравы добраго стараго времени. Въ странѣ съ такимъ развитымъ ферейнскимъ духомъ, какъ Германія, само собою разумѣется для всякаго, что и студенчество не составляетъ разсѣянной массы, а прилежно и упорно ассоціируется. Но какой резонъ могутъ имѣть студенческія корпораціи, создавшіяся нѣкогда въ виду спеціальныхъ цѣлей и остающіяся на аренѣ жизни еще долгое время послѣ того, когда намѣченныя тогда задачи давнымъ давно осуществлены? Да, говорятъ на это сторонники Burschenschaft, Korps и пр.: національное единство нѣмецкаго народа съ Божьей помощью достигнуто—это правда. Но до тѣхъ поръ, покуда съ Запада и Востока

нѣтъ покоя отъ внѣшнихъ враговъ, а внутри страны не менѣе опасный врагъ грозитъ цѣльности отечества,—до тѣхъ поръ еще много работы для испытанныхъ старыхъ студенческихъ организацій: слѣдуетъ безостановочно поддерживать въ нѣмецкомъ народѣ здоровый духъ національности, гордое сознаніе національной чести и т. д.

Присмотримся ближе къ этимъ добрымъ буршамъ.

«Frei ist der Bursch!»—поется на разные лады въ старыхъ и новыхъ студенческихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ академическую свободу. А студентами университета въ Галле поется еще:

«In Halle angekommen,—Cerevisia cerevis!
«Als Füchslein aufgenommen,—Cerevisia cerevis!
«Da ging es gleich an ein flott Commersieren,—denn studieren
«Darf ein Krasser Fuchs noch nicht!—Cerevisia cerevis» *).

Въ такомъ видѣ преподносится академическая свобода вновь испеченному академическому гражданину—civis akademicus. Всѣ эти Burschenschaften, Landsmannschaften, Corps, freischlagenden Verbindungen (свободно дерущіеся союзы) и т. п., въ противоположность старому единству и солидарности, готовы теперь другъ другу выцарапать глаза—такъ мало у нихъ согласія. Согласія мало, потому что мало разумныхъ основаній для солидарной жизни и много поводовъ для разногласія, конкурренціи изъ-за мишуры, изъ-за пустяковъ. Общее всѣмъ этимъ корпораціямъ лишь то, что всѣ онѣ прогуливаютъ родительскія деньги и очень часто—сверхъ родительскихъ силъ. Фуксъ—этотъ еще отдувается тѣмъ, что проглатываетъ ни съ чѣмъ несоразмѣрную массу пива, въ ущербъ своему здоровью и своему образованію. Но слѣдующая степень—активный студентъ (Activer) требуетъ очень много денегъ. Въ старые годы студенческій спортъ, если и сопряженъ былъ съ потерею массы времени и силъ, то по крайней мѣрѣ обходился не такъ дорого. Тогда студентъ не придавалъ такъ много значенія внѣшности. Теперь-же парфюмерія, фризура, перчатки, цвѣтная и не цвѣтная одежда и пр. поглощаютъ у корпоранта значительныя суммы. Это стремленіе къ наружному лоску было раньше особенностью чуть-ли не исключительно студентовъ изъ Corps. У этихъ-то оно и понятно, потому что въ Corps издавна шли лишь сыновья юнкеровъ и денежной аристократіи. Здѣсь каждая мамаша не нарадуется, если ея сынокъ-студентъ выглядитъ настоящей напомаженной куклой. По мѣрѣ все большей дифференціаціи студенческихъ корпорацій, Corps стали принимать къ себѣ лишь тѣхъ, которые могутъ проживать ежемѣсячно отъ 500 до 1,000 марокъ, смотря по университету. И вотъ, буршеншафты, ландсманшафты и прочія корпораціи, наби-

*) Cerevis—есть пивная игра, въ которой участвуютъ четыре человѣка,—двое противъ двухъ,—какъ борющіяся партіи. Сущность и особенность этой игры заключается въ томъ, что проигравшая партія платится не покрытіемъ денежной стоимости выпитаго пива, а покупкой новаго пива, которое выпивается играющими во что бы то ни стало.

рающіяся главнымъ образомъ изъ сыновей средняго сословія, изъ кожи лѣзутъ, лишь-бы не ударить лицомъ въ грязь передъ патентованными буршами изъ Corps.

Нѣмецкій студентъ среднихъ вѣковъ одѣвался въ клерикальную одежду; у студентовъ конца прошлаго вѣка былъ еще крѣпокъ единый корпоративный духъ, сказывавшійся и въ общей одеждѣ. Только буршеншафты любили одѣваться нѣсколько оригинально и отпускать длинные волосы, чтобы казаться настоящими германцами. Если посравнить съ этимъ современнаго корпоранта, то, вмѣсто старогерманскаго вида, въ немъ скорѣе найдешь черты настоящаго вѣнскаго франта, тщательно припомаженнаго, съ проборомъ черезъ всю голову, съ засученными брюками въ самую сухую погоду, часто не иначе, какъ въ лаковыхъ ботинкахъ. А какъ онъ ломаетъ шапку при встрѣчѣ даже со своимъ братомъ-студентомъ: китайскіе мандарины—и тѣ, вѣроятно, проще обходятся, чѣмъ эти комилитоны между собою.

Званіе активнаго студента въ цвѣтной корпораціи стоитъ, какъ сказано, массу денегъ. Въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ «облаженіе» лекцій для студента, его квартира и необходимые жизненные расходы составляютъ едва пятую часть того, во что ему обходится его «активность». Фехтовальный курсъ, утренняя выпивка (Frühschoppen), генеральный кутежъ (Exbummels), празднованіе годовщины основанія корпорацій (Stiftungfeste), комерсы, подарки старшимъ членамъ корпорацій (Dedikationen), кассовые взносы и т. п.—все это поглощаетъ много денегъ. Это-бы еще туда-сюда, но главное горе въ томъ, что эта процедура поглощаетъ все время. При той массѣ обязательствъ, съ которыми связано званіе активнаго бурша, совершенно понятно, что не остается времени для лекцій. Лишь въ положеніи неактивнаго—Inaktiver, т. е. послѣ того, какъ буршъ пожертвовалъ «для своего цвѣта» нѣсколькими семестрами, онъ можетъ подумать о занятіяхъ. Чтобы какъ-нибудь сдать экзаменъ, надо усиленно зубрить, нагнать потерянное съ упорствомъ вола—nachochsen (Ochs—волъ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Frühschoppen былъ еще оффиціальнымъ учрежденіемъ, т. е., каждый активный членъ корпораціи былъ, подъ страхомъ дисциплинарнаго взысканія, обязанъ въ опредѣленный часъ явиться къ утренней выпивкѣ. Въ настоящее время дѣло обстоитъ нѣсколько оффиціозно: цвѣтное студенчество пошло на компромиссъ и предписываетъ являться къ Frühschoppen'у, если тому не мѣшаетъ настоятельная причина, какъ посѣщеніе лекціи и пр.

Но уже одна мысль, что въ такой-то часъ передъ обѣдомъ въ уютной кнайпѣ сидитъ за пѣнящимися стаканами компанія цвѣтныхъ собратьевъ, на многихъ дѣйствуетъ магически—и смотришь—тотъ или иной колеблющійся вмѣсто университета побрелъ къ кабачку. Въ концѣ 80-хъ годовъ министръ обратилъ вниманіе

университетскихъ судей на обязательность Frühschoppen'а и предложилъ принять противъ этого обычая надлежащія мѣры. Въ средѣ цвѣтного студенчества по этому поводу произошла крайняя ажитація. Министръ грозилъ распущеніемъ тѣхъ корпорацій, которыя будутъ противиться его предписаніямъ, и вотъ одинъ академическій журналъ разражается противъ министерскаго предписанія слѣдующей филиппикой, не лишенной значительной дозы юмора: «Министерство и раньше выступало съ такими мѣрами, но успѣхъ ихъ былъ сомнителенъ. Каждый студентъ, даже тотъ, который не придерживается оффиціальной утренней выпивки, несомнѣнно выпьетъ теперь съ нами рядъ фришопеновъ, полныхъ возмущенія и горячаго протеста противъ министерскихъ репрессалій. А тамъ все останется по старому. Если раньше каждый открыто и честно соблюдалъ оффиціальный фришопенъ, то теперь съ улыбкой будутъ поговаривать объ оффиціозной выпивкѣ. Любопытно то, что со времени министерскихъ преслѣдованій студенческая кнайпа во время фришопеновъ посѣщается съ величайшею аккуратностью и притомъ безъ всякаго предварительнаго уговора, безъ постановленія студенческаго конвента, а *исключительно по внутреннему побужденію* (подчеркнуто въ подлинникѣ)».

Противъ внутренняго побужденія безсильны, конечно, всякія репрессаліи,—и утренняя выпивка—Frühschoppen длится подчасъ до вечерней Dämmerschoppen. Выпитое на тощакъ производитъ извѣстное отяжелѣніе въ головѣ; въ-такомъ состояніи не до лекцій. Остается или отправиться къ себѣ auf die Bude и переспать часокъ-другой, или же съ компаніей отправиться въ пивное путешествіе—Bierreise, т. е. изъ одного кабачка въ другой. Frühschoppen—это первый толчокъ къ деморализаціи и умственной праздности. Особенно рельефно это обнаруживается въ такъ называемыхъ комерсахъ. Wer niemals einen Rausch gehabt, der ist kein rechter Mann!—эта поговорка справедлива, пожалуй, не только для нѣмецкаго студента. Но пить такъ, какъ это дѣлается въ цвѣтныхъ корпораціяхъ, по опредѣленному, точно выработанному пивному кодексу, т. н. Biercomment'у, и возводить это въ геройство—такого рода нравы по меньшей мѣрѣ дики и не своевременны. Есть цвѣтные студенты, которые, лежа въ постели, все предобѣденное время только и дѣлаютъ, что зубрятъ Biercomment и чрезвычайно гордятся, если безукоризненно справляются со всѣми его предписаніями.

Для цвѣтного бурши нѣтъ ничего печальнѣе, какъ обнаружить въ какомъ либо отношеніи пивное безсиліе—Bierimpotenz. Поэтому всѣ эти пивныя игры, какъ Bierskat, Rammes, Cerevis, Quodlibet,—далѣе—пивныя состязанья—Biergericht, представляютъ настоящій Bierskandal и требуютъ отъ участвующихъ высшаго напряженія силъ. Легко себѣ представить, какъ способны втянуть въ себя молодого человѣка эти во многихъ отношеніяхъ забавныя игрушки. Въ моленькихъ университетскихъ центрахъ можно среди студентовъ

встрѣтить прямо невѣроятныя физіономіи. Кто о студенческихъ типахъ знаетъ только по юмористическимъ листкамъ, тотъ не вѣритъ, что въ дѣйствительности возможны такія заплывшія, вздутыя существа среди молодежи. Это есть между тѣмъ верхъ пивной потенціи.

Въ прежнія времена нѣмецкій студентъ не дѣлалъ различія между богатымъ и бѣднымъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ идеалистъ, совершенно игнорировавшій матеріальное положеніе своего комилитона. Теперь у цвѣтныхъ корпорантовъ дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ у безцвѣтныхъ филистеровъ. Я упоминалъ выше, какъ студенты изъ Korps ставятъ условіемъ принятія въ свою корпорацію лишь буршей съ опредѣленнымъ матеріальнымъ цензомъ. Примѣръ Korps дѣйствуетъ заразительно и для другихъ корпорацій. Отсюда возникаетъ въ сферѣ студенчества соперничество, котораго и филистеръ начинаетъ все болѣе и болѣе стыдиться. Любопытна, между прочимъ, слѣдующая черта. Въ нѣкоторыхъ кругахъ студенчества считается неприличнымъ, если въ экипажѣ сидитъ болѣе двухъ человѣкъ. Откуда явилась такая точка зрѣнія? Въ прежнее время небольшія студенческія корпораціи, при своихъ выѣздахъ, набирали побольше экипажей, чтобы придать цугу болѣе грандіозный видъ. Въ этихъ случаяхъ садилось въ экипажъ не больше двухъ студентовъ. Теперь эта спеціальная цѣль забыта и цвѣтной студентъ даже въ свою частную жизнь перенесъ правило, въ силу котораго не садится третьимъ въ карету. Наиболѣе приличнымъ онъ находитъ остаться въ каретѣ одинъ, или въ обществѣ своего пуделя или болонки.

Не удивительно, если въ стремленіи перещеголять одинъ другого, студентъ переходитъ границу своей «свободной наличности», часто переходитъ всякія границы и пускается во всѣ тяжкія такъ называемаго Pump'a, дѣланія долговъ. Студентъ во мнѣніи обыкновеннаго смертнаго, въ особенности—во мнѣніи лавочника или трактирщика—все еще persona grata, хотя и не такъ, какъ въ прежнее время. Въ небольшихъ университетскихъ городахъ все благополучіе торговаго люда зависитъ по преимуществу отъ благоволенія студенчества. Поэтому и безъ кредита нельзя обойтись. Достаточно придти цвѣтному студенту въ лавку и ему точасъ же отпустятъ, что угодно. Маленькая формальность заключается лишь въ томъ, что лавочникъ занесетъ все взятое въ книгу, на которой золотыми буквами значится что нибудь вродѣ—«Vivat Saufia!», а далѣе сказано: «мы кредитуемъ г-ну студенту такому-то на 4 семестра...» Цвѣтныя корпораціи иногда бойкотируютъ нелюбезнаго лавочника, ресторатора или парикмахера самымъ безпощаднымъ образомъ. Но вотъ недавно произвелъ большое впечатлѣніе рѣшительный шагъ, предпринятый противъ безъ мѣры должающихъ студентовъ. Это было въ Геттингенѣ, гдѣ рестораторы заключили между собою стачку, подъ страхомъ 500 марокъ штрафа не давать гг. студентамъ кредита долѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, а напитки отпускать лишь на наличныя

деньги. Мѣра ресторатороръ обоснована ими въ обстоятельномъ комментарѣ, гдѣ указывается на все болѣе обостряющуюся нужду средняго ремесленника и торговца, на поощреніе излишества и роскоши среди студенчества системой неограниченнаго кредита и т. п.

Старое понятіе о чести и достоинствѣ бурша, очевидно, потерпѣло большія видоизмѣненія. Пустить пыль въ глаза жалкому филистеру *), основательно его «anpritpen» (взять въ долгъ)—это вполнѣ гармонируетъ со студенческой честью. Но за то студентъ, предпочитающій учиться, а не отвѣчать на всякій нелѣпый вызовъ,—есть безчестное созданіе въ глазахъ цвѣтного рыцаря. Что студенческая дуэль и т. н. мензура превратились теперь въ одну комедію, не заключающую въ себѣ ни капли нравственнаго мужества,—это всѣмъ и каждому ясно. И все-таки эта комедія не вымираетъ, служа якобы поэтической забавой для привилегированной части студенчества. Физическое воспитаніе среди молодежи вообще и университетской въ частности привлекаетъ въ послѣднее время все большее и большее вниманіе, и мы наканунѣ возрожденія своего рода олимпійскихъ игръ въ Германіи, приспособленныхъ, конечно, къ требованіямъ современной гимнастики. Но то, что творится промежъ цвѣтного студенчества—есть остатокъ средневѣковаго варварства, принявшій теперь самыя несимпатичныя формы. Студенческія дуэли въ ихъ настоящей формѣ, конечно, совершенно не опасны, или же въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ кончаются печально. По крайней мѣрѣ все дѣлается, чтобы предотвратить опасность. А между тѣмъ цвѣтной студентъ, у котораго физіономія не покрыта шрамами въ разныхъ направленіяхъ, считаетъ себя несчастнымъ человѣкомъ. Шрамъ для современнаго нѣмецкаго студіозуса — такое же украшеніе, какъ татуировка для дикаря.

Студенческая дуэль выродилась въ нѣчто совершенно смѣшное. Достаточно иногда пристальнаго взгляда со стороны одного студента, чтобы другой фиксируемый буршъ счелъ себя оскорбленнымъ и сдѣлалъ вызовъ. Формально студенческая дуэль, какъ и всякая дуэль, воспрещена закономъ. Но въ такъ называемыхъ высшихъ слояхъ общества она такъ укоренилась и считается такимъ благородным институтомъ, что и полиція, и судъ смотрятъ на это дѣло сквозь пальцы. Отдѣльные университеты, смотря по характеру ихъ ректоровъ, напоминаютъ студентамъ о наказуемости дуэлей и связанныхъ съ ними безобразій. Въ текущемъ семестрѣ, напр., въ нѣкоторыхъ университетахъ ректоры вывѣсили на «черной доскѣ» объявленіе, воспрещавшее окровавленнымъ въ мензурахъ студентамъ появляться на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Полиціи и педелямъ предлагалось строго слѣдить за выполненіемъ ректорскихъ постановленій. Но не тутъ-то было. Цвѣтные студенты сочли

*) На языкѣ цвѣтныхъ студентовъ всякій внѣ корпораціи стоящій студентъ называется «дикимъ» (wild), всякій нестудентъ—филистеромъ.

себя обиженными въ священнѣйшихъ своихъ правахъ и обычаяхъ, и на улицахъ снова появились разбитые въ котлетку физіономіи, съ компрессами, повязками, наносниками и прочей декораціей. Нѣсколько времени тому назадъ мюнхенская публика «перваго представленія», такъ называемая Premièren-Publicum, почувствовала, что придворный театръ наполнился запахомъ іодоформа, точно хирургическая клиника. Всѣ были поражены и отвлечены отъ театральной новинки въ сторону партера, гдѣ рядышкомъ сидѣли пять сыновей цвѣтного союза съ компрессами величиной въ подушку, изъ подъ которыхъ виднѣлись основательно расквашенныя лица.

То студенческое единство, о которомъ мечтали нѣкогда буршеншафты, менѣе всего осуществлено въ современномъ студенчествѣ. Часто гимназическіе товарищи не подаютъ другъ другу руки, потому что съ поступленіемъ въ университетъ одинъ сдѣлался членомъ Korps, а другой членомъ Landsmannschaft и т. п. Эта рознь сказывается и въ самыхъ патріотическихъ случаяхъ. Юбилеи Бисмарка и основанія Германской имперіи, дни рожденія императора и пр. празднуются каждой корпораціей на свой ладъ: то Korps претендуютъ на первыя роли, то Burscherschaften не могутъ угнаться за требуемымъ богатыми комплитонами блескомъ, то антисемитическіе «Ферейны нѣмецкихъ студентовъ» не терпятъ еврейскихъ участниковъ, корпораціи еврейскихъ студентовъ не хотятъ рисковать столкновеніями съ представителями чистой тевтонской крови, католическіе студенты не хотятъ кричать ура! Бисмарку, христіанскіе студенты (по преимуществу теологи) не хотятъ связываться съ людьми, у которыхъ главное занятіе: Raufen, Saufen, Unkeuschheit (драки, пьянство и развратъ), соціалистическіе студенты ничего не хотятъ слышать о подобныхъ патріотическихъ затѣяхъ и т. д. Уже изъ одного этого перечня можно себѣ представить, какъ выглядитъ въ настоящее время единство въ нѣмецкомъ студенчествѣ. Кстати назову здѣсь и печатные органы главныхъ студенческихъ группъ: «Akademische Monatshefte»—служитъ органомъ нѣмецкихъ Corpstudenten; «Burschenschaftliche Blätter»—органъ буршеншафтовъ; «Akademische Blätter» — органъ антисемитическаго «Verein deutscher Studenten», «Socialistischer Akademiker»—органъ соціалистовъ-студентовъ. Можно сюда же прибавить общія академическія изданія, какъ «Akademische Revue» съ ея приложеніемъ «Der Student», органъ Конвента цвѣтныхъ корпорацій и др.

Та часть нѣмецкаго студенчества, которая представлена въ старыхъ корпораціяхъ, составляетъ приблизительно отъ 12 до 13% всей массы студентовъ въ университетахъ и спеціальныхъ высшихъ заведеніяхъ. За послѣднія 10—15 лѣтъ можно констатировать постепенное пониженіе этой категоріи студентовъ, что ей не мѣшаетъ однако фигурировать въ качествѣ оффиціальной представительницы академической молодежи. Боже сохрани, если ректоръ вздумаетъ по случаю какого нибудь академическаго праздника поставить, напр.,

депутацію отъ академической студенческой читальни на одну ступень съ цвѣтной депутаціей! Какъ можно, чтобы эти «дикіе» и «полуфилистеры» осмѣлились взять на себя оффиціальную миссію!

Привиллегированность цвѣтного студенчества объясняется тѣмъ, что многіе все еще видятъ въ особенностяхъ его быта большую дозу поэзіи. Увѣряютъ также, что корпоративная жизнь, какъ она ведется у цвѣтныхъ студентовъ, имѣетъ громадное воспитательное значеніе: здѣсь, дескать, кладутся прочныя узы дружбы на всю жизнь, здѣсь вырабатываются характеры, усваиваются хорошія манеры,—ну, словомъ, и Бисмаркъ въ свое время былъ Corpstudent... Съ другой стороны все болѣе распространеннымъ становится мнѣніе что всѣ преимущества старыхъ корпорацій по меньшей мѣрѣ проблематичны. Въ настоящее время отъ старыхъ идеаловъ у нихъ ничего не осталось и всѣ стремленія сводятся къ тому, чтобы по части развязности и внѣшняго лоска не уступать самому блестящему лейтенанту. Они любятъ называть себя лейбъ-гвардіей Гогенцоллерновъ.

Не слѣдуетъ думать, что вмѣстѣ съ самыми не симпатичными проявленіями цвѣтного студенчества осуждается и самое корпоративное начало. Напротивъ: это начало считается основнымъ устоемъ не только академической свободы, но и академическаго образованія.

Уже съ начала 80-хъ годовъ на академической, или вѣрнѣе—на общественной аренѣ появляется многочисленная группа студентовъ, стремящаяся оспорить у цвѣтныхъ корпорацій привиллегію гвардіи Гогенцоллерновъ. Это есть упомянутый уже выше «Verein deutscher Studenten», вскорѣ пріобрѣвшій довольно значительное вліяніе во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ. V. D. St., какъ кратко называется этотъ ферейнъ, есть уже продуктъ новаго времени, вызванный спеціальными условіями общественнаго и политическаго развитія Германіи за послѣднія 20—25 лѣтъ. V. D. St. написалъ на своемъ знамени не просто національность, а чистая національность, не просто германизмъ, а неподдѣльный (unverfälscht) германизмъ и тѣмъ самымъ антисемитизмъ. V. D. St. фактически сдѣлался чѣмъ то въ родѣ добровольнаго отряда антисемитической партіи, которая, въ лицѣ Штеккера, Альварта и другихъ павшихъ теперь звѣздъ, увлекала студенчество въ сторону самыхъ рискованныхъ предпріятій. Юдофобство, которое здѣсь систематически культивировалось, принимало часто самыя удивительныя и недостойныя молодежи формы. Стоитъ припомнить роль V. D. St. въ вопросѣ постановки памятника Генриху Гейне, котораго антисемисты, а за ними и названный ферейнъ, не хотѣли признать нѣмецкимъ поэтомъ. У старыхъ корпорацій была одна несомнѣнно хорошая сторона: онѣ относились совершенно равнодушно къ расовымъ и племеннымъ различіямъ въ предѣлахъ своего отечества. Но лавры V. D. St. не давали покоя цвѣтнымъ собратьямъ, и мы видимъ въ послѣд-

нее время все большее проникновеніе ихъ антисемитическими тенденціями.

Антисемитизмъ въ нѣмецкихъ университетахъ едва ли имѣетъ иное происхожденіе, чѣмъ антисемитизмъ въ политической и общественной жизни Германіи Въ своей современной нѣмецкой формѣ, т. е., какъ политическая партія, антисемитизмъ вытекаетъ изъ все болѣе растущаго недовольства современными экономическими отношеніями, особенно неблагопріятно отражающимися на участи средняго сословія. Конкурренція, все болѣе усиливающаяся на экономической почвѣ, даетъ себя чувствовать и въ либеральныхъ профессіяхъ. Неоднократно замѣчено, что еврейскій студентъ отличается большимъ прилежаніемъ, большей трезвостью и потому легко побиваетъ на экзаменѣ своего германскаго комплитона, который много времени убилъ на кнайпу, фехтованье и прочія аттрибуты патріотически-студенческаго быта. Еврей опасный конкурренть по части капиталистической эксплоатаціи, а еврейскій студентъ не менѣе опасный конкурренть по части борьбы за существованіе, по части занятія мѣстъ, добыванія юридической и медицинской практики и т. д.

Подобно тому, какъ противъ антисемитизма вообще учреждены въ Германіи особыя общества борьбы съ антисемитизмомъ, общества, насчитывающія въ своей средѣ не мало выдающихся христіанъ,—такъ и въ противовѣсъ студенческому антисемитизму уже въ 80-хъ годахъ образовывались студенческія общества. Они извѣстны подъ названіемъ «Freie wissenschaftliche Vereinigungen» (свободныя научныя общества). Эти общества, какъ уже показываетъ ихъ названіе, не имѣютъ и не имѣли активнаго боевого характера. Ихъ роль была болѣе оборонительнаго характера: они старались сосредоточить около себя тѣ элементы студенчества, которые сторонились отъ антисемитическихъ подстрекательствъ, и воспитывать ихъ въ духѣ началъ нѣмецкой либеральной партіи. Съ упадкомъ нѣмецкой либеральной партіи въ послѣдніе годы, сильно упали и стоявшія подъ протекторатомъ этой партіи студенческія общества. Этому способствовало и то обстоятельство, что чисто научная подкладка тѣхъ обществъ не шла далѣе обоснованія общихъ либеральныхъ принциповъ. Ферейнъ нѣмецкихъ студентовъ оказался въ этомъ отношеніи болѣе на высотѣ времени, учредивъ у себя особыя научныя секціи, для ознакомленія своихъ членовъ съ соціальнымъ вопросомъ. Изъ этого можетъ быть и вышелъ-бы какой нибудь толкъ, еслибы партійные, внѣ студенческой среды стоящіе фанатики не старались научныя занятія тѣхъ секцій приспособить къ обоснованію антисемитическихъ тенденцій.

Уже изъ этой краткой характеристики двухъ студенческихъ группъ можно видѣть, что видоизмѣненія въ средѣ нѣмецкаго студенчества шли въ значительной мѣрѣ параллельно съ общимъ ходомъ соціально политическаго развитія Германіи за послѣднія

десятилѣтія. Этотъ параллелизмъ особенно рельефно обнаруживается въ возникновеніи третьей группы студентовъ, которая должна быть поставлена въ тѣсную связь съ ростомъ соціалъ-демократическаго движенія. На послѣднемъ международномъ студенческомъ конгрессѣ въ Женевѣ (приблизительно года два тому назадъ) было представлено и нѣмецкое соціалъ-демократическое студенчество черезъ особаго депутата. Правда, въ депутаты не рѣшились послать настоящаго студента, такъ какъ университетскій уставъ караетъ студентовъ за активную политику увольненіемъ изъ университета. Пришлось поэтому ограничиться молодымъ докторомъ-литераторомъ...

Послѣдніе два-три года, не отличавшіеся большимъ внутреннимъ спокойствіемъ въ Германіи, давали неоднократно поводъ и нѣмецкимъ университетамъ, и студенческой молодежи къ тѣмъ или инымъ публичнымъ дѣйствіямъ. Напомню хотя-бы извѣстныя нападки «Короля Штумма» на профессоровъ и студенговъ; далѣе: постановленіе рейхстага противъ чествованія Бисмарка и т. д. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чисто-академическихъ вопросахъ, какъ въ «инцидентѣ Штумма», тамъ обыкновенно студенты за-одно съ профессорами, въ установленной здѣсь формѣ, выразятъ свой протестъ и заступятся за академическую свободу. Мы видѣли это, напр., на извѣстномъ студенческомъ комерсѣ въ честь Вагнера и Шмоллера, о которомъ я въ свое время (въ началѣ прошлаго года) сообщалъ. Тамъ-же, гдѣ дѣло касается какого-нибудь политическаго сюжета, всегда находятся элементы среди студенчества, которые напомнятъ своимъ товарищамъ, что активная политика не есть дѣло студентовъ. Надо отдать справедливость нѣмецкому студенчеству: въ своемъ подавляющемъ большинствѣ оно хорошо дисциплинировано. Въ этомъ, надо думать, сказывается хорошая сторона его исконной корпоративной жизни. Привычка всякое студенческое дѣло разбирать сообща и возможность такого общаго разсмотрѣнія предупреждаетъ недоразумѣнія и совершенно исключаетъ исторіи, вродѣ того, какъ это недавно происходило въ Аграмѣ, или въ итальянскихъ университетахъ. За послѣднее время можно-бы привести цѣлый рядъ конфликтовъ между студентами и полиціей (по поводу соблюденія различныхъ формальностей относительно ферейновъ), и между студентами и ректоромъ (по поводу, напр., распущенія одного научнаго студенческаго общества бывшимъ ректоромъ берлинскаго университета проф.-теологомъ Пфлейдереромъ). Противъ произвольныхъ дѣйствій полиціи студенческія собранія ищутъ прежде всего заступничества у ректора; неправильныя дѣйствія Rector'a Magnificus'a обжалываютъ у министра народнаго просвѣщенія. Сопровождающими факторами въ разсмотрѣніи подобныхъ конфликтовъ является обыкновенно профессорскій персоналъ съ одной стороны и печать съ другой. При этихъ условіяхъ такъ называемые безпорядки совершенно немыслимы въ

нѣмецкомъ университетѣ, и тѣмъ менѣе мыслима такая исключительная мѣра, какъ временное закрытіе университета.

Строгая дисциплина нѣмецкихъ студентовъ обнаруживается даже и тогда, когда на сцену выступаютъ самыя настоящія формы партійной борьбы. Изъ ряда эпизодовъ, сюда относящихся, я разскажу лишь объ одномъ наиболѣе любопытномъ эпизодѣ изъ жизни берлинскаго студенчества. Это было въ іюнѣ прошлаго года.

Всѣмъ хорошо знакомъ Каштановый лѣсокъ въ Берлинѣ. Это центръ университетской жизни германской столицы. Одна сторона Каштановаго лѣска, примыкающая къ «Липамъ» (улица—Unter den Linden) занята зданіемъ университета, котораго фасадъ и главныя ворота украшены статуями братьевъ Гумбольдтъ. Со стороны Dorotheenstrasse возвышается обращенный къ университету бюстъ Гегеля. Рядомъ съ философомъ помѣщается знаменитая «Академическая биргалка» (Akademische Bierhalle), которую въ обѣденное время наполняютъ многія сотни наименѣе состоятельнаго академическаго и не академическаго люда. Въ самомъ лѣску, кромѣ памятника одного знаменитаго химика, имѣется лишь одно длинное зданіе, которое здѣсь по просту называютъ баракомъ. Длинный баракъ была когда-то auditorium maximum, въ которой Дюбуа Реймонъ, Вирховъ, Трейчке читали свои публичныя лекціи. Теперь въ немъ помѣщается die Akademische Lesehalle (Академическая читальня). Входъ въ читальню находится какъ разъ противъ обычнаго не парадного входа въ университетъ, и въ учебные часы здѣсь царитъ оживленное движеніе. Чрезвычайно просто обставлена эта «студенческая читалка»: рядъ деревянныхъ стульевъ вдоль стѣнъ, кожею обтянутые диваны да длинные столы. Но стулья слишкомъ тверды, а диваны очень продавлены, въ виду чего комилитоны предпочитаютъ читать стоя, часто толпясь цѣлыми группами у свѣжаго номера газеты. Мнѣ эта картина живо напоминала, какъ мы въ свое время, въ нашей «читалкѣ» Петербургскаго университета, растянемъ бывало какую-нибудь «простыню» во всю ея величину и, столпившись съ обѣихъ ея сторонъ, сразу по 10—12 человѣкъ вычитываемъ свѣжія газетныя новости. Здѣсь, въ академической читальнѣ, это, строго говоря, не дозволяется. Въ виду этого, когда въ проходахъ читальни набирается много народу, то неожиданно появляется какой-нибудь господинъ изъ директоріума читальни (директоріумъ состоитъ изъ студентовъ) и, оглушивъ сначала громовымъ: Silentium! — попроситъ затѣмъ присутствующихъ занять мѣста и держать въ порядкѣ газеты. Silentium! значится также гигантскими буквами на особой доскѣ противъ входа и на стѣнахъ читальни. Директоріумъ руководитъ читальней съ полной безпартійностью. Здѣсь имѣются газеты и журналы всѣхъ оттѣнковъ и направленій. Рядомъ съ «Дворянской газетой» (Adelsblatt) виситъ «Socialist, Organ aller Revolutionäre», рядомъ съ забавнымъ «Journal amusant,—набожная католи-

ческая газета «Leo». Всѣ берлинскія газеты представлены во многихъ экземплярахъ, а изъ провинціальныхъ изданій имѣются самыя маленькія. Часто можно видѣть, какъ молодой фуксъ, въ первый разъ завернувши въ читальню, съ радостью вскрикнетъ: «она и впрямь здѣсь!»—Это онъ увидѣлъ маленькую газетку своего роднаго захолустья. Китайцы, японцы, американцы и, само собою разумѣется, европейцы, въ томъ числѣ русскіе, — каждый найдетъ здѣсь нѣсколько своихъ газетъ. Только слѣдуетъ ему стараться разъискать свою газету въ массѣ печатнаго матеріала и затѣмъ положить ее на мѣсто. Въ противномъ случаѣ добровольный стражъ порядка уничтожитъ его своимъ убійственнымъ взглядомъ. Его здѣсь называютъ «газетнымъ тигромъ» (Zeitungstiger), потому что онъ съ невѣроятною свирѣпостью набрасывается на всякую газету, которую читатель, вмѣсто того, чтобы повѣсить на надлежащій крючокъ, оставилъ на столѣ. Свое возмущеніе безпорядкомъ газетный тигръ перелагаетъ затѣмъ въ стихотворную сатиру, отчуетъ ею студентовъ, которые имѣютъ къ своему добровольному обличителю немалый респектъ. Газетный тигръ уже не молодой человѣкъ и притомъ не «академическій гражданинъ». Кромѣ него изъ не академиковъ посѣщаютъ читальню кое-кто изъ журналистовъ и старыхъ пенсіонированныхъ чиновниковъ. Временами внезапно отворяется дверь и появляется контроль. «Silentium!»—провозглашаетъ одинъ изъ инспекторовъ: «прошу предъявить карты!» Чтобы быть членомъ читальни, нужно дѣлать опредѣленный взносъ, и понятно, что не всѣ 6—7 тысячъ студентовъ берлинскаго университета состоятъ членами читальни. Въ виду этого инспекторы почти каждый разъ накроютъ одного-двухъ зайцевъ, совершенно случайно, «на минутку» забредшихъ въ читальню. Подъ гомерическій хохотъ присутствующихъ, зайцевъ уводятъ въ секретаріатъ и «облегчаютъ» ихъ тамъ на извѣстную сумму—приблизительно 20—30 пфениговъ. За свое примѣрное усердіе по службѣ оба инспектора—«блондинъ и брюнетъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, выбираются ежегодно и единодушно. Въ годовыхъ отчетахъ значится постоянно похвала этимъ примѣрнымъ чиновникамъ.

Въ послѣдніе годы все больше стали женщины посѣщать нѣмецкіе университеты. Въ берлинскомъ университетѣ, напр., въ этомъ семестрѣ болѣе 40 слушательницъ. Въ началѣ семестра распространились всякаго рода легенды по поводу отношенія нѣкоторыхъ профессоровъ къ студенткамъ. Разсказывали, что проф. Генрихъ фонъ-Трейчке прервалъ свою лекцію, замѣтивъ среди слушателей даму, сошелъ съ каѳедры и за руку вывелъ даму изъ аудиторіи. Объ историкѣ литературы проф. Эрихѣ Шмидтѣ разсказывали также нѣчто подобное. Къ счастью, и тотъ и другой профессоръ печатно опровергли эти невѣроятные разсказы, а ректоръ Адольфъ Вагнеръ распорядился объ урегулированіи посѣщенія лекцій женщинами путемъ опредѣленныхъ правилъ. Въ общемъ требуется еще масса всякаго

рода дозволеній—отъ министра до доцента,—чтобы женщина была допущена въ аудиторію. Либеральнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи Геттингенскій университетъ, гдѣ въ прошломъ семестрѣ одна женщина даже сдала экзаменъ на доктора философіи. Эта дама избрала своею спеціальностью математику, физику и астрономію и на экзаменѣ получила высшую степень: magna cum laude. Многія слушательницы съ удовольствіемъ сообщаютъ, что большинство студентовъ къ факту посѣщенія университета женщинами относятся съ полною терпимостью. Въ берлинской читальнѣ возникъ было вопросъ о допущеніи студентокъ въ полноправные члены. За подписью нѣсколькихъ сотъ студентовъ—членовъ Lesehalle было постановлено предоставить студенткамъ полную равноправность и просить ректора о высшей университетской санкціи этого постановленія.

Недавно студенческая читальня въ Берлинѣ блестящимъ комерсомъ отпраздновала юбилей своего 25-ти-лѣтняго существованія. Но я не стану объ этомъ распространяться, а перейду къ упомянутой выше борьбѣ студенческихъ партій.

Уже въ началѣ іюня (въ прошломъ году) въ значительной части берлинскаго студенчества замѣтно было сильное возбужденіе. Въ серединѣ іюня предстояли новые выборы директоріума академической читальни. Берлинская читальня, подобно читальнямъ при большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ, управляется самими студентами; университетскому начальству принадлежитъ лишь высшій надзоръ надъ нею, вѣрнѣе: высшее покровительство. Въ прежніе годы главнымъ образомъ двѣ партіи боролись за власть надъ берлинской читальней: Verein deutscher Studenten и основанная для противодѣйствія этому ферейну Freie Wissenschaftliche Vereinigung. Года 2—3 тому назадъ появились новые соперники, между ними такъ называемая «Socialwissenschaftliche Vereinigung» (соціально-научное общество студентовъ). Это общество въ предъидущемъ году могло провести своего кандидата въ директоріумъ, лишь потому, что соединилось въ избирательной борьбѣ съ F. W. V. Въ послѣдній же разъ оно рѣшилось выступить самостоятельно, не «фратернизируя» ни съ одной изъ старыхъ группъ, вносившихъ политическій азартъ въ чисто студенческія дѣла. Для этой цѣли названное общество уже заблаговременно учредило «Комитетъ для приготовленія безпартійныхъ выборовъ» (Comité zur Vorbereitung parteiloser Wahlen) и въ особой прокламаціи обнародовало свою точку зрѣнія: «Комилитоны!—гласитъ эта прокламація:—совершенно побочные споры вносятся въ наше общестуденческое дѣло. Мы видѣли, что при выпискѣ новыхъ изданій руководились нерѣдко не потребностью и желаніемъ членовъ читальни, а тѣми или иными партійными соображеніями. Всякая нетерпимость такого рода, безразлично, исходитъ-ли она отъ консервативной или радикальной стороны, политическаго-ли она характера, или религіознаго,—всякая

такая нетерпимость должна быть разъ навсегда упразднена изъ управленіи академической читальни. Наша читальня не должна быть ареной политическихъ интригъ и интересовъ, но нейтральной почвой для непредубѣжденнаго, возможно болѣе полнаго ознакомленія членовъ читальни съ научными и общественно-политическими явленіями текущей жизни»...

Директоріумъ читальни не только завѣдуетъ дѣлами этой послѣдней, но въ Берлинѣ, напр., онъ является главнымъ оффиціальнымъ представителемъ студенчества. Онъ же радѣетъ о томъ, чтобы студенчество пользовалось во всѣхъ театрахъ, музеяхъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ значительной льготой и т. д. Три дня подрядъ Каштановый лѣсокъ и его ближайшіе окрестности представляли въ миніатюрѣ картину настоящей избирательной кампаніи. Агитація была такъ энергична, что цѣлыми толпами записывались новые члены и тѣмъ самымъ усиливали прежде всего матеріальные ресурсы читальни. Цѣлыхъ 82% всѣхъ членовъ явилось къ избирательной урнѣ! Чуть ли не въ самый послѣдній моментъ буршеншафты отдѣлились отъ своихъ постоянныхъ союзниковъ V. D. St. и выставили собственнаго кандидата. Въ самой читальнѣ на сдвинутыхъ столахъ расположился избирательный комитетъ и подсчитываетъ избирательные листы. Между тѣмъ кругомъ университета всѣ факторы избирательной горячки въ полномъ дѣйствіи. Отдѣльныя партіи (ихъ 4) ведутъ контрольные листы, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ избирательнымъ бюро. Особые агенты тащатъ къ урнѣ нерадивыхъ членовъ. Разнощики въ красныхъ шапкахъ на улицахъ и у всѣхъ входовъ раздаютъ свѣжія избирательныя прокламаціи. Вотъ ужъ восьмая по счету прокламація. Въ одной изъ нихъ «Ферейнъ нѣмецкихъ студентовъ» (V. D. St.) протестуетъ противъ обвиненій, взведенныхъ на него «безпартійными»: «Комилитоны! Наши противники ставятъ намъ въ вину, что мы изъ политическихъ соображеній противились выпискѣ извѣстныхъ газетъ. Это не вѣрно: не изъ политическихъ соображеній, а изъ нѣмецкихъ, строго-національныхъ мотивовъ высказались мы противъ газетъ и направленій, противорѣчащихъ традиціямъ нѣмецкаго студента!.. Комилитоны! Истинная причина непріязни къ намъ нашихъ противниковъ заключается въ томъ, что мы во всѣхъ патріотическихъ случаяхъ становились на первомъ посту и считали себя въ правѣ представлять чувства и настроенія всѣхъ нѣмецкихъ студентовъ. Студенты перваго нѣмецкаго университета! вы, поддерживавшіе насъ столько лѣтъ въ нашей честной борьбѣ,—неужели вы оставите насъ теперь ради нашихъ противниковъ! Нѣтъ,—*никогда*!..».

Вдругъ разнощики прокламацій исчезаютъ съ поля битвы. Оказывается, что полиція забрала ихъ въ участокъ, потому что на одной прокламаціи не была означена типографія. Это требуется законами о печати. Тотчасъ бѣжитъ въ участокъ предсѣдатель избирательнаго бюро и требуетъ выдачи прокламацій. Одна изъ

нихъ безусловно конфискуется полиціей, остальныя же возвращаются лишь послѣ того, когда предсѣдатель пригрозилъ телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ. Выборная горячка возобновляется съ усиленной энергіей. Дѣло обходится не безъ избирательныхъ курьезовъ. Одинъ студентъ, долгое время пропагандированный «ферейномъ нѣмецкихъ студентовъ», идетъ къ урнѣ и къ большому изумленію V. D. St. отдаетъ свой голосъ за «безпартійнаго». Другой—крайне колеблющійся—просматриваетъ сначала списки всѣхъ кандидатовъ и, наконецъ, объявляетъ о своемъ рѣшеніи подать голосъ. Но, подойдя къ столу, онъ снова теряетъ свою рѣшимость. Выведенные изъ терпѣнія агенты разныхъ партій хватаютъ его со обѣихъ сторонъ за руки и убѣждаютъ отдать голосъ. «Дайте мнѣ еще разъ подумать!» кричитъ несчастный избиратель и при общемъ смѣхѣ бѣжитъ вонъ изъ читальни.

На послѣднихъ выборахъ въ первый разъ выступили претендентами цѣлыхъ четыре партіи и каждая на свой собственный страхъ—«безъ фратернизированія». Въ виду этого въ академическихъ кругахъ—среди студентовъ и профессоровъ, а также и въ обществѣ, съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидался исходъ кампаніи. Газеты аккуратно приносили вѣсти о ходѣ борьбы, а нѣкоторые органы антисемитической и консервативной прессы, какъ Staatsbürger Zeitung, Kreuzzeitung, брали подъ свою защиту V. D. St. и обрушивались на его противниковъ. Но ничто не помогло: ферейну нѣмецкихъ студентовъ удалось провести только двухъ своихъ кандидатовъ. Остальныя четыре мѣста въ директоріумѣ достались «безпартійнымъ» (2), Freie Wissenschaftliche Vereingung (1) и Burschenschaft (1). Одинъ изъ безпартійныхъ былъ избранъ президентомъ—постъ много лѣтъ принадлежавшій V. D. St.! На ближайшемъ же собраніи новаго директоріума представители этого ферейна, руководимые очевидно опять узко-національными соображеніями, внесли предложеніе о лишеніи на будущее время иностранцевъ-студентовъ избирательнаго права при выборахъ директоріума. Предсѣдатель директоріума, студ. фил. Шульце, былъ подготовленъ къ этому предложенію и, опираясь на собранные имъ голоса, просилъ то предложеніе отклонить. Онъ сообщилъ при этомъ частное мнѣніе ректора университета, съ которымъ имѣлъ по этому поводу бесѣду. Проф Шфлейдереръ (тогдашній ректоръ) высказался въ томъ смыслѣ, что не понимаетъ, какъ такое предложеніе можетъ быть вообще поставлено: оно противорѣчитъ всему духу нѣмецкихъ университетовъ и безусловно должно быть отклонено. Въ этомъ смыслѣ высказался на собраніи и нидерландецъ-студентъ, предлагавшій студентамъ-иностранцамъ собраться для обсужденія спорнаго вопроса. Въ этомъ однако не представилось надобности. Кстати: изъ 28,158 студентовъ, числившихся въ прошломъ семестрѣ въ нѣмецкихъ университетахъ, 2150 приходилось на долю иностранцевъ. Изъ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимаютъ русскіе: 472. Остальные рас-

предѣляются между другими 20 національностями. Русскіе студенты въ нѣмецкихъ университетахъ имѣли такимъ образомъ всѣ основанія привѣтствовать благопріятный исходъ намѣчавшейся національно-антисемитическимъ ферейномъ «реформы»...

Проф. Циглеръ, разсуждая въ своей книгѣ «О политикѣ студентовъ» (Die Politik der Studenten. 9-я лекція), замѣчаетъ, между прочимъ: «Активное участіе студентовъ въ политической жизни представляется нежелательнымъ. Но значитъ-ли это, что студентъ долженъ совершенно сторониться политики? Нѣтъ. Студентъ сынъ своего народа и, какъ только онъ покинулъ университетъ, онъ дѣлается избирателемъ, членомъ государства, маленькимъ колесомъ въ этомъ громадномъ механизмѣ. Онъ долженъ поэтому готовиться къ выработкѣ прочнаго политическаго убѣжденія, что невозможно въ предѣлахъ его спеціальности. Для этого необходимо общее образованіе, необходимо чтеніе газетъ, слушаніе общеобразовательныхъ лекцій (исторія и политическая экономія)... Для этого, — говоритъ далѣе Циглеръ, — отнюдь не нужно уже на студенческой скамьѣ дробиться на партіи, подобно тому, какъ это происходитъ за стѣнами университета. У студента еще все находится въ процессѣ развитія, между тѣмъ какъ партія предполагаетъ нѣчто законченное, опредѣлившееся. Студентъ имѣетъ право колебаться въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, мѣнять свои мнѣнія сколько угодно. И это много натуральнѣе и для студента здоровѣе, чѣмъ уже на первыхъ семестрахъ воображать себя сложившимся соціалъ-демократомъ или антисемитомъ... Поэтому окунайтесь въ жизнь съ открытыми глазами и открытымъ сердцемъ! И тотъ, кто совѣтуетъ вамъ продолжать предаваться отжившимъ идеаламъ старины, а жгучіе вопросы современности оставить намъ — старикамъ, — тотъ даетъ вамъ камни вмѣсто хлѣба и не понимаетъ васъ!»

Эти мысли страсбургскаго профессора нашли себѣ практическое выраженіе въ созданіи среди студентовъ соціально-научныхъ обществъ (socialvissenschafliche Studentenvereinigungen). О берлинскомъ обществѣ этого рода я упоминалъ выше при описаніи избирательной борьбы. Изъ приведеннаго тамъ отрывка избирательной прокламаціи этого общества очевидна тенденція, общая съ мнѣніями проф. Циглера.

Socialvissenschaftliche Studentenvereinigung имѣетъ цѣлью знакомить студентовъ всѣхъ факультетовъ съ наиболѣе важными и общеинтересными сторонами соціальной жизни и соціальнаго движенія. Этотъ студенческій союзъ стремится быть нейтральной ареной для сторонниковъ различныхъ направленій и потому въ особомъ § своихъ статутовъ отмѣчаетъ свою политическую безпартійность. Мнѣ лично ближе всего знакомо берлинское общество *). Хотя оно и не представляетъ собою студенческой корпораціи, слѣдовательно

*) Учреждено въ 1893 г.

лишено принудительнаго характера, тѣмъ не менѣе въ немъ съ самаго начала царила очень оживленная дѣятельность. Разъ въ недѣлю читаются рефераты членами общества. Шесть разъ въ теченіи семестра читаются рефераты профессорами или лицами, такъ или иначе извѣстными въ общественной и литературной жизни. Отъ времени до времени общество посѣщаетъ фабрики, заводы, благотворительные институты и другія учрежденія, имѣющія соціальное значеніе. Кромѣ того, общество образовало въ своей средѣ три отдѣленія, чтобы дать отдѣльнымъ членамъ возможность болѣе тщательнаго изученія спеціальныхъ вопросовъ изъ области соціальной жизни. Эти три отдѣленія суть: 1) отдѣленіе соціальной гигіены; 2) отдѣленіе соціальной психологіи и 3) отдѣленіе политической экономіи.

Профессора политической экономіи при берлинскомъ университетѣ съ большой симпатіей высказывались о соціально-научномъ обществѣ студентовъ и о строго научномъ духѣ, который проникаетъ его засѣданія. Эти профессора, принадлежащіе къ различнымъ научнымъ направленіямъ, посѣщали общество не только въ качествѣ гостей, но и какъ референты. Назову имена профессоровъ Зеринга, Ад. Вагнера, Макса Вебера, Ястрова, Зиммеля. Изъ лицъ, стоящихъ внѣ университета, реферировали здѣсь: пасторъ Науманнъ, извѣстный дѣятель христіански-соціальнаго движенія; Георгъ Ледебуръ—соціалъ-демократическій публицистъ и д-ръ Бруно Вилле—философскій писатель и глава свободно-религіознаго движенія.

Съ годъ тому назадъ антисемитическій «Ферейнъ нѣмецкихъ студентовъ» задумалъ было устроить Coup d'Etat надъ берлинскимъ соціально-научнымъ обществомъ—путемъ «маіоризированія» этого общества. То было безпокойное время Келлеровскаго режима. Пришлось на время пріостановить дѣятельность общества, тѣмъ болѣе, что и бывшій ректоръ Пфлейдереръ, къ большому прискорбію всего университетскаго персонала, не нашелъ въ себѣ достаточно мужества для рѣшительнаго образа дѣйствій. Съ производствомъ проф. А. Вагнера въ Rector Magnificus берлинскаго университета, все опять пошло по старому.

А. Ковровъ.

Изъ Франціи.

На этотъ разъ я хочу поговорить объ одномъ изъ очень замѣтныхъ теченій въ идейной жизни Франціи за послѣднія семь-восемь лѣтъ: я разумѣю ростъ и распространеніе наполеоновской легенды, эпопеи первой имперіи. Явленіе это проливаетъ такой яркій свѣтъ на нѣкоторые вопросы соціальной философіи, что я разсмотрю его въ связи съ другими явленіями подобнаго же рода, которыя политическая исторія Франціи представляетъ за послѣднее столѣтіе.

Уже довольно давно газеты, не исключая республиканскихъ, при пропагандѣ идей реванша, развертывали передъ глазами читателя яркую и эффектную картину наполеоновскихъ побѣдъ. А бонапартистская пресса, забывая Седанъ, только и дѣлала, что противопоставляла славу имперіи «жалкому и позорному прозябанію» республики. Все больше и больше упускалось изъ виду, что и самъ Бонапартъ началъ свое поприще въ качествѣ «шпаги революціи». Наполеонъ-императоръ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе заслонялъ въ этой легендѣ Наполеона республиканскаго генерала. Этюдъ Тэна о Бонапартѣ, напечатанный сначала въ Revue des Deux Mondes и рисовавшій завоевателя однимъ изъ величайшихъ эгоистовъ въ мірѣ, только подлилъ масла въ огонь этого пламеннаго энтузіазма. Появилась цѣлая масса брошюръ и памфлетовъ, которые превозносили императора до небесъ и клеймили малѣйшую критику, какъ богохульство *). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь элегантный Парижъ перебывалъ въ театрѣ китайскихъ тѣней, устроенномъ въ ресторанѣ «Ghat noir», любуясь на наполеоновскую эпопею, которую представилъ въ маленькихъ черныхъ силуэтахъ нѣкто Caran d'Ache (псевдонимъ довольно талантливаго рисовальщика, Э. Пуарэ, долго жившаго въ Россіи). Ф. Массонъ помѣстилъ въ Figaro цѣлый рядъ анекдотическихъ статей о Наполеонѣ и его личной жизни, о его любовныхъ исторіяхъ, а затѣмъ выпустилъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ **). Викторьенъ Сарду, этотъ чуткій фабрикантъ пьесъ, удовлетворяющихъ данному моменту и идейной модѣ, отдалъ дань наполеоновской легендѣ въ своей «Madame Sans-Gêne», которая

*) Тэнъ жаловался Ренану, что принцесса Матильда разорвала съ нимъ всякія сношенія послѣ этого этюда. Принцъ Наполеонъ написалъ рѣзкій, но неубѣдительный отвѣтъ Тэну подъ заглавіемъ «Наполеонъ и его хулители» (*Napoleon et ses détracteurs*; Paris, 1887).

**) См. Frédéric Masson, *Napoléon et les femmes*; Paris, 1893; и его же, *Napoléon chez lui*; Paris, 1894.

имѣла колоссальный успѣхъ, несмотря на ничтожество замысла и пошлую гоньбу за эффектами, напоминающую пресловутый «Термидоръ». Въ «Nouvelle Revue» г-жа Аданъ, пользуясь этимъ же теченіемъ, помѣстила въ нѣсколькихъ номерахъ посмертный этюдъ Прудона о Наполеонѣ, заключающій рѣзкую критику императора; но во введеніи сочла долгомъ протестовать противъ «строгости сужденія мощнаго полемиста о военной славѣ» *). Одинъ изъ самыхъ крупныхъ книгопродавцевъ Парижа издавалъ въ прошломъ году выпусками, а нынѣ пустилъ цѣлой книгой альбомъ Наполеона, заключающій въ себѣ 600 копій съ различныхъ картинъ, портретовъ, гравюръ, украшеній, предметомъ которыхъ является Бонапартъ **). Я уже не говорю о томъ многозначительномъ фактѣ, что именно за послѣдніе года появилась цѣлая масса мемуаровъ о первой имперіи, написанныхъ генералами, офицерами и вплоть до простыхъ солдатъ, участвовавшихъ въ походахъ новаго цезаря.

И знаменательнѣе всего то, что прямо или косвенно въ этомъ поклоненіи личности, въ этомъ «культѣ героя» участвуетъ, повторяю, почти вся пресса. За исключеніемъ самыхъ крайнихъ органовъ, каждая газета, каждый журналъ прибавляетъ свой камень къ пьедесталу Наполеона. Разница между реакціонными и республиканскими органами лишь та: первые превозносятъ Бонапарта и за военные подвиги, и за внутреннюю политику; а послѣдніе умалчиваютъ о невыносимомъ деспотизмѣ императора, но за то съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ бьютъ въ шовинистскіе литавры, восхваляя «великую армію». Меня поразило, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство. Годъ-два тому назадъ, въ одной изъ своихъ импровизированныхъ рѣчей, германскій императоръ назвалъ Наполеона 1-го «выскочкой» (parvenu). Надо было видѣть, съ какимъ азартомъ напала почти вся французская печать за это слово на Вильгельма II-го. Реакціонеры, умѣренные и радикальные республиканцы наперерывъ выражали свое негодованіе противъ того, кто «осмѣлился коснуться до одной изъ величайшихъ славъ Франціи». И я спрашивалъ себя: такъ-ли бы была принята подобная рѣчь во время хотя бы второй имперіи, когда значительная часть интеллигенціи одобрительно слѣдила за попыткой Литтрэ доказать, что и въ военной сферѣ Наполеонъ не былъ такъ великъ, какъ говорятъ его поклонники, или зачитывалась первыми томами «Исторіи Наполеона» Ланфрэ ***), гдѣ наносился такой жестокій ударъ наполеоновской легендѣ?..

Вотъ этотъ-то культъ Наполеона и навелъ меня на мысль

---

*) См. La Nouvelle Revue отъ 1-го ноября 1895 г.: P.-I. Proudhon, *Napoléon I.*

**) См. *Napoléon*, Paris (безъ обозначенія года) съ эпиграфомъ изъ Беранже: «И долго будутъ говорить о его славѣ подъ каждой соломенной крышей».

***) P. Lanfray, *Histoire de Napoléon I-e*; 1867—1875, 5 vol.

присмотрѣться къ общимъ причинамъ его и, расширяя этотъ вопросъ, указать на примѣрѣ кипучей политической жизни Франціи, какое значеніе имѣютъ личности въ исторіи. Новаго я, конечно, ничего не скажу, но считаю очень полезнымъ, по теперешнимъ временамъ, повторить лишній разъ то старое, что говорилось до меня и вѣрность чего подтверждается и исторіей, и современной жизнью. Я позволю себѣ общее вступленіе, которое, какъ убѣдится читатель, не представляетъ ни малѣйшаго отклоненія, а ведетъ насъ въ самое сердце вопроса.

За послѣднее время въ Россіи какъ будто все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ распространяться теорія, конечно взятая съ Запада, которая сводитъ всю человѣческую исторію къ «общему ходу естественныхъ условій», а личность и ея дѣятельность приравниваетъ нулю. Возникла она по закону реакціи и въ противоположность старой теоріи, которая ничего не хотѣла видѣть въ исторіи, кромѣ великихъ дѣятелей, вертѣвшихъ по своему и «естественными условіями», и всѣмъ человѣчествомъ. Эта старая теорія неправа, конечно, и ненаучна. Но и новая теорія далека отъ правды и отъ научности. Начать съ того, что дальше насмѣшекъ надъ непонятыми ею терминами «герои» и «толпа» она не идетъ, и думаетъ что ниспровергаетъ твердыни невѣжества въ то время, какъ борется съ вѣтряными мельницами, даже и работающими-то въ ея воображеніи. Она наивно полагаетъ, что кто признаетъ значеніе личностей въ исторіи, а, при извѣстныхъ условіяхъ, даже ихъ громадную возмущающую роль въ «общемъ ходѣ вещей», тотъ стоитъ на точкѣ зрѣнія древнихъ египетскихъ живописцевъ, которые изображали фараона исполиномъ между карликами—подданными.

И вотъ противъ этого недоразумѣнія слѣдуетъ предостеречь читателя. Въ самомъ дѣлѣ, мыслители, которые прекрасно понимали значеніе общихъ условій, отводили тѣмъ не менѣе важную роль историческимъ личностямъ. Значитъ, ссылкой на фараона и наивную точку зрѣнія египетскихъ художниковъ вопросъ не рѣшается. Можно-ли отказать, напримѣръ, Миллю въ пониманіи «естественнаго хода вещей»? А между тѣмъ Милль горячо борется (въ своей «Логикѣ») противъ мнѣнія Маколея, который сравнивалъ великихъ дѣятелей съ людьми, стоящими на холмѣ и потому лишь видящими солнце раньше толпы въ долинѣ, но отнюдь не имѣющими никакого вліянія на самый восходъ свѣтила. Милль утверждаетъ, что сравненіе это далеко не вѣрно, что историческіе дѣятели, такъ сказать, ускоряютъ появленіе солнца въ области идей, и ставитъ интересный вопросъ: что сталось бы съ современной европейской цивилизаціей, еслибъ у грековъ не было Ѳемистокла въ день Саламинской битвы, и полчища персовъ наводнили бы Элладу, прервавъ такимъ насильственнымъ образомъ естественное развитіе античной мысли и жизни?

Или, такъ какъ теперь вошло въ моду опираться на Гегеля, возьмите этого самаго Гегеля. Неправда-ли, ему-то сторонники «естественныхъ условій» ужъ не захотятъ отказать въ томъ, что онъ понималъ законосообразность и логичность исторіи, какъ одного изъ проявленій абсолюта? Но это нисколько не мѣшаетъ Гегелю подчеркнуть значеніе великихъ историческихъ личностей, которыя совершили «истинное и необходимое», и даже составить цѣлую апологію ихъ эгоистическихъ мотивовъ (см. его «Философію исторіи»), надъ которыми-де могутъ негодовать лишь педанты—школьные учителя, не понимая того, что личная страсть какого-нибудь Александра Македонскаго или Цезаря была крупнѣйшимъ рычагомъ міровыхъ событій.

Итакъ, разъ навсегда постараемся опредѣленно выставить нашу точку зрѣнія, предупреждая нелѣпыя возраженія любителей «естественнаго хода вещей». Да, развитіе человѣчества, его исторія совершается по непреложнымъ законамъ естества. Но это фатальное развитіе включаетъ въ себѣ именно вліяніе, и подчасъ громадное, историческихъ личностей на общее теченіе событій. Этими личностями посредствуется переходъ отъ одной группы общественныхъ явленій, называемой причиною, къ другой группѣ, называемой слѣдствіемъ. Появленіе или исчезновеніе историческаго дѣятеля, его природа и характеръ имѣютъ, скажемъ примѣрно, такое же значеніе, какое присутствіе или отсутствіе передаточнаго ремня, его прочность и гибкость имѣютъ на работу, исполняемую паровой машиной. Машина можетъ быть въ дѣйствіи, инструментъ, производящій полезную работу, въ исправности. Но нѣтъ передаточнаго ремня, и паръ будетъ понапрасну тратиться, а инструментъ безполезно ржавѣть.

Когда присматриваешься къ историческимъ личностямъ, то скоро замѣчаешь, что ихъ роль именно и заключается въ томъ, что активно или пассивно,—въ силу-ли своей собственной иниціативы, или самими условіями строя—онѣ поставлены въ центрѣ, въ узлѣ переплетающихся сложныхъ нитей общественной жизни и потому не могутъ не вліять на «общій ходъ вещей». Было-бы нелѣпо приписывать историческимъ личностямъ возможность перекраивать по своему и при всякихъ данныхъ условіяхъ соціальную организацію. Но не менѣе нелѣпо было бы отрицать возможность для этихъ личностей производить порою крупныя измѣненія въ обществѣ при извѣстныхъ условіяхъ и съ помощью тѣхъ самыхъ всемогущихъ соціальныхъ нитей, которыя находятся въ ихъ рукахъ, но которыя, конечно, созданы не ими, а коллективною жизнью всего общества, всего человѣчества. Употреблю для ясности еще одно сравненіе. Этотъ громадный поѣздъ, движимый силою пара, есть продуктъ цѣлаго ряда научныхъ, техническихъ, экономическихъ условій, въ созданіи которыхъ машинистъ не участвовалъ, а получилъ ихъ готовыми изъ рукъ всего общества. Но не поверни машинистъ извѣ-

стнымъ образомъ рукоятки, и вся наука, техника и экономика, воплощенныя въ поѣздѣ, были бы не въ состоянія сдвинуть его съ мѣста. Но съ другой стороны, что если машинистъ—сумасшедшій? Тѣ самыя всемогущія силы, которыя участвовали въ созданіи поѣзда, увлекутъ его по дорогѣ къ крушенію. И какъ непропорціонально-ужасенъ покажется результатъ по сравненію съ той небольшой тратой мускульной энергіи, которая не во время открыла рукоятку! Но этотъ примѣръ еще не совсѣмъ точенъ: историческая личность не только подымаетъ порою (или опускаетъ) шлюзы накопившихся общественныхъ силъ; она можетъ создавать новыя силы, комбинируя уже существующіе элементы. Ясно, какую важную роль, на худо или на добро общества, играютъ лица, по тому или иному стеченію обстоятельствъ стоящія въ узлѣ соціальныхъ нитей.

Въ настоящей корреспонденціи я возьму три эпохи и три историческихъ личности различнаго калибра, появившіяся за послѣднее столѣтіе на политической сценѣ Франціи, и съ именемъ которыхъ были связаны два крупнѣйшихъ государственныхъ переворота и одно неудавшееся, но въ высшей степени сильное политическое движеніе. Эти три личности: Наполеонъ I, который и послужилъ отправнымъ пунктомъ моей статьи, Наполеонъ III и Буланже. Повторяю, калибръ ихъ совершенно различный: всемогущій цезарь, ловкій «спаситель общества» и кафе-шантанный генералъ,—трагедія, мѣщанская драма и водевиль-фарсъ. Но именно разница въ личныхъ качествахъ этихъ лицъ и въ соціальныхъ условіяхъ, выразителями которыхъ они являются, укажетъ намъ на характеръ тѣхъ общихъ пружинъ, которыя придаютъ временами такую исключительную силу отдѣльнымъ личностямъ, поставленнымъ судьбою во главу угла. Это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ попытка иллюстрировать замѣчательную теорію г. Михайловскаго о «герояхъ и толпѣ», теорію, касающуюся одного изъ важнѣйшихъ теоретически и практически вопросовъ соціальной динамики.

При какихъ условіяхъ появился Наполеонъ I? Перенесемся въ эпоху конвента, когда Францію била та «божественная лихорадка», о которой даже скептическій Ренанъ не можетъ говорить безъ эстетическаго восторга. Мнѣ нечего распространяться объ экономическихъ интересахъ, бывшихъ однимъ изъ сильнѣйшихъ двигателей революціи... преобразованіи собственности, труда и налоговъ... Но въ политической сферѣ насъ поражаютъ три явленія: общій энтузіазмъ всего населенія, всей пестрой неорганизованной массы, которая составляла тогдашнюю Францію; быстрая выработка сильныхъ организацій, въ формѣ клубовъ и прочихъ политическихъ обществъ, слагавшихся изъ наиболѣе активныхъ личностей; обиліе крупныхъ историческихъ дѣятелей, могущественно давившихъ на неорганизованное большинство при помощи организованнаго меньшинства. И по мѣрѣ того, какъ всколыхнутая революціей масса мало-по-малу успокоивалась, прилаживалась къ новымъ обстоятельствамъ жизни

подъ давленіемъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, все значительнѣе становилась роль политическихъ организацій, а среди нихъ все неотразимѣе росло обаяніе и, стало быть, психологическое всемогущество крупныхъ дѣятелей.

Пусть читатель не побоится прослѣдить шагъ за шагомъ страстный и обширный обвинительный актъ Тэна противъ великой революціи. Сквозь кровь и грязь, которую этотъ сильный, но больной умъ видитъ повсюду въ переворотѣ, вы усмотрите торжество духовнаго начала, идеи, принципа, убѣжденія. Ибо что, какъ не идея, даетъ такую силу активному меньшинству надъ инертнымъ, занятымъ обыденною жизнію большинствомъ? И что, какъ не убѣжденіе, объясняетъ неотразимую власть, непобѣдимое внушеніе, которое крупные дѣятели революціи распространяли вокругъ себя среди членовъ клубовъ и вообще активнаго меньшинства? Просмотрите томъ Тэна, трактующій о «захватѣ власти якобинцами» *), и вы увидите, какъ эти люди, несмотря на всевозможные эпитеты, которыми осыпаетъ ихъ историкъ, виновны собственно тѣмъ, что всю свою жизнь подчиняли служенію политической идеѣ и отстаивали свои убѣжденія. И результаты, дѣйствительно, на лицо. «Среднимъ числомъ», удивляется и негодуетъ Тэнъ, «среднимъ числомъ на пятнадцать избирателей и національныхъ гвардейцевъ приходился лишь одинъ якобинецъ, и во всей Франціи всѣ якобинцы, вмѣстѣ взятые, не составляли и трехсотъ тысячъ. Этого, казалось, было едва-ли достаточно, чтобы поработить шесть-семь милліоновъ взрослыхъ людей и распространить на страну, заключавшую 26 милліоновъ жителей, деспотизмъ болѣе неограниченный, чѣмъ деспотизмъ азіатскихъ владыкъ. Но сила не измѣряется числомъ: якобинцы составляютъ шайку среди толпы, а въ дезорганизованной и инертной толпѣ шайка, готовая на все, прорѣзаетъ себѣ путь впередъ, какъ желѣзный клинъ въ кучѣ разломанной штукатурки» **). Въ другомъ мѣстѣ, представивши, какъ повсюду якобинцы успѣли раскинуть сѣти своей организаціи и оттереть на задній планъ всѣ прочія фракціи и въ провинціи и въ Парижѣ, Тэнъ разражается относительно движенія въ столицѣ еще болѣе страстной и знаменательной тирадой: «Итакъ, вотъ какой народъ, участвовавшій въ политической жизни, царитъ съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1792 г. надъ Парижемъ, а при посредствѣ Парижа, надъ цѣлой Франціей: пять тысячъ грубыхъ скотовъ и негодяевъ и двѣ тысячи безпутницъ, т. е. почти столько, сколько хорошая полиція могла бы прекрасно вымести изъ столицы, еслибъ хотѣла, и все это люди убѣжденные въ своемъ правѣ и тѣмъ болѣе пылкіе въ своей революціонной вѣрѣ, что самый

---

*) H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. La révolution. t. II. La conquête jacobine*; Paris, 1881.

**) l. c., стр. 63—64.

догматъ ихъ возводитъ ихъ пороки въ добродѣтели и превращаетъ ихъ злодѣянія въ общественное служеніе» *).

Отбросьте ругательства Тэна, которыя доказываютъ только то, что не одни якобинцы въ пылу отчаянной борьбы противъ всей Европы могутъ ненавидѣть политическихъ враговъ, а и почтенные мыслители въ тиши своего кабинета,—отбросьте этотъ болѣе или менѣе острый соусъ, и вы столкнетесь лицомъ къ лицу со слѣдующимъ простымъ фактомъ, который самъ Тэнъ прекрасно видитъ и не разъ отмѣчаетъ въ томъ же томѣ. Въ то время какъ большинство совершенно естественно поглощено заботами о себѣ, о женѣ и дѣтяхъ и занимается политикой только урывками, меньшинство смотритъ на политическую дѣятельность, какъ на цѣль и смыслъ своей жизни, и, конечно, рано или поздно становится руководящимъ факторомъ историческаго движенія.

Посмотрите теперь на крупныхъ дѣятелей, которые въ свою очередь фатально должны выдѣлиться изъ организованнаго меньшинства, а, выдѣлившись, поведутъ его за собой. Тэнъ цитируетъ слѣдующія слова Бодо, товарища Сенъ-Жюста, отправившагося вмѣстѣ съ нимъ коммиссаромъ конвента въ армію: «Когда Сенъ-Жюстъ и я подожгли непріятельскія баттареи въ Вейссенбургѣ, намъ были за это очень благодарны, но заслуга наша была небольшая: мы прекрасно знали, что ядра ничего не могли подѣлать съ нами». И вотъ какими комментаріями историкъ снабжаетъ этотъ актъ чисто религіозной вѣры во всемогущество принципа: «Въ этомъ крайнемъ состояніи, человѣкъ не знаетъ никакихъ препятствій и, смотря по обстоятельствамъ, превосходитъ самого себя или падаетъ ниже своего обычнаго уровня, расточая свою или чужую кровь, герой на войнѣ, жестокій въ гражданской жизни: ни здѣсь, ни тамъ ему никто не можетъ сопротивляться; ибо его опьяненіе увеличило въ сотню разъ его силу, и передъ этимъ бѣшенымъ человѣкомъ, несущимся по улицѣ, прохожіе заблаговременно разступаются, какъ передъ бѣшенымъ быкомъ» **). Герой или бѣшеный быкъ, видите, какъ это хорошо выходитъ подъ перомъ Тэна. Немудрено, что нашъ историкъ не находитъ ничего лучшаго, какъ охарактеризовать Сенъ-Жюста словами: «юноша-чудовище съ красивымъ и спокойнымъ лицомъ» ***).

Но присмотритесь поближе къ этому «чудовищу». Вы можете быть самымъ крайнимъ противникомъ его политическихъ теорій, самымъ строгимъ судьею его общественной дѣятельности: вы не въ состояніи будете отказать этому человѣку въ удивительной силѣ характера и въ преданности своимъ убѣжденіямъ. Обратимся къ

*) l. c., стр. 407—408.

**) l. c., стр. 68.

***) l. c., стр. 420—421. гдѣ расточаются всевозможные рѣзкіе эпитеты по адресу этого «утописта, диктатора и истребителя».

Сенъ-Бёву, у котораго, какъ это видно для внимательнаго читателя, Тэнъ взялъ немало цитатъ о Сенъ-Жюстѣ (напр., письмо къ Добиньи) и который въ свою очередь выудилъ ихъ изъ двухтомнаго памфлета Эдуарда Флёри (вышедшаго въ 1851 г. подъ заглавіемъ «Etudes sur Saint-Just»). Вотъ что нашли, между прочимъ, въ посмертныхъ бумагахъ Сенъ-Жюста и что̀ не мѣшало бы сопоставить для исторической правды съ экзальтированнымъ письмомъ къ Добиньи: «Обстоятельства трудны только для тѣхъ, которые отступаютъ передъ гробомъ. А я призываю его, этотъ гробъ, какъ благодѣяніе неба, чтобы не быть болѣе свидѣтелемъ преступленій, которыя замышляются противъ моего отечества и противъ человѣчества. Право, не трудно покинуть эту несчастную жизнь, которая осуждаетъ на прозябаніе, на роль участника или безсильнаго свидѣтеля преступленія. Я презираю этотъ жалкій прахъ, изъ котораго состою и который говоритъ вамъ въ данный моментъ. Вы можете преслѣдовать и умертвить этотъ прахъ; но я бросаю вызовъ кому-бы то ни было вырвать у меня ту независимую силу жизни, которую я далъ себѣ на цѣлые вѣка» *). И вотъ что любилъ говаривать этотъ двадцатипятилѣтній человѣкъ по поводу неустанной дѣятельности своей и своихъ друзей: «Тѣ, которые совершаютъ перевороты въ мірѣ, тѣ, которые хотятъ дѣлать добро, должны отдыхать только въ гробу» **). И знаете, что всего больше раздражаетъ Сенъ-Бева въ Сенъ-Жюстѣ, въ этомъ «фанатикѣ», въ «этомъ жестокомъ и театральномъ молодомъ человѣкѣ»? То, что онъ не руководился «личными интересами, болѣе сильными и болѣе разумными», которые заставили бы его найти для своей энергіи «полезное приложеніе въ обществѣ», — словомъ, что онъ не походилъ на самого Сенъ-Бева, у котораго, какъ извѣстно, крупнѣйшій литературный талантъ мирно уживался съ презрѣнною низостью характера и умѣньемъ приспособляться ко всевозможнымъ политическимъ условіямъ.

Итакъ, вотъ каковы были крупныя личности конвента и вотъ въ чемъ была тайна ихъ удивительнаго вліянія на современниковъ. Вотъ чѣмъ объясняются тѣ поразительныя сцены въ конвентѣ, когда три сотни политическихъ враговъ, людей сильныхъ и храбрыхъ, трепетали отъ стальнаго взгляда Сенъ-Жюста и тридцать лѣтъ спустя переживали въ своей памяти эти минуты психологическаго волшебства. Непреклонная сила убѣжденія, отсутствіе колебаній въ дѣятельности, полнѣйшее забвеніе личнаго элемента изъ за безличнаго принципа или вѣрнѣе отождествленіе перваго со вторымъ,—все это разливало вокругъ вожаковъ волны всемогущаго

*) Sainte-Beuve, *Causeries de lundi*, т. 5-й, третьяго изданія, стр. 355.
**) Ibid., стр. 356.

внушенія. И подъ вліяніемъ, такъ сказать, индуктивнаго тока, исходившаго отъ этихъ наэлектризованныхъ идеею героевъ убѣжденія, рядовые люди превращались изъ обыкновеннаго желѣза въ настоящіе магниты, и въ свою очередь могущественно притягивали къ себѣ цѣлыя толпы сторонниковъ.

Но вѣдь мы взяли Сенъ-Жюста только для примѣра, какъ наиболѣе яркій образчикъ идейныхъ политиковъ. Въ каждой фракціи конвента были люди сильной энергіи и страстнаго убѣжденія. И, къ сожалѣнію, чѣмъ энергичнѣе и страстнѣе они были, тѣмъ нетерпимѣе они относились ко всякому иному отвѣту на вопросы дня, кромѣ партійнаго, и тѣмъ безпощаднѣе была между ними междоусобная война. Въ наэлектризованной атмосферѣ разражались цѣлыя магнетическія бури, въ которыхъ сталкивались между собою различныя волны партійнаго внушенія. Горе той партіи, которая на минуту колебалась, ослабляла свою психическую энергію: ее моментально раздавливала партія, болѣе рѣшительная и менѣе колеблющаяся; ея вожаки падали жертвою урагана, поднятаго побѣдителями, а рядовые притягивались новой силой и начинали вращаться въ ея орбитѣ. До извѣстной поры это взаимное пожираніе выражалось въ восходящемъ движеніи. Чѣмъ крайнѣе была партія, тѣмъ она была рѣшительнѣе и, потому, тѣмъ сильнѣе. Одна за другой болѣе умѣренная партія подталкивается впередъ болѣе крайнею и, какъ только задумается и поколеблется въ этомъ движеніи, возводится своей ближайшей соперницей на эшафотъ. Но не успѣетъ новая партія стать руководительницей судебъ, какъ ее уже настигаетъ еще болѣе крайняя и неумолимо гонитъ ее далѣе, все далѣе, пока та не обезсилѣетъ и не очутится въ свою очередь подъ гильотиной. За конституціоналистами выступаютъ на сцену въ 1792 г. жирондисты. Но уже осенью 1793 (30 октября—8 ноября) головы ихъ вожаковъ попадали подъ ножомъ гильотины, и эта печальная трагедія заключилась словами г-жи Роланъ: «О, свобода, сколько преступленій совершено во имя твое!» Весною 1794 (5 апрѣля) взошелъ на эшафотъ Дантонъ съ друзьями, гордо сказавъ палачу: «ты покажешь мою голову народу: она стоитъ этого». Но не прошло четырехъ мѣсяцъ, и вожаки якобинцевъ очутились въ свою очередь въ рукахъ палача: 29 іюля не стало Робеспьера, Сенъ-Жюста и двадцати ихъ сторонниковъ. Ихъ смерть уже знаменуетъ рѣшительный поворотъ въ движеніи: революція движется отнынѣ по нисходящей вѣтви параболы, все глубже и глубже погружаясь въ волны термидоріанской реакціи. Такъ было понято ихъ паденіе наиболѣе чуткими современниками, и та же нота глубокаго унынія звучитъ у наиболѣе крупныхъ историковъ, даже сильно не любившихъ якобинцевъ. Покамѣсть Мишле изображаетъ страшныхъ террористовъ 1793—1794 г. у власти, онъ, со свойственной ему способностью переноситься въ эпоху, является какъ бы ихъ личнымъ врагомъ, участвуетъ въ борьбѣ противъ нихъ, клеймитъ ихъ манію

отвѣчать на всѣ запросы времени гильотиной. Но пробилъ ихъ часъ, и тонъ его разсказа мѣняется, и когда вы читаете у него сцены казни, вы какъ бы видите Мишле стоящимъ у эшафота вмѣстѣ съ немногими сторонниками гильотинируемыхъ и глотающимъ слезы безмѣрнаго горя и глубочайшаго негодованія. И въ заключеніе историкъ развертываетъ картину Парижа, весело справляющаго поминки по похороненной революціи и несущагося, среди шумныхъ развлеченій и удивительно быстрой порчи характеровъ, по наклонной плоскости, прямо въ желѣзныя объятія Наполеона. «Внушители», электризовавшіе своихъ партизановъ, сошли со сцены; магниты превратились въ простое, подчасъ ржавое желѣзо; организаціи, когда-то льнувшія къ нимъ, ютившіяся вокругъ нихъ, разсыпались, какъ металлическія опилки, которыя пересталъ сдерживать электрическій токъ. Члены конвента, которые еще такъ недавно поражали міръ своей дикой энергіей и глубочайшей партіозной ненавистью, сами не вѣрили себѣ, что они были тѣ самые люди, которые засѣдали до Термидора. Борьба продолжалась, но уже не изъ-за принциповъ, не изъ-за различнаго пониманія правды, а изъ-за личныхъ интересовъ. Были казни, были столкновенія, были нападенія и народа и ройялистовъ на конвентъ и защита конвента. Но пламень идейнаго энтузіазма уже почти совсѣмъ угасъ. Люди Термидора были умѣренны въ своихъ идеяхъ, но крайне не умѣренны въ мелкихъ и гадкихъ чувствахъ. Безжалостные во имя своихъ убѣжденій террористы смѣнились лицемѣрными мучителями термидоріанской партіи. Фанатики-террористы рубили головы противникамъ. Но лишь врагамъ террористовъ принадлежитъ остроумная идея окуривать сѣрою въ тюрьмахъ ихъ политическихъ противниковъ передъ тѣмъ, какъ посылать на эшафотъ.

Намъ нечего останавливаться на этомъ переходномъ времени. Боясь преобладанія какого нибудь одного колеса въ политическомъ механизмѣ, Солоны этого періода сочиняли невозможно-сложныя конституціи, въ родѣ конституціи III года (1795 г.), которая создала органъ исполнительной власти изъ пяти человѣкъ (Директорія), а законодательную власть подѣлила между 250 членами совѣта старѣйшинъ (Conseil des Anciens) и совѣтомъ пятисотъ. И умнымъ законникамъ и въ голову не пришло, что когда отлетѣла отъ политическаго организма его идея, то никакими механическими ухищреніями, никакими конституціонными пружинами и регуляторами не возможно было придать жизненность мертворожденнымъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, не комична-ли судьба этой конституціи? Люди сочиняютъ нарочно пять директоровъ, чтобы помѣшать утвердиться единоличной власти. И эта власть утверждается благодаря тому, что три члена директоріи измѣняютъ этому коллективному органу. Люди нарочно придумываютъ два совѣта, чтобы уменьшить власть ставшаго пугаломъ конвента. И одинъ совѣтъ продаетъ другой, чтобы бросить его къ ногамъ диктатора. Чуткіе и умные эгоисты,

въ родѣ Сійеса, впрочемъ, уже очень скоро сообразили, куда дуетъ вѣтеръ. Авторъ знаменитой въ свое время брошюры «Что такое третье сословіе?» уже любилъ говаривать въ концѣ эпохи Директоріи: «мнѣ надо шпагу». И шпага явилась....

Представьте себѣ общую картину Франціи. Громадное большинство, послѣ перваго взрыва энтузіазма, живетъ всесильными будничными интересами. Освобожденное крестьянство думаетъ исключительно о томъ, какъ бы отстоять ту часть земельной собственности, которая попала въ его руки,—попала, несмотря на грабежъ и спекуляцію недвижимыми имуществами, которой предалась знаменитая «черная шайка». А сама эта шайка, состоявшая изъ беззастѣнчивыхъ героевъ «первоначальнаго накопленія», уже успѣла прикарманить наиболѣе крупныя помѣстья дворянъ и духовныхъ. Она скупала за безцѣнокъ старинные замки и зачастую пускала ихъ въ сломъ, продавая матеріалы; она вырубала парки и опустошала лѣса. Создавался тотъ классъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ плебейскаго происхожденія, который доставилъ столько типовъ перу Бальзака. И крестьянство, и эта земельная буржуазія естественно стремились къ власти, которая могла бы обезпечить имъ дальнѣйшее владѣніе собственностью, пріобрѣтенной во время революціонной бури. Красный призракъ дѣлежа имуществъ, который Директорія искусно раздула послѣ открытія заговора Бабефа, чтобы напугать и привязать къ себѣ имущіе классы, только усилилъ среди собственниковъ отвращеніе ко всякому дальнѣйшему перевороту и тяготѣніе къ сильной и прочной центральной власти.

Съ другой стороны, въ высшихъ слояхъ общественной атмосферы, среди меньшинства, жившаго болѣе или менѣе сознательной исторической жизнію, реакція приняла форму низкой гоньбы за матеріальными выгодами и наслажденіями, удивительной порчи характеровъ и полнѣйшаго безразличія къ вопросамъ чести и нравственности. Послушайте Кине, который, жестоко нападая на систему террора и самихъ террористовъ, не можетъ, однако, безъ омерзѣнія говорить о той эпохѣ, которая наступила за страшнымъ господствомъ якобинцевъ. «Гордыхъ характеровъ не стало; персоналъ революціи былъ уничтоженъ; оставались люди въ родѣ Сійеса, которые говорили: «я жилъ». Эти то ужъ твердо рѣшили продолжать жить на прежнихъ условіяхъ. Когда терроръ исчезъ, надо бы, казалось, найти народъ свободнымъ. Какъ разъ наоборотъ: остаются на-лицо лишь обломки, нація, разорванная на части мучительствомъ, разбросанные члены ея, надломанные характеры, которые расползаются по кускамъ. Среди этого нравственнаго крушенія, когда бывшіе члены партіи Горы въ конвентѣ, преслѣдуемые Директоріей и раздѣленные своими собственными ошибками, встрѣчались другъ съ другомъ, они привѣтствовали себя злораднымъ

смѣхомъ Гамлета между могильщиками этого политическаго кладбища» *).

А рядомъ съ исчезновеніемъ крупныхъ дѣятелей, шло совершенно естественно разложеніе политическихъ организацій. Осталась въ этомъ общемъ погромѣ лишь одна своеобразная организація, организація военная, войско, которое все болѣе и болѣе отдалялось отъ общества. Мѣсто гражданъ, которые шли на защиту отечества во имя принципа, идейнаго энтузіазма, постепенно заняли солдаты, бросавшіеся на врага во имя эгоистическихъ мотивовъ, наиболѣе благороднымъ изъ которыхъ была жажда славной карьеры, а наиболѣе распространеннымъ—желаніе легкой наживы и грабежа. И замѣтьте, у офицеровъ вплоть до маршаловъ, эта точка зрѣнія, достойная варваровъ эпохи великаго переселенія, прокидывалась если не яснѣе, то еще грандіознѣе, чѣмъ у солдатъ. Читайте Стендаля, вошедшаго теперь въ моду, читайте мемуары наполеоновскихъ генераловъ: прямое присвоеніе чужой собственности въ непріятельской странѣ, формальный грабежъ является для нихъ вещью столь естественною, что они нисколько и не думаютъ скрывать ее. Наполеонъ даже любилъ развивать эти наклонности у своихъ генераловъ, отчасти чтобы привязать ихъ къ себѣ путемъ матеріальныхъ выгодъ, отчасти чтобы имѣть чѣмъ припугивать ихъ на случай ихъ отпаденія.

Таковы были условія, при которыхъ могъ явиться Бонапартъ и достигнуть невѣроятной высоты положенія. И вотъ тутъ и придется сказать, что, несмотря на общія историческія условія, вызывавшія реакцію, та спеціальная форма ея, которая вылилась въ Первой Имперіи и наложила такой могущественный отпечатокъ на исторію Франціи, лежала въ личныхъ свойствахъ Наполеона. Не найдись въ данный моментъ Бонапартъ, и исторія могла бы идти значительно инымъ путемъ, несмотря на общій фонъ крупныхъ историческихъ причинъ; ибо не отъ нихъ, конечно, зависѣлъ психическій складъ Наполеона. Дѣйствительно, представьте себѣ на мѣстѣ корсиканца такихъ благородныхъ генераловъ - патріотовъ, какъ Гошъ или Марсо: развѣ мыслима была бы при нихъ та завоевательная горячка, которая въ концѣ концовъ такъ истощила Францію? Или поставьте въ положеніе Наполеона героевъ сабли, въ родѣ Мюрата, Ланна, Массены: отличные воины, но плохіе администраторы, а главное неизмѣримо уступавшіе Наполеону въ размахѣ ихъ военныхъ и политическихъ плановъ, они, конечно, были бы не въ силахъ создать эпопею Первой Имперіи.

Каковы же были особыя качества Бонапарта, которыя сдѣлали изъ него господина положенія? Мы не будемъ говорить о его удивительномъ геніи полководца, ни о его выдающихся талантахъ администратора. Прежде чѣмъ развернуть эти свойства, ему надо было

*) Edgar Quinet, *La révolution*; Paris, 1889, второй томъ юбилейнаго правительственнаго изданія, стр. 315—317, passim.

выступить на политическую сцену, и для этого ему пришлось вскарабкаться на нее при помощи разныхъ низостей и неблаговидныхъ поступковъ. Но тутъ дѣло идетъ объ основной пружинѣ его личности, о пружинѣ, которая дѣлаетъ Наполеона Наполеономъ. Сравните двѣ характеристики новаго Цезаря, написанныя такими столь несходными мыслителями, какъ Прудонъ и Тэнъ. Одинъ говоритъ: «Всѣ отличительныя черты мелкой души: гордость, тщеславіе, глубокій эгоизмъ, полное отсутствіе человѣческаго чувства; презрѣніе людей, ранняя, глубокая и всесторонняя испорченность; шарлатанизмъ, хвастовство, противорѣчіе, пренебреженіе принциповъ; претензія изо всего создать себѣ орудіе господства: изъ людей, общества, отечества, справедливости, добродѣтели, революціи, порядка, религіи, папской власти, равно какъ изъ силы, порока и преступленія. Его *геній* есть геній разрушенія, и ничего болѣе. Но геній разрушенія есть вещь отрицательная: это есть отрицаніе генія; благодаря вліянію такого генія, Наполеонъ испортилъ и развратилъ все, до чего коснулся. Его исторія ничто иное, какъ рядъ ложныхъ предпріятій, политическихъ ошибокъ и экономическихъ и соціальныхъ нелѣпостей» *). Тэнъ въ свою очередь пишетъ: «Если чистыя идеи его разсуждающаго мозга постоянно удерживаютъ у него господство (надъ силою и пыломъ страстей), то лишь потому, что весь притокъ жизненныхъ силъ идетъ на то, чтобы питать ихъ; идеи эти пустили глубокіе корни въ его сердцѣ и темпераментѣ; эти подземные корни, снабжающіе ихъ своимъ сильнымъ сокомъ, состоятъ въ основномъ инстинктѣ, болѣе могущественномъ, чѣмъ его умъ, болѣе могущественномъ, чѣмъ даже его воля, въ инстинктѣ дѣлать себя центромъ всего и все относить къ себѣ, другими словами въ *эгоизмѣ*. Эгоизмъ этотъ—не инертный, но дѣятельный и порабощающій, пропорціональный дѣятельности и широтѣ его способностей, развитый воспитаніемъ и обстоятельствами, преувеличенный успѣхомъ и всемогуществомъ до той степени, что онъ, наконецъ, воздвигаетъ, посреди человѣческаго общества колоссальное *Я*, которое безпрестанно описываетъ все расширяющіеся круги своихъ хищныхъ и цѣпкихъ захватовъ, которое оскорбляется всякимъ сопротивленіемъ, которое чувствуетъ стѣсненіе отъ всякой независимости и которое, въ безграничной сферѣ, имъ себѣ отмежевываемой, не можетъ выносить ничьей жизни, если только эта жизнь не становится придаткомъ или инструментомъ его собственной жизни» **). И въ другомъ мѣстѣ: «Вслѣдствіе громаднаго пробѣла въ воспитаніи, совѣсти и сердцѣ, вмѣсто того, чтобы подчинять свою личность государству, онъ подчиняетъ государство своей лич-

*) См. посмертный этюдъ Прудона въ «Nouvelle Revue», 1 ноября 1895 г. стр. 6—7.

**) H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne* Paris, 1891, томъ I, книга 1, стр. 62.

ности; за предѣлами короткой физической жизни его глаза не обращаются къ націи, которая переживетъ его; потому онъ жертвуетъ будущимъ настоящему, и его твореніе не можетъ быть прочнымъ. Послѣ него—хоть потопъ: ему мало того, что онъ самъ произнесъ это страшное слово; онъ желаетъ, чтобы каждый произносилъ его въ глубинѣ души и съ мучительнымъ безпокойствомъ» *).

И страстный полемистъ, и анализирующій историкъ, несмотря на различныя формы выраженія, согласны въ одномъ: Наполеонъ—типъ прямолинейнаго поразительнаго эгоиста; личная каррьера оттѣсняетъ у него государственныя соображенія. Но въ этихъ личныхъ качествахъ и лежалъ для того времени залогъ успѣха Бонапарта. Когда сошли со сцены люди непреклоннаго убѣжденія, психическое внушеніе естественно переходило къ тому, кто лучше всѣхъ умѣлъ хотѣть и кто менѣе всего колебался въ своей дѣятельности, независимо отъ предмета этого хотѣнія и отъ направленія этой дѣятельности. Далѣе, когда въ обществѣ личные интересы стали исключительнымъ мотивомъ жизни, грандіозный эгоистъ долженъ былъ естественно всплыть на верхъ этого мутнаго водоворота, потому что онъ лучше и понятнѣе всѣхъ говорилъ уму и чувству безчисленной толпы окружавшихъ его мелкихъ эгоистовъ. Наконецъ, когда всѣ политическія организаціи распадались, когда правительство старалось всячески раздавить существовавшіе еще клубы, когда на самомъ дѣлѣ осталась на-лицо лишь одна организованная сила, и эта сила была войско,—власть совершенно естественно переходила къ тому, кто былъ наилучшимъ спеціалистомъ въ военномъ дѣлѣ. Интересно, что, совершая переворотъ 18-го Брюмера (9 ноября 1799 г.), Бонапартъ чуть было не погибъ, лишь только отказался отъ откровенной роли генерала, производящаго coup d'etat насиліемъ, а вздумалъ прибѣгнуть къ психическому воздѣйствію на членовъ Совѣта Пятисотъ. Рѣчи Дантона, Робеспьера, Сенъ Жюста наводили въ конвентѣ ужасъ на сильныхъ противниковъ лучше всякаго оружія. Безконечная, запутанная рѣчь Бонапарта, которой онъ вздумалъ припугнуть Совѣтъ Пятисотъ, вызвала среди этого далеко не храбраго собранія крики негодованія. «И при возгласахъ: внѣ закона! внѣ закона! онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, совершенно потерялъ голову, надо было вынести его изъ залы; одинъ моментъ думали, что онъ упадетъ въ обморокъ»,—такъ описываетъ Юнгъ у Тэна сцену этого неудавшагося психическаго внушенія. Люсьену, брату Наполеона, пришлось выручать погибавшаго узурпатора, и гренадеры, призванные въ залу, разогнали Совѣтъ штыками...

Итакъ, консервативные интересы крестьянства и буржуазіи; низменныя стремленія и страшная порча характеровъ среди политическихъ дѣятелей; преобладаніе милитаризма,—вотъ какія прозаическія силы поддерживали имперію. Но это нисколько не исклю-

*) l. c., стр. 108.

чаетъ того поэтическаго ореола, которымъ общество того времени окружило это господство штыковъ и кармана, и того искренняго энтузіазма, который Наполеонъ возбудилъ среди большого числа своихъ сторонниковъ, особенно въ низшихъ классахъ. Ибо, надо отдать ему справедливость, онъ не стѣснялся съ своими приближенными, цинично разоблачая передъ ними свой эгоизмъ и объясняя только эгоизмомъ всѣ поступки людей; онъ называлъ генерала Матьё Дюма въ глаза «дуракомъ» за то, что тотъ «вѣрилъ свободѣ» и «поддерживалъ революцію не изъ-за честолюбія»; онъ съ видимымъ наслажденіемъ останавливался на хищническихъ подвигахъ Массены; онъ самодовольно глядѣлъ на окружавшую его толпу министровъ и придворныхъ, этихъ «графовъ и бароновъ изъ санкюлотовъ», многіе изъ которыхъ были ренегатами якобинской партіи. Но онъ былъ удивительно ловкій комедіантъ по отношенію къ массамъ, къ народу, и понималъ, что безъ воображенія, безъ идеализаціи, невозможно жить пылкой и подвижной Франціи. Историки, по моему, очень мало остановились на одной его типичной чертѣ: никто не понималъ лучше его значеніе рекламы. Въ этомъ отношеніи онъ забѣжалъ далеко впередъ своего времени и былъ, такъ сказать, удивительно талантливымъ Барнумомъ своей собственной персоны. Онъ прекрасно понималъ значеніе того своеобразнаго гипнотизма, который заключенъ въ рекламѣ, въ безконечномъ и эффектномъ повтореніи одного имени и одного факта. Глаза ваши мозолитъ извѣстный образъ, въ ушахъ вашихъ звучитъ извѣстное имя, и вы впадаете въ состояніе гипноза, подобно человѣку, который подготовляется ко внушенію упорнымъ смотрѣньемъ на одинъ блестящій предметъ. Военные бюллетени Наполеона — образцы рекламы. Онъ прикрашивалъ, искажалъ, гдѣ нужно умалчивалъ. Онъ уже при жизни ставилъ себѣ памятникъ, гдѣ его личность играла роль центральной фигуры, въ то время, какъ его генералы и совѣтники низводились на степень простыхъ барельефовъ, лишь оттѣнявшихъ величіе полубога, одиноко стоявшаго на пьедесталѣ. Недаромъ одинъ изъ историковъ сдѣлалъ остроумное замѣчаніе, что имѣй, напримѣръ, Массена тотъ драматическій талантъ военнаго писателя, которымъ былъ такъ щедро надѣленъ Бонапартъ, онъ могъ-бы изъ своего знаменитаго похода противъ Суворова создать эпопею, ничуть не уступающую Наполеоновской. Тутъ были-бы битвы и при Сенъ-Готардѣ, и при Цюрихѣ, и у Чортова Моста, и при Альторфѣ, художественно изображенныя, драматизированныя и переданныя потомству. Массена-же ограничился сухимъ, чисто военнымъ отчетомъ...

Этотъ-же талантъ лицедѣя подсказалъ Наполеону, что массамъ опасно показывать эгоистическія пружины новаго Цезаря, и къ простымъ людямъ, къ солдатамъ, окружавшимъ непосредственно его, онъ обращался съ эффектными словами о долгѣ, о Франціи, о безсмертной славѣ. Въ этомъ отношеніи можно даже прослѣдить

несомнѣнный прогрессъ лицемѣрія съ годами. Наполеонъ-императоръ врядъ-ли подписался-бы подъ откровеннымъ приказомъ генерала Бонапарта, которымъ онъ начиналъ знаменитую итальянскую кампанію: «солдаты, у васъ нѣтъ одежды, вы плохо питаетесь, правительство въ большомъ долгу у васъ; оно ничего не можетъ дать... Я поведу васъ въ плодороднѣйшія равнины міра; богатыя провинціи, великіе города будутъ въ вашихъ рукахъ; тамъ вы найдете почести, славу и богатство»...

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ просматривать «Альбомъ» Наполеона, вышедшій совсѣмъ недавно, о которомъ я говорилъ въ началѣ этой корреспонденціи. Обратите вниманіе, какую удивительную, чисто американскую рекламу устроилъ себѣ Наполеонъ, начиная съ живописцевъ, переходя къ граверамъ и кончая лубочными рисовальщиками. Онъ обращался съ самаго начала своего выступленія на политическую сцену то къ тому, то къ другому художнику, ухаживая за нимъ, льстя ему, указывая ему на тотъ или другой сюжетъ изъ своей исторіи. Французы, итальянцы, нѣмцы внесли свою лепту въ этотъ музей прославленія, и еще не будучи императоромъ, Наполеонъ былъ распопуляризированъ не только дешевыми картинами, но и разными вещами, въ родѣ перочинныхъ ножей, чернильницъ, солонокъ, трубокъ, которымъ придавалась форма Бонапарта и которые проникли въ самую бѣдную хижину. И эта колоссальная реклама принесла свой плодъ. Въ Наполеоновской легендѣ наравнѣ съ крупными артистами пера, кисти, карандаша,— Викторомъ Гюго, Беранже, Гейне, нашими Пушкинымъ и Лермонтовымъ, Давидомъ Анжерскимъ, барономъ Гро, Изабэ, Раффэ,— участвовала стоустая молва, которая разнесла по міру имя Наполеона и подготовила почву для исторической пародіи на первую имперію, извѣстной подъ именемъ второй имперіи. Къ послѣдней мы и переходимъ.

На какомъ общемъ фонѣ выдѣлилась фигура Луи-Бонапарта и подъ именемъ Наполеона III заполнила одно время всю историческую сцену Европы? Каковы были съ другой стороны тѣ личныя свойства императора, которыя выдвинули на первый планъ эту тусклую, неопредѣленную фигуру? И на этотъ разъ я не буду останавливаться на экономическомъ развитіи Франціи, о которомъ уже столько писалось. Укажу лишь, что въ промежуткѣ между первой и второй имперіями оно выразилось, главнымъ образомъ, въ ростѣ промышленнаго капитала, въ усиленіи могущества крупной буржуазіи, въ образованіи очень многочисленнаго городского пролетаріата, въ то время, какъ въ деревнѣ свободная частная собственность создала съ одной стороны зажиточную земельную буржуазію, съ другой — мелкаго крестьянина-собственника, уже

изнемогавшаго подъ бременемъ гипотеки, съ третьей—все увеличивавшійся контингентъ батраковъ.

Въ идейной-же сферѣ можно было замѣтить двѣ крупныя вещи: распространеніе и усиленіе между оппозиціонной интеллигенціей легенды первой имперіи, которая по причудливой, но легко объяснимой аберраціи мысли рисовалась режимомъ демократіи и законной наслѣдницей революціи; все болѣе и болѣе яркое сознаніе противоположности между капиталомъ и трудомъ, которое выражалось въ критикѣ по-революціоннаго строя и созданіи системъ лучшаго общежитія. Когда разразилась февральская революція 1848 г., эти два идейныя теченія проявились сейчасъ-же въ движеніи. Рабочій вопросъ съ первыхъ-же дней былъ поставленъ на очередь, хотя платонически и довольно наивно, въ формѣ такъ называемыхъ Люксембургскихъ конференцій и въ присутствіи во временномъ правительствѣ рабочаго Альбера (умеръ совсѣмъ недавно: въ 1895 г.). Бонапартистское-же теченіе привело уже въ концѣ 1848 г. къ выбору Луи-Наполеона президентомъ республики, а еще черезъ три года къ перевороту 2-го декабря. Что февральская революція должна была кончиться раннимъ крахомъ, проницательные наблюдатели успѣли замѣтить очень скоро. Но чтобы Франція была отброшена на пятьдесятъ лѣтъ назадъ, къ цезаристской конституціи первой имперіи, этого серьезно никто не боялся вплоть до обостренія борьбы между президентомъ и палатой; да и во время этой борьбы не могъ точно предвидѣть. Надо было, чтобы особыя свойства Наполеона III сыграли роль того «передаточнаго ремня». который повернулъ колесо политической исторіи на полвѣка назадъ, какъ только реакція дала обратный ходъ общественной машинѣ.

Несмотря на самыя заурядныя качества, у Луи-Наполеона были двѣ черты, помогшія ему, такъ сказать, осадить поэтическіе туманы наполеоновской легенды въ конкретной, грубо-осязательной формѣ второй имперіи. Это, съ одной стороны, его глубокая вѣра, вѣра фаталиста-упрямца, въ свою звѣзду, въ торжество «Наполеоновскихъ идей», и отсюда замѣчательная цѣльность его политической дѣятельности; это, съ другой, пониманіе могущественной роли рекламы, постояннаго привлеченія къ себѣ общественнаго вниманія. Въ то далеко не-героическое время, когда правящіе классы, крупная буржуазія, занимались лишь приложеніемъ къ практикѣ совѣта Гизо: «обогащайтесь, обогащайтесь», Луи-Наполеонъ былъ единственнымъ активнымъ претендентомъ на престолъ, который упорно шелъ къ одной и той-же цѣли: возстановленію имперіи. И онъ не отступалъ при этомъ ни отъ какихъ средствъ, ни отъ какой самой, повидимому, шутовской рекламы, чтобы такъ или иначе вліять на общественное мнѣніе. Мудрые Маккіавели мѣщанства со смѣху помирали на комичныя экспедиціи Луи-Наполеона въ Страсбургъ (30-го октября 1836 г.) и въ Булонь (6-го августа 1840 г.), кото-

рыя завершились для претендента заключеніемъ въ Гамской крѣпости; орлеанистскія газеты были наполнены подробностями о пресловутомъ сѣромъ сюртукѣ Наполеона I, который былъ надѣтъ на себя племянникомъ, и о прирученномъ орлѣ, который садился на плечо Луи-Бонапарта... таская припасенные для него куски мяса изъ Наполеоновской трехуголки. Эти наивныя, чисто балаганныя декораціи были освистаны буржуазнымъ партеромъ. Но онѣ, какъ оказалось, пришлись очень по вкусу наивному воображенію массъ. И даже симпатіи такихъ людей, какъ Жоржъ-Зандъ, Беранже, Луи-Бланъ, шли къ гамскому плѣннику, платившемуся тюрьмой за свои «демократическія» тенденціи. Когда 26-го мая 1846 г. Луи-Наполеонъ успѣлъ убѣжать въ Англію, переодѣвшись каменьщикомъ, его имя было извѣстно всей Франціи.

Присоедините къ этимъ личнымъ качествамъ Луи-Наполеона тѣсный кругъ его друзей—авантюристовъ, у которыхъ колоссальные аппетиты и отчаянность матеріальнаго положенія играли роль идейнаго убѣжденія, толкая ихъ на самую рѣшительную дѣятельность, и которые, въ качествѣ людей практическихъ, понимали все громадное значеніе систематической организаціи. Надо читать въ интересной съ документальной стороны «Исторіи второй имперіи» Таксиля Делора разсказъ объ избирательной агитаціи въ пользу Луи-Наполеона, начавшейся для выборовъ въ палату послѣ февральскихъ дней, чтобы оцѣнить по достоинству всю ловкость, цѣлесообразность и объединенность бонапартистской пропаганды. Сторонники вербуются между капиталистами, которые боятся республики и въ то же время не хотятъ вернуться къ Бурбонамъ или Орлеанамъ. Они вербуются между рабочими, которыхъ соблазняютъ нѣсколькими сантиментально-соціалистическими фразами изъ брошюръ претендента. Они вербуются между крестьянами, которымъ обѣщаютъ, что называется, и дождь и ведро. Они вербуются между арміей, передъ которой развертываютъ волшебную панораму наполеоновскихъ походовъ. Они вербуются между нерѣшительными монархистами, которымъ указываютъ на печальную перспективу борьбы между старшей и младшей линіями. Въ Парижѣ на избирательныхъ афишахъ между членами комитета фигурируютъ по преимуществу «старые республиканцы 92 года, солдаты, сражавшіеся при Цюрихѣ и Ватерло», «рабочіе, бившіеся на февральскихъ баррикадахъ». Самъ Луи-Наполеонъ, остающійся пока въ Лондонѣ, не брезгуетъ посылать личныя, очень любезныя письма къ избирателямъ-угольщикамъ, сапожникамъ, по указанію Фіалэна, присвоившаго себѣ незаконно фамилію де-Персиньи. Начинаютъ стекаться и деньги отъ заинтересованныхъ капиталистовъ. «Отнынѣ пропаганда принимаетъ всевозможныя формы; она обращается и къ пластикѣ, и къ литературѣ, и къ музыкѣ; литографіи, представляющія императора, который указываетъ пальцемъ Франціи на Луи-Наполеона, портреты, медали, біографіи кишатъ повсюду; является на

помощь и музыка, и кандидатура принца распѣвается на площадяхъ и перекресткахъ, сотнями кочующихъ теноровъ, подъ аккомпаниментъ шарманокъ:

Наполеонъ, вернись въ отечество,
Республиканцемъ добрымъ будь!

Эмиль Тома, директоръ національныхъ мастерскихъ, предлагаетъ пролетаріямъ кандидатуру гражданина Луи Бонопарта; печать присоединяетъ свои усилія къ литографіи, музыкѣ и поэзіи. «Республиканскій орелъ», «Маленькій капралъ», «Сѣрый сюртукъ», «Конституція», «Наполеонистъ» воспѣваютъ хвалебные гимны кандидату»*). Въ департаментахъ пропаганда ведется не менѣе дѣятельно. Бонопартисты проникаютъ по возможности во всѣ клубы, говорятъ на рабочихъ собраніяхъ. Образовалось пресловутое общество, которое скоро получитъ названіе «Общество 10 декабря» и которое состоитъ изъ спившихся рабочихъ, отставныхъ солдатъ, прогорѣвшихъ графовъ и бароновъ, кокотокъ и журналистовъ, темныхъ аферистовъ, подъ управленіемъ комитета, заключающаго въ себѣ, рядомъ съ рыцарями индустріи, нѣсколько наслѣдниковъ громкихъ именъ маршаловъ и генераловъ Первой имперіи. Члены этого общества, несмотря на свое малое сравнительно число, очень дѣятельны, само общество стремится къ ясно поставленной цѣли. Словомъ, въ то самое время, какъ почтенные представители буржуазіи въ серьезной прессѣ, въ судебномъ сословіи, въ промышленности, въ торговлѣ проводятъ время въ семейныхъ распряхъ или насмѣшкахъ надъ бонапартистской кандидатурой, эта кандидатура дѣлаетъ рѣшительные успѣхи, и сторонники Луи-Наполеона раскидываютъ по всей Франціи сѣть прочно централизованной организаціи. По обыкновенію, наканунѣ выборовъ солидная пресса увѣрена въ провалѣ авантюриста. Арманъ Бертэнъ, главный редакторъ «Journal des Débats», готовъ былъ биться объ закладъ, что «принцъ Луи» не получитъ болѣе 40,000 голосовъ; Жирардэнъ пророчилъ даже всего 10,000. Но уже въ самый день выборовъ можно было видѣть по настроенію массъ, что пророки жестоко ошибались относительно Парижа и Сенскаго департамента. Многіе рабочіе нацѣпили на картузы избирательный бюллетень съ именемъ Луи Бонапарта; въ Сенъ-Дени экзальтированная толпа ворвалась въ залу, гдѣ отбирались бюллетени, внесла туда на плечахъ расклейщиковъ бонапартистскихъ афишъ и опрокинула избирательныя урны съ крикомъ: да здравствуетъ Наполеонъ! На слѣдующій день оказалось, что Луи Бонапартъ получилъ въ одномъ Сенскомъ департаментѣ 84,420 голосовъ: онъ слѣдовалъ за Коссидьеромъ, Шангарнье, Тьеромъ и Викторомъ Гюго, но шелъ впереди Пьера Леру. Кромѣ того, онъ

*) Taxile Delord, Histoire du Second Empire: 1886—1875, 6 vol. Моя цитата относится къ стр. 101—102 перваго тома новаго (иллюстрированнаго) изданія.

былъ выбранъ въ трехъ другихъ департаментахъ: въ Йоннскомъ, въ Нижней Шарантѣ и въ Корсикѣ.

Мы не станемъ слѣдить подробно за ростомъ бонапартизма, который выразился въ поразительномъ торжествѣ Луи-Наполеона на выборахъ 10 декабря 1848 г. въ президенты республики, давшихъ ему 5.434,226 голосовъ противъ 1.448,107 голосовъ за Кавеньяка; въ переворотѣ 2 декабря 1851 г., который былъ санкціонированъ плебисцитомъ, отвѣтившимъ 7.439,216 *да!* противъ 646,737 *нѣтъ!* и въ возстановленіи имперіи, на основаніи еще болѣе знаменательнаго плебисцита: 7.839,532 *да!* противъ 253,149 *нѣтъ*! Армія уже съ самаго начала сдѣлалась предметомъ особыхъ заботъ Луи Бонапарта; ее онъ вербовалъ на свою сторону всевозможными способами, вплоть до раздачи денегъ и припасовъ солдатамъ. Пусть припомнятъ популярный крикъ солдатъ въ это время: «да здравствуетъ Наполеонъ! да здравствуютъ сосиски». Возьмите личныя качества претендента, характеръ его первыхъ партизановъ, пріемы колоссальной рекламы и цѣлесообразной организаціи. Вы поймете, почему на общемъ фонѣ крупныхъ историческихъ условій должна была рельефно выдѣлиться сѣрая и тусклая фигура Наполеона III и уже нестолько въ силу общихъ условій, сколько въ силу именно мелко личныхъ качествъ и личной обстановки привести великую страну къ страшному погрому. «Партія пролетаріевъ является придаткомъ буржуазной демократической партіи. Она предается и оставляется на гибель этою послѣднею 16-го апрѣля, 15-го мая и въ іюньскіе дни. Демократическая партія со своей стороны опирается на плечи буржуазно-республиканской. Едва только буржуазные республиканцы чувствуютъ твердую почву подъ ногами, какъ они стряхиваютъ съ себя своихъ грузныхъ товарищей и сами опираются на плечи «партіи порядка». Партія порядка дергаетъ плечами, заставляетъ буржуазныхъ республиканцевъ летѣть кувыркомъ на землю и бросается на плечи вооруженной силы. Она думаетъ, что еще сидитъ на этихъ плечахъ, какъ въ одно прекрасное утро замѣчаетъ. что плечи-то превратились въ штыки» *)...

Изъ-за разницы двухъ движеній нельзя не видѣть сходства ихъ результатовъ. Парки общественнаго развитія выпрядаютъ приблизительно одинаково тѣ соціальныя нити, въ узлѣ которыхъ становится въ силу личныхъ, зачастую печальныхъ качествъ, извѣстная историческая фигура и накладываетъ свой отпечатокъ на данный періодъ. И въ первой, и въ февральской революціи борьба партій производитъ естественный подборъ на изнанку: лучшіе и достойнѣйшіе погибаютъ въ періодъ энтузіазма, и остаются люди личныхъ интересовъ и рутины,—

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.

Въ эту пору, кто съ большей прямолинейностью идетъ къ цѣли,

*) Der achtzehnte Brumaire des Louis Bona, parte. Stuttgart, 1885, стр. 29.

кто громче другихъ апеллируетъ къ эгоистичнымъ интересамъ, кто сознаетъ громадное преимущество организованной партіи надъ мятущейся толпою и, не увлекаясь софизмами объ «общемъ ходѣ», выжидаетъ удобный моментъ, чтобы налечь на пресловутое «колесо исторіи», пришедшее въ узловую точку, тотъ—господинъ положенія. Буржуазія, испугавшаяся пролетаріата, пролетаріатъ, озлобленный противъ буржуазіи; консервативное и невѣжественное крестьянство, поддержавшее, несмотря на нѣкоторыя похвальныя исключенія (въ департаментахъ Варскомъ, Нижнихъ Альповъ, Геро, Ньеврскомъ), переворотъ декабрьской ночи,—несомнѣнно, всѣ эти силы и интересы образовали общую почву для имперіи, создали ея возможность. Но личныя свойства Наполеона III, характеръ его совѣтниковъ, пріемы борьбы, методы «внушенія» бонапартистовъ позволили этой возможности перейти въ дѣйствительность...

Величіе и паденіе буланжистскаго движенія доказываетъ, такъ сказать, отъ противнаго значеніе личности и ея свойствъ въ критическіе, узловые моменты общественнаго развитія, когда соціальное равновѣсіе неустойчиво, и въ дверь исторіи стучатся нѣсколько одинаково назрѣвшихъ рѣшеній. Философы и поэты «общаго хода вещей» постараются, одни съ важностію, другіе съ запальчивостію, обрушиться на меня за такое мнѣніе: событія, скажутъ они мнѣ, не могли произойти иначе, чѣмъ произошли! Но вѣдь въ сущности этой фразой они закрываютъ путь къ малѣйшему обсужденію исторіи не только для другихъ, но и для самихъ себя. Вопросъ заключается не въ томъ, что извѣстный фактъ совершился въ силу такихъ или иныхъ общихъ причинъ; а въ томъ, возможно-ли представить себѣ иной исходъ при существованіи тѣхъ же общихъ причинъ, но при наличности иныхъ, болѣе мелкихъ, частныхъ, индивидуальныхъ условій, которыя не стоятъ въ причинной зависимости отъ упомянутыхъ общихъ причинъ. Курьезно, что такіе ярые поклонники естественнаго, фатальнаго процесса развитія, какъ французскіе марксисты въ родѣ Гэда и Лафарга, приписывали одно время очень большое значеніе буланжизму и по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ не знали, что имъ дѣлать: выступить-ли противъ «браваго генерала», или же пользоваться имъ, на подобіе другихъ партій, для достиженія своихъ цѣлей. И надо было сдѣлать рѣшительный шагъ поссибилистамъ и бланкистамъ оттѣнка Эдуарда Валльяна (теперешняго депутата), чтобы и гэдисты пошли противъ Буланже. Въ моей памяти выплываетъ еще болѣе курьезная фигура одного интеллигентнаго француза, который по ночамъ не спалъ, боясь проснуться на слѣдующее утро не въ республикѣ, а при императорѣ Жоржѣ Буланже I-мъ, но который, когда буланжистское движеніе было окончательно раздавлено, побѣдоносно доказывалъ мнѣ, что онъ на основаніи общаго хода вещей при самомъ началѣ движенія уже

предвидѣлъ его фатальный конецъ. Такъ сама практика жизни опровергаетъ философовъ «естественнаго развитія»...

Когда пробѣжешь шумную и уже отошедшую въ область исторіи политическую карьеру Буланже, то она представляется положительно волшебной сказкой, а самъ герой — настоящей кометой, которая одно время заполонила своимъ хвостомъ, своимъ генеральскимъ султаномъ, весь политическій горизонтъ и такъ же быстро исчезла, какъ и загорѣлась. Популярный военный министръ въ теченіе 18 мѣсяцевъ (отъ 7-го января 1886 г. до 30 мая 1887 г.); еще болѣе популярный командиръ 13-го корпуса, менѣе чѣмъ черезъ годъ выброшенный изъ арміи за нарушеніе дисциплины (27 марта 1888 г.); счастливый кандидатъ на многочисленныхъ департаментскихъ выборахъ (въ Дордонѣ, Сѣверномъ департаментѣ, Нижней Шарантѣ, Соммскомъ департаментѣ) и въ Парижѣ, гдѣ онъ получилъ, 27 января 1889 г., 245,236 голосовъ противъ 162,875, поданныхъ за его противника, нѣкоего Жака; добровольный изгнанникъ съ 1-го апрѣля того же года въ Бельгіи, Англіи, на островѣ Джерси и снова въ Бельгіи, быстро потерявшій свою популярность и застрѣлившійся (30 сентября 1891 г.) на могилѣ своей любовницы возлѣ Брюсселя—вотъ главнѣйшіе этапы его пятилѣтней политической дѣятельности, малѣйшія проявленія которой комментировались въ прессѣ обоихъ полушарій болѣе подробно, чѣмъ выпало на долю кому-нибудь изъ историческихъ фигуръ за послѣднее время.

Конечно, и въ данномъ случаѣ не самъ дѣятель, не самъ Буланже создавалъ тѣ нити соціальныхъ интересовъ, въ узлѣ которыхъ поставила его судьба. Но именно его личность распространяла вокругъ себя всемогущія волны внушенія, — распространяла, какъ скоро оказалось, совершенно непропорціонально своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Въ отличіе отъ эпохъ появленія Наполеона I и Наполеона III, характеризовавшихся упадкомъ энтузіазма отъ черезъ-чуръ усиленной дѣятельности, отъ кровавой борьбы партій, начало буланжистскаго движенія совпадаетъ съ общимъ разочарованіемъ въ народѣ отъ недостатка дѣятельности, отъ безплодной парламентской сутолоки, отъ эгоистической политики оппортунистовъ, которой радикалы старались воспрепятствовать не широкой и смѣлой агитаціей въ странѣ, а игрой въ запросы министерствамъ и ихъ низверженіемъ. Присоедините къ этому тотъ шовинистскій духъ, который и умѣренная и радикальная пресса развивали въ странѣ, говоря о реваншѣ, не позволяя себѣ ни малѣйшей критики арміи. Добавьте существованіе реакціонныхъ партій, которыя выжидали перваго удобнаго случая, чтобъ броситься на республику и задушить ее.

Вотъ общій мрачный фонъ, на которомъ въ одно прекрасное утро обрисовался радужными красками образъ «молодого» генерала съ парой глубокихъ глазъ, великолѣпной бѣлокурой бородой и

на гордомъ ворономъ конѣ. Скоро со всѣхъ сторонъ къ нему стали стекаться сторонники: красные республиканцы въ родѣ Рошфора; патріоты—фанатики изъ Лиги Деруледа; ветераны реакціонныхъ партій въ родѣ Поля де-Кассаньяка и Артура Мейера. А затѣмъ масса корыстныхъ и безкорыстныхъ сторонниковъ: великосвѣтскихъ дамъ, простыхъ рабочихъ и крестьянъ, важныхъ господъ, сельскихъ священниковъ, журналистовъ, актеровъ, вообще людей всевозможныхъ состояній и профессій вплоть до полицейскихъ. Всѣ силы стараго и новаго режима были болѣе или менѣе представлены въ томъ знаменитомъ «синдикатѣ недовольныхъ», который образовалъ буланжистское движеніе. Герцогиня д'Юзесъ, подъ вліяніемъ идейнаго энтузіазма къ новому Баярду, пожертвовала въ пользу агитаціи 3 милліона франковъ. Но Шенполль, придворный, такъ сказать, исторіографъ Буланже, разсказывалъ въ Figaro, что генералъ неоднократно получалъ пакеты со вложеніемъ нѣсколькихъ франковъ отъ садовниковъ, кухарокъ, отставныхъ солдатъ, которые просили героя принять ихъ послѣднія сбереженія въ пользу агитаціи. Я живо помню, какъ вечеромъ 27-го января, въ день невѣроятно-шумныхъ парижскихъ выборовъ, городовые подъ разными предлогами неистово бросались на лицъ, кричавшихъ «долой Буланже! да здравствуетъ республика!» На слѣдующій день, рано утромъ, моя кухарка, замѣтьте: набожная бретонка, притащила съ торжествомъ номеръ «L'intransigeant»'а Рошфора и принялась плясать по комнатѣ: «а, наконецъ-то ихъ придавили, безбожныхъ республиканцевъ! теперь всѣ бѣдныя монашенки возвратятся въ школы и госпитали! насталъ конецъ беззаконію... Почитайте-ко вотъ тутъ, почитайте». Мой взглядъ упалъ на статью Рошфора, гдѣ бывшій издатель «Фонаря» доказывалъ какъ разъ, что выборы 27-го января знаменуютъ конецъ всякихъ реакцій во Франціи, конецъ клерикализма, и отнынѣ генералъ дастъ истиннымъ республиканцамъ настоящую свободу и настоящее равенство... Я полюбопытствовалъ узнать у кухарки, съ какихъ же это поръ она читаетъ Рошфора. «Съ тѣхъ поръ, какъ это мнѣ посовѣтовалъ здѣшній приходской священникъ...»

Какъ и всегда бываетъ, какъ это было при выборахъ Наполеона III, противники Буланже были увѣрены, что онъ потерпитъ пораженіе: надо было видѣть, какой ужасъ напалъ на нихъ при чтеніи результатовъ. И дѣйствительно, если бы генералъ принадлежалъ къ категоріи заговорщиковъ и настоящихъ политическихъ авантюристовъ, онъ послѣдовалъ бы совѣту своихъ сторонниковъ и въ вечеръ же выборовъ двинулся бы на Елисейскій дворецъ. И кто знаетъ, какіе узоры дальнѣйшая исторія Франція вышила бы на общемъ фонѣ естественныхъ причинъ! Дѣйствительно, у Буланже было подъ рукой не одно, а нѣсколько обществъ, гораздо болѣе серьезныхъ, чѣмъ «Общество 10 декабря» Наполеона III. «Лига патріотовъ» во главѣ съ Деруледомъ была готова кинуться

въ огонь и воду за «генерала Реванша». «Плебисцитарный республиканскій комитетъ» располагалъ значительнымъ числомъ отчаянныхъ головорѣзовъ бонапартистовъ, которыхъ Тьебо перевелъ на сторону «авторитарной республики». «Національный комитетъ», заключавшій въ своихъ рядахъ очень энергичныхъ и не глупыхъ людей въ родѣ Лагерра, Наке, Лэзана, усѣлъ впрячь въ колесницу Цезаря многочисленныхъ сторонниковъ пересмотра конституціи изъ радикаловъ и соціалистовъ. Армія заключала въ свою очередь очень много партизановъ популярнаго генерала.

Пресса была поставлена не хуже. Въ одномъ Парижѣ четыре большихъ газеты защищали спеціально политику генерала: то были—«l'Intransigeant», «la France», «la Lanterne» и «la Cocarde»; одинъ Рошфоръ съ 250,000 экземплярами своего журнала, гдѣ онъ дробилъ своими желѣзными челюстями враговъ Буланже, стоилъ двадцати органовъ. А скоро по выступленіи генерала на политическое поприще онъ нашелъ ревностныхъ союзниковъ для «параллельнаго дѣйствія» и между реакціонерами, съ которыми онъ заключилъ тайный союзъ и которые защищали его въ своихъ газетахъ. Прибавьте къ этому сочувствующіе органы въ провинціи и такъ называемую нейтральную печать, въ которой пріютились люди безъ всякихъ убѣжденій, колебавшіеся то направо, то налѣво, смотря по перипетіямъ борьбы.

Не забудьте, наконецъ, рекламу, поставленную на недосягаемую высоту ловкимъ «графомъ» Диллономъ, рекламу, такъ сказать, коммерческую, къ которой присоединялась реклама сантиментальныхъ добровольцевъ. Три милліона фотографій генерала были распространены по Франціи по невозможно дешевой цѣнѣ: 3 сантима за штуку. Курьезно, что изъ Германіи высылались тайно поддѣлки подъ французскія гравюры, изображавшія Буланже. Затѣмъ шли хромолитографіи, большіе портреты, біографіи и пѣсни,—безконечное множество пѣсенъ, маршей и полекъ; всѣ эти «Les pioupious d'Auvergne», «En revenant de la revue», «Il reviendra», и пр., однѣ изъ которыхъ были оплачены Диллономъ, другія пущены самими авторами въ обращеніе и порою доставляли имъ крупные куши. Знаменитый пѣвецъ Полюсъ (Paulus) отъ одной пѣсни En revenant получилъ болѣе 50,000 франковъ. Разносчики газетъ (camelots) были въ свою очередь наилучшими ходячими рекламами «браваго генерала». Они встрѣчали его восторженными криками, окружали его великолѣпное ландо при выѣздѣ, освистывали его противниковъ и вырывали свистки у антибуланжистовъ. За манифестаціи имъ платилось по два франка, за каждый вырванный у противника свистокъ 25 сантимовъ.

И всѣ эти грандіозныя баттареи организацій, денегъ, рекламы, пробивавшія страшныя бреши въ общественномъ мнѣніи, быстро потеряли свое дѣйствіе, лишь только генералъ, напуганный слухами о процессѣ и тюрьмѣ, бѣжалъ изъ Франціи. Психическое обая-

ніе утерялось, хотя «общія причины» движенія не измѣнились, политическая армія не уменьшилась, и друзья генерала остались на своемъ посту. И этотъ быстрый и неожиданный конецъ могущественнаго движенія нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ именно прекращеніемъ психологическихъ чаръ, вызываемыхъ присутствіемъ божества среди вѣрующихъ. На сей разъ божество оказалось простымъ чурбаномъ. Буланже не имѣлъ ни колоссальнаго эгоизма и желѣзной воли Наполеона, ни мечтательнаго упрямства Наполеона III. Онъ увлекался «радостью жизни» во всевозможныхъ ея проявленіяхъ съ наивнымъ восхищеніемъ провинціальнаго офицера: легкая слава, фиміамъ похвалъ, прекрасный столъ, роскошная обстановка, женщины,—словомъ все, что доставляло ему его положеніе крупнаго политическаго авантюриста, являлось для него въ данный моментъ цѣлью, которая оттѣсняла на задній планъ его основную задачу. Одинъ изъ измѣнившихъ «лейтенантовъ» неудавшагося Цезаря пишетъ въ пылу досады: «Отвѣтственность, падающая на генерала въ финальномъ крахѣ, поистинѣ громадна. Онъ ничего не сдѣлалъ, ничего не хотѣлъ сдѣлать. Деньги, онъ расточалъ ихъ на совершенно безполезныя вещи. Право, люди будутъ изумляться впослѣдствіи, когда прочтутъ, что счетъ за его двухнедѣльное пребываніе въ отелѣ Манжель въ Брюсселѣ возросъ до почтенной суммы въ 22.000 франковъ. Затѣмъ, въ Лондонѣ, онъ занялъ большую часть Бристольскаго отеля, и когда вошелъ въ помѣщеніе, которое оставилъ за собой за 260 франковъ въ день, онъ окинулъ взглядомъ мебель и, обращаясь къ метръ-д'отелю, промолвилъ: «Что же, у васъ ничего лучше нѣтъ?» *).

У Буланже была единственная страсть, которая имѣла характеръ постоянной idée fixe, не доставшей ему въ области политики: это—его любовь къ г-жѣ Бонмэнъ. Но именно эта страсть показываетъ, что личныя качества генерала рѣшительно воспрепятствовали ему быть рычагомъ переворота, который, можетъ быть, произвелъ бы страшное измѣненіе въ политической жизни Европы. Читайте «Дневникъ прекрасной мельничихи», заключающій въ себѣ нѣсколько интересныхъ страницъ въ массѣ болтовни, сообщаемой хозяйкой гостинницы въ Ройя (Royat), гдѣ часто останавливался генералъ со своей милой. Тамъ, между прочимъ, говорится, что однажды генералъ получилъ отъ г-жи Бонмэнъ телеграмму изъ Парижа, которою она извѣщала, что пріѣдетъ въ Ройя не утромъ, а вечеромъ. И что же? Генералъ положительно сошелъ съ ума, отъ такой пустой вещи грозилъ себѣ револьверомъ, наконецъ, какъ будто успокоился... Не тутъ-то было: «нѣсколько минутъ спустя, разсказываетъ хозяйка, я услышала дикіе крики, какое-то хрипѣніе, которое потрясло меня всю... Я бѣгу въ комнату: она была

*) X... du Figaro (Mermeix), *Les coulisses du boulangisme*; Paris. 1890 стр. 250.

пуста. Бросаюсь въ туалетную: несчастный катается на полу въ *ея* платьяхъ, которыя онъ сорвалъ со стѣны, и цѣлуетъ ихъ, и кусаетъ» *). Выстрѣлъ изъ револьвера на кладбищѣ Иксель (Ixelles) дорисовываетъ эту сцену... Да, счастіе республики, что буланжистское движеніе группировалось вокругъ такого «трубадура», чтобъ употребить выраженіе А. Дюма.

Какова мораль этой корреспонденціи? Очень простая: не будемъ убаюкивать себя пѣсенкой объ общемъ ходѣ вещей, но признаемъ значеніе личности и организаціи личностей въ исторіи общественнаго развитія... Признаемъ и постараемся группировкѣ и солидарности во имя зла противоставить группировку и солидарность во имя добра.

Н. К.

Литература и жизнь.

Мнѣ говорятъ и пишутъ, что я не долженъ былъ обращать вниманіе на статью г. М. Тугана-Барановскаго, въ виду ея слишкомъ уже очевидной слабости; что писать объ ней, а тѣмъ болѣе возвращаться къ ней значитъ придавать ей несоотвѣтственное значеніе. Не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Г. Туганъ-Барановскій—человѣкъ науки, въ нѣкоторомъ родѣ авторитетъ, такъ что въ буквальномъ смыслѣ magister dixit. Это съ одной стороны, а съ другой—никогда еще можетъ быть у насъ не было столько людей, склонныхъ jurare in verba magistri, какъ теперь, хотя и не въ буквальномъ смыслѣ magistri и подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы magister говорилъ именно то, что, въ общихъ чертахъ, угодно самимъ слушателямъ. Немножко это странное положеніе для magister'a, но г. Туганъ-Барановскій вполнѣ удовлетворяетъ такому требованію. Далѣе, соблазняющимъ образомъ должно дѣйствовать самое изложеніе г. Тугана-Барановскаго. Развивая ту же самую мысль, которая лежитъ въ основаніи книжки г. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», г. Туганъ-Барановскій дѣлаетъ это гораздо спокойнѣе и, такъ сказать, прозрачнѣе. Г. Бельтовъ лжетъ, кувыркается, пляшетъ въ присядку, экскурсируетъ въ Гегелеву философію и всѣми этими пріе-

*) *Le journal de la belle meunière. Le général Boulanger et son amie;* Paris, 1895, стр. 77.

мами—однимъ отводитъ глаза отъ существа дѣла, а другимъ внушаетъ недовѣріе. Г. Туганъ-Барановскій не прибѣгаетъ ни къ какимъ фокусамъ, онъ весь какъ на ладони, и если, благодаря этому, несостоятельность его положеній и слабость его аргументаціи дѣйствительно ясно выступаютъ, то иного, напротивъ, можетъ подкупить эта прозрачная ясность и безхитростность: очевидно, добросовѣстный человѣкъ, которому довѣриться можно. Я и не сомнѣваюсь въ добросовѣстности г. Тугана-Барановскаго, и если говорилъ о нѣкоторомъ его «наивномъ лукавствѣ», то разумѣлъ лукавство именно наивное, почти безсознательно обходящее то или другое логическое или фактическое препятствіе. Это лукавство классическаго страуса, прячущаго голову, чтобы не видѣть опасности, а не наглое поведеніе гуся, который хочетъ замаскировать грозящую ему опасность и даже другихъ напугать безпорядочнымъ гоготаньемъ, шипѣньемъ и размахиваніемъ безсильныхъ крыльевъ. И тѣмъ не менѣе, я не рѣшился бы сказать категорически, кто лучше, кто хуже: гусь или страусъ, ибо при всемъ безобразіи гуся—г. Бельтова, онъ въ то же время понимаетъ вещи много шире и жизненнѣе, чѣмъ благообразный страусъ—г. Туганъ-Барановскій. Какъ бы то ни было, я не объ томъ жалѣю, что заговорилъ о статьѣ г. Тугана-Барановскаго, а объ томъ, что мнѣ не пришлось кончить этотъ разговоръ въ одномъ номерѣ,—чисто техническое неудобство: приходится повторять кое что уже сказанное въ прошлый разъ.

Послѣдовательно отметая различныя историческія теоріи, какъ скользящія лишь по поверхности исторической жизни, г. Туганъ-Барановскій останавливается, наконецъ, на формахъ производства и обмѣна, какъ на послѣднемъ, наиболѣе глубоко лежащемъ факторѣ, единственно способномъ объяснить вѣковѣчную смѣну историческихъ явленій. Этотъ свой главный тезисъ авторъ доказываетъ, во-первыхъ, отрицательнымъ путемъ,—путемъ критики другихъ историческихъ теорій; во-вторыхъ,—положительными доводами отъ разума и въ-третьихъ, наконецъ, фактическими иллюстраціями.

Мы остановились на двухъ образчикахъ фактическихъ иллюстрацій: на примѣръ Дарвина, который будто бы потому обратился къ естествознанію, что того требовали практическія задачи, выдвинутыя на первый планъ развитіемъ крупной промышленности, и на идеяхъ Ад. Смита, которыя оказали вліяніе, прямо противоположное тому, на которое разсчитывалъ самъ Смитъ. Можно бы еще многое небезъинтересное отмѣтить по поводу примѣра Дарвина, но я полагаю, что и сказаннаго въ прошлый разъ достаточно для освѣщенія фактической достовѣрности и логической доказательности утвержденія г. Тугана-Барановскаго. Мы видѣли, что вмѣсто обѣщанной глубины онъ предлагаетъ даже до странности поверхностное объясненіе и вмѣсто какого то особеннаго, коренного знанія учитъ простому незнанію. Именно учитъ незнанію, какъ ни странно можетъ показаться это выраженіе. Характерна при этомъ самоувѣ-

ренность, съ которою г. Туганъ-Барановскій разрубаетъ одинъ изъ запутаннѣйшихъ узловъ цѣлаго ряда научныхъ вопросовъ. Характерна и та слѣпота, съ которою онъ упускаетъ изъ вида по истинѣ безчисленное множество явленій, рѣзко противорѣчащихъ его выводу.

Что касается вліянія идей Адама Смита, то этой иллюстраціи я буду имѣть случай коснуться съ нѣкоторою подробностью ниже. Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ критическимъ пріемамъ г. Тугана-Барановскаго, и прежде всего, конечно, къ тому, какъ онъ понимаетъ то, что критикуетъ. Наибольшее вниманіе удѣляетъ онъ ученію объ идеяхъ, какъ о двигателѣ исторіи. Свое изложеніе этого ученія онъ начинаетъ съ Луи Блана, точнѣе сказать,—съ одной фразы Луи Блана въ Исторіи французской революціи: исторію движетъ «не сила, что бы ни говорила внѣшность, но мысль; исторія дѣлается книгами». «Съ этой точки зрѣнія, — продолжаетъ уже отъ себя нашъ авторъ, — важнѣйшимъ факторомъ исторіи является развитіе человѣческаго ума, распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Разуму, интеллекту приписывается первенствующая роль въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, а чувства, привычки, желанія, страсти человѣка признаются маловажнымъ элементомъ въ его жизни, не имѣющимъ никакого историческаго значенія». Такая «историческая философія», по мнѣнію автора, характерна для конца прошлаго столѣтія. «Французскіе матеріалисты XVIII столѣтія, послѣдователи Вольтера и Руссо, экономисты школы Смита, философы и юристы школы Бентама, наконецъ, сами дѣятели революціи,—всѣ эти столь различные по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ люди сходились въ томъ, что мысль, разумъ они ставили впереди чувства. Можно сказать, что чувство они совсѣмъ игнорировали». Точно также и «утописты XIX вѣка, Овенъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, были полны наивной вѣры во всемогущество идеи». «Подобныя же воззрѣнія долгое время пользовались неограниченнымъ кредитомъ и у насъ. Припомнимъ столь популярное у насъ ученіе о роли «критически мыслящей личности» въ историческомъ процессѣ».

Это—весьма даже мало сокращенное изложеніе экскурсіи г. Тугана-Барановскаго въ область литературы занимающаго его вопроса, и во всякомъ случаѣ здѣсь не пропущенъ ни одинъ изъ фактовъ этой литературы, привлекшихъ къ себѣ его вниманіе. Просматривая эти факты, вы невольно изумляетесь, не встрѣчая среди нихъ нѣкоторыхъ очень крупныхъ явленій, быть можетъ наиболѣе крупныхъ въ данной области. Въ самомъ дѣлѣ, почему въ спискѣ писателей и мыслителей, заблуждающихся на счетъ роли «развитія человѣческаго ума и распространенія просвѣщенія», нѣтъ Ог. Конта, Дж. Ст. Милля, Бокля? Съ высоты величія, на которой стоитъ нашъ авторъ, эти люди можетъ быть и заслуживаютъ презрительнаго умолчанія, но съ этой высоты равно презрѣнны и Вольтеръ, и Руссо и проч., однако онъ соблаговолилъ объ нихъ упомянуть. Между

тѣмъ, для насъ, обыкновенныхъ читателей, означенные три мысли-теля представляютъ особенный интересъ. Во первыхъ, они къ намъ ближе по времени и пользуются у насъ значительною популярностью; во вторыхъ, они высказались по вопросу о значеніи идей и знанія, какъ историческаго фактора, такъ сказать, спеціально, и притомъ съ не оставляющею никакимъ сомнѣніямъ мѣста ясностью и опредѣленностью. Было бы слишкомъ долго, да и не входитъ въ мои цѣли, излагать эти взгляды въ подробности, но въ «Системѣ логики» Милля есть посвященная занимающей насъ темѣ страничка, которая, помимо своего общаго интереса, пригодится намъ впослѣдствіи для нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній. Я ее выпишу.

«Въ трудномъ пріемѣ наблюденія и сравненія... мы, очевидно, получили бы большую помощь, если бы оказалось фактомъ, что который либо изъ элементовъ сложнаго существованія общественнаго человѣка господствуетъ надъ всѣми другими, какъ primus agens соціальнаго движенія. Въ такомъ случаѣ мы могли бы взять прогрессъ одного этого элемента за центральную цѣпь, съ каждымъ послѣдовательнымъ звеномъ которой соединяются соотвѣтствующія звенья всѣхъ другихъ прогрессій, такъ что послѣдовательность фактовъ, уже въ силу одного этого, являлась бы въ видѣ самобытнаго порядка, гораздо ближе подходящаго къ дѣйствительному порядку ихъ зависимости, чѣмъ получаемый какимъ бы то ни было другимъ чисто эмпирическимъ процессомъ. Но свидѣтельство исторіи и свидѣтельство человѣческой природы, представляя здѣсь разительный примѣръ согласія, показываютъ, что дѣйствительно есть соціальный элементъ, имѣющій перевѣсъ и почти господство между силами общественнаго прогресса. Этотъ элементъ—состояніе умозрительныхъ способностей людей, со включеніемъ свойства вѣрованій, которыхъ они какимъ бы то ни было способомъ достигли относительно себя самихъ и окружающаго міра.—Было бы большою ошибкою, которую едва ли кто сдѣлаетъ, утверждать, что умозрѣніе, умственная дѣятельность, изслѣдованіе истины принадлежитъ къ самымъ могущественнымъ склонностямъ человѣческой природы или занимаетъ господствующее мѣсто въ жизни недѣлимыхъ, кромѣ нѣкоторыхъ, вполнѣ исключительныхъ. Но несмотря на относительную слабость этого принципа между другими общественными силами, вліяніе его есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса, такъ какъ всѣ другія настроенія нашей природы, содѣйствующія прогрессу, зависятъ отъ него въ средствахъ исполненія своей доли вліянія. Такимъ образомъ... побудительная сила къ большей части улучшеній въ жизненныхъ искусствахъ есть желаніе увеличить матеріальный комфортъ; но такъ какъ мы можемъ дѣйствовать на внѣшніе предметы только по мѣрѣ нашего знанія ихъ, то состояніе познаній въ каждое данное время есть предѣлъ промышленныхъ улучшеній, возможныхъ въ это время; и прогрессъ промышленности долженъ слѣдовать прогрессу знаній и зависѣть

отъ него. Можно показать, что то же самое справедливо, хотя не такъ очевидно, относительно прогресса изящныхъ искусствъ. Далѣе, такъ какъ сильнѣйшія склонности необразованной или полуобразованной человѣческой природы (т. е. чисто эгоистическія, а изъ симпатическихъ лишь тѣ, которыя наиболѣе подходятъ къ эгоизму), очевидно, сами по себѣ стремятся разъединить человѣчество, а не связать его, сдѣлать людей соперниками, а не союзниками,—то общественное существованіе возможно только посредствомъ дисциплинированія этихъ болѣе могущественныхъ склонностей, которое состоитъ въ подчиненіи ихъ общей системѣ мнѣній. Степень этого подчиненія есть мѣра полноты общественнаго союза, а свойство общихъ мнѣній опредѣляетъ его родъ. Но для того, чтобы человѣчество сообразовало свои дѣйствія съ извѣстнымъ родомъ мнѣній, эти мнѣнія должны существовать, должны быть имъ признаваемы. Такимъ образомъ, состояніе умозрительныхъ способностей, характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляетъ нравственное и политическое состояніе общества, такъ же, какъ оно опредѣляетъ и его физическое состояніе. Эти заключенія, выведенныя изъ законовъ человѣческой природы, находятся въ совершенномъ согласіи съ общими фактами исторіи. Каждое исторически извѣстное намъ значительное измѣненіе въ состояніи какой-нибудь части человѣчества, если оно не произведено внѣшнею силою, было предшествуемо соотвѣтствующимъ по размѣру измѣненіемъ въ состояніи знаній или въ господствующихъ вѣрованіяхъ. Всякое данное состояніе умозрѣнія почти всегда обнаруживалось раньше соотвѣтствующаго ему состоянія всѣхъ другихъ явленій, хотя дѣйствія безъ сомнѣнія сильно воздѣйствовали на причину. Каждое значительное преуспѣяніе въ вещественной цивилизаціи было предшествуемо успѣхомъ въ знаніяхъ; и когда происходила какая-нибудь великая общественная перемѣна, путемъ ли постепеннаго развитія или быстраго переворота, предвѣстницею ея была великая перемѣна въ мнѣніяхъ и образѣ мыслей общества». (Система логики, II, 507. Ср. сужденія Милля о томъ же предметѣ въ статьѣ «Огюстъ Контъ и позитивизмъ»).

По соображеніямъ, изложеннымъ много лѣтъ тому назадъ, я не могу примкнуть къ тѣмъ основаніямъ философіи исторіи, которыя указаны въ приведенныхъ словахъ Милля. Но дѣло не во мнѣ, а въ г. Туганѣ-Барановскомъ. Приведенная изъ Системы логики страница сама по себѣ была бы достойна его вниманія, и если прибавить къ ней труды Конта и Бокля, то получится во всякомъ случаѣ стройное, и въ логическомъ, и въ фактическомъ отношеніи не плохо защищенное ученіе, которымъ, повидимому, прежде всего надлежало бы заняться г. Тугану-Барановскому. Однако, онъ его даже хоть какимъ-нибудь бѣглымъ намекомъ не коснулся въ своей экскурсіи въ исторію литературы занимающаго его вопроса,—точно ничего этого не было: ни такой постановки вопроса, ни такой аргумен-

тацiи, ни фактическаго приложенiя этой точки зрѣнiя къ историческимъ даннымъ въ трудахъ крупныхъ и просвѣщенныхъ умовъ. Самоотверженно лишивъ себя такимъ образомъ блестящаго случая развернуть свои критическiя силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою собственную точку зрѣнiя выяснить, г. Туганъ-Барановскiй предпочитаетъ остановиться на фразѣ Луи Блана: исторiю движетъ «не сила, что бы ни говорила внѣшность, но мысль; исторiя дѣлается книгами».

Луи Бланъ былъ очень умный человѣкъ съ благороднѣйшими стремленiями, трудолюбивый историкъ и блестящiй писатель; но можетъ быть уже слишкомъ блестящiй, въ томъ смыслѣ, что красивая своею цвѣтистостью или рѣзкою законченностью фраза нерѣдко вводила его въ искушенiе. Одна изъ такихъ «фразъ» и есть та, которую г. Туганъ-Барановскiй избралъ исходною точкою для своей критики. Конечно, для человѣка, имѣющаго въ запасѣ такiя возраженiя, какъ «мало кто серьезно читаетъ книги» и тому подобныя, простите меня, пустяки,—ата фраза Луи Блана сущiй кладъ. Но человѣкъ болѣе къ себѣ требовательный отмѣтитъ, пожалуй, фразу, какъ фразу, но затѣмъ устремитъ свое вниманiе на существо дѣла. И вотъ, если бы нашъ авторъ поступалъ подобно этому требовательному человѣку, онъ увидѣлъ бы въ нѣкоторыхъ сочиненiяхъ Луи Блана весьма яркiя черты того самаго философско-историческаго ученiя, которое исповѣдуетъ онъ, г. Туганъ-Барановскiй: истолкованiе если не всемiрной исторiи, то отдѣльныхъ ея эпизодовъ борьбою классовъ, опредѣляемыхъ экономическими признаками. Я не хочу сказать, что Луи Бланъ былъ столь же односторонень и узокъ, какъ г. Туганъ-Барановскiй, или что для послѣдняго обязательны всѣ подробности взглядовъ Луи Блана или его практическiе планы. Я говорю только, что г. Туганъ-Барановскiй имѣетъ или по крайней мѣрѣ даетъ своимъ читателямъ извращенное, невѣрное понятiе о Луи-Бланѣ, и что, ухватившись за одинъ клочокъ изъ сочиненiй послѣдняго, онъ лишаетъ себя до извѣстной степени союзника по общему теоретическому вопросу о значенiи экономическаго фактора въ исторiи.

Что же это, однако, значитъ? Въ лицѣ Милля, Конта, Бокля г. Туганъ-Барановскiй замалчиваетъ противниковъ, достойныхъ того, чтобы испытать на себѣ удары его проницательной критики, а въ лицѣ Луи Блана—превращаетъ союзника въ противника и тѣмъ создаетъ себѣ возможность получить очень дешевые лавры побѣдителя *). Можно сдѣлать разныя предположенiя относительно причинъ такого страннаго поведенiя г. Тугана. Можно подумать, напримѣръ, что

*) Правда, г. Туганъ-Барановскiй не воспользовался этою возможностью, ибо для того, чтобы опровергнуть вышеприведенную фразу Луи Блана, нѣтъ никакой надобности говорить объ томъ, что книги мало кто серьезно читаетъ; достаточно напомнить, что было время, когда книгъ не было вовсе,

имъ руководитъ именно желаніе стяжать возможно дешевые лавры,—но это какъ-то не идетъ къ нему: слишкомъ онъ простодушенъ и слишкомъ вѣритъ въ свой ключъ отъ всѣхъ ключей, чтобы намѣренно избѣгать турнира съ какимъ-то тамъ Миллемъ или Контомъ. Можно, далѣе, думать, что онъ просто не знаетъ того, о чемъ говоритъ,—но, хотя предметъ спеціальнаго изученія г. Тугана-Барановскаго, политическая экономія, не обязательно требуетъ знакомства съ историческими теоріями, однако, разъ онъ заговорилъ о послѣднихъ, притомъ такимъ авторитетнымъ тономъ, не хочется допустить, чтобы онъ не потрудился хотя ad hoc съ ними познакомиться.

А между тѣмъ, умолчаніемъ о Миллѣ, Контѣ, Боклѣ и операціей съ Луи Бланомъ не исчерпываются странности экскурсіи г. Тугана-Барановскаго въ литературу вопроса объ идеяхъ и знаніяхъ, какъ историческихъ факторахъ. Передъ нами еще удивительная куча изъ «французскихъ матеріалистовъ XVIII столѣтія, послѣдователей Вольтера и Руссо, экономистовъ школы Смита, философовъ и юристовъ школы Бентама, дѣятелей революціи», затѣмъ «утопистовъ XIX вѣка Овена, Сенъ-Симона, Фурье». Всѣ эти люди, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, «были полны наивной вѣры во всемогущество идеи»; въ ихъ писаніяхъ «важнѣйшимъ факторомъ исторіи является развитіе человѣческаго ума, распространеніе просвѣщенія въ народѣ; разуму, интеллекту приписывается первенствующая роль въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, а чувства, желанія, привычки, страсти человѣка признаются маловажнымъ элементомъ въ его жизни» «Можно сказать, что чувство они совсѣмъ игнорировали», говоритъ г. Туганъ-Барановскій.

Это ужасно, читатель! истинно ужасно, если вы примите въ соображеніе, что имѣете дѣло съ человѣкомъ науки. Напоминать ли ему—ну хоть слѣдующія слова Руссо въ «Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité»: «Только дѣятельностью страстей совершенствуется нашъ разумъ; мы хотимъ знать только потому, что хотимъ наслаждаться, и невозможно понять, зачѣмъ сталъ бы умствовать тотъ, кто лишенъ желаній и опасеній». Напоминать ли, что Смитъ написалъ «Теорію нравственныхъ чувствъ», что Бентамъ считалъ основнымъ двигателемъ человѣческой природы стремленіе къ наслажденію и боязнь страданія, что Фурье былъ авторомъ цѣлой теоріи страстей и т. д., и т. д., и т. д. Все это такъ элементарно и общеизвѣстно, что опровергать г. Тугана-Барановскаго просто стыдно. Но тѣмъ интереснѣе становится вопросъ о причи-

---

а исторія то все-таки «двигалась». Если же авторъ хотѣлъ познакомить насъ съ дѣйствительными теоретическими взглядами Луи Блана на вліяніе книги, то ему надлежало обратиться къ главамъ «De la propriété littéraire» въ «Organisation du travail», а не къ случайной фразѣ въ «Исторіи революціи».

нахъ, побудившихъ его столь размашисто отнестись къ чрезвычайно сложнымъ моментамъ исторіи мысли.

Нѣкоторый отдаленный, едва брежжущій свѣтъ можетъ бросить на это обстоятельство слѣдующее заявленіе г. Тугана-Барановскаго все о тѣхъ же вышеперечисленныхъ, такъ удивительно однообразно заблуждавшихся людяхъ. Для нихъ, по словамъ г. Тугана-Барановскаго, «сила человѣческой мысли и просвѣщенія такъ велика, что предъ нею не могутъ устоять предразсудки и предубѣжденія, порождаемые невѣжествомъ, и потому измѣненія соціальнаго строя происходятъ съ такою же легкостью, съ какою открываются новыя идеи».

Что тѣ предразсудки и предубѣжденія, которые порождаются невѣжествомъ, не могутъ устоять противъ силы просвѣщенія, это несомнѣнно, какъ таблица умноженія. Но дѣло въ томъ, что есть предразсудки, то есть предъ разсужденіемъ принятыя положенія, зависящія не отъ невѣжества или не отъ одного невѣжества. Что же касается легкости, съ какою могутъ происходить измѣненія соціальнаго строя, то, вообще говоря, конечно, мы, люди почти уже XX вѣка, смотримъ на вещи въ этомъ отношеніи трезвѣе, чѣмъ молодая, неопытная, только что вырвавшаяся на свободу мысль XVIII столѣтія. Надо, однако, замѣтить, что если бы г. Туганъ взялъ на себя трудъ присмотрѣться къ взглядамъ писателей и мыслителей, сметенныхъ имъ въ одну кучу, то онъ увидѣлъ бы у различныхъ представителей этой кучи весьма большую разницу въ степени этой самой «легкости», такъ что иныхъ, пожалуй, даже не придется уличать въ ней. Да не этого, по всѣмъ видимостямъ, автору и надо. Заблужденіе поименованныхъ писателей и мыслителей, общее всѣмъ имъ, состоитъ, повидимому, не въ томъ, что они вѣрили въ легкость измѣненія соціальнаго строя, а въ томъ, что они вообще домогались этого измѣненія въ направленіи своихъ идеаловъ. Если, однако, это заблужденіе, то само по себѣ оно свойственно всѣмъ людямъ, принимающимъ участіе въ общественной жизни (въ томъ числѣ и г. Тугану), хотя, разумѣется, они очень различаются между собою, какъ относительно качествъ своихъ идеаловъ, такъ и относительно мнѣнія о легкости приближенія къ нимъ. Въ этомъ смыслѣ г. Туганъ-Барановскій, конечно, правъ, ставя за одну скобку Смита и Фурье, Руссо и Бентама и проч., какъ былъ бы правъ я, ставя за ту же скобку, напримѣръ, г. Тугана, кн. Мещерскаго, самого себя, гр. Толстого и проч. Очевидно, однако, что это скобки ужъ слишкомъ широкія и притомъ отнюдь не совпадающія съ тѣми, за которыя г. Туганъ-Барановскій засадилъ Вольтера, Руссо, Смита, Бентама, дѣятелей революціи, утопистовъ и проч. Въ дѣйствительности эти люди разсчитывали не только на «всемогущество идеи», а и кто на медленныя законодательныя реформы, кто на насильственный переворотъ и устрашеніе, кто на силу наглядного примѣра и т. д. Еслибы, напримѣръ, дѣятели революціи вѣрили во всемогущество идеи, въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ нашъ авторъ,

имъ не было бы никакой надобности рубить людямъ головы, этотъ очагъ идей. Это вѣдь ужъ ни въ какомъ случаѣ не «горячее слово убѣжденья», которое г. Туганъ-Барановскій въ своемъ чрезвычайномъ великолѣпіи такъ презираетъ.

Мы, кажется, поняли ту общую скобку, въ которую г. Туганъ-Барановскій заключаетъ самыя разнообразныя явленія, а вмѣстѣ поняли и совершенную ея несостоятельность. Но изъ помогшаго намъ въ этомъ дѣлѣ замѣчанія г. Тугана-Барановскаго мы можемъ извлечь и еще нѣчто поучительное. Отдавъ должную дань трезвенности автора, считающаго измѣненіе соціальнаго строя дѣломъ не легкимъ, нельзя не подивиться, что «открытіе новыхъ идей» представляется ему, напротивъ, очень легкимъ. Это чрезвычайно характерная черта. Кто интересовался историческимъ ходомъ развитія идей, тотъ знаетъ, какъ много труденъ и многосложенъ ихъ путь. Говоря словами Мефистофеля,

Wer kan was Dummes, wer was Kluges denken,
Das nicht die Vorwelt schon gedacht?

И люди, дѣйствительно поработавшіе на поприщѣ мысли и внесшіе нѣчто новое въ ея сокровищницу,—въ большинствѣ случаевъ лишь новыя комбинаціи старыхъ истинъ или новые ихъ оттѣнки въ связи съ накопленіемъ фактическихъ знаній,—цѣнятъ не только это новое, но и тотъ страдный путь, которымъ преемственная человѣческая мысль доработалась до него. Другое дѣло господа, получавшіе свою истину даромъ, на вѣру. Имъ, конечно, «открытіе новыхъ идей» должно представляться легкимъ дѣломъ: они сами—живой примѣръ этой легкости, если не открытія, то усвоенія новыхъ идей. Представьте себѣ вѣками воздвигаемый храмъ человѣческой мысли и въ немъ гробницы почившихъ работниковъ храма. И вотъ эти господа.—

Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Они предъ этими мужами
Не заливался слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ...

Какой ужъ тутъ стыдъ! По собственнымъ надобностямъ они рѣдко въ храмъ заглядываютъ,—зачѣмъ? они имѣютъ въ своемъ распоряженіи новое, окончательное; а тамъ, въ храмѣ, нѣтъ ничего, кромѣ памятниковъ заблужденія, въ которыхъ и разбираться не стоитъ: все заблужденія и всѣ въ этомъ смыслѣ равны между собою. Но этого мало. Эти господа берутся быть нашими проводниками, путеводителями по храму: пойдемте, дескать, мы вамъ покажемъ, что люди до насъ врали; вотъ Милль, Контъ, Бокль,—мимо! не стоитъ! вотъ Луи Бланъ,—этотъ вотъ что сболтнулъ; вотъ цѣлый рядъ гробницъ въ даль уходитъ,—все одинъ чортъ, одного поля ягоды; а теперь довольно: посмотрѣли и будетъ, теперь на насъ смотрите, какіе мы умные и новые, съ иголочки...

Если г. Туганъ-Барановскій такъ величественно обходится съ литературой европейской, то можно себѣ заранѣе представить, какъ презрительно третируетъ онъ бѣдную скудную русскую литературу. Объ ней онъ упоминаетъ въ своей статьѣ дважды. Одинъ разъ онъ пристегиваетъ къ общему хору заблужденій «столь популярное у насъ ученіе о роли «критически мыслящей личности» въ историческомъ процессѣ» (стр. 105); въ другой разъ мимоходомъ презрительно упоминаетъ о «русскихъ субъективистахъ» (114). Оставимъ пока эти двѣ струи русской литературы въ покоѣ и посмотримъ, не было ли въ ней еще чего нибудь достойнаго вниманія г. Тугана-Барановскаго съ его собственной точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія состоитъ, вообще говоря (въ подробности мы войдемъ ниже), въ преобладаніи экономическаго фактора въ исторіи и жизни. Приэтомъ г. Туганъ-Барановскій изображаетъ дѣло такъ, какъ будто этотъ экономическій факторъ былъ у насъ до «новѣйшаго» времени въ полномъ забросѣ и вообще только и было, что какая-то теорія «критически мыслящей личности», да какой то «субъективизмъ», не имѣющіе никакого касательства къ экономическому фактору.

Ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого представленія, естественно возникающаго у человѣка, незнакомаго съ дѣломъ и заимствующаго свой свѣтъ отъ г. Тугана Барановскаго. Не буду говорить о спеціальныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ прямо, безъ фразъ и предварительныхъ теоретическихъ подходовъ, изучались экономическія основы русской народной и государственной жизни. Приведу только слова В. И. Семевскаго во введеніи къ его работѣ «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» (1881 г.): «Изъ всѣхъ сторонъ внутренней жизни народа едва ли не болѣе всего обращаетъ вниманіе современная исторіографія на исторію умственнаго развитія; трудъ Бокля служитъ самымъ талантливымъ выраженіемъ этого направленія. О важности этой стороны въ исторіи человѣчества нечего и говорить, о необходимости подробнѣйшаго ея изученія не можетъ быть и спора; но было бы крайнею односторонностью не видѣть такой же важности и другихъ сторонъ народной жизни, и прежде всего экономическаго положенія народа». Далѣе г. Семевскій замѣчаетъ, что такихъ изслѣдованій пока сравнительно еще мало, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ. Но и я не хочу сказать, чтобы у насъ ихъ было много, я говорю только, что они есть. Напомню еще цѣлую огромную библіотеку статистическихъ работъ, созданную съ такимъ же трудолюбіемъ, какъ и горячимъ увлеченіемъ, находящимся въ тѣснѣйшей связи съ наиболѣе сильными теченіями нашей умственной жизни вообще,—это вѣское и непререкаемое свидѣтельство интереса къ вопросамъ экономической жизни народа и признанія значительности экономическаго фактора. Въ журналистикѣ, гдѣ издавна бьется главный пульсъ русской мысли, первенствующее значеніе

экономическаго фактора было одно время ходячимъ словомъ. Я не имѣю времени рыться въ старыхъ журналахъ, но вотъ, напримѣръ, сочиненія Благосвѣтлова. Развертываю ихъ на стр. 119 и читаю: «Химія, физіологія, ботаника, исторія, философія, физика, анатомія, однимъ словомъ, всѣ отрасли умственной работы человѣка должны отвѣчать на запросы политической экономіи; потому что главной задачей ея служитъ человѣкъ и отношеніе его къ природѣ и обществу, а къ этой задачѣ, въ послѣднемъ результатѣ, стремится наше мышленіе по всѣмъ его направленіямъ и во всѣхъ видахъ». Это въ статьѣ «Политическая экономія для богатыхъ», напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» въ 1860 г. Въ статьѣ «Политическіе предразсудки» (1863 г.): «Кто мыслитъ въ наше время, тотъ понимаетъ, что экономическая сторона въ народной дѣятельности занимаетъ первое мѣсто. Она рѣшаетъ задачу народнаго благосостоянія и руководитъ всѣми другими интересами нашей жизни». (Сочиненія, 147). Въ статьѣ «Историческая школа Бокля» (1863 г.): «Есть особый разрядъ мечтателей, очень умныхъ и благородныхъ, которые думаютъ, что всю общественную жизнь, всю систему ея нравственныхъ и политическихъ началъ можно перестроить съ помощью образованія. Когда народъ настолько разовьется, что въ состояніи будетъ убѣдиться въ нелѣпости своего положенія, тогда, по мнѣнію нашихъ доктринеровъ, онъ пойдетъ быстрыми шагами къ своему прогрессу... Бокль поставилъ въ тѣни множество любопытныхъ вопросовъ, прямо относящихся къ его предмету. Такъ, экономическое состояніе страны—столь капитальный дѣятель въ народной жизни, совершенно исчезаетъ изъ его кругозора... Признавая необходимость матеріальнаго довольства для развитія народнаго образованія, Бокль не представляетъ намъ удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса при самомъ обзорѣ европейскихъ цивилизацій. Онъ зорко слѣдитъ за всѣми умственными движеніями народовъ, которыхъ онъ успѣлъ коснуться въ своемъ неоконченномъ сочиненіи, но нигдѣ не раскрываетъ взаимной связи, существующей между образованіемъ и экономическимъ бытомъ страны... Само собою разумѣется, что не одно богатство играетъ роль въ развитіи умственныхъ силъ народа; здѣсь много замѣшивается причинъ чисто политическихъ, направленныхъ дурными правительствами прямо къ тому, чтобы сдерживать образованіе для извѣстныхъ эгоистическихъ цѣлей, но эти причины—случайныя и большею частію совершенно безполезныя, такъ что соціальная задача всетаки остается преобладающею въ этомъ дѣлѣ». (Соч. 209, 210, 213—14).

Читатель, можетъ быть, претендуетъ на меня за вызовъ тѣни такого третьестепеннаго писателя 60-хъ годовъ, какъ Благосвѣтловъ. Но я остановился на немъ не случайно, а именно потому, что это былъ писатель третьестепенный, лишенный оригинальной мысли, но въ то же время властный и нетерпимый редакторъ-издатель очень распространеннаго и вліятельнаго журнала. Такіе люди лучше всего отражаютъ господствующее настроеніе умовъ извѣстной

части общества, а моя цѣль не въ томъ состоитъ, чтобы представить какія нибудь вѣскія доказательства первенствующаго значенія экономическаго фактора (это взялся сдѣлать г. Туганъ-Барановскій), а въ томъ, чтобы показать, что идея этого первенствующаго значенія не новость въ русской литературѣ, а была даже ходячею монетой.

Г. Туганъ-Барановскій можетъ замѣтить, что приведенныя мысли Благосвѣтлова отрывочны, не систематичны, не развиты, что въ сочиненіяхъ того же Благосвѣтлова найдутся мысли противорѣчивыя и т. д. Все это совершенно вѣрно, но нисколько не колеблетъ значенія Благосвѣтлова, какъ представителя ходячихъ мыслей. А затѣмъ я обращу ваше вниманіе на другого писателя, совершенно иного колибра, литературное развитіе котораго въ высокой степени поучительно для г. Туганъ-Барановскаго. Я говорю о Ю. Г. Жуковскомъ.

Впервые г. Жуковскій появился на литературномъ поприщѣ въ 1859 г. въ сборникѣ «Весна». Онъ дебютировалъ тамъ повѣстью «Петербургскія ночи» и статьей «Общественныя отношенія Россіи съ точки зрѣнія исторической науки права». Повѣсть была скучна, растянута, не обнаруживала ни малѣйшихъ задатковъ художественнаго таланта, и г. Жуковскій уже болѣе не возвращался къ беллетристическимъ опытамъ. Другое дѣло статья: туманная и двусмысленная, она заключала однако въ себѣ зачатки всей дальнѣйшей литературной дѣятельности г. Жуковскаго. Тамъ, между прочимъ, читаемъ: «Если общему глазу ясно изъ поворота дѣлъ на Западѣ, что политическія стремленія не удались континентальной Европѣ, то отсюда немного нужно, чтобы понять причину этой неудачи, лежавшую въ отсутствіи на соціальной почвѣ задатковъ, соотвѣтствовавшихъ этимъ стремленіямъ» («Весна», 254). А что, главнымъ образомъ, разумѣлъ авторъ подъ «*соціальною* почвой», видно изъ слѣдующихъ словъ: «Это одно *экономическое* условіе само по себѣ разрѣшаетъ уже весь особенный ходъ нравственнаго развитія отъ самыхъ зачатковъ его» (258).—Вскорѣ послѣ этого г. Жуковскій становится дѣятельнымъ сотрудникомъ «Современника», пріобрѣтая въ немъ все большее и большее значеніе, и наконецъ однимъ изъ главныхъ его руководителей. Первоначально г. Жуковскаго занимали вопросы юридическіе и политическіе, но затѣмъ очень быстро онъ отдался изученію политической экономіи и напечаталъ рядъ теоретическихъ статей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательная и доселѣ достойная вниманія называется «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» («Современникъ» 1864. №№ 9—12). Не мѣшаетъ, можетъ быть, отмѣтить, что работу эту высоко цѣнилъ покойный Н. И. Зиберъ (См. предисловія къ книгѣ «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо», 1871, и къ «Сочиненіямъ Давида Рикардо», 1882). Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Жуковскій продолжалъ разрабатывать ту общую мысль, зачатки которой мы нашли

въ его первой статьѣ. И вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ книжкѣ «Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка», изданной въ 1866 г., то есть ровно 30 лѣтъ тому назадъ (въ журналѣ статьи, составившія эту книжку, были напечатаны еще раньше,—въ 1861 и 1862 г.):

«Указать ближайшій рядъ явленій, въ которыхъ философія права могла обрѣсть дѣйствительное открытіе законовъ, по которымъ строится общество, и попасть на положительный и точный путь, въ сущности было не трудно. Рядъ ученыхъ изслѣдователей занимался давно разборомъ этихъ явленій и съ начала текущаго столѣтія начался особенно дѣятельный разборъ этихъ явленій въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ и общественной философіи. Явленія эти были *экономическія*. Послѣ этого юристамъ недоставало одного только слова, чтобы поставить свою науку на прочную положительную почву,—сознать, что почва права есть экономическая, что право есть результатъ экономическихъ условій и отношеній и опредѣляетъ въ послѣднемъ счетѣ ничто иное, какъ экономическія отношенія» (15). «Три теоретическіе элемента, три отвлеченныя начала представляются намъ опредѣляющими въ каждое данное время гражданское сознаніе общества: элементъ юридическій или права, элементъ политическій и элементъ экономическій... Разсуждая a priori надъ той связью, которая должна заключаться между этими тремя элементами, не трудно, конечно, придти къ тому совершенно вѣрному заключенію, что всѣ эти три элемента составляютъ только различныя формы, различныя положенія или видоизмѣненія въ сущности *одного* всего элемента или начала... То, что мы называемъ обыкновенно экономическимъ элементомъ, изучаемымъ политическою экономіей, есть экономическое начало, какъ принципъ, или экономическое начало въ его теоретической формѣ; то, что мы называемъ началомъ политическимъ, есть экономическое начало въ дѣйствіи, то, что мы называемъ правомъ, есть экономическое начало оформленное, введенное въ обязательный для всѣхъ положительный законъ... Такимъ образомъ экономическія требованія руководятъ политикой и правомъ, и достаточно принять это разъ въ общемъ смыслѣ, чтобы понять, что въ частности политическая дѣятельность лицъ и партій есть выраженіе экономическаго интереса этихъ лицъ и партій» (155—157).

Это уже не Благосвѣтловъ. Г. Жуковскій педантически послѣдовательно проводитъ свою точку зрѣнія въ обзорѣ «политическихъ и общественныхъ теорій XVI вѣка», а затѣмъ и въ другихъ своихъ трудахъ, въ особенности въ «Исторіи политической литературы XIX столѣтія» (1871 г.). Онъ не только систематически устанавливаетъ и развиваетъ извѣстную точку зрѣнія, а и прилагаетъ ее къ историческимъ фактамъ.

Г. Туганъ-Барановскій скажетъ, пожалуй, что не могъ же онъ въ небольшой журнальной статьѣ исчерпать всѣ теченія русской

мысли. Дѣлая себѣ это возраженіе, я не могу, однако, признать его удовлетворительнымъ. Во-первыхъ, его дѣло было писать статью большую или небольшую. Во-вторыхъ, я отнюдь не требую исчерпывающаго изложенія всѣхъ теченій: это трудно сдѣлать и въ большой статьѣ, и въ цѣломъ рядѣ большихъ статей. Но меня поражаетъ странность пробѣловъ въ изложеніи г. Тугана-Барановскаго, какъ относительно европейской, такъ и относительно русской литературы. Какъ бы, казалось, не помянуть, что вотъ, молъ, у насъ уже въ началѣ 60-хъ годовъ знали ту общую истину, которую г. Туганъ-Барановскій считаетъ столь значительною и «плодотворною»: истина (если она остается истиной, конечно), все равно какъ вино, отъ старости только крѣпчаетъ. Но многимъ въ наше странное время непремѣнно хочется быть провозвѣстниками самой, самой новой истины...

Я остановился на г. Жуковскомъ частію въ виду дальнѣйшей судьбы его писаній, о которыхъ сейчасъ скажу, а частію потому, что онъ упорнѣе и систематичнѣе другихъ проводилъ въ нашей литературѣ мысль о первенствующемъ значеніи экономическаго фактора въ исторіи. Но онъ не первый и не послѣдній стоялъ на этой точкѣ зрѣнія: мысль эта, можно сказать, не изсякала въ нашей литературѣ въ послѣднія тридцать, тридцать пять лѣтъ, такъ что пока рѣчь идетъ о значеніи экономическаго фактора вообще, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій экономическаго матеріализма, неизвѣстно даже съ кѣмъ воюетъ г. Туганъ.

Вотъ какъ онъ излагаетъ «столь популярное у насъ ученіе о роли критически-мыслящей личности въ историческомъ процессѣ»: «По этому взгляду прогрессъ въ исторіи совершается очень просто: критически-мыслящія личности, другими словами то, что называется интеллигенціей, вырабатываютъ общественные идеалы; чѣмъ болѣе возвышенны и гуманны эти идеалы, тѣмъ плодотворнѣе вліяніе интеллигенціи на народъ. Когда выработка идеала закончена, тогда начинается распространеніе его въ народной массѣ, и если идеалъ стоитъ этого, онъ мало по малу проникаетъ въ народное сознаніе, становится господствующимъ воззрѣніемъ и, наконецъ, достигаетъ своего объективнаго осуществленія, въ видѣ желаемаго преобразованія общественнаго строя. *При такомъ взглядѣ на исторію, задача историка очень упрощается; она сводится къ критической оцѣнкѣ идеаловъ*».

Подчеркнутыя слова формулируютъ собственное г. Тугана-Барановскаго соображеніе, отнюдь не обязательное для сторонниковъ изложенной имъ теоріи. Не обязательно, во-первыхъ, считать критическую оцѣнку идеаловъ «очень упрощенною задачей»: напротивъ, она есть дѣло очень не легкое. Не обязательно, далѣе, думать, что къ этой оцѣнкѣ сводится вся задача историка. Это даже изъ собственнаго изложенія г. Тугана-Барановскаго не слѣдуетъ: изъ него видно только, что критическая оцѣнка идеаловъ *exo-*

дитъ въ составъ общей задачи историка, состоящей въ изслѣдованіи и группировкѣ историческихъ фактовъ. И во всякомъ случаѣ ученіе о роли «критически мыслящей личности», даже въ томъ видѣ, какъ оно изложено г. Тугановъ-Барановскимъ, вовсе не состоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ ученіемъ о важномъ и даже, пожалуй, первенствующемъ значеніи экономическаго фактора въ исторіи. Г. Бельтовъ, который, какъ я уже сказалъ, не смотря на всѣ свои безобразія, смотритъ на вещи много шире и жизненнѣе, чѣмъ г. Туганъ-Барановскій, знаетъ, что «психологія людей можетъ опережать формы ихъ общежитія». Происходитъ это такимъ образомъ, что «психологія видоизмѣняется въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣняются современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія. Приспособленіе психологіи къ экономіи, какъ видите, продолжается, но медленная психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи» (Бельтовъ, 176). Теперь скажемъ такъ: критически мыслящая личность отдѣляетъ въ текущей дѣйствительности отживающее отъ нарождающагося, уловляетъ черты будущаго въ видѣ идеала и работаетъ для его торжества доступными ей средствами распространенія въ ожиданіи его объективнаго осуществленія. Что все это можетъ быть поставлено на экономическій фундаментъ,—ясно само собой; а что ученіе о роли критически-мыслящей личности вполнѣ совмѣстно съ убѣжденіемъ въ первенствующемъ значеніи экономическаго фактора въ исторіи,—тому косвеннымъ доказательствомъ можетъ служить живой примѣръ самого г. Тугана-Барановскаго. Въ самомъ дѣлѣ, его общественные идеалы намъ неизвѣстны, но идеалъ, такъ сказать, историографическій—на лицо: онъ состоитъ въ истолкованіи историческихъ фактовъ экономическими условіями. Г. Туганъ является намъ въ своей статьѣ историкомъ извѣстнаго круга идей. При этомъ его критическая мысль послѣдовательно отметаетъ одну за другою различныя историческія теоріи во имя пропагандируемаго имъ собственнаго идеала исторіографіи, и такъ какъ онъ естественно разсчитываетъ на успѣхъ своей пропаганды, то есть на торжество своего идеала, то мы имѣемъ полнѣйшее практическое примѣненіе или осуществленіе ученія о роли критически-мыслящей личности. Какъ онъ выполнилъ свою задачу, хорошо или не хорошо,—это другой вопросъ; я думаю—не хорошо, и именно потому не хорошо, что недостаточно изощрилъ и вообще подготовилъ свою критическую мысль, а затѣмъ потому еще, что согрѣшилъ тѣмъ самымъ грѣхомъ, въ которомъ напрасно уличаетъ ученіе о роли критически-мыслящей личности. Мы видѣли въ чемъ состоитъ этотъ грѣхъ: «при такомъ взглядѣ на исторію, задача историка очень упрощается: она сводится къ критической оцѣнкѣ идеаловъ». Такъ «упрощенно» именно и понимаетъ г. Туганъ-Барановскій свою задачу: онъ критикуетъ Карлейлевскій идеалъ историческаго изслѣдованія, Луи Блановскій и т. д., тогда какъ ему надлежало не

только критиковать эти идеалы, а продѣлать съ ними еще нѣкоторую операцію, которая сама по себѣ не противорѣчитъ ученію о роли критически-мыслящей личности и прямо требуется собственною точкою зрѣнія г. Тугана-Барановскаго: ему надлежало привести критикуемые имъ идеалы исторіографіи въ связь съ данными экономическими условіями. И вотъ, если бы г. Туганъ-Барановскій сдѣлалъ это, то, смотря по тому, какъ выполнилъ бы онъ задачу,—обнаружилась бы дальнѣйшая совмѣстимость или несовмѣстимость его взглядовъ съ ученіемъ о роли критически-мыслящей личности.

Я съ большимъ почтеніемъ отношусь къ ученію о роли критически-мыслящей личности въ исторіи, но для меня лично перспектива историческихъ фактовъ располагается нѣсколько иначе; поэтому не pro domo sua хлопочу я, защищая означенное ученіе отъ нападковъ г. Тугана-Барановскаго, такъ сказать, собственной особой послѣдняго. Дѣло въ томъ, что очень различныя историческія теоріи могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, очень мирно уживаться рядомъ, не только не вступая въ страстную полемику между собою, но дружно работая для одной и той же цѣли. Полемизируя съ г. Туганомъ-Барановскимъ, я не думаю отрицать великое значеніе экономическаго фактора въ исторіи,—да оно и никогда не отрицалось въ русской литературѣ. Я утверждаю лишь, что г. Туганъ-Барановскій защищаетъ «значеніе экономическаго фактора» дурно: рубитъ съ плеча тамъ, гдѣ требуется тонкій анализъ, извращаетъ одни факты, закрываетъ глаза на другіе, учитъ незнанію. И все это зависитъ отъ того, во-первыхъ, что онъ недостаточно подготовился къ своей работѣ, просто повѣрилъ въ извѣстныя положенія, а не провѣрилъ ихъ; и еще отъ того, что придаетъ экономическому фактору метафизическій характеръ сущности историческаго процесса, характеръ той «самой жилы», въ которую можно попасть, минуя «тамъ нервы эти разные».

Читатель благоволитъ перевернуть нѣсколько страницъ назадъ и перечитать выписку изъ «Системы логики» Дж. Ст. Милля. Принимая состояніе умовъ (количество и качество знаній, характеръ идей и вѣрованій) за primus agens, какъ онъ выражается, историческаго процесса, Милль вовсе не ищетъ «самой жилы» или сущности вещей,—онъ знаетъ, что эта сущность для человѣческаго ума не достижима. Онъ даже вполнѣ признаетъ «относительную слабость умственнаго фактора между другими общественными силами». Какъ мотиву человѣческой дѣятельности, онъ предоставляетъ первое мѣсто «желанію увеличить матеріальный комфортъ», но по такимъ то и такимъ то теоретическимъ и практическимъ соображеніямъ онъ считаетъ удобнымъ принять умственный элементъ за «центральную цѣпь, съ каждымъ послѣдовательнымъ звеномъ которой соединяются соотвѣтствующія звенья всѣхъ другихъ прогрессій». Возможность ввести съ этой точки зрѣнія въ историческое изслѣдованіе всѣ общественные элементы основывается здѣсь не на вѣрѣ въ фантасти-

ческую «самую жилу», а на знаніи факта извѣстнаго consensus'а между всѣми элементами общественнаго цѣлаго. Въ силу этого consensus'а не только всѣ общественные элементы, но и всѣ измѣненія каждаго изъ нихъ находятся въ взаимной зависимости. Милль представилъ соображенія, по которымъ онъ полагаетъ удобнымъ пріурочивать эту зависимость къ умственному фактору, но не считаетъ этотъ факторъ ни единственнымъ или исключительнымъ, ни даже наиболѣе могущественнымъ, тѣмъ болѣе не видитъ въ немъ «сущности историческаго процесса». Рядомъ съ историческимъ изслѣдованіемъ, написаннымъ по этому плану, ничто не мѣшаетъ существовать изслѣдованію, въ которомъ за primus agens принятъ экономическій факторъ. Оно, это второе изслѣдованіе, будетъ имѣть дѣло съ тою же взаимною зависимостью общественныхъ элементовъ, только расположитъ ихъ измѣненія около другой «центральной цѣпи». И, при прочихъ равныхъ условіяхъ,—при одинаковомъ уровнѣ знаній, одинаковой широтѣ взгляда, одинаковыхъ идеалахъ, то есть одинаковомъ пониманіи добра и зла,—два наши изслѣдователя нарисуютъ двѣ историческія картины, во всякомъ случаѣ не исключающія, а развѣ только дополняющія одна другую.

Но если такъ, то,—говоря опять словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ Гл. Успенскаго,—«по какому случаю шумъ?» Да вотъ именно по тому случаю, что для г. Тугана-Барановскаго экономическій факторъ есть не просто одинъ изъ общественныхъ элементовъ, представляющій съ извѣстной точки зрѣнія особенныя удобства для того, чтобы его принять за «центральную цѣпь» историческаго процесса, а «самый корень», «самая жила», самая сущность этого процесса. И такимъ образомъ вмѣсто научной постановки вопроса получается постановка метафизическая, со всѣмъ тѣмъ величественнымъ, но совершенно недостойнымъ человѣка науки презрѣніемъ къ міру явленій, которое свойственно всякой метафизикѣ. Изумительный эпизодъ съ Дарвиномъ и многое другое въ разбираемой статьѣ представляетъ собственную г. Тугана-Барановскаго грубость, но подобныя грубости свойственны даже очень крупнымъ умамъ, витающимъ въ метафизической атмосферѣ. (Въ январскомъ номерѣ «Міра Божія», въ статьѣ «Мозгъ и мысль» г. Челпановъ напомнилъ нѣсколько забавныхъ подходящихъ анекдотовъ о Гегелѣ). Разъ найдена «самая жила» и найденъ къ ней прямой доступъ помимо «этихъ тамъ нервовъ разныхъ»,—понятно, что эти «нервы разные» не дорогого стоятъ. Разъ найдена всеопредѣляющая и ничѣмъ не опредѣляемая сущность вещей,—съ самыми этими вещами, явленіями можно и не церемониться: хочу съ кашей ѣмъ, хочу во щи лью. Такъ именно и поступаетъ г. Туганъ-Барановскій.

Но—любопытный вопросъ—нельзя ли проникнуть еще глубже въ поискахъ «самаго корня»? Это возвращаетъ насъ къ г. Жуковскому. Замѣчательный писатель этотъ не остановился на вышеприведенныхъ соображеніяхъ о значеніи экономическаго фактора. Онъ

замѣтилъ, что сама наука, завѣдующая экономическими явленіями, стоитъ еще на шаткомъ основаніи, и предпринялъ реформу политической экономіи при помощи математическаго анализа. Предпріятіе это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, да оно и никакой опредѣленной цѣли не имѣло, и хотя г. Жуковскій потратилъ на него не мало труда и времени, не представляетъ для насъ интереса. Затѣмъ, Жуковскій предпринялъ реформу всего обществознанія при помощи законовъ физики и механики. Онъ и здѣсь держится того мнѣнія, что «матеріальныя условія существованія являются первыми и главными опредѣлителями нравственнаго бытія человѣка» («Космосъ», 1869, № 1. «Законъ сохраненія силы въ примѣненіи къ нравственному быту». Статья эта не подписана, но затѣмъ она явилась, въ передѣланномъ видѣ, уже съ подписью г. Жуковскаго въ «Вѣстникѣ Европы» подъ заглавіемъ «Вопросъ народонаселенія»). Но г. Жуковскій задается вопросомъ,—что же такое эти самыя «матеріальныя условія существованія» и ставитъ дѣло на новую почву, или, если хотите, глубже взрываетъ почву для установки фундамента обществознанія. Обществознаніе или «нравственное знаніе», какъ предпочитаетъ выражаться г. Жуковскій, «изслѣдуетъ одну лишь опредѣленную часть общаго естественнаго кругового процесса, совершаемаго человѣческимъ типомъ, и нужно думать, что, какъ часть естественнаго процесса, эта часть должна быть такою же естественной, подчиненной въ своихъ частностяхъ тѣмъ же общимъ естественно-историческимъ законамъ, которые и опредѣляютъ тѣ основныя рамки, въ которыя поставлена дѣятельность человѣка по выполненію человѣчествомъ задачи, поставленной передъ намъ. Эта задача опредѣляется двумя словами—постановка потенціальной силы окружающей насъ или вещества въ такія условія освобожденія силы, при которыхъ этими силами могъ бы воспользоваться нашъ организмъ для ихъ капитализаціи».

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ мысли г. Жуковскаго. Для насъ достаточно того, что въ поискахъ «первичнаго фактора, не поддающагося дальнѣйшему разложенію», г. Жуковскій спустился глубже г. Тугана-Барановскаго, и онъ, конечно, правъ въ томъ смыслѣ, что общіе законы механики и физики обязательны для всего сущаго, въ томъ числѣ для явленій общественной жизни. Однако, можно ли свести эти послѣднія къ законамъ механики и физики, сталъ ли бы для насъ отъ этой операціи понятнѣе «нравственный бытъ»—это другой вопросъ; теоретически онъ разрѣшается довольно просто, но для практическаго его испытанія г. Жуковскій никакихъ матеріаловъ не далъ, такъ какъ лишь возвѣстилъ реформу, а затѣмъ, блеснувъ извѣстной статьей о Карлѣ Марксѣ, вскорѣ и совсѣмъ исчезъ съ литературнаго горизонта. Вернемся къ тому г. Жуковскому, какимъ онъ былъ до физико-механическихъ реформъ обществознанія.

Два обстоятельства заслуживаютъ здѣсь нашего вниманія.

Мы видѣли, что г. Жуковскій, указавъ три элемента, «опредѣляющихъ въ каждое данное время гражданское сознаніе общества»,—юридическій, политическій и экономическій,—считаетъ первенствующимъ послѣдній и въ немъ именно ищетъ субстрата историческаго процесса. Однако, тамъ же читаемъ: «Мы видимъ, согласно съ этими тремя элементами, три рода писателей: юристовъ, политиковъ и экономистовъ, одинаково разсуждающихъ объ обществѣ, въ теоретической и исторической его формѣ, но всѣ эти писатели одинаково забываютъ до сихъ поръ, что каждый изъ нихъ изучаетъ одну только произвольно отвлеченную сторону общества, которая можетъ быть обособлена въ видахъ удобства самаго изученія только условно и не имѣетъ реальной самостоятельности и, слѣдовательно, немыслима сама по себѣ, и имѣетъ этотъ смыслъ только въ общей связи съ другими». («Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка», 155). Впослѣдствіи, продолжая утверждать, что «человѣческое общество вообще можетъ быть разсматриваемо, какъ обширное экономическое учрежденіе», г. Жуковскій считаетъ нужнымъ прибавить: «Разсуждая надъ обществомъ чисто теоретически, можно отвлекать одну сторону отъ другой, можно выставить на видъ выводы и требованія одной какой либо стороны. Но было бы крайнимъ заблужденіемъ, какъ со стороны мыслителя, такъ и со стороны аудиторіи принимать такіе выводы и разсужденія за конечный выводъ—это выводъ только по одному элементу или одному члену, изъ которыхъ слагается общественный вопросъ. Дѣлать подобную ошибку было бы то же, что принимать въ математическомъ вычисленіи одинъ членъ за полную сумму. Между тѣмъ такая ошибка дѣлалась часто, какъ со стороны писателей, такъ и со стороны ихъ толкователей... Привычка принимать частные выводы чисто хозяйственнаго анализа за конечные выводы, не подлежащіе дальнѣйшему учету въ силу болѣе сложнаго характера самаго экономическаго вопроса и зависимости его отъ вопроса дисциплины *), сдѣлалась за послѣднее время источникомъ весьма крайнихъ и прискорбныхъ недоразумѣній. И я имѣлъ несчастіе испытать на себѣ всю тягость этого общественнаго заблужденія и подвергся самымъ несообразнымъ инкриминаціямъ за то только, что думалъ излагать частные выводы экономическаго анализа, какъ выводы чисто частные и подлежащіе дальнѣйшему соглашенію съ другими элементами вопроса, ихъ видоизмѣняющаго. Для меня это видоизмѣненіе и зависимость чисто экономическихъ положеній разумѣлись сами собой» («Исторія политической литературы XIX столѣтія», 199, 200). «Самыя несообразныя инкриминиціи», на которыя здѣсь жалуется г. Жуковскій, исходили—не мѣшаетъ замѣтить—изъ

*) Подъ «вопросомъ дисциплины» г. Жуковскій, всегда до излишества своеобразный въ терминологіи, разумѣетъ «законодательные, административные и политическіе» элементы.

извѣстнаго лагеря печати, а въ той литературѣ, которой обыкновенно усвоивается названіе литературы 60-хъ годовъ, г. Жуковскій былъ свой человѣкъ; онъ лишь систематичнѣе другихъ развивалъ и обосновывалъ мысль о великомъ значеніи экономическаго фактора. И читатель видитъ теперь, въ чемъ состоитъ разница между его пониманіемъ этого значенія и пониманіемъ г. Тугана-Барановскаго. Далеко ли мы ушли въ дѣлѣ этого пониманія за 30—35 лѣтъ? и хорошо ли, даже просто благоразумно ли поступаютъ тѣ открыватели Америкъ, которые не хотятъ знать прошлаго своей родной литературы? А вѣдь въ этомъ прошломъ они могли бы найти себѣ—не смѣю сказать: учителей, ибо гдѣ же г. Тугану-Барановскому учиться! онъ самъ всякаго научитъ,—но, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени союзниковъ. Дѣло не въ великомъ значеніи экономическаго фактора,—оно несомнѣнно и никогда у насъ въ передовой литературѣ и не подвергалось сомнѣнію. Если г. Туганъ-Барановскій внесъ сюда поправки, дополненія, новыя фактическія изслѣдованія,—прекрасно; шагайте еще и еще впередъ, если можете, но это еще не резонъ торжествовать открытіе Америки и замалчивать прошлое, презрительно объявляя, что были тамъ какіе то вздоры, едва достойные пинка перомъ. Дѣло однако въ томъ, что ни одинъ безпристрастный человѣкъ не признаетъ взгляды г. Тугана-Барановскаго шагомъ впередъ. 30—35 лѣтъ тому назадъ вопросъ о значеніи экономическаго фактора рѣшался на научной почвѣ,—на почвѣ относительнаго, условнаго знанія явленій; теперь онъ переносится на метафизическую почву безусловной, все собою опредѣляющей и ничѣмъ не опредѣляемой сущности историческаго процесса. Помимо того, что это не наука, а метафизика, въ этой сущности меркнутъ всѣ разноцвѣтныя грани явленій жизни и получается, вмѣсто обѣщаемаго лучшаго ихъ пониманія,—полная невозможность объяснить ихъ безъ грубѣйшихъ натяжекъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Дарвина въ освѣщеніи г. Тугана-Барановскаго.

И еще разъ о г. Жуковскомъ. Какъ уже сказано, онъ въ началѣ своей дѣятельности особенно интересовался установленіемъ вопросовъ права, юриспруденціи на экономическій фундаментъ. И вотъ что, между прочимъ, читаемъ всѣ въ той же книжкѣ «Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка» о философіи права: «Изъ мистической науки пустого понятія права она должна стать философіей нищеты и благосостоянія; а такъ какъ человѣческое благосостояніе есть прежде всего матеріальное благосостояніе и право опредѣляетъ только отношенія между людьми, при которыхъ совершается процессъ пріобрѣтенія достатка въ обществѣ—процессъ труда, то философія права сводится на изысканіе тѣхъ отношеній между людьми въ обществѣ, которыя соотвѣтствуютъ наибольшей успѣшности этого процесса» (стр. 15). Другими словами, г. Жуковскій ставитъ извѣстный идеалъ экономическихъ, и черезъ нихъ и

правовыхъ отношеній, степенью приближенія къ которому для него измѣряется прогрессивное значеніе историческихъ явленій и который вмѣстѣ съ тѣмъ есть руководящее начало для дѣятельности въ настоящемъ. На этомъ пунктѣ мы опять естественно должны встрѣтиться съ разногласіемъ между г. Жуковскимъ и г. Тугановъ-Барановскимъ. Для послѣдняго экономическій факторъ есть не одинъ изъ общественныхъ элементовъ, умѣряемый и обусловливаемый всею совокупностью жизненныхъ явленій, а единая сущность историческаго процесса, самодержавно и непосредственно управляющая всѣмъ ходомъ событій до мельчайшихъ мелочей, въ родѣ выбора спеціальности тѣмъ или другимъ ученымъ. Ничьей власти эта сущность надъ собой не признаетъ, никакихъ ограниченій и воздѣйствій не терпитъ, а воздѣйствія на нее «критически-мыслящихъ личностей» во имя тѣхъ или другихъ идеаловъ—просто даже комическое предпріятіе. Смѣшна, въ частности, и задача г. Жуковскаго: «изысканіе тѣхъ отношеній между людьми въ обществѣ, которыя соотвѣтствуютъ наибольшей успѣшности процесса труда». Изыскивай—не изыскивай, а будетъ то, что будетъ, и именно то, что прикажетъ самодержавный экономическій факторъ. Вотъ Адамъ Смитъ тоже изыскивалъ, а что вышло?—Съ метафизической точки зрѣнія это очень послѣдовательное разсужденіе, но такъ какъ самодержавная и всемогущая сущность выражаетъ свою волю всетаки при посредствѣ людей, причемъ страннымъ образомъ внушаетъ имъ въ каждое данное время очень разнообразныя и даже противорѣчащія другъ другу мысли, чувства и поступки, то въ дѣйствительности никто приведеннаго весьма послѣдовательнаго разсужденія своимъ личнымъ примѣромъ не оправдываетъ. Такъ и г. Туганъ-Барановскій. Его общественныхъ идеаловъ, какъ уже сказано, мы не знаемъ, но его историографическій идеалъ, равно какъ и его усилія провести этотъ идеалъ въ жизни, осуществить, — мы видѣли. Г. Бельтовъ, единомышленникъ г. Тугана-Барановскаго, говоритъ прямо: «Матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно (даже совершенно исключительно!) идеалистической» (1. с. 234).

Посмотримъ нѣсколько ближе на пониманіе г. Тугана-Барановскимъ самаго экономическаго фактора.

Подходитъ онъ къ этому дѣлу издалека. Устранивъ сначала великихъ людей, какъ двигателей исторіи, потомъ идеи, онъ останавливается на соціальной средѣ. Онъ говоритъ: «Какъ животное общественное, человѣкъ подвергается не только физическимъ вліяніямъ, но и вліянію всѣхъ другихъ людей, съ которыми онъ вступаетъ въ соприкосновеніе, вліянію ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣро-

ваній, политическихъ и общественныхъ учрежденій, наукъ и искусствъ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ соціальныхъ элементовъ, которые своею совокупностью составляютъ соціальную среду». Это, конечно, совершенно справедливо, и вы только удивляетесь, что въ числѣ «соціальныхъ элементовъ» не встрѣчаете въ этомъ перечнѣ элемента экономическаго. Но г. Туганъ-Барановскій именно потому, надо думать, и не ввелъ его въ «совокупность», что считаетъ его опредѣляющимъ всю эту совокупность. Онъ продолжаетъ: «Соціальная среда опредѣляется, прежде всего, хозяйственными отношеніями. Философія, наука и искусство, политическія учрежденія, обычаи народа—всѣ самыя возвышенныя проявленія человѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства». Слѣдуютъ доказательства. Г. Туганъ-Барановскій предлагаетъ «отбросить всякія теоріи въ сторону и посмотрѣть кругомъ». Оказывается, что «прежде, чѣмъ наслаждаться искусствомъ и философствовать, нужно ѣсть». Тутъ нашему автору подвертываются стихи Шиллера на ту тему, что «природа поддерживаетъ все живое съ помощью голода и любви», а затѣмъ слѣдующее изреченіе Лестера Уорда: «Какой же философъ или вообще мыслящій человѣкъ можетъ не видѣть, что любовь, голодъ и вообще нужда поглощаетъ силы большей части человѣчества?» Это изреченіе г. Туганъ-Барановскій сопровождаетъ чрезвычайно страннымъ замѣчаніемъ: «русскіе субъективисты часто ссылаются на Лестера Уорда», а онъ, дескать, вотъ что говоритъ. Я называю это замѣчаніе страннымъ, потому что «русскіе субъективисты» поминаются здѣсь (стр. 114) въ первый (и въ послѣдній) разъ и выскакиваютъ ни съ того, ни съ сего. Очевидно, г. Туганъ-Барановскій что то противъ нихъ имѣетъ, но что именно—неизвѣстно; неизвѣстно даже, что онъ разумѣетъ подъ «русскими субъективистами». Боюсь, что нибудь совершенно фантастическое и дѣйствительности не соотвѣтствующее, потому что я, напримѣръ, часто называемый субъективистомъ и не открещивающійся отъ этой клички, рѣшительно ничего не имѣю противъ мысли, заключающейся въ изреченіи Лестера Уорда. Мысль совершенно вѣрная, но совершенно непонятно, почему г. Туганъ-Барановскій приводитъ ее въ пику «русскимъ субъективистамъ». А вотъ комментаріевъ къ ней г. Тугана-Барановскаго я дѣйствительно одобрить не могу, но не въ качествѣ «субъективиста», а ни на одинъ шагъ не сходя съ объективной почвы.

Стихи Шиллера «выражаютъ несомнѣнную истину, съ которой трудно спорить», а изреченіе Лестера Уорда указываетъ на фактъ, который «дѣйствительно нельзя не видѣть». Такъ говоритъ г. Туганъ-Барановскій, но тутъ же прибавляетъ, что изъ «двухъ основныхъ факторовъ человѣческой жизни» онъ «признаетъ только одинъ—голодъ, творческой силой исторіи». И вотъ почему: «Любовь не толкаетъ насъ на борьбу съ природой, не требуетъ съ нашей стороны труда и усилій, не вызываетъ упорной и неутомимой работы ума.

Удовлетвореніе чувства любви зависитъ не только отъ насъ самихъ, но и отъ воли другого человѣка, и никакія усилія съ нашей стороны не могутъ вызвать въ этомъ другомъ человѣкѣ чувства, если оно не возникаетъ само собой. Чувство любви одинаково удовлетворяется людьми, стоящими на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Это есть по преимуществу не историческій факторъ, и къ нему вполнѣ примѣнимо изреченіе: «ничто не ново подъ луною». Тысячу лѣтъ назадъ любили такъ же, какъ теперь, такъ же радовались, встрѣчая взаимность, такъ же страдали отъ неудачной любви. Въ этомъ отношеніи человѣчество почти не прогрессируетъ. Напротивъ, прогрессъ цивилизаціи можетъ вполнѣ измѣряться успѣхами матеріальной культуры».

Не знаю—чему больше удивляться въ этой тирадѣ: извращенію фактовъ или спутанности мысли. Изъ «двухъ основныхъ факторовъ человѣческой жизни» одинъ—голодъ г. Туганъ-Барановскій беретъ въ прямомъ, чисто физическомъ смыслѣ: «нужно ѣсть» (ниже онъ заявляетъ, что подъ голодомъ онъ разумѣетъ «всю совокупность нашихъ матеріальныхъ потребностей,—потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и пр.», но это не измѣняетъ дѣла), а любовь—съ высшими психическими осложненіями,—съ страданіями отъ неудачной любви и радостью взаимности. Что тысячу лѣтъ тому назадъ эти психическія осложненія существовали, да еще въ томъ самомъ видѣ, какъ они существуютъ теперь,—это г. Туганъ-Барановскій говоритъ прямую, фактическую, «объективную» неправду, въ чемъ онъ можетъ убѣдиться, заглянувъ въ любую исторію культуры. Радость взаимности и горе нераздѣленной любви незнакомы были не только тѣмъ дикарямъ, которые при случаѣ съѣдали своихъ женъ, или нашимъ предкамъ, которые «умыкали» себѣ женъ, но и на гораздо болѣе позднихъ ступеняхъ культуры, когда жены покупались, какъ живой товаръ. Покупная любовь и нынѣ существуетъ въ разныхъ видахъ, такъ что никоимъ образомъ нельзя сказать, что «чувство любви одинаково удовлетворяется людьми, стоящими на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній». Это можно утверждать, лишь разумѣя любовь въ смыслѣ ея грубаго физіологическаго корня, но въ такомъ случаѣ и чувство голода удовлетворяется на всѣхъ ступеняхъ культуры и во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ совершенно одинаково. Точно также невѣрно, фактически, «объективно» не вѣрно, что любовь «не требуетъ съ нашей стороны труда и усилій, не вызываетъ упорной и неутомимой работы ума». Достаточно указать на добрыя три четверти поэзіи и искусства вообще, прямо и непосредственно обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительно чувству любви. Но и въ область «матеріальной культуры» любовь властно и именно творчески вторгается разными путями.

Считать всю матеріальную культуру продуктомъ голода, хотя бы

съ присоединеніемъ къ нему потребности въ жилищѣ и одеждѣ,—значитъ впадать въ грубѣйшую ошибку и закрывать глаза на цѣлый рядъ несомнѣнныхъ фактовъ. Милль въ вышеприведенной цитатѣ изъ «Системы логики», отдавая экономическому фактору первенство въ смыслѣ вліятельности, выражается, однако, несравненно осторожнѣе г. Тугана-Барановскаго: «побудительная сила къ *большей части* улучшеній въ жизненныхъ искусствахъ есть желаніе увеличить *матеріальный комфортъ*»,—замѣтьте: во-первыхъ, *большей части*, а не всѣхъ, и во-вторыхъ, не «голодъ», а *матеріальный комфортъ*. Разумѣется, значительная часть человѣчества именно голодомъ загнана въ то положеніе, въ которомъ она находится, но съ этой элементарной точки зрѣнія совершенно непонятна роль какихъ-нибудь Ротшильдовъ, которые, будучи вполнѣ обезпечены пищей, одеждой и жилищемъ, тѣмъ не менѣе, по выраженію пророка Исаіи, «прибавляютъ домъ къ дому, присоединяютъ поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста». Да вѣдь и римская чернь, рядомъ съ «хлѣбомъ», требовала «зрѣлищъ». Хлѣбъ прекрасно удовлетворяетъ голодъ, но человѣкъ хочетъ ѣсть его съ масломъ. И если бы въ исторіи человѣчества дѣйствовалъ только голодъ, мы не имѣли бы нашей цивилизаціи со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, какъ не имѣютъ ея звѣри.

Кстати о звѣряхъ. Изслѣдованія Дарвина о половомъ подборѣ показали, что даже у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ любовь, въ элементарной формѣ полового влеченія, вызываетъ извѣстныя явленія чисто эстетическаго характера. Рядомъ съ измѣненіями, имѣющими цѣлью устрашить или побѣдить соперника, складываются временныя или постоянныя измѣненія, долженствующія обратить вниманіе, плѣнить особь другого пола. Это процессъ безсознательный и органическій. Въ человѣчествѣ онъ принимаетъ сознательный и культурный характеръ, и уже голый дикарь, татуируясь для устрашенія враговъ, втыкаетъ себѣ въ носъ какое-нибудь кольцо, разсчитывая понравиться дикаркѣ. Одинъ упоминаемый, но не называемый Дарвиномъ «англійскій философъ» полагаетъ даже, что одежда была первоначально придумана для украшенія, а не для тепла. Какъ ни странно можетъ показаться на первый взглядъ это мнѣніе, но оно имѣетъ за себя извѣстныя основанія, и во всякомъ случаѣ разныя краски, кольца, бусы, браслеты и тому подобные предметы «матеріальной культуры» появляются очень рано въ исторіи человѣчества, и притомъ совершенно независимо отъ «голода».

Обратите затѣмъ вниманіе на естественное послѣдствіе любви—дѣторожденіе, огромное значеніе котораго въ исторіи человѣчества едва ли есть надобность подробно мотивировать. Безъ сомнѣнія, и оно испытываетъ на себѣ вліяніе экономическаго фактора: различныя экономическія условія то приказываютъ или разрѣшаютъ, то воспрещаютъ имѣть дѣтей. Но не говоря уже объ томъ, что этихъ властныхъ запрещеній люди далеко не всегда слушаются, и любовь

съ ея развѣтвленіями перевѣшиваетъ требованія экономики, — даже и въ случаяхъ повиновенія послѣднее осложняется иногда независимыми отъ экономическаго фактора мотивами. Такъ Дарвинъ говоритъ: «Дикари находятъ слишкомъ труднымъ прокормить себя и дѣтей и, конечно, видятъ очень простой выходъ—въ убійствѣ новорожденныхъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, «нѣкоторые компетентные наблюдатели приписываютъ страшно распространенный обычай дѣтоубійства отчасти желанію женщинъ сохранить красоту». (Происхожденіе человѣка и половой подборъ, Спб. 1872, стр. 404, 382). Объ томъ, какую роль этотъ послѣдній мотивъ, съ присоединеніемъ стыда незаконныхъ рожденій, играетъ въ обезпеченныхъ, экономически независимыхъ классахъ современной Европы, — распространяться нечего. Наконецъ, самъ Энгельсъ счелъ нужнымъ, въ своей извѣстной книгѣ о происхожденіи семьи, собственности и государства, рядомъ съ экономикой поставить, какъ историческій факторъ,—«производство самого человѣка, продолженіе рода». Правда, Энгельсъ полагаетъ, что значеніе этого фактора съ теченіемъ исторіи убываетъ, слабѣетъ, но это всетаки не то, что утверждаетъ г. Туганъ-Барановскій: «любовь есть по преимуществу не историческій факторъ». Нѣтъ, очень историческій. И чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ даже надобности подниматься до древней греческой, римской и германской исторіи, остававшейся, по словамъ Энгельса, неясною до изслѣдованія Моргана о родовыхъ отношеніяхъ. Достаточно оглянуться кругомъ и отнестись, ну хоть къ институту наслѣдства, въ связи съ предписываемымъ нравами, обычаями и законами воспитаніемъ дѣтей, безъ того глубокомыслія, съ которымъ г. Туганъ-Барановскій отнесся къ Дарвину...

Я не хочу всѣмъ этимъ сказать, что половыя отношенія съ ихъ отростками — чувствомъ красоты (которое имѣетъ и другіе корни) и обязательствами кровнаго родства—являются единственными ограничителями вліянія экономическаго фактора въ исторіи. Г. Бельтовъ, занятый, подобно г. Тугану-Барановскому, неблагодарною задачею изысканія начала всѣхъ началъ, останавливается, между прочимъ, на Франклиновскомъ опредѣленіи человѣка, какъ «животнаго, дѣлающаго орудія». Заявивъ, что «употребленіе и производство орудій дѣйствительно составляетъ отличительную черту человѣка», г. Бельтовъ дѣлаетъ отсюда рядъ выводовъ во славу экономическаго фактора. Не входя въ оцѣнку этихъ выводовъ, замѣтимъ только, что можно вѣдь начать и съ другого начала всѣхъ началъ. Не отрицая опредѣленія Франклина, можно сказать, напримѣръ, что человѣкъ есть животное, владѣющее членораздѣльною рѣчью, и повести отсюда совсѣмъ другую историческую линію; но нѣтъ никакого резона ожидать, чтобы эти двѣ историческія линіи непремѣнно противорѣчили другъ другу. Безъ сомнѣнія, экономическій факторъ достаточно вліятеленъ для того, чтобы его можно было принять за «центральную цѣпь» историческаго процесса, но надо

помнить, что это дѣлается лишь въ видахъ тѣхъ или другихъ удобствъ изслѣдованія, а не благодаря открытію «самой линіи», безусловнаго начала всѣхъ началъ; что звенья этой цѣпи обусловливаются, то какъ причина, то какъ слѣдствіе, другими историческими факторами. А затѣмъ нужно, конечно, поточнѣе выяснить себѣ — что такое этотъ «экономическій факторъ», какъ движущая сила исторіи. Г. Туганъ-Барановскій говоритъ: «голодъ», и это, конечно, во всѣхъ смыслахъ не точно и не вѣрно. «Голодъ», со включеніемъ потребности въ жилищѣ и одеждѣ, есть явленіе физіологическое, а не экономическое, и если ужъ г. Туганъ-Барановскій беретъ его за исходную точку, то долженъ бы былъ подниматься и выше по физіологической лѣстницѣ съ ея высшими психологическими ступенями, каждой изъ которыхъ соотвѣтствуетъ чрезвычайно сложный комплексъ общественныхъ явленій. Несомнѣнно, что удовлетвореніе голода вызываетъ рядъ экономическихъ явленій, но если бы съ самаго начала исторіи человѣчества голодъ былъ единственною движущею силою, то исторія эта не далеко подвинулась бы: голодъ удовлетворяется и звѣрями, голодаютъ и растенія.

Поговоривъ о голодѣ, г. Туганъ-Барановскій вновь возвращается къ соціальной средѣ и замѣчаетъ, что она неоднородна и прежде всего экономически неоднородна. Оставляя въ сторонѣ первобытное общество (хотя и неизвѣстно, почему надо оставлять его въ сторонѣ, разъ рѣчь идетъ обо всемъ историческомъ процессѣ), мы, говоритъ нашъ авторъ, вездѣ встрѣчаемъ «одно основное дѣленіе общества— на богатыхъ и бѣдныхъ». Богатство и бѣдность суть явленія экономическія, и вотъ единовременное ихъ существованіе и составляетъ то основаніе, на которомъ строятся политика, юриспруденція, религія, наука, искусство. «На этомъ основномъ общественномъ неравенствѣ создаются и общественные классы». Г. Туганъ-Барановскій тутъ же, однако, замѣчаетъ, что «на низшихъ ступеняхъ культуры съ этимъ различіемъ соединяется различіе въ политическихъ и гражданскихъ правахъ», а «въ современныхъ государствахъ политическія и гражданскія права богатыхъ и бѣдныхъ уравниваются, но экономическое неравенство не исчезаетъ». Иначе говоря, экономическое основаніе, «фундаментъ», остается неизмѣннымъ, тогда какъ безусловно отъ него зависящія явленія юридическія и политическія измѣняются... Должно быть они еще отъ чего нибудь другого зависятъ? Но г. Туганъ-Барановскій не останавливается на этомъ вопросѣ и продолжаетъ свое изслѣдованіе. Общество состоитъ не изъ двухъ только классовъ,—богатыхъ и бѣдныхъ. «Въ каждомъ обществѣ столько же классовъ, сколько формъ дохода въ нихъ существуетъ. Такъ, капиталистическая организація хозяйства предполагаетъ три основныя формы дохода—ренту, прибыль и заработную плату. Но не нужно забывать, что ни въ одной странѣ капитализмъ не достигъ еще полнаго господства, и на-ряду съ крупными капиталистическими предпріятіями повсюду еще со-

храняются многочисленныя мелкія предпріятія, основанныя на личномъ трудѣ хозяевъ; особенно распространены такія предпріятія въ земледѣліи. Поэтому, большинство современныхъ обществъ распадаются по крайней мѣрѣ на 5 классовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ (рента), крупныхъ предпринимателей (прибыль), рабочихъ (заработная плата), ремесленниковъ, лавочниковъ, вообще мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ (смѣшанный доходъ, состоящій изъ прибыли и заработной платы) и крестьянъ (смѣшанный доходъ изъ ренты, прибыли и рабочей платы)».

Остановимся на минуту. Позволимъ себѣ замѣтить г. Туган-Барановскому, что ему, какъ спеціалисту, подобаетъ выражаться точнѣе. Не «капиталистическая организація хозяйства предполагаетъ три основныя формы дохода» (она «предполагаетъ» лишь ихъ раздѣльное существованіе), а наука знаетъ только эти формы, и на сколько бы классовъ общество ни дробилось, въ немъ все таки будетъ только три формы дохода въ различныхъ сочетаніяхъ, что уже изъ изложенія самого г. Тугана-Барановскаго видно: классовъ у него «по крайней мѣрѣ», пять, а видовъ дохода все таки только три. Ихъ останется три и въ томъ случаѣ, если мы прибавимъ къ пяти перечисленнымъ еще такъ называемые непроизводительные классы—профессоровъ, врачей, писателей, администраторовъ, политическихъ, судебныхъ дѣятелей. Политическая экономія ими не занимается, такъ какъ они не производятъ матеріальныхъ цѣнностей, но тѣмъ не менѣе они существуютъ и свою долю разнородности въ соціальную среду вносятъ. Нѣкоторые изъ нихъ складываются въ совершенно опредѣленные классы съ ясно выраженными классовыми интересами и опредѣленнымъ классовымъ вліяніемъ на ходъ событій,—таковы были жрецы,—но доходы ихъ все таки не имѣютъ какого нибудь особливаго характера, не вмѣщающагося въ рамки трехъ «основныхъ формъ». Есть у насъ, правда, названія «жалованье», «гонораръ», «руга», но имя вещи не мѣняетъ, и это все та же заработная плата.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія утверждать, что «въ каждомъ обществѣ столько же классовъ, сколько формъ дохода въ немъ существуетъ». А между тѣмъ г. Туганъ-Барановскій такъ доволенъ своимъ вышеприведеннымъ разсужденіемъ, что, сдѣлавъ нѣкоторую экскурсію въ сторону психики представителей различныхъ классовъ, рѣшительно подводитъ итогъ какимъ то будто бы прочно установленнымъ слагаемымъ: «*Итакъ*, раздѣленіе народа на классы основывается на неравенствѣ распредѣленія народнаго дохода». Безъ сомнѣнія, неравенство въ распредѣленіи народнаго дохода сильно вліяетъ на образованіе классовъ, хотя бываетъ и такъ, что образованіе классовъ ведетъ за собой неравенство распредѣленія. Но дѣло теперь не въ этомъ, а въ томъ—откуда взялось «итакъ» г. Тугана-Барановскаго? Ничто въ предъидущемъ не оправдываетъ этого категорическаго «итакъ». А г. Туганъ-Барановскій

продолжаетъ: «Чѣмъ же опредѣляется это распредѣленіе? Ничѣмъ инымъ какъ способомъ производства и обмѣна». Тутъ и сказкѣ конецъ.

Насъ давно уже ждетъ Адамъ-Смитъ, идеи котораго хотя и оказали большое вліяніе, но противоположное тому, на которое онъ самъ разсчитывалъ. «На сторонѣ Смита оказались фабриканты и торговцы, а противъ ученія Смита боролись рабочіе; и будущее вполнѣ оправдало такое неожиданное для творца экономической науки распредѣленіе ролей на исторической сценѣ. Царство свободы далеко не принесло народной массѣ тѣхъ благъ, которыхъ ожидалъ Смитъ. Гуманные и широкіе идеалы Смита нашли себѣ неожиданное выраженіе въ узко-эгоистическихъ интересахъ того общественнаго класса, которому Смитъ менѣе всего сочувствовалъ». Положимъ, что «менѣе всего» Смитъ сочувствовалъ не фабрикантамъ и торговцамъ, а классу крупныхъ землевладѣльцевъ, но дѣло теперь не въ этомъ. Смитъ ошибался, извѣстнымъ образомъ оцѣнивая принципъ свободной конкурренціи, ожидая отъ нея извѣстныхъ послѣдствій. Что это значитъ и въ какомъ отношеніи это поучительно? Ошибки въ наукѣ дѣло довольно обыкновенное, истина рѣдко дается сразу, и можетъ быть даже г. Туганъ-Барановскій въ чемъ нибудь ошибается. Согласитесь, что это возможно. Ошибки того рода, къ которому относится ошибка Смита, зависятъ или оттого, что еще нѣтъ достаточнаго количества фактовъ, необходимыхъ для рѣшенія задачи, или оттого, что факты есть, но изслѣдователь ихъ не досмотрѣлъ, или наконецъ оттого, что онъ сдѣлалъ логическій промахъ въ ихъ сопоставленіи. Всего этого надо, конечно, избѣгать, и еслибы г. Туганъ-Барановскій привелъ этотъ примѣръ съ цѣлью внушить кому слѣдуетъ необходимую въ наукѣ осторожность выводовъ, то мы могли бы только сказать: о да, г. Туганъ-Барановскій, вы совершенно правы,—неосторожные, односторонніе, недостаточно провѣренные и обоснованые выводы могутъ имѣть очень печальныя послѣдствія, и прежде всего—врачу, исцѣлися самъ! Однако, очевидно, не для этой цѣли потревожилъ г. Туганъ-Барановскій тѣнь Адама Смита. Онъ хотѣлъ показать на немъ силу экономическаго фактора или, точнѣе, формъ производства и обмѣна. Эти формы выдвигали на первый планъ «капиталистическій классъ», въ пользу котораго исторія и перемолола на своей мельницѣ идеи Смита. Но вѣдь Смитъ просто ошибся въ разсчетѣ послѣдствій свободной конкурренціи, и если «экономическій факторъ» воспользовался ошибкой, то этимъ еще не обнаружилъ особеннаго могущества: Смитъ не намѣренно, а по ошибкѣ, но все таки самъ отворилъ ворота, въ которыя и вошли «узко-эгоистическіе интересы того общественнаго класса, которому Смитъ менѣе всего сочувствовалъ». Или самая ошибка Смита была фатальна, неизбѣжна, и въ этомъ именно состоитъ поучительность его примѣра?

Сейчасъ мы постараемся найти у г. Туганъ-Барановскаго отвѣтъ на этотъ вопросъ, а теперь сдѣлаемъ одно маленькое фактическое замѣчаніе. «На сторонѣ Смита оказались фабриканты и торговцы, а противъ ученія Смита боролись рабочіе... Тѣмъ не менѣе ученики Смита продолжали открывать вѣчные незыблемые законы народнаго хозяйства... Неудивительно, что фабриканты охотно признавали выводы экономистовъ неопровержимыми положеніями науки, но также понятно, что рабочіе съ этими выводами не соглашались. И рабочіе были правы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ экономистовъ 80-хъ годовъ, Арнольдъ Тойнби. Въ своей книгѣ «Lectures on the industrial Revolution in England» онъ прямо заявляетъ, что «политическая экономія была преобразована рабочими классами».

Изъ всего этого читатель статьи г. Туганъ-Барановскаго долженъ вывести такое заключеніе объ А. Смитѣ и его роли въ наукѣ: хорошій, благонамѣренный человѣкъ былъ этотъ «творецъ экономической науки», но всю его науку пришлось потомъ передѣлывать, что и исполнено рабочими... Г. Тугану-Барановскому, какъ спеціалисту по политической экономіи, должно быть извѣстно, что это совершенно невѣрно. Не буду говорить объ томъ, насколько Смитъ способствовалъ выясненію «значенія экономическаго фактора въ исторіи», но напомню трудовую теорію цѣнности, начало которой положено Ад. Смитомъ, съ которою рабочимъ не приходилось «бороться», которую, если кто и старался «передѣлать», то ужъ, конечно, не рабочіе или ихъ защитники, и которая наконецъ въ дополненномъ и развитомъ видѣ составляетъ прочное достояніе науки. Умолчавъ объ этой сторонѣ дѣла, г. Туганъ-Барановскій даетъ своимъ читателямъ вполнѣ извращенное понятіе объ исторической роли «творца экономической науки».

Вернемся къ своему вопросу: не въ томъ ли отношеніи поучителенъ примѣръ Ад. Смита, что его ошибка была фатально неизбѣжна? Не совсѣмъ такъ, но въ этомъ родѣ. Конечно, все, что совершилось, должно было совершиться: крупныя и мелкія причины такъ сложились, что иначе и не могло быть. Но отсюда никакого поученія не выжмешь. А поучительно вотъ что: «Все это показываетъ, какимъ образомъ возникаютъ идеи въ исторіи и какъ онѣ дѣйствуютъ на общество. Въ идеальной оболочкѣ всегда скрывается очень грубое матеріальное содержаніе, котораго лицо, пустившее ихъ въ ходъ, нерѣдко совсѣмъ и не подозрѣваетъ. Идеи Адама Смита послужили прежде всего на пользу буржуазіи, а самъ Смитъ мечталъ о благѣ рабочихъ. Для того, чтобы идея подѣйствовала, сдѣлалась господствующимъ воззрѣніемъ въ обществѣ и дѣйствительно могущественнымъ историческимъ факторомъ, необходимо, чтобы она соотвѣтствовала нуждамъ и потребностямъ данной эпохи». А эти послѣднія, какъ мы знаемъ, опредѣляются формами производства и обмѣна.

Разсмотримъ внимательно это разсужденіе. Изъ него прежде

всего видно, что «въ исторіи возникаютъ» два рода идей: однѣ соотвѣтствуютъ даннымъ формамъ производства и обмѣна, другія имъ не соотвѣтствуютъ. Не будемъ приставать къ г. Туган-Барановскому съ вопросомъ: какъ могутъ, какъ смѣютъ «возникать» эти несоотвѣтствующія идеи? Рѣшимъ этотъ вопросъ за него, и при томъ во славу экономическаго фактора: пусть нѣкоторыя изъ этихъ несоотвѣтствующихъ идей представляютъ отраженіе отжившихъ или отживающихъ формъ производства, а другія — такое же отраженіе формъ грядущихъ, зарождающихся, но не созрѣвшихъ. Какъ бы то ни было, идеи Ад. Смита, — т. е. собственно та часть этихъ идей, которую счелъ нужнымъ выдвинуть г. Туганъ-Барановскій въ ущербъ общей научной физіономіи Смита, — соотвѣтствовали господствующимъ формамъ производства, которыя благопріятствовали «узко эгоистическимъ интересамъ» одного общественнаго класса. И хотя самъ Смитъ этого и не сознавалъ, но только въ силу этого соотвѣтствія его воззрѣнія и стали «дѣйствительно могущественнымъ историческимъ факторомъ». А вотъ его «сочувствіе рабочимъ» не соотвѣтствовало, — ну, оно и пропало даромъ, хотя оно, это сочувствіе, не могло не быть одною изъ подробностей идейной надстройки надъ все опредѣляющимъ экономическимъ фундаментомъ.

Таковъ урокъ. Какъ имъ воспользоваться? Каждый изъ насъ, дѣйствующихъ даже на скромномъ литературномъ поприщѣ — скажемъ, г. Туганъ-Барановскій — естественно желалъ бы избѣжать сюрпризовъ, подобныхъ тому, который поднесъ Ад. Смиту историческій ходъ вещей. Онъ хотѣлъ бы, чтобы его идеи были, ну хоть не могущественнымъ историческимъ факторомъ, но все таки внесли бы въ историческій процессъ свою каплю меду, свою ленту вдовицы и притомъ вполнѣ сознательно. Повидимому, дѣло очень просто: нащупай «самую жилу» и уже затѣмъ плыви по теченію. Плыть по теченію, конечно, очень легко, и для этого вовсе не требуется: быть «могущественнымъ», но нащупать «самую жилу»... Можно вѣдь и промахнуться. Смитъ даже не самой жилы искалъ, да и то промахнулся. Допустимъ однако, что г. Туганъ-Барановскій, будучи проницательнѣе и осторожнѣе Смита, на его мѣстѣ не сдѣлалъ бы промаха и сознательно поплылъ бы по тому теченію, въ которое «творецъ экономической науки» попалъ безсознательно, то есть не по ошибкѣ служилъ бы «узко-эгоистическимъ интересамъ» одного общественнаго класса. Многіе съ успѣхомъ этимъ занимались и занимаются, но отъ большинства ихъ г. Туганъ-Барановскій отличался бы сознаніемъ, что онъ въ точности исполняетъ велѣнія единосущнаго фактора исторіи. Завидное положеніе! Оно оказалось бы, однако, далеко не столь завиднымъ, если бы г. Туганъ-Барановскій, превзойдя Смита въ проницательности, въ тоже время сохранилъ его «сочувствіе» къ тѣмъ, кого давило колесо исторіи, руководимое «узко-эгоистическими интересами». Смитъ (я все говорю не о настоящемъ Смитѣ, а о Смитѣ г. Тугана-Барановскаго) былъ

счастливъ въ своей безсознательности, потому что его сознаніе и его сочувствіе не были въ противорѣчіи. Г. же Туганъ-Барановскій, при вышеозначенныхъ условіяхъ, очутился бы въ положеніи по истинѣ трагическомъ. И гдѣ же искать выхода?

О, конечно, въ наукѣ! Она — свѣтлая, безстрастная, неподкупная — просвѣтитъ и успокоитъ. Она докажетъ необходимость необходимаго, убѣдитъ, что гибнутъ лишь подлежащіе гибели, и пожалуй еще въ утѣшеніе прибавитъ, что на костяхъ погибшихъ можетъ разцвѣсть высшее благополучіе. И мы должны смиренно выслушать рѣшеніе науки, ибо — это то г. Туганъ-Барановскій твердо знаетъ и съ чрезвычайною гордостью заявляетъ — «наука ни передъ чѣмъ не преклоняется»! . .

Какъ ни передъ чѣмъ не преклоняется, когда намъ только что сообщили, что въ ней «всегда скрывается грубое матеріальное содержаніе», что она сознательно или безсознательно преклонялась передъ торговцами и фабрикантами, а потомъ передъ рабочими?! Если правда, что рабочіе съ успѣхомъ боролись съ наукой Адама Смита, то почему нельзя ожидать успѣха борьбы съ наукой г. Тугана-Барановскаго?

Наука г. Тугана-Барановскаго!..

Я кончилъ о г. Туганѣ-Барановскомъ, но въ заключеніе мнѣ хочется привести образчикъ того, какъ у насъ иные просто справляются съ тѣмъ трагическимъ положеніемъ, въ которое я гипотетически поставилъ автора статьи «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи».

Въ № 14 Казанской газеты «Волжскій Вѣстникъ» напечатана статья г. Вл. Тр. о Пермскомъ кустарно-промышленномъ банкѣ. На основаніи отчета банка за 1894 г. авторъ доказываетъ, что банкъ не достигаетъ предполагаемыхъ имъ цѣлей, и въ заключеніе пишетъ:

«Такое положеніе вещей является яркой иллюстраціей того, какъ идеи и цѣли и стремленія личностей, направленныя противъ капитализма, жизнь поворачиваетъ по своему, какъ капиталъ заставляетъ всѣхъ покоряться законамъ историческаго развитія, дѣйствовать чрезъ эти законы, пользуясь ими, посредствомъ ихъ, какъ онъ заставляетъ всѣхъ сознательно или безсознательно служить ему. Въ настоящій историческій моментъ, моментъ накопленія капитала, всѣ наиболѣе вліятельныя теченія нашей общественной жизни, всѣ наиболѣе знаменательные факты въ сферѣ производства и обмѣна имѣютъ одинъ несомнѣнный и безспорный интересъ: они не только расчищаютъ дорогу капитализму, но и сами является необходимыми и въ высшей степени важными моментами его развитія. Въ этомъ направленіи банку дѣйствительно предстоитъ блестящая будущность. Онъ дастъ возможность экономически крѣпкимъ куста-

рямъ улучшить свое производство, поднять его технику и повысить производительность: онъ явится факторомъ общественнаго раздѣленія труда или развитія капитализма, «съ которымъ тѣсно связанъ культурный прогрессъ Россіи» (П. Б. Струве. Критическі замѣтки и т. д.»).

Я не трону этой цитаты по существу и обращу ваше вниманіе на то, что статья г. Вл. Тр. открывается эпиграфомъ изъ «Мелочей жизни» Салтыкова:

«Идетъ чумазый, идетъ! Я не разъ говорилъ это и теперь повторяю: идетъ и даже уже пришелъ! Идетъ съ фальшивой мѣрой, съ фальшивымъ аршиномъ и неутолимой алчностью глотать, глотать, глотать... Интеллигенція наша ничего не противопоставитъ ему»...

Слова Щедрина въ этомъ эпиграфѣ оборваны: за ними слѣдуетъ еще «ибо», объясняющее какъ именно смотрѣлъ на дѣло сатирикъ. Но все равно: вы видите, что то самое, что Щедринъ называлъ «фальшивой мѣрой, фальшивымъ аршиномъ и неутолимой алчностью глотать, глотать и глотать», можетъ при случаѣ оказаться «культурнымъ прогрессомъ Россіи». И авторъ вовсе не думаетъ смягчать щедринскія краски; нѣтъ: «фальшивая мѣра» и «культурный прогрессъ» едино суть...

Ник. Михайловскій.

Дневникъ Журналиста.

Нѣкоторые итоги 1895 года.

I.

Быть можетъ, говорили мы въ прошломъ *Дневникѣ* (январь 1896 г.), быть можетъ ни одинъ годъ не обнаружилъ всей сложности современнаго историческаго положенія съ такою очевидностью, какъ минувшій 1895 годъ. Экономическая, культурная и политическая исторія этого года (писали мы тогда) оказалась полна столькими неожиданностями, которыя однако такъ тѣсно и неразрывно связаны съ основными теченіями современной исторіи, что разобраться въ этомъ калейдоскопѣ яркихъ и пестрыхъ событій невозможно безъ общаго взгляда на эти основныя историческія теченія. Такимъ общимъ взглядомъ и былъ нашъ январскій *Дневникъ*, выяснившій намъ, что узелъ того запутаннаго и сложнаго историческаго положенія, которое переживаетъ нынѣ

человѣчество, заключается въ томъ, что культурно-политическіе интересы группируютъ историческія силы совершенно несогласно съ тою группировкою, къ которой склоняютъ интересы экономическіе. Именно на почвѣ этихъ послѣднихъ создались два неожиданныхъ, но острыхъ конфликта по венецуэльскому и трансваальскому вопросамъ. *Культурно-политическія* тяготѣнія почти объединяютъ Англію и Америку и очень сближаютъ Германію и Англію. Тѣ же тяготѣнія Англію и Германію противуполагаютъ Россіи и Франціи. Между тѣмъ *экономическое* соперничество приводитъ Англію къ ожесточенной борьбѣ съ Германіей, частью съ Соединенными Штатами, но ни ту, ни другую сторону не ставятъ въ непосредственный немедленный антагонизмъ ни съ Франціей, ни съ Россіей. Венецуэльскій и трансвальскій вопросы и пріобрѣли такую нежданную остроту именно подъ давленіемъ экономическаго соперничества, на время нарушившаго естественную политическую группировку историческихъ силъ цивилизованнаго человѣчества. Тѣ же экономическія тяготѣнія, вопреки политическимъ, побудили Германію дѣйствовать за одно съ Франціей и Россіей въ вопросѣ объ очищеніи Ляо-тонга, заодно съ Франціей—въ вопросѣ трансваальскомъ. Россія и Франція въ обоихъ случаяхъ дѣйствовали на почвѣ политическихъ интересовъ, какъ и въ вопросѣ армянскомъ, гдѣ и Англія стояла на этой же почвѣ. Поэтому вмѣсто наружнаго единодушія оказался глухой антагонизмъ. Именно національные и политическіе интересы, какъ мы уже замѣтили, и разводятъ Англію съ франко-русскою группою. Политическіе интересы и разводятъ съ этою группою и Италію (вопросы марокканскій, тунисскій, триполійскій, абиссинскій, о морскомъ равновѣсіи на Средиземномъ морѣ, о проливахъ съ этой точки зрѣнія, о Ниццѣ и т. д.), но съ другой стороны еслибы Италія руководилась экономическими интересами, то она давно была бы именно въ этой политическо-враждебной франко-русской группѣ. Антагонизмъ съ Франціей положительно разоряетъ Италію, а съ Россіей она не имѣетъ никакихъ экономическихъ отношеній. Почти тоже, что сказали мы объ Италіи, можно повторить объ Японіи. Въ сферѣ ея политическихъ и экономическихъ интересовъ ея соперниками политическими являются Россія и Франція; экономическими—Англія, Германія, частью Америка. Это противорѣчіе политическихъ и экономическихъ интересовъ всего активнаго человѣчества составляетъ самую яркую и характеристическую особенность современнаго историческаго момента и вмѣстѣ съ тѣмъ является неустранимою, покуда причиною неустойчивости всего этого искусственнаго международнаго равновѣсія, которое съ такимъ трудомъ удерживаетъ наше изнервившееся, всего опасающееся поколѣніе, обремененное вдобавокъ (какъ мы показали въ прошломъ *Дневникѣ*) военными доспѣхами безъ всякой мѣры, безъ всякаго соображенія съ собственными силами и средствами. Та-

ковы историческіе итоги современной эпохи, если взглянуть на нихъ въ ихъ совокупности. Любопытную иллюстрацію современныхъ историческихъ теченій представляютъ въ своихъ деталяхъ и нѣкоторые отдѣльные вопросы, волновавшіе цивилизованное человѣчество въ минувшемъ 1895 году, южно-африканскій вопросъ въ частности и даже въ особенности. На немъ мы и остановимъ теперь наше вниманіе.

II.

Если мы взглянемъ на орографическую карту Африки, то прежде всего увидимъ выпукло выступающею главную ось всего материка, протягивающуюся въ видѣ огромной горной системы отъ береговъ Краснаго Моря на сѣверѣ Абиссиніи до мыса Доброй Надежды, повсюду слѣдуя недалеко отъ восточнаго берега. Почти повсюду нося пики съ вѣчнымъ снѣгомъ, эта горная цѣпь имѣетъ протяженія свыше 55 градусовъ (т. е. около $5^1/_2$ тыс. верстъ) и оставляетъ всюду между собою и океаномъ узкую береговую полосу гористой низменность Періодическіе муссоны управляютъ климатомъ этой полосы. Съ мая по сентябрь господствуютъ юго-западные муссоны, скатывающіеся съ возвышенныхъ сухихъ плато внутренней Африки. Это время относительнаго бездождія и большею частью яснаго неба. Съ ноября по мартъ господствуютъ муссоны сѣверо-восточные, приносящіе абиссинскому и сомалійскому побережью сухой воздухъ Аравіи и Средней Азіи, а всему южнѣе лежащему побережью обильную влагу, поднятую съ поверхности Индѣйскаго Океана. Это время обильныхъ дождей и роскошной растительности, развивающейся по всему этому плодородному, лѣсистому и относительно населенному берегу, отгороженному отъ всей остальной Африки могучими хребтами уже упомянутой громадной горной системы, носящей въ различныхъ мѣстахъ различныя наименованія, между прочимъ Дракенберга въ той своей части, которая составляетъ границу между англійскимъ и португальскимъ владѣніями на берегу съ одной стороны и захребтовыми голландскими республиками Оранжа и Трансвааля съ другой стороны. Эти республики лежатъ такимъ образомъ на томъ высокомъ плато, которое повсюду примыкаетъ съ запада къ упомянутому главному меридіональному хребту Африки. Большая часть Африки лежитъ именно къ западу отъ главнаго хребта и двумя его перпендикулярными отрогами раздѣляется на три неравныхъ района, очень различающихся и по характеру природы, и по расамъ, ихъ населяющимъ.

Первый отрогъ отдѣляется отъ главнаго хребта приблизительно около 5^0 с. ш. и широкою горною системою протягивается на западъ, слегка отклоняясь къ сѣверу. Онъ достигаетъ Гвинейскаго залива и берега Атлантическаго океана въ нынѣшнихъ герман-

скихъ владѣніяхъ, называемыхъ Камеруномъ. Его сѣверо-западнымъ продолженіемъ можно считать гвинейскій кряжъ, отдѣляющій возвышенную страну верховьевъ Нигера и котловину озера Цада отъ низменнаго гвинейскаго побережья, сырого, лѣсистаго и сплошь негритянскаго, какъ и вся страна къ югу отъ только что указаннаго хребта. Къ сѣверу отъ него чистая негритянская раса встрѣчается лишь въ видѣ сравнительно недавнихъ колоній. Напротивъ того, это страна расы эѳіопской или хамитской, къ которому принадлежали древніе египтяне и нумидійцы, а нынѣ принадлежатъ мавры, туареги (населяющіе Сахару), абиссинцы и другіе. На сѣверѣ хамиты имѣютъ много семитической подмѣси и отъ времени финикійскаго и отъ времени арабскаго господства. Къ югу же на верховьяхъ Нигера и Нила и въ бассейнѣ Цада они смѣшались съ неграми. Вся эта громадная страна эѳіопской расы, на которой теперь рѣшаются вопросы египетскій, мароканскій, абиссинскій, ашантійскій и т. д., сегодня находится всѣ сферы нашего вниманія, какъ и вторая часть Африки, лежащая между уже указаннымъ сѣвернымъ хребтомъ и ему параллельнымъ южнымъ.

Второй перпендикулярный хребетъ отдѣляется отъ главнаго меридіональнаго приблизительно у 10° юж. ш. и перерѣзываетъ материкъ въ прямомъ направленіи съ востока на западъ, оставляя къ сѣверу отъ себя весь громадный бассейнъ Конго, бассейны внутреннихъ озеръ, бассейнъ верхняго Нила. Мы уже упомянули, что вся эта громадная площадь вмѣстѣ съ гвинейскимъ побережьемъ и составляетъ настоящую родину негритянской расы, здѣсь собравшейся и размножившейся и отсюда распространявшейся затѣмъ и на сѣверъ, въ отечество хамитовъ, и на югъ, на родину древней готентото-бушменской расы. Эта третья, самая южная и самая меньшая часть Африки, и должна теперь остановить наше вниманіе. Она именно и является театромъ любопытныхъ историческихъ событій послѣдняго времени, пріобрѣтающихъ всемірное значеніе. Имѣя свыше 2000 верстъ ширины въ сѣверномъ концѣ своемъ, она постепенно сближаетъ свои западные и восточные берега, покуда не сводитъ ихъ вмѣстѣ у мыса Доброй Надежды. Высота (длина) этого южно-африканскаго равнобедреннаго треугольника равняется около $2^1/_2$ тысячъ верстъ. Суша эта, въ противоположность болѣе сѣвернымъ и болѣе значительнымъ частямъ Африки, принадлежитъ къ самымъ древнимъ сушамъ земного шара, раздѣляя эту особенность съ Мадагаскаромъ, Южнымъ Цейлономъ и Австраліей, которыхъ всѣхъ вмѣстѣ съ Южною Африкою нѣкоторые ученые считаютъ частями опустившагося древняго материка Лемуріи, а расы говаговъ, готентотовъ и папуасовъ—обломками нѣкогда единой южной расы. Какъ бы то ни было, но строеніе южно-африканскаго треугольника довольно явственно отличается отъ строенія другихъ частей африканскаго

континента. Рядъ возвышенныхъ плато, террасами ниспадающихъ по направленію съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ и всегда окаймленныхъ горами,—таковы существенныя черты этого строенія, которое вмѣстѣ съ наличностью высокаго меридіональнаго хребта на востокѣ и предрѣшаетъ характеръ природы и возможную культуру разныхъ странъ, входящихъ въ составъ территоріи южной Африки. О восточной береговой полосѣ, лежащей между Индійскимъ океаномъ и хребтомъ Дракенберга, мы уже говорили выше. Обратимся къ странамъ, лежащимъ къ западу отъ Дракенберга (для упрощенія мы этимъ названіемъ обозначаемъ весь этотъ кряжъ въ предѣлахъ южной Африки, хотя, собственно говоря, такъ именуется только средняя его часть между 22° и 30° юж. ш.).

Двигаясь съ сѣвера на югъ вдоль западнаго подножія Дракенберга, мы прежде всего на сѣверѣ встрѣтимъ, еще подъ тропиками, обширное травяное плато, хорошо орошенное, съ плодородною почвою и относительно значительнымъ полуварварскимъ негритянскимъ населеніемъ. Это бассейнъ верхней Замбези, недавно, не далѣе 1891—1894 гг., занятый англичанами. Двѣ лежащія къ западу болѣе низкія террасы составляютъ португальскую приатлантическую колонію Анголу; лежащая къ востоку береговая полоса есть Мозамбикъ, извѣстная португальская колонія, владѣющая между прочимъ низовьями Замбези. Португалія считала, что ей принадлежатъ верховья этой рѣки, но Англія сначала признала независимость королевства Матебела, а потомъ утвердила здѣсь свой протекторатъ. Теперь это и есть главная территорія знаменитой Chartered Company. Южная часть носитъ названіе Родезіи, которою вся эта громадная страна британской центральной Африки соприкасается съ слѣдующею къ югу террасою Трансваальскою. Родезія имѣетъ три милльона чернаго населенія и около 300 бѣлыхъ пришельцевъ, въ томъ числѣ 27 англичанъ (свѣдѣнія для 1894 года изъ англійскихъ источниковъ). Присоединеніе Родезіи и Матебела къ Англіи отдѣлили португальскую Анголу отъ португальскаго Мозамбика. Португалія протестовала и въ 1893 году собиралась даже воевать, но покорилась, удовлетворившись нѣкоторыми пограничными уступками, преимущественно въ долинѣ Замбези. Послѣ занятія англичанами, Родезія быстро пріобрѣла серьезное экономическое и политическое значеніе, чего ей не могли дать вѣка португальскаго протектората. Подробнѣе объ этомъ ниже.

Вторая терраса (двигаясь съ сѣвера къ югу) у подножія Дракенберга и есть, какъ мы сказали уже, Трансваальская. Она протягивается съ сѣвера на югъ на 600 верстъ; ширина почти вдвое меньше. Со всѣхъ четырехъ сторонъ она окаймлена горами, на востокѣ вѣчно-снѣжнымъ Дракенбергомъ, съ другихъ сторонъ—менѣе высокими. Этотъ трансваальскій четыреугольникъ представ-

ляетъ, какъ и Родезія, возвышенную травяную степь, лежащую, однако, уже внѣ тропиковъ. При среднемъ возвышеніи около 3,000 ф. эта степь обладаетъ очень здоровымъ и для европейцевъ вполнѣ благопріятнымъ климатомъ. Дракенбергъ задерживаетъ большую часть влаги океаническаго муссона и атмосферное орошеніе Трансвааля довольно скудно, что больше склоняетъ населеніе къ скотоводству, хотя при черноземной богатой почвѣ и земледѣліе имѣетъ успѣхъ. Почвенное орошеніе страны довольно значительное, благодаря многочисленнымъ потокамъ, посылаемымъ Дракенбергомъ. На его же склонахъ зарождается и главная водная артерія края, рѣка Лимпопо; она собираетъ всѣ воды равнины и несетъ ихъ сначала на западъ, но, встрѣтивъ западный окраинный хребетъ, дѣлаетъ къ сѣверу дугу и возвращается на востокъ. Здѣсь Лимпопо прорываетъ Дракенбергъ и изливается въ португальскихъ владѣніяхъ въ Индѣйскій океанъ въ бухтѣ Делагоа. Въ этомъ мѣстѣ граница Трансвааля отстоитъ отъ берега всего на 45 миль.

Южный окраинный хребетъ трансваальской равнины представляется со стороны этой равнины просто невысокою цѣпью холмовъ и кажется горами только съ юга съ береговъ Вааля, текущаго на третьей, еще болѣе низкой террасѣ, большею частью принадлежащей второй голландской республикѣ Оранжу. Вааль—пограничная рѣка, давшая свое имя заваальской республикѣ. Такимъ образомъ, Трансвааль спускается частью и на третью террасу, владѣя нераздѣльно всѣмъ пограничнымъ хребтомъ, который въ послѣдніе годы и оказался южно-африканскою Калифорніей, изобилующей золотомъ и возбудившей столько жадности.

Третья терраса меньше второй. Она ниже, но еще дальше отъ тропиковъ, и климатъ поэтому и здѣсь такой же благопріятный для европейцевъ. Характеръ ея тотъ-же: травяная степь со скуднымъ атмосфернымъ и съ обильнымъ почвеннымъ орошеніемъ, съ плодородною черноземною почвою и съ минеральными богатствами въ окраинномъ хребтѣ (западномъ). Здѣсь, однако, главную роль играетъ не золото, но алмазы. Наиболѣе богатыя мѣсторожденія находятся на англійской территоріи, въ такъ называемомъ Грикаландѣ, на среднемъ теченіи Оранжевой рѣки, но и въ предѣлахъ Оранжа открыты въ послѣднее время обильныя алмазныя копи. Оранжевая терраса занимаетъ верхній бассейнъ Оранжевой рѣки и ея главнаго сѣвернаго притока Вааля. Республика Оранжъ лежитъ между Оранжевой рѣки и Ваалемъ. Къ сѣверу отъ послѣдняго—владѣнія Трансвааля, къ югу отъ Оранжевой рѣки территорія принадлежитъ англичанамъ, въ рукахъ которыхъ и южный, окраинный хребетъ, отдѣляющій оранжевую террасу отъ четвертой сѣверно-капландской, болѣе пустынной, чѣмъ оранжевая и трансваальская. Лучше—небольшія террасы, лежащія еще южнѣе и составляющія исконную территорію Капландіи, какъ она сложилась еще при голландцахъ, которые и теперь составляютъ преобладаю-

щій элементъ среди бѣлаго населенія этой богатой и цвѣтущей англійской колоніи.

Обозрѣвъ возвышенныя террасы, спускающіяся уступами съ сѣвера на югъ и сопровождающія съ запада Дракенберговъ хребетъ, взглянемъ теперь на тѣ уступы, которыми эти высокія плато спускаются къ западу, къ атлантическому берегу. Мы уже знаемъ, что къ западу отъ Родезіи такіе уступы лежатъ въ предѣлахъ португальской Анголы. Намъ интереснѣе и важнѣе познакомиться со строеніемъ средней части Южной Африки, гдѣ на востокѣ у подножія Дракенберга лежатъ террасы Оранжа и Трансвааля. Къ западу отъ Оранжа лежитъ менѣе возвышенная, но значительно болѣе пустынная терраса Гриколанда, принадлежавшая прежде Оранжу, но потомъ занятая англичанами. Довольно скудная травяная растительность прежде прокармливала скотоводскія фермы голландскихъ буровъ Оранжа. Теперь богатыя алмазныя копи, а съ прошлаго 1895 г. и золотыя розсыпи оживили эту полупустыню, привлекая многочисленныхъ искателей наживы и обогащенія. Гриколандъ лежитъ на среднемъ теченіи Оранжевой рѣки. Низовья еще пустыннѣе. Немногочисленныя бродячія племена готтентотовъ и бушменовъ промышляютъ охотой, рыболовствомъ и разбоемъ. Оранжевая рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи составляетъ границу между англійскими владѣніями къ югу и германскими къ сѣверу. Это извѣстная Ангро-Пеквена, первая германская колонія. Весь берегъ отъ устья Оранжевой рѣки до португальской Анголы принадлежитъ нѣмцамъ. Иначе говоря, все атлантическое побережье со всею нижнею приокеаническою террасою на широтѣ Трансвааля и Оранжа занято нѣмцами, но вторая терраса, отдѣляющая трансваальскую отъ ангро-пеквенской, принадлежитъ англичанамъ и отдѣляетъ буровъ отъ нѣмцевъ. Довольно печальное ангро-пеквенское побережье, но средняя терраса еще много печальнѣе. На двѣ трети (съ юга) это извѣстная пустыня Калахари, безводная и безплодная, съ немногими бродячими семьями бушменовъ. Сѣверная треть—бассейнъ озера Нгами или земля Бечуановъ. Нѣсколько потоковъ, посылаемыхъ Анголой и Родезіей, немного оживляютъ эту полупустыню и даруютъ возможность развиться нѣкоторой культурѣ. Бечуаны—мирное племя скотоводовъ. Нѣкоторая часть трансваальскихъ буровъ купили у бечуановъ часть ихъ земель и основали на ней третью голландскую республику въ Южной Африкѣ, очень недолго существовавшую подъ названіемъ Фрейбурга. Нуждаясь установить связь Капландіи съ Родезіей и отдѣлить Трансвааль отъ Ангро-Пеквены, англичане заняли всю страну Бечуановъ и присоединили Фрейбургъ. Часть буровъ выселилась обратно въ Трансвааль, другая часть ушла на западъ и основала автономную колонію въ странѣ Дамаровъ на германской территоріи. Нѣкоторая, однако, часть осталась во Фрейбургѣ, составляя и теперь единственный сколько-нибудь чи-

сленный бѣлый элементъ въ бассейнѣ Нгами. На всей этой средней террасѣ, примыкающей съ запада къ голландскимъ республикамъ и составленной изъ пустыни Калахари и бассейна Нгами, числилось въ 1894 г. 60,376 чернаго населенія (бушменовъ и бечуановъ) и 5,254 бѣлаго, въ томъ числѣ, всего нѣсколько десятковъ новоселовъ, преимущественно администраторовъ и торговцевъ. Все значеніе этой печальной страны для англичанъ именно и заключается, главнымъ образомъ, въ изолированіи голландскихъ республикъ, потому что связь Капландіи съ Родезіей черезъ Калахари и Нгами, черезъ нѣсколько сотъ верстъ мертвой, знойной и нездоровой пустыни, можетъ получить нѣкоторую цѣну лишь послѣ того, какъ англичане окончательно будутъ убѣждены, что установленіе такой связи черезъ Трансваалъ и Оранжъ невозможно. Еще Оранжъ можно обойти по берегу Индѣйскаго океана, но обойти Трансвааль невозможно иначе, какъ черезъ Калахари, или черезъ португальскія владѣнія.

Этотъ краткій обзоръ географіи Южной Африки уже выяснилъ намъ довольно много въ той путаницѣ интересовъ и столкновеній, которыя перенесла сама Европа изъ-за этихъ отдаленныхъ территорій. Южно-трансваальская Калифорнія и алмазныя копи Оранжа—это одна сторона вопроса. Стремленіе обезпечить связь богатыхъ южно-африканскихъ англійскихъ колоній Капа и Наталя съ многообѣщающими территоріями Родезіи, Матебеле и вообще британской центральной Африки является другою, не менѣе важною стороною вопроса. Дополнивъ это географическое обозрѣніе бѣглымъ историческимъ взглядомъ на европейское прошлое Южной Африки, мы подготовимъ себя достаточно для пониманія интересныхъ событій, тамъ нынѣ развивающихся.

III.

Заселеніе Южной Африки голландскою расою относится къ XVI и XVII вв., когда Голландія завоевала португальскія владѣнія южной оконечности Африки. Сначала голландцы тоже смотрѣли на страну эту лишь какъ на станцію по дорогѣ въ Индію; скоро, однако, они лучше ознакомились съ характеромъ края, съ тѣмъ, что нѣмцы называютъ непереводимымъ именемъ Hinterland и куда португальцы такъ же мало заглядывали въ XVI в., какъ и въ XIX в. въ Родезію и Матебеле. Климатъ страны оказался вполнѣ здоровымъ и благопріятнымъ европейцамъ, почва, хотя и суховатая, но не безплодная и способная кормить значительное скотоводство, годная мѣстами и для земледѣлія; садоводческая культура, столь любимая голландцами, какъ бы предназначена для страны; въ горахъ нашелся уголь, металлы; населеніе, состоявшее изъ разрозненныхъ и слабыхъ племенъ готтентотовъ и бушменовъ, оказалось мирнымъ и способнымъ къ труду. Всѣ эти

данныя говорили сами за себя и вмѣсто морской станціи и торговой факторіи возникла европейская колонія. Въ 1652 г. былъ основанъ Капштадтъ вблизи мыса Доброй Надежды на Столовой бухтѣ (Tafelbai), были подчинены сосѣднія племена и прочно оккупирована вся юго-западная часть теперешней Капландіи. Тогда же началось заселеніе этой территоріи голландскими колонистами, или бурами (т. е. хлѣбопашцами, крестьянами, Bauer). Готтентоты были обращены въ состояніе въ родѣ крѣпостного и сельско-хозяйственная культура начала быстро распространяться по этимъ дикимъ территоріямъ. Какъ и въ Америкѣ, колонисты не остановились въ предѣлахъ первоначально занятой территоріи, а шли въ глубь страны, подчиняя туземцевъ и основывая новыя сельско-хозяйственныя колоніи. За эту страсть къ странствіямъ и миграціямъ голландскихъ колонистовъ Капландіи даже прозвали трак-бурами (странствующими мужиками). Въ началѣ XVIII в. уже вся годная для культуры страна готтентотовъ и бушменовъ была занята и буры въ своемъ движеніи встрѣтились на берегахъ Индѣйскаго Океана съ каффрами, народомъ совершенно другого типа, способнымъ на энергическую борьбу. Это временно остановило расширеніе Капландіи, да и самой метрополіи, Голландіи, было слишкомъ много дѣла въ Европѣ, гдѣ она буквально выдерживала борьбу за существованіе и скоро чуть не исчезла въ катаклизмахъ французской революціи. Этимъ воспользовались англичане.

Когда французская республиканская армія завоевала Голландію, она низвергла прежній федеративный строй и провозгласила Батавскую республику, демократическую и централизованную, какъ бы отдѣленіе республики французской, и обязательно ей союзную. Франція находилась въ войнѣ съ Англіей, которая такимъ образомъ очутилась въ войнѣ и съ Голландіею. Господствуя на морѣ, Англія принялась обирать и захватывать многочисленныя и цвѣтущія колоніи своей старинной морской и колоніальной соперницы. Голландскія владѣнія въ Индіи, островъ Цейлонъ, весь материкъ Австраліи (въ то время называвшейся Новой Голландіей), Новая Зеландія, Тасманія (тогда Ван-Дименова земля), лучшая часть голландской Гвіаны (Демерара) стали англійскими вслѣдствіе временнаго переименованія Голландіи въ Батавію. Въ ихъ числѣ была и Капландія. Англичане высадились на капскую территорію въ 1795 году, но только въ 1806 году могли назвать страну достаточно подчиненной. По парижскому миру 1814 г. страна была признана англійскою и голландскіе буры стали подданными короля Англіи. Первое время общій интересъ оборонить страну отъ каффровъ, сложившихся въ могущественную военную монархію, соединилъ обѣ національности. Кровопролитныя и разорительныя войны съ каффрами заняли почти всю первую треть XIX в., но когда страна была умиротворена и

безопасность установлена, обнаружился явный и непримиримый антагонизмъ между англійскимъ правительствомъ и голландскимъ населеніемъ. Вмѣшательство англійской администраціи въ самоуправленіе бурскихъ колоній; привиллегіи, которыми пользовались англичане; искусственная, возбуждаемая субсидіями и преимуществами колонизація страны англичанами,—вызывали болѣе или менѣе справедливое негодованіе и неудовольствіе голландцевъ. Соперничество англиканскаго и реформатскаго духовенства раздувало страсти. Съ другой стороны—англійская администрація совершенно справедливо находила, что обязательная работа готтентотовъ на фермахъ буровъ должна быть отмѣнена. Рядомъ мѣропріятій дѣйствительно она отмѣнила это подобіе крѣпостного права. Все это питало взаимное раздраженіе, покуда около начала тридцатыхъ годовъ дѣло не обострилось до послѣдней степени. Буры взялись за оружіе и можно было опасаться братоубійственной разорительной войны, еслибы, въ концѣ концовъ, благоразуміе не взяло верхъ надъ страстями, и столкновеніе разрѣшилось выселеніемъ съ англійской территоріи всѣхъ непримиримо недовольныхъ буровъ. Остальные удовольствовались нѣкоторыми уступками. Такъ благополучно и достойно разрѣшилась эта революція. Въ Африкѣ было довольно мѣста для всѣхъ. Въ 1833 году выступила первая партія эмигрантовъ, поднявшаяся на сѣверъ вмѣстѣ съ семьями, слугами, скотомъ, всякимъ скарбомъ и движимымъ имуществомъ. Пять лѣтъ, 1833—1837 гг., продолжался этотъ новый «исходъ» цѣлаго народа, десятковъ тысячъ человѣкъ и сотенъ тысячъ всякаго скота.

Мы уже знаемъ, что атлантическое побережье къ сѣверу отъ Капландіи отличается пустынностью. Не многимъ менѣе печальна страна средняго теченія Оранжевой рѣки, лежащая непосредственно къ востоку отъ этого побережья и имѣющая къ сѣверу отъ себя пустыню Калахари. Ясно, что вся западная; большая часть сѣверной границы Капландіи не могла привлекать эмигрантовъ, искавшихъ сельско-хозяйственной территоріи. Для своего движенія они могли выбрать или западное или восточное подножіе Дракенберга. На первомъ разстилается травяная скотоводческая континентальная степь нынѣшняго Оранжа; на второмъ—богатая земледѣльческая приморская территорія, занятая, однако, въ то время могущественною монархіей каффровъ. Сила вещей какъ бы предписывала выбрать Оранжъ, но вожди эмигрантовъ вполнѣ ясно сознавали необходимость морского берега, который одинъ могъ обезпечить будущее новой республики. Вторгнуться въ Каффрарію они не рѣшились, но двинулись въ обходъ, чтобы выйти къ Индійскому океану, сѣвернѣе этого воинственнаго государства. Здѣсь находилась страна зулусовъ, тоже каффрскаго племени, но не входившихъ въ составъ монархіи, болѣе отсталыхъ въ военномъ искусствѣ, мало входившихъ въ столкновеніе

съ европейцами. Буры надѣялись съ ними справиться. Они двинулись черезъ нынѣшній Оранжъ вдоль подножія Дракенберга и перешли этотъ трудно-доступный кряжъ сѣвернѣе Каффраріи. Часть буровъ, впрочемъ, осталась въ Оранжѣ, прельстившись пастушескимъ привольемъ этихъ роскошныхъ степей и мирнымъ характеромъ немногочисленныхъ туземцевъ басутовъ, безъ борьбы потѣснившихся для новыхъ пришельцевъ. Большая часть буровъ послѣдовала, однако, за вождями и вторглась въ страну зулусовъ, гдѣ встрѣтила ожесточенное сопротивленіе. Европейское искусство, воинственныя качества буровъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе ведшихъ кровопролитныя войны; добрыя дипломатическія отношенія, установленныя съ Каффраріей,—повели къ тому, что буры достигли цѣли и въ 1840 году могли считать свое новое государство основаннымъ. Договорами съ каффрами и зулусами была установлена южная и сѣверная границы республики; на востокѣ границею былъ океанъ, на западѣ буры прислонились къ Дракенбергу, имѣя за нимъ какъ бы свое продолженіе бурскія колоніи теперешняго Оранжа. Миръ былъ заключенъ. Издана конституція, основаны города и открытъ для торговли прекрасный морской портъ Дурбанъ. Новая голландская республика приняла наименованіе Наталя. Она имѣла право разсчитывать на хорошее будущее и быстрое развитіе.

Англія не признала, однако, Наталя и, ссылаясь на то, что нѣкоторые изъ береговыхъ пунктовъ этой страны были раньше оккупированы англичанами и что сами буры—подданные ея величества королевы Викторіи (уже благополучно правившей остроумнымъ Альбіономъ), англичане въ 1843 году высадили значительный дессантъ и ввели въ портъ Дурбанъ значительную эскадру, требуя покорности. Буры не сопротивлялись, а забравъ семьи и пожитки снова перешли Дракенбергъ и основали двѣ республики на западномъ подножіи хребта. Такъ основались Оранжъ и Трансвааль. Сначала англичане двинули войско и сюда и даже нанесли бурамъ пораженіе въ 1848 году. Однако, ожесточенныя войны съ каффрами побудили англичанъ искать добрыхъ отношеній съ бурами. Вслѣдствіе этого независимость Трансвааля была признана англичанами въ 1852 году; независимость Оранжа—въ 1854 году. Съ тѣхъ поръ, однако, сильно измѣнилось положеніе вещей. Англичане давно покорили Каффрарію, недавно и страна зулусовъ присоединена къ Наталю, превратившемуся въ цвѣтущую англійскую колонію. Вокругъ обѣихъ республикъ Англія раскинула сѣть своихъ владѣній и интересовъ и голландцамъ Оранжа и Трансвааля все труднѣе и труднѣе отстаивать свою обособленность.

Исторія Оранжа есть исторія мирнаго пастушескаго народа, тщательно избѣгающаго всякихъ столкновеній и усиленно культивирующаго добрыя сосѣдскія отношенія со всѣми окрестными

народами. Первый президентъ республики Брандъ, правившій Оранжемъ до 1888 г., за такую политику даже сталъ persona grata англійскаго правительства и получилъ отъ королевы титулъ баронета. Такъ же благоразумно, осторожно и политично велъ себя и Рейцъ, второй президентъ Оранжа. Тѣмъ не менѣе и эта миролюбивая республика пережила нѣкоторыя испытанія, аналогичныя нынѣшнимъ испытаніямъ Трансвааля. «Оранжевая республика, говоритъ проф. Сиверсъ (Allgemeine Landeskunde. Afrika), имѣетъ удовлетворительно опредѣленныя границы: на сѣверѣ—Вааль, на югѣ—Оранжевая рѣка, а выше (восточнѣе) ея притокъ Каледонъ до пика Монтъ-о-Саурсисъ въ Дракенберговомъ хребтѣ; отсюда восточною границею является водораздѣльная линія между рѣками бассейна Индійскаго океана и бассейномъ Вааля вплоть до истоковъ рѣки Клипа и внизъ по его теченію до впаденія въ Вааль. Западная граница Оранжа раньше простиралась ниже по теченію Оранжевой рѣки, включая нынѣ англійскіе округа Кимберлей и Гербертъ, но въ 1871 году, послѣ открытія здѣсь мѣсторожденій алмаза, Англія подъ ничтожнымъ предлогомъ сочла для себя полезнымъ завладѣть этою территоріей». Произошло это завладѣніе слѣдующимъ образомъ. Одинъ буръ Кимберлейскаго округа, по имени Ван-Никеркъ, имѣвшій свою ферму около городка Гопетоуна, какъ-то обратилъ вниманіе на прозрачные кристалы, которыми играли дѣти его сосѣда. Одинъ изъ этихъ кристаловъ былъ поднесенъ ему въ даръ. Кристалъ былъ проданъ въ Европѣ за 500 ф. ст. (около 5,000 р. кр.). Ван-Никерку удалось вслѣдъ затѣмъ пріобрѣсти у готтентотскаго князька Гриколанда другой громадный кристалъ за 500 овецъ, 12 быковъ и 2 лошади (всего на сумму около 270 ф. ст. или 2,700 р. кр.). Это былъ знаменитый брильянтъ «Звѣзда Африки», вѣсившій послѣ шлифовки $42^1/_2$ карата. Онъ былъ проданъ за 11,000 ф. ст. (110,000 р. кр.). Вскорѣ послѣ того англійскіе офицеры, проѣзжавшіе черезъ Гриквалендъ, пріобрѣли тоже за безцѣнокъ сорокъ алмазовъ разной величины цѣнностью свыше полутораста тысячъ рублей. Это вызвало громадный наплывъ искателей и авантюристовъ, сначала искавшихъ алмазовъ въ пескахъ Вааля, но геологическія изысканія скоро открыли ихъ въ каменныхъ породахъ и явилась возможность организовать правильную добычу. Въ два-три года маленькій поселокъ Кимберлей превратился въ городъ съ 20 тыс. населенія. Въ это-то время князьки Гриколанда, мелкаго готтентотскаго племени, населявшаго эти печальныя степи до прихода буровъ, предъявили черезъ англичанъ притязаніе на Кимберлейскій округъ, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ англійское подданство. Несомнѣнно, гриквы обитали здѣсь раньше буровъ и несомнѣнно разныя племена ихъ соплеменниковъ готтентотовъ обитали и въ Капландѣ, и въ Оранжѣ, и въ Трансваалѣ раньше англичанъ и буровъ. Князья гриквовъ имѣли на Гриколандъ такія же права,

какъ зулусы—на Наталь, багуты — на Оранжъ, бечуаны — на Трансвааль и т. д. Требуя, чтобы буры вернули Кимберлей гриквамъ, англичане должны бы начать съ возвращенія всѣхъ своихъ африканскихъ владѣній туземцамъ. Принимая же гриковъ въ англійское подданство, хотя они обитали на территоріи Оранжа, англичане нарушили договоръ, по которому они признали Оранжъ независимымъ. Однако, въ октябрѣ 1871 г. они объявили Оранжу, что Гриколандъ возвращается его законнымъ владѣльцамъ, туземцамъ, подданнымъ Англіи, послѣ чего оккупировали всю алмазоносную территорію. Уплативъ князьямъ гриковъ 90 тыс. ф. англичане добились ихъ отреченія и присоединили Гриколандъ къ Капландіи. Новымъ договоромъ съ Оранжемъ была установлена новая точная граница. Вскорѣ, однако, и внутри этой новой границы въ Оранжѣ были обнаружены мѣсторожденія алмазовъ, хотя и не столь богатыя, какъ въ Гриколандѣ. Оранжъ покорился силѣ, но съ тѣхъ поръ содержитъ небольшое постоянное войско, кромѣ милиціи, и ищетъ сближенія съ Трансваалемъ. Это не спасло послѣдній отъ англійскаго нашествія въ 1877 году.

Историческая жизнь Трансвааля шла далеко не такъ мирно и гладко, какъ Оранжа. Окончивъ раньше Оранжа войну съ Англіей за освобожденіе (въ 1852 г.), трансваальскіе буры должны были еще долго вести малую войну съ матабеллами и бечуанами, предъявлявшими свои права на территорію, занятую республикой. Только рядомъ жестокихъ пораженій своихъ туземныхъ враговъ добилась республика мира и спокойствія. Еще больше этихъ войнъ волновала республику борьба партій, иногда обострявшаяся почти до междоусобія. Однимъ изъ такихъ моментовъ внутренней распри воспользовалась Англія. 13 апрѣля 1877 года сэръ Теофилъ Шепстонъ, англійскій губернаторъ Капской колоніи, объявилъ независимость Трансвааля упраздненною, а его территорію присоединенною къ короннымъ владѣніямъ ея величества королевы. Англійскія войска заняли страну, но буры отвѣтили общимъ единодушнымъ возстаніемъ, забывъ всѣ партійныя распри. Война длилась долго, англичане потерпѣли два пораженія и въ 1881 году снова признали независимость Трансвааля, установивъ лишь контроль за его внѣшними сношеніями. Въ договорѣ отъ 27 февраля 1884 г. это ограниченіе было смягчено и переизложено въ такой редакціи, что не только президентъ Крюгеръ, но и правительства Германіи, Франціи, Голландіи и Португаліи признаютъ полную независимость республики и считаютъ правомѣрными непосредственныя сношенія съ ея правительствомъ безъ посредничества англичанъ.

Въ 1882 году нѣмцы высадились въ Ангро-Пекенѣ. Это было событіе, значеніе котораго не могли не оцѣнить англичане. Основаніе вышеупомянутой третьей бурской республики въ бассейнѣ Нгами показывало, что голландская колонизація идетъ на встрѣчу герман-

ской. Республика Фрейбургъ (или Стелалендъ) основана была въ 1883 году. Годомъ раньше ея, маленькая голландская республика была основана въ томъ же бассейнѣ Нгами, сѣвернѣе, на границахъ нынѣшней Родезіи. Она называлась Гузенъ. Обѣ онѣ были захвачены англичанами въ 1885 году, о чемъ уже было упомянуто выше. Рядомъ съ этимъ движеніемъ къ Атлантическому океану, буры не переставали стремиться и къ Индійскому. Партія буровъ перешла въ 1884 году Дракенбергъ сѣвернѣе тогдашней границы Наталя и южнѣе независимаго тогда зулусскаго государства Свази. Буры подчинили себѣ племя динизулусовъ и основали новую независимую республику. Англія, однако, ее не признала и въ 1887 г. присоединила къ Наталю, за исключеніемъ небольшой части въ горахъ Дракенберга, которая поспѣшила добровольно присоединиться къ Трансваалю. Отъ моря буры были во всякомъ случаѣ отодвинуты. Самъ Трансвааль тоже не однажды пытался проникнуть къ морю. Сначала послѣ горестныхъ и раззорительныхъ попытокъ основать колонію въ Наталѣ буры долго воздерживались отъ новыхъ попытокъ, но въ 1874 году, спускаясь по теченію Лимпопо, они вышли къ бухтѣ Делагоа. На сѣверномъ берегу обширнаго залива были португальскія владѣнія; южный былъ никѣмъ не занятъ. Намѣреніе здѣсь основаться встрѣтило, однако, сопротивленіе со стороны Англіи, которая предъявила права на весь берегъ до португальской границы. Если бы въ дѣло не была замѣшана Португалія, англичане, вѣроятно, поступили бы такъ же, какъ въ 1843 году съ занятіемъ Наталя, въ 1871 году съ завладѣніемъ Гриколандомъ, въ 1877 г.—съ самымъ Трансваалемъ, въ 1885 г.—съ республиками Фрейбурга и Гузена, въ 1887 г.—съ береговою республикою въ Зулуландѣ. Предъявленіе своихъ правъ Португаліей побудило Англію передать дѣло третейскому суду. Маршалъ Макъ-Магонъ, тогда президентъ французской республики, былъ избранъ судьей. Онъ рѣшилъ споръ въ пользу Португаліи. Трансвааль лишился быть можетъ единственнаго случая пріобрѣсти бухту, такъ какъ не признать рѣшенія третейскаго суда было бы невозможно. Это рѣшеніе французскаго маршала состоялось въ 1875 году. Не раньше, какъ черезъ двадцать лѣтъ трансваальское правительство возобновило попытку пріобрѣсти морской берегъ.

Къ началу 1895 года уже вся страна зулусовъ, кромѣ небольшого княжества Свази, была присоединена къ Англіи. Это княжество, самое сѣверное, пограничное португальскимъ владѣніямъ въ Делагоа, успѣло сохранить независимость. Оно имѣло нѣкоторую линію морского берега, а въ глубь страны опиралось на Дракенбергъ, его отдѣлявшій отъ бурской республики. Съ шестидесятитысячнымъ каффрскимъ населеніемъ, Свази имѣло уже около полутора тысячъ бѣлыхъ, преимущественно трансваальскихъ буровъ, раскинувшихъ тутъ свои плантаціи. Дружескія отношенія съ этими бѣлыми колонистами ихъ земли и опасенія Англіи, покорившей всѣ

остальныя зулусскія владѣнія, побудили свази-зулусовъ войти добровольно въ составъ Трансваальской республики. Договоръ былъ подписанъ въ февралѣ 1895 года. Онъ былъ большимъ сюрпризомъ для Англіи. Трансвааль получилъ морское побережье и тѣмъ не только себѣ, но и Оранжу пріобрѣталъ дѣйствительную независимость. Либеральное министерство гр. Розберри, тогда бывшее у власти, немедленно распорядилось занять прибрежные пункты Умбегессу и Замбоанъ, признавъ остальную страну присоединенною къ Трансваалю и мотивируя занятіе прибрежной полосы просьбою населенія, будто бы опасавшагося власти буровъ. Интересы англійской торговли, уже утвердившейся въ этихъ пунктахъ, тоже были упомянуты. Трансвааль опять былъ отрѣзанъ отъ моря и на этотъ разъ окончательно, такъ какъ занятіемъ Умбегессы англичане сомкнули свою береговую линію съ португальскою. Президентъ Крюгеръ пробовалъ было просить консервативное министерство, скоро смѣнившее кабинетъ гр. Розберри, пересмотрѣть это дѣло, но получилъ отказъ. Чемберленъ телеграммою на имя губернатора Наталя категорически подтвердилъ распоряженіе павшаго кабинета. Оглядываясь теперь на эту длинную исторію англо-трансваальскихъ отношеній, съ 1833 по 1895 гг., въ теченіе болѣе, нежели шестидесяти лѣтъ, нельзя ожидать развитія добрыхъ чувствъ между добрыми сосѣдями. На этой почвѣ легко могъ возникнуть кризисъ, даже если бы его не осложнили до-нельзя и вновь возникшіе интересы Родезіи, и событія, связанныя съ открытіемъ минеральныхъ богатствъ въ южномъ Трансваалѣ. Къ современному положенію дѣйствующихъ историческихъ силъ на южно-африканской территоріи и къ ходу современнаго кризиса мы и перейдемъ теперь.

IV.

Главную державу Южной Африки представляетъ, конечно, Капландія. Съ общею численностью населенія до милліона восьмисотъ тысячъ человѣкъ, Капландія (по переписи 1894 г.) считаетъ на своей территоріи 380 тыс. бѣлыхъ. Въ числѣ бѣлыхъ считается переселенцевъ изъ Англіи около 40 тыс. душъ, изъ Германіи—$6^1/_2$ тыс.. евреевъ (б. ч. изъ Россіи) — 3 тыс. Остальные около 330 тыс. мѣстные уроженцы голландскаго и англійскаго языка. По исповѣданіямъ оказывается реформатовъ—41%, англиканцевъ и мелкихъ сектъ — 38%, методистовъ — 13%, католиковъ и лютеранъ—9%. Голландцы исключительно реформаты, англичане—англикане и мелкія секты, американцы преимущественно методисты, нѣмцы—лютеране и большинство католиковъ. Эта статистика показываетъ, что голландцы вмѣстѣ съ европейскими колонистами не англійскаго языка составляютъ ровно половину христіанскаго населенія, другую половину образуютъ англичане и американцы, дѣйствующіе обыкновенно солидарно. Небольшія группы евреевъ и магометанъ обык-

новенно тоже идутъ за англичанами, господами страны. Англичане вдобавокъ богаче. Естественно, если въ Капскомъ парламентѣ англичане чаще составляютъ большинство, хотя и не всегда. Порою одолѣваютъ и буры, но борьба двухъ національностей не прекращается и внутри самой Капландіи. Въ настоящемъ парламентѣ незначительное большинство принадлежитъ англійской партіи, вслѣдствіе чего и во главѣ министерства стоялъ Сесиль Родесъ, лидеръ этой партіи.

Номинально существуетъ полная равноправность на выборахъ, но высокій избирательный, имущественный цензъ въ связи съ требованіями ценза образовательнаго фактически совершенно устраняетъ цвѣтное населеніе. Избирателей—91 тыс. душъ, т. е. около 5% общаго числа населенія. Управленіе Капландіи совершенно автономно. Довольно значительные англійскіе отряды, содержимые на счетъ колоніи, придаютъ политическій вѣсъ и престижъ Капландіи среди южно-африканскихъ странъ, не знающихъ регулярной арміи.

Совершенно отдѣльно отъ Капландіи, но тоже автономно, организованъ Наталь. Здѣсь въ 1891 году числилось бѣлыхъ—47.645, индусовъ—41,142 и черныхъ—620 тыс. Черные и индусы лишены избирательныхъ правъ. Среди бѣлыхъ очень немного голландцевъ, есть довольно значительный контингентъ нѣмцевъ, американцевъ и евреевъ, численное преобладаніе сохраняютъ англичане. Петиція индусовъ въ 1895 году, поданная въ Лондонѣ о дарованіи имъ правъ, оставлена безъ послѣдствій. Въ интригахъ послѣдняго времени правительство Наталя не принимало, повидимому, участія, если только не ему обязанъ Трансвааль распоряженіемъ о занятіи Умбегессовъ и Замбоана, о чемъ мы недавно упоминали.

Третьей сферой англійскаго господства въ Южной Африкѣ является территорія, переданная по особой парламентской хартіи (charta) торгово-промышленной компаніи. Хартія ей даруетъ право государственной власти: содержать войско, собирать налоги, творить судъ, издавать обязательныя постановленія, вести войну съ туземцами, заключать договоры, пріобрѣтать земли. За эти широкія права, дарованныя ей парламентской charta, компанія и получила наименованіе Chartered Company, т. е., если можно такъ выразиться, «хартованная» компанія. Мы уже знаемъ, что земля Матабеле, Родезія, бассейнъ Нгами и другія территоріи къ сѣверу и западу отъ Трансвааля представляютъ обширную страну, подчиненную администраціи этой могущественной компаніи, попробовавшей на порогѣ XX вѣка воскресить преданія знаменитой Остъ-Индской компаніи. Извѣстно, что премьеръ Капландіи Сесиль Родесъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальникомъ владѣній компаніи. Джемсонъ же былъ назначенный имъ губернаторъ Родезіи. Хартія на Родезію дарована компаніи въ 1889 году; на земли, лежащія внутри материка сѣвернѣе Родезіи вплоть до озеръ Танга-

ника и Ніясса (куда съ востока вышли владѣнія Германіи, а съ запада—бельгійскія)—въ 1891 г.; на бассейнъ озера Нгами и землю бечуановъ (къ западу отъ Трансвааля и къ юго-западу отъ Родезіи) компетенція компаніи распространилась только въ 1895 г. Именно, эта послѣдняя передача дала возможность Джемсону организовать свой набѣгъ на южный Трансвааль. Изъ Родезіи было возможно вторгнуться только въ сѣверный, гдѣ нѣтъ враждебныхъ иностранныхъ элементовъ, гдѣ буры давно на чеку и гдѣ невдалекѣ бухта Делагоа съ возможною помощью иностранцевъ. Правительство Англіи передало, однако, эту территорію компаніи не непосредственно. Особымъ актомъ она включила ее во владѣнія Капландіи, премьеръ которой, Сесиль Родесъ, и поручилъ ее затѣмъ вѣдѣнію администраціи «хартованной» компаніи (иначе говоря, своему собственному вѣдѣнію, но не стѣсненному Капскою конституціею и контролемъ Капскаго парламента съ его сильною голландскою оппозиціей). Безъ этого, вторженіе Джемсона было бы и очень затруднительно, и очень не цѣлесообразно.

Возрожденіе администратирующихъ, правительствующихъ и воюющихъ акціонерныхъ компаній представляется явленіемъ въ высшей степени интереснымъ и достойнымъ, чтобы на немъ остановить нѣкоторое время наше вниманіе. Южно-африканская англійская Chartered Company, возникшая какихъ нибудь шесть лѣтъ тому назадъ и успѣвшая въ этотъ короткій срокъ достигнуть и громадныхъ матерьяльныхъ успѣховъ и значительнаго могущества, въ настоящее время уже не единственное учрежденіе этого рода. Въ англійской Гвинеѣ на такъ называемомъ Золотомъ Берегу возникла аналогическая компанія, которой правительство передало на аналогичныхъ правахъ управленіе Hinterland'омъ, удержавъ въ коронномъ управленіи лишь берега. Въ характерной статьѣ въ концѣ 1895 года Times указываетъ съ большимъ удовлетвореніемъ на плоды этой мѣры. Едва лишь вступила эта компанія въ дѣло, какъ успѣла болѣе, чѣмъ удвоить западно-африканскія британскія владѣнія, доведя ихъ до береговъ озера Чада и отрѣзавъ отъ этого озера французовъ на сѣверѣ и нѣмцевъ на югѣ. «Никогда», патетически восклицаетъ органъ англійскихъ плутократовъ,—«никогда коронная администрація не достигла бы подобнаго результата, потому что она къ тому не побуждается собственными интересами». И потому еще, прибавимъ мы, что коронная администрація разборчивѣе на средства и преслѣдуетъ интересы не отдѣльныхъ лицъ, а интересы страны. По крайней мѣрѣ, она должна держаться этого направленія въ своей дѣятельности. Тѣ же плутократы, которые направляютъ дѣла компаній, подобныхъ южно-африканской и гвинейской въ настоящее время, знаменитой ость-индской столѣтіе тому назадъ, руководствуются единственно побужденіями стяжанія и не останавливаются ни передъ какими средствами. Набѣгъ Джемсона на Трансвааль, подготовленный заправилами компаніи южно-

африканской, и война безъ сраженій съ ашантіями, возбужденная западно-африканской компаніей,—являются одинаково характерными иллюстраціями. Ашантія—даже характернѣе. Она не желала даже сопротивляться, покоряясь требованіямъ англичанъ. Тѣмъ не менѣе война была объявлена и войска прошли безъ хлопотъ черезъ всю страну и заняли безъ сопротивленія Кумесси, столицу этой нѣкогда могущественной негритянской монархіи. Убитыми и раненными потерь нѣтъ, но много потерь отъ злокачественной лихорадки; страна отмстила за свое населеніе. За то «послѣ войны» можно потребовать отъ ашантіевъ совсѣмъ другія условія, чѣмъ такъ, «съ бухты-барахты»... Довольные результатами дѣятельности двухъ хартованныхъ компаній, англичане проэктируютъ учрежденіе и третьей, именно на восточныхъ берегахъ Африки. Здѣсь султанатъ Занзибаръ еще вначалѣ 1895 года владѣлъ на континентѣ (самъ Занзибаръ—островъ съ негро-арабскимъ населеніемъ подъ владычествомъ арабскаго султана и протекторатомъ Англіи) довольно значительною береговою полосою съ удобною гаванью у арабскаго городка Момбасса, подъ 5° с. ш. Весною 1895 года Англія добилась, что занзибарскій султанъ ей уступилъ Момбассу и 1 іюля (19 іюня) въ эту гавань вошло англійское военное судно съ губернаторомъ новой британской колоніи; дессантъ вышелъ на берегъ и торжественно былъ поднятъ британскій флагъ. Hinterland Момбассы—прекрасный тропическій край, довольно хорошо населенный, хорошо орошенный, но самое важное, что за нимъ лежитъ богатая область верховьевъ Нила и большихъ озеръ, куда англичане раньше проникли съ сомалійскаго побережья (сѣвернѣе момбасскаго), но не имѣли сколько нибудь сноснаго сообщенія. Теперь они приступаютъ къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ отъ Момбассы въ Уганду (на берегу озера Ніянза, въ мѣстѣ, гдѣ изъ этого озера вытекаетъ Бѣлый Нилъ) и учреждаютъ новую East African Company, которая, вѣроятно, будетъ достойна своихъ старшихъ сестеръ South African и West African... Англичане взяли иниціативу. За нимъ готовы слѣдовать и другія капиталистическія націи. Германія уже учредила подобную же юго-западно-африканскую компанію (поприще только далеко не то, страна очень печальная, какъ уже было упомянуто). Даже во французской прессѣ обсуждаются аналогичные проэкты... Интересно будетъ увидѣть то вліяніе, которое окажетъ на эти плутократическія затѣи всеобщее негодованіе, вызванное нападеніемъ на Трансвааль со стороны South African Chartered Company, являющейся современнымъ прототипомъ и образцомъ подобныхъ плутократическихъ ассоціацій. Несомнѣнно, что этотъ моральный «факторъ» исторіи, къ огорченію кабинетныхъ доктринеровъ столько же, сколько въ ущербъ практическимъ плутократамъ, имѣетъ свое очень значительное вліяніе на ходъ исторіи, при томъ все болѣе и все болѣе значительное вліяніе. Англичане отступили въ Трансваалѣ не только (и даже не

столько) передъ *политическимъ* факторомъ вмѣшательства Германіи, но и передъ *моральнымъ* факторомъ возбужденнаго плутократическою беззастѣнчивостью нравственнаго чувства, воспитаннаго ростомъ идеаловъ, т. е. развитіемъ *умственнаго* фактора, хотя съ другой стороны этому отступленію могущественно противодѣйствовалъ именно факторъ *экономическій*. Но объ этомъ послѣ, а теперь возвратимся въ нашей South African Chartered Company, ея дѣятельности, ея роли и ея владѣніямъ, какъ одному изъ господствующихъ элементовъ важныхъ событій, разыгравшихся этою зимою и едва не нарушившихъ европейскій миръ.

Обширныя владѣнія южно-африканской хартованной компаніи занимаютъ необозримыя территоріи съ нѣсколькими милліонами чернаго населенія и всего съ тремя сотнями (въ концѣ 1894 года) бѣлаго населенія, для котораго эти тропическія страны неудобны, какъ мѣсто колонизаціи *). Въ этомъ числѣ, какъ я уже упоминалъ, было годъ тому назадъ всего 27 англичанъ. Ясно, эта акціонерная держава не можетъ быть дорога и цѣнна, какъ колонія. Ея голое, дикое и съ ничтожными потребностями населеніе не есть и рынокъ для англійской промышленности и торговли. Чего же здѣсь надобно англичанамъ? Еще до недавняго времени можно было бы съ положительною увѣренностью сказать, что ничего не надобно. Земли эти давно плохо лежатъ. Англичане ихъ не брали и даромъ. Не даромъ теперь взяли. Я уже указалъ въ прошломъ *Дневникѣ* на знаменательную эволюцію, совершающуюся въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Еще недавно эти страны добивались экономическаго господства надъ экономически отсталыми странами чрезъ обращеніе ихъ въ рынки сбыта своей національной промышленности. Тогда капиталы данной экономической передовой страны затрачивались въ національную промышленность и въ союзѣ съ нею подчиняли экономически отсталыя страны. И теперь этотъ методъ не оставленъ, но рядомъ выдвинулся другой. Капиталъ денаціонализуется, разобщается съ національною промышленностью, самъ переселяется въ экономически отсталыя страны и тамъ, сочетаясь съ туземнымъ трудомъ, эксплуатируя туземную природу и туземное населеніе, создаетъ цѣнности, выносимыя на всемірный рынокъ и приносящія барыши, совершенно невѣдомые тому отсталому или патріотическому капиталу, который все еще продолжаетъ упрямо держаться національной промышленности. Для такого мигрирующаго капитала не нужно вовсе, чтобы въ покоряемой имъ области было мѣсто для національной колонизаціи, или рынокъ для сбыта продуктовъ національной промышленности. Ему надобно

*) Исключеніемъ является самая южная окраина Родезіи и бассейнъ Нгами, присоединенный къ владѣніямъ компаніи лишь осенью 1895 года и въ приведенную статистику не включенный. Мы знаемъ, что здѣсь было основано 2 республики, вслѣдствіе чего и теперь здѣсь имѣютъ осѣдлость свыше 5 тыс. бѣлыхъ (буровъ).

только, чтобы здѣсь была возможность добыть или произвести цѣнности дешевле, нежели то можно въ старыхъ мѣстахъ ихъ добыванія и производства. Для національнаго труда здѣсь не открывается никакого поприща, для національной промышленности—никакого сбыта, но для капиталовъ открываются перспективы возвышенныхъ барышей. Чего же еще больше надобно для плутократіи? Обѣ существующія и третья проэктированная Chartered Company и стоятъ твердо на этой почвѣ, и потому то онѣ такъ быстро расширяютъ британскія владѣнія, быстрѣе, нежели это могла бы сдѣлать самая властолюбивая и честолюбивая коронная администрація. И потому то, и сами компаніи, немыслимыя, невозможныя, прямо аномальныя какихъ нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, нынѣ возникаютъ и процвѣтаютъ съ необыкновенною быстротою и силою. А какіе барыши способны пожинать эти денаціонализованные мигрирующіе капиталы, мы наглядно увидимъ на слѣдующей иллюстраціи съ акціями именно отнынѣ исторически знаменитой «South African Charterad Company». 12 іюля (30 іюня) состоялось въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ герцога Аберкорна, общее собраніе акціонеровъ этой компаніи. На новыя надобности компаніи рѣшено было увеличить складочный капиталъ на 500,000 фунтовъ стерлинговъ. Теперь довольно ясно, что это увеличеніе понадобилось частью и для задуманнаго покоренія Трансвааля. Сейчасъ для насъ надо отмѣтить слѣдующее: выпускъ этого огромнаго акціонернаго капитала (12½ милліоновъ франковъ) состоялся по 70 шиллинговъ за фунтъ! Читатели знаютъ, что въ фунтѣ 20 шиллинговъ, не болѣе того... Чтобы за бумагу стоимостью въ 200 шиллинговъ давать 700 шиллинговъ, надо, чтобы эта бумага приносила доходъ даже не столько, сколько обыкновенно приноситъ бумага въ 700 шиллинговъ, а еще гораздо больше, потому что вѣдь погашеніе будетъ разсчитано по 200, а не по 700... Другой примѣръ изъ той же южно-африканской экономической жизни: англійская компанія (кажется даже, что все та же «хартованная») построила желѣзную дорогу изъ Капландіи въ Блумфонтенъ (столицу Оранжа), далѣе въ Іоганесбургъ и Преторію (столицу Трансвааля) и далѣе черезъ бурскую республику въ Родезію. Часть дороги была открыта въ 1894 году, другая часть въ 1895 году. Одновременно съ этимъ нидерландскіе капиталисты, по стараніямъ трансваальскаго правительства, построили желѣзную дорогу изъ Преторіи въ Делагоа. Этой послѣдней дорогѣ, имѣющей крупное политическое значеніе для сохраненія независимости республикой, естественно было оказываемо покровительство республиканскимъ правительствомъ. Установлены были дифференціальные тарифы въ пользу Делагоа-Преторійской линіи, нѣкоторыя стѣсненія для ввоза товаровъ по южной границѣ, черезъ которую входила въ предѣлы Трансвааля англійская дорога. Въ англійской прессѣ раздались негодующіе голоса, требующіе энергическаго вмѣшательства для защиты раззо-

ряемыхъ англичанъ. Англійское правительство вняло этимъ требованіямъ. Правительство Трансвааля уступило. Характерно, что въ томъ же номерѣ Times'а, гдѣ была громовая передовая статья о необходимости вступиться за раззоряемыхъ капиталистовъ, эти капиталисты помѣстили отчетъ о первомъ годѣ эксплуатаціи этой самой трансваальской линіи: дивидендъ вычисленъ круглою цифрою 12%! Въ Англіи капиталъ довольствуется 2%, въ колоніяхъ этотъ самый капиталъ кричитъ о раззорительности, когда ему даютъ только 12%... Нечего больше искать причинъ, почему денаціонализуется капиталъ, и какимъ образомъ въ организаціи «хартованныхъ» компаній онъ нашелъ подходящее орудіе для такой денаціонализаціи, удовлетворяя вмѣстѣ и національному самолюбію англичанъ расширеніемъ ихъ «имперіи» (какъ они все чаще и охотнѣе называютъ свое государство) и укрѣпленіемъ ихъ престижа.

Территорія, находящаяся во владѣніи компаніи, не включая присоединенныхъ въ 1895 году внѣтропическихъ странъ, простирается съ юга на сѣверъ, отъ 8 до 22° юж. ш., т. е. длиною около полуторы тысячъ верстъ, при чемъ имѣетъ ширину по параллели отъ 500 верстъ на сѣверѣ и до 1,200 в. на югѣ, покрывая площадь до милліона кв. в. превосходной, плодородной, отлично орошенной, богатой всевозможными произведеніями тропической природы, климатически здоровой страны съ мирнымъ чернымъ населеніемъ около трехъ милліоновъ душъ. Почва черноземная, атмосферное орошеніе, благодаря муссонамъ, правильное и вполнѣ достаточное; почвенное орошеніе, благодаря окружающимъ горамъ, носящимъ на вершинахъ вѣчные снѣга—обильное; климатъ жаркій, тропическій, но, благодаря значительной абсолютной высотѣ, умѣряющему вліянію горъ, не знойный, не сырой, здоровый. Индиго, растеніе, знаменитое своею дорогою синею краскою, дико произрастаетъ въ изобиліи; обслѣдованіе и опыты убѣдили, что страна какъ бы самою природою предназначена для разведенія кофе и хинина; на возвышенныхъ мѣстахъ отлично удался чай; въ болѣе жаркихъ сѣверныхъ округахъ культура уже ввезеннаго сюда сахарнаго тростника обѣщаетъ громадные барыши; дорогія пряности удаются на всемъ протяженіи страны; лѣса изобилуютъ дорогими породами деревьевъ... Не можетъ быть сомнѣнія, что умѣлая эксплуатація этой роскошной и обильной природы должна принести громадныя прибыли и завладѣніе этой территоріей со стороны компаніи совершенно понятно и естественно. Сначала вопросъ былъ въ трудѣ, который въ союзѣ съ природою долженъ дать эти барыши капиталу. Мѣстнаго населенія, во-первыхъ, мало, всего около трехъ душъ на квадратную версту; во-вторыхъ, оно не пріучено къ труду, будучи большею частью скотоводами или охотниками, изрѣдка садоводами; въ-третьихъ, гуманныя воззрѣнія вѣка предписали англійскому правительству включить въ хартію компаніи гарантію свободы и самоуправленія туземныхъ племенъ и

воспрещеніе продавать туземцамъ спиртные напитки. Надо было искать другія рабочія руки. Chartered Company ихъ нашла въ Индіи, откуда въ настоящее время темнокожіе тамилы и малабары законтрактовываются и вывозятся въ Африку. Эти мирныя, трудолюбивыя и культуро-способныя племена Южной Индіи вполнѣ приспособлены для заселенія тропической Африки и могутъ явиться именно тѣмъ трудомъ, который, вмѣстѣ съ богатою природою, дастъ акціонерамъ Chartered Company тѣ громадные дивиденды, на которые не только въ Европѣ, но и въ Азіи, Америкѣ и Австраліи разсчитывать затруднительно. Они уже и даютъ эти дивиденды. Иначе лондонская биржа не котировала бы акціи компаніи по цѣнѣ, въ три съ половиною раза превышающей первоначальную выпускную, а нынѣ номинальную.

Эти и безъ того громадныя, по истинѣ золотоносныя перспективы акціонеровъ хартованной компаніи въ послѣднее время усугубились открытіемъ въ августѣ 1895 года богатаго мѣсторожденія золота въ Родезіи около туземнаго городка Булувайо. Тамъ же открыты и алмазы. Все это дѣлаетъ тропическія владѣнія компаніи буквально драгоцѣнными и ихъ то отрѣзываетъ и отъ моря и отъ другихъ англійскихъ колоній эта непокорная трансваальская республика буровъ, потому что установить правильную связь (т. е. выстроить желѣзную дорогу) Родезіи и Капландіи черезъ Нгами и Калахари можно лишь въ крайности, отчаявшись связать ихъ черезъ Трансвааль и Оранжъ. Не мудрено, что могущественная компанія пожелала раздавить упрямо цѣпляющихся за свою свободу и независимость буровъ, политически и экономически живущихъ еще едва-ли не въ XVII в.

Современное внутреннее состояніе Оранжа и Трансвааля вкратцѣ можно охарактеризовать слѣдующими чертами. Территорію, исторію, границы этихъ двухъ небольшихъ, но по истинѣ доблестныхъ республикъ далекаго юга мы уже знаемъ. Дополнимъ нѣкоторыми статистическими, экономическими и политическими данными послѣдняго времени *):

Статистика населенія для 1894 года даетъ цифры:

	Оранжъ.	Трансвааль.	Всего.
Бѣлыхъ	77,716	119,128	196,844
Черныхъ	129,787	370,148	499,935
	207,503	489,276	696,779

*) Источники:—Реклю, Сиверсъ (уже цит. соч.), Statesman's Yearbook (1895.), Mulhall Dictionnery of statistics, Encyclopedia Britanica, Times за 1895 годъ.

Бѣлыхъ *):			
Буровъ	95,8%	79,2%	86,8%
Англичанъ. . . .	1,9 »	7,6 »	5,0 »
Американцевъ . .	1,0 »	4,3 »	2,9 »
Нѣмцевъ и француз.	1,1 »	6,5 »	4,0 »
Евреевъ	0,2 »	2,4 »	1,3 »
	100,0%	100,0%	100,0%

Милиціонеровъ, которыхъ республики могутъ призвать къ оружію (исключительно буровъ), Оранжъ имѣетъ 17,381, Трансвааль—23,923 комбатантовъ, всего=41,304. Обѣ республики имѣютъ по одной организованной баттареѣ, содержимой и въ мирное время. Оранжъ обладаетъ еще и артиллерійскимъ резервомъ; содержитъ и небольшіе кадры; укрѣпленій до набѣга Джемсона не было.

Черное населеніе состоитъ изъ готтентотовъ, басутосовъ, бечуановъ и зулусовъ. Эти послѣдніе годы въ Трансвааль вселилось не мало цвѣтного населенія изъ Индіи. Зулусы Свазиланда, добровольно присоединившіеся въ 1895 году, выставляютъ по договору вспомогательный контингентъ въ 12 тыс. воиновъ.

Мы уже знаемъ о томъ первостепенномъ значеніи, которое имѣютъ бурскія республики для South African Chartered Company, какъ единственное удобное, дешевое и выгодное сообщеніе съ Родезіей. Другою приманкою для компанейской плутократіи служитъ золото въ Трансваалѣ и алмазы — въ Оранжѣ. Мы уже знаемъ, какъ въ западныхъ округахъ Оранжа были открыты алмазы и какимъ способомъ англичане оттягали отъ буровъ Оранжа два алмазныхъ округа Кимберлей и Гербертъ на среднемъ теченіи Оранжевой рѣки, образовавъ здѣсь новую англійскую колонію Гриколандъ, нынѣ включенную въ составъ Капландіи. Буры покорились, но новую границу опредѣлили точнымъ договоромъ съ Англіей. Вскорѣ и въ новыхъ своихъ съуженныхъ предѣлахъ буры нашли алмазы. Мѣсторожденіе — менѣе богато, но, повидимому, обѣщаетъ развитіе, тогда какъ захваченное англичанами, кажется, истощается. Вотъ параллельныя данныя для добычи алмазовъ въ Гриколандѣ и въ Оранжѣ (въ фунтахъ стерлингахъ):

	Гриколандъ.	Оранжъ.
1889 годъ	4.315,137	0
1890 »	4.162,010	0
1891 »	4.174,208	223,960
1892 »	3.906,942	252,551
1893 »	3.821,443	414,179

*) Реформаты приняты бурами, англиканцы и мелкія секты—англичанами, методисты—американцами, лютеране—нѣмцами, католики—нѣмцами и французами. Свѣдѣнія по Стэтсману для 1894 г.

Не мудрено, если англичане начали заглядываться на вновь открываемыя богатства Оранжа, который, однако, можетъ сохранять свою самостоятельность лишь до тѣхъ поръ, покуда сохраняетъ ее и Трансвааль. Ключъ положенія — въ свободѣ или подчиненія послѣдняго.

Въ Южномъ Трансваалѣ золото было открыто въ 1886 году, именно въ холмистой цѣпи, отдѣляющей высокую террасу бассейна р. Лимпопо отъ болѣе низкой равнины верхняго бассейна р. Оранжевой. Начавшаяся разработка начала привлекать иностранцевъ и создавать новое положеніе вещей въ этой захолустной странѣ, лежавшей въ сторонѣ отъ большой дороги всемірной исторіи. Покуда это была разработка розсыпей, дѣло еще не принимало угрожающаго прежнему строю характера, но когда было открыто въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ золото въ коренныхъ породахъ и притомъ въ баснословно богатомъ содержаніи, развитіе золотого дѣла начало быстро прогрессировать и превращать скромную забытую республику въ искомое Эльдорадо. Въ 1891 году золота было добыто на сумму около 3 милліоновъ фунтовъ, а въ 1893 году уже ровно вдвое. За первые восемь мѣсяцевъ 1894 года въ одномъ округѣ Ранда (около Іоганесбурга), обыкновенно доставляющаго около половины всей добычи, было извлечено золота безъ малаго 5 милліоновъ фунтовъ, что дѣлаетъ всю годичную добычу, вѣроятно, около 15 милліоновъ ф. ст. (375 милліоновъ франковъ, около 150 мил. рублей кред.). Этотъ необычайно быстрый ростъ добычи распространилъ даже преувеличенные слухи, и европейскіе, американскіе, индѣйскіе авантюристы всѣхъ племенъ и вѣроисповѣданій хлынули въ Трансвааль. Отношеніе элементовъ населенія, приведенное выше для 1894 года, за какой нибудь годъ сильно измѣнилось. Не-голландское бѣлое населеніе, составлявшее въ 1894 г. около 20% всего бѣлаго населенія, въ теченіе 1895 года сильно возросло, по утвержденію англійскихъ газетъ даже переросло численность буровъ. Для этого, впрочемъ, нѣтъ покуда точныхъ данныхъ, не говоря о томъ, что англичане зачисляютъ въ это новое бѣлое населеніе и цвѣтныхъ индусовъ, и буровъ Капландіи, и даже гражданъ Оранжа. Исчисленія эти дѣлаются съ цѣлью доказать, что буры составляютъ уже меньшинство страны и не имѣютъ права считаться хозяевами ея. Подъ предлогомъ помощи новоселамъ (уитлендерамъ) и было предпринято нападеніе Джемсона.

Надо знать, что конституція страны, очень похожая на конституцію Капландіи и Наталя, имѣетъ одну особенность. Она раздѣляетъ всѣхъ жителей на двѣ категоріи: старыхъ или коренныхъ гражданъ и новыхъ. Первыми считаются: 1) всѣ фамиліи, состоявшія въ трансваальскомъ гражданствѣ до англійскаго насильственнаго захвата въ 1877 году (во время котораго вселилось не мало пособниковъ этого насилія); 2) всѣ, хотя бы и не состоявшіе тогда въ гражданствѣ, но принявшіе участіе въ войнѣ 1881 года

за освобожденіе, и 3) тѣ, которые будутъ приняты въ гражданство постановленіемъ верхней палаты парламента. Эта верхняя палата избирается одною первою категоріей гражданъ, которая выбираетъ и президента. Вторая палата избирается обѣими категоріями гражданъ, причемъ для вступленія во вторую категорію достаточно прожить въ странѣ два года и изъявить желаніе получить натурализацію. Если мы вспомнимъ, что рѣшительно во всѣхъ европейскихъ государствахъ вообще всякая натурализація поставлена въ зависимость отъ согласія правительства страны, то не увидимъ ничего чудовищнаго въ этихъ постановленіяхъ, гораздо шире допускающихъ натурализацію. Тѣмъ не менѣе, именно эти постановленія возбуждаютъ постоянное негодованіе англійской прессы; ради ихъ ниспроверженія образовался извѣстный іоганесбургскій «комитетъ реформъ»; это же ниспроверженіе было выставлено предлогомъ Джемсоновскаго вторженія; этой же отмѣны потребовалъ Чемберленъ въ своей телеграммѣ президенту Крюгеру.

Въ началѣ 1895 года въ министерство Трансвааля вступилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ нѣкто Эсселенъ, англичанинъ по происхожденію и симпатіямъ, но вполнѣ натурализованный за свое долговременное пребываніе и недюжинныя способности. Въ виду наплыва сомнительныхъ элементовъ въ золотоносные округа и вытекающей отсюда необходимости учредить полицію, которой въ первыя 60 лѣтъ существованія республики вовсе не существовало, Эсселенъ пригласилъ изъ Капландіи англійскаго полицейскаго офицера Тримбля и поручилъ ему организацію конной и пѣшей жандармеріи. Тримбль энергично взялся за дѣло. Сейки и другіе воинственные племена индусовъ, отчасти-же каффры изъ англійскихъ владѣній составили корпусъ нижнихъ чиновъ, тогда какъ офицеры и унтеръ-офицеры были приглашаемы исключительно англичане. Президентъ Крюгеръ скоро обратилъ вниманіе на эту организацію и вооруженіе англійскаго войска на территоріи и на счетъ республики, которая сама постояннаго войска не содержитъ. Министерство уволило Тримбля и его англійскихъ помощниковъ. Въ это же время правительство уволило и англійскихъ горныхъ инспекторовъ, назначенныхъ Эсселеномъ, и замѣнило ихъ приглашенными изъ Нидерландовъ. Англійскіе инспектора систематически возбуждали горныхъ золотоискателей противъ буровъ. Всѣ эти обнаружившіеся факты вынудили Эсселена выйти въ отставку и стать во главѣ уитлендерской оппозиціи противъ правительства. Предсѣдатель комитета реформъ, Эсселенъ совѣщался въ августѣ (какъ сообщалъ «Times») съ Джемсономъ о положеніи дѣлъ. Джемсонъ въ это время проѣзжалъ черезъ Трансвааль къ мѣсту своего губернаторства, въ Родезію. Незадолго передъ этимъ состоялось уже упомянутое увеличеніе капитала Chartered Company на 500 мил. ф.; вскорѣ послѣ этого начали появляться въ «Times'ѣ» отрывочныя свѣдѣнія объ организаціи въ Родезіи военныхъ силъ; былъ присое-

диненъ къ Родезіи округъ Нгами; въ декабрѣ Джемсонъ вторгся въ Трансвааль. Таковы факты, приведшіе къ этимъ событіямъ, которыя слишкомъ недавно произошли и слишкомъ большую извѣстность пріобрѣли, чтобы ихъ повторять. Они являются и горестною и радостною иллюстраціей современнаго историческаго положенія.

Горестная иллюстрація они потому, что обнаруживаютъ и все опасное могущество и всю беззастѣнчивость современной плутократіи. Они потому, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ и радостная иллюстрація, доказывая, что человѣчество носитъ въ своемъ самосознаніи и въ своей культурѣ силы, способныя отмѣнять проявленія этого беззастѣнчиваго могущества плутократіи. Въ этомъ поучительность проанализированнаго нами историческаго эпизода, очень детально и наглядно обнажившаго скрытыя теченія исторической современности.

С. Южаковъ.

Сельско-хозяйственный кризисъ и продовольственная нужда въ Псковской губерніи.

(Письмо изъ Пскова).

Однимъ изъ центральныхъ вопросовъ минувшей сессіи псковскаго очереднаго губернскаго земскаго собранія (7—18 декабря) былъ вопросъ объ обезпеченіи населенія хлѣбомъ на продовольствіе и работой, чтобы занять огромное количество свободныхъ рабочихъ рукъ и чтобы доставить населенію возможность получить нѣкоторый добавокъ къ ссудному пайку. Около этихъ вопросовъ группируются, можно сказать, всѣ болѣе или менѣе серьезные доклады губернской управы, какъ-то: объ открытіи чрезвычайнаго кредита на пріобрѣтеніе 1.600,000 пудовъ хлѣба на продовольствіе населенія до новаго урожая 1896 года, о немедленномъ проведеніи въ нѣсколькихъ направленіяхъ желѣзныхъ дорогъ по губерніи, съ цѣлью возможно скорѣе доставить заработокъ населенію, объ осушеніи болотъ, объ организаціи текущей статистики, съ цѣлью выясненія послѣдствій переживаемаго кризиса, объ открытіи кредита на текущія нужды земства, ввиду полной безнадежности какихъ либо поступленій земскихъ сборовъ въ предстоящемъ году, и т. д. Постоянныя упоминанія въ докладахъ и рѣчахъ гласныхъ о недородѣ, кризисѣ, голодѣ, задол-

женности, недоимкахъ, безработицѣ, экономія и урѣзки въ смѣтахъ—все это указывало на тяжесть переживаемаго положенія. Нѣчто похоронное носилось въ воздухѣ, и удивительно какъ до сихъ поръ, кромѣ мелкихъ отрывочныхъ извѣстій, въ нашей періодической прессѣ не появлялось ничего, что могло-бы хоть сколько нибудь познакомить русское общество съ дѣйствительной нуждой, которая въ послѣдніе два года гнететъ губернію.

Предъ нами печатная книжка докладовъ губернской управы минувшему очередному губернскому собранію. Данныя, приводимыя въ этой книжкѣ, мы, главнымъ образомъ, и думаемъ положить въ основаніе характеристики существующей въ губерніи нужды. Предварительно, однако, будетъ нелишне сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія общаго характера. Псковская губернія, хотя и не обладаетъ особенно завидной почвой, тѣмъ не менѣе это одна изъ земледѣльческихъ губерній въ Россіи. Если не считать ничтожныхъ зимнихъ заработковъ въ лѣсныхъ частяхъ губерніи, незначительнаго спорадическаго отхода въ Петербургъ и рыболовства въ пріозерной части,—то безъ преувеличенія можно сказать, что вся губернія живетъ отъ земледѣлія. Такой, можно сказать, необычный для Россіи порядокъ сложился, благодаря выгодности одной изъ коренныхъ отраслей псковскаго земледѣлія—льноводства. Выгодно реализируя ленъ, крестьянинъ въ прежніе годы могъ покрывать этимъ недочетъ къ продовольственномъ хлѣбѣ и платить повинности. И теперь еще, въ тяжелые годы экономическаго упадка, сплошь и рядомъ можно встрѣтить семью въ 15—16 человѣкъ, съ 5—6 взрослыми рабочими, изъ которыхъ никто и никогда не ходилъ на сторонніе заработки.

Съ точки зрѣнія жителя средней земледѣльческой полосы Россіи явленіе это можетъ представиться чистѣйшимъ абсурдомъ, а между тѣмъ здѣсь оно находитъ себѣ сравнительно простое объясненіе: во первыхъ самая техника обработки льна такова, что она требуетъ участія мужской рабочей силы почти до половины зимы, а во-вторыхъ и земледѣліе въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ представлялось настолько устойчивымъ и сноснымъ источникомъ дохода, что для исконнаго земледѣльца не могло быть особенно соблазнительнымъ отрываться отъ очага для исканія случайныхъ сторонихъ заработковъ, для которыхъ онъ могъ принести не профессіональныя знанія и умѣнья, а лишь одну физическую силу. Здѣсь крестьянинъ прежде всего старается округлить свою запашку, хотя-бы путемъ чудовищно-дорогой аренды и возможно большее количество запашки отвести подъ ленъ. Не смущаясь онъ бралъ въ аренду землю даже по 80—100 руб. за десятину, такъ какъ при цѣнахъ на ленъ въ 55—60 руб. за берковецъ, можно было считать и такую аренду небездоходной. Правда, какъ аренда ни выгодна, а съ своей земли, за которую если и платится, то во всякомъ случаѣ значительно меньше, еще соблазнительнѣе полу-

чить возможно большее количество льна,—и вотъ на надѣльныхъ земляхъ засѣвается льномъ всякій, хоть сколько нибудь подходящій клочокъ, безъ соблюденія какихъ-бы то ни было требованій правильнаго хозяйства. Ниже мы увидимъ, по скольку это «нераціональное» отношеніе къ землѣ псковскаго крестьянина можно поставить ему въ вину, — но какъ бы то ни было, эта широкая утилизація земель подъ ленъ и была одной изъ ближайшихъ причинъ переживаемаго теперь кризиса. Въ крестьянскомъ трехполѣ явилось «льноутомленіе». Урожаи уменьшились, хотя въ благопріятные по метеорологическимъ условіямъ годы и при высокихъ цѣнахъ на ленъ это общее паденіе земельнаго дохода еще не давало себя сильно чувствовать. Такъ было до 1894 года, принесшаго всей Россіи крайне дождливое лѣто. Для псковской губерніи этотъ годъ оказался особенно сырымъ — посѣвы льна погибли и продовольственные хлѣба уродились плохо. За недородомъ послѣдовало паденіе цѣнъ на ленъ. Это и было началомъ того періода, когда заговорили о нуждѣ, о необходимости земской и правительственной помощи и проч.

На первыхъ порахъ, правда, вѣрили этому плохо, говорили— «мужикъ извернется, ссуды баловство, ссуды развращаютъ». Тѣмъ не менѣе, извѣстія, приносимыя со всѣхъ концовъ губерніи, рисуютъ слѣдующую картину положенія населенія въ прошлую (1894—95 г.) зиму: платежи по частнымъ займамъ и окладнымъ сборамъ пріостановлены; свой хлѣбъ съѣденъ въ большинствѣ случаевъ до ноября; начали продавать скотъ для покупки хлѣба; многіе продаютъ послѣднюю лошадь, корову, постройки и даже земледѣльческія орудія—сохи и бороны; цѣны на скотъ пали въ 3—4 раза. Уменьшеніе скота усилилось падежами отъ безкормицы и плохого корма; такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передохло до 80% овецъ отъ плохого сѣна, перегнившаго отъ дождей и «намойнаго». Мѣстные заработки пали вслѣдствіе огромной конкурренціи. Около Псковскаго озера, напримѣръ, гдѣ развито рыболовство и сѣтковязанье, на рыбной ловлѣ 2 человѣка съ лошадью зарабатывали въ недѣлю $1^1/_2$—3 рубля, а опытный вязокъ сѣтей выручалъ не болѣе 10 коп. въ день. Огромныя толпы ринулись въ Петербургъ искать заработка, но непривычный псковичъ не нашелъ тамъ работы и такими же толпами возвращался обратно. Во многихъ мѣстностяхъ усилились пожары, зловѣще объясняемые то тамъ, то сямъ умышленными поджогами съ цѣлію полученія страхового вознагражденія (такіе толки держатся и до сихъ поръ, напримѣръ, въ туровецкой волости островскаго уѣзда). Въ такомъ положеніи экономическаго упадка и безхлѣбицы очутилось населеніе къ послѣднимъ числамъ марта прошлаго 1895 года, когда, послѣ тяжелыхъ потугъ, появилась первая продовольственная помощь, ввидѣ земской ссуды по $1^1/_2$—2 пуда хлѣба на ѣдока до новаго урожая. Говорятъ, что даже и отъ этихъ крохъ народъ повесе-

лѣлъ и съ наступленіемъ весны бодро взялся за соху, тогда какъ при совершенномъ отсутствіи помощи, по словамъ деревенскихъ жителей, были-бы неизбѣжны случаи голодной смерти.

Весна 1895 года, однако, готовила псковскому земледѣльцу новое испытаніе: озими, посѣянныя съ осени въ мокрую землю, не взошли, пришлось пересѣвать яровымъ, а затѣмъ сухая весна и лѣто создали новый неурожай. Уже въ апрѣлѣ уѣзды Островскій и Порховскій ходатайствуютъ о ссудѣ на пересѣвъ озимей и обсѣмененіе яровыхъ полей. Для разсмотрѣнія этихъ ходатайствъ на 26 апрѣля собирается экстренное губернское земское собраніе. Губернская управа, выясняя необходимость экстреннаго созыва губернскаго собранія, говоритъ о «невозможности оставить населеніе въ данномъ случаѣ безъ помощи и выдачи просимыхъ ссудъ, такъ какъ отказъ въ этой помощи поставилъ-бы ихъ еще въ худшее положеніе, лишающее всякой платежной способности и угрожающее послѣдствіями совершеннаго разоренія и бѣдствіями голода» (Доклады губерн. управы XXXI очередр. собр. стран. 119). Къ ходатайству Островскаго и Порховскаго уѣздовъ примкнули и остальные и 12 мая 1895 года, въ отвѣтъ на ходатайство губернскаго собранія, была отпущена правительственная ссуда въ размѣрѣ 820 тысячъ рублей, что съ прежде полученными на продовольствіе составило около 1.300,000 рублей.

Послѣ этого, говорится въ докладѣ губернской управы XXXI очередному собранію, «явилась новая забота и необходимость обезпеченія предстоящихъ въ августѣ озимыхъ посѣвовъ на будущій 1896 годъ... Въ семи уѣздахъ губерніи, исключая Холмскій, оказалась крайняя и неизбѣжная надобность въ неотложной помощи населенію выдачею ссудъ хлѣба на посѣвъ, безъ чего большинство крестьянскихъ полей на будущій годъ должны были остаться незасѣянными, и кромѣ уже предвидимаго недостатка въ продовольствіи населенія,—губерніи угрожала будущность съ печальными послѣдствіями. Между тѣмъ, предшествующіе недостаточные урожаи, а также упадокъ цѣнъ на ленъ, какъ главную производительность губерніи и средство платежей, окончательно истощили всѣ мѣстные денежные продовольственные источники и хлѣбные запасы и разстроили сельское хозяйство губерніи настолько, что нельзя было опредѣлить время, когда поправится общее экономическое положеніе губерніи... что вынудило губернскую администрацію и земство заблаговременно и болѣе точно выяснить дѣйствительную нужду крестьянъ» (Доклады стр. 125). Размѣры сѣменной ссуды были опредѣлены въ 646,335 пуд. 34 ф., стоимостью въ 581,039 руб. 85 коп. для семи уѣздовъ, безъ Холмскаго. Цифры эти были утверждены экстреннымъ губернскимъ собраніемъ 8-го іюля.

Съ такими неблагопріятными предвѣстниками приближалась текущая зима. Одни обсѣменились ссудой, другіе «перенесли рожь изъ поля въ поле», какъ здѣсь говорятъ, т. е. собрали одни сѣ-

мена, и только у немногихъ хватило ржаного хлѣба въ смѣси съ яровинкой на часть осени. Еще въ сентябрѣ, въ губернской управѣ была получена отъ псковскаго губернатора копія съ приговора волостного схода крестьянъ Спасо-Никольской волости Великолуцкаго уѣзда, гдѣ говорится, что «крестьяне имѣли сужденіе о своемъ безвыходномъ матеріальномъ положеніи, причемъ выяснилось, что въ настоящее время всѣ имѣющіеся запасы хлѣба израсходованы и значительная часть скота распродана и что подъ вліяніемъ страха народъ оставляетъ свои семьи и хозяйства и массами уходитъ въ Петербургъ, въ надеждѣ получить тамъ какіе бы то ни было заработки и тѣмъ спастись отъ неминуемаго голода» (Доклады XXXI оч. собр. стр. 52). Изъ того-же доклада губернской управы видно, что въ Новоржевскомъ уѣздѣ только за одинъ сентябрь мѣсяцъ было выдано 10,000 паспортовъ, благодаря открывшемуся «массовому движенію крестьянъ въ Петербургъ». «Но и такое усиленіе отхожаго промысла, говорится далѣе въ докладѣ, не дало ожидаемыхъ результатовъ: большинство крестьянъ вернулось домой, не подыскавъ себѣ работы и непроизводительно потративъ въ пути слѣдованія свои крохи» (тамъ-же стр. 53).

До какой степени уже осенью усилилась продажа послѣдняго скота, можно судить хотя бы по тому, что кожевенные заводы стали покупать здоровыхъ рабочихъ лошадей за стоимость шкуры (4 р. 70 к.—5 р. 20 к.), а нѣкоторые землевладѣльцы, объявивъ ту же цѣну, изъ мяса лошадей стали приготовлять удобрительные туки, сдавая кожи на тѣ-же заводы.

Этотъ хищническій переводъ здоровой рабочей силы, неслыханный, вѣроятно, еще нигдѣ въ мірѣ,—сулитъ псковскому крестьянину самое мрачное будущее.

Раньше уже было замѣчено, что декабрьское губернское собраніе (95 г.), опредѣлило нужду населенія въ хлѣбѣ до новаго урожая цифрой 1.600,000 пуд. Но одна ссуда хлѣбомъ на продовольствіе, исчисленная на 6 мѣсяцевъ, по 30 ф. на ѣдока, едва-ли будетъ въ состояніи остановить идущее по наклонной плоскости разореніе.

«Каждый изъ насъ достаточно чувствуетъ, говорится въ одномъ изъ докладовъ губ. управы, что послѣдніе два года для нашей губерніи являются годами кризиса. Если въ прежніе годы, когда одна изъ главныхъ отраслей нашей сельско-хозяйственной промышленности—льноводство—баловало хозяевъ, мы могли не особенно задумываться надъ будущимъ, могли надѣяться на золотоносныя свойства нашего кормильца и нашего вѣрнаго источника платежей, то теперь, какъ бы мы ни желали уменьшать густоту красокъ, рисуя перспективы будущаго, мы все-таки должны признать что переживаемые нами годы,—годы кризиса, и коренныя измѣненія хозяйственнаго и экономическаго строя неизбѣжны. Извѣстія, со всѣхъ концовъ губерніи приводятъ къ заключенію, что золотое

время нашей льняной промышленности едва-ли можетъ повториться. Льняная горячка, начавшаяся 15—20 лѣтъ назадъ, привела земли въ трехпольномъ хозяйствѣ къ страшному истощенію: въ крестьянскомъ трехпольѣ ленъ едвали будетъ давать такіе урожаи, какіе давалъ прежде, и самое качество волокна за послѣдніе годы стало ухудшаться. Такимъ образомъ два послѣдніе неурожайные года, если и являются въ значительной мѣрѣ результатомъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, то во всякомъ случаѣ еще нельзя сказать, что только однѣ эти причины создали чрезвычайный кредитъ въ помощь нуждающемуся населенію почти въ три милліона рублей. Въ числѣ факторовъ, создавшихъ недородъ и упадокъ экономической обезпеченности населенія, необходимо также отмѣтить и упадокъ производительности почвы, а также и пониженіе цѣнъ на продукты льноводства. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію губернской управы, также заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія. Паденіе цѣнъ на продукты льноводства — явленіе далеко не случайное: уменьшеніе заграничнаго спроса на ленъ произошло, какъ оказывается, вслѣдствіе значительнаго увеличенія льняныхъ посѣвовъ заграницей. Сказанное еще осложняется и тѣмъ фактомъ, что за послѣдніе два года населеніе утратило значительное количество скота, и слѣдовательно условія возстановленія производительности почвы также ослаблены. Въ западной части губерніи многіе стали бросать истощенныя льномъ земли и переселяться въ восточные уѣзды, даже въ Холмскій и Торопецкій, въ надеждѣ тамъ, на свѣжихъ еще земляхъ, воротить лучшіе годы. Движеніе это, развившееся главнымъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ, съ каждымъ годомъ замѣтно возрастаетъ. Долги по частнымъ займамъ и недоимки увеличиваются. Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ нужно ждать отхода на внѣземледѣльческіе заработки» (Доклады XXXI губ. собр., стр. 211 и 212).

Картина, нарисованная приведеннымъ докладомъ губернской управы, весьма любопытная въ смыслѣ характеристики кризиса, въ смыслѣ установленія факта нужды, экономическаго упадка и разоренія, въ то же время едва-ли уже такъ полно исчерпываетъ коренныя причины разстройства. Правда, въ лучшую пору льноводства, крестьянинъ Псковской губерніи жилъ можетъ быть нѣсколько и лучше, чѣмъ въ другихъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Россіи, но въ то же время отъ своего земледѣльческаго хозяйства онъ никогда не имѣлъ такихъ избытковъ, которые онъ могъ-бы приберечь на черный день, которые онъ могъ-бы обратить на коренное улучшеніе своего хозяйства, которые могли бы послужить ему прочнымъ фундаментомъ для подъема его экономическаго и общаго культурнаго уровня. Высшій надѣлъ на ревизскую душу въ Псковской губерніи 5 дес. (въ мѣстностяхъ съ лучшей почвой меньше), изъ коихъ въ общемъ около половины нужно отнести

на малоудобные «выгоны» и кустарники *). Какое хозяйство можетъ вести при такихъ условіяхъ земледѣльческая семья? Она должна пріобрѣтать землю покупкой, она должна арендовать. Все это и было продѣлано. Съ начатіемъ «льняной горячки», открылась горячка и въ мобилизаціи земель. Цѣны на земли быстро удвоились. Не имѣя наличныхъ покупательныхъ средствъ, а также и правильно организованнаго дешеваго кредита, но обольщаясь поманившими выгодами льноводства, крестьянинъ очертя голову бросился въ омутъ самаго безшабашнаго кредита у частныхъ лицъ—сосѣднихъ помѣщиковъ, купцовъ-льноторговцевъ и проч. Та же выгодность льноводства сдѣлала и кредитъ весьма широкимъ, отказа никому не было, такъ какъ каждый кредиторъ, снабжая крестьянина деньгами, могъ разсчитывать быстро только на однихъ %% выручить выданную ссуду. Такъ это и было,—и теперь, въ годы полной некредитоспособности крестьянъ и экономическаго упадка, многіе изъ частныхъ кредиторовъ, считающіе за окрестными крестьянами по 30—40 тысячъ долгу, не только не унываютъ, а, улыбаясь, добродушно съ полной откровенностью говорятъ: «поправится мужикъ—поплатится, а если и не заплатитъ, то вѣдь, говоря по совѣсти, мы свое давно получили». И дѣйствительно, при обычно-принятой здѣсь расплатѣ льномъ, получали они ввидѣ привѣска (въ деревняхъ берковецъ = $10^1/_2$ пудамъ), получали ввидѣ % по ссудѣ, получали, наконецъ, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что цѣну на ленъ объявляли по своему усмотрѣнію.

Разобраться во всѣхъ дебряхъ частнаго кредита, впрочемъ, весьма трудно; онъ такъ разнообразенъ и такъ теменъ, что можетъ быть лучше его и не касаться. Вмѣстѣ съ этимъ можетъ быть не окажется лишнимъ привести здѣсь справку, какъ запуталось населеніе Опочецкаго уѣзда, беря ссуды на покупку земель уже не только у частныхъ лицъ, а въ организованномъ кредитномъ учрежденіи, прославившемся кажется на всю Россію своими широкими операціями — въ Гребеневскомъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ. Теперь собственно это товарищество находится въ предсмертной агоніи: кромѣ исполнительныхъ листовъ, безнадежныхъ къ реализаціи, оно ничего не имѣетъ. Но назадъ тому 15 лѣтъ, получивъ болѣе 600 тысячъ правительственной субсидіи, оно подняло на ноги весь уѣздъ и способствовало быстрой и усиленной мобилизаціи земель. Вывѣска, повѣшенная надъ воротами помѣщенія товарищества «Народный Банкъ» — въ значительной мѣрѣ

*) Въ настоящее время на наличную душу мужскаго пола приходится земли въ уѣздахъ: псковскомъ — 3,6 дес., великолуцкомъ — 3,2, новоржевскомъ—3,2, опочецкомъ—2,9, островскомъ—3,7, порховскомъ — 3,5, торопецкомъ—3,8, холмскомъ—4,7, вообще по губерніи—3.5; на душу обоего пола по губерніи—1,7 дес. (Вычислено по даннымъ центральнаго статистическаго комитета опубликов. въ брошюрѣ «Волости и Гмины» изд. 1890 г.).

оправдывала функціи развернувшагося тогда широкимъ народнымъ кредитомъ Гребеневскаго товарищества. По основной мысли, поддерживаемой группой энергичныхъ, преданныхъ дѣлу людей, затѣя товарищества представляла собой одно изъ симпатичнѣйшихъ общественныхъ начинаній: оно поставило задачей служить народу, дать ему средства расширить свое землевладѣніе и способствовать улучшенію экономической обстановки его земледѣльческаго хозяйства. И дѣйствительно, благодаря ссудамъ товарищества, населеніе Опочецкаго уѣзда пріобрѣло до 35 тысячъ десятинъ земли (см. отчеты товарищества). Но эта внѣшняя показная сторона дѣла скрывала за собой и оборотную. Ссуды выдавались изъ 12%, которые вычитались впередъ; кромѣ того сейчасъ-же вычитался и паевой взносъ 3 руб., такъ какъ каждое лицо, желавшее получить ссуду, должно стать непремѣнно членомъ товарищества; къ этому прибавлялись и еще кое какіе операціонные расходы, — и крестьянинъ, вмѣсто 100 рублей, записанныхъ ему въ книжку, уносилъ домой не болѣе 82 — 83 рублей. Такимъ образомъ, не смотря на самыя благія намѣренія товарищества, перспективы быть его должникомъ представлялись не особенно заманчивыми. Дѣло, однако, съ землей покончено, нужны средства на дальнѣйшее улучшеніе хозяйства—на увеличеніе инвентаря, скота и проч. Товарищество, давшее ссуду на пріобрѣтеніе земли, уже не было въ состояніи одно и то же лицо выручать дальше: во первыхъ потому, что и кредитоспособность каждаго лица, при отсутствіи обезпеченія, должна-же имѣть границы, а также и потому, что обладая всетаки ограниченными средствами, товарищество стремилось удовлетворять требованіямъ возможно большаго числа лицъ. И вотъ, купленную чрезъ посредство товарищества землю, крестьянинъ закладываетъ въ другомъ кредитномъ учрежденіи (кстати на той-же улицѣ, гдѣ помѣщается гребеневское товарищество находится опочецкій городской банкъ), обязываясь новымъ долгомъ и новыми процентами. Если къ этому присоединить долги частнымъ лицамъ, окладные сборы, недоимки, то дальнѣйшее будетъ ясно безъ комментарій... Съ наступленіемъ льняной горячки поднялись и арендныя цѣны, такъ какъ расширять свое землевладѣніе крестьяне могли только до извѣстныхъ предѣловъ. И если въ лучшій періодъ льноводства, судя по сильно импонирующему крупному валовому доходу отъ него, на первый взглядъ недурно жилось, или по крайней мѣрѣ могло быть недурно мужику, то конечно лучше всего было помѣщику и купцу, снимавшимъ сливки съ крестьянскаго дохода.

Нашъ братъ-обыватель, не располагающій достаточнымъ количествомъ статистическихъ данныхъ, не можетъ, разумѣется, претендовать на полное научное изображеніе факта (да еще и настолько-ли поставлена наша статистика, чтобы могла помочь въ этомъ) и пусть не осудитъ насъ за это читатель. Задача наша

подѣлиться результатомъ многолѣтнихъ наблюденій, и, помимо причинъ кризиса, отмѣченныхъ земскими докладами, выдвинуть еще новыя, о которыхъ не упоминается ни въ одномъ докладѣ губернской управы. Управа говоритъ, что неурожайные годы, явившіеся послѣдствіемъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, были подготовлены раньше—нераціональной эксплоатаціей земель подъ льняную культуру, льноутомленіемъ. А я иду дальше и говорю, что сама неразсчетливая эксплоатація почвы — явилась результатомъ малоземелья. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что крестьянинъ плачетъ, а сѣетъ ленъ по льну. Что тамъ будущее, лишь-бы что нибудь получить въ настоящемъ! Что же касается задолженности, то въ этомъ отношеніи въ докладахъ губернской управы мы находимъ слѣдующее: «задолженность нашихъ крестьянъ такъ велика, отсутствіе средствъ къ заработку такъ очевидно, что *безъ всякихъ статистическихъ данныхъ* можно заключить, что безъ искусственнаго возникновенія новыхъ источниковъ (рѣчь идетъ о необходимости общественныхъ работъ) подобнаго заработка мѣстное населеніе будетъ не въ силахъ выбиться изъ своихъ долговъ въ теченіе весьма длиннаго ряда лѣтъ, ибо выплатка даже обычныхъ ежегодныхъ платежей и повинностей производится съ трудомъ и напряженіемъ, — и мѣстныя учрежденія въ силу этого будутъ обречены въ продолженіе этого срока на неподвижность и застой, едва-ли желательныя даже въ видахъ общегосударственныхъ соображеній» (Докл. стр. 54).

Собственное малоземелье, дорого оплачиваемая покупка земель, дорого оплачиваемая аренда, отсутствіе правильной организаціи сбыта продуктовъ земледѣлія и связанная съ этимъ эксплоатація народнаго дохода разными хищниками, несоразмѣрность платежной способности населенія съ окладными сборами, — вотъ коренныя причины, породившія переживаемыя бѣдствія. Весьма знаменательно то обстоятельство, что при оказавшейся нуждѣ въ хлѣбѣ, мужикъ прежде всего повелъ на базаръ скотъ, тотъ самый скотъ, безъ котораго въ Псковской губерніи, при ея скудной почвѣ, и хозяйства никакого вести нельзя. Никогда онъ не сдѣлалъ-бы этого, еслибы у него были хоть какіе нибудь запасы про черный день. А чѣмъ грозитъ это хищническое истребленіе скота—о томъ и подумать страшно...

Итакъ, настоящая зима для Псковской губерніи должна оказаться очень тяжелой: хлѣба нѣтъ, заработковъ нѣтъ, искать новыхъ заработковъ на далекой чужбинѣ для непривычнаго псковича трудно — такія привычки создаются не мѣсяцами, а десятками лѣтъ, въ чемъ достаточно убѣждаютъ мѣстнаго жителя неудавшіяся попытки прошлаго года, скота осталось самое ничтожное количество.

Мы знаемъ уже, что губернское собраніе опредѣлило ходатайствовать о ссудѣ въ 1.600,000 пудовъ. Ссуда эта теперь раз-

дается; но этого мало. Былъ поднятъ вопросъ объ организаціи общественныхъ работъ, но онъ такъ и остался открытымъ. Необходима организація частной благотворительности, необходима помощь общества. Можетъ случиться, что крестьянинъ и переживетъ зиму, но онъ тогда уже долженъ будетъ продать, *буквально*, послѣдній скотъ; на чемъ онъ будетъ пахать весной и чѣмъ удобритъ землю?.. Общество, откликнувшееся такъ щедро и гуманно въ тяжелую для Россіи годину 1891—92 гг. вѣроятно не забудетъ и псковскаго мужика. Весьма желательна, между прочимъ, возможно широкая организація помощи по пріобрѣтенію населеніемъ скота, безъ достаточнаго количества котораго немыслимо и самое существованіе псковскаго земледѣльца.

Псковичъ.

Хроника внутренней жизни.

Тридцатипятилѣтіе 19 февраля 1861 г.

I.

Въ текущемъ мѣсяцѣ исполнилось 35 лѣтъ со дня изданія великаго законодательнаго акта, которымъ освобождены были отъ крѣпостной зависимости 22 слишкомъ милліона помѣщичьихъ крестьянъ. Еслибы значеніе «Положенія» 19 февраля 1861 г. исчерпывалось только однимъ этимъ непосредственнымъ и ближайшимъ результатомъ, то и тогда оно было-бы громадно. Но на самомъ дѣлѣ послѣдствія отмѣны крѣпостного права шли далеко за предѣлы тѣхъ отношеній, которыя непосредственно захватывались крестьянскою реформою. Работа эта наполняетъ собою все тридцатипятилѣтіе, протекшее со времени законодательной отмѣны крѣпостного права, и остается до сихъ поръ главною злобою нашихъ дней.

Въ общественномъ строѣ, который находится въ состояніи равновѣсія, всѣ составныя части стоятъ въ тѣсной и необходимой между собою связи и зависимости. Нельзя измѣнить существенно одну изъ этихъ частей, не затрогивая и остальныхъ. Старая дореформенная Россія представляла собою сложившуюся систему общественныхъ отношеній, общую окраску которой всего болѣе давалъ именно фактъ существованія крѣпостного права,—прямо и непосредственно касавшагося только одной части населенія (сотни тысячъ семей помѣстныхъ дворянъ съ одной стороны и двухъ десятковъ милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ, съ другой), но косвенно

опредѣлявшаго собою характеръ и тонъ всей государственной и общественной жизни. Вся эта жизнь построена была на началахъ авторитета, опеки и сословной обособленности. Сословій въ Россіи было (и есть) великое множество; но всѣ они распадались на двѣ большія группы, т. наз. «привиллегированныхъ» сословій—неподатныхъ, изъятыхъ отъ рекрутской повинности и тѣлесныхъ наказаній и пользующихся другими льготами—и «не привиллегированныхъ»,—обложенныхъ подушною податью, несшихъ воинскую и другія натуральныя повинности и подлежавшихъ тѣлеснымъ наказаніямъ не только по приговорамъ суда, усмотрѣнію административныхъ и полицейскихъ властей, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (помѣщичьи крестьяне) и по распоряженію лицъ привиллегированныхъ сословій или ихъ уполномоченныхъ и приказчиковъ. Крѣпкія сословныя перегородки существовали и внутри этихъ группъ, между отдѣльными сословіями. Послѣднюю, самую низшую ступень этой сословной лѣстницы занимало крѣпостное крестьянство, безправное юридически, хотя и пользовавшееся, въ силу давняго обычая, извѣстнымъ земельнымъ обезпеченіемъ, взамѣнъ личнаго труда («барщины») или повинностей въ пользу помѣщика, считавшагося юридическимъ собственникомъ земли. Точно также въ силу обычая крестьяне сохраняли и извѣстную самостоятельность въ управленіи своими внутренними мірскими дѣлами. Сельская община съ ея обычными распорядками существовала въ значительной части Россіи, среди крѣпостныхъ крестьянъ, даже и въ періодѣ крайняго развитія помѣщичьей власти.

Сословная организація проникала собою весь строй государственнаго управленія; а такъ какъ преобладающимъ сословіемъ—и по своему положенію въ государствѣ, и по богатству и образованности—было помѣстное дворянство, интересы котораго покоились на институтѣ крѣпостного права,—то и въ отправленіяхъ государственной жизни неизбѣжно господствовали тѣ же начала, которыя гармонировали съ общимъ духомъ этого института.

Въ экономической сферѣ дореформенная Россія характеризовалась преобладаніемъ натуральнаго хозяйства, слабымъ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и въ общемъ невысокою степенью его производительности.

И здѣсь опредѣляющимъ факторомъ въ значительной мѣрѣ являлось существованіе крѣпостныхъ отношеній въ той ихъ формѣ, въ какой они сложились на русской почвѣ. Даровой трудъ крестьянъ, которымъ располагали помѣщики, позволялъ сосредоточить въ помѣщичьихъ экономіяхъ производство не только земледѣльческихъ продуктовъ, но и различныхъ продуктовъ промышленности обрабатывающей. Значительная часть матеріальныхъ потребностей каждаго помѣщичьяго хозяйства удовлетворялась работою, выполняемою внутри самаго этого хозяйства, тѣми или иными категоріями зависящихъ отъ него работниковъ, которые получали за это

не денежную плату, а довольствіе въ натурѣ—въ видѣ содержанія или земельнаго надѣла. Точно также и крестьяне производили дома, сами, большую часть предметовъ домашняго обихода. Покупалось на деньги относительно немного. Но было-бы, конечно, ошибочно говорить, что крѣпостная Россія представляла собою чистый типъ натуральнаго хозяйства. И въ то время существовала уже спеціализація различныхъ видовъ промышленной дѣятельности, товарное производство для безличнаго рынка и всѣ остальные аттрибуты денежнаго хозяйства. Но они не составляли еще не только всеобщаго, но и широко распространеннаго факта... Домашнее производство и слабое относительно развитіе мѣновыхъ отношеній во всякомъ случаѣ являлось наиболѣе характеристичною чертою тогдашняго экономическаго строя.

Въ эпоху, близкую къ эмансипаціи, весь этотъ механизмъ крѣпостного государства, отдѣльныя части котораго въ свое время были прочно прилажены одна къ другой, въ значительной степени обветшалъ, заржавѣлъ и плохо работалъ всѣми своими колесами. Жизнь, очевидно, переросла тѣ формы, въ которыя она была заключена. Явные признаки разложенія стараго строя сказывались всюду, во всѣхъ сферахъ общественныхъ и государственныхъ отношеній. Внѣшній кризисъ—крымская война съ ея «изнанкою»—обнаружилъ недостатки этого строя. Главнымъ устоемъ его являлось крѣпостное право. Съ него должна была начаться работа преобразованія.

Не страшитесь, Государь, — писалъ Я. И. Ростовцевъ въ извѣстномъ письмѣ къ Государю Александру II,—слишкомъ наклонить вѣсы въ пользу бывшихъ крѣпостныхъ. Повѣрьте, что съ первыхъ же минутъ послѣ реформы довольно желающихъ перетянуть ихъ въ обратную сторону. Дѣйствительно, слѣды упорнаго сопротивленія защитниковъ стараго порядка отразились и на самомъ положеніи 19 февраля. Въ окончательной редакціи своей положеніе явилось компромиссомъ между двумя теченіями въ направляющихъ сферахъ общества. Какъ бы то ни было, однако, начала, выставленныя въ то время — хотя и не во всѣхъ деталяхъ послѣдовательно проведенныя,—вносили въ общественный строй нѣчто совершенно новое и вызывавшее неизбѣжно дальнѣйшее широкое движеніе въ томъ же направленіи.

Реформа крестьянскаго быта, устанавливаемая положеніемъ 19 февраля, касалась трехъ сторонъ въ строѣ жизни освобождаемаго крестьянства. Во 1-хъ она прекращала личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ и предоставляла крестьянамъ тѣ же *гражданскія* права, которыми пользовались лица другихъ, свободныхъ сословій; во 2-хъ обезпечивала за крестьянами *земельные надѣлы*, на правахъ постояннаго пользованія, за отбываніе установленныхъ, денежныхъ или издѣльныхъ повинностей, или на правѣ собственности, по мѣрѣ выкупа этихъ

повинностей, при содѣйствіи правительства *). Наконецъ, въ 3-хъ реформа 19 февраля предоставляла крестьянамъ довольно широкое *самоуправленіе* въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и право *суда* по отношенію къ мелкимъ проступкамъ и къ гражданскимъ спорамъ, возникающимъ внутри крестьянскаго сословія и разрѣшаемымъ на основаніи мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ, не во всемъ сходныхъ съ нормами писаннаго закона.

Какъ мы упоминали выше, извѣстнымъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьяне пользовались и при крѣпостномъ правѣ. Часть земель, числившихся за помѣщикомъ, обрабатывалась крестьянами на себя. Такой порядокъ поддерживался исконнымъ обычаемъ и экономическою необходимостью: при господствѣ натуральнаго хозяйства и при отсутствіи широкаго рынка для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ оплата обязательнаго труда рабочихъ предоставленіемъ въ ихъ пользованіе извѣстной доли земли, (причемъ съ владѣльца снималась уже забота о поддержаніи рабочей силы для обработки остальной части его земли и для удовлетворенія другихъ потребностей хозяйства) представлялась самымъ удобнымъ, а въ большинствѣ случаевъ и единственно возможнымъ способомъ хозяйствованія. Но во всякомъ случаѣ твердо установленнаго закономъ *права* крестьянина на земельный надѣлъ при господствѣ крѣпостныхъ отношеній не существовало. Такое право создано было только положеніемъ 19 февраля.

Въ этомъ отношеніи положеніе закрѣпляло то, что было здороваго въ старомъ строѣ или, лучше сказать, что *сохранилось* и при крѣпостныхъ порядкахъ. Эта, такъ, сказать консервативная сторона новаго положенія касалась кромѣ земельныхъ отношеній также и обычно-правовыхъ крестьянскихъ распорядковъ. Общинное владѣніе землею, тамъ гдѣ оно существовало при введеніи положенія, получило законодательную санкцію. Переходъ къ владѣнію подворному могъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по желанію самихъ крестьянъ-общинниковъ, при чемъ для рѣшенія о такомъ переходѣ требовалось большинство $^2/_3$ всѣхъ домохозяевъ. Для охраны крестьянскихъ правовыхъ обычаевъ организованъ былъ и особый выборный крестьянскій судъ, безапеляціонно вершившій дѣла, подлежащія его юрисдикціи. Составители положенія признавали существованіе внутренней правды въ исторически сложившихся бытовыхъ формахъ крестьянской мѣстной жизни и старались оградить ихъ неприкосновенность и при господствѣ новыхъ отношеній и новыхъ порядковъ, создаваемыхъ эмансипаціею. Обѣ эти стороны положенія, и «консервативная», закрѣпляющая и регулирующая старыя традиціи, сохранявшіяся и въ крѣпостную эпоху, и «обновительная»,

*) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ и такимъ образомъ отношенія по землѣ между крестьянами и помѣщиками были ликвидированы; но такая окончательная ликвидація относится уже къ восьмидесятымъ годамъ.

вносящая въ строй крестьянскихъ отношеній новыя начала свободы права и самоуправленія, направлены были къ одной общей цѣли: обезпеченію за освобожденнымъ крестьянствомъ и юридической, формальной, и имущественной, матеріальной самостоятельности.

Итакъ, мы имѣли дѣло съ цѣлымъ переворотомъ въ общественныхъ отношеніяхъ, переворотомъ, носившимъ на себѣ характеръ освободительный и преслѣдовавшимъ непосредственные интересы массы крестьянскаго населенія. Такой переворотъ необходимо долженъ былъ вызвать могучій подъемъ общественнаго настроенія, широкое обновительное движеніе. Въ началѣ, въ первые годы, слѣдовавшіе за освобожденіемъ, это движеніе охватывало собою всѣ сферы, и общественныя, и правительственныя. Это былъ такъ называемый «періодъ реформъ». Затѣмъ различные составные элементы общаго преобразовательнаго теченія начали дифференцироваться, обособляться, однородность движенія въ значительной мѣрѣ утратилась и перешла даже въ прямую противоположность стремленій и интересовъ различныхъ группъ, первоначально шедшихъ рядомъ, къ общей цѣли. Но все это относится къ уже послѣдующему времени. Первыя фазы общественнаго движенія, сопровождавшаго осуществленіе крестьянской реформы, проникнуты были однимъ общимъ настроеніемъ, вызваннымъ основнымъ актомъ—освобожденія многомилліонныхъ массъ безправнаго до тѣхъ поръ населенія.

Ближайшимъ результатомъ этого движенія были двѣ капитальныя реформы, слѣдовавшія за положеніемъ 19 февраля и составляющія его непосредственное продолженіе. Это именно «положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» 1 янв. 1864 г. и «судебные уставы» 20 ноября 1864 г. Въ этихъ двухъ законодательныхъ актахъ выразились тѣ основныя начала, на которыхъ должна была произойти перестройка дореформенныхъ порядковъ государственной и общественной жизни. Безсословное земство, въ составъ котораго, какъ равноправная съ основными элементами мѣстнаго населенія группа, входило и освобожденное крестьянство—вносило въ строй общественныхъ отношеній принципъ *самоуправленія* и *общественной самодѣятельности*. Независимый судъ, равный для всѣхъ, гласный и устный, къ отправленію котораго привлекались на ряду съ коронными судьями и представители общественной совѣсти—присяжные засѣдатели—являлся носителемъ и хранителемъ начала *законности*. Впервые теперь это великое начало могло получить дѣйствительное осуществленіе въ жизни. Въ дореформенной, крѣпостной Россіи оно неизбѣжно оставалось мертвою буквою, не смотря на формальное признаніе его руководящаго значенія. Общественная атмосфера, при такомъ строѣ, выдающеюся чертою котораго являлась безконтрольная власть одного сословія надъ другимъ, немногихъ надъ массою, если можно такъ выразиться, была слишкомъ насыщена произволомъ, чтобы могло найтись мѣсто для серьезнаго и

сколько-нибудь систематическаго примѣненія принципа законности, какъ регулятора государственныхъ и частно-правовыхъ отношеній.

Но переходы отъ одного сложившагося строя отношеній къ другому, основанному на иныхъ началахъ, не совершаются въ жизни такъ гладко, какъ это можетъ казаться при схематическихъ, отвлеченныхъ построеніяхъ. Прежде всего, дѣйствительность совсѣмъ не знаетъ чистыхъ типовъ общественныхъ формъ. Всегда рядомъ съ преобладающимъ, основнымъ теченіемъ существуютъ и другія, боковыя, которыя, постепенно накопляясь и пріобрѣтая силу, могутъ значительно отклонить и основной потокъ отъ принятаго имъ направленія. И крѣпостная Русь не представляла собою чего нибудь вполнѣ однороднаго, издавна, постепенно подготовлялся переходъ ея къ иному типу общественнаго строенія. Но когда вынутъ былъ главный камень въ дореформенномъ зданіи—институтъ крѣпостного права—оно все таки не могло еще рухнуть сразу и на развалинахъ не могло явиться сразу же, какъ-бы по мановенію жезла, новаго готоваго во всѣхъ своихъ частяхъ сооруженія. Нужна была еще долгая и упорная работа разчистки, съ одной стороны, и еще болѣе сложная и трудная работа созиданія—съ другой. Эта работа, эта борьба стараго и новаго въ общественной жизни составляетъ главное содержаніе того переходнаго періода, который начался съ паденія крѣпостного права и въ которомъ мы живемъ и до сихъ поръ,—ощущая въ тѣхъ или другихъ проявленіяхъ современности то попытки нарожденія новаго, то трепетаніе и предсмертныя судороги стараго строя. Слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы значило бы излагать исторію нашей общественности за послѣднее время. Конечно это трудно сдѣлать въ короткой замѣткѣ, тѣмъ болѣе, что новыя отношенія, складывающіяся въ переходный періодъ, гораздо сложнѣе тѣхъ, которыя характеризовали періодъ предшествовавшій. Распаденіе старыхъ формъ вызвало къ жизни разнообразныя силы и разныя теченія, антагонистичныя иногда не только тому старому, что они должны были замѣнить, но и одно другому. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о движеніи въ сферѣ экономической. Здѣсь «пореформенное хозяйство» далеко не представляетъ собою логическаго развитія тѣхъ началъ, которыя выставлены были въ этомъ отношеніи «положеніемъ» 19 февраля. Смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ—или, правильнѣе сказать, крупный ростъ и усиленіе денежнаго хозяйства за счетъ натуральнаго, повели и у насъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, которыя наблюдались при подобной смѣнѣ хозяйственныхъ типовъ въ другихъ мѣстахъ. Ростъ той формы производства, которая называется капиталистическою, и сопряженное съ нимъ разложеніе формъ самостоятельнаго мелкаго хозяйства—составляетъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію и оспариванію, какъ бы ни смотрѣть на его экономическое значеніе и на тѣ вліянія, которыми вызывалось и поддерживалось его развитіе. Такимъ образомъ на самой почвѣ новыхъ отношеній вскрылись

уже крупныя противорѣчія, значительно осложняющія тотъ типъ, который должна принять слагающаяся общественная организація. Антагонистичныя хозяйственныя формы стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, картина нашего экономическаго строя пестра и измѣнчива, а дореформенныя начала ея являются силой, можетъ быть и убывающей, но все таки такой, которая скажется очень значительно на общей равнодѣйствующей ближайшаго движенія. Какова бы ни была дальнѣйшая эволюція, во всякомъ случаѣ нельзя думать, чтобы въ близкомъ будущемъ наша хозяйственная организація могла явиться въ такой же мѣрѣ однотипичною, какъ она была въ періодъ дореформенный.

Гораздо болѣе однородности представляетъ собою движеніе въ другой области пореформенныхъ отношеній, именно отношеній правовыхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. И здѣсь, конечно, ходъ общественной жизни не представлялъ собою непрерывнаго развитія въ одномъ общемъ направленіи. На оборотъ, мы имѣемъ дѣло съ постоянною смѣною противоположныхъ теченій, но какія бы формы ни принимали эти теченія, во всякомъ случаѣ основной смыслъ ихъ оставался вполнѣ яснымъ, не затемненнымъ.

Развитіе тѣхъ же основныхъ задачъ, тѣ же начала, которыя выставлены были въ первыхъ великихъ законодательныхъ актахъ преобразовательной эпохи—положеніи 19 февраля, земскомъ положеніи, судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г. — характеризовали собою направленіе прогрессивнаго теченія и въ послѣдующіе годы. Затѣмъ—и это можетъ быть самое главное,—рядомъ съ работою, направленною на пересозданіе учрежденій и внѣшнихъ порядковъ, шелъ и другой, внутренній процессъ развитія общественнаго самосознанія и навыковъ въ общественной работѣ. Здѣсь именно всего болѣе и можно замѣтить извѣстную непрерывность и постоянство. Каковы бы ни были измѣненія теченій на поверхности, въ результатѣ ихъ все-таки отлагалось нѣчто въ сознаніи, привычкахъ и складѣ воззрѣній общества. Въ послѣднемъ счетѣ мы можемъ констатировать фактъ безспорнаго и крупнаго роста элементарно-общественныхъ силъ, составляющій быть можетъ главное положительное пріобрѣтеніе пореформеннаго періода.

Перестройка нашей общественной организаціи, начавшаяся съ паденія крѣпостного права, въ настоящее время далеко не закончена. Остается еще очень много заботъ для осуществленія въ жизни тѣхъ великихъ началъ, которыя выдвинуты были впередъ въ преобразовательную эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли выше, что три основныя начала были выдвинуты великой реформой по отношенію къ рабочей крестьянской массѣ. Это во-первыхъ личное освобожденіе и, какъ результатъ его, гражданская равноправность крестьянства съ остальными сословіями. Въ этомъ отношеніи выполнена лишь первая половина задачи. Достаточно вспомнить еще недавніе толки печати по поводу семейныхъ

раздѣловъ крестьянъ, чтобы понять, въ какой мѣрѣ на нашемъ отношеніи къ народу отражается еще близость крѣпостного періода нашей жизни. Въ крѣпостное время крестьянинъ цѣнился лишь въ мѣру своей рабочей силы и этимъ опредѣлялись самыя интимныя, самыя неприкосновенныя въ свободной средѣ стороны его жизни, его семейныя отношенія. Теперь мы все еще смотримъ на нихъ съ той же точки зрѣнія, и законъ, регулируя семейные раздѣлы, держится еще на крестьянскую семью взглядовъ дореформеннаго времени, когда она разсматривалась лишь въ качествѣ производительной артели, съ главой семьи вмѣсто старосты распорядителя. Мы забываемъ, что и для крестьянина его семья не только рабочая группа, что для свободнаго человѣка всего выше право самоопредѣленія въ этой наиболѣе интимной сторонѣ жизни. Затѣмъ самый вопросъ, составляющій такую шумную злобу нашего дня,—объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія показываетъ, до какой степени еще не исчезли, какъ еще крѣпки остатки крѣпостного прошлаго въ нашей жизни. Мы еще споримъ, мы аргументируемъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности или негодности этого наказанія, какъ мѣры пенитенціарной.

Затѣмъ, даже не особенно внимательный взглядъ легко однако подмѣтитъ переживаніе прошлаго въ очень характерныхъ чертахъ, т. наз. реформы 12 іюля. Чиновничій элементъ окрашенъ въ ней очень сильной сословной окраской, и такимъ образомъ упраздненное нѣкогда подчиненіе одного сословія другому, вмѣсто общаго и равнаго подчиненія всѣхъ единой государственной власти—вновь оживаетъ въ институтѣ земскихъ начальниковъ, невольно приводя на память и старыя времена.

Тѣ же черты незаконченности, а порой и возвращенія къ упраздненнымъ началамъ сказываются и въ сферѣ крестьянскаго *самоуправленія и суда*, составлявшихъ вторую задачу крестьянской реформы. По истеченіи 35 лѣтъ, мы видимъ эти учрежденія отданными въ полную зависимость отъ администраціи и притомъ администраціи сословной, но кромѣ того, съ первыхъ шаговъ реформы сказалась въ этой области и сохранилась до нашего времени рѣзкая черта, полагавшая какое-то «качественное» различіе народной правды отъ тѣхъ общихъ нормъ, которыми регулируются общественно-правовыя отношенія въ другихъ сферахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, рѣзкая бюрократическая ломка обычно-правовыхъ отношеній въ народной средѣ могла представить значительную опасность и вмѣстѣ съ плевелами уничтожить немало здоровыхъ и живыхъ всходовъ. Однако несомнѣнно также, что только введеніе системы сословно-крестьянскихъ учрежденій въ общую систему, регулирующую отношенія всѣхъ классовъ на общихъ началахъ равноправности и законности,—можетъ уничтожить еще одну перегородку, оставшуюся въ наслѣдіе отъ крѣпостного строя.

Наконецъ, третьей основной задачей положенія 19 февраля

1861 года являлось обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія и экономической самостоятельности крестьянской массы.

Въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, достигнуто значительно меньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, а въ извѣстной части общества и прессы мы все чаще и чаще встрѣчаемъ въ послѣдніе годы тенденцію—идеализировать порядки крѣпостной эпохи, когда мужикъ жилъ будто бы въ большемъ довольствѣ. Безъ сомнѣнія, эти идиллическія картины возможны лишь потому, что живыя черты той эпохи уже поблѣднѣли въ нашей памяти, отодвинувшись въ прошлое, а сколько нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ, которыя дали бы намъ возможность судить о дѣйствительныхъ фактахъ, независимо отъ настроеній крѣпостнической лирики,—у насъ совсѣмъ нѣтъ. Во всякое случаѣ однако, и современное положеніе крестьянства далеко отъ того идеала, который рисовался въ свѣтлой дали въ самомъ началѣ освободительной реформы.

Послѣ того, какъ, говоря словами поэта, «Порвалась цѣпь великая, порвалась, разскочилася, однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику», т. е. когда рѣзко нарушилась давно уже подточенная жизнію, но еще державшаяся цѣльность дореформеннаго строя,—наступила борьба различныхъ экономическихъ силъ и теченій, свѣтлыхъ и темныхъ, прогрессивныхъ и аспирирующихъ къ прошлому, и въ эту пеструю борьбу было, разумѣется, втянуто также и крестьянство, только что освобожденное отъ рабства и уже вынужденное вступить въ общую игру интересовъ въ экономической сферѣ. Чѣмъ же оно было вооружено для этой борьбы?

Внѣшнимъ обезпеченіемъ явился земельный надѣлъ,—съ внутренней стороны въ крестьянствѣ жилъ еще старинный своеобразный укладъ трудовыхъ и бытовыхъ привычекъ и порядковъ. Каждый экономическій періодъ требуетъ цѣлой совокупности порядковъ и идей, ему соотвѣтствующихъ. *Самостоятельное* хозяйство и трудъ *свободный* требовали, разумѣется, органическаго проведенія началъ самостоятельности и свободы во всѣхъ сторонахъ народной жизни. Тогда лишь естественное соперничество могло бы выразиться вполнѣ, и крестьянство вступило бы на открывшуюся арену, какъ членъ равноправный, вносящій всю свою долю въ общую картину пореформенной экономической эволюціи.

Мы уже видѣли, что этого далеко не было вначалѣ пореформеннаго періода и что даже теперь мы все еще стоимъ передъ массой переживаній крѣпостного строя; крестьянство и теперь еще не представляетъ группы *гражданскн самостоятельной, свободно* могущей защищать свои интересы на всѣхъ развѣтвленныхъ до безконечности путяхъ экономической своей дѣятельности и *сознательно* относиться къ ходу окружающихъ явленій.

Отчего бы это ни происходило, въ какой бы мѣрѣ оно ни являлось роковымъ и неотвратимымъ даже въ эпоху освобожденія,—необходимо признать фактъ и считаться съ фактомъ, который не

могъ не отразиться на результатахъ. Ни земельное надѣленіе,—къ тому же нѣсколько урѣзанное противъ дѣйствительнаго земельнаго пользованія при крѣпостномъ правѣ,—ни внутренній укладъ жизни и обычные порядки, въ нѣкоторой степени отразившіе на себѣ крѣпостную структуру,—не могли сильно измѣнить эти результаты, и если общій уровень благосостоянія не повизился сравнительно съ крѣпостнымъ строемъ,—то, во всякомъ случаѣ, не далъ и тѣхъ результатовъ, на какіе можно было разсчитывать при 35-лѣтней свободной эволюціи крестьянства. Этому мѣшали и внѣшняя разносторонняя зависимость, и внутреннія условія жизни крестьянской массы. Съ одной стороны, стремленія наиболѣе живыхъ и энергичныхъ ея представителей встрѣчали препятствія чисто внѣшняго характера, возвращавшія ихъ въ рамки крѣпостническихъ переживаній,—съ другой, значительная часть крестьянства, освобожденнаго и благословляющаго свое освобожденіе, все-таки аспирировала ко многимъ формамъ своего быта, связаннымъ съ крѣпостнымъ строемъ, и тотъ же, напримѣръ, вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ дебатируется наиболѣе консервативными элементами деревни совершенно такъ же, какъ его разсматриваетъ реакціонная часть нашей печати. Мужикъ, разумѣется, не можетъ примириться съ самой мыслью о крѣпостномъ рабствѣ, и въ этомъ отношеніи деревня единодушна, но борьба съ рабствомъ внутрисемейнымъ въ ней еще мало сознательна, почти стихійна, деревня смотритъ на нее сама съ недоумѣніемъ и вздыхаетъ о прежнемъ идеалѣ крѣпко скованной крѣпостной семьи-артели. То же можно было-бы прослѣдить и на многихъ другихъ проявленіяхъ нашего сельскаго быта.

Къ этимъ условіямъ внутри крестьянскаго уклада, съ которымъ ему пришлось совершить переходъ изъ крѣпостной эпохи до обѣтованной земли освобожденнаго труда, присоединилась еще, какъ уже указано выше, внѣшняя зависимость и притомъ зависимость сословная, всегда инстинктивно становившаяся на сторону консервативныхъ элементовъ деревни противъ всѣхъ прогрессивныхъ попытокъ поколѣнія, выросшаго уже въ атмосферѣ свободы. Наконецъ, оба фактора дополняются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по самому характеру нашей податной системы, крестьянству же главнымъ образомъ пришлось выносить на своихъ плечахъ громадный ростъ государства, рѣзко обозначившійся послѣ освобожденія.

Достаточно посмотрѣть на этотъ послѣдній процессъ, чтобы понять, въ какой мѣрѣ освобожденіе крестьянской массы было вмѣстѣ освобожденіемъ всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ силъ нашего отечества. Но это же явленіе отражается необыкновеннымъ образомъ на цифрахъ бюджета и eo ipso на возрастаніи податнаго бремени. Въ 1861 году итоги госуд. расходовъ доходили до 345,$_3$ милліоновъ

рублей; въ 1867 (первый годъ, за который мы имѣемъ правильно составленный отчетъ государств. контроля по исполненію росписи—до тѣхъ поръ и счетоводство государственнаго хозяйства нѣсколько напоминало патріархальное счетоводство помѣщичьихъ экономій) итогъ этотъ доходилъ уже до 424,9 милліоновъ, а въ 1894 году (послѣднемъ, счета котораго уже сведены) обыкновенныхъ госуд. расходовъ выполнено на 991,3 милліона. По росписи на нынѣшній годъ государств. расходы обыкновенные (расходовъ чрезвычайныхъ мы не принимали въ разсчетъ ни въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ) простираются уже до 1231 милліона рублей, т. е. стали въ $3^1/_2$ раза больше бюджета 1861 г.

Это обстоятельство не могло не отразиться на благосостояніи бывшихъ *податныхъ* сословій и главной ихъ части—крестьянской массы, которая, какъ уже сказано, является и теперь податнымъ сословіемъ по преимуществу.

Вотъ факты, не подлежащіе спору: а) Расщепленіе крестьянства, отпаденіе огромной массы экономически слабыхъ хозяйствъ, перешедшихъ уже или переходящихъ въ положеніе сельскаго пролетаріата. По даннымъ двухъ послѣднихъ конскихъ переписей 1888 и 1891 гг. всѣхъ безлошадныхъ дворовъ въ 50 губерніяхъ Европ. Россіи оказалось $2^3/_4$ милліона, на $10^1/_2$ милліоновъ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ; это значитъ, что уже $^1/_3$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ перешло въ положеніе безлошадныхъ.

б) Непрочность и неустойчивость хозяйственной въ значительной части и обезпеченности крестьянской массы. На это явленіе открыла глаза и правительству, и обществу та почти судорожная быстрота, съ какой наше отечество переходитъ, при одномъ-двухъ неурожаяхъ — отъ сравнительной обезпеченности и платежеспособности къ прямому голоду, вопіющему къ государственной помощи. Безъ сомнѣнія, условія, предшествовавшія бѣдствію 1891 и 1892 гг., встрѣчаются въ такихъ широкихъ размѣрахъ не часто, однако, характерно, что и частныя климатическія невзгоды сразу же приводятъ постигаемую ими мѣстность въ то положеніе, въ какомъ теперь, напр. находится Псковская губернія. А это указываетъ, конечно, что запасныя средства крестьянскаго хозяйства истощены, и оно является беззащитнымъ противъ временнаго бѣдствія.

Мы не можемъ входить здѣсь во всѣ детали этой картины, отмѣтимъ, однако, двѣ очень рѣзкія черты. Это во 1-хъ, *податная задолженность населенія*, показывающая очень убѣдительными симптомами, что ему непосильны размѣры податного бремени, возложенные на него, для поддержанія государственныхъ потребностей, и что наша податная система необходимо нуждается въ живомъ и смѣломъ обновленіи. Вотъ цифры, отмѣчающія ростъ недоимокъ за послѣдніе годы:

Въ 1890	году	ихъ	было	. . . . .	64 мил. руб.
» 1891	»	»	»	. . . . .	94 » »
» 1892	»	»	»	. . . . .	140 » »
» 1893	»	»	»	. . . . .	142 » »
» 1894	»	»	»	. . . . .	150 » »

По подробному официальному обслѣдованію къ концу 1892 года недоимка, лежащая на сельскомъ населеніи, составляла 101,7% годового оклада сборовъ. Во всякомъ частномъ хозяйствѣ такіе размѣры недоплатъ текущихъ расходовъ возбуждаютъ уже тревожныя опасенія, и, разумѣется, цифры такого рода, относящіяся до главнаго источника госуд. доходовъ, заслуживаютъ отнюдь не меньшаго вниманія и заботы.

Далѣе, второй чертой той же картины, которую мы пытались набросать въ настоящемъ бѣгломъ обзорѣ,—являются *формы найма на земледѣльческія работы и формы аренды земли*, широко практикуемыя во многихъ мѣстностяхъ Россіи, а въ центральной земледѣльческой полосѣ Россіи являющіяся даже преобладающими. Ни въ чемъ такъ сильно не отражается переживаніе крѣпостного строя, какъ въ такъ называемыхъ крестьянскихъ отработкахъ, которые, по существу этихъ экономическихъ отношеній, а нерѣдко даже по формѣ возстановляютъ передъ взоромъ современнаго наблюдателя пѣльную картину крѣпостныхъ отношеній. Это не простая гражданская сдѣлка, и не даромъ еще не такъ давно реакціонныя газеты требовали введенія относящихся сюда нарушеній договора—въ кодексъ уголовныхъ преступленій и соотвѣтствующихъ наказаній. Одинъ довольно «яркій» писатель, г. Шараповъ, съ присущей ему восторженностію и беззаботной откровенностію, рисуя картину своего собственнаго способа хозяйничанія, — говорилъ буквально слѣдующее: «все лѣто у насъ почти возстановляется крѣпостное право, кромѣ конечно зуботычинъ и экзекуцій на конюшнѣ» *).

Идиллія, нарисованная г. Шараповымъ, имѣетъ мѣсто въ Смоленщинѣ. А вотъ что въ одномъ изъ недавнихъ изданій московскаго Императ. Общества сельскихъ хозяевъ **) говорится о центральной земледѣльческой Курской губерніи: «Благодаря недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и часто невыгодному ихъ положенію, на мужикѣ лежитъ масса отработокъ на экономіи: за землю онъ отрабатываетъ, за пастбище, въ большинствѣ случаевъ, тоже отрабатываетъ, рѣже платитъ деньгами; отрабатываетъ онъ за пользованіе экономическимъ быкомъ, даже за мытье своего бѣлья на экономическомъ берегу рѣки. Принимая въ разсчетъ эти условія, нельзя не согласиться съ тѣми гг. хозяевами, которые (въ нашемъ случаѣ г. Шараповъ) говорятъ, что крѣпостная зависимость еще существуетъ, только въ основѣ ея лежитъ не юридическое право, а

*) Пособіе молодымъ хозяевамъ, стр. 29.

**) Н. А. Чуйковъ. Курская губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи стр. 96.

экономическая сила помѣщиковъ съ одной стороны и необезпеченность крестьянскаго населенія съ другой».

Этимъ мы можемъ закончить бѣглый очеркъ тѣхъ условій, въ которыхъ застаетъ наше крестьянство 35-лѣтняя годовщина его освобожденія. Мы видимъ, что еще вся наша жизнь полна переживаніями дореформеннаго строя, и было-бы въ высшей степени интересно прослѣдить, въ какой мѣрѣ на всѣхъ остальныхъ ея областяхъ, на самыхъ сложныхъ ея проявленіяхъ отражается эта близость многомилліонной, не вполнѣ еще, даже юридически раскрѣпощенной массы, вліявшей въ самую цвѣтущую весну нашей общественности—какъ близость тающаго льда вліяетъ на сосѣднюю растительность. Во всякомъ случаѣ мы можемъ лишь съ глубокой благодарностію помянуть великую эпоху, могучимъ усиліемъ сдвинувшую съ мѣста гору крѣпостного рабства. Пусть эта гора удалена не вся, пусть нива нашей жизни еще загромождена ея обломками,—но все же главное сдѣлано. Вспомнимъ слова поэта, къ которому невольно обращается мысль, въ связи съ вопросами народнаго освобожденія:

Знаю, на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много другихъ.
Такъ! Но распутать ихъ легче народу.
Муза, съ довѣрьемъ привѣтствуй свободу!

Да, это была великая работа и вся наша жизнь еще наполнена ея отголосками. Огромная волна, поднявшаяся тогда—далеко не улеглась еще на взволнованной поверхности, и вся наша современность, въ главнѣйшихъ, въ самыхъ захватывающихъ ея проявленіяхъ представляетъ или предсмертное трепетаніе стараго, осужденнаго основными началами великой реформы, или нарожденіе и возрастаніе того новаго, что вызвано ею къ жизни. И надолго еще работа дальнѣйшаго просвѣщенія, освобожденія и окончательнаго раскрѣпощенія освобожденнаго 35 лѣтъ назадъ народа останется одной изъ первыхъ, изъ самыхъ неотложныхъ задачъ для всѣхъ наиболѣе чуткихъ къ требованіямъ жизни элементовъ нашего общества.

Н. Анненскій.

II.

Метаморфоза «Гражданина». — Нѣкоторыя новыя теченія въ нашей прессѣ.

Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго года князь Мещерскій объявилъ urbi et orbi, что онъ рѣшительно прекращаетъ съ 1-го января изданіе ежедневной газеты, и вотъ уже второй мѣсяцъ его «Гражданинъ» появляется только два раза въ недѣлю. Въ заявленіяхъ издате-

ля, которыми сопровождалась эта перемѣна, было много горечи. «Не разъ уже — писалъ кн. Мещерскій въ циркулярномъ посланіи къ предводителямъ дворянства,—я обращался къ гг. предводителямъ въ надеждѣ найти въ нихъ сочувствіе... Не скажу, чтобы эти обращенія были успѣшны..., тѣмъ не менѣе, какъ изволите видѣть, я... считаю малодушіемъ теперь, когда такъ печально положеніе земельнаго дворянства, бросить свою задачу въ печати... Вотъ почему, препровождая къ вамъ мое объявленіе объ изданіи (еженедѣльномъ) «Гражданина» на будущее время, *дѣлаю это только для очищенія совѣсти,* безъ *малѣйшихъ иллюзій на счетъ успѣха моего къ Вамъ обращенія*». Такъ можетъ писать только человѣкъ, дѣйствительно испытавшій глубокія и многократныя разочарованія. Мы помнимъ много заявленій кн. Мещерскаго, еще болѣе откровенно устанавливавшихъ фактъ, что «Гражданинъ» не имѣетъ почвы даже въ томъ самомъ дворянствѣ, которое онъ отстаиваетъ и защищаетъ. Дѣло дошло до такой печальной крайности, что уже въ августѣ прошлаго года «Новымъ Временемъ» были оглашены нѣкоторыя совершенно экстраординарныя мѣропріятія, которыми издатель «Гражданина» счелъ необходимымъ компенсировать равнодушіе отстаиваемаго имъ сословія, самымъ горестнымъ образомъ отражавшееся на подпискѣ.— «Какъ порядочный человѣкъ,—писалъ кн. Мещерскій по этому поводу,—отрицаю безусловно вліяніе психическое моихъ личныхъ типографскихъ интересовъ на мое мнѣніе о чиновникахъ контроля». Къ сожалѣнію, однако, объективные, а не психическіе только факты, констатированные чиновниками контроля, отрицанію совершенно не подлежали, и уже одна необходимость говорить о такой удивительной вещи, какъ «вліяніе психическое типографскихъ интересовъ» заключаетъ въ себѣ, очевидно, много той же неприкрашенной горечи, которой проникнуто и воззваніе къ предводителямъ.

Зато, обращаясь къ другой сторонѣ, къ своимъ принципіальнымъ противникамъ въ печати, которые, по мнѣнію кн. Мещерскаго, могли почерпнуть въ его отступленіи нѣкоторыя преувеличенныя надежды, издатель «Гражданина» говорилъ тономъ гораздо болѣе увѣреннымъ и отчасти даже высокомѣрнымъ. Онъ обѣщалъ во 1-хъ, что и его собственныя писанія, введенныя въ рамки еженедѣльныхъ бесѣдъ, станутъ значительно сосредоточеннѣе, а значитъ и гибельнѣе для либерализма, а во 2-хъ, что и ежедневный «Гражданинъ» не умираетъ весь, а лишь измѣняетъ шрифтъ и заглавіе. По словамъ кн. Мещерскаго, вѣрнымъ продолжателемъ его принциповъ во всей полнотѣ должна явиться газета «Петербургскія Вѣдомости», въ новой редакціи кн. Э. Э. Ухтомскаго.

Слѣдя, по хроникерской обязанности, за періодической прессой въ столицахъ и провинціи, мы, кажется, имѣемъ возможность засвидѣтельствовать, что опасенія издателя «Гражданина» въ этомъ отношеніи были нѣсколько преувеличены. Мы не замѣтили въ прессѣ никакихъ особенныхъ ликованій собственно по этому поводу, и ни-

какихъ преувеличенныхъ надеждъ не проявлялось Наоборотъ, даже въ отзывахъ самыхъ, повидимому, ярыхъ противниковъ бывшаго «Гражданина» проглядывала нота нѣкотораго, невольнаго впрочемъ, можетъ быть даже не вполнѣ сознательнаго сожалѣнія. Одна изъ провинціальныхъ газетъ дала этому чувству вполнѣ опредѣленную форму. По ея словамъ, ежедневная пресса въ лицѣ «Гражданина» даже много теряетъ, — было такъ удобно скрашивать порой скучную хронику нѣсколькими строками, наудачу взятыми изъ «Гражданина» и всегда способными внести нѣкоторое веселое оживленіе послѣ болѣе или менѣе мрачныхъ впечатлѣній нашей современности.

Намъ хочется прибавить и еще кое-что въ пользу удалившагося ежедневнаго «Гражданина»... Дѣйствительно ли онъ не выражалъ собою никакой общественной группы, дѣйствительно-ли за нимъ не стояло ничьего сочувствія и никто не встрѣчалъ съ восторгомъ его писаній, какъ это повторялось многократно и противниками кн. Мещерскаго, и имъ самимъ, между прочимъ въ горькомъ послѣднемъ обращеніи къ предводителямъ? Не думаемъ. Правда, упрекнуть газету въ особенной послѣдовательности по крупнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, т. е. въ томъ, что въ нѣкоторой части печати принято называть «доктринерствомъ»—никоимъ образомъ не приходится. Быть можетъ вслѣдствіе чрезвычайной нервности и отзывчивости почтенный органъ всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи по каждому вопросу не менѣе двухъ мнѣній, порой совершенно противуположныхъ. Чтобы не хвалить голословно, возьмемъ на удачу нѣсколько вопросовъ нашей жизни, на которые отзывался издатель «Гражданина». Напримѣръ: что есть община? — единственный оплотъ деревни и даже всей Россіи; «въ эпоху либеральныхъ вѣяній только охранительная сила общины дала рѣшительной отпоръ попыткамъ политической пропаганды, не смотря даже на слабый отпоръ «со стороны нѣкоторыхъ агентовъ власти». Но... что есть община? «Община есть открытая дверь для злоумышленниковъ» и потому ее необходимо отдать подъ строгій надзоръ земскаго начальника (Гр. 1893, № 318). Многіе еще помнятъ горячія статьи кн. Мещерскаго о паденіи у насъ чувства законности, и однако—законность «есть опасный лозунгъ либеральной смуты». Въ апрѣлѣ 1894 года, во мнѣніи князя Мещерскаго народное образованіе являлось столь важнымъ, само по себѣ, что передъ недостаткомъ въ средствахъ останавливаться не слѣдуетъ... Было бы искреннее (!) желаніе, и средства найдутся». Но уже въ октябрѣ 1895,—невѣжество есть главная сила государствъ. «Франція уцѣлѣла, не взирая на Робеспьера и на свою республику,—лишь потому, что осталась живою (sic) главная сила Франціи—*необразованность народа*». Образованіе же (въ октябрѣ 1895 г.) столь опасно, что «завтра сдѣлайся народъ образованнымъ — не останется во Франціи камня на камнѣ», изъ чего разумѣется можно

бы сдѣлать выводъ, что, вслѣдствіе своей крайней живости и способности увлекаться, князь Мещерскій въ апрѣлѣ 1894 года являлся чѣмъ то вродѣ россійскаго Робеспьера, подрывавшаго главную, «живую силу» собственнаго отечества. 25 ноября 1893 года князь Мещерскій горько сѣтуетъ на либеральныя вѣянія, давшія судебные уставы Импер. Александра II. Если бы не они,—«мы имѣли бы ускоренный и упрощенный судъ, съ хорошимъ окладомъ для хорошихъ должностныхъ лицъ, безъ всякихъ принциповъ независимости и безъ всякихъ комедій въ родѣ суда присяжныхъ»,—«самая жизнь въ этихъ условіяхъ—была бы вкуснымъ и сочнымъ плодомъ царскихъ дѣлъ, безъ всякой примѣси либеральщины» (1893 г., № 325). Да и старые, дореформенные суды «лучше ладили съ русскою жизнію, чѣмъ новые франко-итальянскіе (sic) съ ихъ чуждыми началами» (1894,—21 мая). Но 8 августа 1895 года оказывается уже, что «отличительными чертами дореформеннаго судопроизводства были: медленность, волокита, лицепріятіе, сутяжничество, крючкотворство и полнѣйшій произволъ... Прямо не вѣрится или вѣрнѣе не хочется вѣрить, чтобы это могло имѣть мѣсто въ сравнительно столь еще не далекомъ прошломъ» (цит. изъ Нижегор. Листка, 1895, № 217). Совершенно понятно поэтому, что для судебныхъ уставовъ, въ данномъ своемъ умонастроеніи, князь Мещерскій не находитъ словъ достаточно восторженныхъ. Съ ними, «благодаря державной волѣ Императора Александра II, для Россіи наступила новая свѣтлая эра судебной реформы и на мѣстѣ обветшалыхъ и загрязненныхъ зданій богини Ѳемиды, стали возвышаться новыя зданія, отличавшіяся строгой простотой, гармоніей частей, стройностію и съ девизомъ въ чисто христіанскомъ духѣ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ» (ib).

Эти примѣры, взятые нами совершенно наудачу изъ безчисленнаго множества другихъ, быть можетъ гораздо болѣе яркихъ,—мы привели отнюдь не въ укоръ нашему почтенному собрату. Насъ интересуетъ только вопросъ — гдѣ-же причина того любопытнаго явленія, что «Гражданинъ», не смотря на всѣ эти совершенно неожиданныя колебанія и скачки, не смотря на неустойчивость даже географическихъ своихъ взглядовъ, позволявшую ему упорно и многократно причислять румынъ къ славянскому племени, — все таки несомнѣнно шелъ во главѣ нашей «охранительной» прессы и его своеобразная, но яркая популярность въ печати и обществѣ оставляла далеко позади тусклое «направленіе» другихъ органовъ того же лагеря. Между тѣмъ, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и очень вѣроятно, что историку нашего недавняго прошлаго придется характеризовать эти годы, какъ время «популярности Гражданина». Очевидно, что, не смотря на всѣ противорѣчія, колебанія и самоотрицаніе въ столь многихъ случаяхъ, было нѣчто имманентное въ этой пестрой дѣятельности, что придавало ей все-таки характеръ живого литературнаго явленія,

стражающаго какую-то сторону нашей жизни. Полагаю, послѣ всего приведеннаго не менѣе очевидно, что это «нѣчто» лежитъ не въ вѣрности принципамъ и не въ цѣльности преслѣдуемой «Гражданиномъ» общественно-политической программы.

Мнѣ кажется, что разгадку интересующаго насъ вопроса слѣдуетъ искать въ нѣкоторыхъ объективныхъ «фактахъ и цифрахъ» нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденій. Мы, разумѣется, будемъ кратки и укажемъ только выдающіеся пункты изъ этой области. Крупнѣйшимъ изъ нихъ является несомнѣнно учрежденіе въ апрѣлѣ 1885 г. дворянскаго банка. Уже черезъ 4 года (въ 1889 г.) для надобностей того же дворянскаго банка выпускается особый выигрышный заемъ, такъ называемая въ просторѣчіи «дворянская лоттерея». Манифестомъ 1894 г. даруются дворянству особыя, чисто экономическаго характера льготы, состоящія: а) въ уменьшеніи % по ссудамъ изъ дворянскаго банка съ $1^1/_2$ до 4% въ годъ; б) въ такихъ же льготахъ заемщикамъ бывшаго «золотого банка», въ золотой сѣти котораго безнадежно билось множество запутавшихся дворянскихъ имѣній. Льготы по отношенію къ заемщикамъ дворянскаго банка еще не потребовали отъ государства особыхъ пожертвованій, такъ какъ покрываются пока фондомъ отъ реализаціи дворянской лоттереи 1889 г., но льгота по «золотому банку» уже потребовала отъ казны единовременнаго расхода въ $18^1/_2$ милліоновъ. Наконецъ, въ истекшемъ году послѣдовало уменьшеніе для землевладѣльцевъ крѣпостныхъ пошлинъ и пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ (по наслѣдству). Льгота эта требуетъ ежегоднаго пожертвованія со стороны казны въ 3.750,000 рублей. Прибавьте къ этому еще мѣры по облегченію кредита землевладѣльцамъ вообще подъ соло-векселя, подъ хлѣбъ и т. д., и затѣмъ вставьте въ эту хронологическую справку еще слѣдующія даты: 12 іюня 1886 г., принесшее «положеніе о наймѣ сельскихъ рабочихъ», въ которомъ проходитъ ясною нитью усиленное попеченіе о нуждахъ землевладѣльцевъ; 12 іюля 1889 г., отмѣченное одной изъ самыхъ знаменательныхъ въ томъ же направленіи реформъ—введеніемъ института земскихъ начальниковъ, и 12 іюня 1890,—когда такъ значительно усилено сословное начало и значеніе дворянства въ земствѣ,—и передъ вами предстанетъ основная нота послѣдняго десятилѣтія нашей жизни. Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить на точныхъ фактахъ, — въ какой мѣрѣ и какая часть сословія дѣйствительно съумѣла воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для укрѣпленія своего положенія среди остальныхъ дѣйствующихъ въ нашемъ обществѣ силъ,—что собственно и составляло задачу данной программы. Несомнѣнно, однако, что очень значительная часть этого сдѣлать не съумѣла, что для нея все это представлялось не временнымъ актомъ, дающимъ лишь матеріалъ для дальнѣйшихъ личныхъ усилій, а только началомъ постояннаго процесса, долженствовавшаго все возрастать и усиливаться въ без-

конечность. А это, разумѣется, совершенная утопія, и теперь ни для кого уже не тайна, что по этому пути пройдено гораздо больше, чѣмъ еще осталось пройти.

Въ этомъ лежитъ и объясненіе одного изъ настроеній—одной части нашего общества. Настроеніе это — ожиданіе, во 1-хъ, и разочарованіе, во 2-хъ. Ожиданіе неясное, неоформленное, неподлежащее вполнѣ точной формулировкѣ, а значитъ и полному удовлетворенію, но отъ этого не менѣе острое, напряженное и даже страстное; ожиданіе, закончившее или заканчивающее свой логическій кругъ и постепенно переходящее въ унылое разочарованіе.

Это то именно и отразилъ на себѣ «Гражданинъ» въ періодъ своего расцвѣта за послѣдніе годы. Что онъ не выражалъ собою мнѣній всего русскаго дворянства, этому приходится, конечно, вѣрить послѣ столь убѣдительныхъ заявленій, послѣдовавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Но по крайней мѣрѣ радости и надежды, торжество и ликованіе, неудовлетворенность, разочарованіе и мрачное уныніе одной части нашего первенствующаго сословія — онъ отразилъ съ яркостію и полнотой, придавшей ему значеніе замѣтнаго литературно-общественнаго явленія.

Нужно сказать, что кн. Мещерскій являлся просто провиденціальнымъ человѣкомъ для исполненія выпавшей на его долю задачи. Все, даже его неустойчивость и нервность, даже его превратныя географическія понятія, даже его противорѣчія —только усиливали впечалѣніе жизненности и соотвѣтствія отражащаго съ тѣмъ, что онъ отражаетъ. Извѣстно, что ожидающій человѣкъ нервозенъ, нетерпѣливъ, разсѣянъ, что онъ плохо вглядывается во все, не относящееся до предмета его ожиданій, что онъ готовъ отвѣтить и да, и нѣтъ одинаково на вопросы, предлагаемые посторонними. Все это потому, что онъ занятъ однимъ и только однимъ предметомъ. На все остальное онъ просто не имѣетъ никакихъ взглядовъ. Нельзя сказать, чтобы онъ очень любилъ старые порядки,—иначе онъ бы не могъ ихъ клеймить. Нельзя сказать, чтобы онъ глубоко ненавидѣлъ судебные уставы, — иначе онъ бы не прославлялъ ихъ съ такимъ внезапнымъ и неожиданнымъ краснорѣчіемъ. Земство и школа, духовное и свѣтское направленіе послѣдней, классическое и реальное образованіе, безграмотность и всеобщее обученіе, — все это пользуется, какъ мы видѣли, попеременно симпатіями князя Мещерскаго, все это онъ и проклинаетъ, и прославляетъ по очереди. Разумѣется, старые порядки онъ благословляетъ нѣсколько чаще, а проклинаетъ нѣсколько рѣже, но готовъ при случаѣ поступить и обратно, лишь бы... Лишь бы осуществилось главное, лишь бы «дали» опять и опять...

Вся литературная физіономія кн. Мещерскаго (а стало быть и его газеты) есть именно физіономія провиденціальнаго выразителя этой группы. Если не взгляды, то именно отсутствіе взглядовъ, если не какое нибудь устойчивое настроеніе, то именно неустой-

чивость ея настроенія онъ выразилъ полно и цѣльно. «Дневникъ мой, отъ такого то числа,—писалъ онъ въ концѣ апрѣля 1894 года.—написанный наскоро и сгоряча, является лишеннымъ всякой реальной почвы и мною затѣмъ долженъ быть признанъ плодомъ фантазіи». Вообще, кается онъ дальше, я очень часто, желая сдѣлать добро, дѣлаю зло и все потому, что человѣкъ въ такомъ настроеніи «слишкомъ много ощущаетъ, но размышляетъ недостаточно».

Совершенно понятно. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что и самые страстные почитатели «Гражданина» находились какъ разъ въ томъ же настроеніи. Они тоже ощущали очень много, но мало размышляли о будущемъ, они восторгались статьями «Гражданина» и благословляли его издателя, но тотчасъ же обращая взоры къ непосредственнымъ результатамъ этихъ страстныхъ воззваній,—забывали даже подписываться на газету, игнорируя прозаическіе, но существенные интересы издательской кассы. И судьба ихъ шла съ трагической параллельностью. Въ то самое время, когда князь Мещерскій величаво мрачными чертами рисовалъ образъ директора банка, представлявшійся настоящимъ Робеспьеромъ для неисправныхъ заемщиковъ,—у него самого произошелъ печальный конфликтъ съ какими то Робеспьерами изъ контроля. Онъ остался вѣренъ себѣ до полнаго великолѣпія! Чиновники придираются къ какимъ-то цифрамъ,—но вѣдь князю нужны были деньги, неужели это трудно понять? Увы!—цифры недоимокъ ростутъ и въ банковыхъ отчетахъ, указывая ясно, что дальше такъ идти не можетъ. Но вѣдь «намъ» нужно же какъ нибудь, что нибудь и откуда нибудь... Это тоже кажется довольно ясно!

И вотъ, лебединая пѣсня спѣта. Мотивы «Гражданина» становились все болѣе и болѣе мрачными,—и въ послѣднемъ обращеніи къ предводителямъ кн. Мещерскій излилъ горячее чувство «пророка въ своемъ отечествѣ». Vox clamantis in deserto—смолкаетъ. Правда, «Гражданинъ» будетъ всетаки выходить 2 раза въ недѣлю, но мнѣ кажется яснымъ, что для той задачи, которую онъ исполнялъ до сихъ поръ, это далеко недостаточно. Мы видѣли, что его главная сила—не въ аргументахъ и не во взглядахъ, а въ лирикѣ. Аргументировать довольно убѣдительно можно и разъ въ недѣлю. Но кричать съ успѣхомъ можно только ежедневно и неустанно, иначе крикъ не производитъ должнаго впечатлѣнія. А вопль, раздающійся съ длинными промежутками, — нѣтъ, это уже совсѣмъ не то, что было въ началѣ эры, отмѣченной въ нашей журналистикѣ разцвѣтомъ «Гражданина», и кажется, мы можемъ сказать, не рискуя ошибиться, что одно шумное явленіе исчезло съ нашего горизонта.

Что-же идетъ ему на смѣну? Князь Мещерскій старался увѣрить насъ, что его вполнѣ замѣнятъ намъ обновленныя «Петер-

бургскія Вѣдомости» кн. Ухтомскаго, и обѣ газеты обмѣнялись на порогѣ новаго года взаимными привѣтствіями самаго дружественнаго свойства. Уходившій «Гражданинъ» рекомендовалъ выступавшія въ новой редакціи «Вѣдомости»; послѣднія напутствовали удаляющагося собрата цитатой изъ него-же,—«исполненной глубокаго государственнаго смысла».

Намъ кажется, однако, что утрата, понесенная журналистикой въ лицѣ ежедневнаго «Гражданина», незамѣнима. Мы видѣли, что какъ пестрая и яркая, полная кипучими «ощущеніями» жизнь этой газеты, такъ и ея удаленіе далеко не случайны. А если такъ, то значитъ на ея мѣсто выступитъ нѣчто, хотя быть можетъ и родственное, но всетаки новое, или же на этомъ мѣстѣ будетъ зіять пустота. Физіономія новой газеты далеко не являетъ характерныхъ чертъ «Гражданина». Взгляды ея устремлены не столько въ направленіи дворянскаго банка, сколько на дальній востокъ, что придаетъ ей характеръ, если не экзотическій, то во всякомъ случаѣ оріентальный и какъ бы академическій. А пока нѣкоторыя новыя теченія въ нашей журналистикѣ, идущія какъ будто на смѣну означеннымъ выше,—ищутъ себѣ мѣста въ разныхъ органахъ и выражаются въ разныхъ формахъ.

Уже въ послѣдніе годы мы встрѣчали все чаще и чаще голоса дворянъ, звучавшіе далеко не въ унисонъ съ основной нотой «Гражданина». Не говоря уже о письмахъ гг. Протопопова, Жекулина и др., въ которыхъ сказывалось безповоротное осужденіе всѣхъ утопій извѣстной части дворянства,—можно было замѣтить то и дѣло пробивающееся наружу проявленіе недовольства со стороны помѣщиковъ, отстаивающихъ интересы совсѣмъ уже другой части сословія. Чтобы охарактеризовать кратко этотъ нарождающійся конфликтъ—скажемъ просто, что если «Гражданинъ» отстаивалъ главнымъ образомъ интересы плохихъ хозяевъ и неаккуратныхъ плательщиковъ, ожидающихъ непрестанной помощи извнѣ, то новое теченіе представляло собою попытку заявленій со стороны хозяевъ хорошихъ и плательщиковъ аккуратныхъ, не нуждающихся и не надѣющихся на новыя льготы, которымъ надоѣли какъ постоянно воинствующее настроеніе, такъ и неустанныя причитанія, особенно послѣ того, какъ выясняется все болѣе и болѣе дальнѣйшая ихъ безнадежность.

Князь Мещерскій, съ обычной своей чуткостью, уловилъ выступленіе новаго типа. Осенью прошлаго года въ «Гражданинѣ» появилась желчная замѣтка, которую газеты перепечатывали на своихъ столбцахъ, снабжая ее знаками удивленія и восклицанія. «Что мало по малу образуются типы помѣщиковъ новой формаціи—въ томъ нельзя уже сомнѣваться—писалъ князь Мещерскій, и къ этимъ типамъ надо пріобщить стараго барина, преобразовавшагося въ современнаго сельскаго хозяина». Это,—говоритъ онъ далѣе,—прежде всего кулакъ, «кулакъ по принципу и по убѣжденію, то есть такой кулакъ, который признаетъ кулачество един-

ственнымъ средствомъ сельскаго хозяйства и проповѣдуетъ и осуществляетъ это открыто и съ полнымъ courage de ses opinions. Зависимость крестьянина расчитана практическимъ умомъ кулака помѣщика, и онъ бойко ведетъ свое хозяйство, опираясь на крестьянскій трудъ, *безъ опасенія, что онъ ему измѣнитъ, какъ это бываетъ у помѣщиковъ-баръ*. У этихъ мужики то и дѣлаютъ, что берутъ задатки и уходятъ; это стало чуть ли не обычаемъ нравовъ; у помѣщика новой формаціи этихъ случаевъ не находимъ. Этотъ кулакъ такъ устраиваетъ, что за него и міръ, и кабатчикъ, а слѣдовательно и крестьянинъ волей-неволей долженъ исполнять обязательства». Въ заключеніе авторъ «Дневника» выражается объ одномъ хозяинѣ слѣдующимъ образомъ: «И съ полиціею друженъ, и съ земскимъ начальникомъ друженъ, и съ крестьянами друженъ, и съ помѣщиками друженъ, а кулакъ, и какой кулакъ!»...

Вы видите здѣсь ясное противупоставленіе двухъ типовъ: у помѣщика-барина, за котораго стоялъ все время «Гражданинъ»,—и рабочіе бѣгаютъ, и происходитъ война со всѣми, даже (кто изъ провинціаловъ этого не знаетъ) съ земскимъ начальникомъ, который,—несмотря на желаніе,—никакъ не можетъ на него угодить. У «новаго помѣщика» ничего этого нѣтъ, и со всѣми онъ хорошъ. «А кулакъ, да еще какой кулакъ»,—прибавляетъ князь Мещерскій! Разумѣется, мы не чувствуемъ особенной потребности брать на себя защиту «новаго типа», но насъ всетаки интересуетъ вопросъ,—почему же это «кулакъ» съ точки зрѣнія кн. Мещерскаго? Вѣдь въ сущности онъ дѣлаетъ лишь то самое, что и излюбленный его кліентъ, съ той лишь разницей, что дѣлаетъ это прилично и умѣло, ни съ кѣмъ не воюетъ, не отягчаетъ земскаго начальника невозможными требованіями отъ безпрестанно виноватаго мужика; друженъ даже и съ крестьянами. Неужели эти только черты и заслужили ему столь рѣзкую квалификацію и неужели признакомъ «барина», заслуживающаго всяческой поддержки, слѣдуетъ непремѣнно считать неумѣлое веденіе хозяйства, непрестанныя упованія, требованіе льготъ и войну противъ всѣхъ въ уѣздѣ?

Не лежитъ-ли разгадка этой странной враждебности «Гражданина» къ «новому типу» въ инстинктивномъ отвращеніи, какое всякій, уходящій со сцены, чувствуетъ къ своему замѣстителю, а наслѣдодатель къ тому, кто претендуетъ на его наслѣдство?

Дѣйствительно-ли однако этотъ новый типъ выступаетъ на сцену, дѣйствительно-ли на мѣсто неаккуратнаго плательщика, наполнившаго своими воплями о льготахъ десять лѣтъ и тысячи газетныхъ листовъ—выходитъ хозяинъ, ни о какихъ льготахъ не кричащій и обращающійся лишь къ землѣ и къ тѣмъ средствамъ и преимуществамъ въ жизненной борьбѣ какія даетъ ему его «помѣстное» положеніе? Отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно пока еще довольно трудно, однако наблюденія надъ провинціальной

жизнію и областной прессой указываютъ кое-гдѣ на признаки (правда слабые) появленія нѣкотораго новаго типа хозяина.

Прежде всего намъ вспоминается довольно длинное письмо въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», въ которомъ помѣщикъ горько жаловался на институтъ земскихъ начальниковъ. Это могло бы пожалуй показаться даже либеральнымъ, но въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о либерализмѣ, а просто о потравахъ: помѣщикъ-авторъ горько сѣтовалъ на то, что гг. земскіе начальники неаккуратно исполняютъ свои обязанности, почему сильно увеличиваются потравы, а всякій, рискующій затѣять дѣло и искать защиты противъ этого зла — оказывается втянутымъ въ безконечную и притомъ напрасную волокиту. Другая провинціальная газета помѣстила письмо дворянина-помѣщика, который не менѣе горько жаловался (совсѣмъ изъ другой мѣстности) на то, что, вслѣдствіе бездѣятельности земскихъ начальниковъ, въ крестьянствѣ распространяется даже убѣжденіе въ существованіи новаго закона, дозволяющаго рубить чужой лѣсъ. Толки эти вызваны были, будто бы, тѣмъ обстоятельствомъ, что гг. земскіе начальники, предаваясь охотѣ, рыбной ловлѣ и другимъ видамъ спорта,—совсѣмъ забросили многочисленныя дѣла о порубкахъ. Затѣмъ осенью 1894 года гжатское дворянское собраніе постановило даже ходатайствовать о возстановленіи мирового судьи— въ виду, между прочимъ, плохаго состава и незнакомства земскихъ начальниковъ съ мѣстными условіями. Насъ интересуютъ здѣсь именно мотивы, заставляющіе часть дворянства возвышать свой голосъ въ духѣ столь непріятномъ для «Гражданина» и вообще охранительной прессы. Потравы, лѣсныя порубки, волокита, незнаніе мѣстныхъ условій, недѣловитость, а временами еще (какъ въ разговорѣ князя Мещерскаго съ однимъ предводителемъ въ апрѣлѣ 1894 года) излишняя опека надъ крестьянами, спутывающая ясныя по существу взаимныя отношенія. Все мотивы чисто дѣловые, непосредственно практическіе, не имѣющіе ничего общаго ни съ какими отвлеченностями, и тѣмъ не менѣе приводящіе къ выводамъ, довольно неожиданнымъ.

Съ прошлаго, если не ошибаюсь, года въ «Новомъ Времени» стали появляться статьи курскаго помѣщика г. Ромера. Въ нихъ онъ во 1-хъ защищалъ крестьянина противъ ходячихъ обвиненій въ лѣни, повальномъ пьянствѣ и непстребимыхъ порокахъ, доказывая, что если ему платить за работу аккуратно и необидную цѣну, то мужикъ явится вполнѣ добросовѣстнымъ работникомъ, съ которымъ можно отлично вести дѣло. Вторая серія статей касалась опяти-таки института земскихъ начальниковъ, и г. Ромеръ подвергъ его тоже не особенно благосклонной критикѣ. Это вызвало весьма рѣзкія нападки охранительной прессы; однако, многія черты писаній г. Ромера показываютъ ясно, что было бы совершенно несправедливо видѣть въ немъ человѣка той или другой доктрины, послѣдовательно проводящаго свои взгляды.

Въ № 7170 «Новаго Времени» появилась новая статья того же автора, возбудившая нѣкоторую полемику въ интересующемъ насъ направленіи. Г. Ромеръ во 1-хъ упрекаетъ печать въ томъ, что она совершенно игнорируетъ интересы деревни, относится къ послѣдней съ преступнымъ пренебреженіемъ и, что еще хуже, обвиняетъ ее (т. е. опять таки деревню) въ выпрашиваніи подачекъ. Обвиненія эти, только повторенныя по поводу ходатайствъ послѣдняго съѣзда сельскихъ хозяевъ, приводятъ г. Ромера въ большое негодованіе.

Одно только представляется г. Ромеру нѣсколько непонятнымъ: «гдѣ же у насъ тѣ творящія силы, тѣ производительные работники, которые отъ избытковъ своихъ удѣляютъ крохи и нищенствующимъ представителямъ промысла сельско-хозяйственнаго? Ужъ не наши ли это заводчики и фабриканты выносятъ на своихъ могучихъ раменахъ жалкую русскую деревню? Или, можетъ быть, капиталисты, банкиры и акціонеры желѣзнодорожныхъ предпріятій принялись раздавать богатства свои нищимъ? Или, наконецъ, Господь настолько благословилъ труды нашей бюрократіи, что это она поддерживаетъ обездоленное существованіе землевладѣльцевъ, изъ ничего творя вѣчто, единственно остротою ума своего и неизсякаемымъ усердіемъ».

По словамъ г. Ромера, печать давно уже практикуетъ свои оскорбительные намеки о какомъ то попрошайничествѣ землевладѣльцевъ. Однако, порождены они не какими нибудь дѣйствительными ходатайствами землевладѣльцевъ, а самой прессой. Дѣло въ томъ, что «между органами печати существуютъ сугубые враги землевладѣнія, неотвязчивые и дѣйствительно опасные; это именно—непрошенные его защитники. Впервые наша печать заговорила о подачкахъ въ отвѣтъ на глупѣйшія статьи и пожеланія извѣстнаго «Гражданина», къ которому не преминули примазаться «Москов. Вѣдом.», именующія себя прямой наслѣдницей Каткова. Вотъ эти-то два непрошенные заступника землевладѣльцевъ-дворянъ зажгли весь сыръ-боръ... Однако, честно ли дѣлать послѣднихъ отвѣтственными за нелѣпости, изобрѣтенныя извѣстной частью самой же прессы? Вѣдь даже матеріальный неуспѣхъ «Гражданина» достаточно свидѣтельствуетъ о полномъ несочувствіи къ нему деревни». Г. Ромеръ считаетъ эти нападки совершенно несправедливыми и, довольно неожиданно, въ доказательство дѣйствительно печальнаго положенія землевладѣнія — приводитъ на нѣсколькихъ столбцахъ цифры, рисующія экономическій упадокъ и задолженность—крестьянъ! Въ оправданіе этой своеобразной аргументаціи онъ утверждаетъ, что интересы обоихъ землевладѣній (крупнаго и крестьянскаго) совершенно тождественны. «Неумолимый податной винтъ выжимаетъ на рынокъ крестьянскій хлѣбъ и несвоевременно, и въ количествѣ безусловно несообразномъ, а этимъ обезцѣнивается, разумѣется, вся совокупность нашего экспорта... Крупное землевладѣніе, при этомъ, очевидно, летитъ въ ту же бездну».

Не трудно, разумѣется, разглядѣть, что въ этой горячей тирадѣ скрыто нѣсколько очень крупныхъ недоразумѣній. Начать съ того, что русская печать никогда не игнорировала интересовъ деревни и всего сельско-хозяйственнаго промысла, а одно время вопросы деревни (въ широкомъ смыслѣ) заполонили всю прессу, начиная съ художественныхъ произведеній и кончая экономическими статьями. Она только не отождествляла «всей сельскохозяйственной промышленности» съ интересами крупнаго или даже средняго землевладѣнія, и аргументы, приводимые г. Ромеромъ въ пользу этого отождествленія, никакъ нельзя считать убѣдительными. «Податной винтъ» вліяетъ на пониженіе цѣнъ — это правда, и если бы измѣнить наши фискальные пріемы такъ, чтобы прекратилось искусственное и несвоевременное переполненіе рынка крестьянскимъ хлѣбомъ,—отъ одного этого несомнѣнно выиграло бы и «землевладѣніе». Гораздо труднѣе, однако, доказать обратное положеніе, хотя бы напримѣръ то, что льготы по займамъ землевладѣльцевъ, требующія воспособленія изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, поступаютъ въ сущности въ карманы крестьянъ. Вопросъ г. Ромера,—кто же это помогаетъ «нищенствующему землевладѣнію», стоитъ лишь поставить въ болѣе конкретной формѣ и отвѣтъ готовъ: разумѣется тѣ милліоны, которые пошли на указанныя нами выше льготы изъ государственнаго казначейства, — не жертвовались ни чиновниками, ни купцами. Здѣсь просто податная масса въ цѣломъ приносила жертвы въ пользу небольшой своей части.

Какъ бы то ни было, мы не имѣемъ въ виду полемизировать съ г. Ромеромъ. Насъ въ гораздо большей степени интересуетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ г. Ромеръ представляетъ собою дѣйствительно знаменіе времени; въ какой мѣрѣ появленіе отмѣченнаго нами теченія въ нашей прессѣ можно считать не случайнымъ, а устойчивымъ, соотвѣтствующимъ реальному явленію въ самой жизни, болѣе серьезному, чѣмъ то, которое отразилось въ «Гражданинѣ». Если да, то оно является значительно отличнымъ отъ сходящаго со сцены. Въ то время, какъ кліенты «Гражданина» и остальной охранительной прессы ставили вопросъ о «воспособленіяхъ» ясно и откровенно, г. Ромеръ, напримѣръ, старается устранить его, считая прямыя «подачки» чѣмъ-то унизительнымъ и непріятнымъ. Затѣмъ, вмѣсто интересовъ узко-сословныхъ, онъ выдвигаетъ интересы классовые, интересы дворянства замѣняетъ интересами землевладѣнія вообще, стараясь даже отожествить ихъ съ интересами всего русскаго земледѣльческаго промысла. Далѣе ,представители этого «новаго типа» относятся съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ представителямъ типа прежняго, недавно занимавшаго первый планъ во вниманіи правительства и общества; они стремятся къ установленію въ мѣстной жизни мирныхъ отношеній, на почвѣ законности и порядка, для чего непрочь обратиться къ извѣстному либеральному режиму въ

мѣстныхъ учрежденіяхъ... Вообще, по сравненію съ озлобленнымъ, безпокойнымъ и воинствующимъ клієнтомъ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей»—представитель «новаго типа» является спокойнымъ, умѣреннымъ и относительно прогрессивнымъ.

Въ томъ же нумерѣ «Новаго Времени», гдѣ появилась замѣтка г. Ромера,—помѣщена горячая передовая статья, въ которой газета привѣтствуетъ грядущую «организацію сельско-хозяйственной среды». Очень можетъ статься, конечно, что все это еще преждевременно, однако «логика событій» повидимому за эти предсказанія. Ну, что-жъ. Мы не думаемъ, во всякомъ случаѣ съ княземъ Мещерскимъ, что «новый типъ» хуже стараго.

Есть, однако, черта, которая можетъ все таки повести и къ дальнѣйшему взаимному неудовольствію между «новымъ типомъ» и русской прессой; не даромъ же на нее такъ желчно нападаетъ г. Ромеръ и многіе, многіе другіе. Она коренится именно въ стремленіи покрыть хотя бы и болѣе на этотъ разъ широкими классовыми, а не узко-сословными интересами интересы «всего сельско-хозяйственнаго промысла», всей «деревни» въ ея цѣломъ. Ясность въ постановкѣ вопросовъ всегда полезна, и надо надѣяться, что русская пресса не перестанетъ указывать на разницу, существующую между цѣлымъ и его частью, и на тѣ противорѣчія интересовъ, которыя могутъ вскрыться на этой почвѣ. **О. Б. А.**

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

По сбору пожертвованій на исправленіе памятниковъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ.

Остатокъ къ 1-му Февраля 1896 г. . . . . 1038 р. 10 к.

Поступило въ Февралѣ:

Изъ г. Елисаветполя.

Отъ	*А. Д. Февралева,* со. ст. Колѣно. . . .	1 р.	— к.
»	*П. С.*	»	50 »
»	*Д.*	1 »	— »
»	*О.*	1 »	— »
»	*А.*	— »	40 »
»	*С.*	— »	50 »
»	*Б.*	1 »	— »
»	*Е.*	— »	50 »
»	*Л.*	— »	50 »
»	*К.*	1 »	— »
»	*Ж.*	— »	50 »
»	*И.*	— »	50 »
»	*М.*	— »	60 »
	Итого.	1047 р.	10 к.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ѳ. Ѳ. ЗЕЛИНСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы). Проф. А. И. Воейковъ (географія). Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія). А. И. Сомовъ (изящн. искусства) Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.). Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство). Владиміръ Соловьевъ (философія). Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 33 полутома. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала «**Русское Богатство**»—Петербургъ, *Бассейная ул., д. 10*, и въ отдѣленіи конторы — **Москва**, *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей. **Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ.**

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

НОВАЯ КНИГА:

АННА.

РОМАНЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. АННЕНСКОЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 60 коп., въ переплетѣ съ силуэтами Е. Бёмъ 1 р. 20 к.

ПРОДАЕТСЯ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ Петербургской Конторѣ журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“ и въ Московскомъ Отдѣленіи конторы.

СКЛАДЪ изданія въ редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ“—Лиговка, 25.

Издатели: **Н. Михайловская.** **Вл. Короленко.**

Редакторы: **П. Быковъ.** **С. Поповъ.**

fgb,-